

ДИДРО

и

ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ.

Джона Морлея.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

В. Н. Невѣдомскій.

Издание К. М. Солдатенкова

Цена 2 р. 50 к.

МОСКВА

Типографія П. М. Мартынова, на Тверской улицѣ, домъ Якобчичевой.

1882.

ДИДРО

и

ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ.

Джона Морлея.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

В. Н. Невѣдомскій.

Издание Н. М. Солдатенкова.

7405-0

МОСКВА.

Типографія П. М. Мартынова, на Тверской улицѣ, домъ Логотиницовой.
1882.

Этой группой заканчивается ряд исследований о литературных произведениях, подготовивших французскую революцию. Она отличается от однородных с нею сочинений о Вольтере и Руссо большею полнотою фактических подробностей. Всякому образованному читателю болѣе или менѣе знакомы самые выдающіеся факты изъ жизни двухъ названныхъ знаменитыхъ писателей. Но касательно Дидро и Бруссва, въ которомъ онъ жилъ, нельзя рассчитывать на такое знакомство и потому я счелъ за лучшее отвести значительное мѣсто, — надѣюсь, не слишкомъ большое, по мнѣнію читателей, — для такихъ подробностей, которыя не многимъ отличаются отъ простаго изложенія фактовъ или отъ ихъ анализа. Такой приемъ по меньшей мѣрѣ дастъ читателю возможность уяснить себѣ, каковы были на самомъ дѣлѣ идеи, встрѣтившія такое сильное сочувствіе, благодаря социальному и экономическому положенію, въ которомъ находилась Франція наканунѣ революціи. Заблужденія группы энциклопедистовъ достаточно очевидны. Они были недавно выставлены въ яркомъ свѣтѣ въ остроумныхъ и одностороннихъ преувеличеніяхъ такого блистательнаго литератора, каковъ г. Тэнъ. Такъ какъ было бы менѣе трудно упустить изъ виду социальное значеніе и положительныя достоинства литературныхъ произведеній этой группы писателей, то — подобно тому какъ я это дѣлалъ въ сочине-

ПРЕДИСЛОВІЕ.

нѣхъ о Вольтерѣ и Руссо,—я главнымъ образомъ старался выяснитъ, какое выдающееся мѣсто должна занимать въ исторіи идей именно эта сторона ихъ дѣятельности.

Изданіе сочиненій Дидро, на которое я дѣлаю ссылки, исполнено въ двадцати томахъ покойнымъ Ассеза и Морисомъ Турнѣ. Сверхъ того мнѣ извѣстна только одна серьезная книга о Дидро, а именно прекрасное сочиненіе Розенбранца *Diderot's Leben.*, вышедшее въ 1866 и представляющее обильные результаты всестороннихъ и тщательныхъ изслѣдованій. На другія многочисленныя критическія статьи о Дидро, написанныя Раумеромъ, Арндтомъ, Геттнеромъ, Дамирономъ, Берсо и въ особенности Карлейлемъ, я не считаю нужнымъ настоятельно указывать.

Май, 1878.

Примѣчаніе къ новому изданію.

Послѣ того, какъ слѣдующія за симъ страницы уже были напечатаны, я получилъ изъ Америки письмо, касательно упоминаемаго на стр. 401 разговора между Франклиномъ и Рэйналемъ; въ этомъ письмѣ между прочимъ говорится:—«Передо мною лежитъ IV томъ *Американскаго юридическаго журнала*, изданнаго въ Филадельфій въ 1813 г. и тамъ на страницѣ 458 я нахожу полный текстъ «рѣчи, которую произнесла миссъ Полли Бэверъ въ *Коннектикутскомъ* судѣ, гдѣ производилось разбирательство ея уголовного дѣла.» Стало бытъ Рэйналь былъ бы правъ, еслибы вмѣсто Массачузета называлъ Коннектикутъ, и стало бытъ или Франклинъ сказалъ неправду или Силасъ Динъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I.—Предварительныя замѣчанія.

	Стр.
Церковь въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія	1
Новая фаза возстанія	3
Энциклопедія была ея символомъ.	4
Конецъ реакціи противъ Энциклопедіи.	6
Положеніе, которое занималъ Дидро въ это мѣ движенія.	6

Глава II.—Молодость.

Рожденіе и родина (1713).	8
Его семейство	9
Парижскіе литераторы	1
Дидро вступаетъ въ ихъ общество	12
Его жизнь въ Парижѣ: его симпатичный характеръ	14
Анекдоты о его добродушіи	16
Его снисходительность къ тѣмъ, кого отвергаетъ общество	19
Его литературная борьба	21
Женитьба (1743).	22

Глава III.—Первыя литературныя произведенія.

Неумѣнье пользоваться своими дарованіями	25
Сверхъ того Дидро былъ не столько великимъ писателемъ, сколько замѣчательнымъ собесѣдникомъ	28
Онъ былъ человекъ такого же типа, какъ Сократъ.	29
Работалъ по найму для книгопродавцевъ.	31
<i>Философскія мысли</i> (1746).	31
Вліяніе Шафтсбери	31
Цѣль <i>Философскихъ мыслей</i>	35
О достаточности натуральной религіи (1747).	42
Объясненіе привлекательныхъ сторонъ натуральной религіи	43
Надзоръ полиціи надъ литераторами	45
Двѣ черты изъ жизни писателей по найму.	46
Заарестованіе <i>Прогулки скептика</i> (1747)	47

	Стр.
Цѣль этого сочиненія	48
Волюмъ разказовъ (1748).	50
Мнѣнія Дидро о назначеніи и характерѣ женщинъ	53

Глава IV.—Новая философія.

Разказъ Вольтера объ операциі, исполненной Чесельденомъ	56
Дидро печатаетъ <i>Письмо о слѣпыхъ</i>	57
Значеніе этого письма.	58
Кондильякъ и Дидро	59
Содержаніе <i>Письма о слѣпыхъ</i>	59
Его главная сущность заключается въ примѣненіи условности къ понятію о Богѣ	61
Кэмбриджскій профессоръ Саундерсонъ	62
Приписываемое ему разсужденіе	63
Странное предвкусеніе одной знаменитой новѣйшей гипотезы	64
Критика Вольтера.	67
Вліяніе философической точки зрѣнія Дидро на теорію церкви	68
Это не былъ лишь метафизическій споръ	69
Примѣръ житейской оригинальности Дидро	70
Мѣста, интересныя въ литературномъ отношеніи.	71
<i>Письмо о глухо-нѣмыхъ</i> (1751)	72
Статія Кондильяка	73
Дидро посаженъ въ Венсенскую тюрьму (1749)	75
Его посѣщаетъ Руссо.	78
Разрывъ съ г-жою Пюизье.	79
Дидро освобожденъ изъ заключенія.	79

Глава V.—Энциклопедія.

(1) Ея исторія.

Прежніе примѣры энциклопедической идеи.	81
Настоящее происхожденіе Энциклопедіи Дидро.	83
Начало этого предпріятія.	84
Содѣйствіе д'Аламбера; его исторія и характеръ.	86
Мнѣнія Дидро и д'Аламбера объ обязанностяхъ литературы	89
Главный характеръ Энциклопедіи	90
Самые выдающіеся въ ней участники.	91
Непрошенные добровольцы.	95
Участіе въ ней Вольтера.	96
Стараніе не затрогивать господствовавшихъ предрассудковъ	98
Ея цѣлью была не литература, а жизнь	99
Появленіе перваго и втораго тома (1751—2).	101
Дѣло Де-Прада	101
Дидро вступаетъ за него (1752)	102
Отсюда происходитъ разрывъ между философами и янсенистами	102
Королевскимъ декретомъ приказано уничтожить два первыхъ тома (1752).	104

	Стр.
Неудачная попытка іезуитовъ продолжать начатое дѣло . . .	105
Издаются еще четыре тома	106
Седьмой томъ (1757).	106
Онъ возбуждаетъ сильную неприязнь	107
Буря усиливается благодаря сочиненію Гельвеція L'Esprit . . .	108
Мѣропріятія противъ Энциклопедіи	109
Ихъ внутреннее значеніе	109
Они совпадаютъ съ странной реакціей, происшедшей въ школь просвѣщенія	112
Удаленіе д'Аламбера	113
Дидро одинъ продолжаетъ дѣло въ теченіе семи лѣтъ	115
Мучительныя притѣсненія	116
Энциклопедія въ Версали	117
Воспроизведенія и подражанія	120
Денежное вознагражденіе Дидро	121

(2) Общее содержаніе.

Философскіе нападки переходятъ въ соціальныя	121
Обстоятельства, благодаря которымъ они оказываются прак- тически своевременными	122
Широкіе размахи вызваннаго Энциклопедіей переворота . . .	123
Положительное направленіе Энциклопедіи	124
Почему мы называемъ ее орудіемъ политическаго переворота .	125
Статьи о земледѣліи	127
O Gabelle и Taille.	127
О привилегіяхъ	128
О барщинѣ.	129
О милиціи	130
О вкладахъ на вѣчныя времена, ярмаркахъ и промышленныхъ гильдіяхъ.	131
О дичи и объ охотѣ.	131
Пристрастіе къ подробностямъ касающимся промышленности .	132
Какой смыслъ имѣла важность, придававшаяся промышленно- сти и наукѣ.	133
Интеллектуальная сторона переворота	134
Положеніе, занятое Энциклопедіей по отношенію къ религіи. .	136
Какія были цѣли Дидро въ этомъ вопросѣ	137
Въ какой мѣрѣ планъ изданія осуществлялъ его желанія . .	138
Предварительное объясненіе.	139
Призваніе пользы превій	140
И религіозной терпимости	141

(3) Статьи самого Дидро.

Ихъ огромное разнообразіе.	142
Постоянное стараніе внушать здравыя теоріи	143
И давать практическія указанія	144

	Стр.
Дидро не всегда стоялъ выше литературныхъ мелочей . . .	146
У него не было никакого расположенія къ бесплодной учености	147
Его отзывы о Монтэнь и Бэйль	149
Мѣстами онъ беретъ на себя роль моралиста	149
Измѣнчивое положеніе по отношенію къ теологій	150
Практическія искусства	151
Источники изъ вторыхъ рукъ	152
Несообразности	153
Разсужденія о метафизикѣ	155
О Спинозѣ	156
О Лейбницѣ	158
О свободѣ	159
Странное противорѣчіе съ самимъ собою	161
Политическія статьи	163
О правительственномъ механизмѣ	164
Предвкусеніе идей Кобдена	166
Заключеніе	168

Глава VI.—Общественная жизнь (1759—1770).

Отношенія Дидро къ дѣвицѣ Волянѣ	170
Его письма къ ней	171
<i>Сожсальнія о моемъ старомъ жалатѣ</i>	173
Отсутствіе домашняго комфорта	175
Его неукротимая жажда дѣятельности	177
Жизнь въ Гранвалѣ	178
Размышленія о человѣческой жизни	180
Онъ интересовался разсужденіями о человѣческихъ чувствахъ	183
Различныя высказанныя имъ мнѣнія	184
Замѣчаніе касающееся риторики	186
Впечатлѣніе, произведенное Англіей на Гольбаха	186
Два вопроса совѣсти	187
Разсказъ о людской порочности	190
Метода и геній: апологъ	191
Разговоръ	193
Обращеніе въ ничто	194
Характеристика вѣка	197
Неистощимое добродушіе Дидро	198
Аббатъ Ле-Монье	198
Дѣвица Жоденъ	199
Ландуа	199
Руссо	201
Гриммъ	203
Денежныя дѣла Дидро	205
Денежная помощь, оказанная ему императрицей Екатериной .	205
Французскіе книгопродавцы въ восемнадцатомъ столѣтіи . . .	206
Разговоръ между Дидро и д'Аламберомъ	210
Мнѣніе англичанъ о кружкѣ, къ которому принадлежалъ Дидро	212

IX.

Глава VII.—Театръ.

	Стр.
Въ какомъ смыслѣ Дидро былъ величайшимъ гениемъ своего вѣка	215
Отличительныя черты его теоріи драмы	216
Вліяніе Дидро на Лессинга	217
Его комедія <i>Незаконный сынъ</i> (1757).	217
Объясненіе ея достоинствъ	218
Его пониманіе важности пантомимы	220
Диалоги приложенные къ <i>Незаконному сыну</i>	222
Его вторая комедія <i>Отецъ семейства</i>	223
Одно коренное заблужденіе въ его теоріи драмы.	224
Скромное мнѣніе о своихъ собственныхъ произведеніяхъ.	225
Его восхищеніе Теренціемъ.	228
Дидро переводитъ Мурова <i>Игрока</i>	229
Отзывъ о Шекспирѣ	229
Парадоксъ касательно актеровъ	230
Разсказъ о Гаррикѣ	232
О правдѣ въ театральныхъ пьесахъ	233
Онъ не одобряетъ французскія классическія пьесы	234
Основанія драматическаго искусства	235
Дидро считаетъ себя творцемъ новаго рода драмы	237
Онъ не создалъ особой школы	238
Почему Энциклопедисты не могли ничѣмъ замѣнить классическую драму	240
Великая драма восемнадцатаго столѣтія	241

Глава VIII.—Племянникъ г-на Рамо.

Настроеніе ума, изъ котораго зародилось это сочиненіе	242
Его исторія	243
Различныя мнѣнія о цѣли произведенія	245
Тунейдець Ювенала	246
Лукіанъ	247
Какъ Дидро описываетъ своего оригинала	248
Это описаніе не безъ фантастическихъ штриховъ	249
Это было нѣчто болѣе чѣмъ литературное развлеченіе	250
Сарказмы касательно Палиссо	252
Споры о музыкѣ	253

Глава IX.—Другіе діалоги.

(1) <i>Разговоры отца съ своими дѣтьми</i>	255
Замѣчанія объ этомъ произведеніи.	
(2) <i>Несостоятельность сужденій публики о поступкахъ частныхъ лицъ</i>	260
Замѣчанія.	
(3) <i>Дополненіе къ путешествіямъ Бугенвилля</i>	264

Философская сторона сужденія неудовлетворительна	265
Онъ ничего не доказалъ своей критикой брака	269

Глава X.—Романы.

Отступление, которое необходимо, когда идетъ рѣчь о Дидро	271
Вліяніе Ричардсона на Европу	272
Дидро восхваляетъ его	273
Руссо и Ричардсонъ	274
Дидро пишеть <i>Монахию</i>	276
Обстоятельства, при которыхъ она была написана	277
Цѣль этого произведенія	278
Его характеристическія особенности	279
Стернь	279
Дидро пишеть <i>Jacques le Fataliste</i>	280
Исторія этого произведенія	280
Критика Гёте	281
Въ чемъ заключалось подражаніе Дидро Ричардсону и Стерну	282
Въ <i>Jacques le Fataliste</i> не было настоящаго творчества	283
Ничѣмъ не выкупаемая грубость произведенія	284
Отсутствіе въ немъ поэтичности и аромата	285

Глава XI.—Искусство.

Такъ называемые <i>Salons</i>	286
Достоинства, заключавшіяся въ этой критикѣ	287
Глубокія достоинства Дидро какъ критика	287
Французская критика произведений искусства	288
Дюфреснуа, Дюбо, Веббъ, Андрэ, Баттё	290
Путешественники по Италіи	291
Дидро никогда не былъ въ Италіи	291
Духъ французскаго искусства въ ту пору	292
Любимецъ Дидро—Грѣзь	293
<i>Accordée de Village</i> Грѣза	294
Гогартъ не могъ бы понравиться Дидро	296
Осмотрительность Дидро въ его критическихъ отзывахъ	297
Буше	297
Фрагонаръ	298
Дидро присовокупляетъ къ научной критикѣ литературную привлекательность	299
Его расположеніе уклоняться отъ предмета для нравственныхъ соображеній	300
Онъ указываетъ на годные для живописи сюжеты	302
Онъ объясняетъ, какъ можно бы было улучшить содержаніе картинъ	303
Доказательства разнообразія въ его приемахъ	303
Очеркъ Дидро о живописи	306

XI.

	Стр.
Комментаріи Гёте	306
Различіе типа между Гёте и Дидро.	307
Очеркъ Дидро о красотѣ	309
Онъ предвѣщаетъ идеи Лессинга	310
Музыка	312

Глава XII. — С.-Петербургъ и Гага.

Дидро рѣшается посѣтить императрицу Екатерину	314
Княгиня Дашкова	314
Князь Голицынъ.	315
Дидро въ Голландіи (1773)	315
С.-Петербургъ и русская цивилизація	317
Императрица	318
Отзывы о ней дѣловыхъ людей	319
Ея влеченія къ французской культурѣ	320
Участіе, которое она принимала въ партіи французскихъ философовъ.	321
Это отчасти было результатомъ политическихъ расчетовъ	322
Философы и раздѣлъ Польши	325
Разсказъ Рюльера о востшествіи Екатерины на престолъ	326
Фальконетъ былъ первый французъ, къ которому она отнеслась благосклонно	327
Дидро пріѣзжаетъ въ Петербургъ (1773)	328
Его разговоры съ императрицей.	329
Его политическія идеи не имѣли успѣха	330
Общее впечатлѣніе, которое онъ произвелъ	331
Гриммъ опережаетъ его въ расположеніи двора	331
Возвращеніе Дидро въ Гагу.	332
Разсказъ Бернштедта о немъ	333
Современная голландская литература	334
Гемстергюи.	336
Княгиня Голицына	337
Дидро возвращается въ Парижъ	338

Глава XIII. — Гельвецій.

Три произведенія, вдохновителемъ которыхъ считался Дидро	339
L'Esprit Гельвеція	339
Современный протестъ противъ этого сочиненія	340
Вѣская критика Тюрго	340
Настоящая цѣль этой книги.	342
Разсказъ о Гельвеціи	343
Стиль его книги.	347
Содержащійся въ ней многозначительный принципъ	347
Онъ заимствованъ отъ Гельвеція Бенхамомъ.	348
Гельвецій признаетъ теорію полезности.	349
Эта теорія оказывается въ его рукахъ неудачной	349

XII.

	Стр.
Его ложные выводы	351
Съ какой стороны его положенія вызвали опроверженія . .	351
Гельвецій опрометчиво берется за изложеніе правильной теоріи.	352
Смѣшеніе благотворительности съ себялюбіемъ	352
Подраженія Мандевиллю	353
Анекдоты.	353
Въ чемъ заключались заблужденія Гельвеція.	354
Объясненіе ихъ причинъ	355
Положительная сторона его философскихъ идей.	355
Настоящее ихъ значеніе	356
Второй важный парадоксъ въ L'Esprit	357
Адольфъ Бенжамена Констана	359

Глава XIV.—Гольбахова Система природы.

Появленіе въ свѣтъ <i>Системы природы</i>	361
Она произвела ошеломляющее впечатлѣніе	362
Тревога Вольтера	363
Онъ никогда не понималъ основной идеи Гольбаха	364
Свѣдѣнія о Гольбахѣ.	364
Его неуваженіе къ исторіи идей.	366
Его неистовые нападки на правительство	367
Причины этихъ нападокъ	368
Теорія, изъ которой зародилась книга Гольбаха	369
Что такое былъ натурализмъ Гольбаха.	370
Его мнѣнія о человѣкѣ.	370
Онъ употребляетъ ортодоксальныя выраженія, говоря о чело- вѣческой гордости.	376
Его взглядъ на нравственность	376
Его нападки на теорію свободы воли	377
Связь между детерминизмомъ и гуманностью уголовныхъ нака- заній	378
Его отвѣты на нѣкоторые возраженія противъ детерминизма .	379
Глава о безсмертіи души	380
Его влеченіе къ реформамъ	381
Литература политической революціи	382
Ложное понятіе о Гольбаховой этической теоріи	383
<i>Система природы</i> была протестомъ противъ аскетическихъ идеаловъ.	384
Содержаніе второй половины сочиненія	386
Онъ отвергаетъ апіористическій методъ	387
Возражаетъ противъ обычныхъ нападокъ на атеизмъ	388
Глава о превосходствѣ натурализма	389
Политическая сторона обвиненій противъ религіи	390
Наклонность Гольбаха къ пропагандѣ	390

XIII.

Глава XV.—Исторія Индіи Рэйналя.

	Стр.
Мнѣнія современниковъ объ <i>Исторіи Индіи</i>	392
Свѣдѣнія о Рэйналѣ	393
Составъ его сочиненія	396
Его разнородная популярность	396
Фридриху Великому оно не нравится	397
Выдающееся достоинство книги	398
Ея ошибки	399
Ея идиллическіе вымыслы	399
Живость и разнообразіе ея содержанія	402
Вышнія причины ея популярности	403
Болѣе глубокія причины	404
Католицизмъ въ соприкосновеніи съ низшими породами людей.	405
Другая сторона этого предмета	406
Книга Рэйналя была заступничествомъ за справедливость и человѣколюбіе	407
Нравственныя обязанности по отношенію къ низшимъ расамъ	407
Рабство	408
Образъ дѣйствій Рэйналя во время революціи.	410
Его смерть	411

Глава XVI.—Послѣдніе годы Дидро.

Его размышленія о жизни и смерти	413
Старость одолеваетъ его по возвращеніи изъ Россіи	414
Онъ пишетъ жизнь Сенеки	415
Ея достоинства	415
Почему карьера Сенеки была особенно интересна для Дидро	416
Странное отступленіе	417
Причины раздраженія Дидро противъ Руссо	418
Его обычное великодушіе	418
Сношенія Дидро съ Вольтеромъ	420
Нэжонъ	421
Разсказъ Ромильи о Дидро	422
Палиссо и консервативные писатели	423
Церковные поборники старой системы	425
Предшественники мало по малу сходятъ со сцены	426
Галіани	427
Marriage de Figaro Бомарше	428
Знаменитое двустипіе, написанное Дидро	428
Его дангскіе соотечественники	429
Послѣдніе дни	430

Глава XVII. Заключение.

Разнообразіе сюжетовъ у Дидро	432
1) Мысли касательно объясненія природы	433

XIV.

	Стр.
Loi d'Épargne Мопертюи	433
Общая цѣль афоризмовъ Дидро	433
Предсказаніе касательно геометріи	434
Утвержденіе, будто полезность устанавливаетъ границы философскихъ теорій	435
Другая сторона этого принципа	436
О конечныхъ причинахъ	437
Примѣненіе Лейбницава закона о сбереженіи силъ природы	438
2) <i>Сонъ д'Аламбера</i>	430
Дидро не былъ изобрѣтателемъ французскаго матерьялизма	440
Матерьялизмъ трехъ діалоговъ	441
Нравственныя возраженія дѣвицы Леспинаассъ	441
3) <i>Планъ университета для Россіи</i>	442
Религіозное образованіе	443
Латинскій и греческій языки	443
Письмо къ графинѣ Форбахъ	444
4) <i>Разговоръ съ супругой маршала ***</i>	444
Парабола о юномъ мексиканцѣ	445
5) <i>Письма къ Фальконету</i>	446
Дидро вступается за желаніе пользоваться расположеніемъ потомства	448

ПРИЛОЖЕНІЕ.

<i>Илемянникъ г-на Рамо</i> въ переводѣ	449
---	-----

О Ш И Б К А .

На стран. 24 сказано, что дѣвица Волянъ умерла въ 1774; но есть основаніе думать, что она умерла въ 1784 или 1785.

ДИДРО.

Г Л А В А I.

Предварительныя замѣчанія.

Въ прошедшемъ столѣтїи былъ такой моментъ, когда галликанская церковь надѣялась, что въ ея средѣ возстановится прежнее единодушіе и что для нея настанетъ прежнее благоденствіе. Эта непродолжительная эра упованій почти въ точности совпадаетъ съ половиной столѣтія. Въ то время Вольтеръ жилъ въ Берлинѣ въ изгнанїи. Авторъ *Персидскихъ Писемъ* и *Духа Законовъ* былъ уже старъ и близокъ къ смерти. Руссо переписывалъ на чердакѣ ноты. Энциклопедія возбуждала интересъ, но въ ней видѣли не болѣе какъ литературное предпріятіе нѣсколькихъ сговорившихся книгопродавцевъ. Янсенисты, бывшіе за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ столь многочисленными и столь бодрыми духомъ, имѣли теперь лишь очень мало послѣдователей въ средѣ французскаго духовенства. Великая корпорація служителей церкви достигла наконецъ того, что могла стоять несокрушимой твердыней насупротивъ своихъ враговъ— великихъ судебныхъ корпорацій. Правда, одинъ патріотическій министръ былъ такъ смѣлъ, что предложилъ обложить налогомъ церковную собственность, но церковь не поддалась и вышла изъ борьбы побѣдительницей. Именно въ то время были посланы войска для того чтобы отыскивать и разгонять собиравшихся въ пустынныхъ мѣстахъ протестантовъ, и ханжи приходили въ восторгъ при мысли, что тѣла пасторовъ будутъ качаться на висѣлицахъ, а еретическія конгрегаціи будутъ спасаться бѣгствомъ подъ выстрѣлами православныхъ мушкетеровъ. Австрійскій царствующій домъ былъ обо-

брань невѣрующимъ Фридрихомъ, но всему свѣту было извѣстно, что гордая и благочестивая императрица-королева скоро найдетъ случай для страшной отместки; при этомъ Франція была-бы на сторонѣ справедливости и истины. Въ то время можно было извинить увѣренность духовенства, что для суевѣрія, невѣжества, вредныхъ привиллегій и жестокости наступаетъ самая блестящая и самая торжественная пора, какой еще не было со временъ Реформаци.

Теперь намъ извѣстно, что этимъ пылкимъ надеждамъ было суждено оказаться обманчивыми, и что это должно было случиться очень скоро. Съ небольшимъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ торжественнаго введенія отвратительной системы исповѣдныхъ свидѣтельствъ, завершившаго собою рядъ доказательствъ церковнаго преобладанія, Парижъ сдѣлался свидѣтелемъ праздника въ честь Высшаго Существа и поклоненія Богинѣ Разума. Церковь только что стала впадать въ дремоту, когда ее разбудили самымъ грубымъ и рѣшительнымъ образомъ. Она увидѣла передъ собою самыхъ энергичныхъ, отважныхъ и счастливыхъ соперниковъ, какихъ когда либо вдохновлялъ духъ прогресса. Въ сравненіи съ этимъ новымъ нападеніемъ Янсенизмъ представлялся не болѣе какъ незначительнымъ эпизодомъ въ семейной ссорѣ. Томисты и Молинисты сдѣлались чѣмъ то въ родѣ союзниковъ, а квіетизмъ сталъ казаться не болѣе какъ ересью. Въ каждомъ вѣкѣ, даже въ самыя отдаленныя времена вѣры, появлялись нарушители умственнаго застоя. Послѣ того какъ Карлъ Великій ввелъ въ Европѣ новые порядки, почти каждое столѣтіе порождало какого нибудь индивидуума или какую нибудь небольшую группу людей, которые пускались въ провѣрку того или другаго пункта установленныхъ церковью вѣрованій, до которыхъ доходилъ слабый свѣтъ новой истины и которые старались доказать ошибочность, несостоятельность или непослѣдовательность старой системы мышленія. Вопросы, возникшіе въ самыхъ проницательныхъ умахъ сто лѣтъ тому назадъ, возникали и въ проницательныхъ умахъ людей жившихъ за нѣсколько сотъ лѣтъ передъ тѣмъ. И чѣмъ глубже мы проникаемъ въ исторію человѣческихъ мнѣній, тѣмъ болѣе зрѣтъ въ насъ убѣжденіе, что въ высшихъ философскихъ сферахъ нѣтъ такого вопроса, который былъ бы совершенно новъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли найдется и такой на него отвѣтъ, который былъ-бы совершенно новъ. Но церковь знала, какъ нужно справляться съ опиравшимися на человѣческій разумъ бунтовщиками, начиная съ Абельяра въ двѣнадцатомъ столѣтіи и кончая Джорданомъ Бруно и Ванини—въ семнадцатомъ. Эти люди дѣйствовали по одиночкѣ; они большею частію смирялись безъ сопротивленія; въ противномъ же случаѣ церковь доказывала, что у нея длинные когти и что ихъ уколъ причиняетъ смерть. Сверхъ

того, всѣхъ этихъ достохвальныхъ предвозвѣстниковъ новыхъ идей дѣлалъ безсильными одинъ важный недостатокъ, котораго не могла восполнить умственная пронизательность: у нихъ была научная идея, но у нихъ не было идеи социальной. Они были въ состоянн правильно опредѣлить достоинства силлогизма и настоящую сущность предмета. Они могли повѣдать Европѣ,—гораздо ранѣе чѣмъ это было дозволено церковью,—что солнце не вращается вокругъ земли и что напротивъ того земля вращается вокругъ солнца. Но они были совершенно неспособны справляться съ громадными трудностями нравственныхъ и социальныхъ задачъ. Это дѣло, неизмѣримо болѣе важное чѣмъ разъясненіе какихъ бы то ни было вопросовъ изъ физики, взяла на себя и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій исполняла церковь съ такимъ успѣхомъ, какой только былъ возможенъ при тогдашнихъ условіяхъ. Пусть тѣ писатели, которые незнакомы ни съ исторіей человѣчества ни съ человѣческой натурой, утверждаютъ, будто только естествознаніе въ состоянн улучшить социальные условія нашей жизни. Здравый смыслъ цѣлаго міра всегда протестовалъ противъ этого грубаго заблужденія. Этотъ протестъ ясно выразился въ томъ, что въ теченіе столѣтій всѣ молча подчинились системѣ управленія, существовавшей въ Западной Европѣ, несмотря на то, что съ точки зрѣнія разсудка она была неудовлетворительна.

Въ началѣ второй половины прошедшаго столѣтія, протестъ противъ притязаній церкви и противъ католическихъ догматовъ выразился при одномъ изъ самыхъ важныхъ фазовъ своего развитія въ новомъ и очень знаменательномъ фактѣ. Въ этомъ фазѣ онъ вдохновился въ одно и тоже время и научной идеей и социальной. Это былъ шагъ впередъ и въ сферѣ знаній и въ сферѣ нравственныхъ мотивовъ. Онъ опирался на такую точку зрѣнія, которая хотя и была отчасти незрѣла и неправильна, однако, подобно той высокой точкѣ зрѣнія, на которой стояла церковь, обнимала собою человѣческую жизнь въ ея цѣлости. Правила нравственности, положительныя законы, общественный порядокъ, домашняя жизнь, свойство и предѣлы человѣческаго знанія, организація физическаго міра—все это одно вслѣдъ за другимъ высвободилось изъ-подъ гнета богословскихъ толкованій. Окончательное философское направленіе вѣка во Франціи, олицетворявшееся въ Дидро, стало теперь клониться къ новому социальному синтезису, построенному на чисто положительномъ фундаментѣ. Еслибы это направленіе присовокупило къ остальному своему содержанію пониманіе исторіи, его цѣль могла бы быть успѣшно достигнута. Но во всякомъ случаѣ его руководители обозрѣвали все поле дѣятельности съ такою акуратностью и на такомъ далекомъ разстоянн, какія только были возможны при

имѣвшихся въ ихъ распоряженіи средствахъ, и разбросали по всему міру массу такихъ идей, которыя тотчасъ вступили въ энергическую борьбу съ старой системой, покоившейся на авторитетѣ. Великимъ символомъ такого расширившагося въ объемъ протеста и была энциклопедія.

Энциклопедія въ сущности была столько же протестомъ противъ старой теоріи сколько протестомъ противъ старой организаціи общества. Главная суть изложеннаго въ ней правоученія можетъ быть выражена въ слѣдующихъ общихъ чертахъ: человѣческая натура хороша, изъ нашего міра можно сдѣлать приятное мѣстопробываніе, зло есть плодъ дурнаго образованія и дурныхъ учреждений. Эта симпатичная теорія поражаетъ теперь нашъ слухъ какъ общее мѣсто и какъ триумфъ. А лѣтъ сто тому назадъ она была во Франціи удивительною новинкой и началомъ новыхъ порядковъ. Это былъ новый великій принципъ, противопоставленный аскетизму въ жизни и нравственности, формализму въ искусствѣ, абсолютизму въ социальныхъ порядкахъ и обскурантизму въ мышленіи. Съ тѣхъ поръ всякое социальное улучшение было въ той или другой формѣ плодомъ этой доктрины. Убѣжденіе, что характеръ и участь людей могутъ быть безконечно измѣняемы къ лучшему, сдѣлалось необходимымъ antecedентомъ для всякаго общаго и энергическаго усилія измѣнить окружающія человѣка условія жизни. Громадное вліяніе, оказываемое раннимъ образованіемъ, законами и системой общественнаго устройства на пластическіе до безконечности импульсы человѣческой натуры—вотъ тотъ принципъ, который привлекалъ къ общему дѣлу людей съ самыми различными характерами и наклонностями. Всякому понятно, къ какимъ широкимъ и глубоко проникающимъ въ сущность предметовъ выводамъ могла привести эта доктрина; всякому понятно, что она затрогивала всѣ вопросы, находящіеся въ связи съ психологіей и съ образованіемъ характеровъ, что она проникала въ самыя основы нравственности, что она освѣщала новымъ и нежеланнымъ свѣтомъ догматы старой теологіи, что она придавала новое значеніе всѣмъ выводамъ реального знанія и практическимъ искусствамъ, что она усиливала интересъ всего, что касается домашней жизни, законодательства и управленія.

Смертельная досада, съ которой духовенство смотрѣло на труды Энциклопедистовъ, была вполне естественна. Ученіе церкви изображало человѣка павшимъ и нравственно испорченнымъ. А новое свѣтское ученіе и по буквѣ и по духу противорѣчило въ тысячѣ пунктовъ старымъ священнымъ истинамъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не было такого противорѣчія, возбуждаемый новымъ ученіемъ живой интересъ и его привлекательность набрасывали на старыя истины тѣнь пренебреженія. Возбуждать въ людяхъ сильную любо-

знательность и надежду касательно всего земнаго значило ослаблять ихъ заботливость о царствѣ небесномъ. Пробуждать въ нихъ стремленіе къ социальнымъ улучшеніямъ значило уничтожать самыя скандальныя и самыя вопіющія изъ существовавшихъ тогда социальныхъ злоупотребленій. Старая духовная власть утратила прежнее умѣнье ловко и осторожно управлять умами. вмѣсто того, чтобы быть руководительницей и наставницей органовъ свѣтской власти, она сдѣлалась самой вредной соучастницей въ ихъ злоупотребленіяхъ. Энциклопедія была ничто иное какъ безформенная, переходная и временная организація новой духовной власти. Школа, выразившая въ ней свои идеи, завладѣла высшимъ руководствомъ надъ умами благодаря единственному достоинству, дающему на это право, — благодаря старанію выяснить общественныя нужды и найти средства для ихъ удовлетворенія.

Давно уже нашъ ветеранъ-юмористъ рассказывалъ намъ на своемъ причудливомъ языкѣ, что важность дѣяній французской философіи, изложенныхъ на цѣлыхъ десятинахъ печатныхъ словъ, почти испарилась, что знаменитое энциклопедическое древо не принесло плода, и что великій Дидро сузился до размѣровъ легко измѣримаго человѣка. Юмористическій методъ конечно представляетъ очень удобное средство для составленія подобныхъ приговоровъ и для выраженія подобныхъ идей. Самые великіе люди сдѣлаются легко измѣримыми, если будетъ установлена мѣрка на половину трансцендентальная, на половину циническая. Болѣе здравая и болѣе терпѣливая критика иначе оцѣниваетъ выдающіяся личности прошлаго. Она старается выяснитъ ихъ отношенія къ великому мировому движенію впередъ и спрашиваетъ, въ какую сторону небеснаго пространства были устремлены ихъ взоры, — къ востоку ли, откуда показываются новые лучи свѣта, или къ западу, гдѣ старые лучи безвозвратно померкли. Сверхъ того, болѣе здравая критика напоминаетъ намъ, что пионеры на прогрессивномъ пути рѣдки, что ихъ жизнь тяжела и наполнена страданіями, и что ихъ услуги передъ человѣчествомъ неоцѣнимы. Одинъ болѣе великій писатель чѣмъ Карлейль сказалъ: «Дидро — оригинальная личность; всякій кто дешево цѣнитъ его самого или его дѣятельность — филистеръ, а имя такимъ людямъ легіонъ. Люди не научаются ни отъ Бога, ни отъ природы, ни отъ своихъ ближнихъ, какъ относиться съ признательностью къ тому, что неоцѣнимо по своему достоинству» (Гёте). Дѣйствительно, чрезмѣрное филистерство лежало въ основѣ великой умственной реакціи, которая слѣдовала за революціей, и даже такіе ея апостолы, какъ Вордсвортъ и Карлейль, не вполне избавились отъ этой заразы.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, — когда писалъ Карлейль, — преду-

бѣжденному читателю можетъ быть дѣйствительно могло показаться, что энциклопедическое древо не принесло плода. Но и въ то время и даже тогда, когда критика была погружена въ бесплодную трансцендентальность, бывшую тогда въ модѣ, было бы можно ожидать признанія того факта, что сѣмя всѣхъ великихъ улучшеній, которыя доставила Франціи революція, не смотря на составлявшія ея хвостъ страшныя несчастія, было посѣяно Энциклопедистами. Но теперь, когда туманъ трансцендентальной реакціи начинаетъ разсѣиваться, мы видимъ, что движеніе умовъ, которому дала толчокъ Энциклопедія, снова въ полномъ ходу. [Матеріалистическіе выводы при изученіи человѣка, гуманныя цѣли законодательства, натурализмъ въ искусствѣ, живая вѣра въ способность человѣческихъ учрежденій совершенствоваться, — вотъ въ чемъ снова заключаются отличительныя черты философскихъ теорій и руководящихъ идей въ практической дѣятельности.] Философія перестала играть роль вставки, окружаемой скобками. Въ исторіи преобразованія основъ мышленія восьмидесятилѣтній перерывъ занимаетъ не болѣе мѣста, чѣмъ морганіе глаза въ человѣческой жизни. А этому перерыву теперь насталъ конецъ. Европа снова видитъ стоящихъ лицомъ къ лицу старыхъ противниковъ — церковь и социальную философію, медленно подвигающуюся къ разработкѣ своихъ основныхъ идей въ положительную науку. Намъ не можетъ не интересоватъ разслѣдованіе цѣлей, средствъ и степени успѣха тѣхъ, кто, сотню лѣтъ тому назадъ, самымъ яснымъ образомъ предвидѣлъ, каково слѣдуетъ ожидать глубокаго и обширнаго измѣненія въ идеяхъ западной Европы. Намъ всего удобнѣе разслѣдовать это въ связи съ біографіей Дидро.

Все равно — принимаемъ ли мы или отвергаемъ энергическое утвержденіе Конта, что Дидро былъ величайшимъ гениемъ восемнадцатаго столѣтія, мы по меньшей мѣрѣ не можемъ отрицать того, что онъ былъ однимъ изъ членовъ великой партіи просвѣщенія съ полнымъ правомъ называться философомъ. Вольтеръ и Руссо стояли во главѣ двухъ важныхъ школъ и каждый изъ нихъ оставилъ по себѣ глубокіе и ясно распознаваемые слѣды своего вліянія на мнѣнія и событія своего вѣка. Было бы не трудно доказать, что ихъ вліяніе было шире чѣмъ вліяніе того философа, который видѣлъ недостатки и того и другаго. [Но Руссо вдохновлялся страстью и чувствомъ, а Вольтеръ обладалъ лишь блестящимъ и проницательнымъ рационализмомъ.] Только у одного Дидро, въ этомъ знаменитомъ тріо, была въ умѣ идея о научномъ методѣ; только у него замѣтно пониманіе важности теоріи — важности широкихъ органическихъ и руководящихъ идей. Онъ обладалъ рѣдкой способностью къ настоящему философскому мышленію. Хотя онъ былъ неизмѣримо ниже

Вольтера и Руссо по таланту литературнаго изложенія, онъ въ такой же мѣрѣ превосходилъ ихъ шириною и реальностью своего принципа. Отъ него ведетъ свое начало натуральная, реалистическая и симпатическая школа литературной критики. Онъ пытался создать новыя формы для драмы. Какъ въ произведеніяхъ фантазіи, такъ и въ критикѣ его дѣятельность была постояннымъ обращеніемъ отъ искусственныхъ условій классическихъ школъ къ дѣйствительнымъ условіямъ общественной жизни. То же самое направленіе въ связи съ общими стремленіями его философскихъ теорій возвысило его до уровня тѣхъ немногихъ людей, которые были самыми замѣчательными и самыми безпристрастными изслѣдователями человѣческой природы и условій человѣческой жизни. Такой оригинальный и дѣятельный умъ былъ-бы способенъ заинтересовать насъ даже независимо отъ выдающагося мѣста, которое онъ занимаетъ въ исторіи литературы и идей.

ГЛАВА II.

Молодость.

Дени Дидро родился въ Лангрѣ въ 1713 и, стало быть, былъ нѣсколькими мѣсяцами моложе Руссо (1712), почти двадцатью годами моложе Вольтера (1694), двумя годами моложе Юма (1711) и одиннадцатью годами старше Канта (1724). Онъ происходилъ отъ стараго и пользовавшагося хорошей репутаціей рода. Члены его семьи въ прямой нисходящей линіи участвовали не менѣе чѣмъ въ теченіи двухъ столѣтій въ обширной мѣстной промышленности—въ ножевомъ ремеслѣ. Дидро любилъ напоминать о засвидѣтельствованныхъ исторією доблестяхъ своего роднаго города, начиная со временъ Юлія Цезаря, древнихъ Лингоновъ и Сабина и вплоть до временъ Великаго Монарха. Повинуясь наклонности своего поколѣнія объяснять нравственныя свойства людей климатическими условіями, онъ приписывалъ живость и подвижность мѣстнаго населенія вліянію частыхъ и рѣзкихъ атмосферическихъ перемѣнъ отъ жары къ холоду, отъ спокойствія къ бурѣ, отъ дождя къ солнечному сіянію. «Такимъ образомъ они съ самаго ранняго дѣтства привыкали мѣняться вмѣстѣ съ направленіемъ вѣтра. У жителей Лангра голова на плечахъ похожа на тотъ флюгеръ, который торчитъ на верхушкѣ церковнаго шпица. Она никогда не останавливается на одномъ пунктѣ; если же она возвращается на тотъ пунктъ, на которомъ была прежде, то это вовсе не для того, чтобъ на немъ остановиться. При удивительной подвижности въ своихъ побужденіяхъ, желаніяхъ, планахъ, фантазіяхъ и идеяхъ, они отличаются отсутствіемъ дара слова. Что касается до меня, то я дитя моей родины». Это было вполне вѣрно. Онъ унаслѣдовалъ всю измѣн-

чивость своихъ соотечественниковъ, всю ихъ быструю стремительность и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую долю ихъ неумѣнья выразаться.

Его отецъ былъ изъ числа самыхъ честныхъ, прямодушныхъ, трудолюбивыхъ и здравомыслящихъ людей. Дидро всегда жалѣлъ, что со старика не сняли портрета въ то время, какъ на немъ надѣтъ былъ фартукъ, на носу были очки, а рука держалась за колесо точильнаго камня. Послѣ его смерти, ни одинъ изъ сосѣдей не могъ безъ слезъ говорить о немъ съ сыномъ. Какъ ни была сумасбродна и безпорядочна жизнь, которую велъ Дидро въ молодости, онъ всегда питалъ искреннюю привязанность къ своему отцу. «Одной изъ самыхъ пріятныхъ минутъ въ моей жизни», — сказалъ онъ однажды, — «была та, которую я пережилъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ и которая сохранилась въ моей памяти такъ свѣжо, какъ будто это случилось вчера; я возвращался изъ школы, мои руки были завалены полученными наградами, на моихъ плечахъ лежали полученные мною вѣнки, которые были слишкомъ велики и потому сползали съ моей головы. Лишь только отецъ увидѣлъ меня, онъ оставилъ работу, бросился къ дверямъ мнѣ на встрѣчу и заплакалъ. То было прекрасное зрѣлище — серьезный и безукоризненный человекъ, растроганный до слезъ». 1) О его матери мы имѣемъ мало свѣдѣній. У него была сестра, которая, какъ кажется обладала неразвитыми задатками его собственныхъ наклонностей. По его словамъ она была «жива, дѣятельна, любезна, рѣшительна, легко входила въ обиду, медленно приходила въ себя, мало заботилась о настоящемъ или будущемъ и неохотно подчинялась чужой волѣ или обстоятельствамъ; она была свободна въ обращеніи, и еще болѣе свободна въ разговорахъ: это было нѣчто въ родѣ Диогена въ юбкѣ.... Мнѣ никогда не случалось встрѣтить другое созданіе столь оригинальное и съ такими же рѣзкими особенностями; это — олицетворенная доброта, но съ особенной фізіономіей». 2) У его единственнаго брата проглядывали нѣкоторыя изъ тѣхъ же семейныхъ свойствъ, но въ болѣе блѣдномъ и непривлекательномъ видѣ. Изъ него вышелъ аббатъ и святоша, сварливый и недовѣрчивый человекъ, столь же чрезмѣрно склонный къ набожности, сколько знаменитый его братъ былъ склоненъ къ противоположному. «Онъ былъ бы хорошимъ другомъ и хорошимъ братомъ», — писалъ Дидро, — «еслибы религія не заставляла его заглушать въ себѣ такія низкія влеченія. Онъ — хорошій христіанинъ, ежеминутно доказывающій мнѣ, что было бы лучше, еслибы онъ былъ хорошимъ человекомъ. На его примѣрѣ видно, что такъ называемое еванге-

1) Oeuv., XVIII. 505.

2) Ibid. 364.

лическое совершенство есть ничто иное, какъ вредное искусство заглушать природу, которая вѣроятно и въ немъ заговорила-бы такъ же сильно какъ во мнѣ» 1).

Точно такъ, какъ и многіе другіе реформаторы восемнадцатаго столѣтія, Дидро былъ воспитанникомъ іезуитовъ. Его пылкій, порывистый, не въ мѣру живой темпераментъ не разъ вовлекалъ его въ порочные поступки. Но его живой и дѣятельный умъ преодолѣлъ всѣ препятствія. Его наставники, всегда предусмотрительно отыскивавшіе людей съ выдающимися способностями, надѣялись завербовать его въ члены своего ордена. Неизвѣстно ими-ли, или имъ самимъ былъ задуманъ планъ бѣгства изъ родительскаго дома, но во всякомъ случаѣ слухъ объ этомъ дошелъ до отца. «Мой дѣдъ», — писала дочь Дидро, — «хранилъ самое глубокое молчаніе, но уходя спать, захватилъ съ собою ключи отъ выходной двери». Услышавъ, что сынъ спускается съ лѣстницы, онъ догналъ его и спросилъ, куда ему понадобится идти въ полночь. «Въ Парижъ», — отвѣчалъ юноша, — «для того чтобъ поступить къ іезуитамъ». «Этого не будетъ сегодня ночью; впрочемъ ваше желаніе будетъ исполнено, но прежде того мы должны выспаться». На другой день утромъ его отецъ взялъ два мѣста въ почтовой каретѣ, и отвезъ его въ Парижъ въ учебное заведеніе Гаркуръ. Приведя все въ порядокъ, онъ простился съ сыномъ. Но добрый старикъ горячо любя этого мальчика, не былъ въ состояніи покинуть его, не убѣдившись хорошо ли ему тамъ; онъ имѣлъ терпѣніе выждать цѣлыхъ двѣ недѣли, кое какъ убивая свое время и смертельно скучая въ гостинницѣ, и даже не видаясь съ тѣмъ, для кого онъ оставался въ Парижѣ. По истеченіи двухъ недѣль, онъ отправился въ учебное заведеніе и Дидро не разъ говаривалъ, что такое доказательство заботливости и привязанности заставило бы его пойти на другой край свѣта, еслибы только этого пожелалъ его отецъ. «Другъ мой», — сказалъ ему старикъ, — «я пришелъ освѣдомиться, хорошо-ли вамъ, довольны-ли вы вашимъ начальствомъ, вашей пищей, вашими товарищами и самимъ собою. Если вамъ не хорошо или если вы недовольны, мы вмѣстѣ возвратимся къ вашей матери. Если же вы желаете тутъ остаться, то я пришелъ сюда для того, чтобъ поговорить съ вами, чтобъ обнять васъ и оставить вамъ мое благословеніе.» Мальчикъ объявилъ, что онъ совершенно доволенъ, а его начальникъ сказалъ, что онъ отлично учится, но что уже замѣтно, что онъ не всегда будетъ изъ числа послушныхъ 2).

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ молодому Дидро, какъ и всѣмъ

1) Oenvres, XVIII, 379.

2) Ibid., I. 30.

другимъ сынамъ Адама, пришлось подумать о добываніи средствъ существованія. Тогда наступила обычная борьба между юношескими влеченіями и старческою опытностью. Его отецъ, принадлежавшій къ числу людей съ состояніемъ, предоставилъ ему выборъ между медициной и законовѣдѣніемъ. Но отъ законовѣдѣнія онъ отказался, потому что не желалъ тратить свое время на заботы о чужихъ дѣлахъ, а отъ медицины потому, что не имѣлъ наклонности убивать людей. Тогда отецъ рѣшительно отказался доставлять ему денежные средства и Дидро долженъ былъ рассчитывать лишь на свои личныя способности.

Въ концѣ первой половины прошедшаго столѣтія въ Парижѣ, точно такъ какъ и въ Лондонѣ, на литераторовъ смотрѣли какъ на отверженцевъ и прощелыгъ. Вольтеръ, Грэй и Ричардсонъ были едва ли не единственные три выдающіеся писателя того времени, никогда не знавшіе, что значить голодать или выходить изъ дому, не имѣя на себѣ рубашки. Но ни одинъ изъ нихъ не зависѣлъ въ средствахъ существованія отъ произведеній своего пера. Всѣ другіе писатели того времени, произведенія которыхъ впоследствии услаждали и поучали весь міръ, начали свою карьеру горемыками и бездомными скитальцами, а многіе изъ нихъ провели такъ всю свою жизнь и такъ-же ее кончили. Фильдингъ и Коллинсъ, Гольдсмитъ и Джонсонъ въ Англіи, Гольдони въ Италіи, Вовенаргъ, Мармонтель, Руссо во Франціи, Винкельманъ и Лессингъ въ Германіи, — всѣ они не были увѣрены, будетъ ли на что пообѣдать и не знали, гдѣ придется переночевать. Всѣ они вели жизнь, зависящую отъ простыхъ случайностей, и должны были безпрестанно прибѣгать къ мелочной изворотливости. Грустно подумать, сколько литературныхъ произведеній того времени, всего болѣе услаждающихъ и возвышающихъ нашу душу въ трудныя минуты нашей жизни, писались съ болью въ сердцѣ и среди самыхъ тяжелыхъ заботъ. Литераторы въ то время впервые приобрѣли ясно очерченный характеръ, отличавшій ихъ и отъ ученыхъ стараго закала и отъ систематическихъ мыслителей. Маколей указалъ намъ на противоположность между ничтою наемныхъ писателей Грубъ-стрита во времена Джонсона и почестями, воздававшимися въ болѣе раннюю пору Прайору и Аддисону, а также значительными суммами, которыя выплачиваются книгопродавцамъ писателямъ нашего времени. Но его блестящія замѣчанія касаются лишь вѣшной стороны происшедшей великой перемѣны. Ея значеніе почти вовсе не зависитъ отъ цѣнъ, уплачиваемыхъ за литературныя произведенія. Самый важный фактъ относительно литераторовъ во Франціи заключался въ томъ, что они образовали изъ себя новый классъ людей, что ихъ возвышеніе было равнозначуще съ перемѣщеніемъ духовной власти изъ рукъ церкви

и что, сдѣлавшись органами новой общественной силы, они присо-
вокупили къ этому и новыя теоріи для замѣны старыхъ. Эти лю-
ди были не только воспитанниками іезуитовъ, но также ихъ не-
посредственными преемниками въ качествѣ наставниковъ и руково-
дителей общества. Въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ послѣдователямъ
Лойолы принадлежалъ умственный и нравственный контроль надъ
католическими общинами, выпавшій изъ ослабѣвшихъ рукъ папъ и
свѣтскаго духовенства. Теперь пробилъ и ихъ часъ. Историки ра-
ціоналисты рѣдко отдавали справедливость заслугамъ, которыя бы-
ли оказаны этимъ великимъ орденомъ европейской цивилизації.
Безнравственность многихъ изъ ихъ принциповъ, ихъ слишкомъ ча-
стое участіе въ политическихъ неправдахъ съ цѣлю пріобрѣтенія
власти, ихъ неумолимая ненависть къ противникамъ, ихъ жадность
и вредная дѣятельность въ годы ихъ упадка, — вотъ что скрывало
отъ нашихъ глазъ многія прекрасныя страницы іезуитской хроники.
Даже такіе люди, какъ Дидро и Вольтеръ, чья жизнь была въ те-
ченіе многихъ лѣтъ отравлена іезуитскими кознями, не разъ дока-
зывали, что они сознають, въ какой мѣрѣ ихъ старые наставники
содѣйствовали образованію и просвѣщенію Европы. Именно отъ свя-
тыхъ отцовъ — іезуитовъ пріобрѣли прошедшіе ихъ школу литера-
торы тотъ практическій и соціальныи складъ ума, благодаря кото-
рому имъ представлялся столь реальнымъ нашъ міръ съ своими на-
сущными интересами. Можетъ быть также на своихъ іезуитскихъ
наставниковъ могли бы литераторы взвалить вину въ нѣкоторомъ
недостаткѣ твердости и правильности своихъ понятій о нравствен-
ности.

Каковъ же былъ этотъ новый классъ людей, возникшій путемъ
борьбы, очень скоро давшій знать о себѣ и наконецъ вполнѣ успѣв-
шій захватить наслѣдство, оставшееся отъ старой духовной орга-
низации? Что же были за люди эти литераторы? Сатирику было бы
не трудно изобразить ихъ въ эпиграммахъ, наполненныхъ плохими
насмѣшками; школьный педантъ можетъ быть видѣть въ нихъ не
болѣе какъ людей, легкомысленно и пошло издѣвавшихся надъ тайн-
ствами знанія; ученый нахаль, питающій свой собственный разбор-
чивый умъ бесплодною критикою, презираетъ ихъ. Тѣмъ не менѣе
литераторамъ пришлось исполнять свою задачу въ критическій пе-
ріодъ соціального перерожденія. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать ни съ
великими мыслителями — систематиками, ни съ великими творцами
произведеній фантазіи. Они не родились ни на крыльяхъ широкой
философской идеи, ни на крыльяхъ возвышенной поэтической идеи.
Они были лишь распространителями одной доли такихъ идей, а так-
же нѣкоторыхъ другихъ, отъ нихъ производныхъ, и менѣе широ-
кихъ. У нихъ не было, — какъ у замѣненныхъ ими отцовъ — іезуи-

товъ,—ни органической доктрины, ни историческихъ традицій, ни настоящей дисциплины, ни опредѣленной, широкой, далеко простирающейся и сосредоточенной цѣли. Характеристической чертой ихъ дѣятельности была разбросанность. Они отличались тѣмъ, что старались популяризовать такія отрывочныя идеи, какія общество способно усвоить, старались возбудить интересъ къ этимъ идеямъ, облекая ихъ въ разнообразныя формы литературнаго искусства, старались знакомить съ ними людей, обсуждая эмпирически и отрывочно каждый вопросъ изъ частной или общественной жизни, или каждое новое мнѣніе по мѣрѣ того какъ они возникали. Мы вовсе не намѣрены превозносить такого рода дѣятельность. Напротивъ того, я раздѣляю мнѣніе того проницательнаго наблюдателя, который предостерегалъ насъ, утверждая, что «склонность къ изолированію есть язва для человѣчества и что если мы хотимъ быть сильны, мы должны дѣйствовать сообща. Если мы чего либо достигаемъ, то это лишь благодаря тому, что развиваемъ между людьми духъ дисциплины». ¹⁾ Но бываютъ и такія эпохи, когда критика не поддается никакой дисциплинѣ и когда вредъ отъ изолированія не такъ великъ, какъ вредъ отъ незрѣлой и преждевременной организаціи. Фонтенель былъ первымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самымъ замѣчательнымъ типомъ этого класса людей. Онъ былъ скептикъ и ученый, былъ талантливъ и краснорѣчивъ. Его дѣятельность обнимаетъ промежутокъ времени (1657—1757) начиная съ знаменитаго спора о сравнительномъ достоинствѣ древнихъ и новыхъ писателей и кончая Энциклопедіей, начиная съ Боссюэта и Корнелия и вплоть до Жанъ-Жака и Дидро. Когда онъ родился, литераторы еще не существовали, когда онъ умеръ, литераторъ былъ самою видною личностью во Франціи. Но когда Дидро началъ шататься по парижскимъ улицамъ, эта громадная перемѣна еще не совершилась вполне.

Въ теченіе лѣтъ десяти (1734—1744) исторія жизни Дидро была повтореніемъ старыхъ разсказовъ о лишеніяхъ и приключеніяхъ, о замѣчательной твердости характера и объ отличной честности, не всегда очищенной отъ плутовскихъ продѣлокъ. Одно время онъ зарабатывалъ немного денегъ уроками. Если ученикъ былъ понятливъ и послушенъ, онъ не тяготился работой и былъ доволенъ, что бы ему ни платили и если даже ничего не платили. Если же ученикъ былъ тупоуменъ, Дидро никогда болѣе не возвращался въ домъ и пред-

¹⁾ Wahlverwandschaften, pt. II. ch. VII. Читатель хорошо слышитъ, если познакоится съ философской оцѣнкой дѣятельности литераторовъ изъ сочиненія Конта Philosophie Positive, V. 512, VI. 192, 287. Самое лучшее современное изложеніе принциповъ, и направленія литераторовъ восемнадцатаго столѣтія можно найти у Кондорсе въ его Esquisse d'un tableau, etc., p. 187—9 (Ed. 1847)

почиталъ ложиться спать не поужинавши. Ему платили за уроки всѣмъ чѣмъ вздумается,—рубашками, стульями или столомъ, книгами, деньгами, а иногда и вовсе ничего не платили. Необычайная плодовитость его натуры внушала ему гордое равнодушіе къ матеріальнымъ мелочамъ. Съ самой молодости онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые по своей природѣ ставятъ жизнь выше питанія, а тѣло выше одежды. Внѣшнія условія жизни были для него дѣйствительно внѣшними. Они никогда не мучили его и не поглощали его вниманія по цѣлымъ днямъ и ночамъ, они никогда не заглушали въ немъ сильнаго природнаго инстинкта, указывавшаго ему, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ придавать значеніе житейской обстановкѣ. Его умъ былъ настроенъ на одинъ ладъ съ тѣмъ древнимъ философомъ, который, узнавши что все его имущество погибло при кораблекрушеніи, сказалъ: *Jubet me fortuna expeditius philosophari*. Однажды онъ имѣлъ счастье попасть въ наставники къ сыну одного богатаго человѣка. Онъ исполнялъ свои обязанности съ усердіемъ, пользовался хорошимъ помѣщеніемъ и хорошимъ столомъ. И хозяинъ дома былъ вполне доволенъ имъ. Но по прошествіи трехъ мѣсяцевъ механической трудъ сдѣлался для него невыносимымъ. Отецъ воспитанника предлагалъ ему такую плату, какую онъ пожелаетъ, лишь бы только онъ остался. «Посмотрите на меня», возразилъ наставникъ, «мое лицо желто какъ лимонъ. Изъ вашихъ дѣтей я дѣлаю людей, но живя среди нихъ я ежедневно мало по малу самъ обращаюсь въ ребенка. Въ нашемъ домѣ я живу въ такомъ достаткѣ и комфортѣ, который въ тысячу разъ болѣе того, какой мнѣ нуженъ, но я долженъ оставить его; я чувствую потребность не въ томъ, чтобъ лучше жить, а въ томъ, чтобъ избѣжать смерти». Тогда онъ снова перешелъ отъ комфорта къ жизни на чердакѣ. Если ему случалось встрѣтить какогонибудь стараго пріятеля изъ Лангра, онъ занималъ у него денегъ, а его честный отецъ уплачивалъ этотъ долгъ. Материнскія сбереженія доставлялись ему чрезъ посредство одного долго служившаго въ ихъ домѣ вѣрнаго человѣка, которому пришлось не разъ таскаться пѣшкомъ съ этимъ порученіемъ и который прибавлялъ къ маленькой посылкѣ и свои собственные небольшіе заработки. Много разъ случалось, что среди лишеній часы казались ему слишкомъ длинными. Однажды, во вторникъ первой недѣли великаго поста, онъ рано всталъ и не нашелъ въ своемъ карманѣ ни одной копѣйки. Его пріятели не пригласили его на свои грязныя пирушки. Голодь и мысли о томъ, какъ онъ прежде веселился на масляницѣ и какъ пируютъ подъ далекимъ роднымъ кровомъ, лишили его способности работать. Онъ поспѣшилъ выйти изъ дому и пробродилъ цѣлый день, посѣщая тѣ публичныя мѣста, которыя открыты для людей

безъ гроша. Когда онъ возвратился вечеромъ на свой чердакъ, его хозяйка замѣтила, что онъ впалъ въ обморокъ и изъ состраданія, свойственнаго добрымъ людямъ, настояла на томъ, чтобъ онъ поужиналъ вмѣстѣ съ нею. «Въ этотъ день», — рассказывалъ Дидро въ старости своимъ дѣтямъ, — «я далъ себѣ слово, что, если наступятъ болѣе счастливыя времена, и что если у меня будутъ денежныя средства, я никогда не откажу въ помощи никакому живому существу, и никогда не заставлю его провести этотъ день такъ же печально какъ я». ¹⁾ Но главный интересъ этой исторіи заключается въ томъ фактѣ, что никогда еще никакое данное слово не было исполнено съ большею точностью. Нѣтъ болѣе вѣрнаго признака богато одаренной натуры, чѣмъ тотъ фактъ, что человекъ не дѣлается ни дикаремъ, ни несчастнымъ, ни мизантропомъ при такомъ горѣ, которое не происходитъ отъ сентиментальнаго углубленія въ самага себя, но грызетъ его и давитъ и при которомъ человекъ даже не находитъ поддержки въ чувствѣ собственнаго достоинства.

Дидро пережилъ горькія минуты. Ему были знакомы и уныніе и упадокъ духомъ, неизбѣжно навѣщающіе того, кто живетъ одинокой и безпорядочной жизнью. Но они не долго продолжались. Отъ нихъ не оставалось ѣдкаго осадка, а это служить доказательствомъ здороваго темперамента, если только не происходитъ просто отъ огрубѣнія. Но Дидро былъ болѣе чѣмъ кто либо изъ его современниковъ далекъ отъ такого отвратительнаго свойства. Онъ всегда отличался чѣмъ-то въ родѣ широкой душевной безопасности. Онъ смотрѣлъ на жизнь вскользь и снисходительно. Житейскія условія и приличія, слова, которыми люди прикрываютъ правду, всѣми принятыя мнѣнія, безконечно разнообразныя особенности человѣческаго характера, многочисленныя усложненія въ нашемъ образѣ дѣйствій и въ нашей судьбѣ, — все это онъ высматривалъ въ окружавшей его средѣ и не слѣшилъ выражать результаты своихъ наблюдений въ какомъ нибудь принципѣ или въ какой нибудь теоріи. Его умъ не стѣснялся никакими установленными приѣмами. Онъ нисколько не былъ зараженъ той наклонностью разыгрывать роль просвѣщеннаго человека, которую Гёте развратилъ столькихъ людей при слѣдующемъ поколѣніи. Онъ никогда не дѣлалъ изъ своей собственной жизни центръ цѣлага мѣра. Развитие и идеализированіе самого себя, какъ конечная цѣль, показались бы Дидро кукольной комедіей, свидѣтельствующей объ измѣненности характера. Ежедневное и ежеминутное обращеніе къ результатамъ наблюдений съ цѣлью возвести какое либо зданіе въ своемъ собственномъ вкусѣ, показалось бы ему непонятнымъ и даже противнымъ въ теоріи и невозможнымъ

¹⁾ Naigeon, p. 24.

на практикѣ. Среди всѣхъ лишеній своею юности, и впоследствии среди исполинскихъ срочныхъ работъ, его предохранили отъ нравственнаго паденія неистощимая жизненная сила и искренность его природныхъ наклонностей. И онъ не суживалъ дѣятельность этихъ наклонностей обращеніемъ вниманія лишь на одни внѣшнія формы человѣческихъ отношеній. Для Дидро не трудно было поступать согласно съ тѣмъ принципомъ, котораго мы большею частію придерживаемся лишь на словахъ: онъ обращалъ вниманіе не на то, что люди говорили и даже не на то, что они дѣлали, а лишь на то, каковы они въ сущности.

Тотъ, кого онъ разъ нашелъ достойнымъ любви и уваженія, могъ причинять ему всякія непріятности, безъ опасенія оттолкнуть его отъ себя. Всякій въ состояніи опѣивать характеры по образу дѣйствій; но въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогиваются наши собственные интересы, не всякій въ состояніи объяснять поступки при помощи предварительнаго знакомства съ характеромъ дѣйствующаго лица. Такъ напримѣръ отецъ Дидро могъ бы безъ затрудненія давать сыну такое содержаніе, которое избавило бы его отъ мучительныхъ лишеній бродячей жизни въ Парижѣ. Человѣкъ менѣе богато одаренный отъ природы и менѣе благородный, чѣмъ Дидро, пришелъ бы въ негодованіе отъ упрямства непреклоннаго старика. А Дидро, напротивъ того, добродушно смотрѣлъ на это разномысліе какъ на такую случайность, отъ которой не можетъ ослабѣть искренность старой привязанности. «Въ первые годы моего пребыванія въ Парижѣ», — однажды рассказывалъ онъ одному изъ своихъ знакомыхъ, — «я велъ жизнь очень безпорядочную; поведеніе мое было таково, что должно бы было прогнѣвить моего отца даже въ томъ случаѣ, еслибы ему не преувеличивали того, что было на самомъ дѣлѣ. Но въ клеветѣ не было недостатка. Ему рассказывали — но чего ему не рассказывали обо мнѣ? Мнѣ представился случай побывать у него. Я ни минуты не колебался, и отправился съ полной увѣренностью въ его сердечной добротѣ. Я былъ увѣренъ, что онъ будетъ радъ меня видѣть, что я брошусь въ его объятія, что мы оба расплачемся и что все будетъ забыто. И я не ошибся». 1) Невозможно сомнѣваться въ прочности врожденныхъ наклонностей, когда видимъ съ одной стороны такую упорную привязанность въ соединеніи съ такимъ полнымъ довѣріемъ, а съ другой — такую искреннюю любовь. Мы выскажемъ банальную истину, когда замѣтимъ, что человѣческая жизнь не была бы наполнена столькими дрязгами, еслибы люди не мѣшали своему внутреннему зрѣнію проникать сквозь искажающую его пелену эгоиз-

1) Oeuv., XIX. 162.

ма въ самую сущность привязанностей, сердечныхъ побужденій и родственныхъ связей.

Въ теченіе всей своей жизни Дидро былъ одаренъ тѣмъ божественнымъ даромъ состраданія къ ближнимъ, который едва ли кто либо согласился-бы промѣнять на умъ Аристотеля. И это состраданіе не имѣло у него того сентиментальнаго характера, который свойственъ изящнымъ дамамъ. Одинъ изъ его пріятелей чувствовалъ отвращеніе къ тѣмъ женщинамъ, которыя произвели на свѣтъ ребенка. «Какое уродливое чувство!» писалъ Дидро»; что касается до меня, то я всегда бываю растроганъ такимъ положеніемъ. На женщину изъ простонародья находящуюся въ такомъ положеніи я не могу смотрѣть безъ нѣжнаго состраданія». 1) Сверхъ того состраданіе у Дидро было деликатное и почтительное. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ рассказываетъ о бѣдной женщинѣ, которую обидѣлъ священникъ; по неимѣнью денегъ она не обращалась къ покровительству закона, пока не вступился за нее одинъ изъ пріятелей Дидро. Процессъ былъ выигранъ, но когда приступили къ исполненію судебного рѣшенія священникъ успѣлъ скрыться со всѣмъ своимъ имуществомъ. Женщина пришла благодарить своего покровителя и выразить ему сожалѣніе о понесенныхъ имъ убыткахъ. «Во время разговора она вынула изъ кармана дрянную табакерку и кончиками пальцевъ стала подбирать оставшійся на донышкѣ табакъ; ея благодѣтель сказалъ ей: «А! у васъ вышелъ весь табакъ, такъ дайте мнѣ вашу табакерку, я снова наполню ее». Онъ взялъ въ руки табакерку и положилъ въ нее нѣсколько лундоровъ, прикрывши ихъ сверху табакомъ. Вотъ поступокъ, который совершенно въ моемъ вкусѣ и также въ вашемъ! Помогайте, если можно, но избавьте бѣдняка отъ срама протягивать свою руку». 2) И важно еще то, какъ мы уже замѣтили, что въ самомъ Дидро было столько же доброты сколько и въ мнѣніяхъ, которыя онъ высказывалъ. Не такъ какъ для большинства краснорѣчивыхъ говоруновъ того времени, для него такія наивныя сердечныя движенія были самой реальной стороной его жизни. Никто другой такъ не спѣшилъ оказать помощь ближнему, и никто другой не былъ такъ безпеченъ относительно своего собственнаго комфорта.

Не разъ уже была рассказана одна оригинальная исторія касательно его небрежнаго отношенія къ самому себѣ, но рассказать ее еще разъ будетъ вовсе не лишнимъ для тѣхъ эгоистовъ, среди которыхъ мы живемъ. Однажды утромъ къ нему пришелъ молодой человѣкъ и подаль ему рукопись. Онъ просилъ Дидро сдѣ-

1) Ibid., 89.

2) Ibid., 93.

латъ ему одолженіе просмотрѣть ее и сдѣлать на поляхъ поправки, которыя онъ найдетъ нужными. Дидро прочелъ въ рукописи ѣдкую сатиру на свою собственную личность и на свои сочиненія. Когда молодой человекъ снова пришелъ, Дидро спросилъ его, что побудило его къ этимъ нападкамъ. «Мнѣ нечего ѣсть», отвѣчалъ сатирикъ, «и я надѣялся, что вы дадите мнѣ нѣсколько пятифранковыхъ монетъ за то, что я этого не напечаталъ». Дидро тотчасъ все извинилъ изъ состраданія къ голодному писакаѣ. «Я научу васъ, какъ добыть этимъ путемъ еще больше денегъ. Братъ герцога Орлеанскаго принадлежитъ къ разряду благочестивыхъ людей и потому ненавидитъ меня. Посвятите ему вашу сатиру, на переплетѣ поставьте его гербъ и отнесите ее ему въ одно прекрасное утро; онъ, навѣрно, не откажетъ вамъ въ пособіи». «Но я не знакомъ съ принцемъ и не сѣмью написать посвященія». «Присядьте», сказалъ Дидро, «я вамъ его напишу». Посвященіе было написано, сатира была отнесена къ принцу и авторъ ея получилъ хорошее денежное вознагражденіе ¹⁾).

Мармонтель утверждаетъ, что Дидро никогда не представлялся въ такомъ выгодномъ для себя свѣтѣ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда какой нибудь писатель приходилъ къ нему посоветоваться о своей работѣ. «Вы тогда увидѣли бы»—писалъ онъ,—«что онъ тотчасъ обнимаетъ умомъ всю суть содержанія, проникаетъ въ нее до самой глубины, и мгновенно опредѣляетъ все богатство и всѣ красоты, которыя для нея доступны. Если онъ замѣчаетъ, что авторъ не попалъ на настоящій путь, онъ не слѣдя за чтеніемъ, тотчасъ додѣлываетъ въ своей головѣ все то, что оставалось у автора недоконченнымъ и неудовлетворительнымъ. Если это была театральная пьеса, онъ вносилъ въ нее новыя сцены, новыя приключенія, новыя черты характера, и воображая что онъ на самомъ дѣлѣ слышалъ все то, что было создано его воображеніемъ, онъ превозносилъ до небесъ произведеніе, которое только что было прочитано, и въ которомъ, при его выходѣ въ свѣтъ, не оказывалось ничего похожаго на то, что онъ цитировалъ оттуда... Будучи однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего вѣка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ; а когда онъ откровенно высказывалъ свое мнѣніе о чемъ либо, касавшемся нравственныхъ достоинствъ человека, въ его краснорѣчїи была такая увлекательность, которую я не могу выразить словами. Вся его душа отражалась въ его глазахъ и на его устахъ; никогда еще фizioномія не изображала съ такою вѣрностью сердечную доброту» ²⁾). Морелле также превозноситъ Дидро не только за блескъ, оживлен-

¹⁾ Oeuvres, XIX; I. XLVIII

²⁾ Мармонтель, Мém., vol. II. b. VII. p. 315.

ность, разнообразіе и искренность его разговора, но также за его доступность и снисходительность для всѣхъ, кто въ немъ нуждался, и за полную участія симпатичную готовность, съ которой онъ предоставлялъ лучшую долю самого себя въ распоряженіе другихъ ¹⁾).

Нѣтъ надобности утверждать, что такой характеръ постоянно подавалъ поводъ къ тому, что имъ злоупотребляли. По мнѣнію родственниковъ Дидро, три четверти его жизни были принесены въ жертву тѣмъ, кто нуждался въ его деньгахъ, въ его знаніяхъ или въ его услужливости. Его дочь сравнивала его библіотеку съ лавкой, въ которой покупатели постоянно смѣняютъ одни другихъ, но получаютъ все что имъ нужно не путемъ покупки, а путемъ дароваго захвата. Къ счастью для Дидро, онъ былъ такъ великодушень по темпераменту а не потому, что рассчитывалъ на признательность. Всякій нуждающийся плутъ, способный расплакаться когда нужно и притвориться растроганнымъ, могъ надуть его и обобрать. Такъ напримѣръ онъ много хлопоталъ ради одного изъ такихъ нуждающихся и неотвязчивыхъ просителей, снабжалъ его деньгами и совѣтами и потратилъ много времени на оказаніе ему услугъ. Наконецъ распростившись съ отъѣзжающимъ пріятелемъ, Дидро проводилъ его до лѣстницы. Тогда благодарный пріятель спросилъ его, знакомъ ли онъ съ натуральной исторіей. «Немножко», отвѣчалъ Дидро; «я умѣю отличить алоеое дерево отъ латука, и голубя отъ колибри». «А знакомы ли вы съ *Formica leo*? Нѣтъ? Такъ я вамъ расскажу, что это — маленькое насѣкомое, чрезвычайно искусное; оно продавливаетъ въ землѣ отверстіе въ формѣ воронки, прикрываетъ его поверхность легкимъ мелкимъ пескомъ, привлекаетъ туда другихъ насѣкомыхъ, схватываетъ ихъ, высасываетъ изъ нихъ весь сокъ и потомъ говоритъ имъ: «г-нъ Дидро имѣю честь пожелать вамъ добраго дня» ²⁾).

Но Дидро не различалъ наглости отъ неблагодарности. Онъ всегда внимательно прислушивался ко всякому разсказу о чужой бѣдѣ, всегда мгновенно увлекался чувствительностью и никому не отказывалъ ни въ тратѣ своего времени, ни въ деньгахъ, ни въ услугахъ. Я не берусь рѣшить, возвышались ли или умалились его добродѣтели оттого, что онъ относился съ чрезмѣрной снисходительностью къ тѣмъ, кого общество выбрасывало изъ своей среды, какъ негодяевъ. Наша грубая привычка клеймить человѣка словомъ негодяй возмущала его. Общая склонность брать на себя роль публичныхъ обвинителей отъ имени всего человѣчества казалась ему самой вредной изъ всѣхъ человѣческихъ слабостей. «Вамъ из-

¹⁾ Morellet, Мѣм., I. p. 29.

²⁾ Oeuv., I. XLVIII.

вѣстно», говаривалъ онъ, «какъ неукротимы страсти; вы взвѣсили всѣ обстоятельства на вашихъ вѣчно неизмѣнныхъ вѣсахъ; вы произносите приговоръ о томъ, хорошъ или дуренъ человекъ; вы назначаете награды и наказанія за такія дѣянія, между которыми нѣтъ взаимнаго соотношенія. Увѣрены-ли вы, что вы никогда не сдѣлали такого дурнаго дѣла, которое вы извинили самимъ себѣ, потому что его цѣль была незначительна, хотя въ основѣ его было болѣе безнравственности, чѣмъ въ преступленіяхъ, вызванныхъ нищетой или изступленіемъ? Даже судьи, опирающіеся на свою опытность, на законы, на обще принятыя мнѣнія, иногда заставляющія ихъ постановлять приговоры, не одобряемые ихъ собственной совѣстью, не всегда безъ внутренняго трепета произносятъ приговоръ надъ обвиняемымъ. И когда же дозволялось закономъ, чтобъ одно и то же лицо было и судьей и обвинителемъ?» 1) Это осмысленное мягкосердіе есть одно изъ самыхъ благородныхъ свойствъ въ характерѣ мужчины. «На меня производятъ болѣе сильное впечатлѣніе прелести добродѣтели, нежели безобразіе порока», — говорилъ Дидро, и объ этихъ словахъ не худо бы было иногда напоминать людямъ еще болѣе достойнымъ чѣмъ самъ Дидро; «я тихонько отворачиваюсь отъ дурнаго человека и бросаюсь въ объятія хорошаго. Если въ какомъ нибудь произведеніи, характерѣ, картинѣ, статуѣ, есть хоть что нибудь хорошаго, мои глаза на немъ и останавливаются; я ничего не вижу кромѣ него и ничего другаго не удерживаю въ моей памяти; обо всемъ остальномъ я забываю» 2).

Въ этомъ и заключается секретъ рѣдкаго и прекраснаго характера. Благодаря ему Дидро успѣшно прошелъ чрезъ всѣ тяжелыя испытанія, неизбѣжныя при вступленіи на тернистое литературное поприще. То, чего другіе достигали благодаря своему умственному развитію, онъ достигъ благодаря своимъ врожденнымъ силамъ и природнымъ способностямъ. Намъ неизвѣстно, какимъ путемъ Дидро развивалъ и обогащалъ свой умъ. Его примѣчанія къ переводу сочиненій Шафтсбери, равно какъ его первыя оригинальныя произведенія, доказываютъ, что онъ не только читалъ Монтэня и Паскаля, но и взвѣшивалъ ихъ идеи вполне самостоятельно. Они также доказываютъ, что на него произвела впечатлѣніе *Civitas Dei* св. Августина и что онъ по меньшей мѣрѣ заглядывалъ въ произведенія Теренція и Горация, Цицерона и Тацита. Его послѣдующія сочиненія доказываютъ, что, подобно другимъ писателямъ того времени, онъ находилъ въ нашей англійской литературѣ главный внѣшній стимулъ для умственной дѣятельности. Особенно сильное впе-

1) О е u v., XIX. 55.

2) Ibid. XVIII. 376.

чатлѣніе произвели на него блестящія идеи знаменитаго Бэкона и эти же идеи послужили непосредственнымъ источникомъ для самаго великаго предпріятія въ жизни Дидро. Онъ, какъ говорятъ, мало читалъ, но много размышлялъ, — а это самый лучший способъ развитія для немногихъ людей такого же какъ онъ крѣпкаго закала. Работа, которую ему пришлось исполнять изъ-за средствъ къ существованію, была такого рода, что сломила бы всякаго, кто не одаренъ самыми выдающимися способностями. Онъ сочинялъ даже проповѣди. Какой-то миссіонеръ заказалъ ему пол-дюжины проповѣдей для произнесенія ихъ въ португальскихъ колоніяхъ съ платою по пятидесяти кронъ за каждую, и Дидро не смотрѣлъ на это какъ на одну изъ плохихъ торговыхъ сдѣлокъ. Для человѣка съ гениемъ это была нищенская работа, но Дидро никогда не старался выдавать себя за гениальнаго человѣка, а довольствовался такой жизнью, какая сложалась сама собою. Когда ему случалось оставаться безъ обѣда и не имѣть въ карманѣ ни одной копѣйки, онъ начиналъ съ грустью помышлять о томъ, что ему придется покинуть свои книги и свое перо и подчиниться желаніямъ отца. Но достаточно было одной строчки изъ Гомера, одной идеи изъ *Principia*, одной интересной алгебраической или геометрической проблемы для того, чтобъ возвратить жаждѣ знанія ея неодолимую силу. И лишь только пробуждалось въ немъ это господствующее влеченіе, матеріальныя заботы исчезали какъ облака отъ солнечныхъ лучей, и умъ его снова дѣлался спокойнымъ и яснымъ.

Монтескье говаривалъ, что онъ никогда не зналъ такого горя, котораго нельзя бы было разогнать въ пол-часа чтеніемъ. У Дидро былъ такой-же счастливый характеръ.

Однако Дидро въ сущности не принадлежалъ къ разряду начитанныхъ людей. Онъ никогда не впадалъ въ общее всѣмъ писателямъ заблужденіе, будто въ самихъ книгахъ заключается ихъ конечная цѣль и никогда не ставилъ литературу выше жизни. Его вниманіе сосредоточивали на себѣ характеры людей, ихъ страсти, ихъ взаимныя отношенія и житейская траги-комедія, но отнюдь не печатная ея тѣнь или изображеніе. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ болѣе сходства съ Руссо, нежели съ Вольтеромъ или Фонтенелемъ. «Кромѣ моего существованія», говаривалъ онъ, «и благополучія моихъ собратьевъ, какое мнѣ дѣло до всего остальнаго»? Однако, какъ мы уже замѣтили, никто еще никогда не интересовался болѣе его научными свѣдѣніями. Его біографъ и ученикъ указывалъ на противорѣчіе между его пылкимъ порывистымъ характеромъ и восторженностью съ одной стороны и его неусыпной, внимательной наблюдательностью — съ другой. *Faire le bien, connaître le vrai* — въ этой формулѣ онъ выражалъ свой идеалъ жизни и опредѣлялъ

единственные особенности, которыми въ его глазахъ люди отличаются другъ отъ друга. А единственнымъ разумнымъ мотивомъ для разслѣдованія истины было по его мнѣнью приисканіе средствъ, чтобъ дѣлать добро. Такъ силенъ былъ въ немъ практической житейскій смыслъ, не смотря на то, что вокругъ него постоянно занимались составленіемъ теорій.

Въ то время, когда Дидро съ большимъ трудомъ добывалъ насущный хлѣбъ для самого себя, онъ страстно влюбился въ жившую по сосѣдству швею Антуанетту Шампіонъ. Онъ тотчасъ сталъ настоятельно просить ее о вступленіи съ нимъ въ бракъ. Мать швеи съ благоразумнымъ упорствомъ долго не соглашалась на предложеніе такого запальчиваго молодаго человѣка, который ничего не дѣлаетъ и ничего не имѣетъ кромѣ умѣнья произносить рѣчи, вскружившія голову ея дочери. Въ концѣ концовъ мать увлеклась его краснорѣчіемъ, точно также какъ имъ увлеклась и дочь. Было рѣшено, что его желанія увѣнчаются успѣхомъ, если онъ получитъ согласіе своего отца. Съ сердцемъ полнымъ надеждъ Дидро полетѣлъ въ Лангръ. Его отецъ вообразилъ, что въ немъ пробудилось сознаніе своихъ заблужденій и что онъ пріѣхалъ для того, чтобъ подчиниться честнымъ традиціямъ своей семьи. Но узнавши настоящую цѣль этого посѣщенія, онъ обошелся съ сыномъ какъ съ сумасшедшимъ и угрозилъ ему проклятіями. Не возразивши ни слова, Дидро отправился назадъ въ Парижъ. Г-жа Шампіонъ объявила ему, что онъ долженъ навсегда отказаться отъ своихъ намѣреній. Такая неумолимая твердость весьма часто бываетъ предвѣстницей полной уступчивости. Дидро занемогъ. И мать и дочь не могли оставаться равнодушными при мысли, что больной лежитъ одинокій и грустный въ такой комнатѣ, которая не лучше собачьей конуры и что никто не подастъ ему ни бульона, ни прохладительнаго питья. Онѣ стали ходить за нимъ, а когда онъ выздоровѣлъ, то, что онъ считалъ за великую цѣль своей жизни, было достигнуто. Онъ вступилъ въ бракъ съ своей возлюбленной (1743).¹⁾ Кто то сказалъ, что «выборъ въ супружествѣ есть великая борьба между сознательнымъ расчетомъ и непредвидимыми случайностями, а углубляться въ анализъ такого факта, въ которомъ случайность играетъ главную роль, значило бы тратить безъ пользы время». По отношенію къ Дидро судьба оказалась неблагопріятной.

Его женѣ было болѣе тридцати лѣтъ. Она была покорна, благоразумна и набожна. Она постоянно отличалась тѣмъ самоотверженіемъ въ мелочныхъ вещахъ, которое встрѣчается почти у всѣхъ.

¹⁾ Г-жа Водель говоритъ, что бракъ состоялся въ 1744. Но Жаль (Dict. Crit., 495) воспроизводитъ брачное свидѣтельство. Можетъ быть и самъ Дидро также ошибался, когда въ старости относилъ это постыдное приключеніе къ 1744. (Oeuv., XIX. 85).

женщинъ. Когда ея мужъ обѣдалъ внѣ дома, она довольствовалась за своимъ обѣдомъ и ужиномъ сухимъ хлѣбомъ и радовалась при мысли, что на другой день она накормитъ мужа лучше обыкновеннаго. Такъ какъ кофе былъ слишкомъ дорогой домашней роскошью, то она давала ему каждый день нѣсколько мѣдныхъ монетъ для того чтобъ онъ шелъ въ *Cafè de la Régence* удовлетворить тамъ эту потребность и посмотрѣть, какъ играютъ въ шахматы. По прошествии одного или двухъ лѣтъ, когда она пріѣхала въ Лангръ для того чтобъ помириться съ своимъ тестемъ, она нашла путь къ сердцу старика благодаря своей пріятливой ласковости, своей почитительности, своей готовности помогать въ хозяйствѣ, и своему добродушію. Но даже самыя добрыя женщины къ несчастію могутъ выражать свою сердечную доброту, свое благоразуміе и свою преданность въ такихъ формахъ, которыя возбуждаютъ въ мужѣ негодованіе. Вѣроятно такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Дидро былъ человѣкомъ добропорядочнымъ и твердымъ въ своихъ правилахъ, когда ему было пятьдесятъ лѣтъ, но въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ въ немъ еще была очень сильна наклонность къ бродяжничеству. Ему нужна была жена, одаренная невозмутимой терпливостью и способная сдерживать его чрезмѣрную подвижность. Есть основаніе предполагать, что еслибы Мирабо женился на Аннѣ Моръ, этотъ бракъ не былъ бы счастливъ, а бракъ самого Дидро былъ къ несчастію въ такомъ же родѣ. Скромная почитительность и мелочная заботливость его жены раздражали его. Онъ еще не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, во что обходится разрывъ сердечныхъ привязанностей. Въ то время какъ его жена навѣщала его родныхъ, онъ вступилъ въ связь съ одной женщиной (г-жой Пюизье), которая, какъ кажется, была въ какой же мѣрѣ зла и себялюбива, въ какой его жена отличалась противоположными свойствами. Она была авторомъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, очень скоро позабытыхъ публикой, но даже самыя скромныя претензіи на *bel-esprit* могли показаться чрезвычайно привлекательными для такого человѣка, которому до смерти надоѣло полное невѣжество его вседневной подружки ¹⁾. Эта связь продолжалась три или четыре года до 1749. Мы увидимъ впоследствии, какъ онъ открылъ измѣну своей любовницы и какъ онъ бросилъ ее. Но тѣмъ временемъ добродѣтели его жены, какъ кажется, пріяли ѣдкій характеръ, какъ это нерѣдко случается съ благоразуміемъ, которое не цѣнятъ но достоинству и съ преданностью, къ оторой относятся съ пренебреженіемъ. Теперь уже было поздно снѣа связывать разорванные узы супружескаго

¹⁾ Касательно г-жи Пюизье въ ея позднѣйшіе годы см. *Memoires* г-жи Роланъ, I. 156.

согласія. Во время вторичной поѣздки жены въ Шампань (1754), онъ вступилъ въ новую любовную связь съ дочерью вдовы одного капиталиста (дѣвицей Воланъ), продолжавшуюся до самой смерти этой особы (1774).

Едва ли можно высказать какое нибудь дѣльное мнѣніе по поводу всей этой безпорядочности въ семейной жизни. Мы вовсе не знакомы съ ея подробностями такъ близко, чтобъ могли съ увѣренностью произнести надъ нею правильный приговоръ. Мы не должны также упускать изъ виду того, что такая порочность поведенія была въ нравахъ того времени. А приписывать ее вліянію новыхъ религіозныхъ идей было бы также нелѣпо, какъ приписывать вліянію старыхъ религіозныхъ идей безнравственный образъ жизни Дюбуа, Людовика XV или кардинала де-Роана.

ГЛАВА III.

Первыя литературныя произведенія.

Ларошфуко, — выражая банальную мысль тѣмъ изящнымъ языкомъ, благодаря которому онъ былъ первымъ мастеромъ въ сочиненіи краткихъ изреченій, — объявилъ, что «недостаточно обладать великими достоинствами: надо уметь ими распоряжаться». Или какъ выражается другой писатель: «Господство въ этомъ мірѣ принадлежитъ не столько уму, талантамъ, предприимчивости, сколько умѣнью пользоваться всѣми другими своими способностями съ искусной бережливостью и съ постоянною предусмотрительностью». ¹⁾ Не смотря на опасность всякихъ слишкомъ рѣзкихъ приговоровъ, мы склонны думать, что Дидро былъ самой замѣчательной иллюстраціей приведенныхъ изреченій, какую только можно найти въ исторіи литературы и философіи. Если многимъ случается не попасть въ ту высокую цѣль, въ достиженіи которой они сами или ихъ близкіе родственники были вполнѣ увѣрены, то это большею частію происходитъ не отъ ихъ неумѣнья распорядиться своими способностями, а отъ недостатка въ нихъ тѣхъ возвышенныхъ качествъ, которыя ошибочно имъ приписывались. На дѣлѣ человекъ оказывается посредственнымъ, бесплоднымъ и мелочнымъ — таковъ бываетъ грустный конецъ многихъ надменно заявленныхъ притязаній. Такая развязка почти всегда бываетъ результатомъ преувеличенія способностей, а не неумѣнья распорядиться своими природными дарованіями. Напротивъ того у Дидро дарованія были блестящія, но онъ не умѣлъ благоразумно примѣнять ихъ къ дѣлу. Этимъ и объясняется

¹⁾ Сентъ-Бэвъ, *Causeries*, IX. 136.

тотъ странный фактъ, что онъ былъ едвали не единственный писатель, который оставилъ по себѣ великое имя и наложилъ печать своего величія на людей съ самыми выдающимися и самыми разнообразными умственными способностями, а между тѣмъ не написалъ ни одного образцоваго произведенія; отъ него осталось много прекрасныхъ страницъ, какъ выразился Мармонтель, но ни одного замѣчательнаго сочиненія.

Никогда еще ни одинъ писатель не былъ менѣе его зараженъ тѣмъ тревожнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое нерѣдко внушаетъ жалость и отвращеніе къ людямъ съ литературными талантами. Онъ никогда не принималъ на себя вида притворной снисходительности къ плохимъ литературнымъ произведеніямъ и не дѣлалъ намековъ на болѣе высокія дарованія, которыя кроются въ немъ непроизводительно вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Въ одномъ только случаѣ, и сколько намъ извѣстно, только въ одномъ, онъ высказалъ сожалѣнія, которыя весьма понятны: «И такъ», писалъ онъ, въ то время какъ передъ нимъ лежали для просмотра послѣднія страницы Энциклопедіи (25 іюня, 1765) «черезъ восемь или десять дней я увижу окончаніе предпріятія, занимавшаго меня въ теченіи двадцати лѣтъ, вовсе не обогатившаго меня, не разъ подвергавшаго меня опасности быть изгнаннымъ изъ моего отечества или лишиться свободы и поглотившаго жизнь, которую я могъ бы сдѣлать и болѣе полезной и болѣе славной. Принесеніе дарованій въ жертву нуждѣ было бы дѣломъ менѣе обычнымъ, еслибы дѣло шло только о самомъ себѣ. Всякій согласился бы пить одну воду и ѣсть одни сухія корки съ тѣмъ, чтобъ можно было свободно подчиняться на какомъ нибудь чердакѣ внушеніямъ своего генія. Но на что не рѣшится человекъ для жены и для дѣтей? Еслибы я захотѣлъ выставить въ ихъ глазахъ мои заслуги, я не сказалъ бы имъ: я работалъ для васъ въ теченіи тридцати лѣтъ, а сказалъ бы: я въ теченіи тридцати лѣтъ отказывался для васъ отъ моего природнаго призванія; я предпочелъ заглушить мои влеченія, дѣлая то, что было полезно для васъ. вмѣсто того чтобъ дѣлать то, что было приятно для самого меня. Въ этомъ заключается то, чѣмъ вы въ сущности мнѣ обязаны, но что никогда не приходитъ вамъ въ голову»¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, еще остается открытымъ вопросъ, написалъ-ли бы Дидро какое нибудь образцовое произведеніе, еслибы гнетъ семейныхъ заботъ не заставлялъ его искать заработковъ повсюду, гдѣ ихъ можно было найти. По правдѣ сказать, едвали можно задаваться такимъ вопросомъ. Его умъ былъ обширенъ и оригиналенъ,

¹⁾ Oeuvres, XIX. 159. См. также Salons, 1767, No. 118.

но слишком разбрасывался по сторонамъ, слишкомъ легко отвлекался отъ даннаго предмета и былъ слишкомъ недисциплинированъ для тѣхъ продолжительныхъ умственныхъ усилій, которыя необходимы для всякаго великаго произведенія и въ сферѣ философіи и въ сферѣ искусствъ. Онъ былъ отъ природы лишенъ прекрасной способности къ бережливости и умѣнья распорядиться своими средствами, а только при помощи такихъ свойствъ и можно накоплять матеріалы и силы для сосредоточенной дѣятельности. Онъ сдѣлался энциклопедистомъ не случайно и не отъ внѣшняго гнета нужды. Его неудержимая подвижность, пылкость его фантазіи и измѣнчивость его идей, которыя онъ приписывалъ климатическому вліянію своей родины, заранѣе обрекали его на дѣятельность энциклопедиста или другую тому подобную. Онъ почти съ одинаковой быстротой и силой увлекался то однимъ то другимъ предметомъ; онъ всегда былъ одинаково предприимчивъ, одинаково свѣжъ и бодръ умомъ въ своихъ выводахъ и одинаково настойчивъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Но такое разнообразіе мотивовъ возбуждавшихъ его къ дѣятельности,—а у Дидро всякій мотивъ превращался въ сильное возбуждающее средство,—еще болѣе препятствовало созданію образцовыхъ произведеній, нежели стѣсненіе въ средствахъ существованія. Его можно извинить въ томъ, что въ минуту душевнаго утомленія и грусти онъ вообразилъ, будто онъ принесъ сокровища своего ума въ жертву богамъ семейнаго очага. Но еслибы у него и не было дѣтей и еслибы онъ не былъ женатъ, результатъ былъ бы точно такой-же. Онъ щедрою рукою расточалъ свои литературныя дарованія, вѣря въ неистощимость своего запаса, никогда не сдерживая своей фантазіи и никогда неограничивая свою производительность никакими предѣлами. «Не они», писалъ онъ, «отнимаютъ у меня жизнь, а я отдаю имъ ее. И могу ли я сдѣлать что либо лучшее, чѣмъ отдать одну ея часть тому, кто настолько уважаетъ меня, что желаетъ получить отъ меня такой даръ? Правда, меня не будутъ за это восхвалять ни теперь, когда я еще живъ, ни тогда, когда меня уже болѣе не будетъ; но я самъ уважаю себя за это и другіе будутъ за это болѣе любить меня. Вовсе не дурной расчетъ промѣнять на благосклонное къ вамъ расположеніе ту славу, которая не всегда пріобрѣтается, и которая никогда не пріобрѣтается безъ пожертвованій. Я никогда еще не пожалѣлъ о томъ времени, которое я тратилъ для другихъ, но я едвали могу сказать то же самое о томъ времени, которое я тратилъ для самого себя». ¹⁾ Зная, какъ всѣ литераторы склонны придавать себѣ болѣе значенія чѣмъ слѣдуетъ, мы не можемъ не пожалѣть, что

¹⁾ Les Règnes de Claude et de Néron, § 79.

эта выдѣлявшаяся между ними личность, въ другихъ отношеніяхъ столь замѣчательная и столь цѣльная, не придавала самой себѣ достаточнаго значенія.

Кромѣ того, что Дидро по своему характеру былъ неспособенъ создать какое либо великое литературное произведеніе, онъ былъ одаренъ отъ природы не столько талантами писателя сколько талантами краснорѣчиваго собесѣдника. Подобно доктору Джонсону онъ былъ скорѣе замѣчательнымъ рассказчикомъ, чѣмъ замѣчательнымъ авторомъ великихъ произведеній. Читая его сочиненія, мы не въ состояніи понять причину его извѣстности. Они слишкомъ часто впадаютъ въ декламацию, дурно составлены, часто прерываются возгласами, неуклюжи и безсвязны. Одинъ вполне компетентный критикъ отозвался о немъ какъ о такомъ французскомъ писателѣ, который всѣхъ болѣе похожъ на нѣмцевъ. И дѣйствительно его слогъ отличается тѣмъ отсутствіемъ чувства изяшнаго, той рѣзкостью выраженій и той грубостью размаховъ, которыя свойственны вообще всей нѣмецкой литературѣ за исключеніемъ немногихъ самыхъ выдающихся ея произведеній. Но въ разговорѣ не требуется ни постоянной точности выраженій ни послѣдовательной аргументаціи. Возгласы становятся естественными благодаря полудраматическому характеру положенія. Даже рѣзкая гипербола, почти всегда обезображивающая писанную прозу, можетъ производить впечатлѣніе и нравиться, когда она гармонируетъ съ голосомъ, выраженіемъ глазъ и жестами пылаго и увлекательнаго рассказчика. Вотъ почему личность самого Дидро,—точно также какъ это было съ Джонсономъ и Кольриджемъ,—придавала его разговоръ тотъ особый интересъ и ту привлекательность, которыя останутся всегда непонятными для тѣхъ, кто изучаетъ его только по его сочиненіямъ.

Его поклонники утверждали, что у него была такая же идеальная голова какъ у Аристотеля или Платона. У него былъ широкій, высокій, открытый и красиво округленный лобъ; изгибъ его бровей былъ очень изященъ; его носъ былъ красивъ мужской красотой; обычное выраженіе его глазъ было доброе и симпатичное, но когда онъ разгорячался въ разговорѣ, они сверкали какъ огонь; очертанія рта свидѣтельствовали о привлекательномъ сочетаніи изящества, граціи и ума. Его тѣлодвиженія были небрежны, но въ его манерѣ держать голову,—въ особенности когда онъ говорилъ жестикулируя,—было много достоинства, энергіи и благородства. Казалось, какъ будто восторженность была естественной принадлежностью его голоса, его ума, и всей его наружности. Онъ дѣлался настоящимъ Дидро только тогда, когда его мысли переносили его за предѣлы его внутренняго міра. Въ его идеяхъ было болѣе силы, нежели въ немъ самомъ; онъ увлекали его за собою такъ, что онъ

не былъ въ состояніи ни удержатъ ихъ ни управлять ими. «Когда я вспоминаю о Дидро», писалъ одинъ изъ его друзей, «о чрезвычайномъ разнообразіи его идей, о громадныхъ его познаніяхъ, о быстромъ полетѣ, горячности и неукротимыхъ порывахъ его фантази, объ увлекательности и беспорядочной оживленности его разговора, я позволяю себѣ сравнить его характеръ съ самой природой въ томъ видѣ какъ онъ себѣ ее представлялъ, — съ такой природой, которая богата, плодородна, обилуетъ зародышами всякаго рода, привѣтлива и свирѣпа, проста и величава, прекрасна и величественна, но у которой нѣтъ господствующаго принципа, нѣтъ хозяина, нѣтъ Бога» ¹⁾. Композиторъ Гретри говорилъ, что Дидро принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые умѣютъ раздувать искры генія въ пламя, и что первоначальные импульсы, возбужденные къ дѣятельности его пылкимъ воображеніемъ, обращались въ божественное вдохновеніе ²⁾. Мармонтель предостерегаетъ насъ, что тотъ кто знакомъ съ Дидро только по его сочиненіямъ, вовсе незнакомъ съ нимъ. Надо было послушать, какъ онъ убѣдительно краснорѣчивъ и надо было видѣть, какъ его лице разгоралось въ пылу увлеченія. Онъ по истинѣ приводилъ въ восторгъ, когда оживлялся разговоромъ и давалъ полную волю потоку своихъ идей. Въ своихъ сочиненіяхъ, — основательно замѣчаетъ Мармонтель, — онъ никогда не умѣлъ изложить что либо вполне, а это происходило отъ того, что первоначальный процессъ размѣщенія всѣхъ идей по своимъ мѣстамъ казался ему слишкомъ медленнымъ и слишкомъ скучнымъ. Но недостатокъ цѣльности не замѣчался при вольномъ и измѣнчивомъ теченіи разговорной бесѣды ³⁾.

Слѣдуетъ также замѣтить, что Дидро принадлежалъ въ этомъ отношеніи къ тому же типу какъ Сократъ, хотя и отличался отъ Сократа тѣмъ, что былъ распространителемъ положительныхъ и примѣнимыхъ къ жизни идей. Его личность имѣла рѣшающее вліяніе на окружающихъ. Читая отзывы о немъ друзей, мы невольно вспоминаемъ слова молодого Аристиды, обращенныя къ Сократу: «я дѣлался лучшимъ когда былъ недалеко отъ васъ, даже когда находился только въ одномъ съ вами домѣ, а не въ одной съ вами комнатѣ; но я еще болѣе совершенствовался, когда находился въ одной комнатѣ съ вами, и еще болѣе если могъ не сводить съ васъ глазъ». ⁴⁾ Кто то основательно замѣтилъ, что личность Дидро

¹⁾ Рассказъ Мейстера о Дидро, напечатанный въ *Correspondance Littéraire* Гримма, XIII. 202—11.

²⁾ Отзывъ Гретри, приведенный въ *Oeuv. choisies de Diderot* Женева, 42.

³⁾ Мармонтеля *Mém.*, тн. VII. ч. II, 312.

⁴⁾ *Θεαγεςъ Платона*, 130, с.

точно также какъ и личность Сократа, обладала какой то нечистой силой. Дидро былъ одержимъ бѣсомъ и потому умѣлъ господствовать надъ умами. Но чтобъ достигнуть превосходства въ литературѣ необходимо также умѣть господствовать надъ самимъ собою, необходимо имѣть не одни импульсы, но и обдуманность, необходимо чтобъ вольный потокъ внезапно возникающихъ идей подчинялся требованіямъ послѣдовательности, гармоніи и внѣшняго изящества. Впрочемъ краснорѣчіе Дидро въ салонной безсвязной болтовнѣ или во время деревенскихъ прогулокъ нельзя ставить на одинъ уровень съ бессодержательнымъ многословіемъ и пустой высокопарностью людей, составившихъ себѣ репутацію пріятныхъ собесѣдниковъ. Оно было въ одно и то же время и полно интереса и обильно; оно отзывалось декламацией по своей формѣ, но было ново и увлекательно по содержанію; оно было несвязно по распредѣленію идей, но по мысли оно было сильно и направлено къ одной цѣли. Если и можно назвать Дидро мудрецомъ то, конечно, такимъ, который способенъ бѣсноваться. Ему случалось закончить свою рѣчь тѣмъ, что онъ съ яростью хлопалъ своимъ ночнымъ колпакомъ объ стѣну, какъ будто для того чтобъ закрѣпить силу приведенныхъ имъ аргументовъ. Но не смотря на эту горячность, на эту склонность къ декламации, его бесѣда все таки была поучительна. Молодые люди самыхъ разнообразныхъ характеровъ, начиная съ Морелле и кончая Жуберомъ, — которые были вполне способны разоблачить простую высокопарность или пылкое пустословіе, — были очарованы силою его ума. Но его сочиненія вовсе не производили такого впечатлѣнія. Въ нихъ мы чувствуемъ пламя, но лишь сквозь прикрывающій его дымъ; въ нихъ способъ выраженія не туманный, а неуловимый, не растянутый а тяжеловатый, преувеличенный и не совсемъ понятный. Здѣсь мы не найдемъ ни ясной точности и пылости Вольтера, ни увлекательной фантастической благозвучности Руссо, ни высокопарности Бюффона. Насъ интересуеъ Дидро не прелестію своего слога, а богатствомъ плодотворныхъ идей, замѣчательнымъ знаніемъ человѣческой жизни и мощною оригинальностью своей личности.

Знакомство Дидро съ англійскимъ языкомъ оказало ему въ ту пору его жизни большую услугу. Достояна вниманія одна подробность касательно того, какимъ способомъ онъ безъ наставника научился по-англійски. Въмѣсто того, чтобъ пользоваться англо-французскимъ лексикономъ, онъ постоянно пользовался англо-латинскимъ. Смыслъ латинскихъ или греческихъ словъ, говорилъ онъ, болѣе твердо установленъ, болѣе точенъ, болѣе ясенъ, и болѣе поддается подъ всѣ причудливыя требованія условныхъ понятій, нежели смыслъ тѣхъ туземныхъ выраженій, на которыхъ останавливается прихоть или

невѣжество лексикографовъ. Читатель составляетъ свой собственный словарь и благодаря этому приобретаетъ болѣе точности и выразительности ¹⁾. Во всякомъ случаѣ Дидро лучше зналъ англійскій языкъ, нежели большинство французскихъ писателей нашего времени. Первый его трудъ по заказу книгопродавцевъ послѣ его женитьбы заключался, сколчко намъ извѣстно, въ переводѣ трехъ томовъ исторіи Греціи Станіана. За эту работу онъ получилъ, къ удивленію своей жены, сто кронъ. Около того же времени (1745) онъ издалъ *Принципы нравственной философіи, или Опытъ и-на III. о достоинствѣ и добродѣтели* (*Principes de la philosophie morale ou essai sur le mérite et la vertu par mylord S.*) Здѣсь начальная буква обозначаетъ Шафтсбери, а переведенное сочиненіе было изслѣдованіе названнаго писателя о добродѣтели и достоинствѣ.

Вѣроятно около того же времени Дидро познакомился съ г-жою Пуоизье, о которой кто то сказалъ, съ явнымъ намѣреніемъ посягаться надъ ея слабостями, что ей недоставало ни той добродѣтели ни тѣхъ достоинствъ, о которыхъ только что проповѣдывалъ ея обожатель. Рассказываютъ, будто желаніе добыть для нея денегъ внушило ему мысль его перваго оригинальнаго произведенія. Но такъ какъ этотъ фактъ заимствованъ изъ мемуаровъ его дочери, наполненныхъ множествомъ неточностей, то очень можетъ быть, что онъ также не согласенъ съ истиной какъ и многія другія изъ сообщаемыхъ ею свѣдѣній. Все, что мы знаемъ о направленіи ума и искренности Дидро даетъ ему право на то, чтобъ мы усумнились въ справедливости разсказа. *Философскія мысли* (*Pensées philosophiques*, 1746) были продолженіемъ того настроенія, которое внушило ему мысль дѣлать примѣчанія къ упомянутому *Опыту*. Онъ, какъ утверждаютъ, набросалъ на бумагу эти размышленія въ промежутокъ времени между страстной пятницей и первымъ днемъ Святой недѣли. Въ такой быстрой авторской дѣятельности мы не найдемъ ничего неправдоподобнаго, если припомнимъ, съ какой стремительной горячностью онъ брался за все, что предпринималъ. *Философскія мысли*, очевидно, были плодомъ продолжительныхъ размышленій, литературное же ихъ изложеніе было не трудной задачей. Здѣсь мы находимъ болѣе рѣшительное развитіе скептицизма нежели у Шафтсбери, у котораго онъ игралъ самую незначительную роль. Парижскій парламентъ приказалъ сжечь книгу вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими (7 іюля 1746) частію потому, что она не была согласна съ ученіемъ церкви, частію потому, что печатаніе книгъ безъ офи-

¹⁾ От. Encyclopédie.

ціального разрѣшенія дошло въ ту пору до небывалыхъ размѣровъ ¹⁾. Тогда Дидро впервые познакомился на опытѣ съ гнетомъ той власти, которая осыпала его оскорбленіями и притѣсненіями въ теченіе тридцати лѣтъ. Но правительственное неодобреніе не помѣшало ни распространенію, ни вліянію *Философскихъ мыслей*. Онѣ были переведены на нѣмецкій и итальянскій языки и удостоились цѣлаго ливня враждебныхъ отзывовъ критики. Во Франціи онѣ много разъ перепечатывались и даже въ наше время онѣ не совсѣмъ вышли изъ обращенія въ качествѣ краткаго руководства для скептиковъ ²⁾.

Писатели, занимающіеся исторіей литературы, нерѣдко видятъ въ иныхъ книгахъ причину возникновенія спорныхъ идей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти книги ничто иное какъ символъ или отголосокъ идей уже существующихъ въ человѣческихъ умахъ. Поэтому никогда не слѣдуетъ излагать нить какихъ либо идей, не попытавшись выяснить побужденія современниковъ и конкретныя условія, сопровождавшія и вызвавшія ихъ развитіе. Наблюдая затѣмъ, какъ сигнальные огни зажигаются то на одной то на другой возвышенности, —

φάος δὲ τῆλεπομποῦ οὐκ ἠναίμετο
φρονῶν, προσαιθρίζονσα πῦρ πῖμον φλόγα, —

мы не должны забывать, что ихъ источникъ и причину ихъ передвиженія слѣдуетъ искать въ дѣйстви, движеніи и вліяніи разнообразныхъ силъ и множества людей. Во всякомъ случаѣ каждая книга есть ничто иное какъ выраженіе идей автора, а самъ авторъ — человѣкъ, дѣйствующій подъ вліяніемъ того, что происходитъ передъ его глазами. Вольтеръ и Дидро сдѣлались вольнодумцами и стали нападать на церковь не потому только, что Бэконъ, Гоббсъ и Локкъ написали какія-то книги. «Пока были еще въ живыхъ такіе люди, какъ Боссюэтъ, Фенелонъ, Арно и Николь, у Бэйля было не много послѣдователей; возвышеніе кардинала Дюбуа и результаты этого возвышенія увеличили число людей невѣрующихъ и равнодушно относившихся къ религіи» ³⁾. Вліяніе философскихъ произведеній всегда обуславливается ихъ практической примѣнимостью. Экономическій вредъ монашеской жизни, усиливавшіеся пылъ и грубость предрасудковъ, заносчивые нападки духовенства, жестокости зараженныхъ ханжествомъ судовъ — вотъ что возстановило противъ себя и вывело изъ терпѣнія самыхъ просвѣщенныхъ людей, а англійская философія только поддерживала воодушевленіе въ умахъ ⁴⁾.

¹⁾ См. Журналъ Барбье, IV. 166.

²⁾ Эта книга оказалась въ числѣ тѣхъ, которыя были найдены у несчастнаго Ла-Варра.

³⁾ Gougenepa Kritische Geschichte der französischen Cultureinflüsse in den letzten Jahrhunderten, pp. 267—73.

⁴⁾ «Es ist nicht gleichgültig ob eine Folge grosser Gedanken in frischer Ursprünglichkeit auf die Zeitgenossen wirkt, oder ob sie zu einer Mixtur mit reichlichem

И не случайнымъ образомъ обратилъ Дидро вниманіе именно на Шафтсбери, а не на какого либо другаго англійскаго писателя. Мысль написать очеркъ *Объ энтузіазмъ* была внушена Шафтсбери сумасбродствами французскихъ пророковъ—тѣхъ жалкихъ Себенскихъ фанатиковъ, которые, укрывшись въ Лондонѣ послѣ отмѣны нантекаго эдикта, до того дошли въ своихъ пароксизмахъ религіозной истерики, что вызвали вмѣшательство правительства (1707). Съ 1727 по 1758 и даже позднѣе, Парижъ также былъ свидѣтелемъ подобной восторженности между янсенистскими фанатиками, еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Самымъ достовѣрнымъ образомъ засвидѣтельствованныя чудеса, какія только можно найти въ исторіи сверхъестественныхъ явленій, совершались надъ могилой янсенистскаго дьякона Пари 1). Въ то время толпа увлекалась дѣлами вѣры до судорожнаго изступленія; и мушны и женщины подвергали себя самымъ жестокимъ истязаніямъ въ надеждѣ, что въ награду за это на нихъ низойдетъ божественная благодать. Тотъ здравомыслящій гражданинъ, который оставилъ намъ записки столь полезныя для уясненія внутреннихъ событій во Франціи отъ временъ Регентства до заключенія мира въ 1763, рассказываетъ намъ, какое впечатлѣніе производило на умы это отвратительное возрожденіе старыхъ суевѣрій. Тогда начали догадываться, говорить оны, какъ слѣдуетъ относиться къ чудесамъ старыхъ временъ. Чѣмъ болѣе люди стали вникать въ чудеса и пророчества, тѣмъ болѣе стали они находить недостовѣрности въ первыхъ и неясности въ послѣднихъ. Развѣ можно было поручиться, что въ отдаленныя времена и тѣ и другія не были удостовѣрены и признаны за несомнѣнныя по столь же неудовлетворительнымъ доводамъ, какъ и тѣ, которые происходили на собственныхъ глазахъ публики? Точно такимъ же путемъ, неистовые и продолжительные споры, интриги и уловки, которыми сопровождалось принятіе знаменитой буллы *Unigenitus*, объяснили проницательнымъ наблюдателямъ, какъ утверждаются религіозныя вѣрованія. Они также уяснили, какъ мало должно быть въ нашемъ умѣ и

Zusatz überlieferter Vorurtheile verarbeitet ist. Ebenso wenig ist es gleichgültig welcher Stimmung, welchem Zustande der Geister eine neue Lehre begegnet. Man darf aber kühn behaupten, das für die volle Durchführung der von Newton angebahnten Weltanschauung weder eine günstigere Naturanlage, noch eine günstigere Stimmung getroffen werden konnte, als die der Franzosen im 18 Jahrhundert. (Gesch. d. Materialismus Lange, I. 303). Но, подобно большинству писателей, занимавшихся исторіей человѣческихъ мнѣній, авторъ не обращаетъ достаточно вниманія на то, что рядомъ съ развитіемъ логическихъ выводовъ имѣли долю вліянія и вѣщныя общественныя условія.

1) См. *La Vérité des Miracles de M. de Paris démontrée* (1737) Монжерона. Это сочиненіе представляетъ интересныя данныя для патологійи человѣческаго ума.

въ нашей совѣсти благоговѣнія передъ тѣми великими истинами, открытіе которыхъ приписывала себѣ католическая церковь ¹⁾).

Вотъ чѣмъ объясняется суровый и рѣшительный скептицизмъ, проявившійся въ первыхъ произведеніяхъ Дидро. Этимъ объясняется и вліяніе, которое имѣлъ на него Шафтсбери. Ни Дидро ни его современники еще не были подготовлены къ тому болѣе широкому и болѣе рѣшительному отрицанію, которому они вполне отдались впоследствии. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣжливость, съ которой Дидро относится къ христіанству и въ своихъ замѣткахъ къ первому сочиненію Шафтсбери и въ своихъ собственныхъ *Философскихъ мысляхъ*, была не болѣе какъ выраженіемъ ироническаго преклоненія передъ установленными суевѣріями. Примѣчанія къ очерку *О достоинствѣ и добродѣтели* доказываютъ, что на Дидро, точно также какъ и на всѣхъ другихъ французскихъ писателей, возстававшихъ противъ существующихъ суевѣрій, имѣлъ глубокое вліяніе остроумный Монтань. Но пылкость ученика мѣтко выставляла одни возраженія вслѣдъ за другими съ такою рѣзкостью, которая не имѣла ничего общаго съ благоразумной сдержанностью наставника. Впрочемъ, ни отъ кого другаго, какъ отъ Шафтсбери заимствовалъ Дидро здравый смыслъ какъ философскій принципъ. Этотъ принципъ былъ косвенно заимствованъ Шафтсбери отъ Локка и чрезъ посредство Гуттессона сдѣлался источникомъ и вдохновителемъ шотландской философіи прошлаго столѣтія. Это было орудіе вполне пригодное для борьбы съ теологіей, упавшей въ мнѣніи всякаго хладнокровнаго наблюдателя вслѣдствіе истерическихъ сумасбродствъ однихъ религиозныхъ фанатиковъ и вслѣдствіе возмутительныхъ притязаній другихъ. Впрочемъ, другаго орудія и не было подъ рукою. Историческій или критическій методъ изслѣдованія былъ невозможенъ, потому что въ то время еще не имѣлось нужныхъ для этого научныхъ свѣдѣній. Косвенные нападки съ точки зрѣнія физическихъ наукъ также были невозможны. Результаты великаго Ньютонова открытія касательно ходячихъ идей о Творцѣ и предполагаемой системы божескаго управленія міромъ еще не были добыты вполне. А другія научныя понятія, впоследствии поколебавшія достовѣрность старой гипотезы, еще въ то время и не зарождались.

Дидро тотчасъ понялъ, что руководство борьбой переходитъ отъ метафизиковъ къ фізіологамъ. Хотя вначалѣ онъ и не составилъ себѣ точнаго понятія о томъ, къ чему можетъ привести окончательный выводъ изъ открытій, сдѣланныхъ путемъ научнаго опыта, однако онъ понялъ, какую силу могутъ имѣть эти открытія при богословскихъ спорахъ. «Не отъ руки метафизиковъ», сказалъ онъ, «были

¹⁾ Барбье, 168, 244 и пр.

нанесены атеизму самые тяжелые удары. Возвышенные размышления Малебранша и Декарта были меньше способны пошатнуть материализмъ, чѣмъ какое нибудь отрывочное замѣчаніе Мальпиги. Если эта опасная гипотеза стала въ наше время утрачивать довѣріе, мы этимъ обязаны выводамъ опытной физики. Только въ произведеніяхъ Ньютона, Мушенброка, Гарцекера и Ньюентита люди нашли удовлетворительныя доказательства того, что есть существо съ высшей интеллигенціей. Благодаря произведеніямъ этихъ великихъ людей, міръ пересталъ быть богомъ; это — машина съ особыми снастями, блоками, пружинами и гирями» ¹⁾). Другими словами, Дидро еще стоялъ на томъ самомъ пунктѣ, который былъ любимой точкой отправленія для англійскихъ фізіологовъ отъ Ньютона до Фарадея ²⁾). Систематическій матеріализмъ еще не утвердился въ его умѣ. Между тѣмъ онъ напрягалъ всѣ свои силы, опираясь подобно Вольтеру, на здравый смыслъ, но съ большею чѣмъ Вольтеръ серьезностью въ своихъ пріемахъ. Хотя и нельзя сказать, чтобъ съ помощью этого орудія, онъ достигъ надлежащихъ результатовъ, но мы должны припомнить, что онъ самъ очень скоро пришелъ къ сознанию непригодности этого орудія и продолжалъ споръ, какъ мы сейчасъ увидимъ, съ другой точки зрѣнія.

Нѣсколько краткихъ выдержекъ объяснить намъ, съ какою цѣлію были написаны *Философскія мысли* и въ какомъ настроеніи ума былъ Дидро, когда ихъ писалъ. Начальныя слова указываютъ на важность новаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ ключемъ для пониманія всѣхъ характеристическихъ особенностей Дидро. «Люди постоянно возстаютъ противъ страстей; они приписываютъ страстямъ всѣ человѣческія страданія, забывая, что эти же самыя страсти служатъ для нихъ источникомъ наслажденій. Считается оскорбленіемъ разсудка, если кто либо осмѣлится сказать слово въ пользу этихъ враговъ его. Однако одни только страсти и сильныя страсти способны возвышать нашу душу до великихъ подвиговъ. Скромныя наклонности порождаютъ лишь пошлость. Подавленные страсти лишаютъ человѣка его выдающихся способностей. Гнетъ уничтожаетъ природное величіе и силу. Посмотрите на это дерево, вѣдь вы обязаны пышности его вѣтвей свѣжестью и шириною тѣни, которою вы наслаждаетесь до тѣхъ поръ пока зима не унесетъ его зеленые локоны. Ни поэзія, ни живопись, ни музыка не дадутъ намъ ничего превосходнаго, если предразсудки наложатъ на человѣческій темпераментъ печать преклоннаго возраста! Было бы въ высшей степени безразсудно замышлять гибель своихъ страстей. Дѣйствительно, какъ

¹⁾ *Pensées Philosophiques*, XVIII.

²⁾ Касательно этого предмета см. Ланга, I, 294.

было бы прекрасно, еслибы какой нибудь ханжа сталъ терзать себя какъ каторжникъ, для того чтобъ ничего не желать, ничего не любить и ничего не чувствовать; еслибы онъ въ этомъ успѣлъ, онъ кончилъ бы тѣмъ, что сдѣлался бы настоящимъ чудовищемъ!»¹⁾ Въ томъ же духѣ писалъ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того г-жѣ Волянъ: «Я всегда горячо вступался за сильныя страсти; только онѣ и способны возбуждать меня къ дѣятельности. Все равно внушаютъ-ли онѣ мнѣ восторгъ или негодованіе, благодаря имъ чувства мои пылки. Если отъ нихъ происходятъ отвратительныя дѣянія, позорящія человѣческую натуру, то отъ нихъ же происходятъ и удивительныя подвиги, возвышающіе ее. Человѣкъ съ скромными влеченіями живетъ и умираетъ какъ животное». Продолжая въ этомъ тонѣ, авторъ доходитъ до слѣдующаго страннаго мнѣнія: «еслибы мнѣ пришлось дѣлать выборъ между такимъ Расиномъ, который дурной мужъ, дурной отецъ, фальшивый другъ и превосходный поэтъ, и такимъ, который хорошій отецъ, хорошій мужъ, хорошій другъ и безталантный почтенный человѣкъ, я предпочелъ бы перваго. Что осталось бы отъ того Расина, который былъ дурной человѣкъ? Ничего. А что осталось бы отъ того Расина, который былъ гениальный человѣкъ? Безсмертныя произведенія»²⁾. Не затрудняя себя разрѣшеніемъ этой проблемы, мы довольствуемся тѣмъ, что усматриваемъ изъ нея, какое было у Дидро направленіе ума и какую оно должно было внушать ему ненависть къ подавленнымъ и изуродованнымъ страстямъ въ католическомъ вкусѣ. Смирненіе, цѣломудріе, покорность, праздное одиночество, которыя въ теченіи многихъ вѣковъ превозносились церковью, казались чѣмъ-то уродливымъ для такого пылкаго и энергическаго человѣка. Церковь вычеркнула изъ числа человѣческихъ достоинствъ геройскую предприимчивость, а Дидро, впадая въ другую крайность, вычеркнулъ даже подчиненіе установленнымъ правиламъ. Но обратимся отъ его понятій объ основахъ поведенія къ понятію о человѣческихъ мнѣніяхъ. Какъ мы уже замѣтили, онъ сталъ на точку зрѣнія скептицизма:—

«То, что никогда не было подвергнуто сомнѣнію, не могло быть доказано. То, что не было разслѣдовано безъ предвзятыхъ идей, не было разслѣдовано основательно. Скептицизмъ есть пробный камень (§ 31).

«Невѣріе нерѣдко бываетъ порокомъ въ глупцѣ, а легковѣріе— порокомъ въ умномъ человѣкѣ. Послѣдній глубоко проникаетъ умомъ въ необъятность того что возможно; а первый едва ли считаетъ

¹⁾ *Pensées Philosophiques. Oeuv. I. 128—9.*

²⁾ *Oeuv. XIX. 87. Гриммъ, прибавл. 148.*

возможнымъ что либо кромѣ наличныхъ фактовъ. Можетъ быть отсюда и происходитъ робость перваго и смѣлость втораго (§ 32).

«Полу-скептицизмъ есть признакъ слабого ума. Онъ разоблачаетъ въ человѣкѣ малодушнаго мыслителя, пугающагося своихъ собственныхъ выводовъ, разоблачаетъ въ немъ суевѣрное существо, воображающее, что оно чтитъ Бога, налагая оковы на свой разумъ, и такого невѣрующаго, который боится снять съ себя маску передъ самимъ собою. Вѣдь если, по мнѣнію полу-скептика, истина не можетъ ничего потерять отъ разслѣдованія, то что же долженъ онъ думать въ глубинѣ своей души о тѣхъ привилегированныхъ понятіяхъ, которыя онъ не дерзаетъ провѣрять и которыя засѣли въ одномъ уголкѣ его головы, какъ въ святилищѣ, къ которому онъ не смѣетъ приблизиться? (§ 34).

«Скептицизмъ годенъ не для всѣхъ. Онъ требуетъ глубокаго и безпристрастнаго изслѣдованія. Кто сомнѣвается потому только, что ему не знакомы основы достовѣрности, тотъ нисколько не лучше невѣжды. Настоящій скептикъ сообразилъ и взвѣсилъ всѣ доводы. Но взвѣсить доводы вовсе не легко. Кто изъ насъ способенъ опредѣлить ихъ достоинство съ точностью? У каждаго ума есть свой особый телескопъ. Возраженіе, ничтожное въ вашихъ глазахъ, кажется мнѣ колоссальнымъ: вамъ кажется пошлымъ такой аргументъ, который я считаю за вполне убѣдительный... А если такъ трудно взвѣшивать доводы, если нѣтъ такихъ вопросовъ, которые не представляли бы двухъ различныхъ сторонъ и почти всегда въ одинаковомъ размѣрѣ, то какъ можемъ мы съ такой быстротой придти къ какому нибудь заключенію? (§ 24).

«Когда благочестивые люди встаютъ противъ скептицизма, мнѣ кажется, что они дѣлаютъ это вслѣдствіе непониманія своихъ собственныхъ интересовъ или вслѣдствіе своей непослѣдовательности. Если не подлежитъ сомнѣнію, что для обращенія въ истинную вѣру и для отреченія отъ ложной требуется лишь близкое знакомство съ той и съ другой, то конечно всякій долженъ желать, чтобъ по всей землѣ распространился духъ сомнѣнія, и чтобъ всѣ націи дозволили разслѣдовать истину ихъ религій. Тогда наши миссіонеры нашли бы, что ихъ задача уже въ значительной мѣрѣ исполнена другими (§ 36).

Слѣдуетъ припомнить, что Дидро, точно также какъ Вовенаргъ, Вольтеръ и Кондорсе, постоянно имѣлъ въ умѣ Паскаля, когда ему приходилось говорить о защитникахъ церкви. Всѣ названные писатели признавали въ Паскалѣ философа, отличавшагося любовью къ истинѣ отъ членовъ католической, англиканской, браминской и всякой другой церкви. «Паскаль», говоритъ Дидро, «былъ правдивъ, но робокъ и склоненъ къ легковѣрію. Будучи изящнымъ писателемъ и глубокимъ мыслителемъ, онъ безъ сомнѣнія могъ бы разлить свѣтъ

по всему міру, если бы Провидѣніе не отдало его въ руки такихъ людей, которые принесли его способности въ жертву своимъ собственнымъ антипатіямъ. Какъ жаль, что онъ не предоставилъ теологамъ своего времени разрѣшеніе происходившихъ между ними споровъ и не предался изслѣдованію истины безъ всякихъ оговорокъ и безъ опасенія оскорбить Бога тѣмъ, что сталъ бы пользоваться всѣми силами данной ему Богомъ интеллигенціи. Какъ жаль, что онъ взялъ себѣ въ наставники такихъ людей, которые не были достойны быть его учениками и что онъ былъ такъ безразсуденъ, что воображалъ, будто Арно, Де-Саси и Николь лучше его самого» (§ 14). *Философскія мысли* должны были служить отвѣтомъ на болѣе знаменитыя *Мысли* этого поборника популярной теологіи. Такъ напри- мѣръ первая изъ слѣдующихъ выдержекъ напоминаетъ одну досто- памятную выходку Паскаля, въ которой отразился его возвышенный пессимизмъ. Нѣсколькихъ отрывковъ изъ сочиненія Дидро будетъ достаточно чтобъ выяснить намъ, какого рода аргументація привела самыхъ передовыхъ людей того времени къ тому, что они стали отвергать притязанія католической церкви.

«Какіе возгласы! Какіе крики! Какіе стоны! Кто же тотъ, по чьему велѣнію посажены въ темницы всѣ эти жалкіе люди? Какое преступленіе совершили эти несчастныя созданія? И кто осудилъ ихъ на такія мученія? *Богъ, котораго они оскорбили.* Но что-же это за Богъ? *Это Богъ исполненный благодати.* Но развѣ исполненный благодати Богъ сталъ бы находить удовольствіе въ томъ, чтобъ купаться въ морѣ слезъ?... Есть такіе люди, о которыхъ нельзя ска- зать, что они боятся Бога, а можно только сказать, что они страшно имъ напуганы.... Судя по тому, какъ они представляютъ себѣ высшее существо, его гнѣвъ и жестокость его мщенія, и судя по тому, какъ велико число людей, которыхъ онъ осуждаетъ на гибель въ сравненіи съ числомъ тѣхъ людей, которыхъ онъ удостоиваетъ своей помощи, самые честные люди должны бы были желать, чтобъ вовсе не было такого высшаго существа (§ 7—9).

«Вы показываете невѣрующему человѣку сборникъ письменныхъ произведеній, божественность которыхъ вы намѣрены ему доказать. Но прежде чѣмъ вникнуть въ ваши доводы, онъ навѣрно захочетъ сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ касательно вашего сборника. Всегда ли оставался этотъ сборникъ безъ измѣненій? Почему нѣ- сколько столѣтій тому назадъ онъ былъ болѣе поѣнокъ нежели те- перь? По какому праву были исключены изъ него тѣ или другія части, признаваемые нѣкоторыми сектами за подлинныя, и почему были оставлены въ немъ тѣ или другія части, которыя иными сек- тами отвергаются?... На всѣ эти недоразумѣнія вы отвѣчаете

лишь признаніемъ, что первыя основы религіи имѣютъ чисто человѣческой характеръ, что выборъ между различными рукописями, возстановленіе нѣкоторыхъ мѣстъ и окончательное составленіе сборника были сдѣланы согласно съ правилами критики. Но я и не отказываюсь признать за божественностью священныхъ книгъ ту степень достовѣрности, которая соотвѣтствуетъ несомнѣнности тѣхъ правилъ (§ 60).

«Всѣ согласны въ томъ, что въ высшей степени важно, чтобъ въ защиту вѣры приводились лишь солидные аргументы. Однако тѣхъ, кто пытается ниспровергнуть плохіе аргументы, подвергаютъ преслѣдованіямъ. Но развѣ недостаточно быть христіаниномъ? Развѣ сверхъ того нужно быть христіаниномъ на основаніи ложныхъ аргументовъ (§ 57).

«Чѣмъ менѣе фактъ правдоподобенъ, тѣмъ болѣе свидѣтельство исторіи утрачиваетъ свой вѣсъ. Я безъ всякаго труда повѣрилъ-бы свидѣтельству одного честнаго человѣка, который сообщилъ бы мнѣ, что король только что одержалъ полную побѣду надъ союзниками. Но еслибы весь Парижъ увѣрялъ меня, что умершій человѣкъ воскресъ, я не повѣрилъ бы ни одному слову такого разсказа. Нѣтъ ничего удивительнаго ни въ томъ, что историки вводятъ насъ въ заблужденіе, ни въ томъ, что цѣлый народъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе (§ 46).

«Что такое Богъ? Вотъ вопросъ, который мы задаемъ дѣтямъ, и на который философы очень затрудняются отвѣтомъ. Мы хорошо знаемъ, въ какомъ возрастѣ ребенокъ долженъ начать учиться грамотѣ, пѣнію, танцамъ, и когда ему пора приступить къ изученію латинскаго языка или геометріи. Только въ дѣлѣ религіи мы не принимаемъ въ соображеніе его способностей. Онъ только что приобрѣлъ способность слушать, а вы уже спрашиваете у него: что такое Богъ? Въ одно и тоже время и изъ однихъ и тѣхъ-же устъ онъ узнаетъ, что существуютъ привидѣнія, домовые, оборотни и узнаетъ, что есть Богъ (§ 25).

«Разнообразіе религіозныхъ мнѣній навело действъ на мысль сослаться на такой аргументъ, который не столько основателенъ, сколько оригиналенъ. Цицеронъ, желая доказать, что Римляне самый воинственный народъ въ мірѣ, очень ловко вложилъ это мнѣніе въ уста ихъ противниковъ. Галлы, кому дали бы вы пальму первенства въ дѣлѣ храбрости? Римлянамъ. Паряне, кто, послѣ васъ, самые храбрые люди? Римляне. Африканцы, кто могъ бы внушить вамъ страхъ, еслибы это чувство было для васъ доступно? Римляне. Попробуемъ-же, говорятъ деисты, предложить религіознымъ фанатикамъ вопросы въ такой-же формѣ. Китайцы, если бы ваша религія оказалась не самой лучшей, какую бы вы предпочли послѣ

нея? Натуральную религію. Мусульмане, въ какую вы перешли бы вѣру, если бы вамъ пришлось отречься отъ магометанской? Въ натурализмъ. Христіане, какую вѣру слѣдовало-бы считать за истинную, еслибы не существовало христіанства? Еврейскую. Но вы, Евреи, какую вѣру считали бы вы за истинную, если бы еврейская оказалась ложной? Натурализмъ. Но тотъ, продолжаетъ Цицеронъ, — кому всё единогласно предоставляютъ второе мѣсто, и кто съ своей стороны никому не уступаетъ перваго мѣста, неоспоримо достоинъ занимать это первое мѣсто (§ 62).

Во всѣхъ этихъ выдержкахъ проглядываютъ характеристическія черты той полемики, какая велась въ восемнадцатомъ столѣтіи касательно религіи, основанной на откровеніи. Нападающіе требуютъ отъ ея защитниковъ отвѣта на всѣ интеллектуальныя или логическія возраженія, которыя могли бы быть сдѣланы тѣмъ, кто никогда не былъ христіаниномъ и отказывается отъ вступленія въ христіанскую вѣру, пока всѣ тѣ возраженія не будутъ опровергнуты. При этомъ не принималось въ соображеніе то умственное состояніе, при которомъ зарождаются и слагаются вѣрованія; не принимался въ соображеніе и рядъ историческихъ условій, которыя готовятъ людей къ принятію вѣрованій. Новѣйшіе поборники церкви уклончиво ограничиваются объясненіемъ религіи, а лѣтъ сто тому назадъ отъ нихъ требовали доказательствъ ея истины. Результатомъ такого метода неизбѣжно было отрицаніе. Въ такомъ вѣрованіи, которое заявляетъ претензіи на сверхъестественность, объективныя положенія не могутъ быть доказаны путемъ вывода изъ натуральныхъ или раціоналистическихъ посылокъ. А если бы они и могли быть доказаны такимъ способомъ, то не иначе какъ на такихъ основаніяхъ, которыя одинаково пригодны для всякихъ другихъ вѣрованій съ такими-же притязаніями. Такимъ образомъ скептикъ съ торжествомъ взвѣшивалъ на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ достоинства одной откровенной религіи въ сравненіи съ другой 1).

1) Вольей прибѣгнувъ къ другому слегка видоизмѣненному методу въ сочиненіи, которое пользовалось въ свое время огромной извѣстностью — *Les Ruines, ou Meditation sur les révolutions des empires* (1791). Вмѣсто того, чтобъ выяснять, въ какой мѣрѣ притязанія различныхъ вѣроисповѣданій взаимно уничтожаютъ одно другое, онъ придумалъ поразительную сцену, въ которой священнослужители каждаго вѣроисповѣданія выслушиваютъ своихъ противниковъ и потомъ осмѣиваютъ ихъ предразсудки и непоследовательность. У Дидро основой для аргументаціи служила та мысль, что если каждая изъ столькихъ разнообразныхъ религій заявляетъ одни и тѣже исключительныя притязанія, то всѣ эти притязанія должны считаться несостоятельными. А у Вольея аргументація болѣе непосредственно касается внутреннихъ достоинствъ вѣрованій и ведетъ къ тому заключенію, что всѣ религіи въ одинаковой мѣрѣ суть болѣзненные или патологическія явленія, потому что всѣ онѣ наводятъ насъ на поступки, неодобряемые самими характеристическими изъ ихъ собственныхъ принциповъ. Его методъ сравнительной оцѣн-

Точка зрѣнія у автора *Философскихъ мыслей* ясно деистическая. Но у него попадаются и такія кидающіяся въ глаза мѣста, изъ которыхъ видно, какое сильное впечатлѣніе производили на него нѣкоторые изъ аргументовъ противной стороны. «Я открываю», говоритъ Дидро, записки одного знаменитаго профессора и читаю: «Атеисты, я готовъ согласиться съ вами, что движеніе свойственно матеріи, но какое же выводите вы отсюда заключеніе? Что міръ есть продуктъ случайнаго соединенія атомовъ? Вы могли бы точно также утверждать, что Гомерова *Иліада* или Вольтерова *Генріада* была продуктомъ случайнаго соединенія написанныхъ буквъ». Что касается до меня, то я не обратился бы съ такими доводами въ атеисту, такъ какъ ему было бы нетрудно разбить меня помощью слѣдующаго сравненія. Согласно съ законами анализа случайностей, сказалъ-бы онъ мнѣ, я не долженъ удивляться, если случается то, что могло бы случиться, а трудность событія возмѣщается тѣмъ, сколько разъ я буду метать жребій. Я могу держать пари, что при извѣстномъ числѣ метаній игральныхъ костей, я добьюсь того, что на сто тысячъ костей получу сто тысячъ шестерокъ. Какое бы ни было число буквъ, съ помощью которыхъ я взялся-бы нечаянно составить *Иліаду*, непременно есть такое число метаній, при которомъ я могъ бы съ успѣхомъ взяться за это: мой успѣхъ былъ бы даже несомнѣненъ, если бы число дозволенныхъ мнѣ метаній было безконечно. Вы, конечно, согласитесь со мною, что матерія вѣчно существовала и что ей свойственно движеніе. Изъ признательности за эту любезность и я соглашусь съ вами, что міръ не имѣетъ предѣловъ, что число атомовъ безконечно и что тотъ порядокъ, которому вы удивляетесь, нигдѣ не нарушается: а изъ этихъ взаимныхъ уступокъ можно сдѣлать только тотъ выводъ, что возможность случайнаго возникновенія вселенной очень невелика, но что число случайныхъ сочетаній безконечно,—то есть, что трудность событія болѣе чѣмъ достаточно возмѣщается числомъ случайныхъ сочетаній. Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ матерія вѣчно находилась въ движеніи и такъ какъ въ безконечномъ числѣ возможныхъ комбинацій должно быть безконечное число удивительныхъ сочетаній, то нашъ разумъ долженъ бы былъ не допускать предположенія, что матерія при безконечномъ рядѣ комбинацій не попала ни на одно изъ тѣхъ удивительныхъ сочетаній. Стало-быть нашъ умъ долженъ быть пораженъ удивленіемъ не отъ того, что возникла вселенная, а отъ того, что такъ долго длился предполагаемый хаосъ» (§ 21).

ки религій былъ очень пригоденъ для разрушительныхъ цѣлей, но въ наше время онъ не могъ бы считаться удовлетворительнымъ. (См. *Oeuvres de Volney*, I. 109, и пр.).

¹⁾ См. Ланга, II. 308.

Въ коротенькомъ продолженіи *Философскихъ мыслей*, озаглавленномъ: *О достаточности натуральной религіи* (*De la suffisance de la religion naturelle*), Дидро сдѣлалъ шагъ впередъ, обратившись къ той вѣрѣ, которую приверженцы каждой религіи считаютъ за лучшую послѣ ихъ собственной. Но и здѣсь онъ все таки не выходитъ изъ сферы отрицанія. Онъ старается только доказать, что откровенная религія не доставляетъ никакихъ выгодъ, которыя уже не были бы обезпечены намъ натуральной религіей. «Законъ откровенія не заключаетъ въ себѣ никакихъ нравственныхъ правилъ, которыя не были бы предписаны и не исполнялись бы на практикѣ подъ вліяніемъ законовъ природы, и стало бытъ онъ не научаетъ насъ ничему новому касательно нравственности. Законъ откровенія не познакомилъ насъ ни съ какими новыми истинами, такъ какъ истина есть ничто иное, какъ опредѣленіе какого либо предмета, выражающее такія идеи, которыя мнѣ понятны и связь между которыми также понятна. Но откровенная религія не дала намъ такихъ опредѣленій. Все что она прибавила къ натуральнымъ законамъ заключается въ пяти или шести положеніяхъ, которыя для меня такъ же мало понятны, какъ если бы онѣ были выражены на древнемъ карфагенскомъ нарѣчій, такъ какъ мнѣ вовсе непонятны ни идеи выраженные этими положеніями, ни взаимная связь этихъ идей между собою»¹⁾.

Въ этомъ сочиненіи нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобъ Дидро выкинулъ въ положительныя основы натуральной религіи или чтобъ онъ былъ готовъ дать какой либо удовлетворительный отвѣтъ на аргументы, выставленные Бютлеромъ въ предшествовавшее десятилѣтіе. Мы не видимъ, чтобъ ему было извѣстно, что на основаніи его собственныхъ скептическихъ принциповъ можно сдѣлать такія же солидныя возраженія противъ данныхъ, на которыя ссылается натуралистическій деизмъ, какъ и противъ притязаній сверхъестественной религіи. Онъ довольствовался той точкой зрѣнія, на которой остановился Шафтсбери.

Вліяніе Шафтсбери на Дидро было постоянное. Оно не долго было такъ же полно и безгранично, какъ въ сферѣ религіозныхъ мнѣній, но слѣды его всегда были замѣтны въ понятіяхъ Дидро о нравственности и объ искусствѣ. Живость и одушевленіе Шафтсбери въ изложеніи философскихъ идей были въ высшей степени симпатичны для Дидро. Основанная на оптимизмѣ гармонія, которую слѣдовавшіе за Лейбницомъ англійскіе философы считали за исходную точку его этическихъ и религіозныхъ понятій, не только была въ высшей степени симпатична для сангвиническаго темперамента Дидро,

¹⁾ *De la Suffisance de la Religion Naturelle*, § 5.

но также представляла ему самый удобный способ высвободиться изъ-под гнета нелѣпыхъ и неясныхъ теологическихъ понятій о грѣховности, объ аскетизмѣ, о чудесахъ и о другихъ монашескихъ заблужденіяхъ. Такая натуралистическая религія можетъ показаться въ наше время крайне небезопаснымъ и не комфортабельнымъ убѣжищемъ. Но для тѣхъ, кому религія представлялась неразрывно связанной съ буллой *Unigenitus* и вѣроисповѣдными свидѣтельствами, съ различными проявленіями нетерпимости и жестокости, съ мелочными спорами о благодати и *Пяти положеніяхъ*, натурализмъ въ прозѣ Шафтсбери и въ стихахъ Попа казался чѣмъ то въ родѣ зари послѣ наводившей уныніе ночи. Всякій, кто желалъ смягчить безчеловѣчную суровость уголовного законодательства того времени ¹⁾, имѣлъ привычку ссылаться на натуральные законы въ противоположность обычнымъ указамъ и писаннымъ законоположеніямъ. Тогда стали утверждать, что натуральные законы предшествовали всѣмъ законамъ, придуманнымъ людьми. Точно такимъ-же образомъ всякій, кто желалъ разсѣять мракъ непонятныхъ догматовъ и унижительныхъ требованій церковной власти, ссылался на простоту, ясность и чистоту натуральной религіи, предполагая, что она была искажена во всемъ мірѣ суевѣріями различныхъ религіозныхъ общинъ.

«Я считаю *Опытъ о челоѣкѣ Попа*»,—писалъ Вольтеръ послѣ своего возвращенія изъ Англіи (1728),—«за самую изящную, самую полезную и самую возвышенную дидактическую поѣму, какая когда либо была написана на какомъ либо языкѣ. Правда, все ея содержаніе можно найти въ *Характеристикахъ* Шафтсбери и я не понимаю, почему Попъ приписываетъ ее вліянію Болингброка, но не говоритъ ни слова объ ученикѣ Локка, знаменитомъ Шафтсбери» ²⁾. Причина такого восторженнаго отзыва объ англійскомъ натурализмѣ

¹⁾ Не лишнимъ будетъ напомнить, что пытки не были уничтожены во Франціи до самой революціи. Одинъ католическій писатель высказалъ слѣдующія основательныя сужденія:—«При изученіи восемнадцатаго столѣтія, намъ неизбѣжно приводить въ изумленіе тѣ безнравственныя послѣдствія, которыя возникали для парижскаго населенія изъ часто повторявшихся и отвратительныхъ сценъ казни. Читая газеты того времени, мы, къ удивленію нашему, видимъ, что сцены, происходившія на площади *Grève*, играли весьма важную роль въ жизни простонародья. Это было нѣчто въ родѣ дневныхъ театральныхъ представленій. Вѣшаніе и колесованіе совершались періодически и народъ смотрѣлъ, какъ несчастные преступники страдали по пылмъ днямъ въ предсмертныхъ мукахъ. Иногда программа казни видоизмѣнялась обезглавливаніемъ и даже сжиганіемъ на кострѣ. Пытка имѣла свои легенды и своихъ героевъ, такъ какъ она была предметомъ ежедневныхъ разговоровъ для того поколѣнія, которое начало съ того, что видѣло, какъ разрывали Даміена до красна раскаленными щипцами, и кончило тѣмъ, что само разорвало на куски Фулона» (*Carné, Monarchie française au 18-ième siècle*, p. 493).

²⁾ *Lettres sur les Anglais*, XXIII.

заключалась не въ томъ только, что этотъ натурализмъ ставилъ нравственность въ независимое положеніе отъ религій,—чего и добивался всѣми силами Шафтсбери. Сверхъ того онъ отождествлялъ религію со всѣмъ, что есть прекраснаго и гармоническаго во вселенной. Онъ окружалъ новую вѣру чистой и возвышенной поэзіей, дававшей ей возможность бороться съ старыми вѣрованіями при равныхъ условіяхъ достоинства и возвышенности. Шафтсбери, а вслѣдъ за нимъ и Дидро, облагородилъ человѣческую натуру тѣмъ, что помѣстилъ принципы добродѣтели и доброты внутри человѣческаго сердца. Дидро, какъ мы увидимъ далѣе, всегда вѣрно держался этой идеи. Этимъ объясняется его наборъ фразъ о добродѣтели и нравственности, встрѣчающійся въ его письмахъ къ г-жѣ Волянъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, который иначе производилъ бы на нашъ слухъ непріятное впечатлѣніе ханжества. Наконецъ стараніе Шафтсбери придать нравственности особую красоту, объяснить вопросы ея касающіеся различіемъ наклонностей и придать почти одинакое значеніе чувству красоты и чувству нравственному— все это произвело на Дидро неизгладимое впечатлѣніе. Въ своихъ *Исслѣдованіяхъ* авторъ утверждаетъ, что всякій человѣкъ съ здравымъ взглядомъ на вещи, принялъ бы за ребяческое жеманство всякую попытку отвергнуть тотъ фактъ, что въ нравственныхъ существахъ, точно также какъ и въ матеріальныхъ предметахъ, есть истинная и существенная красота, есть нѣчто реально возвышенное. Что Дидро тотчасъ горячо схватился за эту мысль, видно изъ напыщеннаго подстрочнаго примѣчанія, которое онъ прилагаетъ къ оригиналу ¹⁾. Эта горячность и сдѣлалась источникомъ той этической окраски въ его критическихъ статьяхъ объ искусствѣ, которая придала имъ столько новизны и интереса потому что ставила эстетику выше техническихъ мелочей и приводила ее въ связь съ реальными импульсами и условіями человѣческой жизни ²⁾.

Одно изъ написанныхъ около того же времени (1747) сочиненій Дидро *Прогулка Скептика* (*Promenade du Sceptique*) вышло въ свѣтъ лишь послѣ его смерти. Его дочь рассказываетъ, что полицейскій агентъ вошелъ однажды въ домъ и сталъ обыскивать кабинетъ писателя. Отыскавъ какую-то рукопись, онъ сказалъ:

¹⁾ *Essai sur le Mérite*, I. II. § 3. Oeuv., I. 33.

²⁾ Шафтсбери былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей восемнадцатаго столѣтія. Въ величайшіе умы того времени не только въ Англіи, но и внѣ ея, какъ то Лейбницъ, Вольтеръ, Дидро, Лессингъ, Мендельсонъ, Виландъ и Гердеръ извлекали изъ его сочиненій самую здоровую пищу для своего ума“. (Тегнера *Literaturgeschichte des 18-ten Jahrhunderts*: 1-er Teil, 188). См. также Lange *Gesch. des Materialismus*, I, 306, etc. Прекрасная статья о Шафтсбери помѣщена Лесли Стефеномъ въ его *Essays on Freethinking and Plain-Speaking*.

«Хорошо, это именно то, что мнѣ нужно», положилъ ее къ себѣ въ карманъ и ушелъ. Дидро употреблялъ всевозможныя старанія чтобъ обратно получить свое сочиненіе, но никогда не могъ этого добиться¹⁾. Копія съ этой рукописи попала въ руки Нэжона и, какъ кажется, была сохранена директоромъ прессы. Малербомъ изъ доброжелательства къ автору. Если бы она была напечатана, авторъ безъ сомнѣнія заплатилъ-бы за нее тюремнымъ заключеніемъ въ Венсенъ.

Съ перваго взгляда намъ кажется несовсѣмъ понятнымъ, какъ могла полиція узнать о томъ, что лежитъ въ письменномъ столѣ неизвестнаго писателя. Но мы не должны забывать, что хотя Парижъ чрезвычайно разросся въ эпоху системы Ло (1719—20), однако имѣлъ еще такіе размѣры, при которыхъ задача администраціи сравнительно не была особенно трудна. Хотя въ 1720 населеніе всего королевства достигало лишь четырнадцати или пятнадцати милліоновъ жителей, населеніе Парижа было не менѣе чѣмъ въ полтора милліона. Такое искусственное расширеніе столицы прекратилось вмѣстѣ съ паденіемъ Ло. Въ половинѣ столѣтія, населеніе Парижа едва превышало восемьсотъ тысячъ²⁾. Стало быть въ то время, не такъ какъ теперь при вредномъ и чудовищномъ размноженіи обитателей Парижа и Лондона, полиція была въ состояніи наблюдать за всѣмъ съ достаточной акуратностью. Это былъ скорѣе очень большой провинціальный городъ. Сверхъ того жители распредѣлялись по группамъ или по сферамъ дѣятельности съ такою опредѣленностью, которая уже невозможна въ наше время. Такъ напримѣръ одна пятая часть населенія состояла изъ домашней прислуги³⁾. Въ его числѣ было отъ двадцати до тридцати тысячъ нищихъ по профессіи⁴⁾. Кружокъ лицъ судебного вѣдомства былъ довольно многочисленъ и привлекалъ къ себѣ общее вниманіе своимъ вліяніемъ и своими внутренними раздорами. Сфера литераторовъ хотя и возбуждала много шума и была очень вліятельна, однако состояла лишь изъ небольшой группы людей. Учрежденіе

¹⁾ Oeuures, I. XLVI.

²⁾ Жюбеза *France sous Louis XV*, II. 373. Въ 1725 въ Парижъ было 24,000 домовъ, 20,000 экипажей и 120,000 лошадей. (Мартена *Hist. de France*, XV, 116).

³⁾ Дошедшія до насъ свѣдѣнія о томъ что такое былъ въ то время Парижъ, содержать въ себѣ не мало доказательствъ безпокойнаго нрава этой отвратительной арміи лакеевъ. *Barbier*, I. 118. Касательно того, какъ развилась въ нихъ заносчивость, см. *Saint-Simon*, XII. 354 и пр. Число лакеевъ, находившихся при мѣстахъ, было, какъ кажется, чрезвычайно велико по сравненію съ общей суммой ежегодныхъ расходовъ, и въ этомъ нельзя не усмотрѣть очень любопытной черты въ нравахъ того времени. См. Вольтера *Dict. Phil.*, § V. *Economie Domestique* (liv. 182).

⁴⁾ *Duclos*, *Mém. secrets sur le Règne de Louis XV.*, III. 306.

цензуры всегда поражаетъ толки и перешептыванія касательно подозрительныхъ литературныхъ произведеній прежде нежели они выйдутъ въ свѣтъ, а эти перешептыванія даютъ полици возможность проникать во всѣ тайны, какія только могутъ интересовать ее.

Что касается до Дидро, то его откровенное добродушіе давало всякому посѣтителю возможность знакомиться съ положеніемъ его дѣлъ. Его домъ служилъ мѣстомъ сборища для всѣхъ парижскихъ голодныхъ писаекъ и самъ онъ оставилъ намъ не одно живое изображеніе литературныхъ тружениковъ того времени. Вотъ напримеръ, что онъ писалъ объ одномъ бѣднякѣ, которому онъ далъ какую-то рукопись для снятія съ нея копій. «Уже прошелъ тотъ срокъ, въ который онъ обѣщаль мнѣ доставить ее, а такъ какъ онъ не являлся ко мнѣ, я сталъ беспокоиться и отправился отыскивать его. Я нашелъ его въ какой-то дырѣ шириною почти въ мой кулакъ, грязной какъ смоль и безъ малѣйшаго лоскутка занавѣски или обоевъ для прикрытія обнаженныхъ стѣнъ; тамъ было нѣсколько соломенныхъ стульевъ, выдвижная кровать съ стеганнымъ одѣяломъ, изъѣденнымъ молью, въ уголкѣ за каминомъ сундукъ, заваленный разною ветошью, маленькая жестяная лампа, для которой служила подставкой бутылка, а на полкѣ около дюжины первоклассныхъ литературныхъ произведеній. Я провелъ тамъ въ разговорѣ почти три четверти часа. Мой бѣднякъ былъ голъ какъ червякъ, тощъ, черенъ, сухъ, но совершенно спокоенъ духомъ. Онъ ничего не говорилъ, а только съ аппетитомъ жеваль корку хлѣба и отъ времени до времени обращался съ лаской къ своей возлюбленной, лежавшей на отвратительной кровати, которая занимала двѣ трети его комнаты. Если-бы я прежде того не зналъ, что источникъ счастья въ нашей душѣ, мой Эпиктетъ изъ улицы *Гиацинтъ* вполне убѣдилъ-бы меня въ этомъ.»¹⁾

Разсказъ объ одномъ изъ такихъ кліентовъ-оборванцевъ совершенно подходящъ для нашей цѣли. «Въ числѣ тѣхъ», — писалъ Дидро г-жѣ Волянъ²⁾, — «кто обращался ко мнѣ случайно или по нуждѣ былъ нѣкій Глена, хорошо знавшій математику, имѣвшій хорошій почеркъ и искавшій заработковъ. Я сдѣлалъ все что могъ, чтобъ вывести его изъ затрудненій. Я повсюду искалъ для него заказовъ. Если онъ заходилъ ко мнѣ въ обѣденное время, я не позволялъ ему уходить не поѣвши; если у него не было башмаковъ, я давалъ ихъ ему; по временамъ мнѣ случалось незамѣтно всунуть ему въ руку серебряную монету. Онъ имѣлъ видъ самаго добродѣтельнаго человѣка въ мірѣ, и даже переносилъ лишения съ нѣко-

¹⁾ Оeuv., XIX. 91.

²⁾ Ibid., p. 130.

торой веселостью, которая мнѣ нравилась. Я любилъ поболтать съ нимъ; онъ, повидимому, не придавалъ большой цѣны ни богатству, ни славѣ, ни всему тому, что прельщаетъ насъ въ жизни. Семь или восемь дней тому назадъ Дамилавиль написалъ мнѣ, чтобъ я прислалъ къ нему этого человѣка, такъ какъ одинъ изъ его пріятелей нуждается въ переписчикѣ. Я далъ знать Глена, чтобъ онъ туда отправился, и ему вручили для переписки рукопись, въ которой рѣчь шла о религіи и о правительствѣ. Я не знаю какъ это случилось, но рукопись оказалась въ рукахъ директора полиціи. Дамилавиль извѣстилъ меня объ этомъ. Я поспѣшилъ къ моему пріятелю Глена, чтобъ предупредить его, что онъ не долженъ впредь рассчитывать на меня. „Почему же я не долженъ впредь рассчитывать на васъ?“ „Потому что вы на замѣчаніи у полиціи. За вами слѣдятъ и потому нѣтъ возможности доставлять вамъ работу“. „Но вы, дорогой мой другъ, не подвергнетесь никакой опасности если только не будете довѣрять мнѣ ничего предосудительнаго. Полиція приходитъ сюда только тогда, когда чуетъ добычу. Я не могу объяснить вамъ, какъ она это дѣлаетъ, но она никогда не ошибается“. „Хорошо, во всякомъ случаѣ я знаю теперь въ чемъ дѣло и я узналъ отъ васъ гораздо болѣе того, чего ожидалъ“;—съ этими словами я повернулся спиной къ этому негодю и вышелъ». По какому-то дѣлу Дидро пришлось посѣтить директора полиціи; тогда онъ завелъ разговоръ о случившемся и рѣзко упрекнулъ директора за то, что онъ такъ отвратительно употребилъ во зло его сердечную доброту, введя шпиона въ его домъ. Г-нъ де-Сардинъ разсмѣялся, а Дидро уходя далъ себѣ слово, что какой-бы ни пришелъ къ нему бѣднякъ,—будь у него грязныя и оборванныя манжетки, дыры на чулкахъ и на башмакахъ, волосы нечесанные, дурное верхнее платье въ дыркахъ или коротенькое черное платье съ бросающимися въ глаза заплатами, и при этомъ звукъ голоса и умильные взгляды страждущей добродѣтели,—онъ отнесется къ пришельцу какъ къ человѣку подосланному полиціей, какъ къ негодю, которому поручено подсматривать за нимъ. Что Дидро скоро позабылъ о данномъ словѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію; тѣмъ не менѣе вся эта исторія доказываетъ намъ, что положеніе литераторовъ было въ нѣкоторомъ отношеніи гораздо болѣе тягостно во Франціи нежели въ Англіи.

Но міръ, конечно, не понесъ-бы невозвратимой потери, еслибы полиція бросила въ огонь *Проулку Скептика*. Это—аллегорія, написанная съ цѣлію провести параллель между жизнью религіознаго человѣка, жизнью философа и жизнью, наполненной чувственными наслажденіями. Изъ всѣхъ формъ литературнаго творчества, аллегорія, чтобъ быть удачной, всего болѣе требуетъ отъ автора способ-

ности уловлять вновь возникающія въ людяхъ понятія о счастіи. И ясность и правдоподобіе и выдержанность ничего не стоятъ въ сравненіи съ изворотливостью и богатствомъ фантазіи. У Беняна была такая способность, а у Вольтера она также была но въ соединеніи съ безконечно болѣею живостью. У Дидро же не было свойственной первому изъ нихъ глубокой искренности или реализма въ убѣжденіяхъ; у него не было и свойственнаго второму изъ нихъ неподражаемаго умѣнья вполне предаваться фантазіи. Онъ былъ самымъ неловкимъ, самымъ неудачнымъ и самымъ ненаходчивымъ изъ сочинителей. Его аллегорія объ аллеѣ изъ терновника, объ аллеѣ изъ каштановыхъ деревьевъ и объ аллеѣ изъ цвѣтовъ, неискусно задумана, слишкомъ ясна и бѣдна содержаніемъ, а потому интересуютъ столько же сколько могло бы заинтересовать изложеніе ея содержанія безъ всякой попытки придать ему фантастическую обстановку. Скромные святоши, прогуливающіеся между кустами терновника, и сластолюбивые грѣшники, прогуливающіеся между цвѣтами, похожи на механическія фигуры. Стараясь передать приличнымъ для аллегорическаго положенія языкомъ отвращеніе скептика съ одной стороны къ грубымъ суевѣріямъ, а съ другой къ грубому гедонизму, онъ употребляетъ натянутыя и неуклюжія выраженія. Самый интересный изъ трехъ отдѣловъ — второй, заключающій въ себѣ пренія, въ которыхъ принимаютъ участіе деистъ, пантеистъ, субъективный идеалистъ, скептикъ и атеистъ. Здѣсь аллегорія отбѣсняется на задній планъ и передъ нами безыскусственно излагаются нѣкоторыя изъ возраженій, которыя могутъ быть сдѣланы скептикомъ-атеистомъ и противъ откровенія и противъ натуральной религіи. Звѣздное небо вызываетъ обычное восхваленіе творца такихъ красотъ. «Все это дѣло воображенія», возражаетъ атеистъ. «Это ничто иное какъ догадки. Передъ нашими глазами незнакомый намъ аппаратъ, надъ которымъ сдѣланы нѣкоторыя наблюденія. Невѣжественные люди, разсмотрѣвшіе только одно изъ его колесъ, въ которомъ близко познакомились едва ли болѣе чѣмъ съ однимъ или съ двумя зубцами, дѣлаютъ догадки о томъ, какъ его кулаки приспособлены къ взаимно-дѣйствию съ сотнями тысячъ другихъ колесъ. А за тѣмъ они, какъ настоящіе ремесленники, наклеиваютъ на это произведеніе ярлыкъ съ именемъ его автора».

Защитникъ оправдываетъ свою точку зрѣнія тѣмъ аргументомъ съ ссылкой на часы съ репетиторомъ, къ которому такъ часто прибѣгали Палэ и нѣкоторые другіе писатели. Для всякаго ясно, говоритъ онъ, что конструкція и правильность хода такихъ часовъ суть дѣло интеллигентнаго существа. «Нѣтъ», — возражаетъ атеистъ, — «здѣсь идетъ рѣчь о разнородныхъ предметахъ. Такое законченное произведеніе, происхожденіе и творецъ котораго вамъ извѣстны, вы сравниваете

съ сложнымъ до безконечности предметомъ, котораго начало, настоящее положеніе и конецъ одинаково вамъ неизвѣстны, и о творцѣ котораго вы не имѣете никакихъ болѣе положительныхъ свѣдѣній, чѣмъ однѣ догадки».

Но развѣ его конструкція не даетъ указаній о его творцѣ? «Нѣтъ; вы не видите, кто этотъ творецъ, и каковъ онъ. Кто сказалъ вамъ, что порядокъ, которымъ вы здѣсь восхищаетесь, не нарушается гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ? Какое имѣете вы право дѣлать изъ одного пункта въ пространствѣ выводы касательно всего безконечнаго пространства? Вы засыпаете огромное пространство землей и разными обломками, которые разбросаны наудачу, но между которыми находятъ для себя очень удобныя жилища и червякъ и муравей. Что подумали-бы вы объ этихъ насѣкомыхъ, если бы они, разсуждая точно такимъ-же образомъ, какъ и вы, стали бы восхищаться интеллигенціей садовника, такъ хорошо для нихъ размѣстившаго всѣ эти матеріалы?»¹⁾

Въ этой зачаточной формѣ главный ораторъ высказываетъ нѣкоторыя возраженія противъ деизма съ точки зрѣнія неизмѣнной ограниченности и неизбѣжной относительности человѣческихъ знаній. Такого рода возраженія были высказаны еще за долго передъ тѣмъ и съ большею силой Паскалемъ въ знаменитой статьѣ его *Мыслей*, гдѣ объяснялось, какъ трудно доказать существованіе божества путемъ изученія природы²⁾. У Дидро аргументація не доходитъ до догматическаго отрицанія. Она лишь доказываетъ, что на деиста можно нападать оружіемъ, взятымъ изъ того же самаго скептическаго арсенала, изъ котораго онъ извлекъ свое собственное оружіе для нападокъ на откровеніе. Нѣтъ возможности рѣшить, какъ далеко зашелъ Дидро въ ту пору въ своихъ мнѣніяхъ. Рѣшительность, съ которой его атеистъ излагаетъ свои доводы, служить доказательствомъ того, что авторъ вполне сознавалъ ихъ силу. Но атеиста постигаютъ неожиданныя несчастія. Возвратившись домой, онъ находитъ, что его дѣти убиты, его домъ разграбленъ, его жена увезена и авторъ утверждаетъ, что на основаніи своихъ собственныхъ принциповъ атеистъ не имѣлъ права жаловаться на это. Если отсутствіе свидѣтелей давало убійцѣ возможность совершить свое преступленіе безнаказанно, то почему же онъ не долженъ былъ совер-

¹⁾ Prom. du Sceptique. Oeuvr., I. 229.

²⁾ „Если есть Богъ, то онъ непостижимъ для насъ, потому что не имѣя составныхъ частей или предѣловъ, онъ не имѣетъ никакого соотношенія съ нами: потому мы неспособны понять, что онъ такое и существуетъ-ли онъ. При такомъ положеніи вещей, можемъ-ли мы отважиться на разрѣшеніе вопроса? Во всякомъ случаѣ, если кто либо можетъ, то не мы, у которыхъ нѣтъ никакого соотношенія съ нимъ“.—Pensées, II. III. I.

шать его? Есть также одно мѣсто, въ которомъ авторъ, повидимому, высказываетъ свои собственные мнѣнія. Одинъ изъ собесѣдниковъ настаиваетъ на необходимости поддерживать въ народѣ нѣкоторые предрасудки. «Какіе предрасудки? Если кто либо допускаетъ существованіе Бога, нравственное добро и зло, безсмертіе души, будущія награды и наказанія, зачѣмъ ему нужны предрасудки? Допустимъ, что онъ посвященъ во всѣ тайны пресуществленія, Троицы, единства трехъ ипостасей, предопредѣленія, воплощенія и проч., развѣ онъ будетъ оттого лучшимъ гражданиномъ?»¹⁾

Въ сущности умъ Дидро парилъ въ то время въ облакахъ рационалистическаго отрицанія, а мораль его произведенія, какъ онъ самъ на это намекаетъ, направлена во первыхъ противъ сумасбродствъ католицизма, за тѣмъ противъ пустоты свѣтскихъ удовольствій и, наконецъ, противъ безконечной неопредѣленности философскихъ теорій. Но при этомъ мы усматриваемъ въ немъ довольно сильную склонность къ теоріи о вѣчности матеріи, которая распредѣлилась и приняла разнообразныя формы благодаря присущему ей свойству подвижности.²⁾

Весьма характеристичнымъ и неприятнымъ признакомъ времени служить тотъ фактъ, что среди такихъ серьезныхъ философскихъ идей Дидро приступилъ (1748) къ сочиненію рассказовъ въ томъ самомъ родѣ, который сдѣлался весьма популярнымъ благодаря автору *Соффы*. Содержаніе этого жалкаго произведенія еще болѣе отвратительно—въ эстетическомъ, а не нравственномъ отношеніи,—чѣмъ все, что можно найти въ слишкомъ многочисленныхъ произведеніяхъ грязной литературы. Мысль сочиненія, какъ кажется, заимствована изъ одного стариннаго *Fabliau*.³⁾ Но то, что сносно въ формѣ граціозныхъ и наивныхъ стиховъ двѣнадцатаго или тринадцатаго столѣтія, дѣлается невыносимымъ, когда обдуманно облекается серьезнымъ человѣкомъ въ неизящную и нестыдливую прозу восемнадцатаго столѣтія. Мы не находимъ здѣсь ни стариннаго юмора, ни блестокъ фантазій, ни остроумія, ни веселой *gaillardise*—и передъ нами лишь выдохшійся осадокъ сальнаго анахронизма. Даже Карлейль,—не смотря на то, что онъ не любитъ стѣсняться, когда заходитъ рѣчь о подобныхъ предметахъ, и не придерживается общепринятыхъ лицемѣрныхъ приемовъ нашей критики,—очень рѣшительно и основательно утверждаетъ, что это «самыя скотскія изъ всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ пошлыхъ повѣстей.» «Когда какой

1) Стр. 182.

2) Стр. 223.

3) Барбазана *Fabliaux et Contes*, III. 409 (изд. 1808). Первая часть этого ученаго труда появилась въ свѣтъ въ 1756 и легко могло случиться, что Дидро познакомился съ его содержаніемъ прежде нежели онъ былъ напечатанъ.

нибудь смертный, будь онъ даже рецензентъ, снова заглядывалъ въ эту книгу, я сознавалъ какъ вѣрно замѣчаніе нашего юмориста, «что еслибы читатель выкупался въ ключевой водѣ и перемѣнилъ бѣлье, то всетаки оставался бы грязнымъ до окончанія чтенія»: Самъ Дидро, какъ и слѣдовало ожидать, скоро сталъ раскаяваться въ томъ, что написалъ такую постыдную вещь и никогда не могъ безъ замѣшательства слышать упоминаніе о ней. ¹⁾

Я уже имѣлъ случай замѣтить, ²⁾ что именно такія произведенія, какъ упомянутые рассказы Дидро, какъ романы Кребильона, какъ *Исповѣдь графа X* Дюкло, и обнаружившаяся въ нихъ развращенность нравовъ придали *Новой Элоизѣ* Руссо (1761) ея увлекательное и непреодолимое обаяніе. Такъ какъ я указалъ уже въ другомъ мѣстѣ на вліяніе нравственной распущенности, отъ которой не вполне остались чистыми и тѣ, кто принадлежалъ къ партіи философовъ, то я ограничусь здѣсь двумя коротенькими замѣчаніями. Вопервыхъ я напому, что развратъ, воцарившійся при дворѣ послѣ смерти Людовика XIV, скоро распространился и въ среднемъ классѣ столичнаго населенія. Вызванное безразсудными спекуляціями Ло ослабленіе общественныхъ узъ безъ сомнѣнія содѣйствовало распространенію деморализаціи. Во вторыхъ, реакція противъ церкви заключала въ числѣ другихъ своихъ элементовъ и страстную ненависть ко всему, что походило на аскетизмъ. Это явленіе совпало съ общимъ упадкомъ нравственности, замѣнившимъ мрачную суровость временъ Людовика XIV. Оттого-то даже люди, отличавшіеся чистотою своей жизни какъ Бондорсе, доходили въ теоретическомъ протестѣ противъ аскетизма до извиненія практической безнравственности того времени. Это одна изъ тѣхъ громадныхъ невыгодъ, которыя рѣдко принимаются въ соображеніе при исчисленіи благодѣяній, доставляемыхъ суевѣріемъ. Средневѣковое суевѣріе принесло нѣкоторую пользу, но теперь настало время расплатиться за это. Неизмѣнныя нравственныя правила были поставлены въ неразрывную связь съ переходящими религіозными вѣрованіями. Поэтому, когда вѣрованія утратили свой интеллектуальный кредитъ, вмѣстѣ съ ними пришла на короткое время въ упадокъ и половая нравственность. Таковъ всегда бываетъ естественный результатъ попытки построить здравую этику на нетвердомъ песчаномъ грунтѣ и на непрочномъ фундаментѣ теологін.

Такія литературныя произведенія, какъ эти рассказы Дидро, были отраженіемъ въ одно и то же время и обыденныхъ практическихъ понятій и философской теоріи. Оригинальныя выходки этого рода дорого обходятся народу, если онѣ облакаются въ такую ли-

¹⁾ Naigeon.

²⁾ Въ моей книгѣ *Руссо*, II. 24—6.

тературную форму, которая придаетъ имъ долговѣчность. Иные утверждаютъ, что романъ Луве—*Фоблазъ* и до сихъ поръ служить могущественнымъ орудіемъ для развращенія французскаго юношества. Впрочемъ у Дидро не было самыхъ характеристическихъ достоинствъ французскихъ писателей; онъ не умѣлъ быть ни наивнымъ, ни деликатно вкрадчивымъ, ни игриво циническимъ. Вотъ почему его произведеніе было недолговѣчно и намъ нѣтъ надобности долѣе останавливаться на немъ. *Chaque esprit a sa lie*, сказалъ одинъ писатель, когда—то преклонявшійся передъ Дидро ¹⁾; и мы можемъ отложить въ сторону рассказы, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ осадокъ мощнаго, безпечнаго и зараженнаго чувственностью ума. Впослѣдствіи Дидро написалъ *La Religieuse*, на которую поверхностной критикѣ не трудно изливать цѣлые потоки приторной ярости. Однако въ этомъ случаѣ онъ совершилъ глубокое патологическое изслѣдованіе съ серьезнымъ направленіемъ. Если сюжетъ и ужасенъ, то въ этомъ слѣдуетъ винить складъ человѣческаго характера или негодность человѣческихъ учреждений. *La Religieuse* не была продолженіемъ тѣхъ развратныхъ идей, которыя возникли и кончились вмѣстѣ съ рассказами, написанными въ 1748,—тѣми рассказами, которые принадлежатъ къ числу многочисленныхъ иллюстрацій мнѣнія Гизо, что восемнадцатое столѣтіе было самымъ заманчивымъ и самымъ соблазнительнымъ изъ всѣхъ столѣтій, такъ какъ оно сулило полное удовлетвореніе какъ всѣмъ возвышеннымъ стремленіямъ человѣчества, такъ и всѣмъ его слабостямъ. Геттнеръ цитируетъ выдержку изъ одной мелкой статьи Нибура, въ которой этотъ историкъ сравниваетъ Дидро съ Петроніемъ, такъ какъ оба они были честные, благонамѣренные люди, которые въ эпоху общаго безстыдства были вовлечены въ цинизмъ своей глубокой ненавистью къ господствовавшему пороку. «Еслибы Дидро жилъ въ наше время»,—говоритъ Нибуръ,—«и еслибы Петроній жилъ не въ третьемъ, а только въ четвертомъ столѣтіи, имъ казалось бы отвратительнымъ описываніе сальностей и поводы къ тому были бы несравненно менѣе значительны» ²⁾. Но въ Дидро не замѣтно слѣдовъ такого глубокаго отвращенія къ порочности его времени. Можно только сказать, что онъ въ свои ранніе годы не избѣжалъ ея вліянія не смотря на то, что отъ природы былъ человѣкомъ нравственнымъ и честнымъ.

Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что распушенность нравовъ, господствовавшая въ половинѣ столѣтія, не соединялась съ циничес-

¹⁾ Жуберъ.

²⁾ Геттнера, *Literaturgeschichte des 18-ten Jahrhunderts*, II. 301.

кимъ и презрительнымъ взглядомъ на женщинъ,—какъ это обыкновенно случается при упадкѣ нравственности. Тогда болѣе или менѣе ясно сознавали ту истину, которая становилась все болѣе и болѣе очевидной по мѣрѣ того какъ со времени революціи просвѣщался человѣческій умъ,—ту истину, что вопросъ о сферѣ дѣятельности и о назначеніи женщины входитъ въ число трехъ или четырехъ самыхъ передовыхъ вопросовъ въ дѣлѣ общественныхъ улучшеній. Теперь это сознается всѣми, какъ бы ни были различны мнѣнія касательно правильнаго разрѣшенія этой задачи. Лѣтъ сто тому назадъ, это сознание было шатко и неопредѣленно, но и тогда уже ясно высказывалось опасеніе, что католическій идеаль женщины такъ же мало соответствуетъ условіямъ жизни, какъ и католическія понятія о наукѣ, о собственности, о трудѣ, о политическомъ устройствѣ и о правительственной власти.

Отъ Дидро осталось нѣсколько оригинальныхъ и достойныхъ вниманія размышленій о назначеніи и характерѣ женщинъ. Онъ не обнаруживаетъ стремленій къ переустройству общества, а выражается какъ человѣкъ, который мучительно вдумывается въ печально сложившіяся условія жизни. У него нѣтъ той приторной сентиментальности, которая была свойственна Жанъ-Жаку. Онъ не пренебрегаетъ простыми физическими явленіями, о которыхъ такъ трудно говорить, когда установился вредный обычай обходить ихъ молчаніемъ, но о которыхъ было бы такъ вредно молчать. Онъ никогда не унижается до той вредной лести по отношенію къ женщинамъ, которой довольствуются близорукіе наблюдатели, фаты и люди ослѣпленные своими личными привязанностями. «Никогда не забывайте»,—говоритъ онъ,—«что вслѣдствіе непривычки вдумываться въ предметы и вслѣдствіе отсутствія какихъ либо принциповъ, ничто не проникаетъ достаточно глубоко въ убѣжденіе и въ умъ женщинъ. Понятія о справедливости, добродѣтели, пороки, сердечной добротѣ или злости, скользятъ по поверхности ихъ души. Онѣ себялюбивы и охраняютъ свои личные интересы со всей свойственной имъ натурѣ энергіей. Хотя онѣ съ вѣшной стороны болѣе цивилизованы, чѣмъ мы, но внутренно онѣ остались настоящими дикарками.... Въ любовной страсти, въ припадкахъ ревности, въ восторгахъ материнской нѣжности, въ вспышкахъ суевѣрія—вотъ въ чемъ женщины обнаруживаютъ приводящее насъ въ изумленіе умѣнье усваивать господствующія какъ эпидемическая зараза общепринятія мнѣнія; онѣ прекрасны какъ серафимъ у Блопштока, страшны какъ злые духи у Мильтона... Развлеченія дѣловой и полной борьбы жизни заглушаютъ наши страсти. Женщина-же, напротивъ того, питаетъ въ себѣ свои страсти; это—неподвижная точка, къ которой приковано ея вниманіе благодаря ея праздности или мелоч-

ности ея обязанностей... Женщины непроницаемы въ своемъ притворствѣ, жестоки въ мстительности, упорны въ своихъ намѣреніяхъ, неразборчивы въ средствахъ для успѣха, и одушевлены глубокою и скрытною ненавистью къ деспотизму мужчины, такъ что вамъ кажется, будто между ними существуетъ нѣчто въ родѣ такого же союза, какой существуетъ между лицами духовнаго званія всѣхъ націй... Символомъ для женщины служить то слово, которое написано во главѣ Апокалипсиса,—*тайна*.... Если у насъ разсудокъ болѣе силенъ чѣмъ у женщинъ, за то у нихъ инстинктъ болѣе силенъ, чѣмъ у насъ.» ¹⁾ Все это было высказано безъ желчи, и, напротивъ того, въ духѣ глубокомысленнаго наблюдателя.

Ироническая жолчность была бы здѣсь такъ же неумѣстна, какъ и легкомысленныя похвалы. Дидро питалъ глубокое чувство состраданія къ женщинамъ. Ихъ физическія слабости растрогивали его до соболѣзнованія. Къ этимъ слабостямъ присоединялось бремя материнскихъ обязанностей и бремя несправедливыхъ законовъ. «Настало время, когда дѣвушка должна выйти изъ зависимости отъ своихъ родителей; ея воображеніе раскрывается для будущаго, наполненнаго химерами; ея сердце погружается въ море тайныхъ радостей. Радуйся пока можешь, несчастное существо! Время ослабило бы ту тиранію, отъ которой ты освободилась, но время же усилить ту тиранію, которая ожидаетъ тебя. Они выбрали ей супруга. Она дѣлается матерью. Въ страданіяхъ, съ опасностью для своей жизни, съ утратой своихъ прелестей, нерѣдко съ вредомъ для своего здоровья—вотъ какъ производитъ она на свѣтъ ребенка. Органы ея пола подвержены двумъ неизлечимымъ болѣзнямъ. Можетъ быть нѣтъ такой радости, какъ радость матери при видѣ своего перваго ребенка, но этотъ моментъ купленъ дорогой цѣной. Съ теченіемъ времени красота увядаетъ; настаютъ годы пренебреженія, сплина, скуки. По волѣ природы женщина должна пройти чрезъ физическія страданія, чтобъ сдѣлаться матерью; въ страданіяхъ, въ опасной и продолжительной болѣзни разрѣшается она отъ бремени. И что ожидаетъ послѣ того женщину? Мужъ пренебрегаетъ ею, дѣти покидаютъ ее, въ обществѣ она не имѣетъ никакого значенія, и благочестіе дѣлается ея единственнымъ и послѣднимъ ресурсомъ. Почти во всѣхъ странахъ міра жестокость гражданскихъ законовъ по отношенію къ женщинамъ присоединяется къ жестокости самой природы. Къ женщинамъ относятся какъ къ слабоумнымъ дѣтямъ. Въ средѣ цивилизованныхъ націй нѣтъ такого при-

¹⁾ О е и в., II. 260, etc.

тѣсеніи, которому муштина не могъ бы безнаказанно подвергнуть женщину». ¹⁾

Мнѣнія Дидро остановились на томъ, что выражено въ этомъ патетическомъ словоизверженіи. Онъ предоставилъ слѣдующему поколѣнію, — Кондорсе и другимъ, — разрѣшить эту проблему съ практической точки зрѣнія и развить ту правильную теорію, что для возмѣщенія физическихъ невыгодъ на сторонѣ женщинъ слѣдуетъ стремиться къ ихъ социальной эманципации и къ подчиненію мужчинъ нравственной дисциплинѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не отдать Дидро справедливости въ томъ, что онъ отнесся къ положенію и характеру женщинъ въ цивилизованномъ обществѣ съ пониманіемъ реальныхъ условій жизни и отбросилъ въ сторону общепринятая въ поэзіи и литературѣ сладкія любезности, которыми прикрывалась цѣлая бездна страданій.

¹⁾ Oeuv., II. 258—9. De l'Essai sur les Femmes, par Thomas. См. Грима *Comp. Lit.*, VII, 451, гдѣ эта книга подвергается хуль, и VIII, 1, гдѣ приводится мнѣніе объ ней Дидро. Томасъ принадлежалъ къ партіи философовъ, но не къ числу ея воинствующихъ членовъ. Онъ былъ серьезный и добропорядочный человекъ и находился въ самой тѣсной дружбѣ съ г-жою Неккеръ. Его восторженная любовь къ добродѣтели, справедливости и свободѣ, выражавшаяся съ большою высокопарностью, слѣдала его идоломъ того кружка, который собирался у г-жи Неккеръ. Недавно одинъ писатель — не безъ основанія, хотя и съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, — прозвалъ его „хилымъ Грависомомъ“. (*Альбера Lit. Française au 18 ième siècle*, стр. 423).

Г Л А В А IV.

Новая философія.

Существуетъ общее предубѣжденіе, въ силу котораго относятся къ Вольтеру такъ, какъ будто онъ ничего не сдѣлалъ кромѣ того, что написалъ *La Pucelle* и насмѣхался надъ пророками. Всякій, кто серьезно изучалъ литературу, составилъ себѣ болѣе правильное мнѣніе о немъ. Онъ популяризировалъ философію Ньютона (1738), а это было чрезвычайно важнымъ стимуломъ для развитія во Франціи новыхъ идей. Въ одной изъ главъ этого произведенія онъ объяснилъ теорію *Беркелея* о зрѣніи, съ своей обычной безподобной изящностью и ясностью. Принципъ этой теоріи, какъ всякому извѣстно, заключается въ томъ, что внѣшнія очертанія, размѣры, положенія, разстоянія суть продуктъ не ощущеній, а выводовъ; они не распознаются непосредственно зрѣніемъ, а суть результаты сопоставленій и склада нашего ума; они опредѣляются непосредственно не зрѣніемъ, а воображеніемъ и опытомъ. Поэтому, еслибы слѣпой отъ рожденія мгновенно сдѣлался зрячимъ, онъ не былъ бы тотчасъ въ состояніи распознавать ни положеніе, ни разстояніе, ни размѣръ, ни внѣшнія очертанія предметовъ. За тѣмъ Вольтеръ описываетъ результаты операціи, совершенной Чесельденомъ (1728) надъ однимъ мальчикомъ, который былъ слѣпъ отъ рожденія. Этотъ опытъ считался за подтвержденіе того, что предвидѣли Локкъ и Беркелей, такъ какъ пациентъ долго не былъ въ состояніи различать одинъ предметъ отъ другаго по ихъ объему, разстоянію или внѣшней формѣ¹⁾. Возбуж-

¹⁾ *Elémens de la Philosophie de Newton*, Pt. 11., Ch. VII. Самъ Беркелей только одинъ разъ ссылается на операцію Чесельдена: *Theory of Vision vindicated*, § 71. Профессоръ Фразеръ, въ своемъ замѣчательномъ изданіи произведеній Беркелея (I. 444), воспроизводитъ изъ *Philosophical Transactions* подлинный разсказъ объ операціи, который, къ сожалѣнію, гораздо менѣе ясенъ и точенъ, чѣмъ его изложеніе у Вольтера, хотя смыслъ его и достаточно понятенъ.

денный по этому случаю интересъ еще болѣе усилился, когда Кондильякъ сослался на опытъ Чесельдена въ своемъ первомъ сочиненіи, появившемся въ 1746 ¹⁾).

Въ 1748 Реомюръ снималъ катарактъ съ глазъ одной дѣвочки, которая была слѣпа отъ рожденія. Дидро пожелалъ присутствовать на этой операциі, но ему въ этомъ отказали и онъ излилъ свою досаду въ такой формѣ, которая, какъ мы далѣе увидимъ, стоила ему очень дорого. Такъ какъ онъ не могъ быть свидѣтелемъ операциі, то онъ сталъ размышлять объ этомъ предметѣ и результатомъ этого было *Письмо о слѣпыхъ, написанное для зрячихъ* (*Lettre sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient*), появившееся въ свѣтъ въ 1749—въ тотъ самый годъ, когда было издано другое произведеніе, имѣвшее большое вліяніе на развитіе матеріалистическихъ идей—сочиненіе Давида Гартлея *Наблюденія надъ человѣкомъ, надъ его природными свойствами, обязанностями и надеждами*. Въ сущности Дидро не былъ сильно раздосадованъ тѣмъ, что ему не дозволили присутствовать при операциі. Онъ самъ рѣшительно утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ помянутого письма, что было бы очень трудно совершить подобную операцию при такихъ условіяхъ, которыя необходимы для того, чтобъ она могла привести къ серьезнымъ выводамъ. Подготовить слѣпаго отъ рожденія такъ, чтобъ онъ былъ способенъ давать ясные отвѣты на философскіе вопросы, и ставить эти вопросы правильно,—это, по мнѣнію Дидро, былъ бы такой подвигъ, который достоинъ совокупныхъ усилій Ньютона, Декарта, Локка и Лейбница. Дидро полагалъ, что если пациентъ не будетъ поставленъ именно въ такія условія, то будетъ болѣе пользы отъ разспросовъ слѣпаго, одареннаго здравымъ смысломъ, нежели отъ выслушиванія отвѣтовъ необразованнаго человѣка, впервые получившаго даръ зрѣнія при условіяхъ ненормальныхъ и приводящихъ его въ замѣшательство ²⁾. Въ этомъ случаѣ, онъ, конечно, былъ правъ. Еслибы такой опытъ былъ подготовленъ при тѣхъ деликатныхъ условіяхъ, какія необходимы для того чтобъ придать ему рѣшающую убѣдительность, то онъ могъ бы быть вполне удовлетворительнымъ. Но въ то время для такого опыта не было сдѣлано и вѣроятно никогда не будетъ сдѣлано подобной подготовки ³⁾.

¹⁾ *Essai sur l'Origine des Connaissances humaines*, 1., § 6.

²⁾ *Let. sur les Aveugles*, 323—4. Кондорсе придаетъ болѣе важное значеніе операциі Чесельдена; *О еч.*, 11., 121.

³⁾ Докт. Мак-Кошъ (*Exam. of J. S. Mill's Philosophy*, p. 163) говоритъ о подобной операциі, которая была исполнена лейпцигскимъ докторомъ Францемъ и о которой сохранилось самое лучшее описаніе; а проф. Фразеръ въ приложеніи къ сочиненію Беркеля (*loc. cit.*) упоминаетъ о другой операциі, исполненной Нюннели. См. также Милля *Exam. of Hamilton*, p. 288 (3-е изд.)

Если бы мы стали читать когда то знаменитое письмо Дидро *О слепых* при свѣтѣ прекрасныхъ и обработанныхъ философскихъ произведеній, которыми такъ богата Англія въ наше время, мы нашли бы, что изложенныя въ немъ мысли незрѣлы и неясны. Тѣмъ не менѣе, если мы примемъ въ соображеніе то положеніе, въ которомъ находилась въ ту пору философія во Франціи, мы будемъ поражены остроуміемъ, здравымъ смысломъ и оригинальностью многихъ изъ высказанныхъ въ немъ положеній. Это была первая серьезная попытка познакомить Францію съ тѣми великими основными принципами, что всякое знаніе есть знаніе лишь по отношенію къ нашей интеллигенціи, что мысль не можетъ быть мѣриломъ того, что существуетъ, что ясность положенія не можетъ считаться за доказательство его истины и что нашъ опытъ не служитъ предѣломъ для того, что возможно. Одни только нетерпѣливые критики относятся съ пренебреженіемъ къ французскимъ философамъ какъ къ такимъ людямъ, которые были радикально невѣжественны и ни на что негодны. Дидро усвоилъ себѣ нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ и самыхъ широкихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ теорія объ Относительномъ. Именно тотъ фактъ, что онъ и его единомышленники пользовались этой теоріей какъ орудіемъ для борьбы противъ тогдашней организаціи общества, и дѣлаетъ ихъ жизнь достойной историческаго изслѣдованія. Тогдашняя организація общества была воплощеніемъ противоположной теоріи. Она дѣлала изъ антропоморфизма и изъ абсолютнаго принципа дѣйствительный фундаментъ и источникъ жизни какъ индивидуальной такъ и общественной. Никакой прогрессъ не былъ возможенъ, пока эта умозрительная основа не была совершенно измѣнена. Этимъ и объясняется глубокая важность того, что съ перваго взгляда кажется не болѣе какъ обсужденіемъ одной изъ второстепенныхъ проблемъ метафизики. Не Дидро открылъ принципъ Относительнаго и не онъ упрочилъ его значеніе, но онъ первый ввелъ его въ литературу своей страны въ такую пору, когда созрѣли нужныя для того условія.

Кондильякъ, какъ мы уже сказали, издалъ свое первое сочиненіе *Опытъ о происхожденіи человѣческихъ знаній* за три года передъ тѣмъ (1746). Это было безыскусственное и необработанное изложеніе теоріи Локка, что первоначальный источникъ нашихъ идей заключается въ впечатлѣніяхъ, которыя испытываются нашими чувствами, и потомъ облекаются въ опредѣленную форму и приводятся между собою въ связь путемъ мышленія. Не прежде какъ въ 1754 г. Кондильякъ издалъ свой болѣе знаменитый *Трактатъ объ ощущеніяхъ*, въ которомъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ по сравненію съ Локкомъ и вмѣсто того, чтобъ приписывать наши идеи двойному источнику ощущеній и мышленія, утверждаетъ, что само мышле-

ніе есть ничто иное какъ ощущение «инымъ образомъ видоизмѣненное». Сверхъ того, въ своемъ первомъ сочиненіи онъ опровергалъ теорію Беркеля о зрѣніи, а во второмъ сознательно признавалъ ея правильность. Руссо былъ тотъ, кто свелъ Дидро съ Кондильякомъ въ то время, какъ всѣ эти три писателя бродили безъ средствъ къ существованію по улицамъ Парижа. Они сходились разъ въ недѣлю обѣдать въ одинъ трактиръ и Дидро былъ тотъ, кто убѣдилъ одного книгопродавца дать Кондильяку сто кронъ за его первую рукопись. «Парижскіе книгопродавцы», — говоритъ Руссо, «были очень высоко-мѣрны и суровы съ начинающими писателями; а метафизика не была въ то время въ модѣ и потому не представляла особенной привлекательности» ¹⁾. Постоянныя личныя сношенія между Дидро и Кондильякомъ въ промежутокъ времени между двумя сочиненіями великаго апостола чувственности, безъ сомнѣнія много содѣйствовали быстрому развитію этой доктрины. Это — одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ того вліянія, которое оказывалъ энергическій и возбуждающій умъ Дидро на направленіе и развитіе стремленій его времени, со включеніемъ тогдашнихъ заблужденій и оплошностей. Съ другой стороны для насъ очевидно и вліяніе Кондильяка на выборъ, темы для перваго значительнаго произведенія Дидро.

Письмо о слѣпыхъ есть изслѣдованіе о томъ, въ какой мѣрѣ природное отсутствіе одного изъ пяти чувствъ должно измѣнять обыкновенныя понятія, приобретаемыя тѣми, кто одаренъ нормальными чувственными способностями. Оно рассматриваетъ интеллигенцію въ томъ случаѣ, когда она лишена одного изъ чувствъ. Авторъ начинаетъ съ разсказа о томъ, что онъ посѣтилъ вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями одного слѣпаго отъ рожденія въ Пуизо, — мѣстечкѣ находящемся въ семидесяти миляхъ отъ Парижа. Они спросили у слѣпаго, что думаетъ онъ о глазахъ. «Это такіе органы, на которые воздухъ производитъ точно такое же впечатлѣніе, какъ моя палка на мою руку». Зеркало онъ считалъ за такую машину, которая выставляетъ предметы рельефно внѣ ихъ самихъ, если только они поставлены по отношенію къ ней какъ слѣдуетъ. Это понятіе сложилось въ его умѣ слѣдующимъ образомъ. Слепой знакомъ съ предметами только посредствомъ осязанія. Ему извѣстно изъ свидѣтельства другихъ, что мы знакомимся съ предметами посредствомъ зрѣнія, точно такъ какъ онъ знакомится съ ними посредствомъ осязанія и онъ не въ состояніи составить себѣ иного понятія объ этомъ предметѣ; ему также извѣстно, что человѣкъ не можетъ видѣть своего собственнаго лица, хотя и можетъ осязать его. Отсюда онъ заключаетъ, что зрѣніе есть нѣчто въ родѣ осязанія, рас-

¹⁾ *Исповѣдь*, 11., VII.

пространяющагося не на наше собственное лице, а только на другіе предметы, находящіеся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. А такъ какъ осязаніе доставляетъ ему лишь понятіе о рельефности, то по его мнѣнію и зеркало должно быть такой машиной, которая выставляетъ насъ рельефно внѣ насъ самихъ. Сколько есть философовъ, восклицаетъ Дидро, которые потратили менѣе умственной проницательности на то, чтобъ достигнуть столько же неосновательныхъ понятій!

У слѣпца отъ рожденія удивительная память на то, что онъ слышитъ; онъ примѣчаетъ въ звукахъ голоса такое же разнообразіе, какое мы видимъ въ выраженіяхъ лицъ. Для такихъ людей голосъ имѣетъ безконечное множество тонкихъ оттѣнковъ, которые ускользаютъ отъ насъ, потому что у насъ нѣтъ такого же какъ у слѣпыхъ повода быть внимательными. Содѣйствіе, которое чувства оказываютъ взаимно одно другому, препятствуетъ ихъ изощренію.

Слѣпецъ сказалъ, что онъ готовъ бы былъ считать людей одаренныхъ зрѣніемъ за существа съ высшей интеллигенціей, еслибы онъ не примѣчалъ очень часто, что они ниже его въ другихъ отношеніяхъ. А развѣ мы можемъ быть увѣрены, — замѣчаетъ по этому поводу Дидро, — что и животныя не разсуждаютъ такимъ же образомъ и что они не считаютъ себя за равныя съ нами или даже за высшія существа не смотря на то, что у насъ болѣе сложная и болѣе сильная интеллигенція? Очень можетъ быть, что они признаютъ въ насъ умъ, при которомъ не худо бы было имѣть поболѣе ихъ инстинкта, и что они считаютъ себя одаренными такимъ инстинктомъ, при которомъ имъ не трудно обойтись безъ нашего ума.

На вопросъ, желалъ ли бы онъ быть зрячимъ, слѣпецъ отвѣчалъ, что если отложить въ сторону любознательность, онъ былъ бы одинаково доволенъ, еслибы ему дали болѣе длинныя руки; тогда его руки познакомили бы его съ тѣмъ что дѣлается на лунѣ гораздо лучше нежели наши глаза или наши телескопы; къ тому же у глазъ скорѣе пропадаетъ способность видѣть, нежели у рукъ способность осязать. Поэтому для него было бы столько же полезно усовершенствованіе того органа, который у него есть, сколько дарованіе ему новаго органа, котораго онъ до сихъ поръ не имѣлъ. Это разсужденіе невѣрно, потому что никакое усовершенствованное осязаніе не можетъ познакомить насъ съ свѣтовыми явленіями, и самыя длинныя руки не дадутъ намъ возможности познакомиться съ ними.

Изложивъ нѣкоторыя другія оригинальныя мнѣнія слѣпца, Дидро замѣчаетъ, что слѣпецъ не придаетъ большаго значенія чувству стыда. Такъ напримѣръ ему непонятно, чтобъ одежда могла имѣть другую цѣль кромѣ предохраненія отъ холода. Онъ откровенно признается своему философствующему собесѣднику, что онъ не пони-

маеть, почему одну часть тѣла слѣдуетъ прикрывать скорѣе нежели другую. «Я никогда не сомнѣвался въ томъ»,—говоритъ Дидро,— «что состояніе нашихъ органовъ и нашихъ чувствъ имѣетъ большое вліяніе и на нашу метафизику и на нашу нравственность». На это можно замѣтить, что отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобъ въ обществѣ человѣческихъ существъ, одаренныхъ зрѣніемъ, чувство физическаго стыда было не болѣе какъ предразсудкомъ, отъ котораго насъ излечить философія. Отъ того, что слѣпецъ не находитъ ничего дурнаго въ наготѣ, нисколько не уменьшается значеніе или естественность стыда между зрячими. Даже тотъ фактъ, что деликатность или стыдливость не принадлежитъ къ числу общихъ всѣмъ людямъ импульсовъ, а вводится и получаетъ опредѣленное направленіе чрезъ посредство видоизмѣняющихся общественныхъ приличій, нисколько не уменьшаетъ пользы и разумности такого искусственнаго введенія ея и опредѣленія. Основные мотивы стыдливости хотя и находятся въ связи съ нашими чувствами, устанавливаются по такимъ соображеніямъ, которыя исходятъ изъ общественныхъ мотивовъ. Намъ кажется основательнымъ мнѣніе Дидро, что у слѣпца отъ рожденія сначала не бываетъ физической стыдливости, потому что стыдливость исходитъ изъ сознанія, что на насъ смотрятъ, а слѣпой отъ рожденія не сознаетъ, что на него смотрятъ. Поэтому полагаютъ, что самая важная сторона въ ихъ воспитаніи заключается въ томъ, чтобъ имъ внушить такое сознаніе¹⁾. Но искусственность нравственнаго пріобрѣтенія очевидно не можетъ служить доказательствомъ ни его достоинствъ, ни необходимости сохранять его. Дидро восклицаетъ: «Ахъ, милостивая государыня, какъ отлична нравственность слѣпца отъ нашей собственной нравственности, и какъ была бы отлична нравственность челоуѣка родившагося глухимъ отъ нравственности слѣпца; а еслибы у кого нибудь было однимъ чувствомъ болѣе нежели у всѣхъ насъ, какой негодной казалась-бы ему наша нравственность!» Здѣсь бросается въ глаза незрѣлость и ошибочность способа, которымъ авторъ старается уяснить ту важную истину, что понятія о нравственности и ея принципы въ высшей степени относительны. Дидро говоритъ объ нихъ такъ, какъ будто они обуславливаются только нашими пятью способностями и только вмѣстѣ съ ними видоизмѣняются. Но всякому извѣстно, что нравственность зависитъ не только отъ пяти чувствъ, но и отъ склада ума, дѣйствующаго на нее изнутри и отъ общественныхъ условій, дѣйствующихъ на нее извнѣ. Скорѣе отъ этихъ условій нежели отъ числа нашихъ чувствъ зависятъ понятія о нравственности.

¹⁾ Дарвина *The Expression of the Emotions in Men and Animals*, с. XIII., стр. 312, также стр. 335—7. Этотъ фактъ въ сущности, какъ кажется, не говоритъ въ пользу теоріи о передачѣ чувствъ.

Опуская нѣкоторыя другія замѣчанія, мы переходимъ къ тѣмъ страницамъ въ *Письмѣ о слѣпыхъ*, на которыхъ принципъ Относительнаго примѣняется къ господствующему понятію о Богѣ. Разсужденія Дидро объ этомъ предметѣ, натурально, возбуждали болѣе сильный интересъ, нежели его другія чисто ученые изслѣдованія. Никого не приводилъ въ волненіе слѣдующій вопросъ: слѣпецъ, научившійся отличать посредствомъ осязанія шаръ отъ куба, будетъ ли въ состояніи потомъ различить ихъ, если сдѣлается зрячимъ. ¹⁾ Болѣе сильное любопытство возбуждалъ вопросъ: имѣеть-ли слѣпцы такіе же резоны вѣрить въ существованіе Бога, какъ и зрячій? Какъ и слѣдовало ожидать, при обсужденіи болѣе узкаго вопроса Дидро обнаруживаетъ гораздо болѣе логической послѣдовательности нежели при обсужденіи вопроса болѣе широкаго, по той простой причинѣ, что ограниченная отъ природы способность слѣпыхъ къ наблюденіямъ не можетъ способствовать уясненію этой задачи.

Здѣсь, точно также какъ и въ другихъ частяхъ своего очерка, Дидро придерживался метода задавать вопросы самимъ слѣпымъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ обратился къ самому удивительному въ исторіи примѣру интеллектуальныхъ способностей и научной провицательности въ такомъ человѣкѣ, который принадлежалъ къ разряду слѣпыхъ отъ рожденія и касательно такихъ предметовъ, для сужденія о которыхъ повидимому вполне необходимо быть зрячимъ. Однимъ изъ профессоровъ математики въ Кембриджскомъ университетѣ состоялъ съ 1711 по 1739 Николай Саундерсонъ, лишившійся зрѣнія когда ему еще не было одного года. Этотъ человѣкъ обладалъ поразительной силой ума, былъ оригинальнымъ и полезнымъ преподавателемъ и написалъ книгу объ алгебрѣ, пользовавшуюся въ свое время большимъ уваженіемъ. Его познанія по части оптики были въ высшей степени замѣчательны. Онъ имѣлъ ясныя понятія о перспективѣ, о сферическихъ очертаніяхъ и о формахъ, принимаемыхъ плоскими или твердыми фигурами при извѣстныхъ положені-

¹⁾ Локкъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ, что человѣкъ не отличить кубъ отъ шара, пока не убѣдится посредствомъ осязанія, что первое впечатлѣніе, полученное имъ также посредствомъ осязанія тождественно съ предметомъ, производящимъ на него данное впечатлѣніе путемъ зрѣнія. Кондиллякъ сдѣлалъ нѣкоторыя основательныя возраженія противъ постановки этого вопроса у Молине, и отвѣчалъ на него иначе чѣмъ Локкъ. Дидро выразилъ свое собственное мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ: „Я полагаю, что когда глаза слѣпнаго отъ рожденія откроются въ первый разъ, онъ сначала ничего не различитъ, что въ теченіе нѣкотораго времени его глазамъ нужно будетъ дѣлать эксперименты для самихъ себя, но что они будутъ дѣлать эти эксперименты сами по себѣ, по своему и безъ помощи осязанія“. Это мнѣніе сходится съ новѣйшей теоріей, что въ самой конструкціи (въпримѣръ глазъ) существуютъ врожденныя способности, но что опытъ есть необходимое условіе для развитія и усовершенствованія этихъ способностей.

яхъ. Чтобъ дѣлать вычисленія онъ придумалъ очень остроумную машину, съ помощью которой, при нѣкоторыхъ приспособленіяхъ, можно было также дѣлать объяснительные чертежи къ геометрическимъ теоремамъ. Въ религіи онъ былъ скептикъ или нѣчто большее, а незадолго передъ смертью, — какъ утверждаетъ Дидро, — онъ вступилъ въ пренія съ однимъ лицомъ изъ духовнаго званія касательно доказательствъ существованія божества, извлекаемыхъ изъ понятія о конечныхъ причинахъ. Дидро утверждаетъ, будто онъ воспроизводитъ эти пренія, и заставляетъ Саундерсона выражаться съ большимъ краснорѣчіемъ и паѳосомъ.

Вслѣдствіе одной изъ тѣхъ мистификацій, благодаря которымъ французская полемическая литература восемнадцатаго столѣтія приводитъ въ отчаяніе библіографовъ, Дидро ссылается на *Біографію Саундерсона*, написанную докт. Инклифомъ. Онъ выписываетъ заглавіе этой книги съ большими подробностями, но такой книги нѣтъ и никогда не было. Тѣмъ не менѣе Лондонское Королевское Общество было очень недовольно тѣмъ, что одному изъ его членовъ вздумали приписывать атеистическія идеи и Дидро былъ систематически устраняемъ отъ чести быть принятымъ въ это ученое собраніе, точно также какъ въ теченіе всей своей жизни онъ не былъ допущенъ во Французскую Академію ¹⁾.

Разсужденія, которыя Дидро влагаетъ въ уста профессора, суть пылкое выраженіе той мысли, что аргументы, основанные на созерцаніи чудесъ природы, очень мало убѣдительны для слѣпца. Наша способность создавать новые предметы, такъ сказать, при помощи маленькаго зеркала, гораздо болѣе понятна для нихъ, чѣмъ тѣ звѣзды, которыя имъ суждено никогда не увидѣть. Блестящій шаръ, двигающійся по небесному пространству отъ востока къ западу, менѣе удивителенъ для нихъ, чѣмъ огонь очага, который они могутъ ослаблять или усиливать по своему произволу. «Зачѣмъ вы рассказываете мнѣ», — говоритъ Саундерсонъ, — «обо всѣхъ этихъ великолѣпныхъ зрѣлищахъ, которыя существуютъ не для меня? Я осужденъ на то, чтобъ проводить всю мою жизнь во мракѣ, а вы ссылаетесь на такія чудныя картины, которыя мнѣ непонятны и которыя могутъ служить доказательствами только для васъ и для тѣхъ, кто видитъ тоже что и вы. Если вы хотите, чтобъ я увѣровалъ въ Бога, вы должны сдѣлать такъ, чтобъ я могъ осязать его». Духовное лицо возразило на это, что достаточно чувства осязанія для того, чтобъ онъ могъ убѣдиться въ существованіи божества по удивительному механизму его собственныхъ органовъ. На

¹⁾ Очень толковый англійскій переводъ *Письма о слѣпыхъ* былъ изданъ въ 1773. Неизвѣстно почему Дидро названъ на заглавномъ листѣ медикомъ Ея Христіанскаго Величества.

это Саундерсонъ отвѣчалъ: «повторяю вамъ, что все это не такъ прекрасно для меня, какъ для васъ. Механизмъ вселенной, — если даже онъ дѣйствительно такой совершенный, какимъ вы его считаете и какимъ я готовъ его считать, — что имѣетъ онъ общаго съ существованіемъ высшей интеллигенціи? Если онъ приводитъ васъ въ изумленіе, то это вѣроятно потому, что вы привыкли считать за диво все, что не по силамъ вамъ самимъ. Я самъ такъ часто возбуждалъ въ васъ удивленіе, что имѣю низкое понятіе о томъ, что васъ удивляетъ. Я привлекалъ къ себѣ со всѣхъ концовъ Англіи людей, которые не могли понять, какимъ способомъ могу я изучать геометрію. Вѣдь вы не можете не согласиться со мною, что у этихъ людей не было яснаго понятія о томъ, что входитъ въ сферу возможнаго. Представится-ли намъ такое явленіе, которое по нашимъ понятіямъ выше человѣческихъ способностей? Мы тотчасъ восклицаемъ— *Это дѣло рукъ Божіихъ*. Только это объясненіе и можетъ удовлетворить наше тщеславіе. Но почему же мы не стараемся вносить въ наши сужденія поменьше гордости и побольше философіи? Если природа представляетъ намъ какой нибудь узелъ, который трудно развязать, оставимъ его такимъ, каковъ онъ есть; не будемъ разсѣкать его рукою такого Существа, которое въ свою очередь немедленно обращается въ новый для насъ узелъ — и притомъ въ такой, который еще труднѣе распутать нежели первый. Индѣецъ рассказываетъ вамъ, что нашъ шаръ держится въ воздухѣ на спинѣ слона. А слонъ? онъ держится на черепахѣ. А черепаха? на чемъ она держится?... Вы чувствуете состраданіе къ индѣйцу, но къ вамъ можно бы было обратиться съ такими же словами, какъ и къ нему: мой добрый другъ г-нъ Гольмсъ, сознайтесь въ вашемъ невѣжествѣ и избавьте меня и отъ слона и отъ черепахи.» ¹⁾

Тогда духовное лице, натурально, прибѣгаетъ къ всѣмъ авторитетамъ и приглашаетъ Саундерсона принять за руководство мнѣнія Ньютона, Кларка и Лейбница. Слѣпой отвѣчаетъ на это, что если бы настоящее положеніе вселенной и свидѣтельствовало о чудномъ, стройномъ порядкѣ, все таки ни Ньютонъ, ни Кларкъ, ни Лейбницъ не могутъ отнять у него свободы мнѣній касательно прежняго ея положенія. И за тѣмъ онъ, по истинѣ замѣчательнымъ образомъ, наводитъ насъ на ту теорію, которая въ наше время считается великимъ торжествомъ для научныхъ открытій и безъ сомнѣнія служитъ могущественнымъ стимуломъ для философскихъ умозрѣній. Что касается прежняго положенія вселенной «вы не можете противопоставить мнѣ очевидцевъ, а ваши глаза вамъ въ этомъ случаѣ

¹⁾ Oeuvres, I. 308.

не помогутъ. Воображайте, если это вамъ нравится, что стройный порядокъ, такъ глубоко поражающій васъ удивленіемъ, существовалъ съ самаго начала. Но не мѣшайте мнѣ думать, что этого не было и что еслибы мы перенеслись къ эпохѣ зарожденія вещей и картинъ природы и посмотрѣли бы на то, какъ матерія находится въ движеніи, а хаосъ медленно исчезаетъ, мы увидѣли бы множество безформенныхъ существъ вмѣсто того, чтобъ найти очень немного существъ прекрасно организованныхъ. Если я не въ состояніи сдѣлать возраженія на то, что вы говорите о теперешнемъ положеніи вещей, то я по крайней мѣрѣ могу сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ касательно ихъ прежняго положенія. Напримѣръ, я могу спросить васъ, кто сказалъ вамъ—и не только вамъ, а также Лейбницу, Кларку и Ньютону,—что между первыми образчиками животныхъ нѣкоторыя изъ нихъ не были безъ головъ, а нѣкоторыя безъ ногъ? Я утверждаю, что у однихъ изъ нихъ не было желудковъ, у другихъ не было кишочъ; что нѣкоторыя изъ нихъ, которымъ желудокъ, небо и зубы повидимому обѣщали долгое существованіе, исчезли оттого, что у нихъ чего нибудь не доставало въ сердцѣ или въ легкихъ; что чудовища поочередно уничтожали другъ друга, что всѣ неудовлетворительныя (*vicious*) комбинаціи матеріи исчезли, и что *остались въ живыхъ только тѣ, въ механизмъ которыхъ не было какихъ нибудь важныхъ недостатковъ (contradiction) и которыя были способны подерживать себя и размножаться.*

«Еслибы, согласно съ этой гипотезой, у перваго человѣка гортань была закрыта, или еслибы онъ не нашелъ пригодной для себя пищи, или еслибы у него не было дѣтородныхъ органовъ, или еслибы онъ не нашелъ себѣ жены,—что случилось бы тогда съ человѣческимъ родомъ? Онъ до сихъ поръ былъ бы предметомъ общаго очистительнаго процесса во всей вселенной, и то надменное существо, которое называетъ себя человѣкомъ, будучи разбѣяно и разбросано между частицами матеріи, можетъ быть до сихъ поръ существовало бы лишь въ числѣ возможностей.

«Еслибы никогда не существовало безформенныхъ созданій, вы непременно стали бы утверждать, что никогда ихъ и не будетъ, и что я очертя голову пускаюсь въ химерическія гипотезы. Но порядокъ и до сихъ еще поръ не дошелъ до такого совершенства, чтобъ по временамъ не появлялись на свѣтъ чудовищныя существа» ¹⁾.

Здѣсь мы усматриваемъ достаточно ясное, хотя и выраженное въ крайне необработанной формѣ, понятіе: во первыхъ о безпрестанной измѣнчивости организмовъ, обнаруживающейся самымъ нагляднымъ

¹⁾ Стр. 309—310.

образомъ въ тѣхъ уродливыхъ особенностяхъ сложенія, которыя отъ времени до времени появляются предъ собственными нашими глазами; во вторыхъ о способности примѣняться ко всему окружающему, какъ о главномъ условіи долговѣчности для зарождающихся новыхъ формъ. Хотя всѣ эти мнѣнія были не болѣе какъ догадки, неподкрѣпленные достаточными доводами, все таки они сильно расшатывали теорію о конечныхъ причинахъ, — ту теорію, которая, какъ мы не разъ уже замѣчали, падаетъ сама собою, лишь только мы начинаемъ объяснять какой либо рядъ явленій условіями матеріи и движенія.

Затѣмъ, расширяя понятіе о явленіяхъ, которыя могутъ быть произведены матеріей и движеніемъ, Саундерсонъ говоритъ: «Я предполагаю, что вначалѣ, когда изъ находившейся въ состояніи броженія матеріи мало по малу созидалась наша вселенная, такія слѣпья существа, какъ я, были обычнымъ явленіемъ. Но почему же я не долженъ думать о мірахъ тоже, что я думаю о животныхъ? Сколько уродливыхъ, недостигшихъ совершенства міровъ случайно распались, потомъ преобразовывались, и потомъ снова разлагались въ тѣхъ отдаленныхъ пространствахъ, которыхъ я не могу осязать, а вы не можете видѣть, но въ которыхъ благодаря движенію соединяются и не перестанутъ соединяться массы матеріи до тѣхъ поръ, пока онѣ не попадутъ случайно на такой складъ, въ которомъ онѣ могутъ окончательно окрѣпнуть! Философы, перенеситесь вмѣстѣ со мною къ предѣламъ вселенной — внѣ того пункта, гдѣ я могу осязать, а вы можете видѣть организованныя существа; посмотрите на этотъ новый океанъ и поищите между его беспорядочными безцѣльными колебаніями какихъ нибудь признаковъ того интеллигентнаго Существа, премудрость котораго возбуждаетъ въ васъ въ этомъ мірѣ такое удивленіе!

«Что такое міръ? Сложное цѣлое, подверженное безконечнымъ переворотамъ. Всѣ эти перевороты обнаруживаютъ постоянную склонность къ разрушенію; это — быстроизмѣняющійся рядъ существъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, стремящихся впередъ и исчезающихъ, это — скоропреходящая симметрия, и порядокъ на одно мгновеніе. Я только что обвинялъ васъ въ томъ, что вы взвѣшиваете достоинства вещей соразмѣрно съ вашими собственными способностями; теперь я считаю себя въ правѣ обвинить васъ и въ томъ, что вы измѣряете ихъ долговѣчность соразмѣрно съ долговѣчностью вашей собственной жизни. Вы судите о продолжительности существованія міра точно такъ, какъ судило бы однодневное насѣкомое о продолжительности вашего существованія. Міръ вѣченъ для васъ, точно также какъ вы вѣчны для тѣхъ существъ, которыя живутъ лишь одно мгновеніе. Однако насѣкомое все таки благоразумнѣе васъ. Вѣдѣ

какое громадное число скоропреходящихъ поколѣній свидѣтельству-
етъ о вашей вѣчности! Какой неизмѣримый рядъ преданій! Однако
мы всё исчезнемъ, не найдя возможности опредѣлить ни настоящихъ
размѣровъ того мѣста, которое мы занимали въ пространствѣ, ни
точного размѣра времени, въ теченіе котораго мы жили. Время, ма-
терія, пространство, — все это, можетъ быть, не болѣе какъ одна
точка» ¹⁾).

Дидро послалъ копію съ своего сочиненія Вольтеру. Поэтъ отвѣ-
чалъ ему съ своей обычной шутиливой любезностью, но заявилъ, что
не раздѣляетъ мнѣній Саундерсона, «который отвергаетъ существо-
ваніе Бога, оттого что родился слѣпымъ» ²⁾. Болѣе взыскательные
и гораздо менѣе прозорливые критики чѣмъ Вольтеръ обратили свое
вниманіе на этотъ же самый пунктъ аргументаціи и сдѣлали на
него точно такія же возраженія. — а именно, что хотя Саундерсонъ
и былъ слѣпъ, онъ всетаки долженъ бы былъ сознавать существо-
ваніе интеллигентнаго Существа, одарившаго его столькими други-
гими чувствами, замѣняющими зрѣніе и что тотъ стройный порядокъ
во вселенной, который онъ могъ постигать умомъ безъ помощи зрѣнія,
долженъ-бы былъ внушить ему убѣжденіе о существованіи искус-
наго создателя. Но въ сущности, не въ этомъ заключалась главная
суть всей аргументаціи. Когда Саундерсонъ утверждалъ, что онъ
могъ бы допустить существованіе Бога только въ томъ случаѣ,
еслибы могъ осязать его, онъ признавалъ одно только чувство за
проводникъ всѣхъ идей, какія только возможны, и за мѣрило всѣхъ
разумныхъ сочетаній этихъ идей. Это — нелѣпость, и Дидро, какъ
мы видѣли, очень скоро перешелъ отъ нея къ самымъ солиднымъ
пунктамъ своихъ воззрѣній. Всѣ остальные возраженія противъ ко-
нечныхъ причинъ были бы столько же умѣстны въ устахъ зрячаго,
какъ и въ устахъ Саундерсона. Гипотетическая ссылка на пора-
жающую удивленіемъ стройность вселенной, какъ на доказательство
существованія божества, неосновательна между прочимъ и потому,
что она игнорируетъ или оставляетъ безъ объясненій поражающія
удивленіемъ нестройности вселенной. Она придаетъ на вѣчныя вре-
мена абсолютный характеръ такой гипотезѣ, которая могла бы по
большей мѣрѣ считаться основательной лишь относительно, — и не
только относительно къ числу нашихъ чувствъ, но и относительно
къ немногимъ пристрастно выбраннымъ явленіямъ изъ нашей соб-
ственной короткой жизни. Она объясняетъ лишь немногіе парази-
тельные факты, оставляя совершенно необъясненными гораздо боль-
шее число фактовъ, которые одинаково поразительны и даже прямо про-

¹⁾ Стр. 311.

²⁾ С 811; ч. IV, стр. 1749. По поводу доказательства эти отъ философа англійскаго атеиста

тивоположны первымъ. Это было тоже, что придумать воображаемое вмѣшательство посторонней силы для оправданія несовершенствъ творенія, и приписать этой силѣ такіе мотивы, которые могли одушевить благодушнаго европейца, жившаго въ восемнадцатомъ столѣтіи. Здѣсь вовсе не принимаются въ соображеніе ни громадное число уродливыхъ или несовершенныхъ организмовъ, ни страшный законъ безпощаднаго и безпрестаннаго разрушенія.

Для насъ все это составляетъ обычную тему для размышленій. Но во Франціи, сто двадцать лѣтъ тому назадъ, этимъ путемъ была впервые пробита широкая брешь въ той стѣнѣ, которая въ теченіе пятнадцати или болѣе столѣтій охраняла жителя западной Европы отъ отчаянія по поводу внѣшнихъ условій жизни. И для протестанта и для скептика теперь гораздо труднѣе составить себѣ ясное понятіе о законченности католицизма какъ полной системы для жизни и мышленія, нежели составить себѣ ясное понятіе о какомъ либо другомъ фактѣ въ исторіи человѣческихъ обществъ. Католицизмъ былъ не только общественнымъ учрежденіемъ, не только религиознымъ вѣрованіемъ, но также философій и систематическимъ изложеніемъ законовъ вселенной. Въ свою лучшую пору церковь руководила нравственными отношеніями между отдѣльными личностями и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ старалась внести гуманность въ сношенія между человѣческими обществами. Она удовлетворяла или возбуждала чувства преданности, превознося Дѣву Марію, какъ самый достойный предметъ поклоненія; она питала воображеніе легендами о святыхъ и мученикахъ; она поддерживала религиозныя эмоціи трогательными и дѣйствовавшими на фантазію обрядами; она окружала своихъ членовъ эмблемами спеціальнаго и всепреодоляющаго покровительства. Католицизмъ стремился обнять всю жизнь въ ея цѣлости, не оставляя внѣ своего вліянія никакихъ природныхъ влеченій, никакихъ человѣческихъ способностей, никакихъ требованій интеллигенціи. Но мы не должны забывать, что хотя эта удивительная система имѣла свои корни въ человѣческихъ привязанностяхъ и симпатіяхъ, она также опиралась на метафизическую теорію. Она имѣла въ основѣ авторитетъ и традицію, но также искала для себя выраженія въ философскомъ объясненіи всѣхъ вещей. Сущность этой философіи заключалась въ томъ, чтобъ сдѣлать изъ человѣка конечную причину существованія вселенной. Ея понятія о мірѣ были абсолютны; ея понятія о Создателѣ были абсолютны; всѣ наши умственные впечатлѣнія, наши нравственныя правила, наши духовные идеалы — все было, по ея мнѣнію, абсолютно. Поэтому, когда Дидро сталъ писать *Письмо о слѣпыхъ*, онъ пришелъ къ убѣжденію, что разрушеніе старыхъ понятій не будетъ вполне достигнуто на практикѣ, если онъ ограничится ра-

ціоналістическими нападами на священні книги, на чудеса и на нравственні типи католицизма и что это нисколько не будет содѣйствовать замѣнѣ старыхъ пріемовъ мышленія другими, болѣе соотвѣтствующими истинѣ. Онѣ полагали, что нападеніе должно начаться съ философскихъ идей, что первый плодотворный шагъ долженъ заключаться въ перемѣнѣ точки зрѣнія, въ расширеніи разряда фактовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію, въ доказательствахъ условности нашихъ понятій, въ освобожденіи насъ самихъ отъ тираніи антропоморфизма.

Гоббзъ остроумно опредѣлилъ папство, назвавши его привидѣніемъ старой римской имперіи, возсѣдающимъ на тронѣ надъ ея могилой; но это опредѣленіе не должно заставлятъ насъ позабытъ ту важную истину, что основы власти того привидѣнія были совершенно иныя, чѣмъ основы власти разрушившагося политическаго тѣла. Имперія была политической организаціей, опиравшейся на военную силу. Церковь была соціальной организаціей, пріобрѣвшей живучесть путемъ убѣжденій. Самымъ замѣчательнымъ фактомъ въ духовной жизни восемнадцатаго столѣтія былъ тотъ рѣшительный переворотъ, которому подверглись эти служившія опорой убѣжденія. И то движеніе умовъ и тѣ люди, которыхъ мы теперь изучаемъ, вполне обязаны возбуждаемымъ ими интересомъ тому участию, которое они принимали въ этомъ обширномъ предпріятіи. Основная мысль—что міръ получилъ существованіе только для того, чтобъ споспѣшествовать предначертаніямъ создателя, касавшимся человека,—сдѣлалась невѣроятной. Это абсолютное утвержденіе было мало по малу вытѣснено понятіями объ ограниченности человѣческихъ способностей и о сравнительно незначительной части всего космоса или хаоса, которую мы считаемъ доступной для нашего пониманія. Замѣна абсолютной точки зрѣнія такою относительною точкою зрѣнія была самой важной подготовительной работой для успѣшнаго уничтоженія великой католической организаціи.

Что казалось поверхностнымъ наблюдателямъ не болѣе какъ метафизическимъ споромъ, въ сущности было и остается до сихъ поръ самымъ важнымъ эпизодомъ великой борьбы между теологіей и философіей совмѣстимой съ знаніемъ. Когда началась католическая реакція, самый проникательный изъ ея поборниковъ въ сферѣ философіи Жозефъ де Местръ счелъ первымъ своимъ долгомъ напасть всѣми силами своей діалектики на принципъ Относительнаго и возстановитъ абсолютный способъ мышленія и абсолютныя достоинства католическихъ понятій о религіи, знаніи и системѣ правленія. ¹⁾ Но ни онъ, и ни кто либо другой изъ его партіи не могли

¹⁾ См. *Critical Miscellanies*: первая серія.

пошатнуть того солиднаго аргумента, который былъ изложенъ Дидро съ фантастическими объясненіями въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ его отвѣта на письмо написанное Вольтеромъ для изъявленія признательности за присланное ему сочиненіе:—«Что долженъ я думать объ этомъ внушающемъ удивленіе порядкѣ и объ этихъ удивительныхъ приспособленіяхъ? Что это метафизическіе предметы, существующіе только въ вашемъ собственномъ умѣ. Вы покрываете почву на большомъ пространствѣ массой обломковъ, случайно разбросанныхъ на право и на лѣво; между ними находятъ для себя удобное пристанище черви и муравьи. Что сказали-бы вы объ этихъ насѣкомыхъ, еслибы они приняли за настоящій и окончательный порядокъ отношеніе обитаемаго ими мѣста къ ихъ собственной организаци, и за тѣмъ стали-бы приходить въ восторгъ отъ красоты ихъ подземной архитектуры и отъ удивительно высокой интеллигенціи садовника, который такъ хорошо все для нихъ устроилъ ¹⁾. Ту же мысль высказалъ черезъ три года послѣ того самъ Вольтеръ въ *Misogonégas* въ остроумной фантастической формѣ. Микроскопическое животное въ четырехугольной шапочкѣ, возбуждающее въ гигантѣ гомерической смѣхъ своимъ напыщеннымъ рассказомъ о томъ, что оно было конечною цѣлю созданія вселенной, есть ни что иное, какъ олицетвореніе той философіи, которая служила основой для католицизма.

Въ томъ-же самомъ письмѣ Дидро признается, —хотя и есть основаніе заподозрить искренность этого признанія, —что онъ не согласенъ съ выводами Саундерсона. «Туманъ, который помрачаетъ во мнѣ», —говоритъ онъ, —«сознаніе бытія Божія, возникаетъ обыкновенно въ ночное время, а восходъ солнца всегда разгоняетъ его. Но мракъ никогда не прекращается для слѣпца и солнце восходитъ только для зрячихъ». Но отреченіе отъ атеизма со стороны Дидро кажется намъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ при видѣ того, какія онъ дѣлаетъ усилія, чтобъ доказать основательность мнѣній Саундерсона; такъ напр. онъ даетъ своей аргументаціи слѣдующій оборотъ:—«Еслибы никогда не было иныхъ существъ кромѣ матеріальныхъ, то никогда бы не было существъ духовныхъ, такъ какъ духовнымъ существамъ пришлось бы или дать жизнь самимъ себѣ или получить ее отъ матеріальныхъ существъ. Но еслибы никогда не было иныхъ существъ кромѣ духовныхъ, вы поймете, что никогда не было бы существъ матеріальныхъ. Истинная философія дозволяетъ мнѣ предполагать въ предметахъ только то, что я могу ясно усмотрѣть въ нихъ. А я ясно усматриваю въ умѣ лишь способность хотѣть и способность мыслить, и не могу допустить, чтобъ мысль и воля вліяли на ма-

¹⁾ Дидро къ Вольтеру, 1749. О е и в. XIX. 421.

теріальныя предметы или на ничто, точно также какъ я не могу допустить, чтобъ матеріальныя существа или ничто вліяли на существа духовныя», и затѣмъ онъ кончаетъ свое письмо слѣдующимъ образомъ:— «Очень важно, чтобъ ядовитую траву не принимали за петрушку, но вовсе не важно вѣрять-ли или не вѣрять въ Бога. По словамъ Монтэня, міръ—это мячикъ, который Богъ далъ философамъ для того, чтобъ они бросали его то туда то сюда; я могъ бы сказать почти то-же самое и о самомъ божествѣ» ¹⁾).

Въ заключеніе нашего анализа этого произведенія, мы должны упомянуть о томъ, что Дидро высказалъ въ немъ одну мысль, которая ясно доказываетъ, какъ смѣтливъ и практиченъ всегда былъ его умъ въ своихъ поискахъ за новыми идеями. У насъ есть, говоритъ онъ, общепринятыя знаки, вызывающіе къ зрѣнію, а именно письменныя буквы, и есть общепринятыя знаки, вызывающіе къ слуху, а именно члено-раздѣльные звуки; но нѣтъ ничего, что вызвало бы къ осязанію. «Вслѣдствіе недостатка въ такомъ способѣ выраженія, мы совершенно лишены возможности сообщаться съ тѣми, кто родился глухимъ, нѣмымъ и слѣпымъ. Эти люди растутъ, но не выходятъ изъ состоянія тупоумія. Они можетъ быть и были бы способны приобрѣтать какія нибудь идеи, если бы мы могли объясняться съ ними съ самаго дѣтства какимъ нибудь точнымъ, опредѣленнымъ, неизмѣннымъ и однообразнымъ способомъ, короче сказать, еслибы мы могли чертить на ихъ рукѣ тѣ же самыя буквы, которыя мы чертимъ на бумагѣ и еслибы придавали этимъ буквамъ всегда одно и тоже значеніе» ²⁾. Человѣколюбіе и изобрѣтательность бостонскаго доктора Гова доказали въ наше время на практикѣ основательность этихъ мнѣній Дидро.

Слѣдуетъ также упомянуть о нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ въ *Письмѣ о слѣпыхъ*,—подробностяхъ, представляющихъ литературный интересъ. Дидро ссылается на остроумное выраженіе одного англійскаго геометра: *God geometrizes* (Богъ примѣняетъ на практикѣ законы геометріи) (стр. 294). Ему, какъ видно, было неизвѣстно преданіе, приписывавшее это выраженіе Платону, хотя въ сочиненіяхъ Платона его нѣтъ. Плутархъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ первый писатель, упомянувшій объ этомъ выраженіи и обсуждавшій вопросъ о томъ, что разумѣлъ Платонъ подъ этими словами. Въ сущности оно принадлежитъ къ многочисленному разряду тѣхъ изреченій, которыя болѣе остроумны, чѣмъ вѣрны. У Барроу есть прекрасный отрывокъ на латинскомъ языкѣ касательно геометрической стройности вселенной, а тотъ кто читалъ *Religio Medici*

¹⁾ Ibid.

²⁾ Стр. 294.

(стр. 42) вѣроятно не забыть, что сэръ Томасъ Броунъ называетъ Бога «искуснымъ геометромъ».

Стоитъ также упомянуть о странномъ совпаденіи сходныхъ идей. Дидро говорить, что «большія услуги похожи на большія монеты, которыя мы рѣдко имѣемъ случай употреблять въ дѣло. Мелкія одолженія—вотъ та ходячая монета, которую мы всегда носимъ съ собою». Это напоминаетъ высказанную въ *Tatler*'ѣ мысль, что «человѣкъ, одаренный большими совершенствами, но не получившій хорошаго воспитанія, похожъ на того, кто набилъ свои карманы золотомъ, но не имѣетъ мелкой монеты на свои обыденные расходы». Впрочемъ, если бы Дидро прочелъ *Tatler*'а, онъ конечно сослался бы гдѣ нибудь на рассказъ подъ № 55 о томъ, какъ Вильямъ Джонсъ изъ Ньюингтона, родившійся слѣпымъ, приобрѣлъ зрѣніе когда ему было двадцать лѣтъ;—вѣдь этотъ рассказъ пришелся бы Дидро совершенно по сердцу.

II.

Здѣсь мѣсто упомянуть о коротенькомъ философскомъ отрывкѣ, написанномъ Дидро въ 1751, о *Письмѣ о нѣмыхъ и глухихъ, написанномъ для тѣхъ, кто слышитъ и говоритъ* (*Lettre sur les sourds et muets à l'usage de ceux qui entendent et qui parlent*). Здѣсь,—не такъ какъ въ *Письмѣ о слѣпыхъ*,—рѣчь шла не о разслѣдованіи такого случая, когда наши мыслительныя способности лишены одного или нѣсколькихъ чувствъ. Это въ сущности не болѣе какъ отрывокъ, и очень замѣчательный отрывокъ касательно эстетики и мы будемъ имѣть случай говорить о немъ въ другомъ мѣстѣ. Однако въ немъ есть нѣсколько пунктовъ, гдѣ нить идей сходится съ идеями *Письма о слѣпыхъ*.

Письмо начинается разрѣшеніемъ вопроса о причинѣ и предѣлахъ эволюціи языка. Это немедленно наводитъ автора на разсужденіе о естественномъ порядкѣ идей и выраженій, и Дидро утверждаетъ, что мы можемъ отыскать этотъ первоначальный порядокъ только путемъ изученія языка жестовъ. Изучать этотъ языкъ можно или путемъ продолжительныхъ объясненій съ кѣмъ нибудь, кто глухъ или имѣетъ отъ рожденія или же опытами надъ *muet de convention*, то-есть надъ такимъ человѣкомъ, который отказывается отъ употребленія членораздѣльныхъ звуковъ съ цѣлью изучить процессъ образованія языка. Обобщая эту мысль, Дидро раздѣляетъ людей на столько различныхъ и самобытныхъ существъ, сколько у нихъ чувствъ. «Я намѣренъ, такъ сказать, разложить человѣка на его составныя части, и рассмотреть, что

онъ получаетъ отъ каждаго изъ тѣхъ чувствъ, которыми онъ одаренъ. Я нѣкоторое время забавлялся такой метафизической анатоміей, и нашелъ, что изъ всѣхъ чувствъ зрѣніе самое поверхностное, слухъ—самое прекрасное, обоняніе — самое сладострастное, вкусъ—самое суевѣрное и самое непостоянное, осязаніе—самое глубокое и всѣхъ болѣе свойственное философу. Было бы забавно собрать такое общество, въ которомъ у каждаго члена не болѣе какъ одно чувство; не подлежить сомнѣнію, что каждый изъ нихъ считалъ бы всѣхъ остальныхъ за полоумныхъ».

Эти идеи интересны потому, что въ то время ихъ считали за источникъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ произведеній фантазій въ философической литературѣ вѣка,—за источникъ статуи въ трактатѣ Кондильяка объ ощущеніяхъ. Кондильякъ придумалъ статую, которая организована какъ человѣкъ, но у которой каждое чувство развивается самостоятельно по волѣ вѣчнаго неограниченнаго властителя. Философъ сначала допускаетъ въ своемъ Франкенштейнѣ обоняніе и перечисляетъ, какія умственные способности могутъ развиваться подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ впечатлѣній, испытываемыхъ этимъ чувствомъ. Другія чувства даются ему одно вслѣдъ за другимъ, прибавляя новыя группы идей къ прежнему запасу, пока наконецъ умственное развитіе не будетъ полное.

Намъ ясно, въ какой мѣрѣ статуя Кондильяка похожа на *mi et de convention*, но Дидро по меньшей мѣрѣ нельзя винить въ заимствованіи чужихъ идей. Кондильякъ издалъ свое сочиненіе черезъ три года (1754) послѣ *Письма о музыкахъ и нѣмыхъ* и впоследствии написалъ памфлетъ съ цѣлію защитить себя отъ обвиненія, будто онъ заимствовалъ отъ Дидро идею о своей статуѣ; что же касается Дидро, онъ никогда не заявлялъ никакихъ притязаній по этому поводу. Мы уже имѣли случай говорить о взаимныхъ отношеніяхъ между этими двумя философами и если нѣтъ основанія считать Дидро за одного изъ самыхъ знаменитыхъ учениковъ Кондильяка ¹⁾, то также нѣтъ никакого основанія утверждать, что Кондильякъ былъ ученикомъ Дидро или не вѣрить словамъ Кондильяка, что мысль о статуѣ дана ему дѣвицей Ферранъ,—той замѣчательной женщиной, которой онъ всегда былъ глубоко признателенъ за ея поощренія и совѣты. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ 1671 одинъ изъ Парижскихъ книгопродавцевъ напечаталъ въ переводѣ на латинскій языкъ болѣе умное и болѣе ученое произведеніе фантазій, нежели описаніе статуи,—а именно сочиненіе арабскаго писателя Ибнъ Тофаиля *Philosophus Autodidactus*. Это—романъ, въ которомъ описано человѣческое су-

¹⁾ Льюкса *Hist. Philos II*, 342.

щество, вскормленное серной на пустынном островѣ подъ тропиками, развивающееся тѣмъ же путемъ какъ Робинзонъ Крузо, но съ склонностью къ психологическимъ умозрѣніямъ и мало по малу, путемъ наблюденій, приходящее къ сознанию всѣхъ отличительныхъ особенностей, которыми одарены его чувства. ¹⁾

Касательно той части *Письма*, въ которой идетъ рѣчь о жестахъ, можно только сказать, что она должна поражать своей незрѣлостью всякаго, кто знаетъ, какіе успѣхи сдѣланы со временъ Дидро въ собраніи и обобщеніи тѣхъ любопытныхъ фактовъ, которые находятся въ связи съ языкомъ жестовъ. Не трудно себѣ представить, какъ сильно заинтересовали бы Дидро добытые наблюденіями факты, — что языкъ жестовъ имѣетъ нѣчто въ родѣ точныхъ синтаксическихъ правилъ, что онъ не даетъ возможности различать причину отъ послѣдствія или отъ того, что случилось одновременно, что въ школѣ для глухо-нѣмыхъ ²⁾ дикарь всѣхъ пойметъ и всѣми будетъ понятъ безъ труда и съ точностью. Дидро былъ достаточно прозорливъ, чтобъ понимать, что вопросы о языкѣ могутъ быть разрѣшаемы не съ помощью стараго метафизическаго метода, а лишь путемъ опыта. Но для этого то время еще не дозрѣло. Поэтому неудивительно, что послѣ нѣсколькихъ страницъ онъ уклонился отъ предмета и занялся эстетическими вопросами.

III.

Съ отмѣной такъ называемаго *Licensing Act* въ Англіи не прекратились наказанія за печатное изложеніе еретическихъ мнѣній; но по крайней мѣрѣ ихъ стали налагать судомъ. Вульстонъ былъ подвергнутъ въ 1730 денежной пени и тюремному заключенію по приговору *Суда королевской скамьи*, послѣ того какъ были соблюдены всѣ формальности судебного слѣдствія. Петеръ Анна за своего *Свободнаго изслѣдователя* былъ въ 1762 привязанъ къ позорному столбу и потомъ заключенъ въ тюрьму не по приговору *Епископскаго суда* или *Звѣздной палаты* и, конечно, не вслѣдствіе декрета, подписаннаго Георгомъ Третьемъ или маркизомъ Бутомъ. Единственная непріятность, постигшая Мандевилля за его *Басню о пчелахъ* заключалась въ томъ, что судъ присяжныхъ въ Миддлсексѣ (1723) объявилъ его человѣкомъ вреднымъ для общества. Ради контраста съ этими фактами посмотримъ на тѣ порядки, которые подготовили революцію во Франціи.

¹⁾ Розенкранцъ, I, 102.

²⁾ Тэйлора *Researches into the Early History of Mankind*, т. II. и III; Леббока *Origin of Civilization*, гл. IX.

Въ одно июльское утро 1749 года—почти ровно за сорокъ лѣтъ до того юля 1789 года, который занимает такое видное мѣсто въ лѣтописяхъ деспотическихъ правительствъ и государственныхъ тюремъ,—полицейскій комиссаръ, сопровождаемый тремя помощниками, пришелъ въ квартиру Дидро, тщательно пересмотрѣлъ его бумаги, и потомъ предъявилъ ему декретъ о его арестованіи. Философъ безъ всякаго шума объявилъ своей женѣ, чтобъ она не ожидала его къ обѣду, сѣлъ въ карету и отправился въ сопровожденіи полицейскихъ чиновниковъ въ Венсенскую тюрьму. Его вина заключалась въ сущности въ томъ, что въ *Письмѣ о слѣпыхъ* онъ слегка задѣлъ любовницу одного изъ министровъ ¹⁾. Впрочемъ и помимо оскорбленія любовницы, статья по своему атеистическому содержанию дала бы достаточно основательныхъ поводовъ въ Англіи для судебного преслѣдованія ея автора, а во Франціи для такъ называемыхъ *lettres-de-cachet*, замѣнявшихъ судебныя преслѣдованія. Къ тому же въ ту пору были спеціальныя резоны для строгихъ мѣръ противъ прессы. Въ то время появились въ печати стихи съ рѣзкими насмѣшками надъ королемъ и надъ его образомъ жизни, вслѣдствіе чего и было предпринято грозное нашествіе на всѣхъ Парижскихъ писакъ. При дворѣ только что произошла одна изъ тѣхъ реакцій въ пользу церковной партіи, которая въ теченіи предшествовавшихъ тридцати лѣтъ такъ часто смѣнялась реакціями въ противоположномъ направленіи. Въ городѣ ходилъ слухъ, что причиной заключенія Дидро въ тюрьму была сатира на иезуитовъ, сочиненіе которой ему ошибочно приписывали ²⁾. Впрочемъ не стоить труда доискиваться причины факта совершившагося въ такое время, когда правительственная власть была способна и готова бросить кого вздумается въ тюрьму какъ по основательнымъ мотивамъ такъ и по такимъ, которые никуда не годны. На авторовъ и на издателей философскихъ сочиненій полиція смотрѣла въ то время точно такъ, какъ въ наше время судья смотритъ на негодяевъ, промышленяющихъ сбытомъ гнусныхъ печатныхъ произведеній.

Директоръ полиціи (Беррье) обошелся съ несчастнымъ писателемъ съ особенной строгостью, потому что тотъ упорно отказывался сообщить имя издателя. Дидро было хорошо извѣстно, что издатель будетъ сосланъ на галеры, если только попадетъ въ руки полиціи. Слѣдуетъ замѣтить, что директоръ полиціи былъ вполнѣ въ воз-

¹⁾ Г-жу Дюпрэ де Сень-Моръ, которая умѣла расположить въ свою пользу графа д'Аржансона. Д'Аржансонъ былъ младшій братъ уволеннаго въ 1747 маркиза д'Аржансона, и занималъ постъ министра съ 1743 по 1757 г. Несмотря на то, что благодаря его вмѣшательству Дидро былъ заключенъ въ тюрьму, онъ былъ довольно постояннымъ покровителемъ партіи философовъ.

²⁾ Баррье, IV. 337.

веденъ въ почетное званіе *хранителя печати* въ награду за усердіе и ловкость, съ которыми онъ доставлялъ жертвъ для королевскаго гарема въ Версали¹⁾. Человѣкъ, осмѣлившійся употреблять въ дѣло свои умственные способности, былъ заключенъ въ венсенскую тюрьму тѣмъ, кто исполнялъ обязанности шпіона и прислужника приг-жѣ Помпадуръ. Официальный отчетъ о разговорѣ, происходившемъ между Беррье и принадлежащимъ «къ католической, апостольской, римской церкви» Дени Дидро производить очень странное впечатлѣніе въ виду того, что заключенный давалъ свои отвѣты «послѣ принесенія клятвы, что будетъ говорить и отвѣчать правду».

„На вопросъ, не онъ-ли авторъ сочиненія *Письмо о слѣпыхъ*.

„Отвѣчалъ, что не онъ.

„На вопросъ, кому поручилъ онъ изданіе названнаго сочиненія.

„Отвѣчалъ, что никому не поручалъ изданія названнаго сочиненія.

„На вопросъ, извѣстно-ли ему имя автора названнаго сочиненія.

„Отвѣчалъ, что ему ничего объ этомъ неизвѣстно.

„На вопросъ, не имѣлъ-ли онъ у себя названнаго сочиненія въ рукописи, прежде чѣмъ оно было напечатано.

„Отвѣчалъ, что не имѣлъ у себя названнаго сочиненія въ рукописи ни прежде ни послѣ того, какъ оно было напечатано.

„На вопросъ, не онъ-ли авторъ появившагося за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ сочиненія подъ заглавіемъ *Философскія мысли*.

„Отвѣчалъ, что не онъ.

Послѣ пѣлой дюжины другихъ отвѣтовъ, отличающихся такою же правдивостью, и послѣ того, какъ ему было прочитано изложеніе всего допроса, Дидро «сказалъ, что отвѣты согласны съ истинной, ничего не измѣнилъ въ нихъ и удостовѣрилъ ихъ своею подписью». Какое по истинѣ жалкое положеніе человѣка, взявшагося проповѣдывать новое ученіе! Съ другой стороны, апостолъ новаго ученія не приходился по вкусу и апостоламъ стараго ученія. За два года передъ тѣмъ священникъ церкви св. Медара счелъ нужнымъ обратиться въ шпіона и доносчика. Вотъ какое донесеніе послалъ онъ къ директору полиціи (1747):—

„Дидро, не имѣющій никакой профессіи и никакихъ средствъ къ жизни и т. д.... такой молодой человѣкъ, который представляетъ изъ себя вольнодумца и гордится своимъ нечестіемъ. Онъ написалъ

¹⁾ Въ оригинальномъ сочиненіи, носящемъ названіе *L'Escole de l'homme* есть описаніе личности Беррье подъ именемъ Оргона, II, 73.

нѣсколько философскихъ сочиненій, въ которыхъ нападаетъ на религію. Говоритъ онъ въ томъ же тонѣ, въ какомъ пишетъ. Теперь онъ занятъ новымъ сочиненіемъ, которое очень опасно“.

Доносъ священника былъ подтвержденъ еще менѣе важнымъ агентомъ правительственной власти, который съ нарушеніемъ правилъ грамматики и синтаксиса писалъ: «бездѣльный Дидро — очень опасный человѣкъ; онъ говоритъ съ презрѣніемъ о святыхъ таинствахъ нашей религіи; онъ развращаетъ нравы и высказалъ намѣреніе поступить въ послѣднія минуты своей жизни такъ, какъ всѣ поступаютъ, исповѣдаться и приобщиться Св. Таинъ, но только ради своего семейства» ¹⁾).

Все это подготовило для Дидро жалкую участь, когда и для него, какъ почти для всѣхъ его друзей, настало время расплаты. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца онъ былъ отрѣзанъ отъ внѣшняго міра. Единственнымъ его собесѣдникомъ былъ *Потерянный рай*, случайно находившійся въ его карманѣ въ моментъ его арестованія. Онъ самъ составилъ себѣ чернила, наскобливъ сланца съ оконной рамы, мелко искрошивъ его и смѣшавши съ виномъ внутри разбитаго стакана. Зубочистка, случайно уцѣлѣвшая въ карманѣ его жилета, служила ему перомъ, а чистыя страницы и поля въ *Мильтоновой* поэмѣ обратились въ хранилище его мыслей. Руководствуясь искреннимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень характеристическимъ участіемъ ко всѣмъ, съ кѣмъ могла бы случиться такая же бѣда какъ съ нимъ, онъ начертилъ на стѣнахъ своей тюрьмы коротенькій рецептъ для составленія письменныхъ матеріаловъ. ²⁾ Легко могло случиться, что Дидро оставался бы тамъ заживо похороненнымъ не только мѣсяцы, но цѣлыя годы. Но, къ счастью для него, Венсенскій губернаторъ приходился родственникомъ Вольтеровой божественной Эмилиі — маркизѣ дю-Шатлэ. Когда Вольтеръ, находившійся въ то время въ Люневилѣ, узналъ о постигшемъ Дидро несчастіи, онъ по обыкновенію сталъ громко высказывать свое отвращеніе къ такой странѣ, гдѣ ханжи могутъ запираеть на замѣлъ философовъ и по обыкновенію тотчасъ сталъ хлопотать о томъ, какъ-бы помочь бѣдѣ. По его ходатайству г-жа дю-Шатлэ написала губернатору письмо, въ которомъ просила его по возможности облегчить для Сократа-Дидро тяжести заключенія. ³⁾ Это было послѣднее изъ ея добрыхъ дѣлъ, такъ какъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (сент. 1749) она умерла при самой странной трагической обстановкѣ, а ея мужъ, ея сынъ, Вольтеръ и Сенъ-Ламберъ поочередно утѣшали другъ друга надъ ея гробомъ и поочередно осыпали другъ

¹⁾ Все это цитировано въ сочиненіяхъ Дидро, XX. 121—3.

²⁾ *Нажоль*, стр. 131.

³⁾ *Согг.* Вольтера. Іюль и августъ 1749.

друга упреками. Между тѣмъ Дидро воспользовался результатами ея посредничества. Его перевели изъ тюрьмы въ замокъ, ему дозволили гулять по парку, полагаясь на данное имъ честное слово, и позволили принимать друзей. Самымъ пылкимъ между этими друзьями былъ Жанъ-Жакъ. Ихъ первое свиданіе послѣ заключенія Дидро въ тюрьму было описано самимъ Руссо въ такихъ выраженіяхъ, которыя вызовутъ улыбку на устахъ флегматика, — но смѣхъ здѣсь былъ бы неумѣстенъ, потому что манера выражать свои душевныя эмоціи такъ-же относительна, какъ и все остальное на свѣтѣ. «Послѣ трехъ или четырехъ вѣковъ нетерпѣливаго ожиданія, я бросился въ объятія моего друга. О невыразимо счастливое мгновеніе! Онъ былъ не одинъ; съ нимъ были д'Аламберъ и казначей святой капеллы. Но, когда я вошелъ, я никого не видѣлъ кромѣ его одного. Я съ крикомъ бросился къ нему, прижалъ его лице къ моему, крѣпко обнялъ его, и не могъ передать ему того, что чувствовалъ, иначе какъ слезами и рыданіями; я задыхался отъ волненія и отъ восторга» ¹⁾. Послѣ этого Руссо приходилъ къ нему пѣшкомъ два или три раза въ недѣлю. Во время одного изъ такихъ странствованій пѣшкомъ, въ жаркій лѣтній день, ему впервые пришла мысль написать свое достопамятное литературное произведеніе, направленное противъ цивилизации. Онъ разлегся подъ деревомъ и съ лихорадочнымъ пыломъ написалъ нѣсколько страницъ для того, чтобъ показать ихъ своему другу. Онъ рассказываетъ намъ, что еслибы его не поощрилъ Дидро, онъ едва ли осуществилъ бы свое намѣреніе. Другіе утверждаютъ, будто Дидро первый навелъ Руссо на мысль, что искусства и науки испортили нравы. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Несмотря на силу и проникаемость своего ума, Дидро по причинѣ своей природной запальчивости нерѣдко переносился въ сферу парадоксовъ. Его собственное странное и смѣлое произведеніе—*Supplément au Voyage de Bougainville* написано совершенно въ томъ же духѣ, какъ и диссертация Руссо о превосходствѣ первобытной жизни надъ жизнью въ цивилизованномъ обществѣ. «Какая удивительная сибилла восемнадцатаго столѣтія—этотъ всемогущій чародѣй Дидро!», — восклицаетъ Мишле. «Онъ только вымолвилъ одно слово и передъ нами появился новый человекъ—Руссо». ²⁾ Трудно повѣрить, чтобъ такой удивительный литературный геній, какой былъ у Руссо, заглухъ послѣ того какъ на него пахнуло живительнымъ парижскимъ воздухомъ. Но весьма вѣроятно, что пылкость и вдохновляющая энергія Дидро заставили этого генія скорѣе приняться за производи-

¹⁾ Conf., 11, VШ.

²⁾ Мишле, *Людоеды XV*, стр. 258. 2471 строчив и ялоі ввдѣлѣіі дло О (

тельную дѣятельность. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что именно такъ и случилось. Что же касается того, дѣйствительно ли Дидро отвѣтственъ за ложное направленіе мнѣній Руссо,—это такой вопросъ, для разрѣшенія котораго мы не имѣемъ достаточныхъ основаній. 1) То былъ бы странный образчикъ исполинской небрежности, нерѣдко поражающей насъ въ Дидро, еслибы онъ дѣйствительно внушилъ самому краснорѣчивому и самому увлекательному изъ современныхъ писателей желаніе доказать, что искусства и науки—бичъ человѣчества, между тѣмъ какъ онъ самъ въ тоже время напругалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобъ распространять знакомство съ искусствами и науками и выставить ихъ въ глазахъ людей во всемъ ихъ блескѣ.

Въ числѣ другихъ посѣтителей Дидро была и г-жа Пюизье. Однажды она явилась къ нему въ нарядномъ туалетѣ, потому что отправлялась въ тотъ вечеръ на балъ въ одно изъ сосѣднихъ селеній. Дидро выразилъ ей ревнивыя подозрѣнія на счетъ ея вѣрности, но въ отвѣтъ получилъ увѣреніе, что на вечерѣ она будетъ одна, безъ кавалера, и будетъ тамъ съ грустью вспоминать о своемъ философѣ, томящемся въ заключеніи. Но она позабыла, что любопытство въ сродствѣ съ философіей и что Дидро принадлежалъ къ школѣ скептиковъ. Онъ перелѣзъ въ тотъ вечеръ черезъ ограду Венсенскаго парка, добѣжалъ до того мѣста, гдѣ происходилъ фестивалъ и увидѣлъ тамъ именно то, чего ожидалъ. Такимъ образомъ оказалось, что онъ напрасно писалъ для нея статьи о добродѣтели и человѣческомъ достоинствѣ; тогда для профанированной любовной связи насталъ конецъ.

Послѣ трехъ-мѣсячнаго тюремнаго заключенія Дидро былъ выпущенъ на свободу. Заинтересованные изданіемъ Энциклопедіи книгопродавцы докучали правительству настоятельными просьбами, чтобъ оно возвратило имъ руководителя такого предпріятія, которое возбуждало общее любопытство. 2) Первая часть этого знаменитаго произведенія была въ то время почти готова къ выходу въ свѣтъ, и въ обществѣ съ нетерпѣніемъ ожидали ея появленія. Мысль объ изданіи такого произведенія пришла Дидро въ 1745, и съ этого времени до 1765 была главной заботой его жизни. О достоинствахъ и значеніи основной идеи, положенной въ основу этого труда, я буду говорить въ слѣдующей главѣ. Тамъ я расскажу и весь ходъ этого предпріятія. Обстоятельства, при которыхъ были выпущены

1) См. Руссо, того же автора, который написалъ настоящее сочиненіе, стр. 91.

2) Касательно двухъ петицій, въ которыхъ книгопродавцы просили г'Аржансона освободить Дидро, см. предварительныя замѣчанія Ассеза. О е и ч. XIII. 112, и др.

въ свѣтъ тридцать пять томовъ Энциклопедіи, свидѣтельствуютъ о томъ, что Дидро принадлежитъ къ числу немногихъ настоящихъ героевъ на поприщѣ литературы. Они требовали примѣненія къ дѣлу такихъ человѣческихъ качествъ, которыя всѣхъ болѣе достойны удивленія. Они требовали такого же постояннаго и продолжительнаго трудолюбія, такой же прозорливой осмотрительности, такой же вѣрности задуманному плану, такого же терпѣливаго, неизмѣннаго, непоколебимаго мужества, какія мы обыкновенно превозносимъ въ инженерѣ, соорудившемъ какую нибудь обширную и трудную постройку или въ главнокомандующемъ, руководившемъ какою нибудь смѣлой и опасной экспедиціей.

Энциклопедія.

Исторія энциклопедическаго взгляда на человѣческія познанія представляетъ гораздо болѣе интересный и важный предметъ для изслѣдованій, нежели списокъ различныхъ энциклопедическихъ предпріятій, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ литературы. Тѣмъ не менѣе здѣсь будетъ уместно упомянуть о нѣкоторыхъ попыткахъ въ этомъ направленіи, предшествовавшихъ появленію замѣчательной книги восемнадцатаго столѣтія, о которой идетъ теперь рѣчь. Аристотель, безъ сомнѣнія, есть тотъ писатель, у котораго мы находимъ первые проблески идеи, что человѣческія знанія представляютъ нѣчто цѣлое и что всѣ ихъ части тѣсно и органически связаны между собою. Но эта идея лишь мимолетно блеснула въ умѣ великаго мыслителя и затѣмъ померкла на нѣсколько столѣтій. Компиляціи Плинія не могутъ быть названы энциклопедическимъ сборникомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ онѣ составлялись безъ всякой опредѣленной идеи о систематическомъ порядкѣ изложенія. Лишь въ концѣ среднихъ вѣковъ были сдѣланы нѣкоторыя попытки представить человѣческія знанія какъ нѣчто цѣлое. Альбертъ Великій «обезьянившій Аристотеля» (1193—1280), отложилъ на время въ сторону три великихъ вопроса: о существованіи универсальныхъ понятій, о формахъ существованія видовъ и родовъ и объ ихъ мѣстѣ внутри или внѣ души индивидуумовъ, и составилъ сборникъ тѣхъ физическихъ фактовъ, которые были въ то время извѣстны. ¹⁾ Болѣе опредѣленнымъ энциклопедическимъ характеромъ отличалась книга Венсена-де-Бовэ (ум. 1264), носящая заглавіе *Speculum naturale, morale, doctrinale, et historiale*; это

¹⁾ Журденъ *Recherches sur les traductions latines d'Aristote*, p. 325.

была компиляція частію изъ сочиненій Аквината, частію изъ сочиненій Аристотеля. Галламъ упоминаеть еще о трехъ компиляціяхъ, относящихся къ тринадцатому и четырнадцатому столѣтіямъ и замѣчаетъ, что трудолюбивые ихъ составители не много содѣйствовали обработкѣ собранныхъ ими свѣдѣній, хотя и распредѣляли ихъ иногда въ надлежащемъ порядкѣ. Въ средніе вѣка, какъ онъ замѣчаетъ, сильнымъ препятствіемъ для достоинства такихъ компиляцій служилъ недостатокъ способности распознавать то, что болѣе близко къ истинѣ. ¹⁾

Гораздо болѣе замѣчательнымъ въ этомъ родѣ произведеніемъ тринадцатаго столѣтія былъ *Opus Majus* Рожера Бэкона (1267), о которомъ было сказано, что это въ одно и тоже время и Энциклопедія и *Novum Organum* того вѣка, ²⁾ что это и сборникъ знаній и зарожденіе болѣе правильнаго метода. Но это было лишь приготовительнымъ очеркомъ къ болѣе обширному энциклопедическому произведенію, — къ *Compendium Philosophiae*, которое не было доведено до конца. «У Бэкона возникла мысль объять всю массу знаній какъ нѣчто цѣлое вслѣдствіе свойственнаго всѣмъ обширнымъ умамъ яснаго пониманія, что всѣ отдѣлы философіи находятся въ тѣсной связи между собою и вслѣдствіе желанія возвыситься надъ низкимъ уровнемъ всякаго обособленнаго знанія». ³⁾ Можно по истинѣ сказать, что энциклопедическое настроеніе умовъ носилось въ воздухѣ въ теченіе всего тринадцатаго столѣтія. Это былъ вѣкъ сочиненій съ такими знаменательными заглавіями, какъ *Summa*, *Universitas* и *Speculum*.

То же настроеніе умовъ получило новую силу около половины шестнадцатаго столѣтія. Въ 1541 была издана въ Базелѣ Рингельбергомъ книга, впервые получившая названіе Энциклопедіи, которое сдѣлалось съ тѣхъ поръ такимъ употребительнымъ словомъ въ западной Европѣ. Затѣмъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ появилось еще нѣсколько произведеній въ томъ же родѣ. Это движеніе достигло своего высшаго выраженія въ томъ сочиненіи, которое считалось лучшимъ въ этомъ родѣ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Нѣмецъ по имени Альштедъ (1518—1638), издалъ въ 1620 *Encyclopaedia scientiarum omnium*. Лѣтъ сто спустя, знаменитый Лейбницъ объявилъ, что стоить труда дополнить и исправить книгу Альштеда. Этому достойному человѣку, сказалъ онъ, не доставало не трудолюбія и не ума, а матеріаловъ и счастья родиться на свѣтъ въ наше время. И Лейбницъ написалъ статью,

¹⁾ *Европейская литература*, I. гл. II. § 39.

²⁾ Уэвель *Hist. Induct. Sci.*, XII. с. 7.

³⁾ Fr. Roger Bacon: *J. S. Brewer's Pref.* pp. 57, 63.

въ которой указывалъ на способъ дополненія и исправленія книги ¹⁾). Альтштедъ написалъ свою Энциклопедію, какъ и слѣдовало ожидать, по-латыни и во главѣ ея привелъ вмѣсто эпитафиа знаменитыя строки, въ которыхъ Лукреціи говоритъ, что нѣтъ ничего болѣе пріятнаго, какъ жить особнякомъ въ свѣтлыхъ храмахъ мудрости. Хотя въ предисловіи авторъ Энциклопедіи и сообщаетъ намъ, что онъ имѣлъ въ виду сдѣлать въ сжатомъ видѣ очеркъ великаго «*latifundium regni philosophici*», однако на самомъ дѣлѣ онъ лишь собралъ нѣсколько отдѣльныхъ трактатовъ или руководствъ и даже лексиконовъ въ нѣсколько томовъ. Согласно съ духомъ того вѣка, въ который онъ писалъ, онъ даетъ преобладающее значеніе грамматикѣ, риторикѣ и правиламъ логики и при размѣщеніи предметовъ придерживается скорѣе буквальнаго или логическаго ихъ распредѣленія, нежели научнаго взгляда на ихъ объективную между собою связь.

Впрочемъ намъ нѣтъ надобности удлиннять этотъ списокъ для того, чтобъ отыскать настоящій источникъ зарожденія той энциклопедіи, которая была дѣломъ Дидро и д'Аламбера. Мысль о систематической классификаціи знаній, вдохновившая Дидро и постоянно служившая руководствомъ для его дѣятельности, принадлежала Фрэнсису Бэкону. «Если мы доведемъ до конца это обширное предпріятіе», — писалъ Дидро въ *Перспективѣ*, — «мы будемъ этимъ обязаны преимущественно канцлеру Бэкону, который начертилъ планъ всеобщаго лексикона наукъ и искусствъ въ такое время, когда, такъ сказать, еще не было ни искусствъ, ни наукъ». Это чувство глубокой и искренней признательности раздѣлялось также д'Аламберомъ и выражалось много разъ во время хода занятій. Нашъ безсмертный соотечественникъ никогда не получалъ болѣе восторженныхъ похвалъ, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчаются въ *Предварительномъ объясненіи*. ²⁾ Французская Энциклопедія была прямымъ продуктомъ широкихъ идей Бэкона. И не только настоящій зародышъ Энциклопедіи находился въ Англіи, самый поводъ къ ея составленію возникъ тамъ-же.

Вестмореландскій квакеръ Эфраимъ Чемберсъ издалъ въ 1727 въ Лондонѣ два большихъ тома подъ заглавіемъ *Cyclopaedia or Universal Dictionary of the Arts and Sciences*. Идея этого труда была широкая и превосходная. «Наша цѣль», — говоритъ Чемберсъ, — «заключалась въ томъ, чтобъ рассмотреть различные предметы не только въ ихъ отдѣльности, но и относи-

¹⁾ Leibnizii Opera, V. 184.

²⁾ Oeuv. de d'Alembert, I. 63.

тельно, то есть во взаимной ихъ между собою связи—въ томъ, чтобъ разсмотрѣть каждый изъ нихъ какъ нѣчто цѣлое и какъ часть еще большаго цѣлаго“. Компилятору недоставало ширины ума, необходимой для осуществленія такого похвальнаго намѣренія. Тѣмъ не менѣе его книга отличается сжатостью и представляетъ любопытный образчикъ литературной усидчивости, такъ какъ она вся составлена самимъ Чемберсомъ. Она имѣла большой успѣхъ и, хотя ея цѣна была высока (четыре гинеи), она имѣла въ теченіе восемнадцати лѣтъ пять изданій. Впрочемъ она вообще недостаточно богата содержаніемъ и болѣе похожа на лексиконъ, нежели на такую, на примѣръ, энциклопедію, какъ энциклопедія Альштеда.

Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ выхода въ свѣтъ Энциклопедіи Чемберса, англичанинъ Мильсъ и нѣмецъ Селлюсъ обратились къ Ле-Бретону съ предложеніемъ издать ее въ переводѣ на французскій языкъ. Книгопродавецъ выхлопоталъ на этотъ предметъ разрѣшеніе правительства, но выхлопоталъ для себя самого, а не для тѣхъ, кому принадлежала мысль предпріятія. Эта плутня вызвала ссору, но прежде чѣмъ дѣло дошло до развязки нѣмецъ умеръ, а англичанинъ возвратился къ себѣ на родину. Они оставили переводъ вполне готовымъ. ¹⁾ Тогда Ле-Бретонъ поручилъ это дѣло одному аббату по имени Гуа де Мальвесу. Этотъ Гуа де Мальвесь (род. 1712), какъ кажется, былъ дѣловой и неглупый человекъ. Онъ перевелъ произведеніе Беркедея *Hylas and Philonous*, *Путешествія* Ансона и нѣсколько англійскихъ сочиненій о денежныхъ знакахъ и о политической экономіи. Утверждали, будто онъ первый далъ мысль объ энциклопедіи въ болѣе широкомъ размѣрѣ ²⁾, но мы не имѣемъ на это доказательствъ. Во всякомъ случаѣ въ его рукахъ этотъ проектъ не двигался впередъ. Книгопродавецъ, не зная какъ выйти изъ затрудненія, обратился къ Дидро, очень нуждавшемуся въ то время въ такой работѣ, которая дала бы ему средства существованія. Его обильный и энергическій умъ совершенно преобразовалъ первоначальный проектъ. Благодаря удивительному дару интуиціи, онъ понялъ, какой удобный случай доставить энциклопедическая форма для собранія въ одно цѣлое всѣхъ новыхъ идей и современныхъ знаній, разбросанныхъ безъ всякой системы и безъ всякихъ объясненій. Его восторженность воспламенила Ле-Бретона. Было рѣшено, что трудъ Чемберса будетъ лишь точкой исхода для новаго предпріятія, задуманнаго въ гораздо большихъ размѣрахъ.

¹⁾ *Mém. pour J. P. F. Luneau de Boisjermain*, 4-to, Paris, 1771. См. также *Prospectus* Дидро; тамъ сказано: „Мы просмотрѣли весь переводъ Чемберса“, и т. д.

²⁾ *Biog. Universelle*, S. V.

«У престарѣлаго и ученаго д'Агессо», — говоритъ Мишле, — «не смотря на нѣкоторыя жалкія и дурныя черты характера, были также двѣ возвышенныя черты — склонность къ реформѣ законодательства и личная страсть, любовь и настоящее влеченіе къ всеобщности, — то есть нѣчто похожее на энциклопедическое настроеніе ума. Однажды приходитъ къ нему молодой человѣкъ, живущій литературной работой и нѣсколько сконфуженный тѣмъ, что имя его уже сдѣлалось извѣстнымъ благодаря нѣсколькимъ книгамъ сомнительнаго достоинства, написаннымъ подъ гнетомъ матеріальной нужды. Однако этотъ пришлецъ съ сомнительной репутаціей совершаетъ чудо. Съ удивленіемъ слушалъ старый мудрецъ, какъ онъ развивалъ гигантскій планъ такой книги, которая должна заключать въ себѣ всѣ книги. Въ его устахъ науки превращались въ свѣтъ и жизнь. Это было болѣе чѣмъ изустное изложеніе, — это было творчество. Онъ, какъ будто, создалъ эти науки и продолжалъ созидать ихъ, дѣлая къ нимъ дополненія, расширяя ихъ, оплодотворяя ихъ и даже вкладывая въ нихъ новую жизнь. Впечатленіе, которое онъ произвелъ, невыразимо. Д'Агессо, превзошедшій на минуту самого себя, забылъ свои преклонныя лѣта, заразился ядомъ генія и сдѣлался великъ чужимъ величіемъ. Онъ увѣровалъ въ молодаго человѣка и сдѣлался покровителемъ Энциклопедіи» 1).

Было выхлопотано новое разрѣшеніе (21 янв. 1746), а такъ какъ у Ле-Бретона не было капитала достаточнаго для столь обширнаго предпріятія, то онъ привлекъ къ участию въ дѣлѣ другихъ трехъ книгопродавцевъ съ тѣмъ, что ему будетъ принадлежать одна половина барышей, а имъ — другая. Какъ Ле-Бретонъ не былъ въ состояніи взять на себя матеріальныя заботы объ изданіи, задуманномъ на такую широкую ногу, такъ точно и Дидро сознавалъ свою неспособность составить и редактировать всѣ отдѣлы такого произведенія, которое должно было вмѣщать въ себѣ всю сферу знаній. Онъ не былъ достаточно свѣдущъ ни въ математикѣ ни въ физикѣ, которая въ то время была основана большею частію на математическихъ выводахъ. Для этого отдѣла онъ пригласилъ, въ

1) Мишле, Louis XV., 258. Отъ д'Агессо (1668—1751) остался одинъ отрывокъ, который слѣдуетъ выдѣлить изъ тринадцати томовъ его сочиненій, — отрывокъ, который заключаетъ въ себѣ его воспоминанія объ отцѣ (O e u. XIII). Это — одно изъ тѣхъ свидѣтельствъ твердости и возвышенности характера, которыя освѣжаютъ и укрѣпляютъ умъ читателя гораздо болѣе, чѣмъ цѣлая бібліотека, наполненная религіозными и нравственными увѣщаніями. Возвышенность ума, изысканная суровость и трогательная воспримчивость произведенія Тацита Agricola или произведенія Кондорсе Turgot соединяются здѣсь съ какой то степенной мягкостью, которая была отчасти свойственна послѣдователямъ янсенизма въ семнадцатомъ столѣтіи.

качествѣ сотрудника, одного изъ самыхъ выдающихся и самыхъ дѣятельныхъ членовъ партіи философовъ. Здѣсь будутъ умѣстны нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, находившемся въ теченіи многихъ лѣтъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Дидро.

Д'Аламберъ былъ незаконный сынъ г-жи де-Тенсенъ, которая безжалостно подкинула его немедленно послѣ его появленія на свѣтъ. По этому поводу Кондорсе основательно замѣтилъ, что «настоящіе предки гениальнаго человѣка—великіе наставники, жившіе до него, а его настоящіе потомки—ученики, которые достойны его». Въ одну ноябрьскую ночь 1717 какой то сторожъ нашелъ его почти полумертвымъ на ступенькахъ церкви св. Іоанна Круглаго, отъ котораго онъ въ послѣдствіи и получилъ свое христіанское имя. Подкидыша взяла на свое попеченіе одна почтенная женщина изъ простонародья, повинуваясь тому чувству самоотверженія, которое чаще встрѣчается у бѣдныхъ, чѣмъ у богатыхъ. Отецъ ребенка—артиллерійскій офицеръ, братъ Детуша, написавшаго нѣсколько плохихъ комедій,—отъ времени до времени доставлялъ небольшія суммы денегъ на воспитаніе сына. Въ школѣ д'Аламберъ выказалъ блестящія способности. Не такъ какъ почти всѣ члены энциклопедической партіи,—онъ воспитывался не у иезуитовъ, а у ихъ противниковъ. Янсенисты замѣтили въ своемъ воспитанникѣ проницательность и силу ума и вообразили, что найдутъ въ немъ новаго Паскаля. Но онъ не былъ такъ послушенъ, какъ этотъ великій его предшественникъ на скамьяхъ янсенистской школы. По окончаніи своихъ учебныхъ занятій онъ посвятилъ себя геометріи, къ которой питалъ никогда не ослабѣвавшую склонность. Въмѣсто стараго монашескаго обѣта бѣдности, цѣломудрія и повиновенія онъ принялъ болѣе приличный мужицкѣ и болѣе достойный литератора девизъ: бѣдность, истина и свобода. Просыпаясь утромъ, онъ съ наслажденіемъ думалъ о работѣ, которая была начата наканунѣ и которая будетъ занимать его въ теченіи наступающаго дня. Въ необходимые промежутки между своими занятіями онъ помышлялъ объ удовольствіи, которое доставилъ ему театръ, а въ театрѣ, во время антрактовъ, онъ помышлялъ о еще большемъ удовольствіи, которое доставятъ ему завтрашнія занятія. Его труды по математикѣ привели къ цѣннымъ выводамъ касательно принципа равновѣсія и движенія жидкихъ тѣлъ, касательно новыхъ способовъ вычисленія и касательно новаго разрѣшенія проблемы о прецессіи равноденствій ¹⁾).

Его труды по такой отрасли наукъ, которая въ то время была

¹⁾ Краткій разборъ главныхъ научныхъ статей д'Аламбера, сдѣланный Бертрамомъ, можно найти въ Rev. des Deux Mondes за октябрь 1865.

самой популярной, доставили ему известность, а с известностью всегда неразлучны помехи для занятий. Лишь только писатель обнаружилъ такія дарованія, которыя могутъ принести обществу пользу, общество тотчасъ начинаетъ вовлекать его въ соблазны и мѣшать усидчивому примѣненію этихъ дарованій къ дѣлу. Д'Аламберъ упорно уклонялся отъ подобныхъ приманокъ. Его средства существованія были очень ограничены, тѣмъ не менѣе его никогда не могли склонить къ увеличенію этихъ средствъ въ ущербъ его соціальной независимости или его научнымъ занятіямъ. Онъ въ теченіе сорока лѣтъ жилъ подъ скромной кровлей той бѣдной женщины, которая обошлась съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ. «Изъ васъ никогда не выйдетъ ничего лучшаго, чѣмъ философъ»,—воскликнула она съ тономъ упрека,—«а что такое философъ? Это—сумасшедшій человѣкъ, который терзаетъ себя въ продолженіи всей своей жизни для того, чтобъ о немъ говорили послѣ его смерти». Д'Аламберъ упорно держался за то, что считалъ своимъ назначеніемъ. Фридрихъ Великій тщетно соблазнялъ его предложеніемъ замѣнить Мопертюи въ качествѣ президента берлинской академіи. Впрочемъ, хотя онъ и отказался занять эту должность, онъ пользовался связаннымъ съ нею вліяніемъ и ея прерогативами. Фридрихъ постоянно обращался къ нему за совѣтами при замѣщеніи открывавшихся ваканцій и при новыхъ назначеніяхъ. Великодушіе д'Аламбера проявилось въ томъ фактѣ, что онъ доставилъ Лагранжу мѣсто и средства существованія въ Берлинѣ и горячо рекомендовалъ его какъ человѣка съ рѣдкимъ и возвышеннымъ умомъ, несмотря на то, что Лагранжъ упорно опровергалъ нѣкоторыя изъ его математическихъ теорій. Черезъ десять лѣтъ послѣ сдѣланнаго ему Фридрихомъ предложенія, другая царствующая особа—Императрица Еватерина пригласила его взять на себя воспитаніе юнаго великаго князя—ея сына. Но ни ласковыя настоянія и упрашиванія со стороны уполномоченныхъ императрицы, ни щедрое предложеніе ста тысячъ франковъ годоваго содержанія не могли заставить его разстаться съ его независимостью и съ его друзьями. Фридрихъ Великій обыкновенно сравнивалъ его съ однимъ изъ тѣхъ восточныхъ монарховъ, которые живутъ въ совершенномъ уединеніи для того, чтобъ усилить свое значеніе и свой престижъ. Онъ не отказался отъ ежегодной пенсіи приблизительно въ пятьдесятъ фунт. стерл. изъ Берлина, и такую же сумму получалъ изъ собственной шкатулки французскаго короля. Въ добавокъ къ этому онъ ежегодно получалъ небольшую сумму денегъ отъ академіи.

Хотя математическія науки всегда были спеціальнымъ предметомъ его занятій, однако д'Аламберъ, подобно всѣмъ выдающимся людямъ энциклопедической школы, не впадалъ въ свойственную спе-

ціалистамъ узкость идей. Онъ невольно напоминаетъ намъ замѣчательныя слова приписываемыя Лейбницу, — что знаніе имѣеть цѣну только потому, что дѣлаеть человека способнымъ говорить съ авторитетомъ о философіи и о религіи. Его переписка съ Вольтеромъ, обнимающая собою всю третью четверть столѣтія, представляетъ самыя поучительныя изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о многосторонней предприимчивости той дѣятельной эпохи. Собраніе похвальныхъ рѣчей, которыя онъ произносилъ въ честь академиковъ, умершихъ въ промежуткѣ времени между 1700 и 1772, составляетъ одно изъ самыхъ интересныхъ произведеній по части исторіи литературы. Онъ относился съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ къ великому и трудному искусству излагать свои мысли. Переводы изъ Тацита, Бэкона и Аддисона служатъ доказательствомъ того, что онъ старался придать своимъ занятіямъ практическую пользу. Длинный сборникъ синонимовъ свидѣтельствуетъ о его способности подмѣчать тонкіе отличительные оттѣнки того или другаго выраженія. А ясность, точность и сдержанная энергія его собственной прозы доказываютъ, что онъ не безъ успѣха работалъ надъ улучшеніемъ слога. Онъ зналъ тотъ секретъ, отъ котораго зависитъ такой успѣхъ. Имѣйте возвышенныя мысли, сказалъ онъ и ваша манера выражаться будетъ ясна и благородна ¹⁾. Ему не была незнакома и другая сторона этой истины, выраженная другимъ замѣчательнымъ писателемъ того времени въ слѣдующихъ словахъ: стараясь выражаться съ точностью, вы пріобрѣтаете привычку правильно мыслить (*Кондильякъ*).

Подобно многимъ другимъ писателямъ, оказавшимъ большія услуги литературѣ, д'Аламберъ въ теченіе всей своей жизни боролся съ слабымъ здоровьемъ. Подобно Вольтеру и Руссо онъ родился полумертвымъ и до конца жизни оставался слабымъ и хворымъ. Онъ страдалъ тѣми умственными недугами, которые свойственны людямъ съ его темпераментомъ. Онъ былъ неусидчивъ, нетерпѣливъ, непостояненъ и склоненъ къ раздражительности. Когда молодая дѣвица Флипонъ, — сдѣлавшаяся впоследствии знаменитой въ качествѣ жены добродѣтельнаго Ролана, — посѣтила одно изъ засѣданій Академіи, ее привлекало туда желаніе увидѣть автора *Предварительнаго объясненія*, но его невыразительное лице и его пронзительный тонкій голосъ заставили ее съ разочарованіемъ сознаться, что сочиненія философовъ болѣе интересны, чѣмъ ихъ наружность ²⁾. Во всемъ, кромѣ стремленій къ просвѣщенію и къ эманципации, д'Аламберъ былъ контрастомъ Дидро. Тамъ, гдѣ Дидро было многорѣчивъ,

¹⁾ Oeuvres de d'Alembert, IV. 367.

²⁾ Oeuv. de J. P. h. Roland, I. 230 (edit. 1800).

расточителенъ и безпорядоченъ, д'Аламберъ былъ тщательно точенъ. Впрочемъ несмотря на различіе темпераментовъ дружба между ними была въ теченіе многихъ лѣтъ самая искренняя и тѣсная. Когда было задумано изданіе Энциклопедіи, Дидро, какъ мы сказали, обратился къ помощи д'Аламбера въ математическихъ наукахъ, такъ какъ его собственныя познанія по этой части были недостаточно основательны. Они вполне сходились въ своихъ взглядахъ на то мѣсто и ту роль, которыя должны принадлежать литераторамъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ ихъ единомыслія и однимъ изъ самыхъ важныхъ явленій въ исторіи Энциклопедіи былъ тотъ фактъ, что профессія литератора сдѣлалась профессіей определенной и независимой. И Дидро и д'Аламберъ всегда были бѣдными людьми, но никогда не были привязчивыми просителями. Они не искали покровителей и не стѣснялись въ своихъ идеяхъ желаніемъ угодить Версальскому правительству. Они первые установили законный авторитетъ новаго священства. Они съ сознаніемъ и въ тщательно обдуманной формѣ протестовали противъ старой системы искательства и покровительства. «Счастливы тѣ литераторы» — писалъ д'Аламберъ, — «которые пришли наконецъ къ сознанію, что самый вѣрный способъ заставить себя уважать заключается въ томъ, чтобъ жить въ согласіи между собою и почти совершенно въ сторонѣ отъ другихъ людей; что благодаря взаимному согласію они безъ большихъ усилій дойдутъ до того, что будутъ предписывать всей націи законы въ вопросахъ вкуса и философіи; что настоящее уваженіе есть то, которое оказывается вамъ по приговору такихъ людей, которые сами достойны уваженія..... Развѣ послѣ слишкомъ рѣдко встрѣчающагося искусства хорошаго управленія искусство обучать и просвѣщать людей не есть самая благородная задача и самая благородная изъ человѣческихъ способностей» 1).

Приобрѣтенное въ ту пору литераторами сознаніе своего вліянія и своего высокаго призванія не было такимъ поверхностнымъ фактомъ, какимъ оно могло бы показаться съ перваго взгляда. Оно свидѣтельствовало о возникновеніи новаго ученія и объ отмиѣнѣ стараго. Самыя возвышенныя нравственныя идеи перестали быть достояніемъ духовенства, и сдѣлались достояніемъ писателей, пере-

1) *Essai sur la Société des Gens de Lettres et des Grands, etc.* О е и в. IV. 372. „Пишите такъ“, — говоритъ онъ, — „какъ будто вы любите славу; а въ жизни поступайте такъ, какъ будто вы равнодушны къ ней“. Сравни замѣчаніе Дюкло съ ссылкой на приведенныя слова (*Consid. sur les Moeurs*, ch. XI): „Человѣкъ, облеченный властью, приказываетъ, но интеллигентные люди управляютъ, потому что съ теченіемъ времени они образуютъ общественное мнѣніе, которое рано или поздно подчиняетъ себя всякую деспотическую власть“. Это вѣрно лишь отчасти.

стали быть достояніемъ офіціального католицизма и сдѣлались достояніемъ тѣхъ плодотворныхъ новыхъ взглядовъ на человѣческія знанія и на человѣческое общество, которыя въ то время были въ ходу подъ названіемъ философскихъ. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что мысли, посѣяныя философіей послужили для католицизма источникомъ болѣе возвышенныхъ стремленій. Если во время революціи церкви обнаруживала такія качества, которыя по истинѣ были достойны удивленія, то причиной этого была кучка энциклопедистовъ, невольно и неизбежно передавшая долю своей собственной дальновзоркости, твердости, нравственной силы и заботливости о социальныхъ улучшеніяхъ той самой церкви, которая въ началѣ ихъ дѣятельности, была тяжелымъ бременемъ для умственной жизни всей націи. Если католицизмъ Шатобріана, Ламенэ и Монталамбера имѣлъ мало общаго съ католицизмомъ кардинала Дюбуа или герцога де-Роана, съ безнравственными правилами іезуитовъ и уничижительными предразсудками позднѣйшихъ янсенистовъ, то этимъ измѣненіемъ и церковь и человѣчество обязаны ненавистнымъ свободнымъ мыслителямъ. Просвѣщенный католикъ нашего времени не можетъ не сознаться, что Вольтеръ, Дидро и Руссо были настоящими преобразователями его религіи. Они доставили ей тѣ идеи, которыя помѣшали ей сдѣлаться бичемъ для цивилизаціи. Не какойнибудь католическій прелать, а Дидро былъ тотъ, кто разорвалъ стѣснявшіе умственную дѣятельность догматическіе узы, когда онъ произнесъ великолѣпный возгласъ: *Detruisez ces enceintes qui rétrécissent vos idées! Elargissez Dieu!* ¹⁾ Въ наше время происходитъ передъ нашими глазами точно такое же явленіе. Христіанскія церкви, такъ быстро, какъ это дозволяютъ ихъ уставы, усваиваютъ новое свѣтило, болѣе благородныя понятія о нравственности и болѣе возвышенныя идеи людей, которые не принадлежатъ ни къ какой церкви и систематически выдаются за враговъ человѣчества. *Sic vos non vobis mellificatis apes!* Такія преобразованія религіи путемъ заимствованія идей изъ чуждой ей доктрины представляютъ самое интересное явленіе въ исторіи понятій объ истинѣ.

Энциклопедія сдѣлалась могущественнымъ орудіемъ этого преобразования. Такъ какъ она была такимъ орудіемъ и такъ какъ къ ней примыкали всѣ лучшіе люди Франціи, желавшіе просвѣщенія и социальныхъ преобразованій, то мы не должны жалѣть ни времени ни усилий, чтобъ прослѣдить ея исторію. Вѣдь энциклопедисты вывели Францію на новый путь не въ одной только сферѣ религіозныхъ идей. Они коснулись народной жизни со всѣхъ ея сторонъ и

¹⁾ *Pensées Philos.*, § 26.

приложили принципы просвѣщенія ко всѣмъ отраслямъ матеріальной и политической организаціи. Ихъ соединеніе въ одну большую философическую группу придадо ихъ работѣ внушительное значеніе. Собраніе въ одномъ многотомномъ изданіи всѣхъ новыхъ истинъ, затрогивавшихъ столько важныхъ для человѣчества вопросовъ, придавало книгѣ и писателямъ характеръ всеобщности и заставляло предполагать существованіе такой коллективной и органической доктрины, на которую, безъ сомнѣнія, не заявили бы притязаній сами писатели и которую было бы не трудно опровергнуть при помощи одной логики. Тѣмъ не менѣе, общее мнѣніе, что энциклопедисты составляли одно цѣлое съ общою для всѣхъ доктриной и съ общою цѣлю, было въ практическомъ отношеніи основательно. Контъ съ удивительной ясностью объяснилъ достоинства идеи объ энциклопедической работѣ соединенными силами. 1) Она соединяла членовъ враждебныхъ между собою школъ, стремившихся къ разрушенію существующаго строя, и вела ихъ къ одной великой созидательной цѣли. Она служила сборнымъ пунктомъ для умственныхъ усилій, которыя иначе расходились бы въ разныя стороны. Вліяніе энциклопедистовъ было именно такое, какимъ оно должно бы было быть, если бы впечатлѣніе произведенное ими на публику было вполне согласно съ истиной. Дидро и д'Аламберъ дѣлали все что могли, чтобъ усилить это впечатлѣніе. Они не пропускали случая, чтобъ укрѣпить мысль о совокупной работѣ и о совокупной солидарности. Они говорили о своемъ лексиконѣ такъ, какъ будто рѣчь шла о трудахъ какой нибудь академіи. 2) Каждый писатель былъ отвѣтственъ за свои статьи, но онъ находился въ такомъ же положеніи, какъ членъ какой либо ученой корпораціи. До великаго кризиса, наступившаго въ 1759, каждому тому предпосылался списокъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Если кто либо изъ сотрудниковъ умиралъ, публика извѣщалась о понесенной утратѣ и заслуги умершаго перечислялись въ похвальной статьѣ. 3) Въ ссорахъ, эпиграммахъ и личныхъ оскорбленіяхъ недостатка не было, но вообще поддерживалось постоянное и искреннее чувство братства.

По краснорѣчивому выраженію Вольтера, и офицеры сухопутной арміи и моряки, и судьи, и медики, изучившіе человѣческую натуру, и литераторы, направленіе которыхъ было облагорожено знаніемъ, и геометры и физики, — всѣ соединились для дѣла столь же полезнаго сколько труднаго, безъ всякаго личнаго интереса и даже не ища извѣстности, такъ какъ многіе изъ нихъ скрывали свои имена, и наконецъ безъ всякаго предварительнаго стовора или со-

1) *Phil. Ros.*, V. 520. *Polit. Ros.*, III. 584.

2) См. Предисловіе къ тому III.

3) Напримѣръ см. Предисловіе къ тому VI.

глашенія, а потому и безъ чего либо похожаго на духъ партіи. 1) Пробѣгая страницы, на которыхъ перечислены сотрудники, мы встрѣчаемся съ именами почти всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ возвышенію литературы того времени. Монтескье, умершій въ началѣ 1755, оставилъ недоконченный отрывокъ изъ статьи о *Вкусъ* и, мимоходомъ можно замѣтить, нашъ добродушный Дидро былъ единственный литераторъ, сопровождавшій бранные останки знаменитаго писателя до могилы. 2) Сама статья, хотя въ сущности составляющая лишь отрывокъ, имѣетъ всю прелесть того прекраснаго стиля, которымъ обладалъ Монтескье; она серьезна безъ педантства, изящна безъ легкомыслія, и богата замѣчаніями, которыя ясны и метки безъ высокопарности. Великій Тюрго, усердно заботившійся объ успѣхѣ всякаго предпріятія, которое было задумано съ цѣлію улучшить благосостояніе человѣчества путемъ расширенія знаній и распространенія просвѣщенія, написалъ нѣсколько статей, принадлежащихъ къ числу самыхъ лучшихъ во всемъ изданіи, а его статья о *Вкладахъ* и до сихъ поръ представляетъ едвали не самое дѣльное разсужденіе объ этомъ важномъ предметѣ. Къ сожалѣнію онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ писателей, которые не хотѣли подписываться подъ своими статьями. 3) Его сотрудничество прекратилось только тогда, когда онъ замѣтилъ, что первоначальный планъ окрасился тѣмъ духомъ секты, въ которомъ онъ всегда видѣлъ самаго опаснаго врага духа истины. 4) Жанъ-Жакъ Руссо, только что приобрѣвшій въ то время странную извѣстность благодаря своимъ парадоксамъ о естественномъ равенствѣ и о нравственномъ вредѣ цивилизации, доставилъ статьи о музыкѣ, помѣщенные въ первой полудюжинѣ томовъ. Онъ были не безъ ошибокъ, но его соотарищи великодушно вступились за него, утверждая что виною того были или небрежность корректора или невнимательность переписчика. 5) Занимавшій высокое общественное положеніе Бюффонъ прислалъ въ самые первые годы предпріятія статью о *Природѣ*, и издатели поспѣшили извѣстить подписчиковъ о приобретеніи такого высокопоставленнаго сотрудника. 6) Впрочемъ составленіе статей о натуральной исторіи Бюффонъ, по свойственной ему сановитой важности, предоставилъ своему вѣрному помощнику и ору-

1) *Siècle de Louis XV.*, гл. 43.

2) *Гримма, Corr. Lit.*, I. 273. Дидро *Oeuv.* IV. 15.

3) *Avertissement* къ т. VI; также къ VII. Статьи Тюрго были написаны на слова *Etymologie, Existence, Expansibilité, Foires, Fondations*. Въ новомъ изданіи сочиненій Дидро, XV. 12, эти статьи ошибочно приписаны самому Дидро.

4) Кюндорсе, *Vie de Turgot*.

5) Предисл. къ т. III (1752) и къ т. VI (1756).

6) Предисл. къ т. II.

женосцу— Добентону. Даже его собственная статья, как кажется, не была напечатана. Передъ выходомъ въ свѣтъ одиннадцатаго тома возникли страшныя бури; тогда нѣкоторые изъ сотрудниковъ отстранились отъ дѣла и въ числѣ ихъ вѣроятно былъ Бюффонъ. Конечно въ томъ видѣ, въ какомъ появилась въ Энциклопедіи статья о *Природѣ*, ее едва ли можно считать за произведение Бюффона.

Въ дополнительныхъ томахъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1776—черезъ десять лѣтъ послѣ осуществленія первоначально задуманнаго предпріятія—приняли участіе два новыхъ сотрудника, имена которыхъ придали новый блескъ и еще болѣе серьезное значеніе всему изданію. Однимъ изъ нихъ былъ царь физиологовъ восемнадцатаго столѣтія—великій Галлеръ, доставившій подробную статью о своихъ предшественникахъ въ дѣлѣ изученія внутренняго механизма человѣческой природы и анализа ея сложныхъ отправленій. Другимъ былъ суровый и благородный Кондорсе. Всегда готовый помочь въ добромъ дѣлѣ и всегда возстававшій противъ тѣхъ кто отчаявался въ благополучіи человѣчества, онъ началъ на страницахъ Энциклопедіи ту карьеру, которая была полна добрыхъ предзнаменованій и возвышенныхъ надеждъ, но завершилась въ ужасной залѣ Коввента и въ благородной трагической кончинѣ среди кровавыхъ смуть-эпохи Террора.

Между менѣе блестящими звѣздами на энциклопедическомъ небосклонѣ встрѣчаются нѣкоторыя имена, которыя не заслуживаютъ полнаго умолчанія. Одинъ изъ самыхъ поучительныхъ политико-экономическихъ писателей вѣка—Форбонне доставлялъ для первыхъ томовъ Энциклопедіи статьи, которыя были впоследствии воспроизведены въ его *Elements de Commerce*. 1) Самодовольный Мармонтель написалъ привлекательныя статьи о *Комедіи*, *Похвальныхъ рѣчахъ*, *Эклозахъ*, *Славѣ* и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ изъ сферы литературы и искусства. Замѣчательный основатель школы экономистовъ Кенэ обработалъ два предмета касательно земледѣлія и воспроизвелъ здѣсь какъ свои теоретическіе парадоксы, такъ и свои прекрасныя практическіе взгляды на матеріальное благосостояніе народовъ. Гольбахъ, еще не написавшій въ то время свою замѣчательную *Систему природы*, составилъ множество статей о химіи и минералогіи главнымъ образомъ по нѣмецкимъ источникамъ; такъ какъ онъ былъ единственный въ группѣ энциклопедистовъ писатель, хорошо владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, знаніе котораго было въ то время едва ли болѣе необходимо для образованнаго че-

1) Гримма *Co rr. Lit.* I. 130. Главнымъ произведеніемъ Форбонне были его *Recherches et Considerations sur les finances de la France*.

ловѣка, чѣмъ въ наше время знаніе русскаго языка. Нельзя пройти молчаніемъ и Дюкло, принадлежавшаго къ числу самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ при составленіи Энциклопедіи. Это былъ одинъ изъ самыхъ проникательныхъ и умныхъ людей того времени, стоявшій въ передовомъ ряду второстепенныхъ писателей. Его способности были не развиты, но это былъ не болѣе какъ недостатокъ проникательной и энергической интеллигенціи. Его статьи въ Энциклопедіи (*Déclamation des Anciens, Etiquette, etc.*) не особенно замѣчательны, но размышленія о человѣческихъ поступкахъ, озаглавленныя такъ: *Considérations sur les Moeurs de ce Siècle* (1750) хотя и грубоваты по тону, однако изобилуютъ проникательными, широкими и здравыми идеями, дающими имъ право стоять на ряду съ произведеніями тѣхъ моралистовъ и изслѣдователей по части общественныхъ условій жизни, которые до сихъ поръ стоють того, чтобъ ихъ читать. Морелле писалъ о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся богословія и его статьи замѣчательны тѣмъ, что представляютъ самый выдающійся въ произведеніяхъ энциклопедистовъ образецъ такого взгляда на религію, который былъ ясно и сознательно историческимъ. «Я старался доказать» — писалъ онъ много лѣтъ спустя, — «что въ такихъ сборникахъ, какъ Энциклопедія, слѣдуетъ относиться къ исторіи и примѣненію на практикѣ христіанскихъ догматовъ и обрядовъ точно также какъ мы относились бы къ религіи Брами или Магомета». ¹⁾ Благодаря такой философской точкѣ зрѣнія онъ могъ написать статью о Сынѣ Божіемъ, не впадая ни въ Аріанизмъ, ни въ Несторіанизмъ, ни въ Соціанизмъ, ни въ какія либо другія еретическія понятія объ этомъ предметѣ. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на тѣхъ именахъ другихъ писателей, которыя въ наше время не болѣе какъ тѣни именъ, — какъ на примѣръ на Ла-Кондаминъ, ученомъ путешественникѣ, имѣвшемъ извѣстность и нѣкоторыя достоинства для своего времени и для своего поколѣнія, на Дю-Марсэ, — этомъ бѣдномъ и несчастномъ педантѣ, писавшемъ статьи о грамматикѣ, на президентѣ Де-Броссѣ, къ своему несчастію выигравшемъ денежный процессъ съ Вольтеромъ и впослѣдствіи сдѣлавшемся извѣстнымъ читателямъ скорѣе благодаря яростнымъ нападкамъ со стороны разнѣваннаго патріарха, нежели благодаря своимъ собственнымъ статьямъ о древнѣйшей исторіи цивилизаціи.

Но не слѣдуетъ проходить молчаніемъ имя одного сотрудника, который усердно помогалъ сооруженію этого новаго Іерусалима, хотя его произведенія и были *multa non multum*. Кавалеръ де-Жокуръ (1704—1779), какъ указываетъ самый его титулъ,

¹⁾ Предисл. къ т. II.

былъ меньшей сынъ аристократической семьи. Онъ учился въ Женеvѣ, Кэмбриджѣ и Лейденѣ и издалъ въ 1734 недурное описаніе жизни и произведеній Лейбница. Когда было задумано изданіе Энциклопедіи, онъ тотчасъ былъ приглашенъ къ сотрудничеству и сдѣлался ея слугою начиная отъ буквы А до послѣднихъ словъ на букву Z. Онъ писалъ статьи о предметахъ своей специальности— о натуральной исторіи и физическихъ наукахъ, но сверхъ того всегда былъ готовъ помогать въ другихъ отрасляхъ занятій,—въ переписываніи, чтеніи, исправленіи статей и въ исполненіи всѣхъ тѣхъ болѣе низкихъ издательскихъ обязанностей, о которыхъ читатель не имѣетъ понятія и которымъ онъ не придаетъ значенія. Жюкуръ съ наслажденіемъ предавался этой черной работѣ. Богъ создалъ его для исправленія статей, говорилъ Дидро. «Въ теченіе шести или семи лѣтъ Жюкуръ проводилъ время среди полудюжины конторокъ, читая, диктуя, работая какъ невольникъ по тринадцати или четырнадцати часовъ въ день и это ему до сихъ поръ еще не надоѣло. Когда ему говорили, что предпріятіе непременно будетъ имѣть конецъ, онъ падалъ духомъ и перспектива предстоящаго освобожденія отъ такого пріятнаго бремени наполняла его сердце отчаяніемъ. ¹⁾ «Если»,—говоритъ Дидро въ предисловіи къ восьмому тому (1765),—«мы испустили радостный крикъ, подобно моряку завидѣвшему твердую землю послѣ мрачной ночи, проведенной между небомъ и морской пучиной, то мы обязаны этимъ Жюкуру. Чего онъ не дѣлалъ для насъ, въ особенности въ это послѣднее время? Съ какимъ упорствомъ отклонялъ онъ настоянія друзей и представителей власти, старавшихся отнять его у насъ? Никогда еще не встрѣчалось болѣе безусловнаго и болѣе полнаго принесенія въ жертву личнаго спокойствія, здоровья и своихъ собственныхъ интересовъ». ²⁾ Этотъ скромный и неутомимый помощникъ въ хорошемъ дѣлѣ не долженъ быть позабываемъ при перечисленіи болѣе блестящихъ именъ.

Кромѣ тѣхъ, кто принадлежалъ къ числу всѣмъ извѣстныхъ сотрудниковъ Энциклопедіи, было еще множество непрошенныхъ добровольцевъ. «Чѣмъ болѣе мы подвигаемся впередъ»—говорили издатели въ предисловіи къ шестому тому (1756),—«тѣмъ болѣе замѣчаемъ мы приращеніе какъ въ содержаніи такъ и въ числѣ тѣхъ, кто любезно предлагаетъ намъ свои услуги». Они получали по нѣскольку статей объ одномъ и томъ-же предметѣ. Ихъ безпрестанно приводило въ замѣшательство соревнованіе, которое хотя и было лестно для нихъ какъ доказательство сочувствія къ ихъ

¹⁾ Ноябрь. 10, 1760, XIX. 24. Также окт. 7, 1761, XIX. 35.

²⁾ См. также Предисл. къ т. III.

предпріятію, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляло ихъ дѣлать выборъ между статьями, принося въ жертву нѣкоторыя изъ хорошо составленныхъ, — заставляло ихъ то оттолкнуть отъ себя одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ, то оскорбить какого нибудь вліятельнаго новаго пришельца. Всякій, у кого возникала въ головѣ какая нибудь новая идея или кто воображалъ, что у него родилась такая идея, излагалъ ее въ статьѣ, которую присылалъ издателямъ. Люди, принадлежавшіе къ составу католическаго или протестантскаго духовенства, но въ глубинѣ души принадлежавшіе къ числу невѣрующихъ, присылали имъ массы статей, въ которыхъ позволяли себѣ пріятную роскошь — высказать хоть отчасти то, что они думали. Женщины также стремились къ участию въ великомъ предпріятіи. Неизвѣстныя издателямъ дамы по собственной инициативѣ доставляли имъ живописныя описанія особенностей женскаго туалета, начиная съ фалбалы, украшавшей нижнюю часть ихъ юпокъ и кончая тѣмъ маленькимъ бантикомъ изъ лентъ въ волосахъ, который замѣнилъ старый наводившій страхъ десяти-этажный головной уборъ съ египерархическими подраздѣленіями на герцогинь, отшельниковъ, мушкетеровъ, полумѣсяцъ, небесную твердь, десятое небо и мышь. ¹⁾ Самымъ старымъ изъ сотрудниковъ былъ Лангле ди Фреснуа, написавшій книгу о *Методъ изученія исторіи*, которая и до сихъ поръ знакома всякому, кто изучалъ развитіе человѣческихъ понятій о связи между настоящимъ и прошедшимъ. Лангле родился въ 1674. А самымъ юнымъ между энциклопедистами былъ Кондорсе, родившійся почти семидесятью годами позже (1743). Одинъ изъ ветерановъ этой группы, Морелле, бывший школьный товарищъ Тюрго и Ломени-де-Бриенна, дожилъ до того, что сталъ размышлять о многихъ предметахъ менѣе отвлеченныхъ чѣмъ тѣ, о которыхъ онъ писалъ въ Энциклопедіи. Онъ пережилъ революцію, эпоху Террора, имперію, Ватерлоо, реставрацію и умеръ въ 1819, имѣя передъ глазами Священный Союзъ и избіенія въ Петерлоо. Съ рожденія Лангле до смерти Морелле — сколь многому научилась по опыту западная Европа!

Никто не усомнится въ томъ, что прозорливый умъ, стимулирующее слово и щедрая рука Вольтера были на сторонѣ такого предпріятія, которое имѣло цѣлю внушать людямъ любовь къ терпимости, просвѣщенію, милосердію и справедливости. Вольтеръ разыгрывалъ въ Потсдамѣ роль непослушнаго царедворца въ то время, какъ вышли въ свѣтъ первые два тома Энциклопедіи. Онъ тотчасъ объявилъ съ характеризующей его горячностью, что это предпріятіе будетъ славой для Франціи, и позоромъ для ея хулителей.

¹⁾ *Предисл.* къ т. VI; также см. V. Fontange. Гриммъ, I. 451.

Онъ сказалъ, что Дидро и д'Аламберъ воздвигаютъ безсмертное зданіе и что онъ съ удовольствіемъ будетъ доставлять имъ отъ времени до времени маленькіе камешки, которые могли бы быть вставлены въ стѣнѣ зданія въ какой нибудь уголокъ или въ какую нибудь расщѣдину. Онъ былъ неутомимъ въ своей дѣятельности. Въ противоположность съ болѣе слабыми и болѣе самонадѣянными талантами—этими *petits-maitres* мышленія, докучавшими издателямъ и напрасно отнимавшими у нихъ время, великій писатель охотно бралъ на себя какъ важные такъ и мелкіе сюжеты и подчинялся всѣмъ искаженіямъ и измѣненіямъ, какія требовались условіями предпріятія и затруднительнымъ положеніемъ его руководителей ¹⁾. По мѣрѣ того, какъ работа подвигалась впередъ, его восторгъ становился болѣе пылкимъ. Дидро и его сотоварищъ,—говоритъ онъ,—готовятъ себѣ крылья, чтобъ перелетѣть въ потомство; это—Атласъ и Геркулесъ, несущіе міръ на своихъ плечахъ; это—величайшее произведеніе въ мірѣ; это—великолѣпная пирамида; ихъ типографія—бюро для поученія человѣческаго рода, и т. д. все въ томъ же духѣ поощрительнаго сочувствія и энергическаго участія. Впрочемъ его сочувствіе не мѣшало ему замѣчать ошибки въ исполненіи. Здравый смыслъ и ясный умъ Вольтера были полезны его друзьямъ столько же предостереженіями отъ заблужденій, сколько одобреніемъ того, что ими дѣлалось. Онъ имѣлъ достаточно добросовѣстности для того, чтобъ выражать свое неудовольствіе прямо своимъ друзьямъ, а не постороннимъ людямъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ имъ, и не безъ основанія, что ихъ поденщики впадаютъ въ декламацию и слишкомъ часто замѣняютъ туманными и мелочными разсужденіями тѣ положительныя знанія, которыхъ ищутъ читатели въ Энциклопедіи. Въ другомъ мѣстѣ онъ возстаетъ противъ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ жеманствъ и нѣкоторыхъ фатовскихъ выходокъ, вызываемыхъ желаніемъ сообразоваться съ литературными модами. Онъ постоянно совѣтуетъ придерживаться опредѣленнаго и яснаго метода и въ этимологіяхъ и въ опредѣленіяхъ, и въ примѣрахъ и въ доводахъ, рекомендуетъ ясность и сжатость. «У васъ плохіе помощники»,—писалъ онъ,—«это дурные солдаты въ арміи великаго генерала» ²⁾. «Мнѣ очень жаль, что тотъ кто писалъ статью объ *Адѣ*, утверждаетъ, будто адъ былъ однимъ изъ пунктовъ ученія Моисея; отъ имени всѣхъ чертей увѣряю васъ, что это неправда. Къ чему было выдумывать это? Конечно адъ—пре-

¹⁾ *Congres. avec d'Alembert* (Oeuv. LXXV.), Сент. 1755, севр. 1757, и пр.

²⁾ 22 дек. 1757.

красная вещь, но Моисей, очевидно, не былъ съ нимъ знакомъ. Здѣшній міръ—вотъ настоящій адъ» ¹⁾).

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія д'Аламберъ всегда сознавался въ ошибкахъ, указанныхъ патріархомъ и великимъ наставникомъ, но въ оправданіе ихъ приводилъ различные резоны. Онъ объяснялъ, что Дидро не всегда воленъ не принять или передѣлать доставленную ему статью ²⁾). Случалось, что писатель, принесшій большую пользу нѣсколькими прекрасными статьями, требовалъ чтобъ въ награду за хорошія статьи были помѣщены и плохія, и т. д. «Конечно, у насъ встрѣчаются плохія статьи по части богословія и метафизики, но и вы сами не сдѣлали бы ихъ лучшими при томъ условіи, что ихъ цензорами будутъ богословы и что на этотъ предметъ будетъ выдана привиллегія. Есть другія статьи, менѣе бросающіяся въ глаза; въ нихъ все исправлено какъ слѣдуетъ. Время научить людей отличать то, что мы думали, отъ того, что мы говорили» ³⁾). Эти послѣднія слова горьки и унизительны, но тотъ кто вздумалъ бы бросить камень въ ихъ автора, пусть прежде убѣдится, что въ его собственной жизни нѣтъ никакихъ слѣдовъ притворной угодливости и фальшиваго заискиванія. Одинъ Кондорсе сдѣлалъ по этому поводу основательное замѣчаніе, что отвѣтственность за стыдъ и позоръ такого лицемернаго образа дѣйствій лежитъ не на писателяхъ, которымъ приходилось выбирать между этимъ образомъ дѣйствій и поддержаніемъ застоя въ идеяхъ, а на духовенствѣ и министрахъ, чья тиранія дѣлала лицемеріе необходимымъ. Впрочемъ покрывало, наброшенное представителями власти, на самомъ дѣлѣ ничего не прикрывало. Каждый читатель узнавалъ настоящія мнѣнія писателя о старыхъ мистеріяхъ изъ колкихъ фразъ, ловкихъ сопоставленій, внушительныхъ намековъ и двусмысленныхъ похвалъ. Дидро открыто сознается въ такихъ приемахъ на страницахъ самой Энциклопедіи. «Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ,»—говоритъ онъ,—«когда какойнибудь національный предрасудокъ кажется заслуживающимъ уваженія, соотвѣтствующая статья должна отзываться о немъ почтительно и излагать все, что въ немъ есть привлекательнаго и правдоподобнаго. Но глиняное зданіе должно быть разрушено и ни къ чему негодная масса мусора должна быть разбѣяна по вѣтру въ такихъ статьяхъ, въ которыхъ противорѣчащія тѣмъ предрасудкамъ истины имѣютъ въ основѣ солидные принципы. Такой способъ выводить людей изъ заблужденій быстро дѣйствуетъ на умы хорошаго закала, а на всякіе другіе умы онъ дѣйствуетъ непре-

1) 24 мая 1757.

2) 13 дек. 1756, апр. 1756.

3) 21 іюня 1757.

мѣнно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, незамѣтно и безъ шума»¹⁾. «Наши фанатики,» — замѣчалъ съ удовольствіемъ д'Аламберъ, — «чувствуютъ удары, хотя и затрудняются рѣшить, съ какой стороны они наносятся»²⁾.

То было одно изъ самыхъ печальныхъ явленій въ исторіи литературы, что человекъ, воодушевленный такими благородными идеалами и такими возвышенными социальными стремленіями, какъ Дидро, былъ вынужденъ унижаться до этихъ отвратительныхъ недоумковъ. Читая его *Проспектусъ* и въ особенности его статью *Encyclopédie*, мы поражены благотворностью и шириною великихъ идей, одушевлявшихъ его и руководившихъ имъ. По выраженію одного писателя, Энциклопедія не была мирнымъ складочнымъ мѣстомъ, въ которомъ ученые и мыслители всякаго рода могли обзрѣвать пріобрѣтенныя ими сокровища; это была гигантская осадная машина, — арсеналь съ заготовленнымъ для нападенія оружіемъ³⁾. Это мнѣніе вѣрно лишь по отношенію къ одной части изданія и не къ самой важной. Такой приговоръ возможенъ лишь въ устахъ того, кто самъ не изучилъ всего произведенія энциклопедистовъ или того, кому не знакомы социальныя стремленія Франціи того времени. Впослѣдствіи мы поговоримъ объ этомъ подробно, а теперь достаточно будетъ сдѣлать два замѣчанія. Орудія, которыми по обстоятельствамъ того времени пришлось пользоваться какъ средствами для нападенія на противниковъ, были одинаково годны для пріобрѣтенія въ лучшія времена тѣхъ сокровищъ мышленія и знанія, которыя служатъ цѣлью для безпристрастныхъ изслѣдованій. И еще болѣе важенъ тотъ фактъ, что характеристическимъ отличіемъ и замѣчательной заслугой французской революціонной школы было ея стараніе подчинить научныя знанія практической задачѣ, заключавшейся въ томъ, чтобъ поднять общество изъ того безнравственнаго и беспомощнаго состоянія, до котораго оно было доведено двойнымъ вліяніемъ гражданскаго и церковнаго авторитета. Усилія энциклопедистовъ нельзя назвать безпристрастными въ томъ смыслѣ, что это были лишь безцѣльные удары по воздуху. Они имѣли въ виду не теорію, а практику, не литературу, а жизнь. Конечно, не всѣ энциклопедисты были годны для серьезной борьбы, а нѣкоторые изъ нихъ были не болѣе какъ застрѣльщики. Но по меньшей мѣрѣ у Дидро постоянно была на умѣ великая цѣль, которой нужно было достигнуть послѣ того, какъ сраженіе будетъ выиграно. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что простое накопленіе зна-

¹⁾ Статья подъ заглавіемъ *Encyclopédie*.

²⁾ Къ Вольт. 15 февр. 1757.

³⁾ Гетнера *Literaturgesch. des 18-ten Jahrhunderts*, II. 277.

ній о физическихъ явленіяхъ во вселенной не завело бы людей очень далеко по пути къ общественному переустройству. Въ слѣдующемъ прекрасномъ отрывкѣ онъ далъ руководящій тонъ всему предпріятію:—«мы никогда не должны терять изъ виду того соображенія, что еслибы мы изгнали съ земной поверхности человѣка, то есть мыслящее и созерцательное существо, увлекательныя и величественныя картины природы сдѣлались бы сценой меланхоліи и молчанія. Міръ сдѣлался бы нѣмъ; мракъ и тишина ночи вступили бы въ обладаніе имъ... Одно только присутствіе человѣка придаетъ интересъ другимъ существамъ; а при изученіи исторіи этихъ существъ развѣ можно избрать лучшую основу, чѣмъ сознаніе этой истины? Почему же не предоставить въ нашемъ предпріятіи человѣку такое же мѣсто, какое онъ занимаетъ во вселенной? Почему не сдѣлать его общимъ центромъ? Развѣ въ безконечномъ пространствѣ есть какой нибудь другой пунктъ, отъ котораго мы могли бы съ болѣею пользою проводить тѣ огромныя линіи, которыя мы предполагаемъ продлить до всѣхъ другихъ пунктовъ? Какое живительное и пріятное воздѣйствіе будутъ тогда взаимно производить другъ на друга человѣкъ и окружающія его существа?... Человѣкъ есть единственный пунктъ, отъ котораго должно все исходить и къ которому должно все возвращаться, если мы желаемъ понравиться, заинтересовать, растрогать даже при изложеніи самыхъ сухихъ размышленій и самыхъ мелкихъ подробностей. Если вы отложите, въ сторону мое собственное существованіе и благополучіе моихъ ближнихъ, какое будетъ мнѣ дѣло до всей остальной природы?» 1)

Въ этихъ словахъ слышится голосъ новаго времени точно также какъ и въ восклицаніи Дидро, что усовершенствованіе Энциклопедіи есть дѣло столѣтій; должны были пройти цѣлыя столѣтія прежде нежели можно было заложить фундаментъ; должны пройти еще столѣтія прежде нежели она будетъ вполне окончена: «*mais à la postérité, et à l'être qui ne meurt point!*» 2) Эти возвышенныя идеи не были замѣной усидчиваго труда. Во всемъ, что пишетъ Дидро о своемъ великолѣпномъ предпріятіи, насъ поражаетъ оригинальное въ немъ сочетаніе здраваго смысла съ возвышенностію ума, простоты съ энергіей, гибкости съ силой, скромности съ полною надеждою увѣренностію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ менѣе добросовѣстный и менѣе серьезный легко вовлекся бы въ высокопарность и въ надменность, признаніе неизбѣжныхъ несовершенствъ такого обширнаго труда постоянно проглядываетъ сквозь его горделивое сознаніе возвышенности его

1) Статя *Encyclopédie*.

2) *Prospectus*.

цѣлей и благотворности его предпріятія. Тяжесть бремени придавала ему новыя силы, а заботливость честнаго и дѣятельнаго труженика заглушала въ немъ поползновенія къ витіеватости.

Прежде чѣмъ мы будемъ говорить о содержаніи Энциклопедіи, мы должны вкратцѣ разсказать о тѣхъ необычайныхъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ, съ которыми пришлось бороться ея неустрашимо-му руководителю. Проектъ былъ вполне готовъ и его подробности были въ точности опредѣлены въ промежутокъ времени между 1745 и 1748. О предстоящемъ изданіи Энциклопедіи было объявлено въ *Проспектустъ*, авторомъ котораго былъ самъ Дидро. Наконецъ въ 1751 вышелъ въ свѣтъ первый ея томъ, а въ январѣ 1752 второй. Клерикальная партія тотчасъ поняла, какія страшныя укрѣпленія возводятся насупротивъ ея лагеря, и какими смертоносными орудіями они снабжены. Іезуиты всегда смотрѣли съ завистью на предпріятіе, къ участию въ которомъ они не были приглашены. Они надѣялись, что по крайней мѣрѣ имъ будетъ принадлежать контроль надъ богословскими статьями. Убѣдившись что этого не будетъ, они задумали взять все предпріятіе въ свои собственные руки и тогда ортодоксія поспѣшила употребить въ дѣло всѣ силы своей союзницы—правительственной власти.

Первое нападеніе было сдѣлано не прямо. Аббатъ де-Прадъ защищалъ какую-то диссертацию на официальномъ диспутѣ въ Сорбонѣ, и Дидро былъ безъ всякаго основанія заподозрѣнъ въ томъ, что онъ настоящій авторъ диссертациі. Было приказано рассмотреть изложенныя въ ней взгляды. Она была признана вредной, опасной и клонящейся къ атеизму, въ особенности по причинѣ слишкомъ внушительныхъ сравненій между чудесными исцѣленіями, о которыхъ говорится въ Новомъ Завѣтѣ и тѣми, которыя приписываются болѣе древними легендами Эскулапу. Другія основанія для горячихъ возраженій были найдены въ томъ, что авторъ придерживался теоріи Локка о происхожденіи нашихъ идей. Утверждали, что отвергать врожденность идей значитъ быть матеріалистомъ и атеистомъ. Аббатъ де-Прадъ былъ признанъ виновнымъ и былъ лишень ученой степени (27 янв. 1752). Такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ въ дружбѣ съ Дидро и такъ какъ подозрѣвали, что онъ писалъ для Энциклопедіи богословскія статьи, то іезуиты надѣялись, что губя де-Прада они уронятъ въ общественномъ мнѣніи новое предпріятіе и доведутъ до того, что оно будетъ запрещено правительствомъ. Затѣмъ они склонили парижскаго архіепископа къ изданію пасторскаго посланія. Въ этомъ документѣ не только осуждались еретическіе тезисы де-Прада, но и упоминалось въ неясныхъ выраженіяхъ о какихъ то не названныхъ по имени произведеніяхъ, наполненныхъ заблужденіями и нечестіемъ. Всякому бы-

ло понятно, на кого дѣлался намекъ, а послѣдствіемъ этого между прочимъ было то, что Энциклопедія сдѣлалась болѣе популярной и болѣе извѣстной ¹⁾. Но иезуитамъ не дозволили присвоивать себѣ монополію рвенія къ угнетеніямъ и Янсенисты не захотѣли отставать отъ нихъ на аренѣ лицемѣрныхъ интригъ. Епископъ Оксерскій, принадлежавшій къ партіи Янсенистовъ, послѣдовалъ примѣру своего собрата архіепископа парижскаго и сдѣлалъ болѣе прямое нападеніе, направленное не только на Энциклопедію, но также на Монтескье и Бюффона. Де-Прадь спасся бѣгствомъ. Д'Аламберъ рекомендовалъ его Вольтеру, жившему въ то время въ Берлинѣ. Король былъ въ отлучкѣ, и Вольтеръ оказывалъ королевское покровительство бѣглецу до возвращенія Фридриха. Тогда де-Прадь тотчасъ попалъ въ милость и былъ назначенъ чтецомъ при королѣ, но онъ оказался не созданнымъ для роли мученика, потому что впослѣдствіи отрекся отъ своихъ еретическихъ мнѣній, получилъ бенефицію и былъ заключенъ Фридрихомъ въ тюрьму за то, что сообщалъ своимъ соотечественникамъ разныя свѣдѣнія во время Семилѣтней войны ²⁾. Къ несчастію ни ортодоксія, ни иновѣріе не обладаютъ исключительнымъ патентомъ на монополію безчестныхъ поступковъ.

Между тѣмъ Дидро написалъ ради его энергическое и полное достоинства возраженіе на задорное пастырское посланіе. Эта апологія не была такимъ же образцомъ краснорѣчія, какъ великолѣпное письмо, которое было написано Жанъ-Жакомъ Руссо черезъ десять лѣтъ послѣ того въ отвѣтъ на пастырское посланіе парижскаго архіепископа по поводу *Эмилля*. Однако объясненія Дидро въ защиту де-Прада отличаются силою, сдержанностью и ясностью аргументаціи. Стоитъ перечитать это произведеніе даже въ наше время, когда высшіе сановники церкви нерѣдко выказываютъ такое же невѣжество, такую же отвагу и такое же постыдное отсутствіе любви къ ближнему, какія проявилъ епископъ Оксерскій сто двадцать лѣтъ тому назадъ. Они прибѣгаютъ точно къ такимъ же обманамъ, которые служатъ для нихъ обороной противъ научныхъ истинъ и философскихъ теорій, несогласныхъ съ ихъ официальными мнѣніями. «Я не знаю», — говоритъ Дидро, — «ничего болѣе непристойнаго и болѣе оскорбительнаго для религіи, чѣмъ эти туманныя декламации теологовъ противъ разума. Слушая ихъ, можно бы было подумать, что люди могутъ вступать въ лоно христіанства только такъ, какъ вступаетъ стадо рогатаго скота въ свои стойла, и что мы должны отречься отъ нашего здраваго смысла, если хо-

¹⁾ Барье, V. 151, 153.

²⁾ Дидро въ Волянъ, О е и в. XVIII. 361. Карлейля *Фридрихъ*, вв. 18, гл. 11.

тимъ вступить въ нашу вѣру или оставаться въ ней.... Такіе принципы, какъ ваши, могутъ лишь наводить страхъ на малодушныхъ людей; такихъ людей все приводитъ въ смущеніе потому что они ясно видятъ, что изъ ничего нельзя дѣлать никакихъ выводовъ; они приводятъ во взаимную связь такіе предметы, которые не имѣютъ ничего общаго между собою; они видятъ опасность во всякомъ методѣ доказательствъ, который имъ незнакомъ; они на удачу хватаются то за истины, то за предразсудки, не умѣя отличить однихъ отъ другихъ, и будучи одинаково привязаны и къ тѣмъ и къ другимъ; такимъ образомъ они проводятъ всю свою жизнь протестуя то противъ чудесъ, то противъ нечестія». Въ заключительныхъ словахъ статьи, столь же краснорѣчивыхъ сколько поучительныхъ, авторъ заставляетъ де-Прада напасть на своего янсенистскаго цензора и поставить ему въ вину тѣ постигшія вѣрующихъ смуты, которыя были результатомъ внутреннихъ раздоровъ между Янсенистами и іезуитами. «Если достовѣрность чудесъ», — восклицаетъ онъ, — «была испровергнута, этому виною отвратительная достовѣрность вашихъ конвульсій; если достовѣрность существованія мучениковъ за вѣру была уничтожена, этому виною глупая отвага, съ которой ваши фанатики шли на встрѣчу угнетеніямъ. Если духовенство, алтари и вѣра покрыты позоромъ, этому виною ваши декламации противъ первосвященниковъ, противъ епископовъ и противъ всѣхъ чиновъ церковной іерархіи. Если презрѣніе стало удѣломъ папы, епископовъ, духовенства, простыхъ вѣрующихъ, всей церкви съ ея мистеріями, таинствами, храмами и церемоніями, — все это дѣло вашихъ, однихъ вашихъ рукъ» ¹⁾.

Болѣе чѣмъ за пол-столѣтія передъ тѣмъ Бурдалу упрекали свободныхъ мыслителей своего времени за то, что они впадаютъ въ фальшь и непоследовательность, принимая сторону тѣхъ самыхъ Янсенистовъ, къ предразсудкамъ которыхъ они явно выказываютъ свое презрѣніе. Но для такого сближенія существовалъ довольно основательный мотивъ. Янсенисты, помимо своихъ теологическихъ воззрѣній, отличались главнымъ образомъ тѣмъ, что были представителями антиправительственной оппозиціи. Потому-то Лудовикъ XIV и считалъ ихъ болѣе вредными людьми, чѣмъ атеистовъ. Напротивъ того іезуиты, сдерживая своихъ противниковъ при помощи внѣшней силы, сдѣлались приверженцами абсолютнаго правительства и поддерживали его при всякомъ удобномъ случаѣ. Когда Янсенисты были раздавлены путемъ насилія, они начали понимать, до какихъ крайностей можетъ быть доведена правительственная власть. Благодаря опыту, вынесенному изъ испытанныхъ ими угнетеній, они

¹⁾ Apologie de l'Abbé de Prades. Ouev. I. 482.

превратились изъ теоретическихъ враговъ свободы въ ея приверженцевъ на практикѣ. Распря между Молинистами и Янсенистами разрослась изъ богословскаго вопроса въ вопросъ о человѣческой свободѣ. 1)

Теперь все это измѣнилось. Свободные мыслители сдѣлались достаточно сильными для того, чтобъ быть представителями антиправительственной оппозиціи на основаніи своихъ собственныхъ принциповъ и въ своемъ собственномъ лицѣ. Горячія возраженія, съ которыми Дидро обратился къ епископу Оксерскому, обозначаютъ окончательное прекращеніе симпатіи философовъ къ поборникамъ Янсенизма. «Ваша склонность къ распрямъ», — сказалъ онъ, — «создала въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ гораздо болѣе невѣрующихъ, чѣмъ всѣ философскія сочиненія». Для насъ вполне ясно, что явная некомпетентность церкви въ социальныхъ вопросахъ была причиной популярности и вліянія того, что называли тогда философіей, — то есть либерализма. Сочиненіе Локка *Essai on human understanding* было переведено въ 1700, но не произвело большаго впечатлѣнія, и первое изданіе перевода еще не было распродано даже въ 1725. Нравственное безсиліе и неблаговидное одряхлѣніе духовенства — вотъ что расчистило путь для мыслителей.

Впрочемъ до побѣды было еще далеко. Дидро еще предстояло одолѣть страшныя препятствія. У него не было недостатка въ друзьяхъ даже въ лагерѣ его враговъ. Послѣ того какъ онъ возразилъ на нападеніе священника Бертье на *Проспектусъ*, онъ получилъ анонимное письмо въ которомъ говорилось, что ему доставятъ и важные документы и денегъ, если онъ пожелаетъ отомстить за себя иезуитамъ. Дидро отвѣчалъ, что онъ не нуждается въ деньгахъ и что у него нѣтъ свободнаго времени для изученія иезуитскихъ документовъ. 2) Онъ полагался на человѣческой разумъ. Но ни разумъ, ни краснорѣчіе не могли одолѣть вліянія, которымъ пользовалась церковная партія при дворѣ. Продажа втораго тома Энциклопедіи была приостановлена вслѣдствіе распоряженія, которое Мальзербъ вынужденъ былъ сдѣлать въ противность своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Декретомъ королевскаго совѣта (7 февр. 1752) было приказано уничтожить оба первые тома, потому что они содержатъ въ себѣ идеи, враждебныя королевской власти и религіи. Издателямъ было запрещено перепечатывать ихъ, а книгопродавцамъ было запрещено продавать экземпляры, которые могли еще остаться въ ихъ рукахъ. Впрочемъ въ декретѣ не запрещалось

1) См. Жобеза, I. 358.

2) XIX. 425.

продолжать начатую работу. Онъ, какъ кажется, не имѣлъ въ виду иной болѣе серьезной цѣли, чѣмъ удовлетворить иезуитовъ и публично выразить одобреніе высшимъ сановникамъ церкви, издавшимъ пасторскія посланія. Нѣкоторые даже думали, что правительство хотѣло предупредить этимъ путемъ болѣе строгія распоряженія со стороны судебной власти ¹⁾, такъ какъ корпораціи законовѣдцевъ рѣдко были менѣе заражены ханжествомъ и менѣе придирчивы, чѣмъ корпораціи лицъ духовнаго званія. Впрочемъ законовѣдцы и священники не были единственными врагами Дидро. Низкая и достойная презрѣнія взаимная зависть между книгопродавцами также содѣйствовала усиленію возникшей бури. ²⁾

Между тѣмъ терзаемаго со всѣхъ сторонъ Дидро ожидалъ оригинальный триумфъ. Подъ страхомъ вторичнаго тюремнаго заключенія онъ былъ вынужденъ передать въ руки представителей власти всѣ находившіеся у него бумаги, корректурные листы и металлическія доски для гравированія. Иезуиты воображали, что если имъ удастся завладѣть матеріалами для слѣдующихъ томовъ, имъ не трудно будетъ обработать ихъ и передѣлать согласно съ ихъ собственными взглядами. Но ихъ невѣжество и самонадѣянность очень скоро дали себя знать. Отбирая бумаги Дидро, они по выраженію Гримма, позабыли захватить его голову и его геній; они позабыли спросить у него ключъ для объясненія содержанія статей, которыхъ они не только не могли понять, но даже не были въ состояніи прочитать. Правительство нашлось вынужденнымъ снова обратиться къ Дидро и д'Аламберу для продолженія труда, къ которому ихъ враги оказались неспособными. Однако, вслѣдствіе одной изъ тѣхъ несообразностей, которыя свойственны пришедшимъ въ упадокъ системамъ управленія, надъ ихъ головами продолжалъ висѣть декретъ, изданный за три мѣсяца передъ тѣмъ. ³⁾

Третій томъ Энциклопедіи вышелъ въ свѣтъ осенью 1753. Д'Аламберъ предпослалъ ему предисловіе, въ которомъ защищалъ себя самого и своего сотоварища съ такимъ мужествомъ, съ такой искренностью, серьезностью и горячностью, которые и восхитительны и трогательны. «Что», — говоритъ онъ въ заключеніе, — «могла бы еще выдумать злоба противъ двухъ литераторовъ, которые давно уже дошли путемъ размышленій до того, что не страшатся ни несправедливостей ни бѣдности, и которые, научившись путемъ долгаго и печальнаго опыта, не презирать людей, а не довѣрять имъ и опасаться ихъ, имѣютъ смѣлость любить ихъ и благоразуміе из-

¹⁾ Барбье, V. 160.

²⁾ Барбье, V. 169.

³⁾ Гриммъ, Согг. Lit., I. 81. Барбье, V. 170

бѣгать ихъ?... Послѣ того какъ настоящій трудъ служилъ бурнымъ и тяжелымъ занятіемъ для самой дорогой поры нашей жизни, можетъ быть онъ сдѣлается отрадой для ея послѣднихъ лѣтъ. Когда не будетъ на свѣтѣ ни насъ ни нашихъ враговъ, да послужить онъ долговѣчнымъ свидѣтельствомъ добрыхъ намѣреній со стороны однихъ и несправедливостей со стороны другихъ.... Припомнимъ содержаніе одной изъ басенъ Вокалини: «Одному путешественнику очень докучали своимъ щебетаньемъ кузнечики; онъ вздумалъ перебить ихъ всѣхъ до одного, но былъ застигнутъ наступленіемъ ночи и сбился съ дороги; если бы онъ спокойно продолжалъ свой путь, кузнечики сами всѣ перемерли бы въ концѣ недѣли». ¹⁾

Затѣмъ ежегодно издавался одинъ томъ и это продолжалось до осени 1757 и до выхода въ свѣтъ седьмага тома. Здѣсь очередь дошла до словъ *Gugonansu* и *Guthium*. Тогда-то возникли тѣ бури и раздоры, которые составляютъ достопамятную эпоху какъ въ исторіи самой книги, такъ и въ жизни Дидро и другихъ энциклопедистовъ, а равно и въ исторіи идей того вѣка. Популярность изданія постепенно и непрерывно усиливалась въ теченіе пяти лѣтъ между 1752 и 1757. Число первоначальныхъ подписчиковъ едва достигало двухъ тысячъ. Когда появился четвертый томъ, ихъ было уже три тысячи. А при выходѣ седьмага тома число ихъ увеличилось почти на цѣлую тысячу. ²⁾ Такой удивительный успѣхъ воспламенялъ раздраженіе партіи суевѣровъ до лихорадочнаго жара. По мѣрѣ того какъ ежегодно одинъ томъ выходилъ изъ печати и находилъ болѣе широкій кругъ читателей, чѣмъ предшествовавшій томъ, усиливались ихъ злоба и раздраженіе. Они распускали зловерные слухи, и засыпали публику памфлетами; не было такой клеветы, которую они считали бы слишкомъ для себя гнусной или слишкомъ нелѣпой. Они утверждали, что Дидро, д'Аламберъ, Вольтеръ, Руссо и Бюффонъ организовали союзъ писателей съ сознательнымъ намѣреніемъ нарушить общественное спокойствіе и испровергнуть общество. Они указывали на этихъ писателей, какъ на зачинщиковъ настоящаго заговора, какъ на организаторовъ тайнаго общества, какъ на шайку разбойниковъ, связанныхъ между собою отвратительной общностью пагубныхъ идей и безчестныхъ интересовъ.

Въ седьмомъ томѣ появилась статья, еще болѣе усилившая волненіе въ умахъ. Д'Аламберъ незадолго передъ тѣмъ посѣтилъ Вольтера въ Фернэ, откуда часто ѣздилъ въ Женеву. Во время своихъ бесѣдъ съ пасторами этого знаменитаго города онъ пришелъ къ

¹⁾ Предисл. въ т. III. *Oeuv. de D'Alembert*, IV, 410.

²⁾ Барбье, V, 170. *Гримма Corr. Lit.*, I, 201; *ibid.* II, 197.

убѣжденію, что ихъ религіозныя мнѣнія въ сущности такія же, какъ у Социніанъ и высказалъ это въ своей статьѣ о Женевѣ. При этомъ онъ ставилъ женевскимъ пасторамъ въ заслугу ихъ несогласныя съ православіемъ мнѣнія, такъ какъ онъ находилъ, что невѣріе въ божественность Спасителя, въ таинства вѣры и въ вѣчныя мученія обыкновенно соединяется въ практической жизни съ достойной удивленія простотой, нравственною чистотой и терпимостью. Въ каждой строкѣ этихъ похвальныхъ отзывовъ о социніанскихъ женевскихъ пасторахъ проглядывало жгучее и презрительное порицаніе того духа жестокосердія и умственного омраченія, который господствовалъ въ средѣ французскаго духовенства. Іезуиты и Янсенисты, вѣтренные аббаты и распутные прелаты— всѣ были затронуты за живое, когда прочли, что нравственность женевскихъ пасторовъ примѣрная, что они не проводятъ свою жизнь въ яростныхъ спорахъ о необъяснимыхъ предметахъ и что они не обращаются въ судъ съ непристойными и придирчивыми обвиненіями другъ на друга. Для ортодоксальныхъ ханжей были горьки какъ полынь слѣдующія слова: «Адъ, составляющій одинъ изъ главныхъ пунктовъ въ нашихъ вѣрованіяхъ, пересталъ быть таковымъ для многихъ женевскихъ пасторовъ; по ихъ мнѣнію, мы оскорбили бы божество еслибы допустили, что Высшее Существо, столь полное справедливости и благодати, способно наказывать насъ за наши заблужденія вѣчными мученіями: они стараются объяснить, насколько это возможно, согласно съ здравымъ смысломъ тѣ мѣста св. писанія, которыя не согласуются съ ихъ мнѣніями и утверждаютъ, что въ священныхъ книгахъ мы никогда не должны принимать въ буквальный смыслъ то, что повидимому оскорбляетъ чувства челоуѣколюбія и разсудокъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что у д'Аламбера были на умѣ не столько женевская консисторія, сколько парижское духовенство и парижскій парламентъ, когда онъ восхвалялъ протестантскихъ пасторовъ не только за ихъ религіозную терпимость, но и за то, что они не выходятъ за предѣлы своихъ официальныхъ обязанностей и первые подають примѣръ покорности передъ судьями и передъ законами. Цѣль этой тщательно обработанной и обдуманной статьи касательно вѣрованій и практической жизни кучки проповѣдниковъ еретическаго города не могла не быть понята тѣми, кого авторъ имѣлъ въ виду. Она произвела въ черныхъ рядахъ официальной ортодоксіи такое гнѣвное раздраженіе, какого только могъ желать ея авторъ.

Слѣдуетъ припомнить, что въ то время церковь еще не успѣла позаимствовать у атеистовъ принципы гуманности и терпимости. Энциклопедистамъ приходилось бороться не съ очищеннымъ христіанскимъ ученіемъ нашего времени, а съ организованной корпо-

раціей, у которой были въ распоряженіи экстраординарные суды, спеціальныя матеріальныя привиллегіи, тюрьмы и цѣпи. Мы должны помнить, что официальная религія представляла въ то время странное сочетаніе византійскаго одряхленія съ энергической свирѣпостью инквизиціоннаго суда. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого косвеннаго заступничества д'Аламбера за терпимость и гуманность, Каласъ былъ умерщвленъ въ Тулузѣ приверженцами ортодоксіи. Лѣтъ почти черезъ десять послѣ того (1766) Лудовикъ XV, подъ свѣжими впечатлѣніями вынесенными изъ *Parc aux Cerfs*, былъ награжденъ выраженіями преданности со стороны парижской черни за то, что вышелъ изъ кареты при встрѣчѣ съ священникомъ, несшимъ св. дары, и не смотря на грязь, распростерся ницъ передъ священнымъ символомъ. ¹⁾ Въ томъ же году юнаго Ла-Барра сначала пытали, потомъ обезглавили, наконецъ сожгли за какую-то непочтительность къ тому же священному символу, изъ котораго сдѣлали въ то время отвратительную вывѣску человѣческаго растлѣнія, фанатической жестокости и злобнаго суевѣрія. Впрочемъ долгъ справедливости заставляетъ меня сказать, что даже въ ту прискорбную пору, когда религія была синонимомъ жестокосердія и тайныхъ козней, одинъ или два человѣка, осмѣлившіеся сказать въ лице королю и г-жѣ Помпадуръ, какъ низко ихъ поведеніе, были члены духовенства.

Статья д'Аламбера едвали заходитъ за предѣлы того, что мы считаемъ за принципы всякаго зравомыслящаго человѣка. Но мы не должны забывать, что то было другое время. Даже сами члены философической партіи, какъ напримѣръ Гриммъ, считали статью неумѣстной и слишкомъ смѣлой. ²⁾ Женевскіе пасторы съ негодованіемъ отвергли какъ тотъ комплиментъ, что они придерживаются Соцініанизма, такъ и ту похвалу, что они менѣе неразумны, чѣмъ ихъ сосѣди. Вольтеръ съ наслажденіемъ читалъ и перечитывалъ статью, и настоятельно убѣждалъ автора продолжать великое предпріятіе, не обращая вниманія ни на яростныя нападки язычниковъ, ни на глупыя заблужденія толпы. ³⁾

Когда буря, повидимому, уже достигла своей высшей степени, случилось нѣчто такое, что вызвало новые потоки неистоваго гнѣва. Гельвецій издалъ свое знаменитое сочиненіе, въ которомъ, какъ полагали, онъ раскрылъ всему міру тайну его существованія. Его книга *О духъ* (*De l'esprit*) вышла въ свѣтъ въ 1758. Она

¹⁾ Гарди, дитированный Обертеномъ, 407—8.

²⁾ *Согг. Lit.*, II. 211.

³⁾ Къ д'Алаберу, 29 дек. 1757, янв. 1758.

вызвала въ общественномъ мнѣніи общій протестъ. И набожные и неразвитые люди нашли ее соблазнительной, непристойной, нечестивой и крайне опасной. Философическая партія чувствовала, что ея союзникъ нанесъ тяжелый ударъ свободѣ мышленія и свободному выраженію мнѣній. «Философія», — писалъ Гриммъ, разумѣвшій подъ этимъ словомъ, какъ я замѣтилъ выше, либерализмъ, — «будетъ долго чувствовать на себѣ общее негодованіе, вызванное этой книгой; а вслѣдствіе того что Гельвецій слишкомъ вольно излагалъ такую мораль, которая сама по себѣ дурна и ложна, онъ долженъ будетъ упрекать себя за всѣ стѣсненія, которыя неизбѣжно будутъ наложены на немногихъ людей съ возвышеннымъ умомъ, назначеніе которыхъ заключалось въ томъ, чтобъ просвѣщать другихъ людей и распространять истину на землѣ». ¹⁾

Въ началѣ 1759 генераль-прокуроръ возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ книги Гельвеція, противъ полудюжины другихъ мнѣе значительныхъ произведеній и наконецъ противъ Энциклопедіи. Книгу *De l'Esprit* онъ считалъ не болѣе какъ извлеченіями изъ Энциклопедіи, а Энциклопедію — позоромъ для націи по причинѣ ея нечестивыхъ принциповъ и ея непріязненныхъ отношеній къ нравственности и религіи. Судъ поручилъ девяти комиссарамъ разсмотрѣть всѣ семь томовъ, а на это время воспретилъ продажу или передачу книги. Когда комиссары, по прошествіи одного мѣсяца, представили свой докладъ, парламентъ нашелъ содержаніе доклада неудовлетворительнымъ и поручилъ разсмотрѣніе книги четыремъ вновь назначеннымъ для того лицамъ, въ числѣ которыхъ были два богослова, и два законовѣдца. Прежде, нежели новые цензоры успѣли исполнить возложенное на нихъ порученіе, Государственный Совѣтъ вмѣшался въ дѣло и издалъ самоправный декретъ (мартъ 1759), который отмѣнялъ выданную въ 1746 привиллегію, воспрещалъ продажу уже вышедшихъ изъ печати семи томовъ и не позволялъ печатанія слѣдующихъ томовъ подѣ страхомъ примѣрнаго наказанія. ²⁾ Причина этого вмѣшательства никогда не была вполнѣ выяснена. По мнѣнію однихъ, королевское правительство хотѣло этимъ отстранить судъ отъ участія въ дѣлѣ, и появленіе королевскаго декрета было не болѣе какъ эпизодомъ свирѣпствовавшей въ то время вражды между короной и парламентами. По мнѣнію другихъ, Мальзербъ или Шуазель искалъ случая угодить дофину и іезуитской партіи въ Версали. Но всего правдоподобнѣе этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что правительству очень хотѣлось заглушить хоть одинъ изъ трехъ элементовъ оппозиціи, внесившихъ тревогу въ умы — или Ян-

¹⁾ *Согг. Lit.*, II. 292—3.

²⁾ Барбье, VII. 125—42.

сенистовъ, или законовѣдцевъ или философовъ. До первыхъ двухъ ему было трудно добраться, поэтому оно и набросилось на того изъ трехъ противниковъ, добраться до котораго было всего легче.

Впрочемъ правительство не имѣло намѣренія окончательно раздать такого врага, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ сдѣлаться полезнымъ для него союзникомъ. Оно то одобряло, то давило философовъ, сообразуясь съ политическими расчетами давной минуты, а иногда сообразуясь съ прихотями любовницы короля или даже любовницы какого нибудь министра. Когда духовенство доказывало своимъ образомъ дѣйствій, что оно не боится королевской власти, самыя смѣлыя произведенія печати встрѣчали снисходительность. Но когда правительство находилось вынужденнымъ удовлетворить желанія духовенства, тогда даже самая избитая идея новой философіи дѣлалась поводомъ для обвиненій. Весьма естественно, что Энциклопедіи приходилось очень часто переживать такіе переходы отъ милостиваго вниманія къ недоброжелательству. ¹⁾ Любопытнымъ образчикомъ такихъ перемѣнъ служить кризисъ 1759 года. Весной этого года, какъ было замѣчено выше, привиллегія была отнята отъ четырехъ вступившихъ въ ассоціацію книгопродавцевъ и продолженіе предпріятія было строго воспрещено. Несмотря на это, печатаніе Энциклопедіи не было приостановлено даже ни на одну недѣлю. Пятьдесятъ наборщиковъ дѣятельно работали надъ книгой, которая была рѣшительно запрещена правительственнымъ декретомъ подъ страхомъ тяжелыхъ денежныхъ штрафовъ. Подобныя потачки практиковались и въ пользу другихъ оппозиціонныхъ партій. Такъ на примѣръ, за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ органъ янсенистской партіи былъ безусловно воспрещенъ. Полиція произвела тщательные розыски и заарестовала даже книгопечатный станокъ, на которомъ печатались *Nouvelles Ecclésiastiques*. Тѣмъ не менѣе этотъ журналъ не переставалъ выходить въ свѣтъ и доставлялся читателямъ съ прежней аккуратностью. ²⁾

Исторія правительственной политики по отношенію къ Энциклопедіи составляетъ не болѣе какъ одинъ эпизодъ между тѣми въ высшей степени поучительными фактами, которыми наполнена исторія царствованія Лудовика XV. Долгое время держалось ошибочное мнѣніе, будто правительственная система этого короля была основана на насиліи и тиранніи. На самомъ же дѣлѣ ея неуспѣхъ и распаденіе были результатомъ не столько произвола въ ея приемахъ, сколько полнаго отсутствія твердости, убѣжденія и послѣдовательности въ ея цѣляхъ и направленіи. А эти недостатки, съ своей

¹⁾ Лакретеля France pendant le 18-me Siècle, III. 89.

²⁾ Жобезъ, II. 464 и 538.

стороны, были результатомъ частію сложнаго и неудобоуловимаго характера оппозиціи, съ которой должны были имѣть дѣло смѣнявшіе одинъ другаго министры, частію преобладающаго вліянія тѣхъ азіатскихъ принциповъ управленія, которые пріобрѣли такое вредное обаяніе при Ришелье и Лудовикѣ XIV. Кто восторгается личной системою управленія, руководствуясь своими чувствами а вовсе не научными выводами, тотъ до того бываетъ ослѣпленъ своею первною раздражительностью и шарлатанскими пріемами, что дѣлается неспособнымъ сознать ту неизмѣнную истину, для которой служатъ иллюстраціей нравственное безсиліе Лудовика XV, замѣнившее мощную власть его прадѣда и нравственное безсиліе Наполеона III, замѣнившее мощную власть его дяди.

Настоящій интересъ всѣхъ этихъ подробностей касательно тако-го повидимому неважнаго предмета, какъ изданіе книги, обусловливается громадною важностью того развитія политическихъ идей и стремленій, котораго касаются эти подробности. Настоящій интересъ всякой исторіи заключается въ представляемомъ ею зрѣлищѣ развитія и упадка, столкновения и черерожденія, безпрестанно совершающихся въ великихъ группахъ человѣческихъ идей. Декретъ противъ Энциклопедіи обозначаетъ главный моментъ столкновения между двумя противоположными идеями, боровшимися и до сихъ поръ борющимися между собою во Франціи изъ-за права вводить и контролировать государственныя учрежденія. Одна изъ этихъ идей заключается въ устраниніи политической власти отъ руководства мнѣніями людей; она предполагаетъ безусловную секуляризацию правительства. Противоположная идея была та, которая вдохновляла убійцъ въ Вароеломеевскую ночь, породила такъ называемыя *Dga-gonpades*, вызвала отмѣну Нантскаго эдикта и множество другихъ подобныхъ актовъ, не только отнявшихъ у Франціи тысячи самыхъ преданныхъ и самыхъ трудолюбивыхъ ея дѣтей, но также расшатавшихъ и развратившихъ чистыя національныя чувства. Понятно, что насъ возмущаетъ деспотическая попытка положить конецъ смѣлому и полезному для просвѣщенія предпріятію Дидро. Но, по правдѣ сказать, это было не болѣе какъ обычное примѣненіе общепринятаго правила, что правительство должно или имѣть право руководить мнѣніями и регулировать ихъ выраженіе. Іезуиты дѣйствовали согласно съ этой теоріей, и прибѣгали къ насилию и къ содѣйствію свѣтской власти всякій разъ, какъ это оказывалось возможнымъ. Янсенисты отвергали самый принципъ, но съ жаромъ примѣняли его на практикѣ всякій разъ, какъ интриги доставляли имъ удобный для того случай.

Одно чрезвычайное и неожиданное обстоятельство дало новое направление этому опасному столкновению идей. Понятіе объ обязан-

ностяхъ свѣтской власти въ духовной сферѣ до той поры входило въ составъ католическаго ученія. Поэтому упадокъ этого ученія быстро подорвалъ довѣріе и къ входившему въ его составъ понятію. Но этотъ процессъ упадка былъ прерванъ и прерванъ такимъ человѣкомъ, который внезапно вышелъ изъ рядовъ самыхъ энциклопедистовъ. Изъ своего уединеннаго жилища въ Монморанси Руссо (1758) написалъ поразившее всѣхъ какъ громомъ письмо къ Д'Аламберу о театральныхъ представленіяхъ. Помѣщенная въ седьмомъ томѣ Энциклопедіи статья о Женевѣ не только превозносила пасторовъ за ихъ невѣріе, но также нападала на пользовавшееся въ теченіе долгаго времени уваженіемъ ученіе церкви, что театръ есть адское заведеніе, и выдуманъ дьяволомъ. Д'Аламберъ угрожалъ фернейскому патріарху и своему руководителю и вмѣстѣ съ тѣмъ пускалъ стрѣлу въ его парижскихъ враговъ изъ церковной партіи, когда убѣждалъ жителей Женевы отбросить безсмысленные предразсудки и завести у себя театръ. Руссо давно уже имѣлъ съ Дидро личныя непріятности, о которыхъ я говорилъ подробно въ другомъ мѣстѣ и потому не нахожу нужнымъ говорить снова ¹⁾). Онъ воспользовался вреднымъ по его мнѣнію совѣтомъ, даннымъ Д'Аламберомъ жителямъ его роднаго города, не только для того, чтобъ напасть на драму вообще съ свойственными ему силою и краснорѣчіемъ, но и для того чтобъ заявить о разрывѣ между нимъ и Дидро. Съ этого момента онъ сталъ отзываться о *Holbachiens* (такимъ презрительнымъ словомъ обозначалъ онъ энциклопедистовъ), какъ о врагахъ человѣческаго рода и какъ о распространителяхъ самыхъ ядовитыхъ идей.

Это не была простая распря между двумя писателями — соперниками. Это было проявленіе фундаментально противоположныхъ мнѣній и начало гибельной реакціи въ самой средѣ людей, принадлежавшихъ къ школѣ просвѣщенія. Въ числѣ самыхъ выдающихся элементовъ реакціи были слѣдующіе: подчиненіе разсудка душевнымъ эмоціямъ, замѣна дѣятельности, знаній, энергической и многосторонней предприимчивости мечтательною лѣнью и наконецъ подавленіе свѣтскою властію тѣхъ мнѣній, которыя она находитъ вредными для общества. Такимъ образомъ мы возвращаемся къ нашей точкѣ исхода и встрѣчаемся съ старой идеей, облеченной въ новую форму — съ абсолютистскимъ понятіемъ о функціяхъ правительственной власти, поставленнымъ въ связь съ деистической теоріей. Къ несчастію для Франціи, идея Руссо встрѣтила сочувствіе и въ концѣ концовъ восторжествовала надъ своей противницей. Причина этого ясна. Идея Руссо вполне подходила къ политическимъ традиціямъ и учрежденіямъ страны. Она, гораздо легче и непосредственнѣе чѣмъ

¹⁾ См. книгу Морлея *Руссо*, гл. 7 и 9.

противоположная ей идея, совмѣщалась съ тѣмъ направленіемъ умовъ, которое къ сожалѣнію такъ глубоко вкоренилось въ народномъ характерѣ путемъ традиціи и подъ вліяніемъ общественныхъ учреждений.

Поэтому кризисъ 1758—59 года былъ событіемъ въ высшей степени важнымъ. Въ немъ выразилось столкновеніе между старымъ принципомъ Лудовика XIV, Варооломеевской ночи и отмѣны Нантскаго эдикта съ одной стороны и новымъ рационалистическимъ принципомъ умственной эманципаціи—съ другой. Старый принципъ одряхлѣлъ и уже не былъ въ состояніи держаться самъ собою; гончія собаки были по прежнему злы, но ихъ злоба была беззубая. Но прежде нежели новый принципъ успѣлъ достигнуть господства, Руссо сдѣлалъ такое господство невозможнымъ. Въ этотъ самый моментъ появились на свѣтъ двое людей, которымъ было суждено сдѣлаться воплощеніями двухъ противоположныхъ принциповъ. И Дантонъ и Робеспьеръ—оба родились въ 1759. У Дидро, по словамъ Мишле, было нѣчто въ родѣ библейскаго предчувствія. «Вы чувствуете, что за личностью Руссо онъ видѣлъ что то предвѣщающее бѣду, онъ видѣлъ призракъ будущаго. Дидро-Дантонъ уже тогда стоялъ лицомъ къ лицу противъ Руссо-Робеспьера» ¹⁾.

Затѣмъ безстрашнаго и на все готоваго Дидро постигла непріятность болѣе горькая даже чѣмъ декретъ государственнаго совѣта и чѣмъ отступничество жившаго въ Монморанси еретика. Д'Аламберъ объявилъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ начатаго предпріятія и убѣждалъ своего сотоварища послѣдовать его примѣру. Въ его письмѣ къ Вольтеру изложены съ достаточной ясностью мотивы этого рѣшенія. «Я измученъ»,—говоритъ онъ, «оскорбленіями и придирками всякаго рода, которыя навлекло на насъ это предпріятіе. Злобныя и даже гнусныя сатиры, которыя печатаются противъ насъ и которыя не только дозволяются, но поощряются, одобряются и даже заказываются тѣми, у кого въ рукахъ власть; проповѣди, или правильнѣе сказать удары въ набатъ, раздающіеся противъ насъ въ Версали въ присутствіи короля, *ne mine gesclamate* (безъ протеста съ чьей либо стороны); новыя невыносимыя стѣсненія, налагаемыя на Энциклопедію назначеніемъ такихъ новыхъ цензоровъ, которые болѣе нелѣпы и болѣе несговорчивы, чѣмъ какихъ можно бы было найти въ Гоа,—всѣ эти причины вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вынуждаютъ меня навсегда отказаться отъ этого проклятаго предпріятія.» Пасквили или ядовитые памфлеты сами по себѣ не смущали его, но онъ смотрѣлъ совѣмъ иначе на такіе пасквили, которые дозволялись или заказывались

¹⁾ Louis XV et Louis XVI, p. 50.

тѣми, кто могъ бы немедленно приказать ихъ уничтожить, — дозволялись несмотря на то, что въ нихъ печатались самыя низкія личныя оскорбленія. Онъ допускалъ, что были и другія причины его удаленія отъ дѣла, и одной изъ этихъ причинъ, какъ кажется, были непріятности съ книгопродавцами по поводу денежныхъ вопросовъ. ¹⁾

Вольтеръ въ теченіе нѣкотораго времени упрекалъ его за такое отступленіе передъ ненавистнымъ *Infâ me*. Но вообще его мнѣнія сходились съ неоднократными заявленіями д'Аламбера, что литераторы покрыли бы себя позоромъ, еслибы стали преклонять свою голову передъ унижительнымъ игомъ министровъ, духовенства и полиціи. Вольтеръ писалъ Дидро, что прежде всего необходимо смѣло смотрѣть въ глаза противнику, что продолжать дѣло послѣ удаленія д'Аламбера было бы отвратительнымъ слабодушіемъ, что было бы нелѣпостью, еслибы такой гениальный человѣкъ какъ Дидро сдѣлалъ изъ себя раба книгопродавцевъ и жертву фанатиковъ. Развѣ этотъ лексиконъ, во сто разъ болѣе полезный чѣмъ лексиконъ Бейля, — спрашивалъ онъ, — можетъ стѣснять себя тѣми самыми предразсудками, которые онъ долженъ уничтожить; развѣ можно вступать въ сдѣлку съ негодьями, которые никогда не исполняютъ того, что условлено; развѣ въ такой вѣкъ, какъ нашъ собственный, могутъ возвышать свой голосъ враги разума, преслѣдователи философовъ, и убійцы нашихъ королей? «Человѣчество находится наканунѣ великаго переворота въ умахъ и этимъ оно обязано всего болѣе вамъ.» ²⁾

Не разъ Вольтеръ обращался къ Дидро съ совѣтомъ довести до конца его предпріятіе въ какомъ нибудь иностранномъ государствѣ, такъ какъ тамъ его руки не были бы связаны. «Нѣтъ», — отвѣчалъ Дидро съ увлекательной энергіей, — «отказаться отъ предпріятія значило бы покинуть поле битвы и сдѣлать именно то, чего желаютъ преслѣдующіе насъ негодяи. Еслибы вы знали, съ какой радостью они встрѣтили вѣсть объ удаленіи д'Аламбера!... Нѣтъ никакого основанія надѣяться, что негодяи, которымъ позволено дѣлать съ нами все что захотятъ, понесутъ заслуженную кару, а требовать этого намъ нѣтъ никакой надобности; развѣ они не оскорбляютъ всякаго, кого вздумается, и развѣ кто нибудь этимъ обижается? Развѣ мы имѣемъ какое нибудь основаніе жаловаться, когда они, осыпая насъ оскорбленіями, ставятъ насъ на одну ногу съ такими людьми, до уровня которыхъ мы никогда не достигнемъ? И такъ, что же намъ остается дѣлать? То, что прилично мужествен-

¹⁾ 11 янв. 1758. 20 янв. 1758. Письмо Дидро къ двяницѣ Волянъ, 11 окт. 1759. См. слѣдующую главу.

²⁾ Вольтеръ къ д'Аламберу, отъ янв. до мая 1758. Вольтеръ къ Дидро, янв. 1758.

нымъ людямъ—презирать нашихъ враговъ, преслѣдовать ихъ и пользоваться, какъ мы и прежде пользовались, глупостью нашихъ цензоровъ.... Развѣ мы не достаточно отмстимъ за себя, если убѣдимъ д'Аламбера снова приняться за дѣло и если доведемъ это дѣло до конца?.... Послѣ всего сказаннаго вы подумаете, что я стою за продолженіе Энциклопедіи, но вы ошибетесь. Дорогой мой наставникъ, мнѣ уже болѣе сорока лѣтъ и мнѣ до смерти надоѣли мелкіе дразги. Я съ утра до ночи ищу одного—спокойствія и едва ли проходитъ одинъ день безъ того, чтобъ я не соблазнялся мыслью окончить мою жизнь въ неизвѣстности и спокойно умереть на моей родинѣ. Вѣдь придетъ такое время, когда нашъ прахъ смѣшается съ прахомъ другихъ людей. Тогда какое мнѣ будетъ дѣло до того, что я назывался Вольтеромъ или Дидро, и до того, какіе три слога будутъ долговѣчнѣе, —тѣ-ли изъ которыхъ состояло ваше имя или тѣ, изъ которыхъ состояло мое? Всякій долженъ работать, всякій долженъ приносить какую нибудь пользу, всякій долженъ отдать отчетъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ съ своими дарованіями, и т. д. и т. д. Приносить пользу людямъ! Но развѣ можно сказать съ увѣренностью, что мы не ограничиваемся только тѣмъ, что забавляемъ ихъ и что существуетъ большое различіе между философомъ и флейтистомъ? Они выслушаютъ и того и другаго или съ удовольствіемъ или съ пренебреженіемъ, но во всякомъ случаѣ остаются такими же, какими были прежде. Аѳиняне никогда не были болѣе порочны, чѣмъ во времена Сократа и существованію этого философа они едва ли обязаны чѣмъ либо инымъ, кромѣ новаго повода для преступленія. Что во всемъ этомъ болѣе сплина, чѣмъ здраваго смысла, я согласенъ—и возвращаюсь опять къ Энциклопедіи» 1).

Такимъ образомъ въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ на одномъ Дидро лежала вся работа по веденію столь обширнаго предпріятія. Ему приходилось не только писать статьи касательно самыхъ скучныхъ и самыхъ разнообразныхъ предметовъ, но также распредѣлять занятія между сотрудниками, пересматривать ихъ рукописные труды, исправлять корректурные листы, надсматривать надъ приготовленіемъ гравюръ, писать объяснительныя къ нимъ замѣчанія и совершать все это среди безпрестанныхъ опасеній и тревогъ, возбуждаемыхъ правительствомъ и полиціей. Онъ избѣжалъ бы угнетеній, еслибы захотѣлъ переселиться въ Лозанну или въ Лейденъ. Два великихъ сѣверныхъ монарха, полагавшіе что къ числу обязанностей царствующихъ особъ принадлежитъ заступничество за новую философію, предлагали ему убѣжище въ Петербургѣ и въ Берлинѣ 2).

1) Дидро къ Вольтеру, 19 февр. 1758, XIX. 452.

2) Къ Волянъ, О е и ч. XIX. 146.

Но развѣ онъ могъ бы перевезти вмѣстѣ съ собою на берега Невы или Шпре своихъ пятидесятерыхъ искусныхъ наборщиковъ, своихъ ловкихъ рѣзчиковъ эстамповъ и всю массу людей, специально знакомыхъ съ дѣломъ. Развѣ онъ могъ бы найти въ этихъ полуварварскихъ странахъ станки, машины и тысячи сложныхъ снарядовъ и удивительныхъ приспособленій, которые были у него подъ рукою во Франціи? Вотъ почему онъ не покинулъ своего поста на пятомъ этажѣ въ улицѣ Сень-Бенуа и сдѣлался навсегда предметомъ заслуженнаго удивленія для литераторовъ.

Въ то время, какъ его мучительная работа близилась къ концу, ему былъ нанесенъ самый гибельный изъ всѣхъ ударовъ, какіе онъ испыталъ въ теченіе своей продолжительной, отважной и мучительной дѣятельности. Послѣ происшедшаго въ 1759 перерыва, было рѣшено выпустить въ свѣтъ разомъ всѣ остальные десять томовъ. Ле-Бретону было поручено ихъ изданіе. Рукописи были набраны печатнымъ шрифтомъ, Дидро исправилъ корректурные листы, просмотрѣлъ вторыя корректуры и возвратилъ каждый листъ съ своею подписью въ удостовѣреніе того, что можно приступить къ его печатанію. Съ этого момента начались гнусныя продѣлки Ле-Бретона. Онъ и его факторъ принялись вычеркивать, выбрасывать и уничтожать въ доставленныхъ имъ листахъ всякое мѣсто, всякую строчку или фразу, которыя, по ихъ мнѣнію, могли вызвать неудовольствіе или гнѣвъ со стороны правительства. Такимъ образомъ они по собственному дикому произволу привели большую часть самыхъ лучшихъ статей въ такой видъ, что онѣ походили на изувѣченные отрывки, лишенные всего, что въ нихъ было самого цѣннаго. Злодѣи даже не задали себѣ труда придать этимъ уродливымъ обрубкамъ статей хоть внѣшній видъ стройности и послѣдовательности. Окончивъ свою разрушительную работу, они приступили къ печатанію, а чтобъ сдѣлать свое злодѣяніе непоправимымъ, они предали пламени всѣ оригинальныя рукописи и корректурные листы. Однажды, когда печатаніе уже было почти кончено (1764), Дидро, обратившійся для какой то справки къ одной изъ статей подъ буквою S, нашелъ ее совершенно искаженной. Это привело его въ крайнее смущеніе. Послѣ минутнаго размышленія онъ догадался, что это должно быть дѣло рукъ безжалостнаго издателя. Онъ поспѣшилъ перечитать тѣ статьи, надъ которыми онъ и его подчиненные всего болѣе трудились, и повсюду нашелъ такое же опустошеніе и такой же хаосъ. «Это открытіе», — говоритъ Гриммъ, — «привело его въ такое бѣшенство и отчаяніе, которыхъ я никогда не позабуду.» ¹⁾ Онъ отъ скорби рыдалъ въ присутствіи самого-

¹⁾ Corr. Lit., VII. 146.

преступника, въ присутствіи жены, дѣтей и сочувствовавшей ему прислуги. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ не могъ ни ѣсть, ни спать. «Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ», — восклицалъ онъ, обращаясь къ Ле-Бретону, — «вы низкимъ образомъ надували меня. Вы уничтожили, или поручили какой то низкой твари уничтожить трудъ двадцати хорошихъ людей, посвятившихъ вамъ свое время, свои способности, часы своихъ бдѣній, изъ любви къ правдѣ и истинѣ, удовлетворяясь одной надеждой, что ихъ идеи будутъ переданы публикѣ и что они будутъ вознаграждены за это вполне заслуженнымъ уваженіемъ, которое теперь навсегда отняли у нихъ ваша несправедливость и ваша неблагодарность... Васъ и вашу книгу будутъ теперь топтать въ грязи; впредь на васъ будутъ указывать какъ на человѣка, провинившагося въ такомъ обманѣ, въ такомъ низкомъ безстыдствѣ, которому никогда еще не было ничего подобнаго. Тогда-то вы будете въ состояніи оцѣнить вашъ панический страхъ и подлые совѣты тѣхъ варварскихъ Остроготовъ и глупыхъ Вандаловъ, которые помогали вамъ въ совершеніи вашего разбоя.» ¹⁾

Однако онъ остался непреклоннымъ до самой послѣдней минуты. Сначала онъ хотѣлъ было совершенно отказаться отъ предпріятія и извѣстить подписчиковъ и весь міръ о низкомъ поступкѣ Ле-Бретона, но потомъ передумалъ. Его трудъ утратилъ свою прелесть. Его произведеніе было обезображено и изуродовано. Онъ никогда не могъ позабыть этой ужасной горести и никогда не простилъ ея безсовѣстнаго виновника. Но послѣдній камень зданія былъ наконецъ заложенъ. Въ 1765 подписчики получили послѣдніе десять томовъ печатнаго шрифта. Гравюры въ одиннадцати томахъ были вполне готовы лишь въ 1772. Ихъ экземпляры носили на заглавномъ листѣ слово Невшатель и раздавались втайнѣ. Сбравшіеся на совѣщаніе представители духовенства немедленно рѣшили издать декретъ противъ вновь вышедшей книги. Парламентъ воспротивился этому, не изъ сочувствія къ книгѣ, а изъ ненависти къ духовенству. Но правительство распорядилось, чтобъ всякій, у кого была Энциклопедія, немедленно представилъ ее въ полицію. Затѣмъ экземпляры книги возвращались къ своимъ владѣльцамъ съ нѣкоторыми незначительными вырѣзками.

Вольтеръ оставилъ намъ игривое описаніе, какъ представители власти важно разсуждали между собою объ этомъ великомъ орудіи разрушенія. Его словами мы и закончимъ нашъ разсказъ о странной и полной разнообразія исторіи этого орудія:

„Одинъ изъ лакеевъ Людовика XV разсказалъ мнѣ, что однажды,

¹⁾ Corr. Lit., VII. 146.

въ то время какъ король ужиналъ въ Трианонъ въ немногочисленномъ обществѣ, разговоръ зашелъ сначала объ охотѣ, а потомъ о порохѣ. Кто то изъ присутствующихъ сказалъ, что лучший порохъ дѣлается изъ равнаго количества селитры, сѣры и древеснаго угля. Герцогъ де-ла-Вальеръ, лучше другихъ знакомый съ этимъ предметомъ, сталъ утверждать, что въ составъ хорошаго пороха должны входить одна часть сѣры и одна часть древеснаго угля на каждыя пять частей селитры.

„Странно“, — замѣтилъ герцогъ Нивернуа, — „что мы каждый день забавляемся въ Версали стрѣльбою куропатокъ, а иногда занимаемся тѣмъ, что убиваемъ людей или сами даемъ себя убивать на границѣ, а между тѣмъ мы не знаемъ въ точности какъ составляется средство убивать“.

„Къ сожалѣнію“, — сказала г-жа Помпадуръ, — „всякій изъ насъ находится точно въ такомъ же положеніи, о чемъ бы ни зашла рѣчь: я не знаю какъ составляются румяны, которыя я кладу на мои щеки, и я была бы поставлена въ большое затрудненіе, еслибы у меня спросили, какъ дѣлаются мои шелковые чулки“.

„Поэтому очень жаль“, — сказалъ де-ла Вальеръ, — „что Его Величество приказало отобрать у насъ. Энциклопедію, которая стоила каждому изъ насъ по сту пистолей тамъ мы тотчасъ нашли бы отвѣтъ на все, что намъ нужно“.

Король сталъ объяснять причины отобранія книги: его предупредили, что двадцать одинъ волюмъ, которые можно найти на туалетномъ столѣ всякой знатной дамы, — самая опасная вещь для французскаго королевства, и потому, прежде чѣмъ дозволить всякому чтеніе этой книги, онъ хотѣлъ бы самъ убѣдиться, правда ли все, что о ней говорятъ. Когда ужинъ кончился, онъ послалъ за книгой трехъ лакеевъ, которые возвратились, съ трудомъ неся въ рукахъ каждый по семи томовъ.

„Тогда оказалось изъ статьи о *Порохѣ*, что герцогъ де-ла-Вальеръ былъ правъ, а г-жа Помпадуръ узнала, какая разница между старыми испанскими румянами, которыми натираютъ себѣ щеки мадридскія дамы, и тѣми румянами, которыя употребляются нарижскими дамами. Она узнала, что греческія и римскія женщины натирали себя пурпуромъ, добываемымъ изъ *ш и г е х* и что стало быть наша алая краска тоже, что пурпуръ у древнихъ; она узнала, что въ испанскихъ румянахъ болѣе шафрана, а во французскихъ болѣе кошенили.

„Она узнала, какъ ткутся ея чулки и пришла въ восторгъ отъ описанія ткацкаго станка.

„Всѣ бросились на эти томы съ такою же жадностью, какъ дочери Ликомела на украшенія Улисса, и всякій тотчасъ находилъ все, что было ему нужно. Тѣ, которые занимались законовѣдѣніемъ, къ удивленію своему нашли тамъ разрѣшеніе всѣхъ своихъ недоразумѣній. Король прочелъ все, что касалось его короны. „По истинѣ“, — сказалъ онъ, — „я не могу понять, почему мнѣ

такъ дурно отзывался объ этой книгѣ“. „Развѣ Ваше Величество не изволите замѣтить“,—сказалъ герцогъ Нивернуа,—„что это происходитъ отъ того, что книга очень хороша; вѣдь люди никогда не бранятъ того, что посредственно или заурядно. Когда женщины стараются поднять на смѣхъ новоприбывшую даму, можно быть увѣреннымъ, что эта послѣдняя красивѣе ихъ всѣхъ“.

Между тѣмъ всѣ были заняты перелистываніемъ книги и графъ де-С.... громко сказалъ: „Какъ вы счастливы, Ваше Величество, что въ ваше царствованіе нашлись люди, способные изучить всѣ отрасли знаній и передать эти знанія потомству. Здѣсь можно найти все, начиная съ способа дѣлать булавки и кончая искусствомъ выливать и наводить ваши пушки, начиная съ безконечно малаго и кончая безконечно великимъ. Благодареніе Богу за то, что онъ произвелъ на свѣтъ въ вашемъ королевствѣ тѣхъ людей, которые совершили дѣло, столь полезное для цѣлаго міра. Другія націи вынуждены или покупать Энциклопедію или,—если это невозможно,—добывать ее хищническимъ образомъ. Отберите у меня, если вамъ угодно, всю мою собственность, но отдайте мнѣ назадъ мою Энциклопедію“.

„Однако“,—возразилъ король,—„меня увѣряютъ, что хотя это произведеніе полезно и достойно удивленія, въ немъ много недостатковъ“.

„Ваше Величество“,—сказалъ графъ де-С....,—„за вашимъ ужиномъ подавали два рагу, которые были неудачны; мы оставили ихъ не тронутыми, тѣмъ не менѣе мы прекрасно поужинали. Неужели изъ-за этихъ двухъ рагу вы приказали бы выбросить за окно весь ужинъ?...“

„Но Зависть и Невѣжество все-таки не сознались въ своемъ пораженіи; эти двѣ безсмертныя сестры не перестали попрежнему кричать, интриговать и угнетать. Что же изъ этого вышло? То, что иностранцы выпустили въ свѣтъ четыре изданія этой запрещенной во Франціи французской книги, и нажили этимъ около 1.800,000 кронъ“¹⁾.

Когда среди скучнаго описанія житейскихъ дразгъ попадаетъ эффектная сцена, намъ не хотѣлось бы ослаблять производимаго ею впечатлѣнія, но наша обязанность быть осмотрительными. Писатели, воспроизводившіе этотъ интересный рассказъ, упустили изъ виду то обстоятельство, что г-жа Помпадуръ умерла до выхода въ свѣтъ тѣхъ томовъ Энциклопедіи, въ которыхъ шла рѣчь о порохѣ и румянахъ. Изданіе двадцати одного тома Энциклопедіи окончилось не прежде 1765, а она умерла весной предшествовавшаго года. Но содержаніе рассказа вѣроятно невымысленно, хотя Вольтеръ и вставилъ въ него по ошибкѣ одно имя вмѣсто другаго.

¹⁾ Oeuv. de Voltaire. Этотъ рассказъ иногда помѣщается въ числѣ Facéties, иногда въ числѣ Mélanges.

Что касается размышленія, которымъ Вольтеръ заканчиваетъ свой рассказъ, то мы должны напомнить, что произведеніе энциклопедистовъ было перепечатано въ Женевѣ лишь только оно появилось въ Парижѣ. Впослѣдствіи оно было перепечатано въ полномъ составѣ въ Женевѣ (1777) и въ Лозаннѣ (1778). Одно его изданіе появилось въ 1770 въ Ливорно, а другое въ 1771 въ Луккѣ. Тотчасъ послѣ окончанія Энциклопедіи стали появляться избранныя изъ нея мѣста. Составители этихъ извлеченій (какъ на примѣръ изданнаго въ 1768 въ Женевѣ *Esprit de l'Encyclopédie*), вовсе не имѣли въ виду распространенія какихъ либо идей. Ихъ цѣлью была нажива путемъ распродажи красивыхъ книжекъ въ двѣнадцатую долю листа, содержащихъ въ себѣ самыя живыя, самыя любопытныя и самыя забавныя статьи, какія только можно было извлечь изъ громаднаго содержанія оригинальныхъ фоліантовъ.

Хотя Энциклопедія, составленная подъ руководствомъ Дидро, и не была самымъ удивительнымъ изъ тѣхъ подвиговъ, которыми могутъ гордиться французскіе книгопродавцы, но она вдохновила ихъ на такіе подвиги. Панкукъ—имя, часто встрѣчающееся въ перепискѣ Вольтера и членовъ его семейства, — задумалъ въ 1782 изданіе *Методической Энциклопедіи*. Этотъ колоссальный трудъ, который въ сущности ничто иное, какъ сборникъ специальныхъ энциклопедій для каждой специальной науки, былъ доведенъ до конца не прежде 1832 и состоитъ изъ ста шестидесяти шести томовъ текста и двадцати томовъ съ гравюрами. Въ немъ нѣтъ ни единства доктрины, ни однообразнаго примѣненія какихъ либо философскихъ принциповъ, ни опредѣленной социальной цѣли. Изъ всѣхъ энциклопедій, появлявшихся послѣ 1772, мнѣ знакома только одна, задуманная съ цѣлью провести въ ней одну общую теорію; это—недоконченная *Encyclopédie Nouvelle* Пьера Леру и Жана Рено. Авторы этого произведенія намѣревались примѣнить свои социалистическія и спиритуалистическія идеи ко всѣмъ сферамъ знанія и мышленія. Въ результатъ вышелъ только рядъ диссертаций, а не энциклопедія въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова 1).

Книгопродавцы сначала говорили объ Энциклопедіи, какъ о такомъ предпріятіи, на которое потребуется два милліона ливровъ. Но расходы изданія, какъ кажется, немного превзошли одинъ милліонъ сто сорокъ тысячъ ливровъ. Валовой доходъ они исчисляли вдвое противъ этой суммы. Подписная цѣна за семь томовъ, вышедшихъ въ свѣтъ до 1757, за десять томовъ, изданныхъ въ 1765 и за одинъ

1) См. *Oeuv. Choies de Jean Reynaud*, перепечатанныя въ 1866. Статья *Encyclopédie* (vol. 1) представляетъ интересную попытку доказать пригодность установленныхъ Декартомъ принциповъ классификаціи.

надцать томовъ съ гравюрами, изданныхъ въ 1772, была въ девятьсотъ восемьдесятъ ливровъ ¹⁾ или почти въ сорокъ три фунта стерлинговъ по тогдашней ихъ стоимости, и соответствовала втрое большей суммѣ денегъ по цѣнамъ нашего времени.

Какое денежное вознагражденіе получалъ Дидро, трудно сказать съ точностью, да и его условія съ книгопродавцами очевидно измѣнялись отъ времени до времени. Послѣ того какъ д'Аламберъ покинулъ его, средній размѣръ его денежнаго вознагражденія, какъ кажется, доходилъ до трехъ тысячъ ливровъ или ста тридцати фунт. ст. въ годъ. Это предположеніе согласуется съ словами Гримма, что вся сумма денегъ, которую получилъ Дидро, состояла изъ шестидесяти тысячъ ливровъ или почти изъ двухъ тысячъ шести сотъ фунт. ст. ²⁾. Когда Вольтеръ узналъ, какое скромное жалованье получалъ Дидро, онъ воскликнулъ: а вѣдь какой нибудь подрядчикъ военнаго вѣдомства пріобрѣтаетъ по двадцати тысячъ ливровъ въ одинъ день! Самъ Вольтеръ нажилъ болѣе полу-милліона ливровъ тѣмъ, что участвовалъ въ одномъ подрядѣ на армію во время войны 1734 года, и его ежегодный доходъ, происходившій отъ пріобрѣтенія этой суммы и отъ благоразумнаго ея помѣщенія, простирался до семидесяти тысячъ ливровъ, соответствовавшихъ почти десяти тысячамъ фунтовъ стерл. ежегоднаго дохода по стоимости нашего времени.

II.

Всѣ писатели, изучавшіе развитіе просвѣщенія во Франціи въ восемнадцатомъ столѣтіи, обращаютъ наше вниманіе на тотъ фактъ, что во второй половинѣ вѣка умозрительное или философское движеніе умовъ быстро перерождается въ политическое или социальное. Читатели нерѣдко бываютъ не въ состояніи ясно понять, какъ или почему произошла такая метаморфоза. Дѣйствительно, метафизическій вопросъ о томъ, способна ли матерія мыслить, который въ то время такъ любили обсуждать, повидимому очень далеко отъ сферы политическихъ теорій. А психологическій вопросъ о томъ, врожденны-ли въ насъ наши идеи, или же онѣ пріобрѣтаются путемъ опыта черезъ посредство чувствъ, представляется публицисту не имѣющимъ ничего общаго съ системами управленія или съ цѣлями общественными. Тѣмъ не менѣе, именно тѣ выводы, къ которымъ люди приходятъ въ этой сферѣ идей, опредѣляютъ свойство гражданскихъ понятій и значе-

¹⁾ См. обверточный листъ тома XXVIII.

²⁾ М-ѣ т., II, 115. Гриммъ, VII. 145.

ніе политической організації. Доктори богословія, преслѣдовавшіе Де-Прада за ссылки на психологію Локка и за измѣну Картезіанизму, руководствовались вѣрнымъ инстинктомъ самосохраненія. Де-Местръ,—этотъ самый остроумный и самый проникательный изъ всѣхъ приверженцевъ католическаго ученія,—выказалъ свою дальнорѣкость всего болѣе тѣмъ, что началъ свою атаку на революціонные принципы энергическимъ и предумышленнымъ нападеніемъ на Бэкона ¹⁾).

Какъ я уже имѣлъ случай прежде замѣтить, непосредственное вліяніе философскихъ произведеній обуславливается ихъ практической примѣнимостью. Не оттого только, что Бэконъ, Гоббсъ и Локкъ написали извѣстныя сочиненія, энциклопедисты унаслѣдовавшіе ихъ философскія идеи, сдѣлались могущественной политической партіей и съ теченіемъ времени пріобрѣтали все болѣе и болѣе приверженцевъ. Благодаря стеченію различныхъ обстоятельствъ, предпринятая ими атака пріобрѣла во Франціи такое значеніе и такой вѣсъ, какова она никогда не имѣла въ Англіи. Причиной этого вопервыхъ было то, что естественныя науки сдѣлали тѣмъ временемъ огромный шагъ впередъ. Это подорвало вліяніе теологіи и теологической метафизики и вмѣстѣ съ тѣмъ косвеннымъ образомъ расположило умы къ не-теологическимъ взглядамъ какъ на явленія міра нравственнаго, такъ и на явленія міра физическаго. Сверхъ того, во Франціи цѣлью нападенія было нѣчто эластическое и не податливое. Въ Англіи политическія теоріи слѣдовали за политическими нововведеніями и реформами, а не предшествовали имъ. Во Франціи же ихъ свѣтъ бросалъ свои лучи на такія учрежденія, которыя закоренѣли въ абсолютизмъ и привилегіяхъ и потому не были способны къ существеннымъ измѣненіямъ. Дензмъ былъ сравнительно безсиленъ для борьбы съ

¹⁾ Де-Местръ говоритъ, что извѣстность Бэкона въ сущности не восходитъ далѣе Энциклопедіи, и что нѣтъ ни одного настоящаго ученаго изслѣдователя, который былъ бы знакомъ съ его произведеніями или искалъ бы въ немъ для себя опоры (*Examen de la Phil. de Bacon*, II. 110). Дидро говоритъ:—„Я полагаю, что я научилъ моихъ согражданъ уважать и читать Бэкона; въ послѣдніе пять или шесть лѣтъ произведенія этого глубокомысленнаго писателя перелистывались гораздо болѣе, чѣмъ прежде“ (XIV. 494). Профессоръ Фоулеръ, въ своемъ тщательномъ изданіи книги *New and Organism* (Введеніе, стр. 104) опровергаетъ мнѣніе Монтукы и нѣкоторыхъ другихъ писателей, что извѣстность Бэкона ведетъ свое начало съ Энциклопедіи. Все зависитъ отъ того, что мы разумѣемъ подъ словомъ извѣстность. Конечно нельзя оспаривать того, что энциклопедисты на время возвели Бэкона на ту высоту популярности, съ которой ньютоніанизмъ Вольтера низвергъ Декарта. Фоулеръ описывая развитіе Бэконовой теоріи, признаетъ за ней почти все тѣ самыя достоинства, о которыхъ шла рѣчь, такъ какъ онъ говоритъ: „покровительство Вольтера и Энциклопедистовъ много содѣйствовало распространенію знакомства съ произведеніями Бэкона и сверхъ того вызвало много спорить о правильности его взглядовъ на многіе философскіе и богословскіе вопросы.“

английской церковью во первых потому, что въ немъ отражалось умственное, а не социальное движеніе, во вторыхъ потому, что ученіе церкви о конституціонныхъ вопросахъ было склонно къ податливости. Деизмъ въ устахъ своихъ французскихъ послѣдователей, вошелъ въ связь съ социальнымъ либерализмомъ, потому что въ ту пору ученіе католической церкви отождествлялось со всѣми репрессивными идеями. Сверхъ того, стремленія деизма во Франціи сдѣлались болѣе склонными къ насильственному разрушенію не потому только, что религиозное суевѣріе тамъ было болѣе грубо, но также и потому, что суевѣріе воплощалось тамъ въ твердой и недоступной для какихъ либо перемѣнъ общественной организаціи.

«Было бы ошибочно думать», — писалъ проникательный и свѣдущій наблюдатель д'Аржансонъ, еще въ 1753, — «что причиной упадка религіи во Франціи была английская философія, увлекавшая за собою въ Парижѣ не болѣе сотни мыслящихъ людей, вмѣсто того чтобъ приписывать это явленіе ненависти къ духовенству, доходившей до послѣдней крайности. Всѣ умы проникаются духомъ недовольства и непокорности, и все, какъ въ религіи такъ и въ управленіи, быстро близится къ огромному перевороту. Не то ожидаетъ пришедшую къ намъ въ шестнадцатомъ столѣтіи изъ Германіи суровую реформацію, — это смѣшеніе предразсудковъ съ свободой! Такъ какъ наша нація и нашъ вѣкъ просвѣтились совершенно инымъ путемъ, то они дойдутъ до того, до чего должны дойти: они выгонятъ всѣхъ священниковъ, уничтожатъ всякое священство, отвергнутъ откровеніе и всѣ мистериі.» Но въ этихъ словахъ указывается лишь разрушительная сторона того огромнаго переворота, который д'Аржансонъ предвидѣлъ за тридцать шесть лѣтъ до его осуществленія на дѣлѣ. Однако у этого переворота была и созидательная сторона. Если однимъ изъ его элементовъ была ненависть, то въ немъ былъ и другой болѣе важный элементъ — надежда. Этотъ то созидательный и реформаторскій духъ, охватившій умы самыхъ выдающихся во Франціи людей съ 1750 по 1789, выразился въ кружкѣ энциклопедистовъ и воплотился въ изданныхъ ими томахъ. И, — чтобъ возвратиться къ нашей точкѣ исхода, — мы къ этому прибавимъ, что онъ находился въ непосредственной и неразрывной связи съ философіей Бэкона и Локка. Въ чемъ же заключалась связь между теоріями этихъ писателей и энергическимъ стремленіемъ къ общественнымъ реформамъ? По недостатку мѣстамы здѣсь лишь вкратцѣ отвѣтимъ на этотъ вопросъ.

Ясныя черты того умственнаго переворота, который выразился въ Энциклопедіи, видны на каждой изъ ея страницъ и потому касательно ихъ не можетъ быть недоразумѣній. Переходъ отъ Декарта къ Ньютону обозначалъ окончательную замѣну гипотезъ выводами изъ наблюденій. Возвышенныя идеи Бэкона были переходомъ отъ

сверх-естественныхъ толкованій къ толкованіямъ, основаннымъ на опытѣ. Успѣхъ и дальнѣйшее развитіе психологіи Локка были ничто иное, какъ объясненіе нашихъ идей физическими ощущеніями и наводили людей довольно прямымъ по ихъ мнѣнію путемъ къ отождествленію ума съ функціями матеріи. Намъ нѣтъ надобности разсматривать здѣсь, въ какой мѣрѣ былъ съ философской точки зрѣнія вѣренъ или послѣдователенъ этотъ взглядъ на происхожденіе и свойство знанія или на развитіе человѣческаго характера. Намъ достаточно только указать на его господствовавшее стремленіе. Это стремленіе, очевидно, заключалось въ томъ, чтобъ отстранить вліяніе магіи и замѣнить его изученіемъ той нормальной связи между причиной и слѣдствіемъ, которая раскрывается путемъ умственныхъ изслѣдованій. Тогда возникъ болѣе ясный взглядъ на вселенную, какъ на группу такихъ естественныхъ явленій, которыя допускаютъ рациональное и послѣдовательное ихъ объясненіе. А чѣмъ шире арена естественныхъ законовъ, тѣмъ сильнѣе въ людяхъ сознаніе, что они способны давать направленіе дѣйствующимъ силамъ и достигать тѣхъ результатовъ, какіе имъ желательны. Тогда объективные интересы и ихъ условія пріобрѣтаютъ въ умахъ преобладающее значеніе. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе расширяются предѣлы знанія, тѣмъ болѣе становятся опредѣленными предѣлы незнанія. Чѣмъ болѣе мы знакомимся съ устройствомъ вселенной, тѣмъ болѣе мы постепенно и незамѣтно убѣждаемся, что нѣкоторые предметы, о которыхъ люди составили себѣ опредѣленные понятія не соображаясь съ этимъ феноменальнымъ устройствомъ, на самомъ дѣлѣ недоступны для насъ при помощи тѣхъ орудій опыта и наблюденія, которымъ мы обязаны другими нашими познаніями. Отсюда происходитъ естественная склонность примѣнять наши способности къ изученію такихъ явленій, которыя доступны нашему наблюденію и не тратить ихъ на изученіе такихъ явленій, — если дѣйствительно ихъ можно назвать явленіями, — которыя недоступны ни нашему наблюденію, ни нашему пониманію. Такимъ образомъ человѣкъ дѣлается для самого себя центромъ міра, природа дѣлается его слугою и орудіемъ, а человѣческое общество дѣлается сферой его интересовъ и его дѣятельности. Съ своей стороны, та психологія, которая принимаетъ въ основу ощущенія, — все равно выдерживаетъ ли она научную критику или нѣтъ, — открыто стремится къ тому, чтобы возвысить въ нашихъ глазахъ вліяніе воспитанія и общественныхъ учрежденій на нашъ характеръ. Чѣмъ живѣе мы сознаемъ, какъ была велика роль внѣшнихъ впечатлѣній въ томъ, чтобъ сдѣлать человѣка такимъ, каковъ онъ есть, тѣмъ болѣе мы озабочиваемся внѣшними условіями жизни и ихъ улучшеніемъ. Но изученіе общественныхъ явленій тогда только могло проникнуться духомъ

позитивизма, когда Декартова философія была отложена въ сторону вмѣстѣ съ своими ссылками на необъяснимыя интуиціи и своими преувеличеніями гипотетическаго метода.

Въ своей статьѣ о богадѣльняхъ и госпиталяхъ Дидро случайно объяснилъ, въ чемъ заключается существенная разница между старымъ католическимъ направленіемъ и новымъ социальнымъ, между окрашенными квіетизмомъ суевѣріями и энергическимъ стремленіемъ къ знанію:—«*Было бы гораздо болѣе полезно стараться предодвертнуть нищету, чѣмъ увеличивать число пристанищъ для нищихъ*».

Было бы не трудно доказать, что у энциклопедистовъ не было непоколебимой научной основы для ихъ философіи. Теперь уже всякому ясно, что ихъ метафизика и психологія были несовершенны. Но важно то, что ихъ метафизика и психологія, несмотря на всѣ свои несовершенства, были приспособлены къ тому, чтобъ внушать сильное влеченіе къ общественнымъ вопросамъ, такъ какъ онѣ были пропитаны чувствами челоуѣколюбія. Выдавать Энциклопедію за евангеліе отрицанія значило-бы упускать изъ виду четыре пятыхъ доли ея содержанія. Конечно тотъ, кому это нравится, могъ бы относиться къ ней какъ къ произведенію, написанному съ одними отрицательными цѣлями, и сослаться на примѣръ на то, что въ ней высказывается протестъ противъ допросовъ и наказаній посредствомъ пытки (см. Question, Peine), но въ такомъ случаѣ мы спросили бы его: какое евангеліе написанное съ положительными цѣлями могло бы доставить челоуѣку болѣе цѣнныя блага? ¹⁾ Еслибы метафизика этихъ писателей была еще въ тысячу разъ болѣе поверхностна, какое было бы намъ до этого дѣло, если бы при этомъ они постоянно имѣли въ виду всѣ тѣ великія общественныя улучшения, отъ которыхъ зависитъ не только развитіе, но даже существованіе націй? Не подлежитъ сомнѣнію, что было бы неосновательно утверждать, будто сознательное стремленіе къ общественнымъ улучшениямъ несовмѣстимо съ спиритуалистической доктриной; но мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что энергическая увѣренность въ возможности общественныхъ улучшеній впервые возникла благодаря той философіи, которая приняла за основу чувственныя ощущенія и опытъ.

Когда мы говоримъ, что стремленія энциклопедистовъ между прочимъ клонились къ усиленію сочувствія къ политическимъ вопросамъ подъ господствующимъ вліяніемъ гуманной философіи, мы употребляемъ слово политическій въ самомъ широкомъ его значеніи.

¹⁾ См. выше, стр. 43, *Примѣчаніе*.

Экономическія условія страны и способъ примѣненія дѣйствующихъ въ ней законовъ имѣютъ гораздо болѣе существенное значеніе для ея благосостоянія, нежели форма ея правленія. Въ сущности форма правленія есть вопросъ первостепенной важности, но она въ значительной степени обязана этой важностью тому вліянію, которое она можетъ оказывать на два другихъ разряда основъ національной жизни. Форма правленія то же, что фасовъ платья; онъ можетъ быть удобенъ для насъ или неудобенъ, можетъ быть красивъ или дуренъ, можетъ вызывать въ насъ дурное или хорошее расположеніе духа, но во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ менѣе тѣсную связь съ нашимъ благополучіемъ, чѣмъ составъ нашей крови и нашихъ тканей. Поэтому говоря, что энциклопедисты предприняли политическое дѣло, мы хотимъ этимъ сказать, что они освѣтили свѣтомъ новыхъ идей цѣлыя группы учреждений, обычаевъ и порядковъ, вліявшихъ такъ же сильно на благосостояніе и счастье Франціи, какъ питаніе вліяетъ на здоровье и силу каждаго отдѣльнаго француза. Энциклопедисты первые возбудили общественное мнѣніе Франціи противъ злоупотребленій тираннической колониальной системы управленія и противъ гнусной торговли невольниками. Они доказали безразсудство, раззорительность и безчеловѣчіе той системы налоговъ, которая истощала жизненные силы страны. Они и кстати и не кстати протестовали противъ такихъ порядковъ, при которыхъ отправленіе правосудія превращалось въ сдѣлку между продавцами и покупателями. Они горячо нападали на отвратительныя жестокости устарѣлаго уголовного законодательства. Не высшее дворянство, толпившееся вокругъ Людовика XV и не духовенство, служившее обѣдни, а кучка этихъ писателей, руководимая незнавшимъ покоя литераторомъ, — вотъ кто впервые проникся великимъ принципомъ новѣйшаго общества — уваженіемъ къ производительной дѣятельности. Они горячо ратовали за величіе мирныхъ подвиговъ и страстно нападали на подвиги военные ¹⁾.

Мы вовсе не утверждаемъ, что Энциклопедія создала какія либо новые методы или новыя соціальныя идеи. Такъ напримѣръ возвышенная любовь къ миру, столь свойственная нашему собственному времени, была внушена сочиненіями аббата Сенъ-Пьера (1658—

¹⁾ Д'Аламберъ не побоялся доказывать одному изъ великихъ полководцевъ того времени, что воинственный духъ Людовика XIV былъ большимъ несчастіемъ для Европы. Онъ обнаружилъ вѣрно пониманіе характера Фридриха Великаго и его понятій о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ управляемой имъ націи, когда сказалъ, что король прусскій предпочелъ бы имѣть сотню тысячъ лишнихъ земледѣльцевъ, вмѣсто того чтобъ содержать столько же солдатъ, если бы его положеніе ему это дозволило. *Congres. avec le roi de Prusse, Oeu v. V. 305.*

1743), одного из самых оригинальных мыслителей своего века, заслуживающего, чтобы имя его не предавалось забвенію между прочимъ и потому, что онъ изобрѣлъ слово *bienfaisance*. Затѣмъ, пробѣгая массу политическихъ статей, вы чувствуете, какую сильную склонность къ социологическимъ изслѣдованіямъ возбудило сочиненіе Монтескьё *Esprit des Lois*. Въ этихъ статьяхъ обсуждается очень мало такихъ вопросовъ, которые не были подняты Монтескьё, и ни одинъ вопросъ не обсуждается безъ указаній на тѣ аргументы, на которые ссылается Монтескьё. Переходя отъ *Esprit des Lois* къ Энциклопедіи, мы замѣчаемъ только ту перемену, что политическими идеями стали пользоваться какъ средствами для достиженія известной цѣли. Философія превратилась въ патриотизмъ. Энциклопедисты стали съ серьезной заботливостью вникать въ общественные недуги, къ которымъ версальскіе тунелдцы съ красными каблукками оставались безстыдно и неисправимо равнодушными.

Такъ напримѣръ статьи о земледѣліи превосходны по полнотѣ и точности, съ которыми въ нихъ описано тогдашнее положеніе Франціи, по ясности, съ которой они объясняютъ, въ какой мѣрѣ это положеніе не соответствуетъ своимъ первоначальнымъ источникамъ и по сильному сочувствію къ излагаемому предмету, которое онѣ въ одно и то же время и сами выражаютъ и внушаютъ читателямъ. Если мѣстами тонъ статей слишкомъ идилическій, за то онѣ доставили огромную пользу странѣ, познакомивши ее съ тѣмъ ясно доказаннымъ фактомъ, что изъ пятидесяти милліоновъ десятинъ пахатной земли въ королевствѣ болѣе чѣмъ одна четверть или никогда не обрабатывалась или заброшена. Принесло огромную пользу и то, что было обращено вниманіе общества на причины упадка французскаго земледѣлія, какъ-то на стѣсненіе хлѣбной торговли, на произвольное обложеніе налогами, и на переселеніе деревенскихъ жителей въ большіе города. Затѣмъ однимъ изъ самыхъ полезныхъ уроковъ, какіе когда либо приходилось выслушивать французамъ, было то указаніе на поощреніе, доставляемое земледѣлію англійской системой свободной ввѣшной торговли, которое подкрѣплялось въ Энциклопедіи ссылками на не въ мѣру патриотическое самохвалство современныхъ англійскихъ писателей.

Слѣдуетъ замѣтить, что существуютъ и такія злоупотребленія, которыя всего удобнѣе разоблачать путемъ простаго изложенія фактовъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ безъ всякой аргументаціи. Исторія таковаго налога, какъ налогъ на соль (*Gabelle*), и смѣлое описаніе произвольныхъ и бессмысленныхъ способовъ его взиманія были равносильны формальному обвинительному акту. Не было надобности ни въ риторикѣ, ни въ аргументаціи, чтобы доказать какъ возмутительно несправедливо слѣдующее законеніе: «всякій, пере-

мѣнившій мѣсто своего жительства, продолжаетъ въ теченіи нѣкотораго времени уплачивать налоги въ мѣстѣ своего прежняго пребыванія, а именно фермеры и земледѣльцы въ теченіи одного года, а всѣ другіе плательщики налоговъ въ теченіи двухъ лѣтъ, если приходъ, въ который они перешли, находится въ томъ же самомъ округѣ; если же нѣтъ, — то фермеры должны платить въ теченіи двухъ лѣтъ, а прочіе въ теченіи трехъ лѣтъ» (*Taille*). Такимъ образомъ инымъ приходилось уплачивать въ теченіи трехъ лѣтъ двойные налоги въ наказаніе за перемѣну мѣста жительства. Намъ уже слышится ропотъ, выразившійся черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того въ такъ называемыхъ *cahiers*, когда мы читаемъ разсказъ о томъ, съ какимъ восторгомъ привѣтствовали граждане города Лизье введеніе *taille proportionnelle* (1718) и сколько другихъ городовъ стали просить о ниспосланіи имъ такого же благодѣянія. «Эти просьбы не были уважены по причинамъ, которыя объяснять не наше дѣло; такъ не легко сдѣлать доброе дѣло, о которомъ всѣ толкуютъ болѣе для того, чтобъ выказать къ нему свое сочувствіе, чѣмъ изъ желанія совершить его на дѣлѣ.... Доказательствомъ выгоды этой мѣры служить тотъ фактъ, что налоги 1718 года вмѣстѣ со всѣми недоимками за пять лѣтъ были уплачены въ теченіи двѣнадцати мѣсяцевъ безъ всякихъ бесполезныхъ тратъ или пререканій. Но вслѣдствіе безразсудства, болѣе чѣмъ что либо другое унижающаго человѣчество, общее благополучіе вызвало недовольство въ томъ самомъ классѣ, благо состояніе котораго основано на чужой нищетѣ» — въ классѣ привилегированномъ. ¹⁾

Страстная любовь къ гражданскому равенству развилась въ современной намъ Франціи вовсе не вслѣдствіе врожденной склонности къ мятежу, какъ то увѣряютъ нѣкоторые легкомысленные критики. Корень этого чувства кроется въ неизгладимомъ воспоминаніи о нравственномъ и матеріальномъ вредѣ, который былъ причиненъ ея гражданамъ несправедливымъ распредѣленіемъ налоговъ при старомъ режимѣ. Статья *Privilège* доказываетъ какъ было бы желательно, чтобъ правительство разслѣдовало причины многочисленныхъ изъятій изъ податнаго обложенія и чтобъ оно отмѣнило всѣ тѣ налоги, съ уплатой которыхъ не соединяется исполненіе какихъ нибудь существенныхъ и полезныхъ обязанностей. Авторъ статьи, заявляя тотъ самый протестъ, который вскорѣ послѣ того раздавался по всей странѣ, говоритъ: «Какой нибудь буржуа, находящійся въ достаткѣ, и способный уплачивать половину *taille*

¹⁾ См. статью о Турго въ моихъ *Critical Miscellanies, Second Series*.

за цѣлый приходъ, еслибы эта подать была наложена въ своемъ надлежащемъ размѣрѣ, вносить свои налоги за одинъ или за два года, а нерѣдко и менѣе, и затѣмъ, не смотря на низкое происхожденіе, на недостатокъ воспитанія и способностей, покупаетъ мѣсто въ мѣстномъ солянномъ бюро, или какую нибудь бесполезную придворную должность или какое нибудь положеніе при одномъ изъ принцевъ.... Этотъ человекъ открыто пользуется всѣми податными облегченіями, на которыя имѣютъ право высшее дворянство и высшія лица судебного званія... Изъ такого злоупотребленія привиллегіями происходитъ двойной весьма значительный вредъ: бѣднѣйшая часть населенія постоянно обременена налогами не по силамъ, несмотря на то, что она самая полезная для государства, такъ какъ этотъ классъ состоитъ изъ тѣхъ, кто обрабатываетъ землю и доставляетъ пропитаніе для высшихъ классовъ; другой происходящій отсюда вредъ заключается въ томъ, что привиллегіи внушаютъ образованнымъ и талантливымъ людямъ отвращеніе къ судебнымъ должностямъ и ко всѣмъ другимъ профессіямъ, требующимъ трудолюбія и прилежанія и заставляютъ ихъ предпочитать ничтожныя занятія и пустыя должности». Вся статья написана въ серьезномъ и умѣренномъ тонѣ, которымъ въ то время отличались во Франціи вообще всѣ политическіе споры. Но этотъ тонъ мало по малу исчезъ въ теченіи 1789, когда оказалось что даже въ то время привилегированныя сословія настоятельно требовали въ своихъ cahiers сохраненія въ силѣ каждаго изъ своихъ самыхъ отвратительныхъ и самыхъ несправедливыхъ правъ. ¹⁾ Поэтому въ отвѣтъ на утвержденія, будто Энциклопедія сознательно расчищала путь для политическаго переворота, мы замѣтимъ, что въ дѣйствительности она лишь прошла свѣтъ рациональной критики на тавія злоупотребленія въ практической жизни, о восстановленіи которыхъ теперь уже не мечтаютъ даже самые слабоумные изъ французскихъ консерваторовъ.

Остановимся еще на двухъ изъ числа самыхъ отяготительныхъ установленій, служившихъ въ то время бичемъ для Франціи, — во первыхъ на такъ называемой *Cogvée*, то есть на томъ феодальномъ установленіи, которое возлагало на каждаго непривилегированнаго фермера или крестьянина обязанность отработать из-

¹⁾ Такъ напримѣръ они требовали, чтобъ ихъ феодальныя права были подтверждены, чтобъ никто кромѣ дворянъ не носилъ оружія и не могъ быть избираемъ въ военныя должности, чтобъ *lettres-de-cachet* не отменялись, чтобъ печать не была свободна, чтобъ винная торговля не была свободна ни внутри страны, ни при вывозѣ за границу, чтобъ было запрещено касаться пустырей и обнесенныхъ заборомъ выгоновъ, чтобъ прежняя организация милиціи оставалась безъ перемѣн. — France Артура Юнга, гл. XXI, стр. 607.

вѣстное число дней для поддержанія большихъ проѣзжихъ дорогъ. По словамъ Артура Юнга, подтверждаемымъ оставшимися послѣ Тюрго замѣтками, эта гибельная, жестокая и недостижавшая своей цѣли система была ежегодно причиною разоренія нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; онъ упоминаетъ о трехъ стахъ фермерахъ, которые были доведены до нищенства тѣмъ, что имъ было приказано засыпать одинъ каналъ въ Лотарингіи. 1) Подъ заглавіемъ *Corvées* въ Энциклопедіи помѣщена статья, которая не только знакомитъ читателей съ исторіей этого учрежденія, но также представляетъ, на подобіе памфлета или журнальной статьи, критическое изслѣдованіе всѣхъ проистекающихъ изъ него неудобствъ и указываетъ какимъ способомъ ихъ можно бы было избѣжать. Въ то время Тюрго еще не успѣлъ объяснить на практикѣ, какой единственный вѣрный способъ замѣнить барщину. Статья Энциклопедіи была напечатана въ 1754, и только черезъ десять лѣтъ послѣ того этотъ великій администраторъ, сдѣлавшись губернаторомъ Лимузена, отмѣнилъ въ своемъ округѣ обязательную личную службу на большихъ дорогахъ, и потребовалъ вмѣсто нея денежныхъ взносовъ, распределяемыхъ между приходами. 2) Автору статьи не пришелъ на умъ этотъ способъ замѣны, очевидно самый раціональный изъ всѣхъ; но онъ нарисовалъ поразительную картину тысячи злоупотребленій и неудобствъ неразлучныхъ съ практическимъ примѣненіемъ *corvées*, и его статья послужила иллюстраціей для горячихъ споровъ объ общественныхъ вопросахъ, интересъ къ которымъ старалась возбудить Энциклопедія. Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что авторомъ статьи былъ субъ-инженеръ дорогъ и мостовъ въ Турскомъ округѣ. Это—одно изъ многихъ доказательствъ того, что Энциклопедія была складочнымъ мѣстомъ, куда всякаго рода люди, способные къ умственной дѣятельности, могли приносить плоды своихъ размышленій и наблюденій.

Послѣ *corvées*, самое сильное неудовольствіе въ третьемъ словіи возбуждала система вербовки въ милицію. Статья *Milice* очень коротка, но она проникаетъ до самаго корня зла. Въ ней основательно доказывается, что для земледѣльца съ скромными средствами составляетъ непоправимую потерю завербованіе его единственнаго сына, принужденнаго покинуть отеческій кровъ въ ту самую минуту, когда его работа могла бы вознаграждать нуждающихся родителей за всѣ расходы по его воспитанію. Авторъ статьи говоритъ, что слѣдовало бы совершенно уничтожить такое установленіе и потомъ прибавляетъ, что цѣль этого установленія достига-

1) *Travels in France* гл. XXI.

2) *Critical Miscellanies, Second Series*, 202.

лась бы вѣрнѣе и болѣе человѣколюбивымъ образомъ, еслибы было дозволено приходамъ ставить извѣстное число рекрутъ по своему собственному усмотрѣнiю. Таковую перемѣну уже ввелъ Тюрго въ Лимузенѣ (1765) и она дала превосходные результаты. Авторъ заканчиваетъ статью въ высшей степени гуманнымъ замѣчанiемъ, что мы должны подумать о томъ, не представляютъ-ли благосостоянiе сельскаго населенiя, обработка земли и просвѣщенiе ея жителей болѣе достойныхъ цѣлей для того, кто ищетъ славы, чѣмъ снаряженiе громадныхъ армiй по примѣру Ксеркса. Къ сожалѣнiю всякому, кто изучаетъ исторiю, приходится встрѣчаться съ самыми гуманными идеями, высказанными сто или двѣсти лѣтъ назадъ, и убѣдиться, что онѣ и теперь такъ же полезны и такъ же мало обращаютъ на себя вниманiя, какъ и въ то время, когда онѣ были высказаны въ первый разъ.

Такое же размышленiе возникаетъ при чтенiи статьи *Foundations*. Я уже выше замѣтилъ, что эта тщательно написанная и толковая статья до сихъ поръ представляетъ самую мастерскую оцѣнку того, какiя хорошия и какiя дурныя стороны стипендiй. Даже въ наше время, въ нашей собственной странѣ, самымъ плодотворнымъ и благодѣтельнымъ дѣломъ, на которое могъ бы посвятить себя энергическiй и отважный государственный дѣятель, было бы примѣненiе къ практикѣ тѣхъ здравыхъ принциповъ, которые изложены въ Энциклопедiи. Перейдя въ томъ же томѣ отъ статьи *Foundations* къ статьѣ *Voie*, вышедшей также изъ-подъ-пера Тюрго, мы находимъ новый поразительный образчикъ экономической мудрости энциклопедистовъ. Провинциальныя ярмарки съ своими привилегiями, ограниченiями и исключенiями, были нагляднымъ свидѣтельствомъ вреда, проистекавшаго отъ «замашки все регулировать и всѣмъ руководить», которою была заражена въ то время торговая администрацiя и которая прерывала естественное развитiе торговли путемъ безразсудныхъ притѣсненiй со стороны полицiи. Другое вредное примѣненiе того же самаго принципа указано въ статьѣ *Maîtrises*. Читая ее, всякiй, кто способенъ стать выше «священныхъ законовъ предрассудка» долженъ убѣдиться, въ какой мѣрѣ недобросовѣстность, лѣнь, беспорядочность и всѣ другiя вредныя послѣдствiя монополiи усиливались благодаря системѣ завидовавшихъ одна другой торговыхъ гильдiй, которыя доводили обязательное подраздѣленiе и стѣсненiе всякаго ремесленнаго труда до такой степени, что все это было бы очень смѣшно, еслибы было менѣе вредно.

Однимъ изъ самыхъ настоятельныхъ требованiй, всего громче высказывавшихся въ 1789, было требованiе объ уничтоженiи дикiихъ животныхъ и о прекращенiи барскихъ охотъ (*capitaineries*). «Подъ

словомъ «дикія животныя» — говоритъ Артуръ Юнгъ, — «слѣдуетъ разумѣть цѣлыя стада кабановъ и оленей, которыя не содержались въ мѣстахъ обнесенныхъ стѣнами или какой нибудь оградой, а свободно разгуливали по всей странѣ, уничтожая хлѣбъ на корню и населяя галеры несчастными крестьянами, державшими убивать ихъ для того чтобъ сберечь пропитаніе для своихъ безпомощныхъ дѣтей». 1) Въ томъ же самомъ мѣстѣ авторъ перечисляетъ гнусныя и невѣроятныя постановленія, разорявшія земледѣліе на пространствѣ цѣлыхъ сотенъ льѣ съ цѣлью доставить дворянству удобства для занятій спорта. Въ семи томахъ Энциклопедіи, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1757, относительно многихъ предметовъ болѣе сдержанности, чѣмъ въ тѣхъ десяти томахъ, которые издавались однимъ Дидро послѣ великаго раздора, происшедшаго въ 1759. Впрочемъ, что касается спорта, авторъ статьи *Chasse* приводитъ всѣ соображенія, какія всякій патріотическій министръ желалъ бы видѣть господствующими въ общественномъ мнѣніи. Статья мѣстами поражаетъ насъ откровенностью и смѣлостью обвиненій, и даже самымъ хладнокровнымъ читателемъ овладѣваетъ то чувство негодованія, которое при слѣдующемъ поколѣніи кипѣло въ груди нашего проникательнаго и разсудительнаго Артура Юнга (1787). «Пріѣзжайте», — говоритъ онъ, — «къ кому нибудь изъ этихъ знатныхъ дворянъ, и вы вѣроятно застанете его въ лѣсу, густо населенномъ оленями, кабанями и волками. О! еслибъ я былъ хоть въ теченіи одного дня законодателемъ Франціи, у меня наплясались-бы эти баричи!» 2)

Это приводитъ насъ къ тому, что составляетъ едвали не самую выдающуюся изъ всѣхъ руководящихъ идей книги. Въ Георгикахъ *Виргілія* многіе видѣли восхваленіе трудолюбія. Мысль объ Энциклопедіи, повидимому, зародилась изъ того-же мотива — изъ такого же сильнаго сочувствія ко всѣмъ цѣлямъ, интересамъ и мелкимъ подробностямъ производительной дѣятельности. Дидро, — какъ кто-то основательно замѣтилъ, — былъ сынъ ножевщика и потому съ его стороны было естественно желаніе возвысить въ мнѣніи общества тѣхъ, кто занимался какимъ нибудь ремесломъ; понятно, что изъ мастерской своего добраго отца онъ долженъ былъ вынести чувство симпатіи и уваженія къ ловкости и трудолюбію. 3) Объяснительные рисунки, за изданіемъ которыхъ Дидро слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ въ теченіи почти тридцати лѣтъ, замѣчательны по своему богатству, по своей ясности и законченности и во всѣхъ отношеніяхъ по истинѣ превосходны. Но въ нихъ еще болѣе поражаетъ

1) *Travels in France*, p. 600.

2) *Ibid.*, I. 63.

3) *Розенкранцъ*, I. 219.

насъ что-то въ родѣ поэтическаго чувства, которое превращаетъ простое изображеніе какого нибудь занятія въ одушевленную картину человѣческой жизни, возбуждающую въ насъ сочувствіе и дѣйствующую на наше воображеніе, какъ будто передъ нашими глазами какая нибудь драматическая сцена. Живость, ловкость и проворство рабочихъ въ плавильнѣ, у печи, гдѣ льютъ стекло, на пороховомъ заводѣ, на фабрикѣ шелковыхъ матерій изображены съ такимъ же искусствомъ, какъ и болѣе спокойныя занятія молочницы, швеи, кондитера, наборщика, аптекаря или чеканщика. Рисунки напоминаютъ намъ то живое сочувствіе къ своей работѣ, ту всегдашнюю къ ней готовность, которыя составляютъ такую привлекательную черту характера въ лучшихъ французскихъ мастерахъ. Трудно себѣ представить, какое одушевленіе господствуетъ въ этихъ огромныхъ фоліантахъ. Они производятъ на васъ такое же впечатлѣніе, какъ еслибы вы съ возвышенностей Монмартра окинули взоромъ Парижъ. Перелистывая одинъ за другимъ эти томы, вы точно будто разсматриваете великолѣпную панораму всей дѣловой жизни того времени. Въ нихъ мелкія подробности поражаютъ васъ столько же своей тщательной отдѣлкой, сколько своей удобопонятностью. Самый мелкій рабочий инструментъ, узелокъ на ниткѣ, сгибъ на веревкѣ, изгибъ ручной кисти или пальца, — все это изображено съ замѣчательной точностью. Читатель улыбается при видѣ полного и тщательнаго подбора выкроекъ портнаго. Онъ содрогается, когда доходитъ до ножей, зондовъ, бандажей и когда видитъ въ какомъ положеніи долженъ лежать несчастный больной, надъ которымъ будетъ производиться одна изъ самыхъ опасныхъ хирургическихъ операцій. Для всѣхъ главныхъ отраслей промышленности есть гравюры, достаточно хорошо объясняющія и практическія особенности дѣла и внѣшнюю его обстановку. Намъ уже приходилось говорить о томъ, что Дидро самъ посѣщалъ мастерскія, наблюдалъ за ходомъ работъ, задавалъ тысячи вопросовъ, садился за твандей станокъ, приказывалъ разобрать всю машину по частямъ и въ его присутствіи снова ее собрать, бралъ на себя какую нибудь тяжелую работу исполняемую подмастерьями и работалъ плохо съ цѣлю, какъ онъ самъ говорилъ, сдѣлаться способнымъ научить другихъ, какъ слѣдуетъ хорошо работать. То не была пустая риторическая фраза, когда онъ воскликнулъ, что Энциклопедія должна сдѣлаться святилищемъ, въ которомъ человѣческія знанія могли бы укрыться отъ разрушительнаго вліянія времени и революцій. Онъ дѣйствительно постарался сдѣлать изъ нея полный складъ практическихъ знаній, столь удовлетворительный во всѣхъ своихъ подробностяхъ, что можно бы было разомъ возстановить всѣ эти знанія въ томъ случаѣ, еслибы потопъ уничтожилъ все кромѣ одного экземпляра

Энциклопедіи. Такія подробности, говоритъ д'Аламберъ, можетъ быть покажутся крайне неумѣстными для тѣхъ ученыхъ педантовъ, которые нашли бы въ высшей степени интересными и цѣнными длинныя диссертациі о поваренномъ искусствѣ или о прическѣ у древнихъ, о мѣстоположеніи какой нибудь давно разрушившейся деревушки, о томъ какое имя получилъ при крещеніи какой нибудь малоизвѣстный писатель десятаго столѣтія. Онъ утверждаетъ, что подробности, касающіяся государственнаго хозяйства, ремеслъ и торговли имѣютъ не менѣе права на вниманіе, чѣмъ схоластическая философія, или какая нибудь еще не вышедшая изъ употребленія риторическая система, или тайнства геральдики. Однако и изъ этихъ послѣднихъ предметовъ ни одинъ не былъ упущенъ изъ виду. ¹⁾

Значеніе, придаваемое въ Энциклопедіи естественнымъ наукамъ и практическимъ искусствамъ, было признакомъ и примѣрнымъ объясненіемъ двухъ элементовъ совершившагося въ наше время великаго перерожденія. Оно служитъ исходомъ и для социальнаго и для умственнаго переворота. Во первыхъ мы видимъ здѣсь, что мирнымъ занятіямъ присвоиваются тѣ же почести и та же слава, какія до тѣхъ поръ были исключительнымъ удѣломъ рыцарей и монаховъ, войны и аскетизма, — то есть удѣломъ тѣхъ, кто сражался и молился. Это — ничто иное, какъ определенное признаніе тѣхъ самыхъ основъ, на которыхъ зиждется современное намъ общество. Еслибы дворянство и духовенство поняли такъ же ясно какъ Дидро и д'Аламберъ, какая непреодолимая сила препятствовала сохраненію старой системы, то можно бы было избѣгать всѣхъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, которыми сопровождались великія политическія перемѣны, происшедшія въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка. Что дворянство и духовенство не хотѣли этого понять, — было гибелью для революціи. Въ слѣдующихъ пяти или шести строчкахъ статьи *Journalier*, мы видимъ проблескъ того глубокаго измѣненія социальныхъ идей, которое совершалось въ то время. «Поденьщикъ — такой рабочій, который занимается ручной работой и получаетъ жалованье поденно. Этого рода люди составляютъ большинство націи; хорошее правительство должно имѣть главнымъ образомъ въ виду ихъ положеніе. Если поденьщикъ въ нищетѣ и вся нація бѣдна». Въ другомъ мѣстѣ говорится: «Равномѣрно распределенныя чистыя прибыли всего общества должны быть предпочитаемы болѣе значительнымъ прибылямъ, неравномѣрно распределеннымъ, такъ какъ эти послѣднія раздѣляютъ народъ на два класса — на людей утопающихъ въ изыткѣ и на людей, гибнущихъ въ нищетѣ» (Note).

¹⁾ Предисл. къ тому III.

Второй элементъ въ новѣйшемъ перерожденіи есть лишь интеллектуальная сторона перваго изъ нихъ. Онъ заключается въ томъ, что вмѣсто того чтобъ заниматься словами занимаются самимъ предметомъ,—въ томъ, что споры о внѣшней формѣ выраженія замѣняются приобрѣтеніемъ положительныхъ знаній. Теперь уже немного такихъ людей, которые не признаютъ услугъ, оказанныхъ схоластиками умственному развитію Европы. Но въ ту пору уже все было зрѣло для того, чтобъ довести до конца умственное движеніе, исходившее отъ Бэкона и Декарта и окончательно поставить на подобающее имъ мѣсто и словесный анализъ, и словесныя опредѣленія и словесные выводы. Форма должна была утратить первенство надъ содержаніемъ. Энциклопедисты постоянно указываютъ на контрастъ между ихъ собственнымъ вѣкомъ практическаго раціонализма и «мелочнымъ вѣкомъ хорошаго вкуса». Въ статьѣ *Bibliomanie* говорится о большой коллекціи книгъ, какъ о коллекціи матеріаловъ для исторіи человѣческаго ослѣпленія и самоубійствія. Собира- тель книгъ сравнивается съ такимъ человѣкомъ, который вкладываетъ пять или шесть драгоценныхъ камней въ кучу булыжника. Если здравомыслящій человѣкъ замѣтитъ, что въ приобрѣтенной имъ дюжинѣ воломовъ достойна вниманія лишь полдюжина страницъ, онъ хорошо сдѣлаетъ, если вырѣжетъ изъ нихъ эти страницы, а все остальное броситъ въ огонь. Наконецъ, надъ входомъ во всякую большую бібліотеку не была бы неумѣстной слѣдующая надпись: *Бедламъ человеческого ума*. Относительно этого можно бы было замѣтить д'Аламберу, что изученіе патологіи ума вовсе не дурное вспомогательное средство для того, кто желаетъ проникнуть въ тайны человѣчества и его жизни. Но въ его время чувствовалась потребность не въ знакомствѣ съ мыслями, мечтаніями и умственными методами прошлаго, а въ умѣнны пользоваться тѣмъ, что годно для дѣятельной жизни. Во всякомъ случаѣ Дидро былъ правъ, когда говорилъ, что очеркъ, въ которомъ писатель высказываетъ отрывочно одну или двѣ гениальныя идеи, имѣетъ въ его глазахъ предпочтеніе надъ трактатомъ, въ которомъ драгоценныя перлы завалены цѣлой грудой повтореній... «У человѣка была лишь одна идея; для ея выраженія требовалась не болѣе какъ одна фраза; эта полная смысла и значенія фраза была бы усвоена читателемъ съ наслажденіемъ, но когда она залита цѣлымъ потокомъ словъ, она надѣдаетъ и внушаетъ отвращеніе». ¹⁾ Даже у Руссо не было болѣе сильнаго чѣмъ у Дидро или д'Аламбера отвращенія къ тѣмъ, кто любитъ книги только ради ихъ самихъ. Мы составили бы себѣ совершенно

¹⁾ Дидро *Oeuvres*, IV. 24.

ошибочное понятіе объ Энциклопедіи, еслибы стали смотрѣть на нее какъ на литературное или философское произведеніе.

Положеніе, занятое Энциклопедіей по отношенію къ религіи, представлялось въ ложномъ свѣтѣ почти всѣми, кто описывалъ ту эпоху. Насъ постоянно увѣряли, что цѣль тѣхъ, кто руководилъ составленіемъ Энциклопедіи, заключалась въ проповѣдываніи догматическаго атеизма. Этому не сталъ бы утверждать тотъ, кто самъ прочелъ бы теологическія статьи, — все равно самыя выдающіяся или самыя ничтожныя. Додумался ли окончательно въ ту пору самъ Дидро до атеизма или нѣтъ, во всякомъ случаѣ можно положительно сказать, что Энциклопедія представляетъ лишь одну фазу раціоналистическаго скептицизма. Что критика энциклопедистовъ дѣйствовала разрушительно на многія народныя вѣрованія и что она стремилась къ тому, чтобъ ихъ уничтожить, — это не подлежитъ сомнѣнію, и было неизбѣжнымъ результатомъ ихъ усилій. Но когда насилія 1793 и 1794 годовъ, — а всѣ насилія революціонеровъ вмѣстѣ взятые составляютъ лишь одну каплю въ сравненіи съ потоками крови, которыми окрасили исторію католицизмъ и абсолютизмъ, — когда преступленія и смуты конца прошедшаго столѣтія приписываются историками матеріализму и атеизму Энциклопедіи, мы можемъ на это лишь замѣтить, что такое мнѣніе есть искаженіе истины. Матеріализмъ и атеизмъ таились вовсе не тамъ. Нападки на религію были внушены и были направляемы тѣми же социальными идеями, которыми были пронизаны экономическія статьи. Священникъ былъ врагомъ общества, покровительствовалъ праздности, ненавидѣлъ научныя познанія, не признавалъ гражданскихъ узаконеній, безъ всякой для кого либо пользы поглощалъ достояніе націи и сверхъ того угнеталъ другихъ. Священство — вотъ что было цѣлю нападокъ со стороны энциклопедистовъ. Чтобъ подкопаться подъ него, нужно было прежде всего установить принципъ терпимости, потому что католическій священникъ заявляетъ притязаніе на то, чтобъ его одного считали обладателемъ спасительной доктрины. Затѣмъ было нужно искоренить принципъ чудесъ, такъ какъ католическій священникъ при ежедневномъ исполненіи обрядовъ выдаетъ себя за священное орудіе чудодѣянія. «Пробѣгите», — основательно замѣчаетъ Розенбранцъ, — «сотни исторій церкви, государства, литературы, и въ каждой изъ нихъ вы прочтете, что Энциклопедія распространяла духъ безбожія. Это обвиненіе лишь относительно вѣрно, а именно оно вѣрно лишь въ томъ отношеніи, что Энциклопедія нападала на вѣру въ чудеса и на угнетенія совѣсти, исходившія отъ священнической аристократіи». ¹⁾

¹⁾ Diderots Leben, I. 157.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ начала и до самаго конца Энциклопедіи въ ней незамѣтно послѣдовательной и опредѣленной манеры относиться къ обсуждаемымъ предметамъ. А предсказаніе д'Аламбера, — что время раскроетъ передъ глазами читателя, что на самомъ дѣлѣ хотѣлъ высказать авторъ, писавшій подѣ влияніемъ опасенія преслѣдованій со стороны цензуры, — осуществилось лишь отчасти.

Понятіе о чудесахъ было распатано не прямыми аргументами, а косвеннымъ влияніемъ науки и указаніями на успѣшные результаты научнаго метода. Въ этомъ случаѣ Энциклопедія дѣйствительно имѣла разрушительное вліяніе и достигла его единственнымъ путемъ, которымъ оно можетъ быть достигнуто съ успѣхомъ. Чудо божественнаго откровенія, божественнаго милосердія и совершаемыхъ во время католической обѣдни таинствъ, стало представляться людямъ въ иномъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ они болѣе ознакомились съ физическими законами вселенной. Вліянію Энциклопедіи на читателей слѣдуетъ приписать не столько то, что они утратили вѣру въ мистеріи, сколько то, что они стали менѣе прежняго интересоваться этимъ предметомъ. Таковъ нормальный ходъ разложенія теологическихъ вѣрованій. Энциклопедія раскрывала передъ глазами читателя множество научныхъ понятій по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, удивительный рядъ открытій, живую панораму побѣдъ, одержанныхъ человѣческимъ искусствомъ и трудолюбіемъ. Созерцаніе чудесъ, совершенныхъ самимъ человѣкомъ, замѣнило самоуглубленіе въ чудеса, приписываемыя богамъ. Эти послѣдніе не то, чтобъ были отвергнуты прямодушными читателями, а были мало по малу упускаемы изъ виду и предаваемы забвенію. Теперь уже никто не задастъ себѣ труда опровергать существованіе Юпитера и Юноны, сатировъ и лѣсныхъ нимфъ.

Дидро постоянно настаиваетъ на томъ, какъ важно и необходимо отдѣлять сферы знанія и философіи отъ сферы богословской.... И въ наше время заботятся о такомъ разграниченіи, потому что видятъ въ немъ средство спасти теологію; но Дидро смотрѣлъ на него какъ на средство спасти философію. Онъ полагалъ, что рѣшительное господство положительныхъ знаній въ самыхъ широкихъ предѣлахъ той сферы, которую они тогда обнимали, въ концѣ концовъ отгѣснить теологическія идеи въ ихъ собственную сферу, которая такъ далека отъ насъ и такъ не плодотворна, что люди не захотятъ напрасно тратить свои силы, чтобъ проникать туда. Онъ имѣлъ въ виду замѣнить старыя пріемы мышленія и старыя цѣли умственной дѣятельности новыми. Онъ былъ увѣренъ, что новое знаніе и новые взгляды на человѣческую жизнь выше старыхъ и по своей практической примѣнимости и по своему внутреннему до-

стоинству. Это доказываетъ, что его философія имѣла созидательную цѣль. На мѣсто непродуцируемыхъ теологическихъ интересовъ, уже отжившихъ свое время, онъ поставилъ тѣ великія группы живыхъ и плодотворныхъ интересовъ, которыя разсыпаны и ярко блещутъ въ волюмахъ Энциклопедіи. Вотъ въ чемъ заключался настоящій вредъ, который Энциклопедія нанесла церкви, какъ органу неподвижнаго суевѣрія. Нѣкоторыя статьи напоминаютъ намъ, что Франція стояла въ ту пору на какой то странной пограничной чертѣ между унижительными суевѣріями и благотворнымъ свѣтомъ знанія. Читателя въ такой степени охватываетъ новый духъ, который неослабимо сказывается во всемъ произведеніи энциклопедистовъ, что когда тамъ появляются ради формы теологическія бредни, изложенныя во всемъ ихъ торжественномъ ортодоксальномъ величіи, онъ ясно сознаетъ, что во всемъ этомъ есть какое то противорѣчіе и несообразность, и подмѣчаетъ нѣчто въ родѣ тонкой ироніи, забавляющейся надъ цензоромъ подъ самыми его глазами. Кто не улыбнется, читая слѣдующій серьезно поставленный вопросъ: *Adam, le premier de tous les hommes, a-t-il été philosophe?* Вопросы въ родѣ такого: слѣдуетъ ли крестить выкидышей? уже перестали интересовать ту публику, которая начала вопитываться на спорахъ о пользѣ оспопрививанія.

Никто не сознавалъ такъ ясно крупныхъ недостатковъ Энциклопедіи, какъ самъ Дидро. Онъ составилъ весьма объемистый списокъ тѣхъ отдѣловъ, которые были неудовлетворительны. ¹⁾ Но достоинства обширной группировки столькихъ предметовъ едва ли уменьшались отъ того, что были указаны всѣ ошибки и пробѣлы. Соединеніе всѣхъ этихъ мірскихъ познаній въ одно колоссальное цѣлое придавало имъ какую то величественность. Они были изложены такъ, что представляли изъ себя массивный и великолѣпный фронтъ. Они были изображены передъ любопытствующими взорами того поколѣнія какъ огромный городъ съ блестящими дворцами и роскошными палатами, или, — пожалуй, — какъ громадный ландшафтъ, съ горами, равнинами, утесами, водами, лѣсами, животными и тысячами другихъ предметовъ, обнаруживавшихъ при солнечномъ освѣщеніи свое величіе и красоту. Теологія, очевидно, должна была утратить прежнее значеніе. Люди начинали понимать, какъ обширна вселенная. вмѣстѣ съ тѣмъ и все тѣмъ же способомъ Энциклопедія давала имъ ключъ для пониманія цѣлаго, давала имъ нить, за которую они могли держаться, чтобъ не заблудиться въ этомъ громадномъ лабиринтѣ. Впрочемъ генеалогическое древо, или классификація искусствъ и наукъ, помѣщенная въ концѣ *Проспектуса* и

¹⁾ О е u v. XX. 132.

заимствованная съ незначительными измѣненіями отъ Бэкона, была ошибочна и неудовлетворительна. Она распредѣляла различныя отрасли знанія по отношенію къ способностямъ человѣческаго ума, вмѣсто того, чтобъ группировать ихъ сообразно съ ихъ взаимной объективной связью. Это привело къ многимъ непригляднымъ результатамъ, какъ на примѣръ къ тому, что искусство печатанія фигурируетъ въ отдѣлѣ ореографіи въ качествѣ подраздѣленія логики, къ которой отнесено также знаніе геральдики или объясненія гербовъ. Было также ошибочно то, что архитектура дѣлилась на три отдѣла и затѣмъ гражданская архитектура была отнесена къ національной юриспруденціи, а морская архитектура къ социальной юриспруденціи, тогда какъ въ отдѣлѣ изящныхъ искусствъ не было мѣста ни для какой архитектуры. Но даже послѣ того какъ мы умножили бы до крайнихъ предѣловъ эти порицанія, все таки общее впечатлѣніе, производимое величиємъ и шириною предпріятія, нисколько бы отъ того не уменьшилось.

Еще болѣе замѣчательнымъ, чѣмъ изложеніе человѣческихъ знаній, было объясненіе той постепенности, съ которой эти знанія медленно пріобрѣтались. *Предварительное объясненіе* къ Энциклопедіи, большая и лучшая часть котораго написана д'Аламберомъ, содержитъ въ себѣ прекрасный обзоръ развитія наукъ, мышленія и литературы со времени возобновленія научныхъ изслѣдованій. Это ничто иное какъ благородная канонизація великихъ героев мірскаго знанія. Оно кратко, но оцѣнка Бэкона, Декарта, Ньютона, Локка, Лейбница представляетъ такой рядъ очерковъ, который вноситъ въ умъ читателя понятіе о правильномъ ростѣ и постепенномъ развитіи. Это возбуждало живое и полное надеждъ сочувствіе, которое незамѣтно но очень рѣшительно оттѣсняло бесплодныя положенія догматической теологіи на задній планъ, гдѣ все было тускло и непривлекательно. И это еще не все. *Предварительное объясненіе* и масса статей, на которую оно ссылалось, доказывали, что торжество знанія и правильность взглядовъ на вещи были достигнуты при двухъ условіяхъ. Первымъ изъ этихъ условій было рѣшительное пренебреженіе къ авторитету, вторымъ — воздержаніе отъ преждевременнаго составленія какой либо системы. Господство невѣжества и предразсудковъ укоренилось благодаря уваженію къ традиціи: воцаренію истины препятствовали искусственные межевые столбы, которые къ сожалѣнію слишкомъ глубоко влоачивались авторами системъ. А такъ какъ общій духъ теологіи по существу своему и авторитетный и систематическій, то упомянутое пренебреженіе было обильно непосредственными результатами. Его влияніе сказывалось еще инымъ путемъ. И Сорбонна, и университеты, и ученые — всѣ отождествляли ортодоксію съ картезианизмомъ. «Трудно повѣрить», —

говорилъ д'Аламберъ въ 1750, — «что только въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ стали отвергать картезіанизмъ». Онъ могъ бы прибавить къ этому, что одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ его современниковъ Монтескьё оставался до конца жизни твердымъ приверженцемъ Декарта. «Наша нація», — говоритъ онъ, — «хотя и очень любить переменны во всемъ, что есть дѣло вкуса, но въ научныхъ предметахъ чрезвычайно привязана къ старымъ мнѣніямъ». Это замѣчаніе вѣрно даже по отношенію къ Франціи нашего времени, и еслибы мы имѣли на то достаточно свободнаго времени, мы могли бы сдѣлать интересное отступленіе, постаравшись выяснитъ все его значеніе. Во всякомъ случаѣ Франція можетъ считать, что она произвела одного замѣчательнаго нововводителя — самого основателя картезіанизма. Д'Аламберъ указываетъ на то, что ученики нарушали основные принципы своего руководителя. Онъ считаетъ отжившей и даже смѣшной гипотезу, принимающую существованіе массъ эфира, вращающихся около оси и доктрину о врожденныхъ идеяхъ, но мы не должны забывать, говоритъ онъ съ изысканной искренностью, что Декартъ былъ тотъ, кто указалъ намъ путь, кто показалъ интеллигентнымъ людямъ, какъ слѣдуетъ сбрасывать съ себя его схоластики, установившихся мнѣній и авторитета, — однимъ словомъ его предрассудковъ и варварства. Тѣ, которые остаются вѣрными его гипотетической системѣ, отказываясь отъ его метода, можетъ быть и могли-бы быть послѣдними его приверженцами, но они никогда не могли бы быть лучшими его учениками.

Подъ словомъ система Энциклопедисты разумѣли болѣе или менѣе связныя сочетанія легкомысленныхъ догадокъ. Нѣкоторые утверждаютъ, будто настоящая заслуга философовъ или естествоиспытателей заключается въ томъ, что у нихъ есть духъ системы, но что они никогда не строили никакихъ системъ. Понятіе, выраженное въ этомъ приговорѣ, обозначаетъ сочетаніе выгодъ органическаго синтеза съ выгодами свободы ума и ничѣмъ не стѣсняемыхъ изслѣдованій. Было бы странно думать, говоритъ д'Аламберъ, что въ анатоміи нечего болѣе открывать, потому что анатомы занимаются изслѣдованіями, которыя могутъ казаться ни къ чему негодными, но которыя нерѣдко оказываются весьма пригодными въ своихъ послѣдствіяхъ. Было бы не менѣе нелѣпо, еслибы мы наложили запретъ на ученость подъ тѣмъ предлогомъ, что наши ученые нерѣдко занимаются самыми мелочными предметами.

Въ Энциклопедіи насъ постоянно поражаетъ искреннее желаніе доискаться самаго вѣрнаго взгляда единственнымъ вѣрнымъ путемъ, — путемъ подробнаго, всесторонняго и свободнаго обсужденія. Такъ на примѣръ въ статьѣ *Fermes Générales* разсматривается вопросъ о томъ, какъ лучше собирать налоги — черезъ посредство откуп-

щиковъ или непосредственно черезъ агентовъ, находящихся на содержаніи и подъ надзоромъ правительства. Монтескьё рѣшительно высказался за второй изъ этихъ способовъ, извѣстный подъ названіемъ Régie. Авторъ статьи перечисляетъ всѣ девять соображеній, приводимыхъ Монтескьё въ подтвержденіе его мысли, и за тѣмъ на каждое изъ нихъ онъ дѣлаетъ то возраженіе, которое говоритъ въ пользу противоположнаго вывода. Въ концѣ статьи, издатели Энциклопедіи помѣстили слѣдующую замѣтку:—«Помѣщая эту статью мы руководствовались чувствомъ безпристрастія и желаніемъ вызвать обсужденіе и разъясненіе этого важнаго вопроса. Такъ какъ главная цѣль Энциклопедіи—общественная польза и просвѣщеніе, то мы готовы вставить въ статью Régie всѣ тѣ доводы за и противъ, какіе намъ будутъ къмъ либо доставлены съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ они были изложены толково и умѣренно». Увы! если мы обратимся къ статьѣ Régie, мы найдемъ, что это обѣщаніе не было исполнено и что тамъ нѣтъ ничего кромѣ дюжины бѣдныхъ содержаніемъ строчекъ. Но съ тѣхъ поръ прошли восемь лѣтъ бурныхъ тревогъ и немало хорошихъ намѣреній потерпѣли крушеніе. Но все таки приведенное извѣщеніе свидѣтельствуетъ о томъ, каковы были цѣли и духъ проекта въ его первоначальномъ видѣ.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на томъ, какими аргументами поддерживали энциклопедисты свой взглядъ на религіозную терпимость. Они были самыми усердными распространителями новѣйшаго принципа терпимости. Всѣмъ извѣстно, что это было нѣчто болѣе, чѣмъ отвлеченный споръ между знатоками соціальной философіи въ такой странѣ, гдѣ юношей колесовали за легкомысленное отношеніе къ церковной процессіи, гдѣ почти всякій замѣчательный человѣкъ того вѣка подвергался изгнанію или тюремному заключенію за то, что употреблялъ въ дѣло свои умственные способности и которая была почти доведена до разоренія, благодаря неоднократно возобновлявшимся преслѣдованіемъ протестантовъ. Статьей Tolérance очень восхищались въ то время; это было краснорѣчивое и увлекательное воспроизведеніе аргументовъ Локка. Въ ней поражаетъ насъ удивленіемъ воспроизведеніе того мѣста изъ *Общественнаго Договора*, въ которомъ Руссо доказываетъ право судьи подвергать изгнанію всякаго, кто недостаточно религіозенъ для того чтобъ исполнять свои обязанности и кто не хочетъ исполнять гражданскую вѣру. По мнѣнію автора статьи въ словахъ Руссо выражена та мысль, что «атеисты, отнимающіе у людей сильныхъ единственное, что могло бы ихъ обуздать, а у людей слабыхъ ихъ единственную надежду», не имѣютъ права взывать къ терпимости. Эта вставка поражаетъ неожиданностью въ такомъ

произведеніи, которое по общепринятому мнѣнію было самымъ рѣзкимъ воззваніемъ въ пользу атеизма ¹⁾).

Самъ Дидро еще прежде того обсуждалъ этотъ же предметъ въ статьѣ *Intolérance*, но въ болѣе рѣзкомъ тонѣ. Онъ не излагалъ систематически свои доводы, а точно будто металлъ въ публику своими принципами, стиснувши зубы, сжавши кулаки, и сверкая изъ глазъ молніей, какъ изъ громовой тучи. Онъ напалъ на тѣхъ, кто угнеталъ его въ теченіе всей его жизни, на духовенство и на парламенты, съ такой язвительностью, которая смѣшала читателя, а въ заключеніе онъ описываетъ что за человѣкъ тотъ, кто не признаетъ терпимости; это, по его словамъ, такой человѣкъ, который забываетъ, что другіе люди его собраты и относится къ нимъ какъ къ хищнымъ звѣрямъ потому только, что они не однихъ съ нимъ мнѣній; это—такой человѣкъ, который приноситъ въ жертву своей гордости духъ и правила своей религіи, это—дерзкій безумецъ, воображающій, что сводъ небесный не обрушится только въ томъ случаѣ, если онъ самъ будетъ поддерживать его своими руками; это—такой человѣкъ, у котораго вообще нѣтъ никакой религіи и которому гораздо удобнѣе имѣть усердіе, чѣмъ нравственные принципы. Дѣйствительно, каждая страница Энциклопедіи была заступничествомъ за терпимость. Это усилило нерасположеніе духовенства къ произведенію Энциклопедистовъ еще болѣе, чѣмъ ихъ нападки на догматы, потому что для большинства лицъ духовнаго званія власть была дороже истины. А въ пользованіи властью они всего болѣе цѣнили отвратительное право налагать честными или нечестными путями запретъ на всякое мнѣніе, которое не было официальнымъ.

III.

Послѣ того какъ мы обрисовали общій характеръ и значеніе Энциклопедіи, намъ остается еще рассмотреть одну ея часть съ болѣе специальной точки зрѣнія. Мы уже видѣли, какъ разнообразны были труды Дидро въ качествѣ издателя. Намъ остается сдѣлать краткій очеркъ его занятій въ качествѣ сотрудника. У него все было на широкую ногу; его дѣятельность по составленію статей была бы удивительна даже въ томъ случаѣ, если бы къ ней не присоединялась болѣе тяжелая обязанность просматривать то, что было написано другими. Статьи самого Дидро наполняютъ болѣе чѣмъ четыре огромныхъ тома въ полномъ собраніи его сочиненій.

¹⁾ Авторъ ея—Ромилли, избранный впоследствии въ пасторы одной изъ французскихъ протестантскихъ церквей Лондона. См. *Memoirs of Sir Samuel Romilly*, I, 65.

Здѣсь господствуетъ страшный безпорядокъ. Въ иныхъ статьяхъ направленіе историческое, въ иныхъ полемическое; инныя написаны въ критическомъ духѣ, инныя въ догматическомъ. Въ одномъ мѣстѣ Дидро говоритъ отъ своего собственнаго лица, а въ другомъ онъ выражается какъ непрічастный къ дѣлу переписчикъ, пишущій подъ диктовку невидимаго автора. Здѣсь нѣтъ ни определенной мѣры, ни установленныхъ размѣровъ. Намъ приходится безпрестанно переходить отъ серьезнаго разсужденія къ какой нибудь остроумной выходкѣ, отъ тщательно обработаннаго историческаго очерка къ какому нибудь произведенію фантазіи; не мало есть и такихъ страницъ, на которыхъ Дидро, очевидно, говоритъ не то что думаетъ. Нѣкоторыя статьи повидимому попали туда только потому, что Дидро именно въ тотъ моментъ случайно заинтересовался ихъ сюжетомъ. Прочитавъ коротенькую статью Вольтера о *Воображеніи*, мы удивляемся, видя что Дидро отвелъ болѣе широкое мѣсто для такой второстепенной отрасли этого предмета, какъ *Вліяніе воображенія беременныхъ женщинъ на будущиxъ дѣтей*. Статья о *Терософахъ* едвали была бы такъ чрезмѣрно длинна только ради Парацельса, Ван-Гельмона, Пуаре и Розенкрейцеровъ, еслибы Дидро не заинтересовался въ ту пору тѣмъ сочетаніемъ вдохновенія съ сумасбродствомъ и шарлатанства съ благородными стремленіями, которое обнаруживалось въ полу-мистическомъ, полу-научномъ направленіи названныхъ личностей ¹⁾.

Сверхъ того многія изъ статей Дидро не имѣли права на то, чтобъ занимать мѣсто на страницахъ Энциклопедіи. Такъ напримѣръ статья о *Геній* есть ничто иное какъ полный жизни и внутреннихъ намековъ, но очень растянутый литературный очеркъ; онъ содержитъ въ себѣ, — мимоходомъ замѣтить, — странное утвержденіе, что хотя у Локка мало заблужденій, а у Шафтсбери слишкомъ мало истинъ, однако у Локка былъ лишь проницательный и обширный умъ, тогда какъ у Шафтсбери былъ первоклассный геній.

Подъ словомъ *Трудолюбивый* мы находимъ лишь дюжину строкъ съ яростными нападками на деспотизмъ, который дѣлаетъ людей лѣнтяями, потому что не обезпечиваетъ права собственности. Подъ словами *Легкомысленный*, *Святская любезность*, *Совершенство*, *Важность*, *Възлivity*, *Меланхолия*, *Славный читатель* находятъ забавные и поучительные миниатюрные очерки нравовъ и характеровъ, нерѣдко заканчивающіеся какой нибудь пророческой

¹⁾ Въ этой статьѣ есть интересная страница, на которой идетъ рѣчь о характеристическихъ особенностяхъ и превратной судьбѣ гениальныхъ людей. Мы должны отнести къ этому разряду людей Пиндара, Эсхила, Мойсея, Иисуса Христа, Магомета, Шекспира, Рожеера Бэкона и Парацельса. —XVI, 265—7.

сентенціей и меткимъ правоученіемъ. Иногда (какъ напр. въ статьѣ *Grandeur*) попадаетъ очаровательный очеркъ, написанный на манеръ Ла-Брюэйра. Подъ глаголомъ *Naitre*, помѣщенномъ въ отдѣлѣ грамматики, мы находимъ слѣдующее мѣсто, не имѣющее ничего общаго съ грамматикой:—

«Слова жизнь и смерть не имѣютъ ничего абсолютнаго; они лишь обозначаютъ послѣдовательныя состоянія одного и того же существа; для того, кто сильно проникнуть этимъ философскимъ понятіемъ, урна содержащая въ себѣ прахъ отца, матери, мужа, любовницы, есть по истинѣ трогательная вещь; въ ней еще сохранились и жизнь и теплота; этотъ прахъ можетъ быть и до сихъ поръ чувствуетъ наши слезы и отвѣчаетъ на нихъ; кто можетъ утверждать, что движеніе, возбуждаемое нашими слезами въ то время, какъ они омывають этотъ прахъ, совершенно лишено чувствительности?»

Этотъ легкій взрывъ смѣшной сантиментальности подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, кто говорилъ, что изъ всѣхъ французовъ Дидро всего болѣе похожъ на нѣмца ¹⁾. Столько же характеристичны и еще болѣе сантиментальны нападки автора на *Формалистовъ*. «Формалистъ хорошо знаетъ, какой надлежащій промежутокъ времени между полученіемъ визита и возвращеніемъ его; онъ ожидаетъ васъ именно въ такой то день и въ такой то часъ; если же вы не явитесь, онъ принимаетъ это за доказательство вашего въ нему пренебреженія и входитъ въ обиду. Одинъ человекъ этого покроя способенъ навести тоску и смущеніе на цѣлое общество. Ничто такъ не противно простымъ и прямодушнымъ людямъ, какъ эти формальности; такъ какъ имъ присуще сознание того доброжелательства, съ которымъ они относятся ко всѣмъ другимъ людямъ, то они не стараются постоянно выказывать такое чувство, которое имъ привычно, и не требуютъ его постоянно отъ другихъ». Съ этимъ мнѣніемъ имѣетъ нѣкоторую аналогію его презрѣніе къ педантамъ, которые возстаютъ противъ употребленія словъ, представляющихъ смѣсь изъ различныхъ языковъ:—«Если какое нибудь слово, составленное изъ одного греческаго и одного латинскаго слова, хорошо выражаетъ мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе удобно для произношенія и болѣе пріятно для слуха, нежели то, которое составлено изъ двухъ греческихъ или двухъ латинскихъ словъ; зачѣмъ употреблять послѣднее?» (*Nibrides*). Нѣкоторыя статьи ничто иное какъ рѣзкія выходки противъ враговъ. Напримѣръ подъ словомъ *Pardon* мы читаемъ:—«Нужно

¹⁾ Та же мысль еще болѣе ярко выражена въ одномъ изъ писемъ къ двинцѣ Волянъ (15 окт. 1759, XVIII. 408), гдѣ Дидро вступаетъ за тѣхъ, которые проведя всю жизнь во взаимной привязанности, желаютъ быть похороненными другъ подлѣ друга.

много сдержанности, много скромности, много ловкости, для того чтобъ заставить другихъ извинять намъ наше превосходство. Тѣ, которые привели въ исполненіе безразсудное предпріятіе, никогда не были въ состояніи простить намъ того, что мы задумали предпріятіе болѣе разумное. Они были бы въ состояніи простить намъ какое нибудь преступленіе, но никогда не простятъ добраго дѣла». *Prostitution* получила мѣсто въ Энциклопедіи только для того, чтобъ можно было примѣнить это гадкое слово къ нѣкоторымъ критикамъ, «которыхъ развелось такъ много и которые безчестятъ (*prostituent*) свое перо изъ за денегъ, изъ за милостей, изъ за неправды и изъ за всѣхъ тѣхъ пороковъ, которые всего болѣе неприличны честному человѣку».

Насъ постоянно изумляетъ и забавляетъ ловкость, съ которой Дидро отклоняется отъ своего предмета съ цѣлю расположить читателя въ пользу тѣхъ теорій терпимости, воздержности отъ рѣшительныхъ приговоровъ и свободы, которая гораздо дороже его сердцу, чѣмъ какой либо чисто научный вопросъ. У него есть небольшая статья объ одномъ изъ низшихъ римскихъ боговъ Айф-Локуціѣ, ораторѣ-вѣщателѣ. Дидро начинаетъ съ разсказа о томъ, какъ это божество мало по малу приобрѣтало извѣстность. Затѣмъ онъ цитируетъ насмѣшливое замѣчаніе Цицерона, что въ то время, когда это божество никому не было извѣстно, оно произносило благотворныя изреченія, но послѣ того какъ ему построили прекрасный храмъ, богъ рѣчи сдѣлался нѣмъ. По этому поводу Дидро наивно приходитъ въ удивленіе, какимъ образомъ такой религіозный народъ, какъ Римляне, допускалъ такія непочтительныя выходки со стороны философовъ. Отсюда было уже не трудно перейти къ тому, при какихъ условіяхъ могло бы правительство позволять новѣйшимъ философамъ опубликованіе ихъ теорій. При этомъ Дидро высказываетъ странную мысль, что всего лучше было бы запретить изданіе какихъ либо сочиненій противъ правительства и религіи, написанныхъ на общеупотребительномъ языкѣ, а тѣмъ, кто пишетъ на языкѣ, понятномъ для однихъ ученыхъ, дозволить издавать все что хотятъ. И на этомъ оканчивается рѣчь объ Айф-Локуціѣ. Мимоходомъ мы сами себѣ задаемъ вопросъ, не было ли бы полезно примѣнить совѣтъ Дидро къ обсужденію нѣкоторыхъ предметовъ, относительно которыхъ свободная рѣчь на общепонятномъ языкѣ едва ли совмѣстима съ *reverentia quae debetur pueris*?

У Дидро не было такого ошибочнаго сознанія важности предпринятаго имъ труда, которое могло бы помѣшать ему примѣшивать къ научнымъ и философскимъ изслѣдованіямъ практическія идеи о мелочныхъ предметахъ вседневной жизни по мѣрѣ того какъ

эти идеи возникали въ его изобрѣтательномъ умѣ. Такъ напримѣръ онъ говоритъ, что для предотвращенія плутней со стороны извозчиковъ и по отношенію къ ихъ хозяевамъ и по отношенію къ публикѣ, слѣдовало бы установить, что всѣ уплаты извозчикамъ производятся на извозничьихъ биржахъ чрезъ посредство особыхъ чиновниковъ и что ни одинъ извозчикъ не имѣетъ права брать сѣдоковъ иначе какъ на одной изъ этихъ биржъ ¹⁾. Говоря о лакеяхъ, онъ указываетъ на ихъ наглость и на печальное положеніе, въ которомъ большинство изъ нихъ оканчиваетъ свою жизнь; за тѣмъ онъ говоритъ, что огромное ихъ число виною того, что нѣтъ достаточно рукъ для обработыванія полей. Это—сельскіе жители, толпами стекающіеся въ Парижъ для того, чтобъ избѣжать военной службы. Въ то время крестьяне превращались въ лакеевъ для избѣжанія рекрутчины, точно такъ же какъ въ наше время они поступаютъ съ этой цѣлю въ духовное званіе. Распространеніе этого зла, говоритъ Дидро, могло бы быть прекращено обложеніемъ ливрейныхъ лакеевъ особымъ налогомъ; но такой налогъ едва ли будетъ когда нибудь наложенъ, потому что онъ слишкомъ обременителенъ.

Не смотря на то, что у него былъ практической и пылкой умъ, Дидро не пренебрегалъ и мелкими литературными сюжетами, когда онъ увлекался юморомъ. Если онъ былъ способенъ написать обширную статью объ Энциклоподіи, о Спинозѣ, объ Академіяхъ и о тканѣ, онъ былъ также способенъ остановиться на словѣ Анаграма и рассказать намъ, что изъ буквъ, входящихъ въ составъ имени убійцы Генриха III Frère Jacques Clément, можетъ быть составлена ужасная фраза: C'est l'enfer qui m'a créé. Онъ способенъ написать нѣсколько интересныхъ страницъ объ *onomatopée* или о способѣ угадывать будущее по имени, которое мы носимъ; онъ способенъ напомнить намъ съ безпристрастіемъ и серьезностью, какъ часто великія имперіи разрушались подъ управленіемъ государей, носившихъ тоже самое имя, какъ ихъ основатели, и какъ нѣкоторыя имена были зловѣщими для государей, какъ напримѣръ Кай у Римлянъ, Іоаннъ во Франціи, Англіи и Шотландіи и Генрихъ во Франціи.

Мѣстами попадаются и анекдоты, которые стоятъ того, чтобъ ихъ прочесть и сохранить. Такъ напримѣръ въ статьѣ *Макиавеллистъ* мы читаемъ:—«Мнѣ рассказывали, что какой-то философъ, на сдѣланный ему однимъ великимъ монархомъ вопросъ, какого онъ мнѣнія о только—что изданномъ Его Величествомъ опроверженіи Макиавеллизма, отвѣчалъ: «Я полагаю, что первый урокъ,

¹⁾ XIV. 32.

который задалъ бы Макиавелли своимъ ученикамъ, заключался бы въ томъ, чтобъ опровергнуть его сочиненія». Очень сомнительно, дѣйствительно ли эти слова были сказаны Вольтеромъ Фридриху Великому, но во всякомъ случаѣ они очень метки. Затѣмъ читатель, только что пробѣжавшій коротенькій очеркъ арабской философіи, развеселяется чтеніемъ поэтическихъ изреченій касательно человѣческой жизни, избранныхъ изъ поэмы Сади *Гюлистанъ*; эта статья оканчивается восточной сказкой, — вовсе не особенно назидательной, — о томъ, какъ три человѣка нашли кладъ; одинъ изъ нихъ положилъ яду въ пищу, за которой былъ посланъ двумя остальными; когда онъ возвратился, они внезапно напали на него и убили, а потомъ съѣли отравленное кушанье, такъ что кладъ не достался ни одному изъ нихъ ¹⁾.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, съ какимъ презрѣніемъ отзывается д'Аламберъ о страсти къ литературнымъ древностямъ, — которая, слѣдуетъ замѣтить, не имѣетъ ничего общаго съ научными изслѣдованіями касательно происхожденія и классификаціи государственныхъ учреждений и органовъ общественной власти. Статья Дидро о *Германцахъ* служитъ превосходной иллюстраціей этого благотворнаго господства научныхъ взглядовъ надъ поверхностными результатами бесплодной эрудиціи. «Слово *Allemand*», — говоритъ Дидро, — «имѣетъ очень много этимологій, но всѣ онѣ натянуты и потому ознакомиться съ ними всеми столько же полезно, сколько не знакомиться ни съ одной изъ нихъ. Что касается происхожденія этого знаменитаго племени, то все, что было сказано объ этомъ предметѣ, начиная съ Тацита и кончая Клодвигомъ, есть не болѣе, какъ сплетеніе ни на чемъ неоснованныхъ догадокъ». Конечно, иные найдутъ это мнѣніе постыдно-лекомысленнымъ, а иные усмотрятъ въ немъ очень здравый взглядъ и правильную оцѣнку того, что можно и что стоитъ знать, и того, чего нельзя и чего не стоить знать. Въ статьѣ о *Безбрачїи* проглядываетъ то же настроеніе ума. Для ознакомленія читателя съ понятіями древнихъ объ этомъ предметѣ, здѣсь вкратцѣ рассказывается, что думали Египтяне, Греки и Римляне о безбрачїи и какіе существовали у нихъ на этотъ предметъ постановленія. Но главное содержаніе статьи есть ничто иное какъ воспроизведеніе размышленій аббата Сенъ-Пьера о томъ, какъ было бы полезно для Франціи, при уменьшающемся ея населеніи, еслибы сорока тысячамъ живущихъ въ ней священниковъ было позволено жениться и произвести на свѣтъ семьдесятъ тысячъ дѣтей. Мы представляемъ себѣ, какъ

¹⁾ *Sagrassins*, XVII. 82. См. также XVIII. 429, откуда видно, какъ Сади приводилъ въ восхищеніе Дидро.

долженъ былъ улыбаться Дидро, когда онъ повторялъ лукавую мысль аббата, что за папой должно быть признано право освобождать отъ обѣта безбрачія и что римская курія должна получать опредѣленное денежное вознагражденіе за каждое дарованное ею разрѣшеніе.

Хотя Дидро и презиралъ бесплодную страсть къ книгамъ, его статья о *Библиотекахъ*, принадлежащая къ числу самыхъ длинныхъ и обработанныхъ самымъ тщательнымъ образомъ, сообщаетъ довольно полный списокъ самыхъ знаменитыхъ книгохранилищъ, начиная съ перваго появленія книгъ и кончая послѣдними вкладками въ королевскую библіотеку въ улицѣ *Vivienne*. Въ этой статьѣ онъ повидимому съ одобреніемъ цитируетъ оригинальныя выраженія, въ которыхъ авторъ *Philobiblon' a* (1340) престарѣлый Ричардъ Бюри восхвалялъ книги какъ нашихъ лучшихъ наставниковъ, подражая въ этомъ случаѣ безсмертному защитнику поэта *Архиака*:—«*Ni sunt magistri qui nos instruunt sine virgis et ferulis, sine cholera, sine pecuniâ; si accedis non dormiunt; si inquiris non se abscondunt; non obmurmurant si oberres; cachinnos nesciunt si ignores*».

Какъ въ своихъ чисто литературныхъ произведеніяхъ, такъ и въ произведеніяхъ философскихъ, Дидро не пропускаетъ случая, чтобъ настаивать на необходимости довольствоваться условными приговорами. Такъ напримѣръ, онъ порицаетъ тѣхъ, кто писалъ исторію человѣческихъ мнѣній, за то, что они приписываютъ всѣмъ евреямъ мнѣнія высказанныя нѣсколькими раввинами, или смѣло выдаютъ за мнѣнія, господствовавшія въ теченіи цѣлаго столѣтія то, что было высказано нѣсколькими отцами церкви, хотя быть можетъ то столѣтіе не оставило намъ никакихъ сочиненій, кромѣ сочиненій этихъ немногихъ отцовъ церкви, и хотя намъ неизвѣстно, встрѣчали ли ихъ произведенія одобреніе и даже были ли они многимъ извѣстны. «Желательно, чтобъ писатели выражались менѣе положительно въ особенности касательно нѣкоторыхъ предметовъ и касательно отдаленныхъ выводовъ, и чтобъ они приписывали эти выводы непосредственно только тѣмъ, въ чьихъ произведеніяхъ они дѣйствительно находятся. Я долженъ сознаться, что въ этомъ случаѣ исторія мнѣній у древнихъ народовъ будетъ казаться не полной и что тогда придется прибѣгать къ нерѣшительнымъ оцѣнкамъ гораздо чаще, чѣмъ это дѣлалось прежде; но, поступая иначе, мы подвергаемся опасности принять неосновательныя и ошибочныя предположенія за достовѣрныя и неоспоримыя истины. Заурядный литераторъ, точно также какъ и заурядный человѣкъ, не любитъ употреблять нерѣшительныя выраженія». Это неумѣстное отступле-

ніе помѣщено подъ заголовкомъ *Гилопатизмъ*, но высказанное здѣсь мнѣніе всегда останется основательнымъ.

Насъ не можетъ удивлять уваженіе, съ которымъ Дидро относился къ Монтэню и Бэйлю, составлявшимъ вмѣстѣ съ Юмомъ великую трицу скептицизма. «Произведенія Монтэня»,—говоритъ Дидро,— «суть пробный камень хорошей интеллигенціи; вы можете быть увѣрены, что у того, кто не находитъ удовольствія въ чтеніи Монтэня, есть какой нибудь порокъ въ сердцѣ или въ умѣ. Что же касается Бэйля, то у него мало равныхъ въ искусствѣ разсуждать, и можетъ быть нѣтъ никого, кто превосходилъ бы его въ этомъ отношеніи; хотя онъ и наваливаетъ горами одни сомнѣнія на другія, онъ всегда послѣдователенъ; вышедшая изъ-подъ его пера статья то же что живой полипъ, раздѣляющійся на множество маленькихъ полиповъ, которые всѣ живутъ, возникая другъ изъ друга»¹⁾. Впрочемъ Дидро чувствовалъ потребность подвинуться впередъ далѣе того пункта, на которомъ остановились Бэйль и Монтэнь. При своемъ пыломъ влеченіи къ удовлетворяющимъ внутреннее чувство несомнѣннымъ истинамъ, онъ съ трудомъ могъ довольствоваться нерѣшительными мнѣніями и сомнѣніемъ.

Дидро всегда готовъ отклониться отъ своего сюжета и разражаться какими нибудь нравоученіями. Статья о *Человѣкѣ*, какъ объ одной изъ отраслей естествознанія, содержитъ въ себѣ вѣрное, хотя и нѣсколько поверхностное, описаніе этого любопытнаго животнаго; въ заключеніе авторъ приводитъ таблицу, которая объясняетъ, сколько лѣтъ можетъ надѣяться прожить человѣкъ въ извѣстномъ возрастѣ. «Замѣтите»,—говоритъ онъ,—«во 1-хъ, что семилѣтній возрастъ есть тотъ, въ которомъ вы можете надѣяться прожить всего дольше; во 2-хъ, что въ двѣнадцати или тринадцати-лѣтнемъ возрастѣ вы прожили четвертую часть вашей жизни, что когда вамъ двадцать восемь или двадцать девять лѣтъ вы прожили половину вашей жизни, а когда вамъ пятьдесятъ — болѣе трехъ четвертой». И затѣмъ онъ неожиданно оканчиваетъ всѣ эти замѣчанія восклицаніемъ:—«О вы, которые добрались до пятидесятилѣтняго возраста, которые наслаждаетесь комфортомъ, и которые еще сохранили и здоровье и силу, чего ждете вы прежде, чѣмъ перейти къ вѣчному покою? Долголи еще будете вы повторять *завтра, завтра*?»

Нерѣдко попадаются блестящія аналогіи и сравненія и очень удачныя мысли и выраженія. Стоиковъ онъ называетъ Янсенистами язычества. «Для того, чтобъ выросъ одинокъ стебелѣкъ травы, нужно чтобъ вся природа этому содѣйствовала». «Человѣкъ впадаетъ въ

¹⁾ См. Pyrrhonienne.

сомнѣнія однимъ изъ слѣдующихъ двухъ путей: или потому, что онъ недостаточно свѣдуешь или потому что онъ знаетъ слишкомъ много; этотъ послѣдній путь не самый употребительный».

Обращаясь къ статьямъ, касающимся теологіи, мы затрудняемся рѣшить, куда мы попали. Иногда Дидро говоритъ о народныхъ суевѣріяхъ съ такой серьезностью, которая была бы умѣстна въ миеологическомъ словарѣ. Иногда онъ нашиваетъ на мрачный сѣрый плащъ своего скептицизма яркочерную заплату изъ деистической декламации. ¹⁾ Статья объ Исусѣ очевидно написана въ общепринятой формѣ, а въ статьѣ *Christianisme* многія мѣста несомнѣнно неискренни. Дойдя до болѣе тщательно изложенной статьи *Providence*, мы не находимъ возможности извлечь изъ нея систему связныхъ идей, о которой можно бы было съ увѣренностью сказать, что она выражаетъ его собственныя убѣжденія или такія убѣжденія, которыя онъ желалъ бы внушить своимъ читателямъ.

Едва ли представляется надобность взвѣшивать, на основаніи высказанныхъ въ Энциклопедіи мнѣній, въ какой мѣрѣ Дидро былъ христіаниномъ или деистомъ. Достаточно пробѣжать его частную переписку, чтобъ убѣдиться, что онъ не только ни въ какой мѣрѣ и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть причисленъ къ послѣдователямъ этихъ ученій, но даже былъ самымъ смѣлымъ и рѣшительнымъ ихъ противникомъ; хотя я и рискую оскорбить чувства людей религіозныхъ, я все таки считаю себя обязаннымъ воспроизвести одинъ отрывокъ изъ его писемъ, изъ котораго мы узнаемъ настоящіе мнѣнія Дидро въ отличіе отъ тѣхъ, которыя онъ считалъ нужнымъ высказывать въ печати. «Католическая религія», — говоритъ онъ, — «представляется мнѣ самой нелѣпой и самой жестокой въ своихъ догматахъ, самой непонятной, самой метафизической, самой запутанной и неясной и потому подающей поводъ къ раздорамъ, къ возникновенію сектъ, расколовъ и еретическихъ ученій, самой вредной для общественнаго спокойствія, самой опасной для монарховъ вслѣдствіе своего іерархическаго устройства, своихъ преслѣдованій и своей дисциплины, самой безвкусной, самой мрачной, самой готической и самой непривлекательной въ своихъ церковныхъ обрядахъ, самой мелочной и необщительной въ тѣхъ изъ своихъ нравственныхъ правилъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ господствующими повсюду правилами нравственности, а составляютъ только принадлежащую ей одной евангелическую, апостолическую и католическую нравственность, — изъ всѣхъ самую склонную къ нетерпимости. Отбросившая нѣкоторыя нелѣпости лютеранская вѣра лучше католической, протестанская лучше лютеранской, Социніанизмъ лучше протестантизма, а деизмъ съ храмами и цер-

¹⁾ Въ статьѣ *Plaisir*, XVI, стр. 298.

ковными обрядами лучше Социнианизма. Если человѣку, склонному отъ природы къ суевѣрїямъ, необходимъ какой нибудь идолъ, то желательно, чтобъ этотъ идолъ былъ самый простой и безвредный»¹⁾. Мы не находимъ нужнымъ ни обсуждать, ни удлиннять эту цитату; сказаннаго нами уже достаточно для того, чтобъ освободить насъ отъ необходимости анализировать статьи, въ которыхъ авторъ относитя къ христіанству со всѣмъ внѣшнимъ уваженіемъ, какового требовала въ ту пору свѣтская власть.

Это внѣшнее уваженіе не было несомѣстимо съ многими прикрытыми сарказмами, которые были понятны для тѣхъ, кто умѣлъ читать между строками и доставляли имъ пикантное удовольствіе. Эти сарказмы постоянно были неосновательны и неглубокомысленны. Даже тѣхъ изъ насъ, которые отвергаютъ теологію вмѣстѣ со всѣми ея произведеніями, непрїятно поражаетъ грубость и непристойность намековъ, мѣстами обезображивающихъ разсужденія Дидро о теологическихъ или другихъ вопросахъ. Въ этомъ не мало была виновата сама церковь, отличавшаяся въ ту пору во Франціи своей грубостью, заносчивостью и привычкой забывать свое духовное назначеніе. И Вольтеръ, и Дидро, и Гольбахъ писали бы совершенно въ иномъ духѣ, даже дѣлая точно такіе же нападки на теологическія мнѣнія, еслибы французская церковь имѣла такую школу религіозныхъ наставниковъ, каковую въ семнадцатомъ столѣтіи англійская церковь нашла въ Латитудинаріяхъ или такую школу, каковую она находитъ теперь въ девятнадцатомъ столѣтіи въ лицѣ тѣхъ, кто заимствовалъ частію изъ поэтическихъ произведеній Вордсворта, частію изъ историческихъ указаній Оксфордскихъ брошюръ (Oxford Tracts) безпристрастіе, ширину, возвышенность и задумчивую грацію, недопускающія употребленія тѣхъ грубыхъ полемическихъ приемовъ, которые были единственными приемами во Франціи сто лѣтъ тому назадъ.

Мы уже такъ много говорили о большой и важной группѣ статей, касавшихся искусствъ и ремеслъ, что намъ уже не представляется надобности распространяться о томъ, какое участіе принималъ въ ихъ составленіи Дидро. Онъ посѣтилъ всѣ парижскія мастерскія; онъ посылалъ за справками и за объясненіями спеціальностей въ главные центры мануфактурной дѣятельности королевства; иногда онъ вызывалъ къ себѣ мастеровыхъ изъ провинціи для того, чтобъ узнать отъ нихъ разныя подробности касательно фабрикаціи писчей бумаги въ Монтаржи и касательно фабрикаціи шелковыхъ и бархатныхъ матерій въ Лионѣ²⁾. Многія изъ статей Дидро, даже тѣ изъ нихъ, въ которыхъ шла рѣчь о важныхъ практическихъ сюже-

¹⁾ Къ Дамилавиллю, 1766, XIX. 477.

²⁾ XX. 34.

тахъ, безъ сомнѣнія были ничто иное, какъ воспроизведеніе свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ книгъ и добытыхъ изъ вторыхъ рукъ. Возьмите на примѣръ статью о *Земледѣліи*, которое безъ сомнѣнія было и въ ту пору, какъ и во всякое другое время, самымъ важнымъ для Франціи изъ всѣхъ сюжетовъ. Въ ней есть дюжина страницъ съ практическими указаніями, которыми Дидро обязанъ, какъ кажется, одному изъ Грандвальскихъ фермеровъ. Затѣмъ въ составъ статьи входятъ около двадцати страницъ, заключающихъ въ себѣ изложеніе новой системы хлѣбопашества, которую англичанинъ Туль излагалъ передъ недовѣрчивой публикой между 1731 и 1751 годами. Дюгамель перевелъ сочиненіе Тулля на французскій языкъ, присовокупивъ къ переводу примѣчанія и результаты своего собственнаго опыта; изъ этого сочиненія Дидро и заимствовалъ сущность своей статьи. Единственная заслуга Дидро — и это была вовсе немаловажная заслуга въ такую пору, когда повсюду господствовала рутина, — заключалась въ томъ, что онъ искалъ самыхъ новыхъ свѣдѣній и еще болѣе въ томъ, что онъ настоятельно доказывалъ пользу послѣднихъ экспериментовъ, сдѣланныхъ въ земледѣліи. Туль не былъ самымъ неоспоримымъ авторитетомъ въ этомъ вопросѣ; однако не слѣдуетъ забывать, что разборчивый Коббетъ нашелъ его идеи о земледѣліи достойными воспроизведенія черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ Дидро нашелъ ихъ достойными краткаго изложенія въ своей статьѣ.

И не только въ томъ, что касалось подробностей практическихъ искусствъ Дидро пользовался матеріалами пріобрѣтенными изъ вторыхъ рукъ. Статья о *Зендавестѣ* заимствована изъ *Ежегоднаго отчета* за 1762. Длинный рядъ статей объ исторіи философіи въ сущности есть ничто иное какъ повтореніе того, что онъ вычиталъ изъ Бэйля, Деланда и Брукера. Изъ этого общаго правила есть нѣсколько исключеній. Едва ли не самое важное изъ нихъ мы находимъ подъ заголовкомъ *Спиноза*, къ которому мы сейчасъ возвратимся. Статья о *Гоббизмѣ* содержитъ въ себѣ анализъ всѣхъ положеній Гоббза, очевидно сдѣланный самимъ авторомъ статьи; но онъ не освѣщается почти ни однимъ критическимъ замѣчаніемъ. Правда, въ статьѣ о *Société* мы находимъ, что авторъ опровергаетъ взглядъ Гоббза на отношенія между гражданскою и свѣтскою властями, но даже тутъ Дидро почти исключительно ограничивается возраженіями, заимствованными отъ Локка.

Впрочемъ онъ добросовѣстно указываетъ читателямъ на эти источники болѣе полныхъ свѣдѣній ¹⁾. О его статьяхъ касательно исторіи философіи мы можемъ сказать только то, что онѣ отличаются

¹⁾ XVI. 280.

полнотою, что Дидро относился къ своему сюжету умно и съ разборчивостью, и что онъ нерѣдко примѣшивалъ сюда собственныя блестящія замѣчанія и широкіе взгляды. Это было все, чего требовала цѣль предпринятаго имъ труда. Подражать усидчивымъ литературнымъ изслѣдованіямъ Бэйля или Брукера или пытаться составить самостоятельную исторію философіи значило бы принести въ жертву Энциклопедію какъ нѣчто цѣлое ненужному совершенству одной небольшой ея части. Въ подобныхъ случаяхъ можно заявлять только одно безусловное требованіе, — а именно то, чтобъ писатель не воспроизводилъ собраннаго имъ матеріала, не провѣривъ его предварительно своимъ собственнымъ умомъ. Такому требованію, какъ общему правилу, не могъ не подчиниться человѣкъ съ столь неистощимой энергіей ума, какъ Дидро.

Но и изъ этого правила бывали исключенія. Были такіе случаи, когда Дидро, — точно самый заурядный писака, — воспроизводилъ чужія мнѣнія безъ всякой попытки провѣрить ихъ. Въ двухъ статьяхъ — о *Философяхъ* и о *Философѣ* мы находимъ два любопытныхъ образчика неясностей и несообразностей, въ которыя вовлекала Дидро эта манера смѣшивать чужія мысли съ своими собственными. Первая изъ этихъ статей есть существенно социальное и практическое объясненіе того, чѣмъ долженъ быть философъ; во второй изъ нихъ мы находимъ опредѣленіе философіи, которое переноситъ насъ въ такія сферы, которыя весьма далеки отъ того, что рационально и практично. Тутъ мы витаемъ въ самыхъ возвышенныхъ сферахъ буквального анализа и чистаго формализма. Философъ описанъ какъ нельзя лучше желать. Дидро сначала противопоставляетъ его толпѣ людей вовсе не глупыхъ, которые проводятъ свое время въ томъ, что произносятъ рѣшительные приговоры. «Они не знакомы съ задачами и предѣлами человѣческаго ума; они считаютъ его способнымъ знать все; поэтому они сочли бы себя несчастными, еслибы не произносили окончательныхъ приговоровъ и воображаютъ, что именно въ этомъ и заключается достоинство интеллигенціи. А философъ полагаетъ, что интеллигенція заключается въ правильности приговоровъ. Онъ предпочитаетъ воздержаться отъ приговора, чѣмъ произнести приговоръ, не имѣющій достаточныхъ основаній. Блестящимъ выводамъ онъ предпочитаетъ стараніе провѣрить свои идеи и опредѣлить ихъ настоящій объемъ и настоящую внутреннюю связь. Онъ не привязывается ни къ какой системѣ въ такой степени, чтобъ не быть въ состояніи понимать всю силу вызываемыхъ ею возраженій, тогда какъ большинство людей до такой степени предано своимъ мнѣніямъ, что вовсе не старается вникать въ мнѣнія другихъ. Съ другой стороны, философъ ясно и отчетливо понимаетъ какъ то, почему онъ что либо отвергаетъ, такъ и то, почему

онъ что либо утверждаетъ». За тѣмъ Дидро дѣлаетъ очень странный переходъ отъ интеллектуальной къ социальной сторонѣ обсуждаемаго предмета. «Нашъ философъ не считаетъ себя изгнанникомъ въ этомъ мѣрѣ; онъ не воображаетъ, будто находится въ непріятельской странѣ; онъ находитъ удовольствіе въ обществѣ другихъ, а чтобы находить такое удовольствіе онъ самъ долженъ доставлять его другимъ; это достойный уваженія человекъ, желающій быть пріятнымъ и полезнымъ. Заурядные философы, которые размышляютъ слишкомъ много, или правильнѣе сказать, которые размышляютъ въ ложномъ направленіи, относятся ко всѣмъ такъ же грубо и надменно, какъ относятся знатные люди къ тѣмъ, кого они не считаютъ за равныхъ имъ; они бѣгутъ отъ людей, а люди избѣгаютъ ихъ. Но нашъ философъ, умѣющій дѣлать свое время между уединеніемъ и обществомъ людей, полонъ челоуѣколюбія. *Для него гражданское общество есть, такъ сказать, земное божество*; онъ дѣлаетъ честь этому обществу своею честностью, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и искреннимъ желаніемъ не быть бесполезнымъ или лишнимъ его членомъ. У мудреца есть закваска порядочности и правильности; онъ полонъ такихъ идей, которыя находятся въ связи съ благомъ гражданского общества. Опытъ ежедневно доказываетъ намъ, что чѣмъ болѣе разуменъ и просвѣщенъ человекъ, тѣмъ болѣе онъ пріятенъ въ обхожденіи и тѣмъ вѣрнѣе можно на него полагаться.» ¹⁾

Отъ такого взгляда на философа, какъ на человека принадлежащаго къ высшей породѣ людей, очень странно переходъ къ опредѣленію философіи какъ науки о *возможномъ на сколько оно возможно*. По этому поводу намъ приходится на умъ слѣдующее размышленіе самого Дидро: *Combien cette maudite métaphysique fait des fous!* ²⁾ Авторъ неожиданно переноситъ насъ изъ атмосферы Бэкона въ атмосферу Лейбница. Мы были въ правѣ ожидать, что статья о философіи начнется перечисленіемъ вопросовъ, на которые человекъ можетъ надѣяться получить отвѣтъ, и кончится систематическимъ изложеніемъ принциповъ знанія съ заключительнымъ указаніемъ условій нравственности и организации гражданскихъ обществъ. Мы были въ правѣ ожидать, — и наши ожиданія оправдались — что философу будутъ приписаны слѣдующія характеристическія особенности: «онъ ничего не принимаетъ безъ доказательствъ, никогда не соглашается съ призрачными понятіями, строго разграничиваетъ то что достоверно, что вѣроятно и что сомнительно, а главнымъ образомъ никогда не довольствуется

¹⁾ См. также статью *Indépendance*.

²⁾ IV, 93.

одними словами». Но эти здравыя понятія высказаны въ такой статьѣ, въ которой опредѣленіе и раздѣленіе философіи заимствованы отъ Христіана Вольфа, тогда какъ и методъ и способы выраженія Вольфа имѣютъ такъ-же мало общаго съ положительнымъ направленіемъ Энциклопедіи, какъ они имѣютъ мало общаго съ мистическимъ направленіемъ Якоби.

Вольфъ (1679—1754) занимаетъ въ исторіи нѣмецкой философіи срединное мѣсто между Лейбницемъ и Кантомъ, и до появленія Канта его система была господствующей между нѣмецкими метафизиками ¹⁾. Именно отъ Вольфа Дидро и заимствовалъ разбросанныя имъ на страницахъ Энциклопедіи несообразныя одно съ другимъ положенія въ родѣ слѣдующаго: «въ числѣ всѣхъ возможностей необходимо должна заключаться и возможность такого Существа, которое существуетъ само собою; иначе были бы такія возможныя вещи, о возможности которыхъ не можетъ быть рѣчи, — а этого утверждать невозможно». Насъ поражаетъ тотъ фактъ, свидѣтельствующій о странномъ разнообразіи направленій въ компиляціяхъ Дидро, что таже самая статья, которая начинается такими заимствованиями отъ автора философской системы, изложенной въ двухъ десятияхъ томовъ, заканчивается рѣшительными нападками на то, что въ философію проникаетъ духъ системы.

Я рѣшаюсь цитировать одинъ смѣлый отрывокъ изъ другой статьи (Pyrrhonienne), въ которомъ иные усмотрятъ доказательство философской несостоятельности Дидро, а другіе усмотрятъ доказательство его здраваго смысла. «Мы приходимъ къ заключенію,» — говоритъ онъ, — «что такъ какъ въ природѣ все находится во взаимной связи, то въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ ничего такого, что человѣкъ могъ бы знать совершенно, абсолютно и вполнѣ, хотя бы то были самыя очевидныя аксіомы, — потому что для этого требуется знаніе всего. Далѣе, — такъ какъ все находится во взаимной связи, то неизбѣжно должно случиться, что переходя отъ одного размысленія къ другому, онъ дойдетъ до чего нибудь неизвѣстнаго; затѣмъ обратно исходя отъ этого неизвѣстнаго пункта, мы будемъ въ правѣ приписывать его непониманію непониманію, неясности или недостовѣрности предшествующаго пункта; тоже самое можно будетъ сказать объ этомъ предшествующемъ пунктѣ по отношенію къ тому пункту, который ему предшествуетъ, и такимъ образомъ мы дойдемъ до такого принципа, который намъ вполнѣ понятенъ. Вотъ почему въ пользованіи нашимъ разсудкомъ мы должны быть

¹⁾ Читатель найдетъ массу свидѣній и критическихъ отзывовъ о философіи Вольфа въ появившемся недавно въ Глазгоу сочиненіи профессора Эдварда Кярда *Critical Account of the Philosophy of Kant*.

воздержны.... Когда шагъ за шагомъ я довелъ кого либо до какогонибудь несомнѣннаго вывода, я прекращу споръ; я не стану обращать никакого вниманія на того, кто будетъ отвергать существованіе физическихъ тѣлъ, правила логики, свидѣтельства чувствъ, различіе между добромъ и зломъ, между правдой и ложью и т. д. Я поверну спину всякому, кто попытается отклонить меня отъ несложныхъ вопросовъ и постарается вовлечь меня въ споръ о свойствахъ матеріи, ума, мышленія и другихъ предметовъ, у которыхъ нѣтъ ни береговъ ни дна.»¹⁾ Чтобы мы ни думали объ этихъ мнѣніяхъ, мы во всякомъ случаѣ не можемъ не замѣтить, что они служатъ вѣрной характеристикой автора. Но не лучше ли было бы вовсе ничего не писать о метафизическихъ предметахъ?

Мы упомянули о статьѣ касательно Спинозы. Она характеризуетъ какъ хорошія такъ и дурныя стороны литературной дѣятельности Дидро. Цѣлая половина ея есть не болѣе какъ воспроизведеніе мнѣній Бэйля о Спинозѣ и его системѣ. Другая ея половина состоитъ изъ возраженій, которыя дѣлаетъ противъ Спинозы съ большою энергіей самъ Дидро, но при этомъ вовсе незамѣтно, чтобъ его знакомство съ произведеніями Спинозы шло далѣе первой книги Этики. Мы не находимъ никакихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ того, что онъ прочелъ еще что-либо или что онъ имѣлъ передъ глазами что либо кромѣ извлеченій, сдѣланныхъ Бэйлемъ. Такая манера трактовать о серьезныхъ предметахъ едва ли можетъ удовлетворять современныя требованія литературной добросовѣстности, такъ какъ литературная добросовѣстность получила въ наше время отпечатокъ специальности и не одобряетъ энциклопедической точки зрѣнія. Возраженія самого Дидро, какъ мы сказали, были высказаны съ большою рѣшительностью. «Если вы постараетесь»,—говоритъ онъ,—«хоть немного проникнуть въ густой мракъ, которымъ окружилъ себя Спиноза, вы найдете цѣлый рядъ пропастей, въ которыя низвергалъ самъ себя этотъ отважный мыслитель, цѣлый рядъ положеній или очевидно ложныхъ или очевидно сомнительныхъ, цѣлый рядъ произвольныхъ принциповъ, замѣняющихъ собою естественные принципы и осязательныя истины; вы найдете неправильное употребленіе терминовъ, принимаемыхъ большею частію въ ложномъ смыслѣ, массу увлекающихъ васъ въ заблужденіе двусмысленностей и цѣлую массу очевидныхъ противорѣчій». Вся система, по мнѣнію Дидро, чудовищна, нелѣпа и смѣшна. Предположеніе, что у Спинозы былъ свой методъ—вотъ что ввело всѣхъ въ заблужденіе; всякій думалъ, что тотъ кто прибѣгаетъ къ помощи геометріи и подвигается впередъ путемъ аксіомъ и опредѣленій, непременно дол-

¹⁾ XVI, 491—2.

женъ находится на пути къ истинѣ. Но при этомъ не замѣчали, что эти аксіомы были ничто иное какъ очень туманныя и очень недостовѣрныя положенія, что опредѣленія были неточны, неудовлетворительны и нелѣпы.

У насъ нѣтъ достаточно мѣста, чтобъ прослѣдить доводы, на основаніи которыхъ Дидро дѣлаетъ этотъ презрительный отзывъ о знаменитомъ философѣ, на счетъ котораго никакъ нельзя положительно сказать, былъ ли онъ пантеистъ, атеистъ, беспорядочный человѣкъ или человѣкъ боговдохновенный. Дидро безпрестанно возобновляетъ свои нападки, какъ будто втайнѣ сознавая, что онъ такъ рѣшительно высказываетъ порицаніе, не имѣя на то достаточныхъ основаній. И читатель съ своей стороны чувствуетъ, что Дидро не попалъ на настоящій путь, которымъ онъ могъ бы — съ его собственной точки зрѣнія — разрушить систему Спинозы. Онъ пытается разрушить путемъ логики нѣкоторыя отдѣльныя положенія Спинозы, какъ на примѣръ его третье положеніе, что *«въ томъ случаѣ, когда предметы не имѣютъ между собою ничего общаго, одинъ изъ нихъ не можетъ быть причиной другаго»*. Дидро оспариваетъ это положеніе, какъ ложное и въ примѣненіи къ сферѣ нравственности и въ примѣненіи къ другимъ сферамъ. Звукъ слова Богъ не имѣетъ ничего общаго съ той идеей о Создателѣ, которую оно возбуждаетъ въ моемъ умѣ. Несчастіе, постигшее моего друга, не имѣетъ ничего общаго съ горестью, которую я чувствую вслѣдствіе этого несчастія. Когда я дѣлаю движеніе рукой вслѣдствіе акта моей воли, это движеніе не имѣетъ по своему существу ничего общаго съ актомъ моей воли; они совершенно различны другъ отъ друга. Я не треугольникъ, однако я составляю себѣ понятіе о треугольникѣ и рассматриваю его свойства. Точно также относится Дидро и къ пятому положенію, что *«въ мірѣ не можетъ существовать двухъ или больше сущностей одного и того же свойства или съ одними и тѣми же атрибутами»*. Если Спиноза разумѣетъ здѣсь лишь сущность вещей или сущность ихъ опредѣленія, то онъ этимъ ничего не сказалъ, потому что въ такомъ случаѣ его слова можно понять только въ такомъ смыслѣ, что въ мірѣ не можетъ быть двухъ различныхъ сущностей, имѣющихъ одну и ту же сущность. Но кто же въ этомъ сомнѣвается? Если же Спиноза хотѣлъ этимъ сказать, что не можетъ быть такой сущности, которая могла бы находиться въ различныхъ отдѣльныхъ предметахъ, точно также какъ сущность треугольника находится въ треугольникѣ А и въ треугольникѣ В, то онъ говоритъ явную неправду. Впрочемъ, не прежде какъ дойдя до послѣднихъ двухъ или трехъ страницъ, Дидро выражаетъ свое неодобреніе въ самой широкой его формѣ. «Чтобъ опровергнуть Спинозу», — говоритъ онъ въ заключеніе, — «достаточно

остановить его на первомъ шагѣ, не затрудняя себя попыткой провѣрить всю массу дѣлаемыхъ имъ выводовъ; будетъ достаточно, если не ясный принципъ, изъ котораго онъ дѣлаетъ основу для своей системы, мы замѣнимъ слѣдующимъ принципомъ, который самъ по себѣ ясенъ въ высшей степени: *есть нѣсколько различныхъ сущностей*. Дѣйствительно, развѣ можно указать другое положеніе болѣе ясное, болѣе ярко бросающееся въ глаза, болѣе доступное для человеческого ума и сознанія? Я не ссылаюсь здѣсь ни на какого другаго судью, кромѣ самаго простаго здраваго смысла, общаго всему человѣческому роду.... А такъ какъ здравый смыслъ возстаетъ противъ cadaго изъ положеній Спинозы, какъ противъ перваго изъ нихъ, такъ и противъ остальныхъ выдаваемыхъ за его доказательства, то мы въ правѣ, не обсуждая ни одного изъ этихъ лишенныхъ здраваго смысла доказательствъ, сказать ему: — «Вашъ принципъ противенъ здравому смыслу, а изъ такого принципа, въ которомъ нѣтъ здраваго смысла, нельзя вывести ничего такого, въ чемъ могъ бы снова оказаться здравый смыслъ.»

Этотъ отрывокъ звучитъ непріятно, точно воззваніе къ толпѣ для разрѣшенія научнаго вопроса. Дидро, вѣроятно хотѣлъ этимъ сказать, что Спиноза изобрѣлъ такое понятіе о сущности, которое не имѣетъ никакого соотношенія съ объективнымъ опытомъ и что онъ даетъ фантастическіе отвѣты на такіе вопросы, которые не стоило задавать себѣ, потому что отвѣты на эти вопросы всегда вынудятъ насъ вносить заимствованныя изъ опыта термины въ сферу, стоящую выше опыта, и сверхъ того потому что ихъ никакъ нельзя провѣрить. Во всякомъ случаѣ—именно ли это онъ хотѣлъ сказать и былъ ли онъ правъ, задаваясь такимъ намѣреніемъ,—мы можемъ положительно утверждать, что такой проницательный критикъ какъ Дидро, занявшись разборомъ такого въ высшей степени мастерскаго метафизическаго метода, какъ методъ Спинозы, долженъ бы былъ постараться придать своимъ возраженіямъ всю ширину, какая имъ была доступна. ¹⁾

Въ статьѣ о Лейбницѣ менѣе оригинальнаго содержанія, чѣмъ въ статьѣ о Спинозѣ. Философскіе взгляды этого великаго и энергичнаго мыслителя на метафизику, логику, натуральную теологию, натуральные законы, просто на просто изложены въ длинномъ перечнѣ сжатыхъ положеній, между тѣмъ какъ описаніе жизни и характера Лейбница просто на просто заимствовано изъ превосход-

¹⁾ Есть также отрывочныя критическія замѣчанія о Спинозѣ въ статьяхъ *Тождество и Свобода*.

наго панегирика, написаннаго о немъ въ 1716 Фонтенелемъ. Разсказъ Фонтенеля воспроизведенъ въ духѣ почтительнаго уваженія къ гениальному человѣку, который походилъ на Дидро энциклопедическимъ разнообразіемъ интересовавшихъ его вопросовъ, но былъ гораздо выше Дидро по своей сосредоточенности, тонкой проницательности, точности и способности приводить идеи въ одну стройную систему. Еслибы надъ нашими головами, говоритъ Дидро, были такія существа, которыя способны наблюдать надъ нашими дѣйствіями, точно такъ какъ мы наблюдаемъ надъ движеніями ползающихъ у нашихъ ногъ насѣкомыхъ, съ какимъ удивленіемъ замѣтили бы эти существа такихъ четырехъ удивительныхъ насѣкомыхъ, какъ Бэйль, Декартъ, Лейбницъ и Ньютонъ. За тѣмъ онъ приводитъ небольшой списокъ знаменитыхъ именъ, между которыми слѣдуетъ выбрать то имя, которое должно быть поставлено во главѣ чело-вѣческаго рода. Этотъ списокъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ Юліана Отступника, — внесеннаго сюда, какъ слѣдуетъ полагать, единственно съ цѣлю полу-шутя задѣть враговъ изъ церковной партіи, — Сократа, Марка Аврелія, Траяна, Бэкона и только что названныхъ четырехъ великихъ людей. И въ заключеніе Дидро съ неблагоприятнымъ увлеченіемъ утверждаетъ, будто одинъ Лейбницъ сдѣлалъ для славы Германіи столько же, сколько Платонъ, Аристотель и Архимедъ вмѣстѣ взятые сдѣлали для славы Греціи. Впрочемъ, какъ мы уже прежде замѣтили, въ этой статьѣ вовсе нѣтъ критическаго разбора и нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобъ Дидро рассмотрѣлъ что либо кромѣ фасада воздвигнутаго Лейбницомъ великаго зданія, возбуждающаго удивленіе своею внѣшностью.

Статья о *Свободѣ*, написанная такимъ даровитымъ мыслителемъ какъ Дидро, была бы въ высшей степени достойна вниманія, если бы только мы могли быть увѣрены, что Дидро высказался въ ней съ полной искренностью. Но мы имѣемъ полное основаніе думать, что онъ писалъ ее вовсе не для того, чтобъ высказаться въ ней съ полной откровенностью. Она такъ же поверхностна съ философской точки зрѣнія, какъ его статьи о евреяхъ и о Библии поверхностны съ научной точки зрѣнія. Одну изъ причинъ этой неудовлетворительности найти не трудно. Мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, въ какой мѣрѣ социальныя цѣли и социальныя наклонности брали въ умѣ Дидро верхъ надъ всѣми другими соображеніями. Но эта манера ставить всѣ обсуждаемые вопросы въ связь съ общественнымъ благомъ и измѣрять достоинство добываемыхъ выводовъ вліяніемъ ихъ на общество, имѣетъ свои опасныя стороны. Примѣромъ того, какъ это опасно, можетъ служить отвращеніе лицъ духовнаго званія къ свободѣ преній изъ опасенія, что отъ этого поколеблются учрежденія и вѣрованія, которыя по ихъ мнѣнію

полезны для человѣчества. Тотъ, кто сталъ бы утверждать, что Дидро писалъ то, что думалъ, могъ бы сказать, что Дидро не избѣжалъ точно такого же заблужденія, такъ какъ онъ позабылъ, что изъ всѣхъ вещей, полезныхъ для общества, истина есть самая цѣнная. И кто могъ бы повѣрить, что Дидро — этотъ гонимый издатель Энциклопедіи и авторъ смѣлой статьи о *Нетерпимости* — вставляетъ слѣдующія строки въ разсужденіе о нескончаемыхъ спорахъ касательно *Свободной Воли* и *Необходимости*: — «Отнимите *Свободу*, и въ мірѣ не будетъ болѣе ни порока, ни добродѣтели, ни личныхъ достоинствъ; награды сдѣлаются неумѣстными, а наказанія несправедливыми. Гибель *Свободы* ниспровергнетъ всякій порядокъ и всякое благочиніе, смѣшаетъ порокъ съ добродѣтью, сдѣлаетъ возможной всякую возмутительную низость, потушитъ послѣднія искры стыда и раскаянія, безвозвратно унизитъ и развратитъ весь человѣческій родъ. *Такая уродливая теорія не должна быть разсматриваема въ школахъ, а должна быть преслѣдуема судомъ.*»¹⁾ Совершенно тоже говорили иезуиты о вѣрѣ въ Бога, объ откровеніи, и о церковныхъ учрежденіяхъ. Отнять все это, говорили они, значило бы ниспровергнуть оплоты порядка и всякая попытка съ этой цѣлю, — будь она сдѣлана энциклопедистами или кѣмъ либо другимъ, — должна быть преслѣдуема судомъ. Очевидно, что Дидро на этотъ разъ сбился съ дороги.

Насъ не можетъ удивить то, что въ статьѣ, написанной въ такомъ духѣ, не высказано никакой серьезной мысли касательно предмета, о которомъ шла рѣчь. Дидро пришелъ къ убѣжденію, что при отсутствіи *свободной воли* всѣ нравственныя влеченія, выражающіяся въ сочувствіи сердець, въ благоклонности къ другимъ и въ обожаемой имъ справедливости, низойдутъ до уровня простыхъ механическихъ поступковъ. «Если люди не будутъ свободны въ томъ, что они дѣлаютъ хорошаго и дурнаго», — восклицаетъ онъ, очевидно, въ припадкѣ безразсудства, — «тогда добро перестанетъ быть добромъ, а зло — зломъ». Но развѣ внѣшнія свойства и результаты добра и зла не находятся въ независимости отъ умственныхъ операций, предшествующихъ человѣческимъ дѣяніямъ. Убійство не перестанетъ считаться за преступленіе оттого только, что будетъ доказано, что намѣреніе убійцы совершить преступное дѣяніе было результатомъ его прежней жизни. Всякое дѣяніе имѣетъ свои собственныя отличительныя черты и послѣдствія, или хорошія или дурныя, все равно въ какомъ бы умственномъ состояніи ни находился тотъ, кто его совершилъ. Но Дидро, повидимому, вовсе не догадывается, какой отсюда правильный выводъ; онъ выражается

¹⁾ XX. 34.

такъ, что можно подумать, будто послѣдователи теоріи необходимости или Детерминисты отвергаютъ существованіе воли и будто вопросъ заключается въ томъ, существуетъ ли воля. Никто не отвергаетъ того, что она существуетъ; сущность вопроса въ томъ при какихъ условіяхъ она существуетъ: опредѣляются ли эти условія antecedентами, или же они опредѣляются сами собою, самопроизвольно и самостоятельно. Вопросъ въ томъ, находится ли воля въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ.

Аргументація Дидро въ сущности есть ничто иное какъ заявленіе, что человѣкъ сознаетъ въ себѣ волю. И точно такъ какъ въ другихъ частяхъ своей статьи Дидро разумѣетъ подъ свободой лишь существованіе воли, онъ видитъ въ свободѣ лишь здоровое состояніе души, а не ея независимость отъ внѣшнихъ причинъ. Мы не будемъ тратить время ни на критику такихъ запутанныхъ понятій, ни на критику той теоріи, что воля иногда зависитъ отъ умственныхъ antecedентовъ, а иногда не зависитъ. Къ нашему удивленію, писатель не замѣчаетъ, что въ этой нелѣпой теоріи онъ проповѣдуетъ тотъ самый принципъ, на который онъ нападалъ, какъ на гибельный для добродѣтели, вредный для общества и заслуживающій наказанія со стороны правительства. Вѣдь изъ его теоріи, по видимому, слѣдуетъ, что воля тѣхъ, чьи «наклонности не умѣренны», не свободна; а мы конечно въ правѣ къ этому прибавить, что именно тѣ, чьи наклонности самыя неумѣренныя, суть самыя грубые нарушители общаго благосостоянія. Мы приведемъ еще одинъ отрывокъ для того чтобъ доказать, какъ авторъ былъ далекъ отъ правильнаго взгляда на обсуждаемый имъ предметъ. «Изъ вашихъ словъ». — говоритъ онъ, обращаясь къ Бэйлю, — «вовсе не ясно, что я могу шевелить моей рукой или не шевелить по моей волѣ: въ такомъ случаѣ слѣдовало бы считать заранѣе рѣшеннымъ, что черезъ четверть часа отъ настоящаго момента я три раза подниму къверху руку, или не подниму... Поэтому если вы серьезно думаете, что я не свободенъ, вы не можете отказаться отъ предложенія, которое я вамъ дѣлаю: я предлагаю пари въ тысячу пистолей противъ одного, что относительно движеній моей руки я сдѣлаю совершенно противоположное того, чего вы потребуете. Если вы не примете пари, вы этимъ докажете присутствіе въ васъ непоколебимой увѣренности, что я свободенъ». Точно будто намѣреніе двигать или не двигать рукой не будетъ вызвано никакими antecedентами, когда вы только что создали такой вліятельный antecedентъ, какъ желаніе не лишиться тысячи пистолей. Вольтера, пожалуй, еще можно извинить въ томъ, что онъ довольствовался туманнымъ поэтическимъ содержаніемъ для своего поэтическаго разсужденія о свободѣ, но отъ Дидро, какъ отъ издателя и писателя, можно бы было ожидать чего

нибудь лучшаго, чѣмъ неуклюжее воспроизведеніе тѣхъ самыхъ разсужденій, помощью которыхъ такіе люди какъ Тюрретини сдѣлали изъ философіи грязную пособницу теологіи.

Касательно этой странной статьи намъ остается еще рассказать объ одномъ странномъ фактѣ. Она была написана, по всему вѣроятію, въ промежуткѣ между 1757 и 1762 годами. Въ іюнь 1756, Дидро написалъ къ одному изъ сотрудниковъ Энциклопедіи Ландуа письмо, въ которомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергалъ всю теорію о свободѣ. «Свобода есть слово лишенное всякаго смысла; нѣтъ и никогда не могло существовать свободныхъ существъ; мы лишь таковы, каковыми должны быть сообразно съ общественнымъ порядкомъ, съ общественнымъ устройствомъ, съ воспитаніемъ и ходомъ обстоятельствъ. Мы не можемъ представить себѣ такое существо, которое дѣйствовало бы безъ мотивовъ, точно также какъ мы не можемъ себѣ представить, чтобъ одна сторона вѣсовъ приходила въ движеніе, когда на нее не положено никакой тяжести; а мотивы всегда бываютъ внѣшніе отъ насъ независяшіе, возникающіе или отъ природы или отъ какойнибудь причины, которая находится внѣ насъ самихъ. *Въ строгомъ смыслѣ слова существуютъ только одного рода причины, а именно причины физическія*.¹⁾ И далѣе все въ томъ же духѣ рѣшительнаго и безвозвратнаго преклоненія передъ принципомъ необходимости, съ которымъ мы скоро ближе познакомимся, когда будемъ говорить о *Системѣ природы*.²⁾

Есть только одно объясненіе такихъ рѣзкихъ противорѣчій. Дидро вѣроятно писалъ о свободѣ точно также, какъ онъ писалъ объ Иисусѣ Христѣ и о библии. Онъ высказывалъ не то, что думалъ, а только то, чего требовали отъ него лица, въ рукахъ которыхъ была правительственная власть. Мы можемъ искать его настоящихъ мнѣній конечно скорѣе въ письмахъ къ близко знакомымъ ему людямъ, чѣмъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Энциклопедіи. Что такіа мистификаціи отвратительны и постыдны и что, прибѣгая къ нимъ, Дидро употреблялъ слишкомъ унижительныя средства на пользу столь великаго предпріятія,—въ этомъ всѣ будутъ согласны. Мы можемъ только замѣтить по этому поводу, что этотъ прискорбный фактъ есть бросающійся въ глаза образчикъ тѣхъ увертокъ, которыя были въ ту пору общеупотребительны. Мы обратимъ вниманіе читателя еще на одно обстоятельство. Усердіе и ловкость, съ которыми Дидро защищалъ мнѣнія, которыя онъ считалъ ложными, служатъ поразительнымъ свидѣтельствомъ его удивительной драматической способности употреблять свои дарованія какъ діалектика, казуиста и софиста на защиту ложныхъ и призрачныхъ идей.

¹⁾ XIX. 435—6.

²⁾ См. ниже томъ II.

Переходя отъ его философскихъ статей къ статьямъ политическимъ или социальнымъ, мы не находимъ нужнымъ прибавлять многое къ тому, что уже было о нихъ сказано ранѣе. Одна изъ самыхъ лучшихъ статей въ этой группѣ есть статья о *Роскоши*. Дидро остроумно начинается съ того, что перечисляетъ всѣ указанія на предполагаемый вредъ роскоши и подъ каждымъ изъ такихъ указаний помѣщаетъ какой нибудь историческій фактъ, ясно доказывающій его несостоятельность. Точно такъ же поступаетъ онъ и съ тѣми указаніями, въ которыхъ доказывается польза роскоши для общества. Разъяснивъ свой сюжетъ этимъ единственно вѣрнымъ путемъ, онъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній касательно пользы и вреда роскоши, — замѣчаній весьма здравыхъ и не впадающихъ въ банальность. Въ статьяхъ *Pouvoir, Souverain, Autorité* онъ почти ограничивается тѣмъ, что повторяетъ старую неимѣющую исторической достовѣрности сказку объ обществѣ, которое передало долю своей верховной власти на храненіе какому нибудь индивидууму или какой нибудь династіи. Не лишнимъ будетъ при этомъ замѣтить, какъ мало Дидро и его школа были демократичны въ якобинскомъ, анархическомъ или болѣе умѣренномъ современномъ значеніи этого слова. Въ статьяхъ Дидро не рѣдко встрѣчаются основательные и смѣлые доводы въ пользу самоуваженія, которымъ должна быть проникнута народная масса, но не болѣе какъ одинъ или два раза попадаетъ выраженіе такихъ же рѣзкихъ мнѣній, какія встрѣчаются на страницахъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Руссо. Такъ напр. онъ говоритъ: — «когда съ жителями деревень обходятся хорошо, тогда незамѣтно увеличивается число земельныхъ собственниковъ, а огромное разстояніе отдѣляющее бѣдныхъ отъ богатыхъ и зависимость первыхъ отъ послѣднихъ уменьшаются; тогда народъ пріобрѣтаетъ бодрость, душевную силу и физическую крѣпость; онъ любитъ свое отечество, уважаетъ представителей власти, привязанъ къ государю, къ порядку и къ законамъ, которымъ онъ обязанъ своимъ спокойствіемъ и благосостояніемъ. Тогда сынъ почтеннаго земледѣльца не будетъ охотно покидать благородное занятіе своихъ предковъ и не будетъ марать себя ношеніемъ ливреи богачей и ихъ высокоумнымъ обращеніемъ». ¹⁾

Никто, конечно, не будетъ порицать ни демократическія чувства такого рода, ни встрѣчающіяся въ статьѣ благородныя и вовсе не новыя мысли о томъ, что одна добродѣтель возвышаетъ человѣка, а порокъ есть источникъ стыда и униженія. Но ни Дидро, ни Вольтеръ никогда не позволяли себѣ льстить народной массѣ, приписывая ей такія качества, которыми едва ли можетъ обладать народная мас-

¹⁾ См. ст. *Л и х е*, XVI. 23.

са. Коротенькая статья о *Multitude* повидимому вставлена въ Энциклопедію только для того, чтобъ разрушить ни на чемъ неоснованныя притязанія толпы. «Не довѣряйте мнѣнію толпы во всемъ, что принадлежитъ къ сферѣ разсудка и философіи; касательно такихъ предметовъ ея голосъ есть голосъ зложелательства, безразсудства, безчеловѣчія, умственной непослѣдовательности и суетвѣрія. Не довѣряйте ей и въ такихъ предметахъ, которые требуютъ много знанія или изящнаго вкуса. Толпа невѣжественна и пошла. Не довѣряйте ей и въ томъ, что касается нравственности; она не способна на энергическій и великодушный образъ дѣйствій; она скорѣе удивляется такого рода дѣйствіямъ, чѣмъ одобряетъ ихъ; въ ея глазахъ геройская самоотверженность есть почти тоже что сумасбродство. Не довѣряйте ей и въ томъ, что касается чувствъ; развѣ деликатность чувствъ есть такое обыкновенное качество, что вы можете искать его въ толпѣ? Такъ въ чемъ же свойства толпы оказываются хорошими? Во всемъ, но только по истеченіи долгаго времени, потому что тогда она дѣлается отголоскомъ, повторяющимъ мнѣнія немногихъ умныхъ людей, которые заранѣе готовятъ мнѣнія потомства. Если на вашей сторонѣ будетъ свидѣтельство вашей совѣсти, а противъ васъ свидѣтельство толпы, не тревожьтесь и будьте увѣрены, что время воздастъ всякому должное.» Между писателями не часто встрѣчаются такіе люди, у которыхъ презрительное убѣжденіе въ недоступности для толпы высшихъ сферъ мысленія соединяется съ горячимъ желаніемъ сдѣлать жизнь народной массы приличной для людей, которые уважаютъ самихъ себя.

Та же самая рука, которая написала только что цитированныя оскорбительныя для народной массы слова, написала и слѣдующую коротенькую статью о нищетѣ:—«Немного людей съ такимъ твердымъ характеромъ, что нищета не доводитъ ихъ до отчаянія и нравственнаго паденія. Бѣдные простолюдины тупоумны до невѣроятія. Я не понимаю, какое ослѣпительное заблужденіе мѣшаетъ имъ ясно видѣть, какъ бѣдственно ихъ настоящее положеніе и какое еще болѣе бѣдственное положеніе ожидаетъ ихъ въ старости. Нищета мать великихъ преступленій. Несчастливыми дѣлаютъ людей правители; на нихъ то и лежитъ отвѣтственность и въ этомъ мірѣ и въ томъ за всѣ преступленія, вызываемыя нищетою».

Что касается правительственнаго механизма, Дидро пишетъ объ этомъ предметѣ большею частію придерживаясь мнѣній Монтескье. Подъ заголовкомъ *Représentants* онъ доказываетъ не столько пользу управленія посредствомъ собранія, состоящаго изъ народныхъ представителей, сколько пользу того, чтобъ подобное собраніе помогало королевскому правительству своими совѣтами. Здѣсь нѣтъ ни одного слова о всеобщей подачѣ голосовъ. «*Собственность со-*

здаетъ гражданъ; всякій, у кого есть собственность въ государствѣ, заинтересованъ въ поддержаніи государства и каково бы ни было положеніе, предоставляемое ему спеціальными установленіями, оно всегда будетъ положеніемъ собственника; только благодаря тому, что онъ чѣмъ нибудь владѣеть, онъ имѣетъ право голоса и приобретаетъ право имѣть отъ себя представителя». Однако эта вполнѣ ясная мысль не спасаетъ Дидро отъ противорѣчій, въ которыя обыкновенно впадаетъ демократическая философія, когда занимается политикой. Сверхъ того, съ точки зрѣнія логики, приведенное мнѣніе не можетъ быть согласовано съ другими мнѣніями, которыя Дидро высказываетъ въ той же самой статьѣ. Такъ на примѣръ онъ говоритъ, что «ни одинъ разрядъ гражданъ не способенъ входить въ соглашенія отъ имени всѣхъ; еслибы одинъ какой либо разрядъ имѣлъ такое право, онъ очень скоро сталъ бы входить въ соглашенія, вызванныя его собственной пользой; каждый разрядъ долженъ имѣть представителями людей, хорошо знакомыхъ съ его положеніемъ и его нуждами; эти нужды хорошо извѣстны только тѣмъ, кто испытываетъ ихъ на дѣлѣ». Но въ такомъ случаѣ для самаго бѣднаго класса населенія было бы всего болѣе необходимо имѣть непосредственныхъ представителей; этотъ классъ самый многочисленный, его нужды самыя настоятельныя, и его интересы самымъ непосредственнымъ образомъ затрогиваются всѣмъ, что касается войны, истощенія національнаго богатства, расходованія государственныхъ доходовъ, равенства передъ закономъ, судебной администраціи и другихъ предметовъ, подлежащихъ вѣдомству законодательнаго собранія. Вопросъ заключается въ томъ, какъ согласить необходимость участія массы населенія въ дѣлахъ управленія съ тѣмъ невѣжествомъ и умственнымъ настроеніемъ, которые ей приписываетъ самъ Дидро.

Рамки излагаемаго нами предмета не позволяютъ намъ заняться интереснымъ изслѣдованіемъ, какими новыми политическими идеями обогатилъ публицистику столѣтній опытъ Англіи, Франціи, Германіи и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Статья Дидро о *Законодатель* представляетъ странное смѣшеніе тѣхъ понятій, которыя считаются политическими писателями за устарѣлыя и тѣхъ, которыя служатъ въ наше время руководствомъ для самыхъ просвѣщенныхъ государственныхъ людей. Здѣсь немало говорится въ тонѣ Жанъ-Жака Руссо объ удивительной законодательной дѣятельности Ливурга въ Спартѣ, о философской системѣ управленія великой китайской имперіи и о превосходномъ духѣ государственныхъ учреждений въ Перу. Для насъ становится яснымъ, что подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, по которымъ политическая сантиметальность Руссо сдѣлалась столь популярной, и мощный умъ Дидро проникся убѣжденіемъ, что

ничѣмъ не стѣсняемая правительственная власть можетъ сдѣлать людей такими, какими пожелаетъ, и можетъ вводить такія государственныя учрежденія, какія ей угодно. Убѣжденіе, что главная обязанность всякаго правительства заключается въ томъ, чтобъ сдѣлать подчиненный ему народъ счастливымъ, такъ же сильно у Дидро, какъ оно было сильно у Руссо и впоследствии у Робеспьера. Дидро превозноситъ китайскихъ императоровъ за то, что ихъ указы похожи на увѣщанія отца къ дѣтямъ. Всякій указъ, говоритъ онъ, долженъ поучать и увѣщевать столько же сколько предписывать. Однако, когда черезъ два года послѣ окончанія Энциклопедіи (1774), Тюрго предпослалъ своимъ проэктамъ преобразованій подробное и ясное изложеніе ихъ мотивовъ, это предисловіе произвело болѣе сильное впечатлѣніе на умы, нежели самые законы, которые онъ хотѣлъ ввести.

Помимо общеупотребительныхъ выраженій восторга по поводу «великолѣпнаго законодательства» такихъ странъ, о которыхъ писатель въ сущности не имѣлъ никакого понятія, мы находимъ въ статьѣ о *Законодатель* нѣсколько пунктовъ, заслуживающихъ вниманія. Мы уже видѣли, что Дидро считалъ обладаніе собственностью за существенное отличіе гражданина и за основаніе его правъ на участіе въ дѣлахъ управленія. Но онъ придавалъ собственности такое высокое значеніе не даромъ. Законодатель, говоритъ онъ, обязанъ напрягать всѣ свои усилія къ тому, чтобъ вознаградить человѣчество за утрату того равенства, которое принадлежитъ къ числу жертвъ, принесенныхъ людьми въ то время какъ они отказались отъ естественнаго состоянія. Поэтому законодатель долженъ стараться, чтобъ никто не могъ достигать огромнаго богатства иначе какъ путемъ такой дѣятельности, которая обогащаетъ государство. «Онъ долженъ заботиться о томъ, чтобъ общественныя тяжести падали на богачей, получающихъ выгоды отъ общества». Даже тѣ, которые раздѣляютъ мнѣніе Дидро и готовы подать свой голосъ за постепенный подоходный налогъ, согласятся со мною, что онъ приходитъ къ такому выводу, не изучивъ и не провѣривъ ни подкрѣпляющихъ его серьезныхъ аргументовъ, ни вызываемыхъ имъ серьезныхъ возраженій.

Но еще болѣе интересно для насъ въ этой длинной статьѣ то, что ея авторъ предвкусываетъ идеи, съ которыми нераздѣльно связываютъ въ Англіи имя Кобдена. «Люди всѣхъ странъ стали необходимы другъ для друга для обмѣна продуктовъ промышленности и произведеній почвы. Торговля сдѣлалась новою связью между людьми. Каждая нація заинтересована въ наше время тѣмъ, чтобъ всякая другая нація сохранила свое богатство, свою промышленность, свои банки, свою роскошь и свое земледѣліе. Банкротства въ Лейп-

цигѣ, въ Лиссабонѣ и въ Лимѣ вызвали новыя банкротства на всѣхъ европейскихъ биржахъ и повліяли на судьбу многихъ милліоновъ людей». 1) Подъ вліяніемъ того же умственного настроенія онъ предвидитъ упадокъ патриотизма въ прежнемъ узкомъ смыслѣ этого слова и преобладаніе международныхъ влеченій надъ національными. «Теперь всѣ націи имѣютъ достаточно правильныя понятія о своихъ сосѣдяхъ и потому приходятъ въ восхищеніе отъ своего отечества гораздо менѣе, чѣмъ въ старыя времена невѣжества. Тамъ, гдѣ много просвѣщенія, мало энтузіазма; энтузіазмъ почти всегда есть ничто иное, какъ душевное волненіе въ такомъ человѣкѣ, который болѣе страстенъ, чѣмъ образованъ. Сравнивая законы однихъ странъ съ законами другихъ, таланты и нравы однихъ съ талантами и нравами другихъ, народы найдутъ такъ мало основанія считать себя выше другихъ, что если въ нихъ и сохранится та любовь къ отечеству, которая основана на личныхъ интересахъ, они все таки утратятъ тотъ энтузіазмъ, который есть результатъ исключительнаго самоуваженія».

Впрочемъ у Дидро достало проницательности на то, чтобъ подмѣтить и вредъ, который можетъ произойти отъ такого переворота въ соціальныхъ идеяхъ. «Торговля, точно такъ же какъ и просвѣщеніе, смягчаетъ суровость нравовъ, но, точно такъ же какъ просвѣщеніе заглушаетъ энтузіазмъ самомнѣнія, торговля заглушаетъ энтузіазмъ добродѣтели. Она мало по малу заглушаетъ въ насъ духъ великодушнаго безкорыстія и замѣняетъ его духомъ суровой справедливости. Направляя умы людей къ тому что полезно, а не къ тому, что прекрасно, къ тому что благоразумно, а не къ тому что возвышенно, она можетъ оказать вредное вліяніе на то, что есть возвышеннаго и благороднаго въ нравахъ».

Всѣ эти мнѣнія, какова бы ни была степень ихъ основательности, во всякомъ случаѣ болѣе вѣрны, чѣмъ утвержденіе Дидро, что впредь для каждой изъ европейскихъ націй завоеванія будутъ нравственной невозможностью. Въ ту пору Наполеонъ Бонапартъ еще только начиналъ свою военную карьеру. Но была ли эта карьера

1) Какъ на доказательство того, какъ сильно эти идеи были въ ходу, мы можемъ сослаться на одно мѣсто въ народной комедіи Седэна *Философъ безъ собственнаго вѣдома* (1765), актъ II, сд. IV. Вандеръ говоритъ о купцѣ:— «Онъ служитъ не одному какому либо храму и не одной какой либо націи; онъ служитъ имъ всѣмъ и получаетъ отъ нихъ услуги: это человѣкъ всемірный. Нѣкоторые смѣлые люди возстановляютъ королей другъ противъ друга, вспыхиваетъ война, все объято ея пламенемъ и вса Европа раздѣлена на партіи, но не смотря на это и англійскій, и голландскій, и русскій и китайскій купецъ не перестаютъ быть близкими моему сердцу; мы на земной поверхности то же что шелковыя нити, которыя связываютъ одну націю съ другой и возстановляютъ между ними согласіе вслѣдствіе требованій торговли; вотъ, сынъ мой, что такое честный торговецъ».

подтвержденіемъ или опроверженіемъ мнѣнія Дидро,—это спорный вопросъ.

Однако намъ пора закончить нашъ очеркъ великаго произведенія. Мы сдѣлаемъ только одно заключительное замѣчаніе. Развѣ неудивительно, что человѣкъ съ такимъ отважнымъ умомъ и такими философскими дарованіями не могъ возвыситься отъ механическаго распредѣленія идей и познаній до какого нибудь болѣе возвышеннаго и болѣе широкаго взгляда на отношенія между 18-мъ столѣтіемъ и тѣми великими системами мышленія, методами и вѣрованіями, которыя въ различныя эпохи и на различныхъ пространствахъ земнаго шара служили отвѣтомъ на вопросы, обращенные передовыми людьми къ самимъ себѣ и къ окружающей ихъ безжалостной природѣ? Мы постоянно чувствуемъ, какъ близокъ Дидро къ той точкѣ зрѣнія, которая освѣтила-бы его умъ. Мы чувствуемъ, какъ онъ близокъ отъ того, чтобъ видѣть въ умственныхъ экспериментахъ человѣческаго рода и на востокѣ и на западѣ не предрасудки, не упадокъ, не унижительныя заблужденія, но свидѣтельства такихъ умственныхъ усилій и влеченій, которыя достойны человѣческаго вниманія и научнаго анализа, а по своимъ цѣлямъ и содержанію одного закала съ новѣйшей наукой и съ новѣйшими фазами религіознаго и антирелигіознаго развитія идей. Дидро былъ единственный членъ партіи философовъ, который былъ способенъ возвыситься до такого взгляда. Еслибы Дидро додумался до такого руководящаго понятія о единствѣ исторіи человѣческаго ума и объ органической связи между всѣми теоріями мышленія, то мы имѣли бы настоящую Энциклопедію,—мы имѣли бы такой обзоръ и такое изложеніе всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ въ мірѣ, что могли бы отсюда заключить, какіе вопросы преимущественно заслуживаютъ нашего вниманія и на которые изъ нихъ уже есть удовлетворительные отвѣты.

Но для этого еще не настало время. Франціи и всей Европѣ предстояло рѣшить важную соціальную задачу; ее нельзя было откладывать до той поры, когда мыслители выработаютъ систему вполне удовлетворяющую требованіямъ философіи. Впрочемъ мыслители и не дѣлали никакихъ серьезныхъ усилій, чтобъ достигнуть такого совершенства. Тѣмъ не менѣе Энциклопедія была серьезнымъ и не вполне неудачнымъ предпріятіемъ. Разставляя снова на моихъ полкахъ эту гору волюмовъ «мрачныхъ, громадныхъ, и кажущихся еще болѣе громадными, когда станемъ разсматривать ихъ содержаніе», я предчувствую, что ни я ни кто либо другой не нарушитъ еще разъ ихъ покоя. Лѣтъ сто тому назадъ они были орудіемъ великой цѣли, а теперь они ничто иное какъ развалина, покрытая многочисленными историческими наслоеніями. Здѣсь передъ нами не над-

гробный памятникъ египетскаго короля Озимандія, поражающій наши взоры своими уродливыми развалинами и освѣжающій въ насъ безплодныя воспоминанія. Они скорѣе похожи на мрачныя полуразрушившіяся стѣны старой крѣпости, которая была сооружена мощными руками людей вѣровавшихъ въ свое дѣло, и изъ которой гучка бойцевъ однажды выступила на встрѣчу шайкъ варваровъ для борьбы за человѣчество и за правду.

ГЛАВА VI.

Общественная жизнь.

(1759—1770).

Тотъ обнаружилъ бы свое незнакомство съ фактами, кто сталъ бы утверждать, что тѣ люди восемнадцатаго столѣтїя, которые не вѣрили въ Бога и были такъ же мало цѣломудренны, какъ царь Давидъ, были нисколько не лучше безпечныхъ бродягъ изъ Грубъ-стрита. Послѣ того какъ Дидро взялся за свое громадное предпрїятїе, онъ сдѣлался добропорядочнымъ человѣкомъ. Правда онъ былъ сердечно привязанъ къ одной особѣ, которая не была его женой. Но въ то время и при дворѣ и въ средѣ энциклопедистовъ на бракъ смотрѣли лишь какъ на внѣшнюю связь. Если только не было явнаго разрыва и какого нибудь скандала, свѣтъ не обращалъ на эти дѣла никакого вниманїя. Дидро былъ нисколько не хуже тѣхъ, кто его окружалъ, хотя намъ и очень жаль, что человѣкъ съ такими благородными влеченїями и съ такими возвышенными порывами не былъ лучше ихъ. Если мы сдѣлаемъ надлежащую уступку нравамъ того времени, мы будемъ въ правѣ сказать, что дѣвица Волянъ принадлежала къ разряду почтенныхъ и сантиментальныхъ женщинъ. Ея семейство занимало въ обществѣ хорошее положенїе; она жила вмѣстѣ съ матерью и сестрами, и со всѣми ними Дидро былъ въ хорошихъ отношенїяхъ. Мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятїе о характеристическихъ особенностяхъ этихъ трехъ дамъ изъ слѣдующаго разговора между Дидро и однимъ господиномъ, случайно познакомившимся съ ними: «Онъ сказалъ мнѣ, что провелъ три мѣсяца въ деревнѣ, гдѣ вы живете.— *Три мѣсяца,—это гораздо больше того,*

что нужно, чтобъ сойти съума отъ г-жи Лежандръ ¹⁾.— Это правда, но вѣдь она такъ сдержанна! — Я не знаю женщины, у которой было бы столько же самоуваженія сколько у нея.— Она имѣетъ на это полное право.— Г-жа Волянъ ... женщина съ рѣдкими достоинствами.— А ея старшая дочь.... Она умна какъ чертъ.— Она очень умна, но мнѣ всего болѣе нравится въ ней ея откровенность. Я готовъ биться объ закладъ, что съ тѣхъ поръ, какъ она достигла возраста разсудка, она не сказала сознательно ни одной лжи». ²⁾— Отсюда видно, что отношенія Дидро къ Софіи Волянъ нисколько не были похожи на грязную любовную связь съ необразованной или легкомысленной свѣтской женщиной. Всѣ внѣшнія приличія строго соблюдались. Ихъ взаимная привязанность хотя въ началѣ и не обходилась безъ любовныхъ ухаживаній, но очень скоро приняла характеръ достоинства и благопристойности, какъ это нерѣдко случается когда въ чловѣкѣ, достигшемъ зрѣлаго возраста, смягчается пылкость юношескихъ страстей и является потребность придать своей привязанности философскій отпечатокъ.

Письма, которыя Дидро писалъ къ дѣвицѣ Волянъ, представляютъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ мемуаровъ о восемнадцатомъ столѣтіи. Касательно подлинности этихъ писемъ никогда не возникло ни малѣйшаго сомнѣнія, а по отношенію къ ихъ содержанію, ихъ неподдѣльность вполнѣ очевидна изъ ихъ оригинальнаго характера. Они въ первый разъ были напечатаны въ 1830 съ рукописи, которая за годъ передъ тѣмъ была продана книготорговцу однимъ французскимъ литераторомъ по имени Жѣди-Дюгуромъ. Этотъ Жѣди-Дюгуръ перешелъ въ русское подданство, переименовался въ Гурова и умеръ статскимъ совѣтникомъ и начальникомъ петербургскаго университета. Нѣтъ никакой возможности догадаться, какимъ путемъ добылъ онъ письма Дидро. Существуетъ предположеніе, что послѣ смерти дѣвицы Волянъ, ея семейство возвратило Дидро его письма и другія бумаги, и что Дидро передалъ ихъ вмѣстѣ съ другими документами Гримму. Отъ этого послѣдняго они перешли въ бібліотеку петербургскаго Эрмитажа. Продалъ-ли Жѣди-Дюгуръ копіи или оригиналы, и, если то были копіи, то снималъ-ли онъ ихъ въ упомянутой бібліотекѣ, которая однако была ни для кого недоступна въ теченіе царствованія Николая I,—это литературные секреты, разгадать которые нѣтъ возможности. Вообще, говоря о Дидро, не слѣдуетъ забывать, что духъ мистификаціи, проявлявшійся въ литературѣ восемнадцатаго столѣтія, не переставалъ

¹⁾ Младшая сестра Софіи, которую любилъ Дидро.

²⁾ XVIII. 454.

варить и надъ литературой девятнадцатаго. Это мы сейчас увидимъ на другомъ оставшемся отъ Дидро письменномъ документѣ, который даже болѣе интересенъ, чѣмъ его письма къ дѣвицѣ Волянъ 1).

Эти письма не представляютъ непрерывной серіи. Они писались только въ тѣхъ случаяхъ, когда Дидро уѣзжалъ изъ Парижа или когда дѣвица Волянъ уѣзжала въ деревню къ своей матери. Дидро выражался въ нихъ, повидимому, откровенно и безъ всякаго лицемерія. Отвѣтныя письма дѣвицы Волянъ, по причинамъ, которыя для всякаго понятны, адресовались не въ квартиру Дидро, а тайнымъ образомъ въ бюро того самаго Дамилавилля, который такъ хорошо знакомъ всякому, кто читалъ переписку Вольтера. Дамилавиль былъ начальникомъ одного изъ почтовыхъ отдѣленій; здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ многихъ образчиковъ тайнаго соглашенія между представителями правительственной власти и ея врагами, такъ какъ письма и пакеты Вольтера, Дидро и прочихъ членовъ этой группы принимались, рассылались, хранились и франкировались начальникомъ одного изъ правительственныхъ учрежденій. Хлопоты, которыя Дамилавиль добровольно принималъ на себя съ цѣлію услужить своимъ друзьямъ, служатъ также свидѣтельствомъ той странной любезности и сердечной заботливости, на которыя мы уже указывали какъ на отличительную черту того времени. «Какая внимательность со стороны Дамилавилля»; — писалъ Дидро, — «сегодня воскресенье и ему нужно было выѣхать изъ своего бюро. Но онъ былъ увѣренъ, что я найду сегодня вечеромъ, потому что онъ зналъ, что я жду отъ васъ письма. Онъ оставилъ не запертою дверь; на столѣ горѣли двѣ свѣчи и между ними онъ положилъ ваше письмо и написанную имъ самимъ любезную записочку». И при свѣтѣ этихъ свѣчей Дидро тотчасъ написалъ длинный отвѣтъ 2).

Насъ не можетъ удивлять то, что въ этихъ письмахъ безпрестанно идетъ рѣчь о запоздавшихъ почтовыхъ курьерахъ, о не дошедшихъ до своего назначенія отвѣтахъ, о невыносимости разлуки и объ ожидаемыхъ въ будущемъ радостяхъ. Это все та же старая болтовня между мужчинами и женщинами, которая неизмѣнно возобновляется съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ; только по ней мы и догадываемся, что читаемъ письма, адресованныя мужчиной къ женщинѣ. Она интересна для насъ только потому, что представляетъ намъ оригинально откровенное и чистосердечное описаніе всендневной жизни автора этихъ писемъ.

1) См. главу о *Племянникѣ г-на Рамо*.

2) 10 нояб., 1770; XIX. 22.

Нѣкоторые полагають, что лучшее средство придать сколько нибудь твердую основу жизни, для того, чтобъ она не заволакивалась туманомъ эфемерныхъ мечтаній, заключается въ топографическомъ ея сосредоточеніи, — въ привычкѣ постоянно жить все въ одномъ и томъ-же домѣ. Дидро принадлежитъ къ числу не многихъ людей, подчинявшихся этому требованію. Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ занималъ четвертый и пятый этажи дома, который еще не очень давно существовалъ на углу улицы Сенъ-Бенуа и улицы Тараннь въ томъ самомъ Парижѣ, котораго не хотять изучать въ подробностяхъ наши туристы, но который тѣмъ не менѣе до сихъ поръ остается настоящимъ Парижемъ восемнадцатаго столѣтія. О томъ, какъ былъ устроенъ его кабинетъ, сохранилось прелестное описаніе, сдѣланное рукою самого жильца. Оно находится въ его игривыхъ *Regrets sur ma vieille robe de chambre* (*Сожаланія о моемъ старомъ халатѣ*), столь богатыхъ удачными и восхитительными штрихами.

„Зачѣмъ я разстался съ нимъ? Онъ былъ по мнѣ, а я былъ по немъ. Онъ обхватывалъ всѣ изгибы моего тѣла, не стѣсняя его; я былъ живописень и красивъ. А этотъ жѣстокъ, чопорень и дѣлаетъ изъ меня какую-то чучелу. Не было такой потребности, къ которой онъ не примѣнялся бы съ полной готовностью; вѣдь бѣдность почти всегда бываетъ услужлива. Была-ли покрыта пылью какая нибудь книга, одна изъ его полъ предлагала свои услуги, чтобъ обтереть ее. Отказывались-ли сгустившіяся чернила течь съ моего пера, онъ предлагалъ свой бокъ, на которомъ были изображены длинными черными полосами частыя услуги, которыя онъ мнѣ оказывалъ. Эти длинные полосы свидѣтельствовали о томъ, что я литераторъ, писатель, человекъ работающій. А теперь я съ виду похожъ на богатаго туенядца; никакъ не узнаешь, кто я таковъ... Я былъ полнымъ хозяиномъ моего стараго халата; я сдѣлался рабомъ моего новаго халата. Драконъ, который стерегъ золотое руно, не былъ болѣе безпокоень, чѣмъ я. Я окружень заботами.

„Страстный старикъ, связавшій себя по рукамъ и по ногамъ, чтобъ подчиниться капризамъ молодой вѣтреницы, повторяетъ съ утра до вечера: Гдѣ моя добрая старая экономка? Какой демонъ смутилъ меня въ тотъ день, когда я прогналъ ее изъ-за этой новой? Потомъ онъ плачетъ и вздыхаетъ.

„Я не плачу и не вздыхаю, но ежеминутно повторяю: да будетъ проклятъ тотъ, кто изобрѣлъ искусство придавать самой простой матеріи цѣнность, окрашивая ее въ красный цвѣтъ! Да будетъ проклято дорогое одѣяніе, къ которому я обязанъ относиться съ уваженіемъ! Гдѣ мой старья, скромныя, покойныя грубыя лохмотья?

„И это, другъ мой, еще не все. Послушайте, какія опустошенія производитъ роскошь, и какіе бываютъ результаты роскоши, которая во всемъ послѣдовательна. Мой старый халатъ совершенно

подходилъ къ окружавшей меня ветши... Соломенный стулъ, деревянный столъ, еловая доска, на которой стояло нѣсколько книгъ, покрытые копотью эстампы, у которыхъ не было рамокъ и которые были приколочены по угламъ къ стѣнѣ; промежъ этихъ эстамповъ три или четыре гипсовыя фигуры,—вотъ что представляло вмѣстѣ съ моимъ старымъ халатомъ самую гармоническую нищету. А теперь гармонія нарушена. Нѣтъ болѣе ни цѣльности, ни единства, ни красоты.

„Ни женщина, вступающая въ домъ вдовца, ни министръ, замѣняющій впаваго въ немилость министра, ни епископъ-молинистъ, завладѣвшій приходомъ епископа-явсениста, не могли бы произвести такого смятенія, какое произвелъ у меня этотъ ярко-красный пришлецъ.

Я безъ отвращенія смотрю на крестьянку. Этотъ кусокъ грубой матеріи, покрывающій ея голову; эти волосы падающіе въ беспорядкѣ на ея щеки; это дырявое рубище, лишь на половину прикрывающее ея тѣло; эта дрянная коротенькая юпочка, спускающаяся лишь до колѣнъ; эти голыя и покрытыя грязью ноги—все это не оскорбляетъ меня: это—картина такой трудовой жизни, которую я уважаю, это—дурныя стороны нужды и несчастія, о которыхъ я сожалею. Но я прихожу въ негодованіе, удаляюсь и отворачиваюсь,—не смотря на окружающую ее ароматическую атмосферу,—отъ той развратницы, на которой изысканная прическа, разорванные манжетки, грязные шелковые чулки и изношенная обувь свидѣтельствуютъ о томъ, какъ нищета сегодняшняго дня соединяется съ вчерашней роскошью. Такова была бы и внутренность моего жилища, еслибы ярко-красный повелитель не настроилъ всего остального на одинъ съ нимъ тонъ. У меня были двѣ нелишенныхъ достоинства гравюры: *Паденіе манны въ пустынь* Пуссена и *Эсфирь передъ Ассуромъ* того же художника; одна изъ нихъ,—а именно печальная Эсфирь,—постыднымъ образомъ выгнана какимъ-то Рубенсовымъ старикомъ, а *Манна* разбѣяна по вѣтру *Бурей* Вернэ. Сафьянное кресло изгнало соломенный стулъ въ прихожую. Гомеръ, *Виргилій*, *Горацій*, *Цицеронъ* облегчили тонкую еловую доску, гнувшуюся подъ ихъ тяжестью, и были заключены въ шкапъ, украшенный мозаикой—убѣжище болѣе достойное ихъ, нежели меня... Деревянный столъ не уступалъ своего мѣста; масса разбросанныхъ на немъ брошюръ и бумагъ охраняла его и, казалось, долго будетъ охранять отъ угрожающаго ему униженія. Но и онъ не избѣгъ своей участи, и всѣ мои брошюры и бумаги, не смотря на мою лѣнь, сами размѣстились на полкахъ дорогаго письменнаго стола... Вотъ какъ назидательное убѣжище философа превратилось въ позорный кабинетъ откупщика. Этимъ я нанесъ оскорбленіе народной нищетѣ.

„Отъ моей прежней скромной обстановки остался лишь полосатый коверъ. Я сознаю, что этотъ жалкій коверъ не подходитъ къ моей роскоши. Но я уже поклялся и снова клянусь, что я сохранию

этот коверъ, точно такъ какъ крестьянинъ, переселившійся изъ своей хижины въ дворецъ своего государя, сохранилъ свои деревянные башмаки. Когда я, надѣвши на себя великолѣпный красный халатъ, вхожу утромъ въ мой кабинетъ и опустивши внизъ глаза, примѣчаю мой старый полосатый коверъ, я вспоминаю о моемъ прежнемъ положеніи, и чувство гордости не осмѣливается проникать въ мое сердце. Нѣтъ, другъ мой, я не развратился. Нужда всегда находитъ у меня отпертую для себя дверь, и прежнюю привѣтливость; я выслушиваю ее, даю ей совѣты, помогаю ей, жалѣю ее“....

А между тѣмъ въ его домашней жизни Сократу-Дидро небо ниспослало также мало семейныхъ радостей, какъ и болѣе древнему и болѣе великому Сократу. Конечно и самъ Дидро не былъ безупреченъ. Руссо отозвался о его женѣ какъ о сварливой и бранливой женщинѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что она была именно такова; она была упряма въ своихъ отношеніяхъ къ мужу, нетерпѣлива въ обхожденіи съ дѣтьми, требовательна и безразсудна въ своемъ обхожденіи съ прислугой. 1) Мы не считаемъ себя въ правѣ рѣшить, кто изъ нихъ былъ болѣе достоинъ порицанія. Ихъ совмѣстная жизнь была очень печальна, и ея описаніе производитъ на насъ непріятное и грустное впечатлѣніе. Дидро возвращается вечеромъ отъ Гольбаха, бросаетъ изъ-за двери въ свою комнату портфель, бѣжитъ за письмомъ отъ дѣвицы Воланъ, пишетъ къ ней письмо, возвращается домой въ полночь, находитъ свою дочь больной, обращается съ ласковыми и привѣтливыми вопросами къ женѣ, но та отвѣчаетъ ему съ такой раздражительностью, что онъ находится вынужденнымъ замолчать. 2) Случались и болѣе бурныя сцены. На него въ теченіе двухъ длинныхъ часовъ изливаются потоки незаслуженныхъ и безразсудныхъ упрековъ и онъ удивляется, какая будетъ его женѣ польза, если она доведетъ его до того, что у него лопнетъ одинъ изъ кровеносныхъ сосудовъ; и вотъ какъ онъ изливаетъ свою скорбь: — «Ахъ, какъ тяжела мнѣ жизнь! сколько разъ я встрѣтилъ бы съ радостью ея конецъ!» 3) Вотъ какъ мучительна жизнь въ такой семьѣ, гдѣ нѣтъ согласія; вотъ какъ муцины и женщины своими прискорбными жгучими раздорами разрываютъ на куски ту нѣжную ткань, которая привязываетъ ихъ другъ къ другу. Развѣ можно смотрѣть на это безъ сожалѣнія!

Попадаются и болѣе свѣтлые промежутки времени; тогда можно было подумать, что въ домѣ было бы болѣе счастья, еслибы жена

1) См., для примѣра, XIX. 81, 91, 129, 133, 145 и пр; Карлэйль и Розенкранцъ или просмотрѣли эти мѣста или усомнились въ ихъ достовѣрности, не имѣя на то никакихъ основаній.

2) XVІІІ. 293.

3) XIX. 46.

была хоть немного болѣе терпѣлива, снисходительна, привѣтлива, и не много менѣе предавалась своимъ бесплоднымъ суетвѣрїямъ. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ современнаго соціального идеала женщины заключается въ томъ, что систематически поддерживая въ ней невѣжество, предрасудки и узкость взглядовъ, онъ не требуетъ отъ нея смиренїя. «Будьте довольны»,—говорилъ Джонъ Веслей своей своенравной женѣ,—«будьте довольны тѣмъ, что вы частное незначительное лице, и что васъ знаютъ и любятъ Богъ да я. Какое значеніе имѣетъ ваша личность для человѣческаго рода? Если бы вы сейчасъ умерли или еслибы вы никогда не жили, что потеряло бы отъ того дѣло Божїе»? Однако едва ли можно утверждать, что это энергическое внушеніе исчерпываетъ вопросъ. Оно лишь объясняетъ, какихъ здравыхъ понятій недоставало г-жѣ Дидро и какихъ всегда будетъ нехватать многимъ болѣе достойнымъ личностямъ, пока женщина—въ силу общественнаго мнѣнія или въ силу законовъ,—будетъ устраняться отъ дѣятельнаго участїя въ разрѣшенїи важныхъ общественныхъ вопросовъ и вслѣдствїе того будетъ относиться безучастно ко всему, кромѣ домашнихъ интересовъ и эгоистической личной пользы. Между тѣмъ въ домашней жизни Дидро настали болѣе свѣтлыя минуты. «Я объявилъ»—пишетъ Дидро,—«что я уѣзжаю въ будущїй вторникъ. Лишь только я это сказалъ, на лицахъ и матери и дочери обнаружилось смущенїе. У дѣвочки было готово привѣтствїе къ дню моего рожденїя и ей было досадно, что она заучивала его по напрасну, а мать предполагала дать большой обѣдъ въ воскресенье. Но все уладилось какъ нельзя лучше. Я совершилъ мою поѣздку и возвратился во время для того, чтобъ выслушать привѣтствїе и присутствовать на праздничномъ обѣдѣ. Милая дѣвочка продекламировала свою коротенькую рѣчь самымъ обворожительнымъ образомъ. Когда ей приходилось произнести какое нибудь трудное слово, она останавливалась и говорила мнѣ: «папаша, это случилось отъ того, что у меня выпали два переднихъ зуба»,—и это была правда. Затѣмъ она продолжала далѣе. Она должна была въ заключенїе подать мнѣ букетъ, но не могла его отыскать; поэтому она еще разъ остановилась и сказала мнѣ:—«Вотъ что всего хуже: мои цвѣты пропали». Затѣмъ она отправилась отыскивать цвѣты. Мы обѣдали на широкую ногу. Моя жена пригласила всѣхъ своихъ друзей. Я былъ очень веселъ, много ѣлъ и пилъ и исполнялъ обязанности хозяина какъ нельзя лучше. Вставши изъ-за стола, я остался въ ихъ обществѣ и сѣлъ играть въ карты, вмѣсто того чтобъ выйти изъ дому. Они разошлись въ двѣнадцатомъ часу; я былъ въ высшей степени любезенъ и если бы вы знали съ кѣмъ; еслибы вы знали что это за фізіономїи, что это за люди, и какой шелъ разговоръ!»

Въ другой разъ дѣвочка спросила у него шопотомъ, почему мать запретила ей напоминать ему, что завтра день ея рожденія. Семейныя сцены становились еще болѣе прискорбными, благодаря присутствію веселаго полнаго надеждъ ребенка, машинально смотрѣвшаго своими невинными глазами на трагическую развязку любовной связи, превратившейся въ полный горечи раздоръ. Впрочемъ Дидро исполнилъ въ этотъ день свой долгъ и подалъ женѣ букетъ, который былъ принять не то чтобъ хорошо и не то чтобъ дурно. Въ качествѣ хозяина дома онъ предсѣдалъ на обѣдѣ, данномъ въ день ея рожденія. «Если бы вы были тутъ, спрятавшись за занавѣску, вы непременно задали бы себѣ вопросъ, какъ всѣ эти сплетни и вся эта болтовня могутъ совмѣщаться съ нѣкоторыми идеями въ одной и той же головѣ! По правдѣ сказать, я былъ обворожительнъ и удивительно хорошо разыгрывалъ роль глупца» 1).

Среди всѣхъ этихъ большихъ или малыхъ тревогъ, Дидро былъ одержимъ неукротимымъ духомъ предприимчивости. «Я говорю вамъ» — писалъ онъ, — «то же, что говорю всякому: когда вы въ дурномъ расположеніи духа, тотчасъ беритесь за какое нибудь доброе дѣло. Стараясь помочь чужому горю, я забываю мое собственное». Онъ усердно занимался образованіемъ своей дочери, но сѣтовалъ на то, что ея мать уничтожала въ одинъ день то, что онъ насаждалъ въ ея душѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Книгопродавцы находили въ немъ самага любезнаго и самага усерднаго работника. Онъ былъ способенъ работать безъ перерыва цѣлый мѣсяцъ по десяти часовъ въ день надъ просмотромъ корректуръ. Ему случалось не выходить по цѣлымъ недѣлямъ изъ своего кабинета. Онъ утомлялъ свое зрѣніе надъ металлическими досками для гравированія и объяснительными чертежами, не имѣя при этой тяжелой работѣ какой либо ободряющей мысли, кромѣ убѣжденія, что результатомъ этого будутъ оскорбленія, преслѣдованія, нравственныя муки и обманъ. Онъ не только проводилъ цѣлые дни надъ своимъ пюпитромъ пока не почувствуетъ, что вся его внутренность въ огнѣ, но работалъ также по ночамъ. Однажды онъ до того усталъ и ослабѣлъ, что заснулъ, положивъ голову на пюпитръ; свѣча упала на его бумаги и онъ, проснувшись, увидѣлъ, что половина книгъ и бумагъ, лежавшихъ на пюпитрѣ, обратилась въ пепель. «Я никому ничего объ этомъ не сказалъ», — пишетъ онъ, — «потому что одинъ только намекъ на такое несчастное происшествіе отнять бы у моей жены сонъ на всю жизнь» 2).

Его любимымъ развлеченіемъ по воскреснымъ днямъ была поѣзд-

1) XIX. 84. См. также 326.

2) XIX. 137, 341, и пр.

ка на дачу Гольбаха въ Грандвалѣ. Начиная съ 1759 г. онъ каждую осень проводилъ тамъ недѣль по шести и болѣе. Тамошній образъ жизни былъ ему по вкусу. Тамъ всякій чувствовалъ себя совершенно свободнымъ, такъ какъ хозяйка дома и сама никому не оказывала церемонныхъ любезностей и ни отъ кого ихъ не требовала. Дидро имѣлъ обыкновеніе вставать между шестью и семью часами утра и не выходить изъ своей комнаты до часа, проводя время въ чтеніи, письмѣ и размышленіяхъ. Трудно найти человѣка болѣе чувствительнаго чѣмъ Дидро къ наслажденію книгами и «тѣми писателями», какъ онъ выражался, «которые увлекаютъ насъ внѣ насъ самихъ и въ чьи руки природа вложила волшебный жезлъ, которымъ стоитъ только прикоснуться до насъ, чтобъ заставить насъ позабыть всѣ житейскія заботы, сбросить все что есть тяжелаго на нашей душѣ и примириться съ жизнью». ¹⁾ Нашему усердному труженику, точно также какъ и многимъ другимъ, была очень пріятна наклонность къ размышленіямъ, возбуждаемая книгами, когда мы ихъ читаемъ только ради чтенія, а не для воспроизведенія или непосредственнаго примѣненія прочитаннаго, но онъ не былъ въ состояніи довольствоваться такимъ пріятнымъ препровожденіемъ времени. Онъ проводилъ утренніе часы за болѣе трудной работой. Окончивъ свои занятія, онъ одѣвался и сходилъ внизъ въ общество своихъ друзей. Затѣмъ наступало время обѣда, который былъ роскошенъ; и хозяева и гости ѣли и пили болѣе, чѣмъ сколько это могло быть полезнымъ для здоровья. Послѣ непродолжительнаго послѣобѣденнаго отдыха, часовъ около четырехъ, они брали свои трости и отправлялись бродить по лѣсамъ, вспаханымъ полямъ, холмамъ и трясинамъ, наслаждаясь природой. Во время прогулки они разсуждали или объ исторіи, или о политикѣ, или о химіи, или о литературѣ, или о естествовѣдѣніи или о нравственности. Когда они возвращались послѣ солнечнаго заката домой, они находили на столахъ свѣчи и карты и садились играть въ пикетъ, который прерывался ужиномъ. Въ половинѣ одиннадцатаго игра кончалась; они проводили еще полчаса въ разговорахъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго всѣ они уже были въ постели. ²⁾ Всѣ дни были похожи одинъ на другой,—каждый день были все тѣ же занятія, тоже веселое расположеніе духа, тотъ же комфортъ, та же умственная дѣятельность, придававшая всѣмъ развлеченіямъ разнообразіе. Тамъ часто бывали и Гриммъ—этотъ нѣмецъ всѣхъ болѣе похожій на француза, и Галиани—этотъ чрезвычайно остроумный человѣкъ и неутомимый разсказчикъ, не имѣвшій себѣ равнаго въ

¹⁾ XVIII. 535.

²⁾ XVIII. 507 и пр.

искусствѣ приправлять свои рассказы пантомимами, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшій самой острой умственной проницательностью, которая постоянно просвѣчивала въ его неаполитанскихъ выходкахъ и буфонадахъ. Гольбахъ интересовался всего болѣе естественными науками. Мармонтель вносилъ въ этотъ кружокъ духъ сантиментальности, а Гельвецій - духъ циническаго формализма. Дидро разыгрывалъ изъ себя то Сократа, то Панюрга, то Пантофиля, спрашивалъ, поучалъ, дѣлалъ сопоставленія, изливалъ потоки знанія и новыхъ идей, интересовался всѣмъ, сочувствовалъ всякому душевному настроенію, относился съ одинакимъ увлеченіемъ и къ смѣлой философской выходкѣ и къ забавной остротѣ тещи Гольбаха и къ послѣднимъ новостямъ, сообщеннымъ какимъ нибудь новымъ гостемъ. Въ Грандвалѣ онъ не находилъ, что жизнь тяжела и не говорилъ, что былъ бы радъ ея концу. Дѣйствительно, если бы кто нибудь могъ какимъ нибудь чудомъ перенестись на одинъ только день въ шестое десятилѣтіе прошедшаго вѣка, онъ едва ли могъ бы сдѣлать болѣе пріятное употребленіе изъ этого дня, чѣмъ провести его въ средѣ энергическихъ и полныхъ жизни людей, прогуливавшихся въ послѣобѣденные часы по полямъ и лѣсамъ Грандвалы.

Безстыдная грубость выраженій, которую позволяли себѣ даже принадлежавшія къ этому обществу дамы, не можетъ быть воспроизведена въ пристойныхъ изданіяхъ нашего времени. Для насъ непонятно, какимъ образомъ Дидро могъ излагать содержаніе нѣкоторыхъ происходившихъ въ Грандвалѣ разговоровъ въ письмахъ, которыя онъ писалъ женщинѣ благовоспитанной и привыкшей держать себя прилично. Самый грубый школьникъ нашего времени не рѣшился бы произнести такія безстыдныя слова. Но мы впали бы въ ошибку, еслибы позабыли, что тогдашніе обычаи не были похожи на наши. Такъ напримѣръ въ тѣхъ же самыхъ письмахъ Дидро, съ превосходящей всякую мѣру откровенности, входитъ въ нѣкоторыя подробности касательно состоянія своего здоровья. Онъ рассказываетъ о разстройствѣ своего желудка и о нѣкоторыхъ другихъ еще менѣе годныхъ для описанія препонахъ къ своему благополучію съ такой же нестыдностью, съ какой Цицеронъ рассказывалъ о кровавомъ поносѣ, случившемся съ нимъ послѣ того, какъ онъ, отказавшись за ужиномъ отъ устрицъ и миногъ, не устоялъ отъ соблазна поѣсть свеклы и мальвы, приготовленныхъ съ зеленью *ut nil posset esse suavius*. Все, что мужчина могъ бы сказать другому мужинѣ или своему доктору, не считалось въ то время непристойнымъ и для слуха женщины. Слѣдуетъ припомнить, что почти въ ту же самую пору, когда Дидро переписывался съ дѣвицей Волянъ, двоюродная бабка сэра Вальтера Скотта

слышала, какъ сочиненіе г-жи Афары Бенъ читалось вслухъ для забавы многочисленнаго общества, состоявшаго изъ самыхъ высокопоставленныхъ и самыхъ почтенныхъ личностей Лондона. При этомъ намъ приходится на память, что въ болѣе раннюю эпоху того же столѣтія Свифтъ вставлялъ въ письма къ Стеллѣ чрезвычайно грубые стихи своего собственнаго издѣлія о Болингброкѣ и имѣлъ обыкновеніе писать изящнымъ дамамъ въ такомъ тонѣ, который показался бы Фальстафу слишкомъ грубымъ даже для Долля Тирегита. Говоря, что такіа грубыя сальности были въ нравахъ того времени, мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что на нихъ не стоитъ обращать вниманія. Но съ нашей стороны было бы напрасной тратой времени, если бы мы занялись критикой такихъ личностей, которыя были ничѣмъ инымъ какъ представителями преобладавшаго въ ту пору типа. Для насъ достаточно будетъ указать мимоходомъ на разницу въ нравахъ между настоящимъ и прошедшимъ.

Характеристической особенностью Дидро во время его деревенской жизни была его страсть къ сильнымъ вѣтрамъ. Они приводили его въ восторгъ, и однимъ изъ самыхъ большихъ для него наслажденій было слушать, какъ завываетъ ночью буря, какъ она гнетъ деревья, какъ обливаетъ дождемъ землю и наполняетъ воздухъ звуками своего сиплага голоса. 1) Впрочемъ Дидро не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ любовь къ потрясающимъ явленіямъ природы имѣетъ въ себѣ какую то дивость. Онъ былъ прежде всего гуманнымъ человѣкомъ, и судьбы человѣчества были главнымъ предметомъ самыхъ сокровенныхъ его думъ. Среди разговоръ безпрестанно слышалось изъ его устъ какое нибудь изящное сужденіе о жизни,—сужденіе самое искреннее, самое правдивое, безъискусственно исходившее изъ самой глубины его души и изъ неподдѣльной чувствительности и не запятнанное ни афектаціей ни пошлостью. Нѣкоторыя изъ этихъ сужденій такъ характеристичны, что ихъ нельзя не привести цѣликомъ; въ нихъ такъ мало того, что есть самаго изящнаго въ стилѣ Дидро, что они страдаютъ отъ перевода на другой языкъ менѣе, чѣмъ произведенія съ болѣе нѣжнымъ колоритомъ и съ болѣе трогательной мелодичностью. Вотъ одинъ изъ такихъ отрывковъ:

„Послѣднія извѣстія, полученныя изъ Парижа, встревожили барона, потому что онъ помѣстилъ значительныя суммы въ процентныхъ бумагахъ, выпущенныхъ королевскимъ правительствомъ.... Онъ сказалъ своей женѣ; „послушай, жена, если будетъ такъ продолжаться, я откажусь отъ собственнаго экипажа, куплю тебѣ хо-

1) XVIII. 526, 531.

рошее пальто и красивый зонтик и мы будемъ всю жизнь благо-словлять министра за то, что онъ освободилъ насъ отъ лошадей, отъ лакеевъ, отъ кучеровъ, отъ горничныхъ, отъ поваровъ, отъ большихъ обѣдовъ, отъ фальшивыхъ друзей, отъ надоедливыхъ посѣтителей и отъ всѣхъ остальныхъ привилегій богатства....“ Я, съ своей стороны, подумалъ, что для такого человѣка, у котораго нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни какой либо изъ тѣхъ привязанностей, которыя заставляютъ насъ желать богатства и не допускаютъ того, чтобъ мы жили въ довольствѣ,—почти все равно, быть ли бѣднымъ или богатымъ.... Этотъ парадоксъ есть результатъ моего убѣжденія, что между всѣми житейскими условіями существуетъ равенство и что между благополучіемъ хозяина дома и благополучіемъ его привратника разница не велика.... Если я здоровъ душою и тѣломъ, если я честенъ и совѣсть моя чиста, если я умѣю различать правду отъ лжи, если я избѣгаю дурнаго и дѣлаю добро, если я чувствую мое личное достоинство, если ничто не унижаетъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, меня могутъ называть какъ хотятъ, словомъ *philogd* или словомъ *sigra h*.... Дѣлать добро и любить правду—вотъ что отличаетъ однихъ людей отъ другихъ, а все остальное не имѣетъ значенія. Жизнь коротка, ея насущныя потребности незначительны, а когда насъ не станетъ, никому не будетъ дѣла до того, были ли мы чѣмъ нибудь или были ничѣмъ. Въдъ въ заключеніе всего достаточно будетъ куска грубой матеріи и четырехъ еловыхъ досокъ.... Съ самаго утра я слышу подъ моимъ окномъ голоса рабочихъ. Лишь только начнетъ разсвѣтать, они съ заступомъ въ рукахъ начинаютъ копать землю и укатывать дорожки сада. Они съѣдаютъ по куску чернаго хлѣба, утоляютъ жажду въ сосѣднемъ ручейкѣ, въ полдень ложатся уснуть на твердой землѣ и, черезъ часъ, снова принимаются за работу. Они веселы; они поютъ; они обмѣниваются добродушными грубыми шуточками, которыя заставляютъ ихъ смѣяться. Вечеромъ, возвратившись домой, они найдутъ полунагихъ дѣтей у покрытаго копотью очага, найдутъ отвратительную грязную крестьянку и постель изъ сухихъ листьевъ, а все таки ихъ участь не хуже и не лучше моей... Я вышелъ изъ спальни въ дурномъ расположеніи духа, я услышалъ разговоръ о народной нищетѣ, я безъ аппетита съѣлъ за роскошный завтракъ; мой желудокъ еще не переварилъ вчерашней пищи; чтобъ помочь ему, я взялъ палку и вышелъ погулять; я возвратился для того чтобъ сѣсть за картонный столъ и убить время, которое мнѣ было въ тягость. У меня былъ другъ, о которомъ я давно уже не имѣлъ никакихъ извѣстій. Я былъ далеко отъ той женщины, которую хотѣлъ бы видѣть. Неприятности въ деревнѣ, неприятности въ городѣ, неприятности вездѣ. Тотъ, кто не знаетъ что такое душевныя страданія, не принадлежитъ къ числу сыновъ человѣческихъ.... Въдъ все уравнивается—добро уравнивается зломъ, а зло добромъ, и жизнь обращается въ ничто.

„Завтра вечеромъ или въ понедѣльникъ мы, вѣроятно, поѣдемъ на

одинъ день въ городъ; тамъ я увижу ту, о которой я вздыхалъ, тамъ увижу я того молчаливаго друга, отъ котораго не имѣлъ извѣстій. Но на другой же день я съ ними разстанусь и чѣмъ сильнѣе я буду чувствовать удовольствіе при свиданіи съ ними, тѣмъ тяжелѣе будетъ разлука съ ними. Такъ все идетъ на свѣтъ: какъ ни вертитесь, а всегда найдется какой нибудь загнувшійся листочикъ розы, который причинитъ вамъ досаду“¹⁾.

Не часто встрѣчается такое сочетаніе сердечной доброты съ философскими идеями, какое мы находимъ въ слѣдующихъ отрывкахъ:

„Ахъ какимъ забавнымъ зрѣлищемъ былъ-бы этотъ міръ, если бы мы сами не играли въ немъ никакой роли, еслибы, напримѣръ, мы существовали въ какомъ нибудь пунктѣ пространства, или въ томъ промежуткѣ между небесными тѣлами, гдѣ дремлютъ боги Эпикура,—если бы мы существовали гдѣ нибудь очень очень далеко; оттуда мы могли бы видѣть тотъ шаръ величиною съ тыкву, на которомъ мы такъ гордо выступаемъ, и оттуда мы могли бы наблюдать съ помощью телескопа за безконечно разнообразными движеніями всѣхъ этихъ двуногихъ насѣкомыхъ, которыхъ называютъ людьми! Я хотѣлъ бы видѣть житейскія сцены не иначе какъ въ сокращенномъ видѣ, такъ чтобъ тѣ изъ нихъ, на которыхъ лежитъ отпечатокъ жестокости, были сокращены до одного дюйма въ пространствѣ и до дѣйствующихъ лицъ вышиной въ полу-линію. А развѣ не странно, что негодованіе возбуждаемое въ насъ несправедливостью, обусловливается пространствомъ и объемомъ? Я прихожу въ сильный гнѣвъ при видѣ того, что большой звѣрь несправедливо нападаетъ на маленькаго. Но я ничего не чувствую при видѣ того, какъ два атома наносятъ одинъ другому раны; какъ сильно вліяютъ наши чувства на нашу нравственность! Вотъ прекрасный текстъ для философскихъ размышленій!“²⁾

„То, что происходитъ каждый день передъ моими глазами, не внушаетъ мнѣ большаго уваженія ни къ медицинѣ, ни къ медикамъ. Родиться на свѣтъ въ состояніи тупоумія среди страданій и криковъ; быть игрушкой невѣжества, заблужденій, лишеній, болѣзней, злобы и страстей; мало по малу снова возвращаться къ состоянію тупоумія; съ того момента, какъ является способность лепетать до того момента, когда остается лишь способность говорить вздоръ—жить среди плутовъ и шарлатановъ разнаго рода; угасать имѣя подлѣ себя съ одной стороны такого человѣка, который шупаетъ у васъ пульсъ, а съ другой стороны такого человѣка, который приводитъ въ смущеніе вашу голову; не знать откуда пришелъ, зачѣмъ пришелъ и куда отправляешься: вотъ, что называютъ самымъ дорогимъ подаркомъ, получаемымъ нами отъ родителей и отъ природы—человѣческой жизни“³⁾.

¹⁾ 2 ноября 1759; XVIII, 431.

²⁾ XIX. 82.

³⁾ XIX. 139.

Эти мрачныя думы не были въ духѣ обычнаго для Дидро настрое-
нія ума; они скорѣе были реакціей и облегченіемъ того усиленнаго
напряженія, съ которымъ онъ наблюдалъ за сценой дѣйствія и
постоянно задавалъ человѣческой жизни вопросы по мѣрѣ того, какъ
ея разноцвѣтныя явленія проходили передъ его глазами. По его
безпрестаннымъ грустнымъ напоминаніямъ о ничтожествѣ человѣка
и о тщетѣ всего земнаго мы никакъ не могли бы догадаться, до
какой степени была бдительна его наблюдательность надъ происше-
ствіями и характерами и съ какимъ вниманіемъ онъ прислушивал-
ся ко всякому звуку, въ которомъ сказывалась скорбь, нѣжная эмо-
ція, или печальная превратность судьбы. И все это онъ дѣлалъ
не съ суровостью Бальзака и не съ спокойствіемъ или высокобѣ-
ріемъ Гете, а съ бившимъ черезъ край неподдѣльнымъ и не удержи-
мымъ состраданіемъ. Онъ былъ сантименталистомъ рационалисти-
ческаго вѣка и притомъ такимъ, у котораго вовсе не было сани-
ментальной мизантропіи, воспламенявшей и ожесточавшей Руссо, а
была сантиментальность социальная, великодушная, многосторонняя
и не заботившаяся о премудрыхъ требованіяхъ нравственности. Онъ
никогда не оставался ни безчувственнымъ ни нейтральнымъ; напро-
тивъ того, онъ всегда или одобрялъ или порицалъ, но не съ точки
зрѣнія учебниковъ нравственности. Казуистика чувствъ всегда въ
высшей степени интересовала его, и ему никогда не надоѣдало при-
думывать такіе воображаемые факты, или взвѣшивать такіе дѣй-
ствительно случившіеся, въ которыхъ нѣжность чувства беретъ пе-
ревѣсъ надъ узкимъ понятіемъ о долгѣ. Эти факты большею частію
такого рода, что изъ уваженія къ правамъ нашего времени мы не
считаемъ возможнымъ ихъ излагать; да и немного мы выиграли
бы, еслибъ изъ святилища человѣческой души съ ея неизмѣрими
радостями и неизмѣрими горестями мы сдѣлали забавный
сюжетъ бесполезной діалектики. Гораздо болѣе интересно, а
для насъ, англичанъ, даже поучительно посмотрѣть, какъ
этотъ полный грезъ, безпокойный и въ высшей степени изобре-
тательный умъ, — какъ этотъ полу-титанъ, вышедшій съ небесъ и
полу-гномъ, вышедшій изъ-подъ земли, — то съ радостнымъ, то съ
горестнымъ чувствомъ увлекается безыскусственной прелестью и
естественной нѣжностью по мѣрѣ того, какъ онѣ проявляются въ
житейскихъ фактахъ и проходятъ передъ его глазами. Ничто не
доставляетъ ему такого удовольствія, какъ услышать или самому
рассказать какую нибудь исторію въ родѣ той, гдѣ идетъ рѣчь о
г-жѣ д'Элине. Эта дама заплатила одному маленькому мальчику
восемнадцать су за одинъ день работы. Онъ возвратился на ночь
домой, не имѣя при себѣ ни одной полушки. Когда мать спросила
его, неужели ему ничего не заплатили за его работу, онъ отвѣчалъ,

что ничего. Мать полагала, что этого не могло случиться и настоятельно допрашивала его, что онъ сдѣлалъ съ восемнадцатью су. Оказалось, что бѣдный малютка отдалъ ихъ содержателю питейнаго дома, въ которомъ его отецъ провелъ цѣлый день въ пьянствѣ; этимъ способомъ онъ хотѣлъ избавить отца отъ непріятной сцены, которую ему сдѣлала бы жена по возвращеніи его домой ¹⁾).

Отъ паюса юношеской доброты не великъ шагъ и до паюса такого возраста, достичь котораго всякому было бы желательно. «Я обѣдалъ сегодня съ восхитительной женщиной, которой только восемьдесятъ лѣтъ. Она полна здоровья и привлекательности; ея душа до сихъ поръ полна благородства и нѣжности. Она говоритъ о любви и дружбѣ съ пыломъ и чувствительностью двадцатилѣтней дѣвушки. Насъ было трое мужчинъ вмѣстѣ съ ней за столомъ; она сказала, обращаясь къ намъ: «Друзья мои, изящный разговоръ, искренній и страстный взглядъ, слеза, трогательное выраженіе— вотъ что есть хорошаго въ этомъ мірѣ, а обо всемъ остальномъ едвали стоитъ и говорить. Нѣкоторыхъ словъ, которыя были сказаны мнѣ, когда я была молода, я и до сихъ поръ не позабыла и каждое изъ этихъ словъ я предпочитаю десяти славнымъ подвигамъ: увѣряю васъ, что еслибы я услышала ихъ даже теперь, мое старое сердце забилось бы сильнѣй обыкновеннаго». — «Это оттого, что ваше сердце не состарѣлось». — «Да, сынъ мой, вы правы; оно такъ же молодо какъ и прежде. Я благодарю Бога не за то, что онъ такъ долго сохранялъ мою жизнь, а за то, что онъ до сихъ поръ сохранилъ во мнѣ добродушіе, любезность и чувствительность». ²⁾ Все это приходилось Дидро по сердцу и онъ утверждаетъ, что такому разговору онъ придаетъ болѣе цѣны, чѣмъ цѣлымъ часамъ болтовни о политикѣ и философіи, которые онъ провелъ за вѣскольکو дней передъ тѣмъ въ обществѣ своихъ англійскихъ друзей. Отсюда намъ становится понятнымъ, что человекъ жившій въ обществѣ способномъ понимать всю прелесть такой сцены, долженъ былъ считать англичанъ за людей суровыхъ, угрюмыхъ и непривлекательныхъ.

Въ его письмахъ намъ безпрестанно попадаютъ здравыя и полныя фантазіи размышленія. Живши гдѣ то на дачѣ, онъ развлекался разговорами съ однимъ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. «Я люблю дѣтей и стариковъ; на этихъ послѣднихъ я смотрю какъ на какія то странныя существа, которыхъ пощадилъ капризъ судьбы». Въ Лангрѣ онъ повстрѣчался съ однимъ изъ своихъ старыхъ школьныхъ товарищей, тогда какъ почти всѣ остальные уже перемерли:— «Есть только двѣ вещи, которыя напоминаютъ намъ о

¹⁾ XIX. 107.

²⁾ XIX. 181.

неизбѣжности смерти и заставляютъ насъ призадуматься — старыя развалины и короткая жизнь тѣхъ, кто началъ жить въ одно время съ нами». Одинъ изъ его знакомыхъ, — повидимому имѣвшій большое расположеніе къ такимъ забавамъ, — повелъ его гулять по кучкамъ навоза. «Во всякомъ случаѣ», сказалъ онъ, «это не должно оскорблять ничьихъ чувствъ. Для честнаго носа, сохранившаго свою природную невинность, это не козлиный запахъ, а запахъ опрысканной мускусомъ и амброю женщины, отъ которой дурно пахнетъ».

«Когда я сравниваю наши чувства дружбы съ нашими чувствами антипатіи, я нахожу что первыя легки, слабы и точно будто сдавлены; мы умѣемъ ненавидѣть, но любить мы не умѣемъ».

«Поэтъ, который начинаетъ предаваться лѣни, прекрасно дѣлаетъ; онъ долженъ быть увѣренъ, что это происходитъ не отъ недостатка предприимчивости, а оттого, что его талантъ испарился».

«Помогайте несчастнымъ; только этимъ способомъ вы можете найти утѣшеніе въ моемъ отсутствіи. Когда баронъ лишился своей первой жены и воображалъ, что для него уже не существуетъ счастье въ жизни, я говорилъ ему: «Уходите изъ-дому, бѣгите къ несчастнымъ, помогайте имъ и потомъ посмотримъ, будете-ли вы имѣть достаточно смѣлости, чтобъ жаловаться на вашу судьбу»¹⁾.

«Множество тяготѣющихъ надъ нами мелочей становятся поперегъ дороги между нами и обязанностями, налагаемыми на насъ любовью и дружбой, и мы ничего не дѣлаемъ какъ слѣдуетъ; мы не отдаемся вполне ни нашему честолюбію, ни нашимъ наклонностямъ, ни нашимъ страстямъ и живемъ въ недовольствѣ самими собою. Одно изъ важныхъ неудобствъ общественной жизни заключается въ множествѣ разнообразныхъ занятій и въ особенности въ томъ, что мы съ чрезвычайной легкостью принимаемъ на себя обязательства, отъ которыхъ зависитъ все наше счастье въ будущемъ. Человѣкъ женится и избираетъ какую нибудь профессію; у него есть жена, есть дѣти, а еще нѣтъ здраваго смысла»²⁾.

Послѣ нѣсколькихъ двусмысленныхъ размышленій о поведеніи одной женщины, которая уступила на четверть часа любовнымъ желаніямъ всесильнаго министра для того, чтобъ добиться мѣста для мужа и средствъ существованія для шестерыхъ дѣтей, онъ восклицаетъ: — «По истинѣ, я думаю, что Натура не обращаетъ вниманія ни на добро ни на зло; она вполне погружена въ двѣ цѣли — въ сохраненіе индивидуума и въ распространеніе породы».³⁾ Это вѣр-

1) XIX. 81.

2) XIX. 149.

3) XIX. 90.

но, но нравственное различіе между тѣмъ, что хорошо и тѣмъ, что дурно истекаетъ въ одинаковой мѣрѣ изъ тѣхъ же самыхъ силъ, которыя Дидро называетъ здѣсь *Натурой*.

При умственномъ возбужденіи, въ которомъ онъ жилъ, и при энергій, съ которой онъ вызывалъ это возбужденіе, онъ искалъ отдохновенія или въ спокойствіи или въ томъ, къ чему его влекла чувствительность. Въ одну изъ самыхъ тревожныхъ минутъ своей жизни онъ писалъ: «Сладкій отдыхъ, пріятная книга, прогулка въ какомъ нибудь открытомъ и уединенномъ мѣстѣ, разговоръ, въ которомъ кто нибудь раскрываетъ всю свою душу, сильная эмоція, которая вызываетъ слезы изъ глазъ и заставляетъ сердце биться сильнее, все равно вызвана ли она рассказомъ о какомъ нибудь благородномъ поступкѣ или о нѣжномъ чувствѣ, или о здоровьѣ, или о свободѣ или о безопасности—вотъ въ чемъ заключается истинное счастье и я никогда не буду знать никакого иного».

Вопросъ, касающійся реторики.— „Около шести часовъ вечера гости разошлись; оставшись вдвоемъ съ Дамилавиллемъ, я сдѣлалъ по поводу представленныхъ въ Академію *Eloges de Descartes* два замѣчанія касательно краснорѣчія, которыя очень понравились ему; водервыхъ я сказалъ, что не должно стараться возбуждать страсти, прежде нежели въ умѣ не будетъ убѣжденій и что патетическія выраженія не произведутъ никакого впечатлѣнія, если они не будутъ подготовлены силлогизмами; во вторыхъ я замѣтилъ, что послѣ того какъ ораторъ глубоко растрогалъ меня, я не могу допустить, чтобъ онъ прерывалъ это пріятное состояніе моей души чѣмъ нибудь рѣзкимъ, что за патетическими выраженіями должно слѣдовать что нибудь слабое и неопредѣленное, не требующее съ моей стороны никакого напряженія, и что послѣ сильнаго возбужденія утомленному оратору столько же нуженъ отдыхъ, сколько и мнѣ“¹⁾.

Впечатлѣнія, которыя произвела Англія на Гольбаха.— „Баронъ возвратился изъ Англіи; онъ отправился туда съ пріятными ожиданіями, но не смотря на то, что встрѣтилъ тамъ самый любезный пріемъ и пользовался самымъ лучшимъ здоровьемъ, онъ возвратился оттуда недовольнымъ; онъ недоволенъ и странюю, которая вовсе не такъ густо населена и не такъ хорошо воздѣлана, какъ это утверждаютъ, и зданіями, которыя почти безъ исключенія имѣютъ странныя и готическія формы, и садами, въ которыхъ желаніе подражать природѣ болѣе непріятно, чѣмъ искусственная монотонная симметричность, и господствующими вкусами, которые наполняютъ дворцы всѣмъ въ перемѣшку—и изящными произведеніями, и просто хорошими, и дурными, и отвратительными; онъ недоволенъ и общественными развлеченіями, которыя похожи на религіозныя церемоніи, и

¹⁾ XIX. 163—4.

людьми, на лицахъ которыхъ никогда не видно ни довѣрія, ни дружбы, ни веселости, ни общительности, но всегда точно будто начертана надпись: „Развѣ есть что нибудь общаго между вами и мной?—недоволенъ вельможами, которые сумрачны, холодны, горды, высокомѣрны и тщеславны, и недоволенъ простолюдинами, которые грубы, дерзки и неблаговоспитанны; онъ недоволенъ пріятельскими обѣдами, на которыхъ всѣхъ разсаживаютъ по чинамъ и каждаго изъ гостей стѣсняють разными формальностями и церемоніями; онъ недоволенъ обѣдами въ гостиницахъ, гдѣ подаютъ все хорошо и скоро, но безъ всякой привѣтливости. Онъ хвалилъ только удобства путешествій; онъ говоритъ, что даже на проселочныхъ дорогахъ нѣтъ ни одной деревни, гдѣ бы не нашлось готовыхъ къ отбѣду четырехъ или пяти почтовыхъ каретъ и двадцати лошадей... Тамъ нѣтъ общественнаго образованія. Ихъ коллегіи—великолѣпныя зданія, похожія на дворцы въ родѣ нашего Тюильрійскаго,—заняты богатыми тунеядцами, которые проводятъ одну часть дня въ томъ, что спать или напиваются до пьяна, а другую въ томъ что готовятъ нѣсколькихъ тупоумныхъ воспитанниковъ къ должности пасторовъ.... Въ огромныхъ и роскошныхъ зданіяхъ, воздвигнутыхъ ими для общественныхъ удовольствій, вы могли бы слышать мышиные шаги. Сотня натянутыхъ и молчаливыхъ женщинъ прогуливается тамъ вокругъ оркестра, который помѣщается по срединѣ и исполняетъ самую прелестную музыку. Баронъ сравниваетъ эти прогулки вокругъ оркестра съ семью процессіями, которыя совершались египтянами вокругъ мавзолея Озириса. Мой пріятель Гаррикъ очень вѣрно замѣтилъ, что Лондонъ хорошъ для англичанъ, а Парижъ хорошъ для всѣхъ.... У англичанъ большая страсть къ пропагандѣ своихъ религіозныхъ вѣрованій и къ разсылкѣ миссіонеровъ. Юмъ разсказалъ мнѣ одинъ фактъ, изъ котораго вы увидите, что слѣдуетъ думать о мнимомъ обращеніи въ христіанство людоѣдовъ и Гуруновъ. Одинъ изъ миссіонеровъ вообразилъ, что онъ совершилъ въ этомъ отношеніи неподражаемый подвигъ; изъ хвастовства ему вздумалось показать своего новообращеннаго и онъ привезъ его въ Лондонъ. Маленькому Гуруну стали задавать вопросы, и онъ отвѣчалъ на нихъ какъ нельзя лучше. Его повели въ церковь и допустили до приобщенія св. таинъ, которое, какъ вамъ извѣстно, совершается подъ двумя видами; послѣ приобщенія пасторъ сказалъ ему: „Сынъ мой, развѣ вы не чувствуете что васъ болѣе обыкновеннаго одушевляетъ любовь къ Богу? Развѣ благодать таинства не дѣйствуетъ внутри васъ? Развѣ ваша душа не согрѣта?“—„Да, отвѣчалъ маленькій Гурунъ, вино дѣлаетъ мнѣ пользу, но если бы мнѣ вмѣсто него дали водки, я думаю она подѣйствовала бы еще лучше“ 1).

Два вопроса совѣсти.—Священникъ сказалъ, что несчастные любовники всегда увѣряють, что они умрутъ отъ любви, во что

1) 20 сент. 1765; XIX, 179—187.

между ними рѣдко встрѣчаются такіе, которые сдерживаютъ свое слово; однако ему случилось видѣть одного влюбленнаго, который сдержалъ слово; это былъ одинъ молодой человекъ изъ хорошей семьи по имени *Сулмс*. Онъ влюбился въ одну дѣвушку, которая была очень красива и благоразумна, но не имѣла никакого состоянія и принадлежала къ семейству, пользовавшемуся весьма дурной репутаціей. Въ то время ея отецъ былъ въ каторжной работѣ за подложную подпись. Этотъ молодой человекъ предвидѣлъ сопротивленіе со стороны своихъ родителей и всѣ основательные къ тому поводы, и потому старался всѣми силами оторваться отъ предмета своей страсти; но когда онъ убѣдился, что всѣ его усилія напрасны, онъ рѣшился признаться въ этомъ своимъ родителямъ, а когда они стали осыпать его упреками, онъ прервалъ ихъ и сказалъ: „я знаю все, что вы можете мнѣ возразить, и я не въ состояніи опровергнуть тѣ резоны, на которые я самъ бы указалъ моему сыну, если бы я былъ на мѣстѣ моего отца. Но вы должны рѣшить, что пріятнѣе для васъ—видѣть меня мертвымъ или вступившимъ въ неравный бракъ, такъ какъ я могу васъ увѣрить, что я умру, если не буду соединенъ съ той, которую люблю.“ Его родители отнеслись къ этимъ словамъ съ надлежащимъ пренебреженіемъ, но это не оказало никакого вліянія на то, что случилось послѣ. Молодой человекъ занемогъ, сталъ чахнуть съ каждымъ днемъ и наконецъ умеръ. Священникъ прибавилъ къ этому: я самъ былъ свидѣтелемъ всего случившагося. Но скажите мнѣ,—замѣтилъ я,—что бы вы сдѣлали на мѣстѣ отца?—Я призвалъ бы къ себѣ моего сына, отвѣчалъ священникъ,—и сказалъ бы ему: *Сулмс* было до сихъ поръ вашимъ именемъ; не забывайте, что впредь вы не будете носить его. Выберите себѣ какое хотите другое имя. Вотъ ваша законная доля изъ нашего состоянія. Вступайте въ бракъ съ той, которую вы любите, но уѣзжайте для этого какъ можно дальше, такъ чтобъ я не слышалъ ничего объ васъ и да благословить васъ Богъ.—Г-жа д'Эсклевлъ, опасавшаяся, чтобъ отвѣтъ священника не произвелъ впечатлѣнія на ея внука, замѣтила, на это, что если бы она была матерью этого молодаго безумца, она поступила-бы точно такъ же какъ поступилъ его отецъ,—оставила бы его умирать. Мнѣнія на этотъ счетъ раздѣлились и въ гостиниой поднялся страшный шумъ; этотъ шумъ продолжался долго и продолжался бы еще дольше, еслибы священникъ не прервалъ спорившихся разговоромъ другой исторіи въ томъ же родѣ. Одинъ молодой католическій священникъ, недовольный своимъ положеніемъ, бѣжалъ въ Англію, отрекся отъ своей вѣры, женился по закону и прижилъ съ женою дѣтей. По прошествіи нѣкотораго времени онъ соскучился по своей родинѣ и возвратился во Францію вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. По прошествіи еще нѣсколькихъ лѣтъ въ его душѣ зародились сожалѣнія; онъ снова перешелъ въ прежнюю свою вѣру, сталъ сомнѣваться въ законности своего брака и задумалъ развестись съ женою; онъ обратился за совѣтомъ къ нашему священнику, но тотъ не зналъ, какъ рѣ-

шить этот трудный вопрос и не желая брать что либо на свою ответственность, посоветовал обратиться къ казуистамъ и юристамъ. Всѣ они рѣшили, что совѣсть не дозволяетъ ему жить вмѣстѣ съ женою. Когда вопросъ о разводѣ, противъ котораго жена протестовала какъ только могла, поступилъ на судебное разбирательство, супругъ занемогъ и такъ серьезно, что уже болѣе не выздоравливалъ. Тогда онъ послалъ за священникомъ: Другъ мой, сказалъ онъ ему, вамъ извѣстны мои намѣренія; для меня приближается послѣдняя минута; я хочу доказать, что эти намѣренія были искренни. Я хочу публично покаяться, приобщиться св. таинъ и затѣмъ умереть въ госпиталѣ; прошу васъ, прикажите перенести меня туда.—Нѣтъ, я этого не сдѣлаю, возразилъ священникъ; эта женщина невинна. Она вступила съ вами въ бракъ по закону; она не знала, что существуютъ препятствія, недозволяющія ей принять ваше предложеніе. А эти дѣти, какое принимали они участіе въ вашемъ фальшивомъ шагѣ? Виноваты вы одни, а наказаніе падеть на нихъ! Ваша жена будетъ обезчещена, ваши дѣти будутъ признаны незаконными, и какая же будетъ отъ этого польза? Подождемъ, другъ мой, а покуда оставайтесь въ постели той, которую вы называете вашей женой и которая на самомъ дѣлѣ ваша жена; оставайтесь тамъ, гдѣ вы имѣли отъ нея этихъ дѣтей, которые называютъ васъ своимъ отцомъ и которые на самомъ дѣлѣ ваши дѣти.— Священникъ никакъ не хотѣлъ измѣнить своего взгляда. Онъ исповѣдалъ больнаго; а когда болѣзнь еще усилилась, соборовалъ его. Больной кончилъ жизнь, а жена и дѣти сохранили прежнее имя. Мы всѣ одобрили благоразуміе священника. Гриммъ велѣлъ снять съ него портретъ“ 1).

Превосходство китайцевъ.— „Касательно этихъ китайцевъ, извѣстно ли вамъ, что у нихъ знаменитость рода восходящая, а не нисходящая? У нихъ дѣти дѣлаютъ знаменитыми и облагораживаютъ своихъ предковъ, а не предки облагораживаютъ дѣтей. По совѣсти сказать, это очень разумно. У насъ болѣе великіе поэты, болѣе великіе философы, болѣе великіе ораторы, болѣе великіе архитекторы, болѣе великіе астрономы, болѣе великіе геометры, чѣмъ у китайцевъ; но эти послѣдніе лучше насъ знакомы съ наукой здраваго смысла и добродѣтели и если бы эта наука почему нибудь стала считаться за главную, они были бы вправѣ утверждать, что у нихъ по два глаза, у насъ по одному, а всѣ остальные обитатели земли слѣпцы“ 2).

Почему женщины хорошо пишутъ письма.— „Она пишетъ очень

1) XVIII. 476—8.

2) XVIII. 479. Контъ выражаетъ ту же самую мысль, но болѣе серьезно: „Въ теченіи тридцати столѣтій китайская священническая каста, и еще болѣе каста индѣйская слѣдили за происходившими у насъ на западѣ переворотами; имъ должно казаться, что эти перевороты не болѣе какъ простая агитація, что они такъ же мелочны какъ и шумны, и что нѣтъ ничего, что внесило бы гармонию въ ихъ различныя фазы, кромѣ ихъ притязаній на единство.“—Positive Polity, IV. II. (Въ англійскомъ переводѣ).

хорошо, даже превосходно. Это оттого, что хорошей слогъ истекаетъ изъ сердца; вотъ почему столькія женщины, никогда не учившіяся какъ говорить и писать, говорятъ и пишутъ какъ ангелы, и вотъ почему столькіе педанты будутъ дурно говорить и дурно писать всю свою жизнь, не смотря на то, что они не переставали учиться, — ничему не научаясь¹⁾.

„Здѣсь случилось небольшое происшествіе, которое доказываетъ, что всѣ наши прекрасныя проповѣди противъ религіозной нетерпимости еще не принесли большой пользы. Одинъ молодой человѣкъ изъ почтеннаго семейства, — одни говорятъ, что онъ былъ аптекарскимъ помощникомъ, а другіе говорятъ, что онъ былъ прикащикомъ торговца коловіальными товарами, — вознамѣрился пройти курсъ химіи; его хозяинъ согласился на это съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ вносить извѣстную плату; молодой человѣкъ на это согласился. По прошествіи одной четверти условленнаго срока, хозяинъ потребовалъ денегъ и ученикъ заплатилъ ихъ. По прошествіи еще нѣкотораго времени хозяинъ снова заявилъ денежное требованіе, на которое ученикъ отвѣчалъ, что онъ долженъ менѣе чѣмъ за одну четверть. Хозяинъ сталъ утверждать, что ему не заплачено и за нервую четверть. Дѣло доходитъ до судебнаго разбирательства. Отъ хозяина требуютъ показанія подъ присягою и онъ приноситъ присягу. Но лишь только онъ совершилъ клятвопреступленіе, ученикъ представилъ имѣвшуюся у него квитанцію; и вотъ хозяинъ присуждается къ уплатѣ пени и лишается честнаго имени; это былъ негодяй, который этого стоилъ; но ученикъ былъ по меньшей мѣрѣ вѣтренникъ, которому это дѣло обошлось дороже самой жизни. Онъ получилъ въ уплату за долгъ или инымъ путемъ отъ разнощика по имени Лекюйе два экземпляра книги *Christianisme dévoilé* и продалъ одинъ изъ этихъ экземпляровъ своему хозяину. Этотъ послѣдній донесъ объ этомъ полицейскому чиновнику. И разнощикъ и его жена и ученикъ были арестованы, привязаны къ позорному столбу, наказаны плетью, съ наложеніемъ клеймъ и осуждены на каторжныя работы: ученикъ на девять лѣтъ, разнощикъ на пять; а жена этого послѣдняго помѣщена на всю жизнь въ госпиталь... Но замѣчаете ли вы, къ чему ведутъ подобныя приговоры? Разнощикъ приноситъ мнѣ запрещенное сочиненіе. Если я куплю болѣе одного экземпляра этого сочиненія, меня считаютъ за участника въ запрещенной торговлѣ и подвергаютъ страшному наказанію. Вамъ извѣстно содержаніе книги *l'Homme aux quarante écus*²⁾; вѣдь вы никакъ не угадали бы, почему на нее наложенъ запретъ въ упомянутомъ рѣшеніи суда. Это сдѣлано вслѣдствіе того, что наши повелители до сихъ поръ не могутъ позабыть статьи Туганъ въ *Философскомъ Лексиконѣ*, которая конечно вамъ извѣстна. Они никогда не простятъ Вольтеру его словъ, что лучше имѣть дѣло съ

1) XIX. 233.

2) Сатира Вольтера на экономистовъ.

однимъ дикимъ звѣремъ, отъ котораго можно какъ нибудь спастись, нежели съ цѣлой стаей маленькихъ тигровъ высшаго разряда, которые безпрестанно вертятся у васъ подъ ногами.... Возвращаюсь къ тѣмъ двумъ несчастнымъ, которыхъ они осудили на каторжныя работы. По выходѣ оттуда, что съ ними будетъ? Имъ не останется ничего другаго, какъ заняться разбоями на большихъ дорогахъ. Унизительныя наказанія, отнимающія у человѣка все его ресурсы, гораздо хуже наказаній, отнимающихъ у него самую жизнь¹⁾.

Метода и Геній: аполог.— „Между Гриммомъ и Ле-Руа шелъ разговоръ о геніи, который создаетъ и о методѣ, которая приводитъ все въ порядокъ. Гриммъ ненавидитъ методу; по его словамъ это ничто иное какъ литературное педанство. Тотъ, кто умѣетъ только приводить въ порядокъ, хорошо бы сдѣлалъ, если бы оставался въ бездѣйствіи, а тотъ, кто можетъ извлекать просвѣщеніе для своего ума только изъ такихъ предметовъ, которые приведены въ порядокъ, ничего бы не потерялъ отъ того, что оставался бы въ совершенномъ невѣжествѣ. „Какая надобность для очень многихъ людей знать что либо кромѣ своего ремесла?“ Разговаривавшіе высказывали различныя соображенія, которыя не считаю нужнымъ повторять, и продолжали бы высказывать до сихъ поръ, если бы аббатъ Галіани не прервалъ ихъ разговора слѣдующими словами:

„Друзья мои, мнѣ приходитъ на память одна басня, которую прошу васъ выслушать. Вы, можетъ быть, найдете ее немного длинной, но она вамъ не надобна.“

„Въ глубинѣ лѣсовъ возникъ однажды споръ о пѣніи между соловьемъ и кукушкой. Каждая изъ этихъ птицъ восхваляла свой собственный талантъ.— „У которой изъ птицъ, говорила кукушка, пѣніе такъ легко, такъ просто, такъ естественно и такъ мѣрно, какъ у меня?“

„У которой изъ птицъ, говорилъ соловей, пѣніе болѣе пріятно, болѣе разнообразно, болѣе блестяще, болѣе легко и болѣе трогательно чѣмъ у меня?“

Кукушка: „Я говорю мало, но то что я говорю всѣко, порядочно и не позабывается.“

Соловей: „Я люблю говорить, но я всегда новъ и никогда не надѣдаю. Я разливаю по лѣсамъ восторгъ, а кукушка наводитъ на нихъ грусть. Она до такой степени придерживается наставленій своей матери, что не осмѣливается издать какой нибудь звукъ, которому ее не научили. Что касается до меня, то я никого не признаю за моего наставника. Я смѣюсь надъ правилами. Мною восхищаются всего болѣе именно тогда, когда я ихъ нарушаю. Развѣ можно сравнивать ея скучную методу съ моими удачными отступленіями отъ правилъ!“

„Кукушка не разъ пробовала заставить соловья замолчать. Но соловьи, когда поютъ, никого не слушаютъ; это ихъ небольшой по-

¹⁾ 8 окт. 1768; XIX. 283.

рокъ. А нашъ соловей, увлекшійся своими музыкальными идеями, быстро слѣдилъ за ними, не обращая вниманія на замѣчанія своего соперника.

„Впрочемъ послѣ непродолжительнаго спора, они условились подчиниться приговору посредника изъ животныхъ.

„Но гдѣ найти такого посредника, который былъ бы достаточно просвѣщенъ и безпристрастенъ въ своемъ приговорѣ? Вѣдь не легко найти хорошаго судью. И вотъ они стали повсюду искать такого судью.

„Пролетая надъ лугомъ, они примѣтили осла, выступавшаго съ большой серьезностью и важностью. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась на свѣтъ эта порода, еще ни у одного осла не бывало такихъ длинныхъ ушей. „А! воскликнула кукушка, увидѣвши эти уши, мы очень счастливы; рѣшеніе нашего спора есть дѣло слуха; вотъ нашъ судья; Богъ создалъ его нарочно для насъ“.

„Оселъ жевалъ траву. Онъ никакъ не могъ ожидать, что ему когда нибудь придется быть судьей въ музыкальномъ вопросѣ. Но Провидѣніе иногда готовитъ и не такіе сюрпризы. Наши двѣ птицы спускаются на землю вблизи отъ него, дѣлаютъ ему комплименты по поводу его серьезности и разсудительности, излагаютъ ему предметъ своего спора и униженно умоляютъ его прослушать ихъ и постановить рѣшеніе.

„Но оселъ, едва повернувши къ нимъ свою тяжелую голову и не переставая жевать, выразилъ имъ движеніемъ своихъ ушей, что онъ голоденъ и что сегодня у него нѣтъ судебного разбирательства. Птицы настаиваютъ, а оселъ не перестаетъ ѣсть подножный кормъ. По мѣрѣ того, какъ онъ ѣстъ, его голодъ утоляется. На окраинѣ луга было нѣсколько деревьевъ. „Хорошо! сказалъ онъ имъ, отправляйтесь туда; я то же туда приду; вы будете пѣть, а я, занимаясь моимъ пищевареніемъ, буду васъ слушать, и потомъ скажу вамъ, что думаю“.

„Птицы тотчасъ улетаютъ и садятся на вѣткахъ; оселъ идетъ за ними съ видомъ и съ поступью предсѣдателя суда, направляющагося въ залу засѣданій; подойдя къ нимъ, онъ ложится на землю и говоритъ: „Начинайте, судъ слушаетъ васъ“. А весь судъ состоялъ изъ него одного.

„Кукушка говоритъ: „Многоуважаемый судья, прошу васъ не пропускать безъ вниманія ни одного изъ приводимыхъ мною резоновъ; вникните хорошенько въ характеръ моего пѣнія и главнымъ образомъ замѣтьте, сколько въ немъ искусства и какая въ немъ метода“. Потомъ, собравшись съ духомъ и безпрестанно взмахивая крыльями, она запѣла: куку, куку, кукуку, кукуку, куку, кукуку“. И сдѣлавши на эту тему всевозможныя варіаціи она замолкла.

„Тогда соловей, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, далъ волю своему голосу, пустился въ самыя смѣлыя модуляціи, въ самыя новыя и самыя изысканныя мелодіи; это были каденцы и триллеры, которымъ не было конца; звуки то ослабѣвали, тихо журча

внутри его глотки, подобно ручейку пробирающемуся промеж камней, то возвышались и мало по малу усиливались, наполняя собою воздух и как будто сливаясь съ нимъ. Онъ былъ то сладокъ, то игривъ, то блестящъ, то патетиченъ, но его пѣвнѣе не было доступно пониманію каждаго.

„Увлечшись своимъ энтузіазмомъ, онъ готовъ былъ пѣть безъ конца, но оселъ, которымъ уже не разъ овладѣвала зѣвота, остановилъ его и сказалъ: „Я предполагаю, что все что вы сейчасъ пропѣли очень изящно, но я въ этомъ ничего не понимаю; мнѣ эта музыка кажется странной, запутанной и безсвязной. Вы можете быть и учейѣе вашего соперника, но онъ болѣе методиченъ, а что касается до меня, то я за методу“.

„Затѣмъ аббатъ, обратившись къ Ле-Руа, и указывая ему на Гримма, сказалъ: „Вотъ онъ—соловей, вы-кукушка, а я-оселъ, произносящій приговоръ въ вашу пользу. Прощайте“.

„Разсказы аббата хороши, но они еще много выигрываютъ отъ его манеры разсказывать. Вы не могли бы воздержаться отъ хохота, если бы видѣли, какъ онъ вытягивалъ свою шею и старался придать своему голосу нѣжный тонъ соловья, потомъ надувался и подражалъ рѣзкому голосу кукушки, а потомъ наострялъ свои уши и подражалъ глупой и неуклюжей важности осла; все это онъ дѣлалъ натурально и безъ натяжки. Это оттого, что онъ пантомимъ съ головы до пятъ“¹⁾.

Разговоръ. — „Странная вещь—разговоръ, въ особенностислиобщество скольконибудь многочисленно. Посмотрите, какіе мы дѣлали обходы; мысли человѣка, страдающаго умопомѣшательствомъ, не могли-бы быть болѣе не связны. Однакожъ, точно такъ же какъ вѣтвичего совершенно безсвязнаго ни въ головѣ человѣка, который видитъ сонъ, ни въ головѣ человѣка, который сошелъ съ ума, и въ разговорѣ все имѣетъ внутреннюю связь; только иногда бываетъ трудно отыскать едва замѣтныя для глазъ звѣнья, помощью которыхъ соединено вмѣстѣ столько разнородныхъ идей. Одинъ изъ собесѣдниковъ произносить какоенибудь слово, которое онъ отрываетъ отъ того, что ему предшествовало и что за нимъ слѣдовало въ головѣ; другой дѣлаетъ то же самое, и вотъ никто не можетъ уловить повода къ высказанной мысли. Одною физическаго свойства бываетъ достаточно для того, чтобъ навести заинтересовавшійся умъ на безконечное множество разнообразныхъ предметовъ. Возьмемъ для примѣра какойнибудь цвѣтъ,—хоть желтый: золото желто, шелкъ желтъ, забота желта, желчь желта, солома желта; на сколько новыхъ идей наводятъ эти идеи? Нелѣпости, мечты, непослѣдовательности устной бесѣды происходятъ отъ того, что мы переходимъ отъ одного предмета къ другому чрезъ посредство какогонибудь общаго для нихъ свойства“¹⁾.

1) XVIII. 509.

2) XVIII. 513.

Обращение въ ничто.— „Разговоръ принялъ довольно серьезный оборотъ. Рѣчь зашла объ отвращеніи, съ которымъ мы всѣ относимся къ мысли о томъ, что мы обратимся въ ничто.

„Нѣтъ не всѣ! воскликнулъ патеръ Гупъ; прошу васъ не включать меня въ это число. Мнѣ все пришлось такъ не по вкусу, что возвращаться къ старому я не желаю. Если бы мнѣ дали блаженное безсмертіе за одинъ только день проведенный въ чистилищѣ, я отказался-бы: самое лучшее перестать существовать“.

„Это заставило меня призадуматься и мнѣ показалось, что пока я буду здоровъ, я буду думать такъ же какъ и патеръ Гупъ, но въ послѣднюю минуту можетъ быть я готовъ буду заплатить за счастье жить еще разъ тысячу, даже десятью тысячами лѣтъ, проведенныхъ въ аду. Ахъ! милый другъ, если бы я зналъ, что мы снова сойдемся, что я опять буду любить васъ, я легко убѣдилъ бы себя въ томъ, въ чемъ одна дочь успѣла убѣдить своего умирающаго отца. Это былъ престарѣлый ростовщикъ; одинъ священникъ клятвенно увѣрялъ его, что онъ будетъ осужденъ на вѣчныя мученія, если не возвратитъ назадъ нажитыхъ денегъ. Старикъ рѣшился на это и, позвавши къ себѣ дочь, сказалъ ей: „Дитя мое, ты надѣялась, что я оставлю тебѣ большое состояніе и дѣйствительно ты получила бы его; но вотъ этотъ человекъ намѣренъ разорить тебя; онъ увѣряетъ, что я буду вѣчно горѣть въ адскомъ огнѣ, если умру, не отдавши назадъ того, что приобрѣлъ.—Вы шутите, отецъ мой, говоря о возвращеніи нажитаго и о вѣчныхъ мукахъ; съ вашимъ характеромъ, вы черезъ десять лѣтъ вѣчныхъ мученій совсѣмъ съ нами свыкнетесь“

„Онъ нашелъ это мнѣніе основательнымъ и умеръ, ничего не отдавши назадъ... И за тѣмъ мы пустились въ разговоры о жизни, о смерти, о мірѣ и его предполагаемомъ творцѣ.

„Кто то замѣтилъ, что во всякомъ случаѣ, есть ли Богъ или его нѣтъ, внося это понятіе въ природу или въ какой либо вопросъ, мы только затемняемъ предметъ.

„Другой замѣтилъ, что если какое нибудь предположеніе объясняетъ всѣ явленія природы, изъ этого не слѣдуетъ, что оно основательно: вѣдь никто не можетъ утверждать что всемірный порядокъ имѣлъ только одну причину. Что же послѣ этого слѣдуетъ думать о такомъ предположеніи, которое, не разрѣшая единственнаго затрудненія, ради котораго его придумали, создаетъ еще безконечное множество другихъ?

„Въ числѣ этихъ затрудненій есть такое, которое пытались разрѣшать съ тѣхъ поръ какъ міръ сталъ такимъ, каковъ онъ теперь,— а именно: почему люди страдаютъ, ничѣмъ этого не заслуживши. На это еще не было дано отвѣта, потому что и физическое и нравственное зло несовмѣстимо съ понятіемъ о вѣчномъ существѣ. Вотъ какъ ставить этотъ вопросъ: съ его стороны это было или безсиліе или нежеланіе, безсиліе—если онъ хотѣлъ не допускать зла, но не могъ этого сдѣлать; нежеланіе—если онъ могъ не допустить зла, но не захотѣлъ этого сдѣлать.

„Всякій ребенокъ въ состояніи это понять. Вотъ это и заставило людей выдумать паденіе перваго человѣка, первобытный грѣхъ, наказанія и награды въ будущей жизни, воплощеніе, безсмертіе, два принципа Манихействъ, Оромаза и Арпмана персовъ, эманация, господство свѣта и мрака, послѣдовательность жизней, переселеніе душъ, оптимизмъ и другія нелѣпости, которыя вкоренились у различныхъ народовъ земнаго шара, и въ которыхъ вы всегда найдете безсодержательную мечту въ отвѣтъ на фактъ ясный, точный и опредѣленный.

„Какое въ этихъ случаяхъ назначеніе здраваго смысла? То, другъ мой, на которомъ мы остановились: что-бы ни говорили намъ оптимисты, мы имъ возразимъ, что если міръ не можетъ существовать безъ существъ способныхъ чувствовать, а эти существа не могутъ избѣгать страданій, то лучше было бы оставаться въ покоѣ. Въдъ прошла же цѣлая вѣчность безъ этой глупости.

„Міръ—дѣло глупости! А! другъ мой, какая однако это прекрасная глупость. По мнѣнію нѣкоторыхъ жителей Малабарскихъ острововъ это—одна изъ семидесяти четырехъ комедій, которыми забавляется Превѣчный.

„Основатель оптимизма Лейбницъ, который былъ столько же великъ какъ поэтъ, сколько глубокомысленъ какъ философъ, гдѣ-то рассказываетъ, что въ одномъ изъ храмовъ Мемфиса была высокая пирамида изъ глобусовъ, наложенныхъ одинъ на другой; на вопросъ какого то путешественника, что это за пирамида и что это за глобусы, одинъ священникъ отвѣчалъ, что это міры, которые возможны, и что лучшей изъ нихъ на верхушкѣ; путешественникъ, желая видѣть этотъ лучшей изъ міровъ, взобрался на вершину пирамиды, и первое что онъ увидѣлъ на верхнемъ глобусѣ былъ Тарквиній, насилюющій Лукрецію“¹⁾.

Почти каждое изъ его писемъ напоминаетъ намъ, что мы находимся на самой вершинѣ такого столѣтія, когда люди всего болѣе занимались спорами, аргументаціей и раціоналистическими идеями. Это было во вкусѣ Дидро точно также, какъ это было во вкусѣ Сократа или докт. Джонсона. Онъ болѣе чѣмъ кто либо другой былъ образцовымъ олицетвореніемъ страсти къ правоченіямъ, анализу и философствованію,—той страсти, которая была характеристической особенностью вѣка; но и все что его окружало было настроено въ томъ же духѣ. Однажды, возвращаясь въ почтовой каретѣ изъ деревни въ Парижъ, онъ дорожкой познакомился съ молодой женщиной, которая горячо доказывала ему, что серьезныя страсти теперь были бы смѣшны, что люди ищутъ только удовольствій, и что этимъ способомъ они избѣгаютъ существовавшей въ старое время необходимости нарушать данныя клятвы. «Я имѣлъ смѣлость отвѣтить на это, что

1) XVIII. 511—3.

я до сихъ поръ остался человѣкомъ стараго времени. «Тѣмъ хуже для васъ», возразила она; «или вы обманываете другихъ или другие васъ обманываютъ, а и то и другое одинаково нехорошо». ¹⁾ Когда онъ находился въ обществѣ Гримма и г-жи Эпине, они съ утра до вечера разсуждали объ этикѣ; при этомъ Дидро всегда стоялъ за тѣ мнѣнія, которыя болѣе всѣхъ другихъ воздавали должное благородству и достоинству человѣческой природы. Онъ разсказываетъ, что во время одной изъ такихъ бесѣдъ Гриммъ не угодилъ г-жѣ Эпине: «онъ не умѣлъ довольно хорошо опровергнуть замѣчаніе одного общаго знакомаго, утверждавшаго, что мы должны быть безукоризненно честны по отношенію къ нашимъ друзьямъ, но что было бы въ высшей степени нелѣпо относиться къ другимъ лучше, чѣмъ они относятся къ намъ. Я былъ одного съ ней мнѣнія, что слѣдуетъ быть честнымъ и добрымъ со всѣми безъ исключенія» ²⁾).

Вотъ еще описаніе одного спора съ предпосланнымъ ему введеніемъ, которое очень хорошо характеризуетъ нравъ Дидро:

„Этотъ человѣкъ смотритъ на человѣчскій родъ только съ мрачной его стороны. Онъ не вѣритъ въ добродѣтельные поступки, онъ старается уменьшить ихъ цѣну; онъ отвергаетъ ихъ: если онъ разсказываетъ о какомънибудь фактѣ,—то всегда о чемънибудь отвратительномъ и скандальномъ. Такъ напримѣръ ему случилось говорить съ г-жой Лежандръ о двухъ женщинахъ изъ числа моихъ знакомыхъ; онъ отзывался дурно объ обѣихъ. Конечно у нихъ есть недостатки, но у нихъ есть и хорошія качества. Зачѣмъ умалчивать о хорошихъ свойствахъ и указывать лишь на одни недостатки? Въ этомъ кроется по меньшей мѣрѣ что то похожее на зависть, которая оскорбляетъ меня, такъ какъ я изучаю людей, какъ изучаютъ писателей, наполняя мою память лишь тѣмъ, что полезно знать и чему полезно подражать. Разговоръ между Сюаромъ и г-жою Лежандръ былъ очень оживленъ. Они старались объяснить, почему чувствительныя сердца, при разсказѣ о какомънибудь хорошемъ поступкѣ, бывають такъ быстро, такъ сильно и такъ пріятно взволнованы. Сюаръ полагалъ, что это происходитъ благодаря шестому чувству, которымъ природа одарила насъ для того, чтобъ мы могли цѣнить то, что хорошо и увлекательно. Меня спросили, чѣмъ объ этомъ думаю. Я отвѣчалъ, что это шестое чувство ничто иное какъ химера, что въ насъ все развивается опытомъ, что мы съ ранняго дѣтства узнаемъ, что слѣдуетъ согласно съ нашими истинными скрывать или выставлять наружу. Когда мотивы нашихъ дѣйствій, нашихъ сужденій, нашихъ требованій присущи нашему уму, тогда мы имѣемъ то, что называется наукой; если же они не присущи нашему уму, мы имѣемъ лишь то, что называется вкусомъ, истиннк-

1) XIX. 244.

2) XVIII. 459.

томъ, тактомъ. Причины, по которымъ мы выказываемъ чувствительность при разсказѣ о прекрасныхъ поступкахъ, неисчислимы: мы разоблачаемъ тѣ качества, которыя достойны безконечнаго уваженія; мы общаемъ другимъ наше уваженіе, если они заслужаютъ его какимъ нибудь рѣдкимъ и честнымъ поступкомъ... Независимо отъ всѣхъ этихъ мотивовъ, у насъ есть понятіе о порядкѣ и любовь къ порядку, противъ которыхъ мы не можемъ устоять и которыя увлекаютъ насъ противъ нашей воли. Ни одинъ прекрасный поступокъ не обходится безъ какого нибудь пожертвованія, а мы не въ состояніи не преклоняться передъ тѣмъ, кто жертвуетъ самимъ собою“— и такъ далѣе все въ томъ же духѣ ¹⁾).

Къ сожалѣнію всѣмъ этимъ безконечнымъ спорамъ и разговорамъ недоставало того вдохновенія и той увлекательности, которыми геній Платона умѣлъ украсить самую неважную болтовню между Сократомъ и однимъ изъ софистовъ. «Дидро»,—говорила дѣвица Леспинассъ,—«необыкновенный человекъ; онъ въ обществѣ не на своемъ мѣстѣ; онъ созданъ для того, чтобъ быть главою какой нибудь секты, или греческимъ философомъ, поучающимъ юношество. Онъ мнѣ очень нравится, но его манера не затрогиваетъ моего сердца» ²⁾. И намъ это понятно. Люди спорили въ то время о томъ, что такое добродѣтель, но ихъ споры не были проникнуты тѣмъ неопредѣлимымъ духомъ, который заставляетъ насъ любить и обожать добродѣтель. Тогда доброту не окружали всѣмъ, что есть прекраснаго на свѣтѣ, не присоединяли къ ней высокаго чувства любви къ ближнему. Поэтому въ сужденіяхъ того времени точно будто не было ни ширины, ни простора, ни воздуха. Впрочемъ эпохи, отличавшіяся болѣе возвышенными рѣчами и болѣе сильнымъ влеченіемъ къ духовнымъ предметамъ, не всегда были такъ же благоприятны для дружбы и житейскихъ привязанностей. Общество того времени не уступитъ никакому другому ни по своей любезности, ни по искренности взаимныхъ симпатій, ни по обязательности взаимныхъ одолженій. Обычныя для того времени нарушенія правилъ нравственности, какъ кажется, хорошо совмѣщались не только съ желаніемъ нравиться, но и съ безкорыстнымъ желаніемъ услужить.

Намъ недоставало бы мѣста разсказать все, что намъ извѣстно о добросердечіи Дидро, о его дружелюбіи и неистощимой готовности помогать другимъ. Понятія людей о чувствѣ дружбы такъ же разнохарактерны, какъ и ихъ понятія о другихъ предметахъ. Иные ожидаютъ отъ дружбы совершеннаго устраненія всякихъ критическихъ замѣчаній и взаимнаго восхищенія другъ-другомъ неограни-

¹⁾ XIX. 259.

²⁾ Lettres de M-lle de Lespinasse, VIII., p. 20 (Ed. Asse. 1876).

ченнаго и безусловнаго. Другіе же ошибочно думаютъ, что дружба даетъ право быть до крайности взыскательнымъ и кстати и не кстати. А Дидро довольствовался тѣмъ, что смотрѣлъ на дружбу какъ на право и обязанность оказывать услуги, не ожидая ни вознагражденія за нихъ ни признательности. Нельзя не сказать, что это рѣдкое явленіе. Трудно бы было найти другаго человѣка, болѣе готоваго посвящать свое время на устройство чужихъ дѣлъ. Онъ по видимому признавалъ за всѣми право пользоваться его временемъ, его кошелькомъ и его дарованіями. Однажды какой то незнакомецъ пришелъ къ нему съ просьбой написать напыщенное объявленіе о новой помадѣ. Дидро улыбаясь сѣлъ за письменный столъ и написалъ то, о чемъ его просили. Въ болѣе серьезныхъ вещахъ онъ выказывалъ такую же готовность помогать. Дамилавилль лишился одного изъ своихъ дѣтей и его жена была въ отчаяніи. Дидро былъ тотъ, кого просили навѣщать ее, и онъ приходилъ къ ней много дней сряду для того, чтобъ утѣшать ее и развлекать. Онъ украсилъ свой рассказъ объ этомъ, напомнивъ читателямъ прекрасныя слова одной убитой горемъ женщины, которая приводятся у Метастазія; когда эту женщину стали утѣшать указаніями на примѣръ Авраама, выразившаго готовность убить по приказанію божію своего сына, она воскликнула:—*Ахъ, Богъ никогда не далъ бы такого приказанія матери!*

Аббатъ Ле-Монье писалъ самые плохіе стихи, какіе когда либо приходилось намъ читать; сверхъ того онъ написалъ комедію, которая была тотчасъ признана никуда негодной и сдѣлалъ переводъ сочиненій Теренція, появившійся на свѣтъ мертворожденнымъ. Но плохіе писатели всегда не церемонясь отнимаютъ время у хорошихъ критиковъ и мы видимъ, что Дидро любезно проводилъ цѣлыя часы надъ рукописями аббата, которыя были также плохи какъ и то что было въ нихъ написано, а за тѣмъ проводилъ еще цѣлыя часы въ изложеніи критическихъ замѣчаній о такихъ стихахъ, которые были годны лишь на то, чтобъ ихъ бросить въ огонь. Аббатъ, уѣхавши изъ Парижа, очутился въ денежныхъ затрудненіяхъ и потому обратился къ Дидро съ просьбой продать принадлежавшій ему экземпляръ Энциклопедіи. «Я продалъ вашу Энциклопедію», писалъ ему Дидро, — «но получилъ за нее менѣе того, чего ожидалъ, потому что намъ повредилъ распушенный за границей этими негодьями — швейцарскими книгопродавцами — слухъ, будто они готовятъ новое дополненное изданіе. Пришлите за принадлежащими вамъ девятьюстами пятидесятью ливрами, а если этого недостаточно на ваши расходы, не забывайте, что кромѣ того ящика, въ которомъ лежатъ ваши деньги, есть другой ящикъ, въ которомъ лежатъ мои деньги.

Я не знаю хорошенько, сколько ихъ тамъ, но я буду считать, что они всѣ въ вашемъ распоряженіи» ¹⁾).

Точно такъ же отнесся онъ къ нѣкому Жодену, —наемному писателю, работавшему для Энциклопедіи. Жоденъ умеръ, оставивъ безразсудную сумасбродную вдову и упрямую заносчивую дочь. Эта послѣдняя поступила на театральную сцену, и Дидро съ отцовской заботливостью давалъ ей нужные совѣты, искалъ для нея приглашеній, исполнялъ ея порученія, помѣщалъ заработанныя ею деньги и улаживалъ ея отношенія къ роднымъ. Если его совѣты касательно ея ремесла были превосходны, то еще болѣе чѣмъ превосходны были его совѣты касательно поведенія, отличавшіеся здравымъ смысломъ, искренностью чувства и практической мудростью. И Дидро не ограничивался одними общими фразами. Все, что онъ говоритъ, было реально, опредѣленно и примѣнимо къ обстоятельствамъ и дѣйствующимъ лицамъ. Своенравная дѣвушка, къ которой были обращены эти совѣты, не обнаруживала нетерпѣнія, выслушивая рѣзкія замѣчанія, откровенно высказанныя честныя и искреннія мнѣнія своего доброжелателя. Она, какъ кажется, имѣла достаточно здраваго смысла, чтобъ не оскорбляться откровенностью бывшего начальника ея отца, потому что послѣ того какъ онъ ей сказалъ прямо въ лице, что она заносчива, груба, тщеславна и не всегда правдива, она все таки обращалась къ нему изъ Варшавы, изъ Дрездена, изъ Бордо, съ просьбами купить ей какой то браслетъ, устроить дѣла ея матери и прискаты хорошее помѣщеніе для двѣнадцати тысячъ франковъ. Когда ея мать впала въ крайнюю бѣдность, Дидро настоятельно требовалъ, чтобъ старушка каждый день приходила къ нему обѣдать. И все это онъ дѣлалъ только потому, что эти безпокойные люди случайно были брошены судьбой поперегъ его жизненнаго пути и нуждались въ помощи, которую онъ былъ способенъ оказать имъ не безъ нѣкотораго самопожертвованія. Дѣвица Жоденъ едва ли была достойна такой преданной дружбы. Ея родители были протестанты, а такъ какъ она сама перешла въ католическую вѣру, то ей выдавалась ежегодная пенсія почти въ восемь фунт. ст. Не смотря на это, она однажды дозволила себѣ слишкомъ рѣзкія выходки, въ то время какъ несли по улицѣ святыя дары, и за это была заключена въ тюрьму; отсюда уже достаточно видно, какая это была ничтожная особа ²⁾).

Впрочемъ и мужчины иногда бываютъ такъ же своенравны и неприятны какъ женщины. Мы уже упоминали о нѣкомъ Ландуа, когда разбирали статью Дидро о *Свободѣ*. Ландуа, какъ ка-

¹⁾ 1 авг. 1769; XIX, 365.

²⁾ (1765—1769) XIX. 381—412. Также стр. 318.

жется, былъ образцемъ безразсудства, но онъ былъ бѣдный литераторъ и этого было достаточно для того, чтобъ Дидро поддерживалъ съ нимъ знакомство и помогалъ ему. Въ нарушеніе всякихъ приличій онъ написалъ къ Дидро письмо, наполненное упреками и жалобами на своего благодѣтеля, и хладнокровно требовалъ напечатанія одной рукописи, содержаніе которой могло вызвать серьезную опасность. «Это сочиненіе», — отвѣчалъ ему Дидро, — «могло бы сдѣлаться причиною моей гибели; и послѣ того, какъ вы два раза осыпали меня самыми ужасными и намѣренными оскорбленіями, вы приглашаете меня просмотрѣть вашу рукопись и напечатать ее! Вы хорошо знаете, что у меня жена и дѣти, что я на замѣчаніи и что вы могли бы вовлечь меня въ положеніе рецидивиста: но вы не обращаете вниманія ни на одно изъ этихъ соображеній; или вы считаете меня за безумца или вы сами безумны; однако вы не безумецъ... Я вижу какіе у людей замыслы и часто изъясняю готовность имъ помогать, не задавая себѣ труда доказывать имъ, что я вовсе не такъ глупъ, какъ они думаютъ. Для этого достаточно, чтобъ я видѣлъ въ ихъ проэктахъ большую пользу для нихъ самихъ, и не очень большія стѣсненія для меня. Всякій разъ, когда меня принимаютъ за глупца, глупцомъ бываю не я». Затѣмъ Дидро, по видимому, совершенно позабываетъ, что за человѣкъ тотъ, къ которому онъ пишетъ, и изливаетъ свои чувства въ чемъ то похожемъ на длинный монологъ о нравственности, о человѣческихъ поступкахъ и о житейской философіи. Онъ утверждаетъ, что человѣкъ, при всей своей высокопарной свободѣ воли, ничто иное какъ крошечное звено въ великой цѣпи событій. Онъ такое существо, которое измѣняется подъ вліяніемъ внѣшнихъ фактовъ; отсюда понятно, какое сильное вліяніе имѣютъ на него примѣры, обмѣны мыслей, воспитаніе, удовольствія, страданія, богатство, нищета. Отсюда зарождается нѣчто въ родѣ философіи состраданія, которая располагаетъ насъ къ добрымъ людямъ и возбуждаетъ въ насъ противъ дурныхъ людей неудовольствіе, нисколько не болѣе сильное, чѣмъ то, которое мы испытываемъ, когда вьюга засыпаетъ наши глаза пылью. Если вы будете держаться такихъ принциповъ, они примирятъ васъ съ другими и съ самимъ собою; тогда вы не будете ни гордиться тѣмъ, что вы есть, ни укорять себя за это. Никого ни въ чемъ не упрекать, и самому ни въ чемъ не раскаяваться — вотъ два главныхъ шага на пути къ мудрости; это такая философія, которая примиряетъ насъ съ человѣческимъ родомъ и съ жизнью ¹⁾).

Въ то время, какъ все его вниманіе было поглощено усиленными занятіями для Энциклопедіи и вызванными ею распрями, онъ

¹⁾ Июнь, 1756; XIX. 433—36.

не былъ въ состояніи отказаться посвятить цѣлые три дня на ка-торжную работу для составленія отчета объ одномъ важномъ от-крытіи, которое было сдѣлано какимъ-то почтеннымъ господиномъ, вовсе непринадлежавшимъ къ числу его близкихъ знакомыхъ. «Но въ то время какъ я занимался чужими дѣлами, мои собственныя оставались безъ движенія. Я пишу вамъ изъ квартиры Ле-Бретона; передо мною лежитъ масса неисправленныхъ корректуръ и въ моихъ ушахъ раздаются громкія требованія издателя, чтобъ я скорѣе по-кончилъ съ ними. Гриммъ правъ, утверждая, что время не такая вещь, которою мы можемъ располагать по нашему произволу, что мы обязаны прежде всего и главнымъ образомъ посвящать его на-шимъ друзьямъ, нашимъ роднымъ и нашимъ ежедневнымъ обязан-ностямъ, и что щедро тратить его для тѣхъ, кто намъ равноду-шенъ, было бы порокомъ. 1) Однако не смотря на самыя благоразум-ныя увѣщанія со стороны Гримма, такая щедрая трата производи-лась по прежнему.

Былъ только одинъ человекъ, съ упрямствомъ и несговорчи-востью котораго не могли ужиться дружеская терпѣливость, готов-ность къ услугамъ и преданность Дидро. Въ моей книгѣ о Руссо 2) я уже съ достаточной подробностью говорилъ о ссорѣ между нимъ и Дидро и потому не считаю нужнымъ много распространяться объ этомъ предметѣ. Все равно прислушаемся-ли мы къ разсказу Руссо или къ разсказу Дидро, наше мнѣніе о случившемся оста-нется неизмѣннымъ. Мы уже видѣли, какая горячая и тѣсная друж-ба существовала между ними въ тѣ дни, когда Дидро сидѣлъ въ Венсенской тюрьмѣ (1749). Когда Руссо вздумалъ покинуть Парижъ и превратиться въ отшельника (1756), въ группѣ людей собирав-шихся у Гольбаха раздались громкіе протесты. Ему повторяли то же, что сэръ Вальтеръ Скоттъ сказалъ Баллантину, когда тотъ взду-малъ покинуть Эдинбургъ: «Еслибъ самому Спасителю пришлось подвергнуться искушенію, то дьяволъ прежде всего постарался бы увлечь его въ пустыню». Дидро протестовалъ еще громче другихъ друзей Руссо, но отъ этого не произошло ни разрыва, ни даже охлажденія. Мы уже знаемъ, какого рода идеи одиночество вызвало въ мрачномъ умѣ Руссо, а его *Исповѣдь* служить свидѣтельствомъ того, что въ теченіе одного съ половиной года онъ былъ молчаливо погруженъ въ созданная его фантазіей пустыя, а можетъ быть и въ реальныя нелѣпости. Гриммъ, который послѣ дѣвицы Волянъ

1) Авг. 1762; XIX. 112.

2) Гл. VII.

былъ самымъ близкимъ другомъ Дидро, презиралъ Руссо, а Руссо ненавидѣлъ Гримма. «Гриммъ», — однажды сказалъ Руссо одному изъ своихъ учениковъ, — «единственный человѣкъ, котораго я былъ способенъ ненавидѣть». Г-жа Элине должна была ѣхать для своего здоровья въ Женеву и Гримму было не трудно убѣдить Дидро, что Руссо обязанъ изъ чувства признательности сопровождать свою благодѣтельницу въ этой поѣздкѣ. Дидро написалъ въ этомъ смыслѣ отшельнику очень внушительное письмо; это привело Руссо въ ярость. Онъ отклонилъ отъ себя настоятельныя увѣщанія, поссорился самымъ рѣшительнымъ образомъ съ Гриммомъ, а послѣ раздражительнаго и несвязнаго разговора съ Дидро и съ нимъ прекратилъ всякія сношенія. «Этотъ человѣкъ», — писалъ Дидро вечеромъ того самого дня, когда они видѣлись въ послѣдній разъ, — «отрываетъ меня отъ моей работы; она наполняетъ мою душу волненіемъ, и мнѣ кажется, что точно будто подлѣ меня витаетъ какой то проклятый духъ. Я хотѣлъ бы не видѣть его никогда болѣе; онъ способенъ заставить меня вѣрить въ чертей и въ адъ» ¹⁾). А впоследствии, въ письмѣ къ одному изъ своихъ женевскихъ друзей, онъ напоминалъ о тѣхъ дняхъ, когда изливалъ свою душу въ интимной бесѣдѣ «съ тѣмъ человѣкомъ, который похоронилъ себя въ глубинѣ лѣсовъ, гдѣ душа его ожесточилась, а его природныя нравственныя свойства испортились». — «А все таки мнѣ жаль его! Представьте себѣ, что я прежде любилъ его, что я еще не позабылъ тѣхъ старыхъ дней дружбы, и что теперь я вижу его съ преступленіемъ съ одной стороны, съ раскаяніемъ — съ другой и съ тяжелыми бѣдствіями впереди. Онъ еще не одинъ разъ будетъ возбуждать въ моемъ умѣ мучительныя мысли; наши общіе друзья рѣшили, кто изъ насъ правъ; я сохранилъ ихъ всѣхъ, а онъ не сохранилъ ни одного изъ нихъ» ²⁾). Дидро не былъ отъ природы злопамятенъ, и черезъ восемь лѣтъ послѣ того, когда Руссо предпринявшій свою несчастную поѣздку въ Англію и въ гористый Дербиширъ, проѣзжалъ Парижъ, Дидро писалъ, что ему доставило бы большое удовольствіе посѣщеніе Руссо. «Ахъ,» — говорилъ онъ, — «я хорошо дѣлаю, что не легко открываю доступъ къ моему сердцу; когда ктонибудь разъ напелъ тамъ для себя мѣсто, онъ не уйдетъ оттуда безъ того, чтобъ оставить послѣ себя большое мѣсто; это такія раны, которыхъ никогда нельзя совершенно залечить» ³⁾).

Едва ли нужно напоминать безпристрастнымъ читателямъ, что Руссо выражается совершенно такъ-же о своемъ собственномъ сердцѣ. Въ томъ то и заключается самая дурная сторона сантимен-

¹⁾ Дек. 1757, XIX. 446.

²⁾ XIX 449.

³⁾ 20 дек. 1765, XIX. 210.

тальности, что правильное и подобающее человѣку съ сердцемъ сужденіе о другихъ людяхъ она такъ легко замѣняетъ снисходительностью къ самимъ себѣ. Впрочемъ мы охотно допускаемъ, что не Дидро былъ настоящимъ виновникомъ разрыва продолжительной дружеской связи. Онъ могъ бы не безъ основанія сказать: *Еслибы Жанъ-Жакъ былъ правъ, слишкомъ многіе честные люди оказались бы не правыми.*

О Гриммѣ я уже говорилъ достаточно подробно въ другомъ мѣстѣ.¹⁾ Его сужденія касательно поведенія и характеровъ были холодны и отчасти слишкомъ строги, но вообще они были основательны. Онъ имѣлъ достаточно проницательности, чтобъ видѣть всю пустоту притязаній того общества, въ средѣ котораго онъ жилъ. Но главнымъ образомъ у него была свойственная его соотечественникамъ проницательность касательно всего, что входило въ его собственные интересы и касательно того, какую пользу можно извлекать изъ другихъ людей. Самое лучшее, что мы можемъ сказать о немъ, это то, что онъ приобрѣлъ дружбу Дидро. Привязанность Дидро къ Гримму похожа съ виду на тѣ преувеличенія, которыми отличалась эпоха сантиментализма въ Германіи.

Дидро съ такимъ же нетерпѣніемъ ждетъ письма отъ Гримма, съ какимъ ждалъ писемъ отъ дѣвицы Воланъ. Если Гриммъ находился въ отъѣздѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то ихъ свиданіе было похоже на сцену изъ какой нибудь мелодрамы. «Съ какимъ пыломъ мы обняли другъ друга. Мое сердце было переполнено. Ни я ни онъ не были въ состояніи сказать ни одного слова. Мы молча обнимались и слезы текли изъ моихъ глазъ. Мы не ожидали его пріѣзда. Мы сидѣли за десертомъ, когда насъ извѣстили о его прибытіи: *Это Гриммъ!*—*Это Гриммъ!* восклицалъ я, и вставши изъ-за стола побѣжалъ къ нему навстрѣчу и бросился къ нему на шею! Онъ сѣлъ за столъ, но, какъ кажется, ѣлъ неохотно. Что же касается до меня, то я не былъ въ состояніи открыть рта и для ѣды, ни для разговора. Онъ сидѣлъ подлѣ меня. Я жалъ его руку и смотрѣлъ на него». ²⁾ Дѣвица Воланъ иногда сравнивала Дидро съ его другомъ. «Прошу васъ, мой добрый другъ, не дѣлайте никогда сравненія между Гриммомъ и мною. За его превосходства я вознаграждаю себя тѣмъ, что откровенно сознаю ихъ. Я горжусь побѣдой, которую такимъ образомъ одерживаю надъ моимъ себялюбіемъ и вы не должны отнимать у меня эту маленькую выгоду». ³⁾ Но Гриммъ умѣлъ лучше Дидро соединять нѣмецкую сантиментальность съ неизмѣннымъ себялюбіемъ. «Я только что полу-

¹⁾ См. Rousseau, гл. VII.

²⁾ 9 окт. 1759; XVШ. 397.

³⁾ 6 нояб. 1760; XIX. 17.

чилъ отъ Гримма»—пишетъ добродушный Дидро—«такую записку, которая оскорбляетъ мое слишкомъ чувствительное сердце. Я обещалъ ему написать нѣсколько строкъ о выставкѣ картинъ; онъ увѣдомляетъ меня, что если эта замѣтка не будетъ готова завтра, она будетъ вовсе ненужна. Я отомщу за эту не деликатность и отомщу такимъ способомъ, который въ моемъ вкусѣ. Я работалъ вчера цѣлый день и цѣлый день сегодня. Я проработаю всю ночь и весь завтрашній день, а въ девять часовъ вечера онъ получитъ отъ меня цѣлый томъ исписанный моей рукою». ¹⁾ Едва ли можно предположить, чтобъ его нѣмецкій пріятель почувствовалъ всю силу правоученія, облеченнаго въ такую выгодную для него форму.

Въ то время, какъ Гриммъ пріятно проводилъ время на дачѣ г-жи Эпине, Дидро работалъ надъ литературной корреспонденціей, которую Гриммъ обыкновенно посылалъ въ Петербургъ и къ нѣмецкимъ дворянамъ. Въ то время, какъ Гриммъ гонялся за пенсіями и за почетными титулами въ Саксенъ-Готѣ, или заискивалъ милостей отъ Фридриха Великаго и дожидался въ Потсдамѣ денежныхъ подарковъ, Дидро работалъ какъ поденщикъ, составляя для него обзоры и хорошихъ и дурныхъ и совершенно неинтересныхъ книгъ, появлявшихся массаами на парижскомъ рынкѣ. Когда не было новыхъ книгъ, о которыхъ можно бы было писать отчеты, этотъ изобрѣтательный человѣкъ, обладавшій отъ природы всѣми способностями журналиста, сообщалъ извлеченія изъ такихъ книгъ, которыхъ не существовало. ²⁾ Зная, что Парижъ былъ центромъ европейской интеллигенціи и литературной дѣятельности, мы можемъ сказать, что эти циркулярныя посланія Гримма и Дидро были тѣмъ механизмомъ, съ помощью котораго свѣтъ разливался изъ Парижа по другимъ менѣ просвѣщеннымъ странамъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что ни о какой другой замѣчательной литературной эпохѣ современники не оставили намъ такихъ интеллигентныхъ, самостоятельныхъ, живыхъ и полныхъ мемуаровъ.

Аббатъ Рейналь, о которомъ намъ придется говорить подробно въ одной изъ слѣдующихъ главъ, первый задумалъ въ 1747 такія обзоренія, отчасти похожія на наши журналы, и сталъ разсылать рукописныя съ нихъ копии по одному разу въ мѣсяць всякому, кто вносилъ за это триста франковъ въ годъ. Въ 1753 это дѣло было передано Рейналемъ Гримму, который велъ его до 1790,—то есть до такой поры, когда уже прошло двѣнадцать лѣтъ со смерти Вольтера и Руссо и шесть лѣтъ со смерти самаго способнаго, самаго оригинальнаго и самаго усерднаго изъ его сотрудниковъ.

¹⁾ 17 сент. 1761; XIX. 47.

²⁾ 17 сент. 1769; XIX. 320.

Интереснымъ эпизодомъ въ жизни Дидро были его непосредственныя сношенія съ однимъ изъ тѣхъ двухъ коронованныхъ покровителей революціонной литературы, которые выдавали себя за философовъ, но на самомъ дѣлѣ были представителями абсолютизма. Фридрихъ Великій, который въ своихъ понятіяхъ о литературѣ строго придерживался условнаго французскаго классицизма, никогда не находилъ большого интереса въ произведеніяхъ Дидро и не пыталъ сочувствія къ его личности. Напротивъ того, императрица Екатерина такъ восхищалась Энциклопедіей, что была готова помогать многострадальному творцу этого произведенія. Въ 1765, когда это предпріятіе было въ полномъ ходу, Дидро сильно заботился о томъ, какъ обезпечить будущность своей дочери. Онъ не былъ въ состояніи дать ей какое либо приданое въ томъ случаѣ, еслибы кто нибудь сталъ искать ея руки, а на случай своей смерти онъ могъ бы оставить ей лишь очень незначительное наслѣдство. Доходъ отъ недвижимой собственности, доставшейся ему въ наслѣдство отъ отца, весь поступалъ въ руки его жены на домашніе расходы. Его собственные заработки, какъ мы уже замѣтили выше, были не велики. Есть такіе литераторы, — писалъ онъ въ 1767, — которые нажили своимъ трудомъ двадцать, тридцать, восемьдесятъ и даже сто тысячъ франковъ. По его мнѣнію его литературныя занятія доставили ему около сорока тысячъ кронъ или около пяти тысячъ фунт. стерл. Онъ съ грустью произнесъ слѣдующія слова, которыя можетъ примѣнить къ себѣ всякій, кто принадлежитъ къ пишущей братии: «Нѣтъ возможности нажить состояніе, но было бы можно пріобрѣсть удобства и комфортъ, еслибы заработанныя деньги не получались мало по малу въ теченіе столькихъ лѣтъ, еслибы они не исчезали по мѣрѣ того, какъ они получались и еслибы они не разбрасывались и не издерживались въ ту пору, когда стала приближаться старость, когда нужды стали болѣе многочисленны, когда глаза стали плохо видѣть, а умъ сталъ слабѣть и притупляться.» 1) Онъ самъ былъ именно въ такомъ положеніи. Заработанныя имъ деньги всегда тратились безъ всякой разсчетливости. Онъ не былъ въ состояніи воздержаться отъ покупки понравившейся ему книги или гравюры, хотя на другой же день былъ готовъ подарить только что купленную вещь всякому, кто сталъ бы приходить отъ нея въ восторгъ. Онъ бралъ наемную карету въ такихъ случаяхъ, когда всякій другой прошелся-бы пѣшкомъ, и не рѣдко случалось, что извозчикъ простаивалъ пол-дня у воротъ дома, въ которомъ его беззаботный сѣдокъ толковалъ объ истинѣ, добродѣтели и изящныхъ искусствахъ, не замѣчая что ча-

1) *Lettres sur le Commerce de la Librairie*, XVIII, 47.

сы проходить и что плата за карету все растеть. Вотъ почему, когда сбереженія были бы кстати, ихъ не оказалось. Впрочемъ, мы должны брать человѣка такимъ, каковъ онъ есть, со всѣми его недостатками, а такъ какъ Дидро не былъ бы Дидро, если бы онъ сталъ копить деньги, то мы и не будемъ долѣе останавливаться на этомъ предметѣ.

Въ промежутокъ времени между 1763 и 1765 годами, — когда онъ счелъ своимъ долгомъ обезпечить свою дочь, — онъ рѣшился продать свою библиотечку. Императрица Екатерина узнала отъ Гримма о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находился Дидро. Ея повѣренному было приказано купить библиотечку по той цѣнѣ, какая будетъ назначена ея владѣльцемъ, и Дидро получилъ шестнадцать тысячъ ливровъ, то есть около семисотъ фунт. ст. Императрица присовокупила къ этой сдѣлкѣ щедрую милость. Она пригласила Дидро быть хранителемъ новаго ея приобрѣтенія съ платою за его трудъ по тысячѣ ливровъ въ годъ. Это жалованье было выплачено впередъ за пятьдесятъ лѣтъ и такимъ образомъ Дидро разомъ получилъ отъ двухъ до трехъ тысячъ фунт. ст., то есть такую сумму денегъ, которая должна была показаться ему громадной, и которая по сравнительной стоимости денегъ, соответствуетъ въ наше время суммѣ втрое или даже вчетверо большей. Для чести литературы намъ было-бы пріятнѣе, еслибы Дидро сохранилъ свою независимость. Но назначеніе пенсій было въ то время въ обычаѣ. Вольтеръ хотя и былъ человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, однако не пренебрегалъ пенсіей, которая была ему назначена Фридрихомъ Великимъ, и громко жаловался на неакуратность ея уплаты въ то самое время, когда онъ зналъ, что нужда въ деньгахъ заставила Фридриха обратить свою серебряную посуду въ звонкую монету. Д'Аламберъ также получалъ пенсію изъ Берлина, а Гриммъ, какъ мы уже прежде замѣтили, собиралъ всякія крохи при дворахъ сѣверныхъ государей. Фридрихъ предлагалъ пенсію и Руссо, но этотъ странный человѣкъ, соединявшій въ себѣ столько простоты, чувствительности и возвышенности съ отвратительными недостатками, не захотѣлъ налагать новое бремя на пришедшіе въ разстройство королевскіе финансы ¹⁾.

Авторская дѣятельность и характеры знаменитыхъ людей освѣтились бы для насъ поучительнымъ свѣтомъ, еслибы мы всегда были въ состояніи знать, какого рода отношенія существовали между писателемъ и его книгопродавцемъ. Точка зрѣнія Дидро на всѣ уловки и приемы, которыми сопровождались въ его время изданіе и продажа книгъ, всегда была и въ теоріи и на практикѣ такая,

¹⁾ См. R o u s s e a u, гл. XI.

какая прилична челоѡѡку съ здравымъ смысломъ и съ непоколебимой честностью. Изъ предъидущей главы мы уже познакомились съ нѣкоторыми изъ тѣхъ затрудненій, съ которыми должна была въ ту пору бороться книжная торговля. Книгопродавцы составляли замкнутый цехъ изъ трехъ сотъ шестидесяти членовъ, а число содѡержателей типографій было ограничено тридцатью шестью. Ихъ привилегіи не доставляли имъ большихъ выгодъ. Ихъ кредитъ и ихъ репутація были самыя жалкіе, и большинство изъ нихъ едва ли было лучше уличныхъ нищихъ. Говорили, будто въ числѣ трехъ сотъ шестидесяти не было и дюжины такихъ, которые имѣли что нибудь кромѣ того платья, которое было у нихъ на плечахъ. Они были связаны по рукамъ и по ногамъ стѣснительными постановленіями, а ихъ торговлю постоянно разоряла кучка людей, которыхъ они ненавидѣли какъ контрабандистовъ, но которыхъ публика имѣла нѣкоторые резоны благословлять. Ни одинъ книгопродавецъ и ни одинъ содѡержатель типографіи не могъ открывать заведенія внѣ университетскаго квартала или на сѡверной сторонѣ мостовъ ведущихъ черезъ Сену. Это ограниченіе, столь же древнее какъ и введеніе во Франціи книгопечатанія, возникло въ ту пору, когда королевскіе надсмотрщики безпрестанно и тщательно осматривали типографіи и книжныя лавки; благодаря ему чиновники не тратили напрасно времени на разъѡзды, такъ какъ всѣ заведенія, которыя имъ приходилось посѣщать, были сосредоточены въ одномъ пунктѣ. А такъ какъ всякій нуждался въ книгахъ, но не всякій былъ расположенъ предпринимать утомительное путешествіе въ кварталъ книжныхъ лавокъ, то возникла профессія продажи книгъ въ разнось. Разнощики покупали или брали въ кредитъ у книгопродавцевъ книги, и переносили ихъ въ повѣшенной на шеѣ сумкѣ въ дома покупателей, точно такъ какъ въ наше время носятъ по деревнямъ тесемки и каленкоръ, дешевыя шелковыя матеріи и фальшивыя брилліанты. Даже бѣдныя женщины накладывали въ свои передники нѣсколько книгъ, переносили ихъ по ту сторону мостовъ и потомъ стучались въ двери зажиточныхъ людей съ предложеніями. Все это было бы выгодно для членовъ цеха, еслибы разнощики довольствовались покупкою книгъ у патентованныхъ книгопродавцевъ, Но разнощики сами стали втайнѣ заниматься издательскимъ дѣломъ на свой собственный счетъ. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ замѣнъ свободной торговли возникла контрабанда. Контрабандисты стали издавать книги безъ разрѣшенія авторовъ и сдѣлались главными покупателями и распространителями тѣхъ воровскихъ изданій, которыя доставлялись громадными кипами изъ Швейцаріи, изъ Голландіи и изъ Авиньона, находившагося въ то время во владѣніи папы. Благодаря ихъ ловкости и смѣло-

сти, публика могла приобретать сочинения, запрещенныя правительствомъ. *Персидскія письма* Монтескье были запрещенной книгой, но, не смотря на это запрещеніе, существовало до ста ея изданій за двадцать лѣтъ до того, какъ она была дозволена, и всякій школьникъ могъ купить ее на набережной Сены за дюжину полу-пенсовъ. Во всѣхъ какъ публичныхъ такъ и частныхъ бібліотекахъ можно было найти и *Размышленія о кометѣ* Бэйля, и *Эмilia* и *Элоизу* Руссо и *D'e l'esprit* Гельвеція и тысячи другихъ запрещенныхъ книгъ. *Общественный Договоръ*, который печатался и перепечатывался въ безконечномъ числѣ изданій, продавался за одинъ шиллингъ у самаго подъѣзда къ королевскому дворцу. Когда полиція выказывала усердіе, разнощикъ подвергался страшному риску, — какъ объ этомъ было говорено на одной изъ предъидущихъ страницъ, — но онъ вознаграждалъ себя за этотъ рискъ высокими цѣнами. Правительственное запрещеніе иногда въ теченіе двадцати четырехъ часовъ возвышало цѣну книги съ полукроны на пару лудировъ. Подобныя мѣры возбуждали въ публикѣ любопытство, усиливали спросъ, вызывали тайныя перепечатки и способствовали распространенію книги, которая считалась въ числѣ уничтоженныхъ. Когда на улицахъ объявлялось во всеуслышаніе о запрещеніи какой либо книги, авторъ ея говорилъ самъ себѣ: «Хорошо, значить потребуетя второе изданіе!» Никому неизвѣстный писатель не могъ бы просить у правительства болѣе цѣнной для себя милости, чѣмъ изданіе декрета, который осуждалъ бы его сочиненіе на уничтоженіе и на сожженіе внизу главной лѣстницы, ведущей въ судебную палату ¹⁾.

Эта практическая невозможность уничтожить запрещенную книгу затрогивала интересы цеха издателей и въ тоже время ослабляла силу правительственныхъ распоряженій касательно книжной торговли. Издатели постоянно вводились въ хлопоты, въ денежные потери, а иногда и совершенно разорялись вслѣдствіе систематическаго грабежа и нарушенія ихъ законныхъ правъ. Правительство, съ своей стороны, не могло не сожалѣть, что книги, проникавшія въ королевство изъ-за границы, не доставляли никакихъ денежныхъ выгодъ мануфактурной промышленности королевства, — не доставляли заработковъ ни наборщикамъ, ни типографщикамъ, ни литейщикамъ, ни писчебумажнымъ фабрикантамъ, ни тѣмъ, кто дѣлалъ сафьяны и веленевую бумагу, ни тѣмъ, кто дѣлалъ машины и ручные инструменты. Когда вышелъ въ свѣтъ *Лексиконъ* Бэйля, на него съ жадностью набросилась вся Европа. Сотни экземпляровъ этого знаменитаго

¹⁾ Lettre sur le Commerce de la Librairie (1767). О еув. XVIII.

произведенія нашли себѣ путь внутрь Франціи и оплачивались французскими деньгами. Книгопродавцы обратились съ адресомъ къ министру и безъ труда убѣдили его въ разницѣ, существовавшей, по экономическимъ понятіямъ того времени, между обмѣномъ денегъ на бумагу, и обмѣномъ бумаги на бумагу. Министръ отвѣчалъ, что это соображеніе основательно, но что все таки никогда ни одному экземпляру сочиненій Бэйля не будетъ открытъ доступъ внутрь королевства. «Самое лучшее, что можно бы было сдѣлать», — сказалъ онъ, — «это — напечатать его книгу здѣсь». И третье изданіе Бэйля было напечатано во Франціи къ великому удовольствію французскихъ типографщиковъ, переплетчиковъ и книгопродавцевъ.

Въ 1761 книгопродавцевъ постигла новая бѣда. Иностранные хищники и домашніе разношники уже причиняли имъ не мало вреда, но въ этомъ году правительство нанесло ударъ самому принципу литературной собственности. Королевскій Совѣтъ предоставилъ потомкамъ Лафонтена исключительное право на изданіе произведеній ихъ предка, — другими словами Совѣтъ отнялъ у издателей сочиненій Лафонтена безъ всякаго вознагражденія то право, за которое они заплатили звонкой монетой. Вся корпорація, натурально, возстала противъ такого распоряженія и директору полиціи было приказано серьезно вникнуть въ это дѣло и доставить свои соображенія о томъ: слѣдуетъ-ли сохранить цехъ издателей, слѣдуетъ ли считать королевскую привиллегію на изданіе какой либо книги за твердое и неприкосновенное право собственности на это изданіе; не слѣдуетъ-ли давать безъ всякихъ стѣсненій и даже безъ всякихъ ограниченій молчаливое разрѣшеніе печатать то, что было бы неудобно разрѣшать особыми королевскими декретами, и слѣдуетъ-ли оставить въ силѣ прежнее распоряженіе, недозволявшее книгопродавцамъ открывать лавки внѣ указаннаго имъ квартала. Г. де-Сартинъ поручилъ Дидро составить записку по этому предмету и былъ непріятно удивленъ, узнавши изъ записки, что Дидро рѣшительно вступается за книгопродавцевъ (1767). Дѣйствительно, Дидро не скрываетъ, что онъ желалъ бы уничтоженія всякихъ стѣсненій, а покуда настаиваетъ на томъ, чтобъ было сдѣлано все, что только можетъ сдѣлать система регламентации, какъ діаметрально противоположная системѣ свободы, для того, чтобъ изданіе книгъ сдѣлалось источникомъ благосостоянія для книгопродавцевъ и доставило покупателямъ возможность пріобрѣтать книги недорогой цѣной. Но главнымъ образомъ Дидро рѣшительно требуетъ признанія литературной собственности и протестуетъ противъ такихъ ея нарушеній, какія мы видѣли въ дѣлѣ наслѣдниковъ Лафонтена. Онъ не имѣлъ никакого основанія быть особенно доброжелательнымъ въ книгопродавцамъ, но онъ по-

нималъ, что уничтожить или ограничить право литературной собственности значило затруднить для писателей продажу ихъ произведеній и тѣмъ нанести имъ очень большой вредъ. Съ другой стороны, у Дидро было достаточно безпристрастія и здраваго смысла, чтобъ понимать, что преувеличенное понятіе о достоинствѣ литературы и о ея нравственной силѣ нисколько не умаляетъ того факта, что книга есть предметъ купли и продажи и что люди, занимающіеся такой торговлей, имѣютъ такое-же право на уваженіе въ заключеннымъ ими контрактамъ, какъ и тѣ, которые торгуютъ какииъ либо другимъ товаромъ ¹⁾.

Яркой иллюстраціей этихъ неожиданныхъ дѣловыхъ способностей Дидро служить разговоръ, который онъ однажды имѣлъ съ д'Аламберомъ. Этотъ разговоръ долженъ показаться интереснымъ всякому, кто желаетъ ближе ознакомиться съ характерами двухъ знаменитыхъ людей. Онъ происходилъ въ 1759, въ то время, когда д'Аламберу надоѣла Энциклопедія и когда онъ соглашался снова принятъся за дѣло на очень стѣснительныхъ для издателей условіяхъ. «Если бы вы предложили эти условія»,—сказалъ ему Дидро,—«шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда мы собирались для совѣщаній о продолженіи предпріятія, книгопродавцы тотчасъ согласились бы на нихъ, но теперь, когда у нихъ есть самыя основательныя резоны, чтобъ не желать вамъ угодить, совсѣмъ другое дѣло».

„Скажите, какіе резоны?“

„Вы требуете, чтобъ я вамъ указалъ ихъ?“

„Конечно.“

¹⁾ Кто интересуется авторскою дѣятельностью, тотъ вѣроятно захочетъ знать, чѣмъ все это кончилось. Литературная собственность не принадлежитъ къ числу нововведеній новаго времени: вѣчно право авторовъ или тѣхъ лицъ, которымъ они его уступили, признавалось во Франціи въ теченіе всего семнадцатаго столѣтія и въ теченіе первыхъ трехъ четвертей восемнадцатаго столѣтія. Вѣчность этого права создала литературную собственность, достигавшую иногда до значительной цѣнности; такъ напримѣръ Диксіонеръ Будо былъ проданъ душеприкащикамъ автора за 24,000 ливровъ; карманный Лексиконъ и два диксіонера Прево были проданы за 115,000 ливровъ. Но въ 1777,—черезъ десять лѣтъ послѣ вышательства Дидро въ это дѣло,—королевскій Совѣтъ декретировалъ, что литературная собственность есть привилегія, и что пользоваться ею можно не иначе какъ съ разрѣшенія Короля. Такое превращеніе авторскаго права изъ собственности, которую можно передавать другимъ, въ срочную привилегію, какъ кажется, было вызвано слѣдующими мотивами: во первыхъ общей маніей того времени соединять въ рукахъ администраціи все нити національной жизни, во вторыхъ надеждой, что тарифъ на выдачу привилегій будетъ источникомъ доходовъ. Учредительное Собраніе отнеслось къ этому предмету и неразумно и невнимательно, но Конвентъ издалъ законъ, признававшій за авторомъ исключительное право въ теченіе всей его жизни, и предоставлявшій право собственности въ теченіе десяти лѣтъ послѣ его смерти его наследникамъ или его *cessio naires*. Вся исторія этого вопроса подробно изложена въ сборникѣ документовъ, носящемъ слѣдующее заглавіе: *La propriété littéraire au 18-ème siècle* (Hachette, 1859).

„Въ такомъ случаѣ я вамъ ихъ укажу. Вы заключили условіе съ книгопродавцами; тамъ обозначенъ размѣръ слѣдующаго вамъ денежнаго вознагражденія и вы не въ правѣ чего либо требовать сверхъ того. Если вы работали болѣе, чѣмъ сколько вы были обязаны работать, вы дѣлали это изъ сочувствія къ предпріятію, изъ дружбы ко мнѣ и изъ уваженія къ самимъ себѣ: за такіе мотивы не платятъ деньгами. Впрочемъ при выходѣ въ свѣтъ каждаго тома, они присылали вамъ по двадцати лудировъ; значить, вы получили сто сорокъ лудировъ, которые не входили въ число должной вамъ по условію суммы. Вы задумали съѣздить въ Везель (въ 1752 для свиданія съ Фридрихомъ Прусскимъ) въ такое время, когда ваше присутствіе было всего болѣе нужно книгопродавцамъ; они васъ не удерживали, а напротивъ предложили вамъ денегъ, зная что вы нуждаетесь въ нихъ. Вы приняли отъ нихъ двѣсти лудировъ и не вспомнили объ этомъ долгѣ въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ. По прошествіи этого времени, вы наконецъ захотѣли расплатиться. Что тогда они сдѣлали? Они возвратили вамъ разорваннымъ вашъ чекъ и повидимому очень были довольны тѣмъ, что нашли случай услужить вамъ. Тѣмъ не менѣе вы отказались отъ участія въ предпріятіи, на которое они рисковали всѣмъ своимъ состояніемъ; должно быть въ глазахъ такого философа какъ вы двухъ-милліонное дѣло—незаслуживающая вниманія бездѣлица... И это еще не все. Вамъ приходитъ фантазія собрать въ одно цѣлое нѣкоторыя статьи, разбросанныя по всей Энциклопедіи; ничто не могло быть болѣе противно ихъ интересамъ; они вамъ объясняютъ это; вы настаиваете, изданіе выходитъ въ свѣтъ на ихъ счетъ и съ предоставленіемъ вамъ доли въ барышахъ. Казалось бы, что заплативши за вашъ трудъ два раза, они были въ правѣ считать его своей собственностью. Но вы отыскиваете другаго издателя, которому продаете то, что вамъ не принадлежитъ.“

„Они причинили мнѣ тысячу непріятностей.“

Quelle défaite! Между друзьями не можетъ быть ничего такого, на что не стоило бы обращать вниманія; все слѣдуетъ взвѣшивать, потому что дружба требуетъ искренности и деликатности во взаимныхъ отношеніяхъ; но развѣ книгопродавцы принадлежатъ къ числу вашихъ друзей? Если да, то ваше обхожденіе съ ними отвратительно, если нѣтъ, то вы не имѣете никакого права въ чемъ либо винить ихъ. Если бы публикѣ предоставлено было рѣшить, кто изъ васъ правъ, вы были бы покрыты позоромъ.“ — „Какъ, неужели вы, Дидро, берете сторону книгопродавцевъ?“ „Ихъ вина передо мной не мѣшаетъ мнѣ видѣть вашу вину передъ ними. Признайтесь, что послѣ всѣхъ вашихъ высокоумныхъ вспышекъ, роль, которую вы теперь играете, очень жалка.“¹⁾

Во всемъ этомъ видѣнъ здравый смыслъ и мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобъ Дидро когда либо уклонился въ своихъ,

¹⁾ 11 окт. 1579; XVIII. 401.

личныхъ сношеніяхъ съ книгопродавцами отъ этой правильной и благородной точки зрѣнія. Однако въ тѣхъ случаяхъ, когда они забывались, онъ былъ способенъ дать имъ рѣшительный отпоръ. Однажды пріѣхалъ къ нему Панкукъ — одинъ изъ главныхъ издателей того времени. «Онъ былъ напыщенъ свойственнымъ всѣмъ выскочкамъ высокомѣріемъ и воображая, что онъ можетъ обходиться со мною точно такъ же, какъ онъ обходится съ тѣми бѣдняками, которые работаютъ на него изъ за куска черствого хлѣба, онъ позволилъ себѣ вспылить; но этимъ онъ не достигъ своей цѣли. Я сначала не мѣшалъ ему говорить все, что онъ хотѣлъ; потомъ я вдругъ всталъ съ мѣста, взявъ его за руку и сказалъ ему: «г-нъ Панкукъ, гдѣ бы вы ни находились, на улицѣ-ли, въ церкви-ли, въ непристойномъ-ли домѣ, и къ кому бы вы ни обращались, вы обязаны выражаться прилично. Но это еще болѣе необходимо, когда вы обращаетесь къ человѣку, у котораго такъ мало терпѣнія какъ у меня, да притомъ еще въ его собственномъ домѣ. Убирайтесь къ чорту вмѣстѣ съ вашимъ предпріятіемъ. Если бы вы предложили мнѣ двадцать тысячъ лудировъ и если бы я могъ исполнить вашъ заказъ въ одно мгновеніе, я не пошевельнулъ бы для васъ ни однимъ пальцемъ. Прошу васъ выйти вонъ.»¹⁾

Прежде чѣмъ снова перейти отъ самаго автора къ его произведеніямъ, мы считаемъ не лишнимъ послушать, какъ отзывались въ ту пору о немъ и о близкихъ его друзьяхъ люди, вовсе не принадлежавшіе къ числу этихъ послѣднихъ. Такъ напримѣръ Гиббонъ, посѣтившій Парижъ весной 1763, сказалъ: «Я удачно выбралъ время для моей поѣздки. Вслѣдъ за окончаніемъ удачной войны британское имя уважалось на континентѣ; *clarum et venerabile nomen gentibus*. Наши мнѣнія, наши моды и даже наши игры были приняты во Франціи; лучъ національной славы озарялъ cadaго изъ насъ и на cadaго англичанна смотрѣли какъ на такого человѣка, который патріотъ и философъ отъ рожденія». Въ числѣ литераторовъ, съ которыми онъ видѣлся, онъ называетъ д'Аламбера и Дидро, которые «стояли въ первомъ ряду по достоинству или по меньшей мѣрѣ по репутации.»²⁾

Горасъ Вальполь часто посѣщалъ Парижъ и часто бывалъ въ кружкѣ философовъ, но этотъ кружокъ былъ не подѣ стать къ его надменному характеру.

„Въ Парижѣ не было ни души кромѣ философовъ, которыхъ я желалъ-бы отправить на небеса, хотя сами они туда не стремятся. Они такъ высокомѣрны и дурно воспитаны... Я иногда посѣщаю барона Гольбаха, но я пересталъ бывать на его обѣдахъ, такъ какъ

¹⁾ XIX 319—20.

²⁾ *Miscellaneous Works* p. 73.

мнѣ невыносимы авторы, философы и ученые, которыми домъ его наполненъ какъ голубятникъ. Они тотчасъ вскружили мнѣ голову системой допотопныхъ потоковъ, которую они придумали для того, чтобъ доказать вѣчность матеріи... Однимъ словомъ, если дѣло пошло на то, чтобъ слушать нелѣпости, іезуиты мнѣ болѣе по вкусу чѣмъ философы.“¹⁾

Юмъ, находилъ, что «литераторы очень пріятные люди, что всѣ они люди свѣтскіе, живущіе въ полномъ или почти въ полномъ согласіи между собою и почти безупречные по своей нравственности». Онъ относилъ Дидро къ числу тѣхъ, чья личность и бесѣда ему всего болѣе нравились.

Всѣмъ известно, какъ было велико въ восемнадцатомъ столѣтіи вліяніе свѣтскихъ салоновъ; что интеллектуальные интересы того времени воплощались въ нравахъ,—этому служить яснымъ доказательствомъ тотъ фактъ, что въ то время образовалось множество группъ, состоявшихъ изъ мужчинъ и женщинъ и что эти группы собирались разъ въ недѣлю для бесѣды о новыхъ книгахъ и новыхъ драматическихъ произведеніяхъ, о новыхъ принципахъ и идеяхъ, возникавшихъ благодаря свойственной той эпохѣ непрестанной дѣятельности умовъ. Салоны восемнадцатаго столѣтія подвергались различнымъ видоизмѣненіямъ; ихъ характеръ мѣнялся сообразно съ настроеніемъ умовъ господствовавшимъ въ данную минуту, но они никогда не переставали быть собраніями, въ которыхъ женщины играли такую важную роль, какая никогда не выпадала на ихъ долю ни въ какомъ обществѣ внѣ Франціи. Здѣсь не мѣсто разслѣдовать причины этого явленія; намъ достаточно будетъ замѣтить, что Дидро чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ дамскомъ обществѣ, что хотя онъ и бывалъ у г-жи Жоффрентъ и у дѣвицы Леспинасъ, но рѣдко показывался на тѣхъ славившихся въ ту пору собраніяхъ, гдѣ женщины умѣли присвоить себѣ главную роль. Кто читалъ мемуары г-жи Эпине, тотъ знаетъ, какія усилія употребляла эта дама, чтобъ пріохотить Дидро къ свѣтской жизни. «Какъ жаль»,—восклицаетъ она,—«что люди съ такимъ умомъ и съ такими высокими достоинствами какъ Дидро, до того погружаются въ свои философскія идеи, что пренебрегаютъ изъявленіями уваженія, которыя были бы оказаны имъ во всякомъ обществѣ, которое они захотѣли бы почтить своимъ присутствіемъ».²⁾

Дюкло, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу самыхъ проникательныхъ наблюдателей надъ нравами того времени. Его *Размышленія о нравахъ вѣка*, вышедшія въ свѣтъ въ 1751, представ-

¹⁾ Вальполь къ Сельвину. 1765. *Сельвинъ* Іессе, II. 9. См. также письмо Вальполя къ Манну, IV. 283.

²⁾ Эпине, II, 4; 138, 153 и пр.

ляютъ множество превосходныхъ критическихъ замѣчаній. Двумя изъ этихъ замѣчаній мы и закончимъ настоящую главу. «Испорченность нравовъ нисколько не мѣшаетъ людямъ громко превозносить честь и добродѣтель; тѣ, у кого всего менѣе и той и другой, очень хорошо понимаютъ, что для ихъ собственной пользы нужно, чтобъ у другихъ людей были и та и другая.» Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Французы—единственный народъ, который при нравственной испорченности способенъ сохранить неиспорченное сердце и неослабѣвающее мужество».

Г Л А В А VII.

Театръ.

Отзывы нѣкоторыхъ писателей о Дидро, какъ о величайшемъ геніи восемнадцатаго вѣка, должны показаться на первый взглядъ, совершенно неосновательными; да и вообще подобныя преувеличенныя похвалы выдающихся людей едвали когда нибуду послужили имъ въ пользу. Эти незнающіе никакой мѣры панегиристы хотѣли сказать, что Дидро сталъ на такую точку зрѣнія, съ которой онъ яснѣе, чѣмъ съ какой либо другой, могъ различать всѣ теченія, разнообразныя проявленія, многоразличныя стороны и широкія развѣтвленія того громаднаго умственного движенія, которое происходило въ его время. Онъ слѣдилъ шагъ за шагомъ за совершавшимся пере-рожденіемъ и захватывалъ въ свои руки всѣ нити, которыя впоследствии были вплетены въ тканьъ, служащую образцемъ для новаго времени.

Дидро имѣлъ тысячи недостатковъ и какъ человекъ и какъ писатель. Тѣмъ не менѣе невозможно отрицать того, что за что онъ ни брался, онъ всегда умѣлъ уловить лучи восходящаго солнца, умѣлъ проникнуться духомъ завтрашняго дня. Это было не сіяніе, обильно изливающее свѣтъ, а былъ лишь лучъ зари. Этимъ объясняется, почему все, что онъ говорилъ о двухъ великихъ сферахъ искусства—живописи и драмѣ, хотя и было отрывочно и неудовлетворительно, однако наводило на тѣ пути, которыхъ впоследствии придерживались лучшіе умы западной Европы. Если бы онъ захотѣлъ выразаться старымъ метафизическимъ языкомъ, онъ могъ-бы назвать это направленіе «обращеніемъ къ природѣ», но если мы захотимъ выразить эту мысль въ болѣе положительныхъ терминахъ, мы скажемъ, что его теорія драмы была превознесеніемъ граждан-

скихъ добродѣтелей и семейной жизни, подобно тому какъ мы сказали, что Энциклопедія была превознесеніемъ миролюбиваго трудолюбія и общественной справедливости. А рѣшительный перевѣсъ общественной справедливости и предприимчивости надъ феодальными привилегіями и военнымъ ремесломъ и возведеніе семейныхъ добродѣтелей на то мѣсто, которое прежде того было занято патриотической преданностью, — это были двѣ главныя стороны одного и того же движенія умовъ. ¹⁾ Не подлежитъ сомнѣнію, что до Дидро и до французовъ того времени дошелъ лишь слабый лучъ изъ обѣтованной земли искусства и поэзіи. Вся нравственная энергія слѣдовавшаго за Дидро поколѣнія была неизбежно поглощаема сильнымъ потокомъ социальныхъ идей. Только что зажегшійся факелъ драматическаго искусства былъ въ то время перенесенъ почти на столѣтія на родину Лессинга и Гёте.

Употребляя отвлеченныя выраженія, мы подвергаемся опасности, что нѣкоторыя изъ нихъ вовлекутъ читателя въ заблужденіе, будто мы приписываемъ Дидро сознательное и систематическое руководительство всѣмъ умственнымъ движеніемъ того времени и сознательное намѣреніе содѣйствовать ему всѣми способами. Но было бы ошибочно предполагать, что онъ постоянно имѣлъ въ виду это движеніе во всемъ его объемѣ. Его умъ постоянно искалъ объясненій всего, но никогда не былъ пассивнымъ пріемникомъ чужихъ идей. Драма возбуждала его любознательность столько же, сколько и все другое. Онъ размышлялъ о ней точно такъ же, какъ и о всемъ другомъ — самостоятельно, то есть искренно и въ реальномъ духѣ. ²⁾ Всякій, кто постарается изслѣдовать сущность его направленія съ яснымъ на него взглядомъ и съ надлежащею проницательностью, усмотритъ въ этомъ направленіи сильныя теченія свойственныя той эпохѣ, хотя и не будетъ въ состояніи сознательно соединить ихъ въ одно общее и отвлеченное выраженіе.

По словамъ Лессинга, со временъ Аристотеля никто изъ людей, писавшихъ о театрѣ, не обладалъ болѣе философскимъ умомъ, чѣмъ Дидро. Самъ Лессингъ перевелъ двѣ комедіи Дидро и его очеркъ драматической поэзіи, и не разъ утверждалъ, что не будь того импульса, который дали ему принципы и комментаріи Дидро, его собственные идеи приняли-бы иное направленіе. Въ качествѣ драматическаго писателя, авторъ *Миссъ Сары Сампсонъ, Эмили Галотти* и главнымъ образомъ той возвышенной драматической поэмы, которая носитъ названіе *Натанъ Мудрый*, едва ли былъ

¹⁾ См. *Положительную политику* Конта, т. III.

²⁾ „Это свойство самостоятельности, за которымъ такъ гоняются люди, не есть любовь къ новизнѣ, какъ они воображаютъ (въ немъ нѣтъ ничего новаго); это ничто иное какъ искренность.“ — Ruskin.

многимъ обязанъ автору такихъ бѣдныхъ содержаніемъ произведеній какъ *Le fils Naturel* и *Le père de famille*. У Лессинга былъ драматическій пылъ, была изобрѣтательность и неподдѣльная возвышенность идей; въ нѣкоторой мѣрѣ, хотя и не въ очень широкой, у него были поэтическіе импульсы. Дидро не обладалъ ни однимъ изъ этихъ качествъ, но у него была проницательность критика— философа. Стоить прочесть критическія статьи Лессинга о драмѣ, чтобъ убѣдиться, что онъ нисколько не преувеличивалъ того, чѣмъ онъ былъ обязанъ своему французскому современнику. ¹⁾ На нелѣпый упрекъ, будто французы ничего не создали, кто то возразилъ, что по меньшей мѣрѣ можно указать на Декарта какъ на творца нѣмецкой философіи. Еще болѣе несомнѣнна та истина, что Дидро создалъ нѣмецкую критику.

Мысли Дидро о театрѣ выражены въ его законченныхъ комедіяхъ, въ нѣсколькихъ отрывочныхъ сценахъ, а главнымъ образомъ въ его коротенькомъ трактатѣ о драматической поэзіи *Paradoxe sur le Comédien* и въ трехъ діалогахъ, приложенныхъ къ комедіи *Незаконный Сынъ*. Наше мнѣніе о достоинствахъ его драматическихъ произведеній можетъ быть высказано въ немногихъ словахъ. *Незаконный Сынъ*, по моему мнѣнію, долженъ быть отнесенъ къ числу самыхъ безцвѣтныхъ произведеній, какія только представляетъ намъ исторія драмы. Даже Лессингъ, не смотря на нежеланіе что либо сказать въ осужденіе такого писателя, отъ котораго онъ столь многому научился, былъ слишкомъ хорошимъ критикомъ, чтобъ не замѣтить монотонности въ характерахъ, натянутости и жеманства въ разговорахъ и педантизма въ сентенціяхъ новоизобрѣтенной философіи. ²⁾ Даже въ тѣхъ трехъ діалогахъ, которые Дидро приложилъ къ своей комедіи, Лессингъ не могъ не замѣтить смѣшенія поверхностныхъ взглядовъ съ напыщенными претензіями. Правда, Розенкранцъ находитъ, что эта комедія богата прекрасными сентенціями и эффектными сценами, въ которыхъ идеи Дидро о нравственности выражены съ пылкимъ краснорѣчіемъ. Но и онъ допускаетъ, что слуга героя драмы не былъ совершенно неправъ, когда восклицалъ: «*Il semble que le bon sens se soit enfui de cette maison*»; къ этому Розенкранцъ прибавляетъ, что вся атмосфера пьесы заражена сознаниемъ собственной добродѣтели. ³⁾ Мы съ своей стороны даже готовы

¹⁾ Лессингъ: 1729—81. Дидро: 1713—84. По словамъ Де-Кинсе, о Лессингѣ можно сказать, что онъ началъ свою карьеру въ самой половинѣ прошедшаго столѣтія.

²⁾ *Гамбургская Драматургія* § 85. Полное собраніе сочиненій, VI. 381. (Изд. 1873).

³⁾ *Жизнь Дидро*, I. 274, 277.

согласиться съ наемнымъ писателемъ реакціонеромъ Палиссо, когда онъ говоритъ, что въ *Незаконномъ Сынѣ* нѣтъ ни изобрѣтательности, ни стила, ни характеровъ, ни какого либо другаго отличительнаго свойства настоящихъ драматическихъ произведеній. Читатель, который захотѣлъ бы убѣдиться до какого ничтожества дошелъ подъ перомъ Дидро такъ называемый *genre ségrieux*, долженъ обратиться отъ *Незаконнаго Сына* къ комедіи Гольдони *Истинный Другъ*, отъ которой Дидро заимствовалъ внѣшній складъ своей собственной комедіи и которой онъ придерживался такъ близко, какъ только могъ, до самаго конца третьяго акта. Не часто случается, чтобъ передѣлка превратила блестящее произведеніе въ нѣчто столь же безцвѣтное и безвкусное. Не смотря на аплодисменты философскихъ кланеровъ, руководимыхъ Гриммомъ, ¹⁾ потомство одобрило ту холодность, съ которой отнеслись къ пьесѣ современники. *Незаконный Сынъ* былъ написанъ въ 1757, но не прежде какъ въ 1771 директоры *Французской Комедіи* согласились поставить его на сцену. Актеры чувствовали отвращеніе къ своимъ ролямъ и исполняли ихъ неохотно, не потрудившись даже хорошенько ихъ заучить. ²⁾ Публика также мало интересовалась пьесой, какъ и актеры, и послѣ одного представленія комедія была отложена въ сторону. Злые критики сравнивали комедію Дидро съ оперой Руссо; они утверждали, что *Незаконный Сынъ* и *Деревенскій Предсказатель* — два памятника самонадѣянной несостоятельности энциклопедистовъ. *Незаконный Сынъ* потерпѣлъ фіаско въ качествѣ драматическаго произведенія, послѣ того какъ онъ имѣлъ значительный успѣхъ въ качествѣ произведенія литературнаго, — такъ какъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ его охотно читали. Нѣтъ возможности объяснить этотъ успѣхъ иначе какъ пристрастной поддержкой со стороны людей изъ того литературнаго лагеря, къ которому принадлежалъ Дидро.

Какъ любили въ ту пору и кстати и не кстати ссылаться на нравственные принципы видно изъ того, что именно та сцена, которую насмѣшники того времени находили въ высшей степени нелѣпой и неумѣстной, превозносились приверженцами партіи какъ самая восхитительная, потому только, что въ ней было нѣсколько напыщенныхъ нравственныхъ изреченій. Молодая и примѣрно-разсудительная вдова Констанція старается отклонить Дорваля отъ его намѣренія не вступать въ бракъ, послѣ того какъ онъ признался ей въ любви и послѣ того какъ было рѣшено, что онъ женится на ней. «Нѣтъ», восклицаетъ онъ, «человѣкъ съ моимъ характе-

¹⁾ Corr. Lit. II. 103.

²⁾ См. рассказъ Гримма о представленіи пьесы Corr. Lit., VII 313.

ромъ не такой мужъ, какой годенъ для Констанціи.» Констанція проситъ его успокоиться; она увѣряетъ его, что онъ ошибается, что для того, чтобъ наслаждаться душевнымъ спокойствіемъ надо, чтобъ мы находили одобреніе въ своемъ собственномъ сердцѣ и можетъ быть также въ сердцахъ другихъ людей, но нельзя достигнуть ни того ни другаго, если человѣкъ не будетъ вѣренъ своему назначенію; только дурные люди способны выносить одиночество; добрая душа не можетъ относиться къ одареннымъ чувствами существамъ безъ сильнаго желанія способствовать ихъ благополучію. Дорваль, который разыгрываетъ въ этой сценѣ очень печальную роль, восклицаетъ: «Но вѣдь у Дорваля будутъ дѣти! Когда я вспомню, что мы съ самаго рожденія погружаемся въ хаосъ предразсудковъ, нелѣпостей, пороковъ и бѣдствій, эта мысль приводитъ меня въ содроганіе!» — «Дорваль, вы тревожитесь призраками и я не удивляюсь этому. Исторія жизни такъ мало намъ извѣстна, тогда какъ существующее въ мірѣ зло такъ очевидно для насъ.... Дорваль, ваши дочери будутъ честны и скромны, ваши сыновья будутъ благородны и горды; всѣ ваши дѣти будутъ прелестны.... Я увѣрена, что жестокое существо не можетъ зародиться во мнѣ отъ васъ». ¹⁾

Едва ли можно удивляться тому, что актеры чувствовали къ пьесѣ отвращеніе, а критики отзывались о ней съ самыми рѣзкими насмѣшками. Той сценѣ, когда Констанція убѣждаетъ Дорваля, что въ одномъ отношеніи они будутъ очень счастливы, соответствуетъ та сцена, когда Дорваль доказываетъ, что въ другомъ отношеніи они будутъ очень несчастливы. Положеніе дѣйствующихъ лицъ могло бы вызвать съ нашей стороны одобреніе съ точки зрѣнія нравственности, но конечно никакъ не возбуждаетъ въ насъ сочувствія съ точки зрѣнія драматической. Когда женщина доказываетъ мужчине въ изысканныхъ поучительныхъ выраженіяхъ, какъ бы онъ хорошо сдѣлалъ, если бы женился на ней, — это такая сцена, которую нельзя назвать не согласной съ здравымъ смысломъ, но она не можетъ производить пріятнаго впечатлѣнія. Когда мужчина объясняетъ женщинѣ, что хотя любовь влечетъ его въ одну сторону, чувство долга влечетъ его въ другую, мы можемъ удивляться его благоразумію, но мы очень рады, когда такой деликатный вопросъ окончательно рѣшается. Въ *Незаконномъ Сынѣ* послѣдняя сцена, хотя и очень длинна, все таки не такъ непріятна, какъ предшествующая. Подобно тому, какъ на самыхъ многорѣчивыхъ и на самыхъ скучныхъ страницахъ у Дидро попадаютъ то какаянибудь фраза, то какойнибудь эпитетъ, то какоенибудь поучительное изреченіе, которые по своей свѣжести, силѣ или смѣ-

¹⁾ Актъ IV, сцена 3.

лости обнаруживаютъ руку гениальнаго писателя, — и въ этой сценѣ попадаетъ нѣсколько строкъ, напоминающихъ намъ своей энергіей, что мы имѣемъ дѣло не съ какимъ нибудь дюжиннымъ драматическимъ писателемъ, произведенія котораго давно уже слѣдовало бы отдать на съѣденіе мышамъ или бросить въ огонь. Эти строки служатъ предостереженіемъ отъ искушенія, которое сдѣлалось столь обычнымъ для всѣхъ вѣковъ съ тѣхъ поръ какъ Парисъ побывалъ въ гостяхъ у Менелая, — отъ искушенія все принести въ жертву любовной страсти, и позабыть что кромѣ нея есть что либо иное въ этомъ мірѣ. «Быть дурнымъ человѣкомъ», — говоритъ Дорваль, — «значить обречь себя на жизнь съ дурными людьми и находить въ ней удовольствіе, это значить вести измѣнчивую и тревожную жизнь среди постоянной фальши, краснѣя хвалить добродѣтель, отъ которой отказались, слышать изъ устъ другихъ людей порицаніе нашихъ поступковъ, искать хоть небольшого успокоенія въ такихъ софизмахъ, которые распадаются въ прахъ отъ одного дуновенія добродѣтельнаго человѣка, навсегда закрыть для себя источникъ истинныхъ радостей — единственныхъ радостей, которыя честны, безукоризненны и возвышенны, и предаваться, — только для того чтобъ бѣжать отъ самого себя, — скучѣ тѣхъ пустыхъ разлеченій, въ которыхъ мы проводимъ дни въ самозабвеніи, а жизнь ускользаетъ отъ насъ и теряется безъ пользы.»¹⁾ Конечно это — очень старая исторія, но она натуральна, вѣрна и на своемъ мѣстѣ.

Комедія кажется еще болѣе безцвѣтной благодаря тому, что Дидро внесъ въ нее сознательно принятый имъ принципъ, — мы разумѣемъ подробное изложеніе того, какъ должны держать себя на сценѣ актеры. Каждое движеніе, каждый жестъ, каждая молчаливая пауза — все это описано и производитъ такое впечатлѣніе, что будто мы читаемъ не комедію, а какой то странный неизящный романъ. Въ господствовавшей въ ту пору на французской сценѣ манерѣ декламировать стихи не было мѣста для натуральныхъ движеній, и ничего не выражалось перемѣной положенія, движеніями безъ словъ или какимъ нибудь другимъ способомъ помимо устной рѣчи. Дидро отложилъ въ сторону условныя правила драматическаго искусства и принимая въ соображеніе естественность или реальность, пришелъ къ тому убѣжденію, что въ жизни бываетъ много такихъ сценъ, когда въ дѣйствующемъ лицѣ болѣе естественно движеніе, чѣмъ выраженіе чувствъ словами, когда двигаться было бы натурально, а говорить — ненатурально. Если такъ бываетъ въ дѣйствительной жизни, говорить онъ, то такъ должно быть и на сценѣ, потому что въ мірѣ не происходитъ ничего такого, что не

¹⁾ Актъ V, сцена 3.

могло бы происходить и въ театрѣ; а такъ какъ пантомима,—или выраженіе душевныхъ эмоцій, чувствъ, намѣреній безъ употребленія словъ,—играетъ весьма важную роль въ жизни, то и драматическіе писатели, сочиняя пьесы для сцены, должны безпрестанно пользоваться пантомимой. Однако они не должны полагаться въ этомъ отношеніи на изобрѣтательность актеровъ и на ихъ собственное пониманіе того, какъ слѣдуетъ держать себя въ данную минуту на сценѣ. Они должны указать, какая должна быть пантомима всякій разъ, когда она можетъ придать разговору болѣе энергіи и ясности, или когда она должна служить связью между двумя частями одного и того же разговора, или когда нужно выразить какую нибудь не легко уловимую мысль,—и все это они должны излагать письменно въ началѣ каждой сцены. Тотъ, кто нашелъ бы это излишнимъ, пусть самъ попробуетъ сочинить какую нибудь комедію и изложить правила пантомимы въ концѣ; тогда онъ тотчасъ пойметъ, какую онъ дѣлаетъ нелѣпость. ¹⁾

Все равно, было ли практично или непрактично записываніе не только словъ, но и движеній актера, теперь уже никто не будетъ отрицать основательности мнѣнія Дидро о той роли, какую играетъ пантомима при хорошемъ сценическомъ исполненіи драматическихъ произведеній. Мы не можемъ не сочувствовать его жалобамъ на то, что нѣтъ и не можетъ быть такого языка, на которомъ всегда можно пріискать вполне удовлетворительное и приличное выраженіе. ²⁾ «Дорогой мой наставникъ»,—писалъ онъ Вольтеру по поводу представленія *Танкреда*,—«если бы вы видѣли, какъ Клеронъ проходила по сценѣ, какъ подъ ней сгибались колѣни, какъ закрывались ея глаза, какъ руки ея падали, точно будто въ нихъ уже нѣтъ жизни, если бы вы слышали, какой испустила она крикъ при видѣ Танкреда, вы еще болѣе прежняго убѣдились бы, что въ молчаніи и въ пантомимѣ бываетъ иногда такой паэось, какого никогда не можетъ достигать устная рѣчь.» ³⁾ Мы не будемъ удивляться усиліямъ, которыя онъ дѣлаетъ съ цѣлію доказать то, что теперь уже для всякаго очевидно, если мы вспомнимъ, что это вовсе не было очевидно для тѣхъ, кто привыкъ замѣнять натянутой и мѣрной декламаціей безконечное разнообразіе и многообразныя выраженія страстей и мнѣній, взятыхъ изъ обыденной человѣческой жизни.

Мы уже видѣли, что еще въ то время, когда Дидро писалъ *Письмо о муссахъ и нѣмыхъ*, его умъ былъ занятъ вопросомъ о жестахъ, какъ о дополненіи къ устной рѣчи. Въ этомъ письмѣ онъ

¹⁾ De la Poésie Dramatique, гл. XXI.

²⁾ УП. 107.

³⁾ 28 нояб. 1760; XIX. 457.

разсказываетъ о странныхъ экспериментахъ, которые онъ часто дѣлалъ въ театрахъ. Онъ обыкновенно садился на самое высокое мѣсто, затыкалъ пальцами свои уши и, къ удивленію своихъ сосѣдей, слѣдилъ за исполненіемъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Будучи постояннымъ посѣтителемъ театровъ, онъ зналъ на память слова пьесы и старался слѣдить лишь за жестами актеровъ съ цѣлю извлечь изъ нихъ наслажденіе и оцѣнить ихъ по достоинству отдѣльно отъ словъ. Онъ держалъ пальцы въ ушахъ, пока игра актеровъ согласовалась съ сохранившимися въ его памяти словами и начиналъ слушать только тогда, когда ему казалось, что жесты актеровъ стали для него непонятны, потому что онъ позабылъ слова. Его сосѣди приходили все въ большее и большее удивленіе видя, что не смотря на то, что онъ заткнулъ себѣ уши, онъ проливаетъ въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ обильныя слѣзы. «Они не могли воздержаться отъ обращенія ко мнѣ съ вопросами, на которые я спокойно отвѣчалъ, что у всякаго своя манера слушать и что моя манера заключается въ томъ, что я затыкаю себѣ уши, для того чтобъ лучше понимать то, что происходитъ передъ моими глазами; меня очень смѣшили толки, вызванные моей оригинальностью и еще болѣе смѣшила наивность нѣкоторыхъ молодыхъ людей, которые также затыкали себѣ пальцами уши и очень удивлялись тому, что это не повело ни къ чему.»¹⁾ Это былъ очень странный способъ примѣнять на дѣлѣ глубоко вкоренившееся въ умѣ Дидро убѣжденіе, что устная рѣчь есть весьма слабое, невѣрное и крайне неудовлетворительное орудіе для выраженія того, что намъ желательно выразить и чего она на самомъ дѣлѣ не выражаетъ. Руссо выразилъ такого же рода мысль, когда сказалъ, что опредѣленія были бы хорошая вещь, если бы для составленія ихъ мы не прибѣгали къ словамъ.

Стоитъ упомянуть объ одномъ странномъ обстоятельстве, находящемся въ связи съ тремя *Диалогами*, приложенными къ *Незаконному Сыну*. Дидро извѣщаетъ своихъ читателей, что факты изложенные въ этой комедіи взяты изъ дѣйствительной жизни и что онъ знаетъ именно съ кѣмъ они случились. Въ *Диалогахъ* намѣчается на то, что комедія написана самимъ героемъ происшествія, и что этотъ герой главное дѣйствующее въ ней лице. Но не сказано ни одного слова, изъ котораго читатель могъ бы догадаться, что Дидро заимствовалъ отъ Гольдони планъ комедіи и содержаніе тѣхъ сценъ, которыя менѣе всѣхъ другихъ нелѣпы. Намъ не можетъ удивлять то, что иные обвиняли Дидро въ литературномъ воровствѣ. Но во всякомъ случаѣ мы можемъ быть увѣрены, что это не было

¹⁾ Lettre sur les Sourds et les Muets, I. 359.

сознательное воровство. Когда какая нибудь мысль сильно заинтересовывала Дидро, внѣшнія обстоятельства точно будто совѣмъ переставали существовать для него. Тогда онъ уносился въ заоблачный міръ. «Дидро хороший и достойный человѣкъ»,— писала г-жа Жоффренъ польскому королю,—«но у него такая плохая голова и онъ такъ странно созданъ, что онъ точно будто не видитъ и не слышитъ того, что на самомъ дѣлѣ и видитъ и слышитъ; онъ постоянно напоминаетъ собою человѣка, погружившагося въ сонъ и воображающаго, что все, что онъ видитъ во снѣ, происходитъ на яву.»¹⁾

Комедія *Отецъ Семейства*, написанная въ 1758 и въ первый разъ поставленная на сцену въ 1761, гораздо выше достоинствомъ, чѣмъ *Незаконный Сынъ*; она даже была въ нѣкоторой степени популярна. Въ Германіи она постоянно пользовалась расположеніемъ публики, а въ Италіи она уступала въ популярности лишь пьесамъ Гольдони. Впрочемъ удовлетворить французовъ было не такъ легко. Въ 1761 къ ней относились съ явнымъ сочувствіемъ и она давалась въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Въ 1769 она была вновь поставлена на сцену и, по словамъ самого Дидро, была принята съ восторгомъ. «Было страшное стеченіе публики», говоритъ онъ, «и никто не помнилъ подобнаго успѣха. Я самъ былъ имъ удивленъ. Мои друзья были въ восторгѣ. Моя дочь, возвратившись домой, была внѣ себя отъ удивленія и отъ радости.» Даже самой г-жѣ Дидро наконецъ стало совѣстно, что она еще ни разу не была свидѣтельницей торжества своего супруга: она превозмогла отвращеніе къ театру и была такъ же глубоко растрогана пьесой, какъ и остальная публика.²⁾

Не смотря на этотъ значительный успѣхъ и не смотря на то, что пьеса исполнялась на сценѣ даже въ 1835, она не пустила глубокихъ корней во Франціи. Въ ней нѣтъ никакихъ существенныхъ достоинствъ или выдающихся особенностей. По словамъ г-жи Сталь «Дидро въ своихъ комедіяхъ замѣнилъ бывшее въ обычаѣ жеманство жеманнымъ подражаніемъ природѣ.»³⁾ Но это послѣднее производитъ еще болѣе непріятное впечатлѣніе, чѣмъ первое. *Отецъ Семейства* болѣе сносенъ, чѣмъ *Незаконный Сынъ*, благодаря нѣкоторой быстротѣ и оживленности въ ходѣ дѣйствія и благодаря нѣкоторой энергичности въ характерахъ запальчиваго сына (Сентъ-

¹⁾ Correspond. du roi Stanislas-Auguste et de M-dme Geoffrin, p. 466.

²⁾ Авг. 1769, XIX. 314—23.

³⁾ Цитировано въ превосходномъ сочиненіи Сима *Жизнь Лессинга* (Трюбнеръ и К^о. 1877), стр. 230.

Альбена) и завистливаго зятя (Командора). Но разговоръ бѣденъ и личность самого отца семейства отличается неестественностью и приторностью, которыя всегда бывають результатомъ сочетанія прекрасныхъ намѣреній съ слабостью основной идеи. Мы остаемся равнодушными къ горестямъ этого наводящаго уныніе отца, потому что онѣ выражаются въ сентиментальныхъ фразахъ, въ которыхъ нѣтъ ни капли неподдѣльнаго паюса. Въ языкѣ пьесы вовсе нѣтъ изысканной граціи и гибкости, которыя придають такую увлекаемость хорошимъ французскимъ комедіямъ нашего времени, — пьесамъ Ожье, Сандо, Фелье, Сарду. Дидро былъ правъ, когда утверждалъ, что нѣтъ никакого основанія писать комедіи стихами; однакожь и въ прозѣ театральнѣйшей пьесы должны быть соль, изящество и тщательная отдѣлка, благодаря которымъ мы чувствуемъ, что передъ нами хотя и не произведеніе поэзіи, но во всякомъ случаѣ произведеніе искусства. Дидро не только не писалъ свои комедіи въ подобномъ стилѣ, но даже повидимому не сознавалъ, что существуетъ какое либо различіе между однимъ родомъ прозы и другимъ. На сценѣ рѣшительно невыносимы необдѣланныя фразы и краткія сентенціи, которыя Дидро считалъ натуральными, то есть прямо взятыми изъ дѣйствительной жизни. Впрочемъ даже онъ самъ сознавалъ это; это видно изъ того, что хотя изображаемыя имъ личности выражаются въ лишенныхъ остроумія и законченности фразахъ, однако вялость и безцвѣтность этихъ фразъ не похожи на ту вялость и безцвѣтность, которыя не рѣдко слышатся въ обыденныхъ разговорахъ. Въ нихъ есть своего рода искусственность, хотя и крайне безвкусная.

Сверхъ того, хотя Дидро можетъ быть и правъ, когда онъ утверждаетъ, что существуетъ серьезный родъ комедіи въ отличіе отъ той веселой комедіи, которая близко подходитъ къ фарсу, но онъ безъ сомнѣнія не правъ, когда воображаетъ, что публика способна съ удовольствіемъ прослушать пять актовъ такой серьезной комедіи, въ которой нѣтъ ни одной развеселяющей ее юмористической выходки. Когда всѣ изображаемыя личности реальны и заурядны, насъ не можетъ удовлетворять лишь контрастъ между ихъ характерами. Намъ нуженъ контрастъ съ драматической точки зрѣнія. Мы ждемъ перемѣнъ въ душевномъ настроеніи дѣйствующихъ лицъ. Понятно, что серьезная комедія можетъ иногда вызывать на нашихъ глазахъ слезы состраданія, но мы не можемъ быть довольны, если она ни разу не вызоветъ улыбки на нашихъ устахъ. Результатомъ метода Дидро было то, что зритель или читатель тотчасъ понималъ, что онъ имѣетъ передъ глазами такое произведеніе, въ которомъ драматическая полнота и разнообразіе замѣнены безцвѣтнымъ однообразіемъ церковной проповѣди или ученаго трактата. Было бы

трудно доказать, что нѣтъ настоящей комедіи безъ сценъ возбуждающихъ смѣхъ, (укажемъ для примѣра на комедію Теренція *Тещи*), но Дидро даже не сознавалъ той истины, которая была вполне очевидна для Лессинга и для большинства остальныхъ критиковъ, что съ помощью встать возбужденнаго смѣхъ всего легче руководить нравственными симпатіями слушателей, — а этого то и искалъ Дидро съ самыми напряженными усиліями.

Мы потратили бы наше время безъ всякой пользы, еслибы стали разбирать всѣ комедіи Дидро или различные очерки, наброски и отрывочныя сцены, которыя служили забавой для его незначительнаго драматическаго таланта. Если мы желаемъ познакомиться съ образцовыми произведеніями французской комедіи въ восемнадцатомъ столѣтіи, мы должны тотчасъ закрыть волхвы сочиненій Дидро и обратиться къ бойкой и нѣжно граціозной комедіи Мариво *Игра любви и случайности*, къ полной энергическихъ поученій комедіи Пирона *La Métronomie* и къ полной соли и сильнаго аромата комедіи Лесажа *Turcaret*. Сверхъ того Грессе и Детушъ написали по нѣскольку комедій, которыя были дѣйствительно годны для сцены и которыя можно съ удовольствіемъ читать даже въ наше время. Но ни одного изъ названныхъ достоинствъ нѣтъ ни въ комедіи *Незаконный Сынъ*, ни въ комедіи *Отецъ Семейства*. На эти произведенія слѣдуетъ смотрѣть какъ на эскизы, набросанные съ цѣлію объяснить любимую теорію, или какъ на небрежные рисунки, сдѣланные профессоромъ изящныхъ искусствъ для объясненія его лекціи о живописи.

Одна существенная часть драматической теоріи Дидро рѣшительно отвергается новѣйшей критикой — а это именно та часть, примѣненіе которой на практикѣ Дидро имѣлъ главнымъ образомъ въ виду при сочиненіи своихъ комедій. «Всякій писатель,» — говоритъ онъ, — «долженъ имѣть въ виду добродѣтель и добродѣтельныхъ людей. Ахъ, какъ было бы полезно для человѣчества, еслибы всѣ искусства, основанныя на подражаніи, задались одной общей цѣлію и подчинились одному общему правилу внушать намъ любовь къ добродѣтели и ненависть къ пороку. На философѣ лежитъ обязанность обратиться къ поэтамъ, живописцамъ, музыкантамъ и сказать имъ со всей энергіей, къ какой онъ способенъ: *Геніальные люди, для какой цѣли небо ниспослало вамъ дарованія?* Если они послушаются его, то тотчасъ исчезнутъ со стѣнъ нашихъ дворцовъ картины разврата, наши пороки уже не будутъ служить орудіями для преступленій, а наши вкусы и наши нравы очистятся. Развѣ изображеніе того, какъ два старыхъ слѣпыхъ существа — мужъ и жена ищутъ другъ друга, и съ слезами на глазахъ хватаютъ другъ друга за руку, обмѣниваясь ласками на краю гроба, — развѣ такое

изображеніе требуетъ менѣ таланта и развѣ оно не будетъ интересовать меня гораздо болѣе, чѣмъ изображеніе тѣхъ страстныхъ наслажденій, которыми они упивались въ первые годы своей юности?» ¹⁾.

Моралисты одной школы съ Дидро никогда не умѣли понять того, что можно сдѣлать добродѣтель привлекательной, не дергая читателя или слушателя за рукавъ и не выкрикивая громко ему въ уши похвалы добродѣтели. Когда вышла въ свѣтъ (1818) новелла Вальтера Скотта *The Heart of Midlothian* (*Сердце Мидъ-Лотиана*), одна дама писала по поводу этого произведенія слѣдующее: «Въ послѣднее время и въ особенности съ тѣхъ поръ какъ вошло въ моду писать нравственные и даже религіозные рассказы, о благородныхъ и добрыхъ героиняхъ этихъ рассказовъ можно сказать тоже, что сказала одна умная дѣвочка о своей благонамѣренной теткѣ: «по истинѣ достаточно ея общества, чтобъ сдѣлаться негоднымъ человѣкомъ». Еслибъ названный рассказъ былъ написанъ зауряднымъ писателемъ, Эффи сосредоточила бы на себѣ все наше вниманіе и всѣ наши симпатіи, а къ Жени мы отнеслись бы лишь съ хладнокровнымъ одобреніемъ. А между тѣмъ, не смотря на то, что у Жени нѣтъ ни молодости, ни красоты, ни гениальности, ни пылкихъ страстей, ни какихъ либо другихъ выдающихся свойствъ, ея личность приковываетъ къ себѣ наше вниманіе съ начала и до конца сказа. Здѣсь «наши симпатіи привлекаются на сторону добродѣтели вдсаятеро сильнѣе даже чѣмъ у Ричардсона; какъ ни достойны уваженія описываемые имъ педанты мужскаго и женскаго пола, я и на половину не чувствовалъ къ нимъ такого расположенія, какое я почувствовалъ къ Жени, прежде чѣмъ дошелъ до конца первой части» ²⁾.

Другими словами—вы должны стараться возбудить въ насъ сочувствіе, а не заявлять формальныхъ притязаній на наше нравственное одобреніе. Чтобъ возбудить въ насъ сочувствіе, описываемая вами личность должна быть интересна, должна вызывать въ насъ или состраданіе, или удивленіе, или одинакія съ ней чувства, или сознаніе ея нравственныхъ достоинствъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ обращеннымъ къ нашему уму объясненіемъ различія между тѣмъ, что хорошо и тѣмъ, что дурно. Непосредственныя поученія не возбуждаютъ въ насъ сочувствія къ тому, кто поучаетъ. Глубоко вдумываться въ вопросы о нравственности вовсе не то, что производить поучительныя проповѣди. Но *Отецъ Семейства* въ точности осуществлялъ понятіе Дидро о цѣляхъ и пользѣ драмы,

¹⁾ De la Poésie Dramatique, § II. VII. 313.

²⁾ Локарта *Жизнь Скотта*, IV. 177 (изд. 1837).

когда обращался къ своей дочери съ слѣдующими словами: «Бракъ, дочь моя, есть такое призваніе, которое установлено природой... Кто надѣется найти благополучіе безъ всякой примѣси, тотъ не знакомъ ни съ человѣческой жизнію, ни съ предначертаніями Провидѣнія. Если бракъ и подвергаетъ насъ тяжелымъ испытаніямъ, за то онъ служитъ также источникомъ самыхъ сладкихъ радостей. Гдѣ же какъ не въ супружествѣ можно найти примѣры чистой и глубокой привязанности, неподдѣльной нѣжности, самого искренняго довѣрія, взаимной услужливости, готовности дѣлить горе и плакать вмѣстѣ? Развѣ для добродѣтельнаго человѣка жена не дороже всего въ мірѣ? Развѣ отецъ можетъ любить кого нибудь болѣе горячѣмъ своихъ дѣтей? О священный союзъ, когда я думаю о тебѣ, душа моя согрѣвается и возвышается!» ¹⁾).

Но эти добродѣтельныя словоизверженія не согрѣваютъ и не возвышаютъ насъ. Въ этихъ случаяхъ слова ничего не стоятъ. Зрителя трогаетъ дѣйствительное изображеніе прекраснаго характера, а не рассказъ о немъ. Только сочетаніе интереснаго дѣйствія съ прекраснымъ характеромъ можетъ возбудить въ нашей душѣ тѣ лучшія чувства, на какія она способна. Дидро, точно также какъ и многіе изъ жившихъ прежде и послѣ него писателей, хотѣлъ обратить театръ въ великаго проповѣдника нравственности. Что театръ можетъ со временемъ получить именно такое назначеніе, объ этомъ нельзя спорить, но во всякомъ случаѣ этого нельзя достигнуть путемъ подражанія церковнымъ проповѣдникамъ. Устные поученія всегда были и всегда будутъ самымъ слабымъ оплотомъ, какой когда либо былъ придуманъ добродѣтельною противъ бурнаго потока страстей и для пользы дѣла рѣшительно все равно, будутъ ли увѣщанія вложены въ уста сына Сэувелля, г-на Токатива, или въ уста плаксиваго и простоватаго отца семейства.

Впрочемъ намъ становится какъ будто стыдно, когда мы позволяемъ себѣ такъ рѣзко отзываться о Дидро. Вѣдь онъ самъ такъ скромно отзывался о своемъ произведеніи, былъ такъ простъ и неприязнителенъ, такъ чуждъ беспокойнаго честолюбія, такъ великодушенъ въ своихъ сужденіяхъ о другихъ. Онъ самъ былъ не высокаго мнѣнія о своихъ собственныхъ драматическихъ экспериментахъ и никогда не унижался до отвратительной привычки ѣдко нападать на живыхъ или на мертвыхъ соперниковъ. Онъ сознавалъ, что онъ самъ не мастеръ, но онъ былъ достаточно благороденъ, чтобъ восхищаться всякимъ, кто былъ ближе его къ мастерству. Онъ пришелъ въ неподдѣльный восторгъ, когда прочиталъ забавную маленькую комедію Седэна *Философъ безъ собственнаго вѣдома*; она была про-

¹⁾ *Rège de Famille*, актъ II. сц. II. стр. 211.

ста безъ жеманства и краснорѣчива безъ всякихъ со стороны автора усилій или риторическихъ приѣмовъ. Дидро тотчасъ побѣжалъ къ автору, и бросился къ нему на шею, проливая слезы радостнаго сочувствія и признательности. Точно такъ какъ и Лилло — авторъ любимой комедіи Дидро *Жоржъ Барневель*, — Седэнъ былъ настоящимъ ремесленникъ и успѣхъ тѣхъ либретто, которыя были имъ написаны для комическихъ оперъ, нисколько не измѣнили его направленія. Обращаясь къ своему растроганному поклоннику, онъ не нашелъ болѣе сочувственнаго выраженія чѣмъ слѣдующее: «Ah, monsieur Diderot, que vous êtes beau!»¹⁾ Дидро точно также восхищался оригинальностью и напомиравшей произведенія Аристофана веселостью блестящей комедіи Коллэ *La vérité dans le vin*, несмотря на то, что Коллэ ненавидѣлъ всѣхъ философовъ, начиная съ Вольтера, и написалъ желчно презрительный разборъ *Незаконнаго Сына*²⁾.

Но изъ всѣхъ сочинителей комедій любимцемъ Дидро былъ авторъ *Andriani* и *Heautontimorumenos*, — а полдюжины страницъ о Теренціи, набросанныхъ имъ въ то время какъ типографскій ученикъ дожидался его въ залѣ (1762), составляютъ одинъ изъ самыхъ полныхъ по содержанію и самыхъ привлекательныхъ между оставленными имъ отрывками; здѣсь дѣлается оцѣнка нѣжности и такта Теренція, основательности и пронизательности его сужденій, его разборчивости и выдержанности. Дидро допускаетъ, что Теренцію не достаетъ огня, поэтому онъ совѣтуетъ молодымъ поэтамъ обращаться къ Мольеру или къ Аристофану, но такъ какъ огонь было именно то, чего всего болѣе недоставало самому Дидро, то онъ охотно извиняетъ этотъ недостатокъ у Теренція и полагаетъ, что онъ возмѣщается съ избыткомъ умѣренностью, правдивостью и изяществомъ вкуса. Онъ хвалитъ Кольмана за переводъ Теренція, потому что изъ сочиненій этого писателя соотечественники Кольмана могутъ извлечь именно тѣ поученія, въ которыхъ они всего болѣе нуждаются. Онъ находитъ, что у англійскихъ комиковъ болѣе огня чѣмъ вкуса. «Ванбругъ, Вичерлей, Конгревъ и нѣкоторые другіе умѣли наглядно изображать пороки и смѣшныя стороны людей; имъ недостаетъ не изобрѣтательности, не теплоты, не веселости, не силы, а того единства картины, той опредѣленности очертаній и той вѣрности колорита, которыми портретъ отличается отъ карикатуры. Имъ въ особенности недостаетъ умѣнья различать и схватывать тѣ наивныя, простыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальныя душевныя движенія, которыя всегда нравятся и поражаютъ, и

¹⁾ Paradoxe sur le Comedien, p. 383.

²⁾ Journals, II. 331. Также VI. 248; VII. 9.

благодаря которымъ подражаніе становится вѣрнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пикантнымъ» ¹⁾. Критика не имѣетъ ничего прибавить къ этимъ немногимъ строкамъ, и еслибы Дидро прочелъ въ послѣдніе годы своей жизни *Школу Злословія* или *Соперниковъ*, онъ не нашелъ бы основанія измѣнять свое мнѣніе.

Одна англійская комедія имѣла честь быть переведенной Дидро; то была *Ироукъ*—не *Ироукъ* Ширлея или Гаррика, а *Ироукъ* Эдварда Мура (1753). Это хорошій образчикъ той буржуазной трагедіи или семейной драмы, которую Дидро такъ желалъ ввести на французскую сцену. Ослѣпленіе Беверлея, слезы и добродѣтель г-жи Беверлей, благоразуміе Шарлотты и разумная преданность ея возлюбленнаго, симпатическое раскаяніе Бетса и даже отчаяніе Стегли—все это представляло такую картину семейныхъ несчастій и нравственныхъ чувствъ, которая непременно должна была привести Дидро въ восторгъ. Дидро еще болѣе любилъ драму Лилло *Жоржъ Барнвелль* за ея прямыя и настоятельныя нравственныя поученія, и сравнивалъ сцену въ тюрьмѣ между Маріей и Барнвеллемъ съ той сценой въ *Филоклетъ* Софокла, когда слышно, какъ герой драмы испускаетъ пронзительные крики у входа въ свою пещеру; ²⁾ точно такъ и одинъ изъ позднѣйшихъ критиковъ находилъ другую комедію Лилло *Пагубное любопытство* достойной сравненія съ *Тиранномъ Эдитомъ*.

Мнѣнія Дидро о Шекспирѣ, какъ кажется, были именно такія, какихъ слѣдовало ожидать отъ человѣка съ его характеромъ. Ему всего болѣе нравилась та наводящая ужасъ сцена, когда лэди Макбетъ молча проходитъ по сценѣ съ закрытыми глазами и точно будто моетъ свои руки, выражая удивленіе, что «въ старикѣ было такъ много крови». «Я не знаю»,—воскликаетъ онъ,—«ни одного устнаго выраженія, которое было бы такъ же патетично, какъ молчаніе этой женщины и движенія ея рукъ. Какая картина угрызённой совѣсти!» ³⁾

Отъ Дидро, конечно, нельзя было ожидать тѣхъ неразборчивыхъ похвалъ, которыми осыпали Шекспира его соотечественники. Однако онъ достаточно хорошо зналъ, что такое Шекспиръ, чтобъ понимать, что онъ имѣетъ дѣло съ гигантомъ. «Я не буду сравнивать Шекспира»,—говоритъ онъ,—«ни съ Аполлономъ Бельведерскимъ, ни съ Гладіаторомъ, ни съ Антиномемъ» (вѣдь онъ сравнивалъ же Теренція

¹⁾ Réflexions sur Tégence, V. 228—238. Въ другомъ мѣств (De la Poésie Dram. 370) онъ говоритъ: «У насъ есть настоящія комедіи. У Англичанъ есть только сатиры, которыя полны силы и веселости, но въ которыхъ нѣтъ ни изображенія нравовъ, ни вкуса. Итальянцы же принуждены довольствоваться комическими фарсами».

²⁾ VII. 95.

³⁾ Lettre sur les Sourds et les Muets, I. 355.

съ Венерой Медицейской), «а сравню его съ находящимся въ соборѣ Богоматери св. Христофоромъ—этимъ безобразнымъ грубо выточеннымъ колоссомъ, между ногъ котораго всё мы могли бы пройти, не задѣвши за него головами» ¹⁾). Этотъ отзывъ едва ли можно назвать вполне основательнымъ, но сравненіе съ св. Христофоромъ все таки лучше, чѣмъ сдѣланное Вольтеромъ сравненіе съ пьянымъ дикаремъ.

Не всё драматурги относятся къ искусству театральнаго исполненія съ такимъ же серьезнымъ вниманіемъ, какъ и къ искусству композиціи. Великій авторъ *Вильгельма Мейстера* представляетъ самое замѣчательное исключеніе изъ этого правила, а Лессингъ занимаетъ лишь второе послѣ него мѣсто. Тотъ, кто не изучилъ серьезно правилъ, цѣлей и условій сценическаго представленія, тотъ едва ли способенъ сдѣлаться великимъ драматургомъ и никогда не можетъ сдѣлаться первостепеннымъ драматическимъ критикомъ. Такъ напримѣръ Газлиттъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ о поэзіи, о творчествѣ фантазіи, о языкѣ, о пьесахъ Шекспира, но не могъ идти далѣе и впалъ въ заблужденіе, когда сталъ утверждать, что *Король Лиръ*—такая благородная драма, что онъ не можетъ выносить ея исполненія на сценѣ. Точно будто есть возможность вопіиѣ оцѣнить какую бы то ни было драму, если не будетъ принята въ соображеніе цѣль, для которой она написана. Театральную пьесу слѣдуетъ разсматривать не только какъ поэтическое произведеніе, но и какъ произведеніе предназначенное для театра. Все построеніе пьесы находится въ зависимости отъ того факта, что она должна быть разыграна; самыя эффектныя въ ней мѣста должны быть не только прекрасны въ поэтическомъ отношеніи, но и въ высшей степени драматичны. Они должны быть настроены на тотъ высокій камертонъ, благодаря которому впечатлѣніе производимое дѣйствіемъ болѣе сильно, чѣмъ впечатлѣніе производимое словами. Этотъ высокій камертонъ можетъ измѣняться почти до безконечности сообразно съ мастерствомъ актера.

Дидро, умѣвшій такъ глубоко проникать въ самую суть всякаго предмета, на которомъ онъ останавливалъ свое вниманіе, оставилъ намъ нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній о комедіяхъ. Въ этомъ случаѣ руководствомъ для него служилъ его всегдашній лозунгъ: *Наблюдайте за природой и слѣдуйте за ея простыми и безискусственными указаніями. Paradoxe sur le Comédien* есть одно изъ числа очень немногихъ произведеній Дидро, о кото-

¹⁾ Paradoxe, VIII. 384. Критика отвратительнаго исполненія роли Гамлета актеромъ Дюси (VIII. 471) способна внушить сомнѣніе, былъ ли Дидро хорошо знакомъ съ произведеніями Шекспира.

рыхъ можно сказать, что они отличаются не только силою мысли, но и законченностью своей литературной формы. Здѣсь нѣтъ ни безцвѣтнаго слога, ни тяжеловѣсныхъ сужденій, ни излишней растянутости, придающихъ какой то отпечатокъ пошловатости столькимъ изъ его самыхъ тщательно обдѣланныхъ статей. Въ *Парадоксъ* мысли повидимому изливаются съ быстротой и всегда умѣстны; онѣ непосредственно касаются обсуждаемаго предмета и не обременены условными оговорками; ихъ ясное теченіе не прерывается множествомъ постороннихъ и случайныхъ словоизверженій. Дидро обыкновенно пишетъ такъ, что читателю кажется, будто онъ не желаетъ высказать свою мысль, не желаетъ довести параграфъ до конца. А здѣсь, напротивъ того, онъ высказываетъ мысль вполне и безъ всякихъ колебаній переходитъ къ изложенію того что слѣдуетъ. Впрочемъ и здѣсь онъ не выдерживаетъ до конца, такъ какъ послѣднія полдюжины страницъ отличаются обычнымъ для ихъ автора неуклюжимъ жеманствомъ.

Что выражено въ *Парадоксъ*? Что у первокласснаго актера должно быть много ума, самообладанія и проницательности, *но не должно быть чувствительности*. Актеръ, не обладающій ничѣмъ кромѣ здраваго смысла и ума, можетъ быть холоденъ, но актеръ, не обладающій ничѣмъ кромѣ жара и чувствительности, будетъ слабъ. Только благодаря сочетанію здраваго смысла съ жаромъ актеръ можетъ быть восхитителенъ ¹⁾. Почему долженъ онъ отличаться отъ поэта, отъ живописца, отъ оратора, отъ музыканта? У всѣхъ этихъ художниковъ характеристическія проявленія таланта случаются не въ пылу перваго увлеченія, а благодаря неожиданно ниспешшему на нихъ вдохновенію въ такіе моменты, когда они спокойны и холодны ²⁾. Хладнокровіе—вотъ что должно умѣрять горячку энтузіазма. Вліять на насъ можетъ не пылкій человѣкъ, выходящій изъ себя; это преимущество принадлежитъ тому, кто умѣетъ владѣть самимъ собою. Великіе поэты, великіе актеры и можетъ быть вообще всѣ великіе подражатели природѣ одарены изящной фантазіей, большимъ умомъ, утонченнымъ тактомъ, вѣрнымъ вкусомъ, но у нихъ всѣхъ очень мало чувствительности. Они одинаково способны на слишкомъ разнообразныя вещи; они до того заняты разсматриваніемъ, анализированіемъ и подражаніемъ, что не могутъ быть затронуты до глубины души. Чувствительность едва ли можетъ быть свойствомъ великаго гения. Онъ будетъ стремиться къ правдѣ, но онъ будетъ

¹⁾ Письмо къ дѣвицѣ Жоденъ, XIX. 387.

²⁾ Джонсонъ однажды обратился къ Джону Кемблю съ вопросомъ: „принадлежите ли вы къ числу тѣхъ энтузіастовъ, которые воображаютъ, что они превратились въ ту личность, которую представляютъ?“—Кембль отвѣчалъ, что онъ самъ никогда не чувствовалъ такого глубокаго убѣжденія.—Бозвелль, гл. 77.

придерживаться ея на дѣлѣ, не наслаждаясь всей ея прелестью. Все это есть дѣло его головы, а не его сердца. Вотъ почему я утверждаю, говорить Дидро, что чрезмѣрная чувствительность производитъ посредственныхъ актеровъ, посредственная чувствительность производитъ дурныхъ актеровъ, а совершенное отсутствіе чувствительности подготавливаетъ такихъ актеровъ, которые будутъ неподражаемы ¹⁾.

Все это изложено съ большой ясностью и точностью, а нѣкоторые изъ примѣровъ, которые Дидро приводитъ для объясненія діалога, очень интересны. Для насъ—англичанъ едва ли не самый интересный изъ этихъ примѣровъ, тотъ въ которомъ идетъ рѣчь о Гаррикѣ, съ которымъ Дидро познакомился въ концѣ 1765. Онъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ Гаррикъ просунулъ свою голову въ полуоткрытую дверь и какъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ выраженіе его лица попеременно переходило отъ безумной радости къ умѣренной радости, отъ этой послѣдней къ спокойствію, отъ спокойствія къ изумленію, отъ изумленія къ удивленію, отъ удивленія къ унынію, отъ унынія къ совершенному упадку духомъ, отъ совершеннаго упадка духомъ къ страху, отъ страха къ ужасу, отъ ужаса къ отчаянію,— а потомъ съ такой же постепенностью возвратилось къ точкѣ исхода ²⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что его душа не чувствовала ни одной изъ всѣхъ этихъ эмоцій. «Если бы вы попросили этого знаменитаго артиста,—который стоилъ того, чтобъ съѣздить въ Англію единственно съ цѣлю его видѣть, точно такъ же какъ стоитъ того съѣздить въ Италію чтобъ посмотреть чудеса Рима,—если бы вы попросили его сыграть сцену изъ *The Little Baker's Boy*,

¹⁾ Лессингъ дѣлаетъ изъ этой мысли исходную точку своихъ критическихъ замчаній о сценическомъ искусствѣ, хотя и принимаетъ ее не въ такомъ абсолютномъ значеніи какъ Дидро. *Nam b. Dramaturgie*, § 3, т. VI. 19.

²⁾ Въ *Письмахъ изъ Англіи* Лихтенберга (1776) есть чрезвычайно дѣльная критическія замчанія о Гаррикѣ. Лордъ Литтонъ сообщилъ объ нихъ англійскимъ читателямъ въ *Fortnightly Review* (февр. 1871). Слѣдующій отрывокъ подтверждаетъ мнѣнія Дидро:

„Вы безъ сомнѣнія много разъ слышали о его необыкновенной способности измѣнять выраженія своего лица. Вотъ вамъ одинъ примѣръ этой способности. Когда онъ исполнялъ роль сэра-Джона Брута, я стоялъ близко къ сценѣ и могъ хорошо наблюдать за нимъ. Когда онъ вошелъ на сцену, края его рта до того отвисли, что придавали его лицу выраженіе тупоумія и распутства. Эту искусственную форму рта онъ сохранилъ безъ измѣненій съ начала и до конца пьесы съ тѣмъ только исключеніемъ, что губы все болѣе и болѣе открывались и становились отвислыми по мѣрѣ того, какъ изображаемая имъ личность все болѣе и болѣе впадала въ опьяненіе. Такая искусственно созданная физиономія была продуктомъ не усилій, дѣлаемыхъ на сценѣ, а сжиманія мускуловъ; и Гаррикъ до такой степени отождествилъ себя съ личностью сэра Джона Брута, что могъ мгновенно преобразиться въ эту личность всякій разъ, когда ему приходилось представлять ее на сценѣ; иначе было бы совершенно непонятно, какъ могъ онъ сохранять на себѣ эту маску, ни разу не забывшись отъ усталости или случайно даже въ самые оживленные моменты представленія“.

онъ исполнилъ бы ваше желаніе; если бы вы тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ попросили его сыграть сцену изъ Гамлета, онъ также исполнилъ бы ваше желаніе съ одинаковой готовностью рыдать надъ разсыпавшимися пирожками и слѣдить глазами за взмахами шпаги»¹⁾).

Кромѣ изложенія своей основной мысли, Дидро дѣлаетъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній, изъ которыхъ всего яснѣе обнаруживаются его способности къ критикѣ. Такъ на примѣръ онъ задается вопросомъ, что такое сценическая истина? Заключается-ли она въ томъ, чтобъ изображать предметы именно такими, какими мы ихъ видимъ въ природѣ? Совсе нѣтъ. Истина въ этомъ смыслѣ слова была бы ничто иное, какъ пошлость. Настоящая истина заключается въ сообразованіи дѣйствій, словъ, наружности, голоса, движеній, жестовъ съ идеаломъ, который созданъ воображеніемъ поэта и не рѣдко превеличивается актеромъ. Этимъ идеаломъ опредѣляется не только тонъ, но и манера себя держать и даже поступъ актера. А какая цѣль многократныхъ репетицій? Установить равновѣсіе между различными талантами актеровъ. Превосходство игры одного актера не можетъ вознаградить васъ за посредственность другихъ, которая неприятно бросается въ глаза именно благодаря тому превосходству. Сверхъ того подражать звукамъ голоса легче чѣмъ подражать движеніямъ, а между тѣмъ движенія дѣйствуютъ на насъ съ большею силой. Отсюда правило, недопускающее исключеній, — что если вы не хотите оставлять слушателей холодными, вы должны выразить вашу развязку въ дѣйствіи, а не въ разсказѣ²⁾).

Одной изъ главныхъ смѣшныхъ сторонъ господствовавшего въ ту пору драматическаго стиля Дидро считалъ то, что актеръ нуждался въ зеркалѣ. Чѣмъ меньше жестовъ, говорилъ онъ, тѣмъ лучше; безпрестанная жестикуляція ослабляетъ энергію и несовмѣстима съ благородствомъ движеній. Должны двигаться не руки, а фізіономія, глаза и все тѣло³⁾. Поэты всего легче забываютъ то основное правило, что сильныя страсти нѣмы. Отъ актера зависитъ произвести молчаніемъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ то, которое могъ бы произвести поэтъ всѣми своими изысканными фразами⁴⁾. Актеръ долженъ всего болѣе работать надъ спокойными сценами, такъ какъ

1) VIII. 382.

2) VIII. 373, 376, и пр.

3) Такъ выражается и Гамлетъ, обращаясь къ актеру: „Не пили слишкомъ усердно воздуха руками, будь умѣреннѣе. Среди потопы, бури и, такъ сказать, водоворота твоей страсти, ты долженъ сохранить умѣренность, которая смягчитъ ихъ рѣзкость“.

4) Къ г-жѣ Жюденъ, XIX. 382. «Point de hoquets, point de cris, de la dignité vraie, un jeu ferme, sensé, raisonné, juste, mâle; la plus grande sobriété de gestes. C'est de la contenance, c'est du maintien, qu'il faut déclamer les trois quarts du temps.»—Page 390.

онѣ самыя трудныя. Дидро совѣтуетъ одной молодой актрисѣ каждый день вмѣсто утренней молитвы исполнять сцену Аталіи съ Иоасомъ, вмѣсто вечерней молитвы исполнять какія нибудь сцены между Агриппиной и Нерономъ, а вмѣсто *Venedicite* исполнять первую сцену Федры съ ея подругой. Въ особенности не слѣдуетъ впадать въ высокопарность, — (предостереженіе которое могло бы быть очень полезно для девяноста-деяти англійскихъ ораторовъ изъ ста), — такъ какъ высокопарность едва ли можетъ быть когда либо натуральной; это ничто иное, какъ натянутое подражаніе природѣ¹⁾).

Дидро очень скоро пришелъ къ убѣжденію, что увлеченіе, съ которымъ его соотечественники относились къ національному театру, безразсудно. Онъ не допускалъ, чтобъ можно было сравнивать искусственный классицизмъ французской сцены съ греческими драматическими произведеніями. Онъ утверждалъ, что у греческихъ писателей сюжеты благородны, хорошо выбраны и интересны, что у нихъ дѣйствіе развивается повидимому безъ принужденія, что у нихъ разговоры просты и очень близки къ тому, что натурально, что у нихъ развязка не бываетъ натянута, что у нихъ эпизоды не ослабляютъ интереса пьесы и не усложняютъ хода дѣйствія. Въ произведеніяхъ французскаго классицизма онъ не находилъ ни одного изъ этихъ достоинствъ. Онъ не находилъ въ нихъ той правдивости, которая есть единственное средство нравиться намъ и увлекать насъ, не находилъ ни одного изъ тѣхъ простыхъ и натуральныхъ приемовъ, которые одни только и способны вводить насъ въ полную и непрерывную иллюзію. Въ нихъ всѣ разговоры высокопарны, замысловаты, блестящи и далеки на тысячу лѣтъ отъ природы. Вмѣсто того чтобъ на каждомъ шагѣ искусственно придавать дѣйствующимъ лицамъ то, что французы называютъ словомъ *esprit*, поэты должны бы были ставить дѣйствующія лица въ такія положенія, которыя придаютъ имъ этотъ *esprit*. Развѣ есть такая страна, гдѣ мужчины и женщины говорятъ такъ, какъ мы декламируемъ? Почему принцы и короли должны ходить не такъ, какъ всѣ другіе люди, умѣющіе хорошо ходить? Развѣ они жестикулируютъ, какъ пришедшіе въ ярость сумасшедшіе? Развѣ принцессы, когда говорятъ, испускаютъ такіе рѣзкіе звуки? Всѣ воображаютъ, будто мы довели трагедію до высшей степени совершенства. Но это мнѣніе ошибочно. Изъ всѣхъ родовъ литературы это самый несовершенный²⁾).

Тѣ же самыя идеи, которыя безсвязно проглядывали въ разсказахъ, написанныхъ Дидро въ 1748, снова высказываются въ статьяхъ о драмѣ, написанныхъ имъ въ 1757 и 1758. Мы сдѣлали, го-

¹⁾ Page 395.

²⁾ *Bijouts Indiscrets*, гл. XXXVIII.

ворить онъ, все что отъ насъ зависѣло, чтобъ испортить драматическій стиль. Мы сохранили отъ древнихъ ту высокопарность версификаціи, которая была такъ хорошо приспособлена къ языкамъ съ сильною выразительностью и рѣзкими удареніями, къ обширнымъ театрамъ и къ такой декламаци, которая сопровождалась инструментальнымъ акомпаньементомъ; но мы отложили въ сторону простоту интриги и разговора и естественность положеній ¹⁾). Почти за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ Ла-Моттъ сталъ нападать на псевдо-классическую драму. Онъ возставалъ противъ трехъ единствъ, противъ длинныхъ монологовъ, противъ необходимости въ наперсникахъ и противъ стихотворной формы. Его нападки, въ которыхъ ему оказывалъ мощное содѣйствіе Фонтенель, были эпизодомъ той борьбы между Новыми и Древними, которою началась литературная дѣятельность вѣка. Блестящій успѣхъ трагедій Вольтера возстановилъ репутацію искусственной драмы, хотя Вольтеръ и ввелъ въ нее романтическій элементъ подъ прикрытіемъ старыхъ строгихъ формъ. Но въ *Zaïre* драма стала еще менѣе походить на произведенія Софокла и Еврипида, чѣмъ въ *Федръ* или *Ифигенія*. Вольтеръ намѣревался, создать для французской драмы самостоятельную форму. Онъ заранѣе зналъ, что никто не будетъ сравнивать его съ Софокломъ и не воздерживался отъ рѣзкихъ нападокъ на Еврипида, отзывавшихся какой то странной развязностью. Греческія сценическія произведенія не могли удовлетворять его, потому что ихъ тонъ иногда слишкомъ сильно походилъ на ярмарочный; сверхъ того въ нихъ было слишкомъ много фамильярности и слишкомъ много болтовни, для того чтобъ они могли нравиться тому, чей вкусъ сдѣлался слишкомъ прихотливымъ подъ вліяніемъ пьесъ, разыгрывавшихся при дворѣ Людовика XIV. Дидро не впадалъ въ такія ошибочныя сужденія потому что понималъ, что греческая драма была вѣрна понятіямъ того вѣка, который породилъ ее, но что французская драма,—если не подъ перомъ Расина, то подъ перомъ Вольтера и еще болѣе подъ перомъ такихъ людей, какъ Лагранжъ-Шансель и Кребильонъ старшій,—не была вѣрна никакимъ понятіямъ, кромѣ чисто литературныхъ, искусственныхъ и непроеводительныхъ. Онъ настоятельно утверждалъ, что для сцены нѣтъ никакой будущности, если люди не будутъ во всѣхъ отношеніяхъ готовы возвратиться къ природѣ. Мы уже видѣли, въ чемъ заключались его совѣты актерамъ. Онъ въ томъ же самомъ тонѣ читаетъ наставленія сценическимъ декораторамъ и костюмерамъ. По его мнѣнію, декораціи должны быть гораздо болѣе вѣрны, чѣмъ какой либо другой видъ живописи. Ста-

¹⁾ VII. 121. Лессингъ высказываетъ ту же мысль съ большою силой. *На т в. Д р а м.* VI. 261.

раясь произвести именно то впечатлѣніе, котораго хотѣлъ поэтъ, не слѣдуетъ ни сбиваться съ этого пути, ни поддаваться постороннимъ внушеніямъ. Нужно-ли вамъ изобразить салонъ? Сдѣлайте его такимъ, какимъ онъ бываетъ у людей со вкусомъ, но никакъ не болѣе; тутъ не должно быть ни пышности, ни позолоты, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда положеніе дѣйствующихъ лицъ непременно этого требуетъ.

Относительно костюмовъ слѣдуетъ придерживаться того-же самаго правила. По платью, на которомъ слишкомъ много золотыхъ нашивокъ, мы узнаемъ богатаго человѣка, а мы желаемъ видѣть просто человѣка. Намъ нужно не множество мишуры и нашивокъ, а шатъ въ строгомъ вкусѣ съ красиво и просто падающими складками. «Недавно одна смѣлая актриса не надѣла фижмъ и никто не нашелъ, чтобъ она стала оттого хуже. Ахъ, еслибъ она имѣла смѣлость выйти на сцену въ такомъ благородномъ и простомъ костюмѣ, который соотвѣтствовалъ бы ея роли; въ тѣ моменты, когда она впадала бы въ отчаяніе вслѣдствіе смерти мужа, потери сына или какого нибудь другаго трагическаго происшествія, какъ было бы странно видѣть рядомъ съ ея растрепанной головой всѣ эти напудренные, завитыя и тщательно убранныя головы? Рано или поздно всѣмъ имъ пришлось-бы настроить себя на одинъ тонъ. О натура, натура! Мы никогда не должны идти ей наперекоръ» 1).

Отъ всѣхъ этихъ разсужденій мы должны на короткое время и не очень охотно перейти къ той путаницѣ драматическихъ правилъ и метафизическихъ понятій о драмѣ, которая была придумана Сербоніемъ. Въ литературѣ нѣтъ такого сюжета, — даже не исключая толкованій Апокалипсиса, — который породилъ бы столько педантическихъ, скучныхъ и мелочныхъ споровъ. Для человѣческой интеллигенціи всегда будутъ позоромъ и уродливымъ памятникомъ умственнаго безплодія тѣ нескончаемые споры, которые велись въ книгахъ, въ памфлетахъ, газетахъ и отдѣльныхъ статьяхъ, большею частію написанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, касательно того, что хотѣлъ выразить Аристотель знаменитыми словами въ шестой главѣ своей *Поэтики*, — что трагедія очищаетъ въ насъ чувства состраданія и сочувственнаго страха. Главнымъ корнемъ заблужденія и тогда была и до сихъ поръ остается привычка приписывать драматургамъ этическихъ или соціальныя цѣли и привычка требовать отъ драмы эффектовъ этическихъ или соціальныхъ. Со временъ великаго Аристотеля еще не было ни одного критика, который не заразился бы этимъ пагубнымъ заблужденіемъ, — а Дидро, какъ мы видѣли, былъ зараженъ имъ еще болѣе всѣхъ другихъ. Но то негодованіе, которое

1) *Poésie Dramatique*, §§ 20, 21.

возбуждаютъ въ насъ посредственные критики, Дидро смягчаетъ тѣмъ, что въ заключеніе всего дѣлаетъ слѣдующую прекрасную уступку: «Главнымъ образомъ не забывайте, что *нѣтъ общаго принципа*; изъ всѣхъ указанныхъ мною принциповъ я не знаю ни одного, котораго не могъ бы съ успѣхомъ нарушить гениальный человѣкъ». ¹⁾ Въ этихъ словахъ слышится голосъ настоящаго Дидро; а потому намъ и не представляется надобности долго останавливать наше вниманіе на изложенныхъ имъ ранѣе того мнѣніяхъ о томъ, что въ одномъ и томъ же произведеніи не должно быть оттѣнковъ и комическаго стиля и драматическаго, что движенія вредятъ достоинству и что потому изъ главнаго дѣйствующаго лица не слѣдуетъ дѣлать *машиниста* пьесы, что эпизодическія личности неумѣстны—и т. п. Каково бы ни было внутреннее достоинство этихъ мнѣній, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать по поводу ихъ только одно замѣчаніе,—что Дидро, какъ настоящій философъ, дѣлалъ общіе выводы изъ явленій природы и искусства. Онъ не придерживался общеупотребительной критической методы вкладывать свои собственныя идеи въ произведеніе искусства и потомъ снова извлекать ихъ оттуда въ болѣе внушительной формѣ выводовъ изъ самаго произведенія.

Самъ Дидро полагалъ, что онъ сдѣлалъ одно существенно важное дѣло, — что онъ создалъ новую специальность въ обширной сферѣ драматическаго искусства. Всякій знаетъ, сказалъ онъ, что существуетъ трагедія и что существуетъ комедія, но въ природѣ и въ сценическомъ искусствѣ есть еще мѣсто для третьяго вида, а именно для *genre sérieux*, то есть для такого рода комедіи, который имѣетъ предметомъ добродѣтель и человѣческія обязанности. Почему авторъ комедій долженъ ограничиваться тѣмъ, что есть въ людяхъ порочнаго и смѣшнаго? Почему исполненіе долга не можетъ доставлять драматургу такого же обильнаго матеріала, какъ и человѣческіе пороки? *Genre honnête et sérieux* имѣетъ конечно не менѣе важную цѣль, чѣмъ веселая комедія. Въ немъ характеры столько же разнообразны, сколько оригинальны, страсти будутъ еще болѣе сильны, благодаря тому что интересъ ими возбуждаемый будетъ болѣе силенъ, стиль будетъ болѣе серьезень, болѣе возвышенъ, болѣе силенъ, болѣе доступенъ тому, что мы называемъ чувствомъ, а чувство — такое свойство, безъ котораго никакой стиль не можетъ говорить нашему сердцу. Въ смѣшномъ также не будетъ недостатка, потому что и въ людяхъ и въ жизни насъ смѣшить безразсудство дѣйствій и словъ, происходящее отъ непониманія нашихъ интересовъ или отъ увлеченія страстями. ²⁾

¹⁾ 3-me Entretien, VII. 138.

²⁾ Poés. Dram. § 2. Касательно цитати въ Genre Sérieux см. VII. 137—8.

Кромѣ своихъ собственныхъ двухъ пьесъ, Дидро могъ бы указать на Теренція, какъ на такого автора, который всего ближе подходитъ къ *genre sérieux*. Если бы въ плохой Гётевой комедіи *Stella* развязка осталась въ томъ видѣ, какъ она была первоначально написана, — если бы въ послѣдней ея сценѣ двоеженецъ Фернандо выражалъ свою радость по поводу того, что обѣ его жены и его дочь изъ преданности къ нему рѣшились жить всѣ вмѣстѣ въ добромъ согласіи, — это вѣроятно была бы настоящая комедія въ *серьезномъ жанрѣ* съ объясненіемъ, какъ можно съ удобствомъ согласовать человѣческія обязанности съ обстоятельствами.

Теорія *серьезнаго жанра* не привела къ образованію школы писателей, которые примѣняли бы ее на практикѣ, и не вызвала появленія какого либо образцоваго произведенія, которое было бы также выдержано до конца, какъ нѣкоторыя произведенія принадлежащія къ сферѣ трагедіи, комедіи и фарсы. Бомарше, въ концѣ концовъ достигшій такого совершенства въ своемъ образцовомъ драматическомъ произведеніи, началъ свою карьеру драматическаго писателя тѣмъ, что сталъ придерживаться того же направленія, какое сказалось въ *Отцѣ Семейства*; но хотя *Свадьба Фигаро* и носитъ на себѣ ясныя слѣды усиленнаго примѣненія понятій Дидро, по своей структурѣ и по своей композиціи это скорѣе испанское чѣмъ французское произведеніе. Розенкранцъ очень вѣрно замѣтилъ, что въ наше время на французской сценѣ господствуетъ такое направленіе, которое болѣе всего благоприятно для буржуазной романтической комедіи, написанной въ прозѣ.¹⁾ Но господствующій въ такихъ комедіяхъ романтическій элементъ такъ же мало удовлетворилъ бы влеченіе Дидро къ реалистическимъ нравоученіямъ, какъ и строго-классическія трагедіи, исполнявшіяся при дворѣ Лудовика XIV. Въ большей части изъ нихъ фабула вертится на прелюбодѣянніи, а этотъ сюжетъ несовмѣстимъ съ теоріей *серьезнаго жанра*, какъ понималъ ее Дидро. Можетъ быть и найдется пол-дюжины комедій, въ родѣ комедіи Дюма *Les Idées de M-me Aubray*, которыя могутъ быть отнесены къ *серьезному жанру*, но ихъ не такъ много, чтобъ изъ нихъ могла составиться настоящая школа во вкусѣ Дидро. Поэтому намъ не представляется надобности много распространяться объ этой теоріи и достаточно будетъ, если мы по этому поводу замѣтимъ, что хотя драма есть подражательное искусство, все таки для того, чтобы она производила впечатлѣніе, надо чтобъ кромѣ подражанія въ ней была иллюзія. Какъ! восклицаетъ Дидро, вы не понимаете, какое впечатлѣніе можетъ производить на васъ реальная сцена, съ реальными костюмами, съ выраженіями,

1) I. 316.

строго соответствующими дѣйствию, съ дѣйствіями, которыя безискусственны, съ изображеніемъ тѣхъ самыхъ опасностей, которыя возбуждали въ васъ страхъ за вашихъ родственниковъ, за вашихъ друзей, за васъ самихъ? Мы отвѣчаемъ, что нѣтъ, потому что воспроизведеніе того что реально не расшевеливаетъ насъ такъ сильно, какъ какое нибудь мощное произведеніе фантазіи. По замѣчанію Бурке, — «можно бы было точно также утверждать, что при возведеніи зданій слѣдуетъ класть камни, песокъ, глину и металлы точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ они лежатъ въ нѣдрахъ земли, и что можно писать, сообразуясь съ случайнымъ натуральнымъ настроеніемъ дѣйствующихъ лицъ». ¹⁾ Насъ не трогаютъ обыкновенныя опасности; только изображеніе опасности въ какой нибудь необычайной формѣ, въ какой нибудь новой комбинаціи, въ какомъ нибудь новомъ столкновеніи побужденій и страстей, способно возбудить въ насъ тотъ сочувственный страхъ и то состраданіе, которые служатъ конечною цѣлью для сценическаго представленія. А если это такъ, то мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе. Если насъ сознательно заключать въ атмосферу обязанностей, иллюзія сдѣлается неумѣстной. Постоянное присутствіе строгой и надъ всѣмъ господствующей фигуры, которую называютъ «Грозной дочерью воли божіей», сдерживаетъ натуральную необузданность фантазіи, препятствуетъ плодовитости мечтаній и ставитъ строгія ограниченія для изобрѣтательности. Дидро допускалъ, что *genre sérieux* займетъ подобающее ему мѣсто только въ томъ случаѣ, если за него возьмется человѣкъ съ большимъ драматическимъ гениемъ. Этого никогда не случалось единственно потому, что вся структура и всѣ правила этого жанра несомѣстимы съ способностями драматическаго гения.

Дидро утверждалъ, что кромѣ усовершенствованія *genre sérieux*, еще нужно выполнить слѣдующія условія для того, чтобъ театральная сцена достигла одинакого съ другими искусствами блеска. Во первыхъ, нужно создать семейную или буржуазную трагедію. Во вторыхъ, нужно замѣнить изображеніе индивидуальныхъ характеровъ изображеніемъ условій, среди которыхъ живетъ человѣкъ, его дѣятельности, его положенія и типа цѣлыхъ классовъ. Въ третьихъ, реальная трагедія должна быть введена въ лирическія театральныя представленія. Наконецъ, танцамъ должны быть приданы формы настоящей поэмы.

По поводу этихъ предположеній слѣдуетъ сдѣлать только одно замѣчаніе, касающееся ихъ второй статьи. Требованіе замѣны индивидуальныхъ характеровъ типами классовъ было самымъ вѣрнымъ сред-

¹⁾ *Hints for an Essay on the Drama*, p. 155.

ствомъ, какое только можно было придумать, для того чтобъ восстановить искусственныя формы псевдо-классической драмы. Существеннымъ отличіемъ этой драмы было то, что она вводила на сцену типы вмѣсто рѣзко выдающихся личностей. Какая же была бы польза отъ того, что со сцены изгнали бы типическаго короля для того только, чтобъ очистить мѣсто для обобщенія лавочника? Это не тотъ путь, который привелъ къ романтизму, къ появленію Андрэ Шенье, Де-Виньи, Ламартина, Виктора Гюго. Теофиль Готье рассказалъ намъ, что пылкіе вожаки романтической школы, внезапно завладѣвшіе Франціей въ послѣдніе годы Реставраціи, раздѣляли всѣхъ людей на *flamboyants* и *grisâtres* — на *блистательныхъ* и *сѣроватыхъ*. Въ предшествовавшей имъ литературѣ они относили Вольтера къ числу людей *сѣроватыхъ*, а Дидро къ числу людей *блистательныхъ*. 1) Если возраженіе со стороны иностранца не будетъ признано за доказательство излишней самоувѣренности съ его стороны, мы скажемъ, что это мнѣніе было ошибочно, такъ какъ трудно бы было указать что либо во всѣхъ отношеніяхъ болѣе неподходящее къ драматическому плану Дидро, чѣмъ *Faust, Götz von Berlichingen* или *Hernani*.

Дѣло въ томъ, что въ умѣ энциклопедиста не могло возникнуть настоящей вражды къ классической школѣ по той причинѣ, что энциклопедисты ненавидѣли и игнорировали то, что они называли вѣками мрака. А именно отъ этихъ вѣковъ мрака великое возрожденіе романтизма и получило самое дыханіе жизни. «Въ восемнадцатомъ столѣтіи», — по выраженію одного писателя, — «въ обновленной жизни Европы сказалось ничто иное какъ воспоминаніе о духѣ классицизма и этотъ духъ сдѣлался господствующимъ». 2) Въ историческомъ отношеніи эти слова отчасти примѣнимы къ политическимъ сочиненіямъ Руссо и можетъ быть къ раціонализму Вольтера. Если подъ словомъ классицизмъ мы будемъ разумѣть стремленіе сдѣлать изъ человѣка центръ вселенной, то эти слова будутъ въ нѣкоторой мѣрѣ примѣнимы и къ самому Дидро, не смотря на то, что у него по временамъ проглядываетъ наклонность къ мистицизму. Классицизмъ относится къ человѣку, какъ къ существу достойному и великому, проводящему свою жизнь среди холодныхъ и нейтральныхъ силъ природы. Этотъ взглядъ совершенно противоположенъ обычному понятію о грѣховности, несовершенствѣ и ничтожествѣ человѣка и свойственному среднимъ вѣкамъ понятію о постоянномъ присутствіи въ средѣ людей цѣлой іерархіи суетли-

1) *Hist. du Romantisme*, p. 93.

2) *Der Gegensatz des Classischen und des Romantischen*, etc. Конрада Германна, стр. 66.

выхъ сверхъестественныхъ агентовъ. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что Дидро искалъ такихъ драматическихъ формъ и сюжетовъ, которые были бы въ одно и тоже время и не классичны и не романтичны. Онъ не нашелъ чего искалъ. Въ его время появилась лишь одна комедія, которая не будучи ни классичной, ни романтичной, самостоятельно выразила самыя искреннія и самыя лучшія влеченія всего восемнадцатаго столѣтія въ своей собственной формѣ и своимъ собственнымъ языкомъ. Эта комедія—*Натанъ Мудрый*.

ГЛАВА VIII.

Племянникъ г-на Рамо.

Одинъ писатель сказалъ, что если въ минуту мрачнаго душевнаго настроенія мы взглянемъ на этотъ міръ съ его эстетической стороны, онъ покажется намъ собраніемъ каррикатуръ, если взглянемъ на него со стороны интеллектуальной, онъ покажется намъ домомъ сумасшедшихъ, если же посмотримъ на него съ нравственной стороны, мы найдемъ, что онъ ничто иное какъ убѣжище для мошенниковъ. 1) Я полагаю, что эта мысль вѣрна не по отношенію лишь къ тѣмъ, кто впалъ въ ипохондрію, и что всякому изъ числа немногихъ глубокихъ и настоящихъ наблюдателей надъ человѣческой жизнію нерѣдко случалось приходитъ къ тому странному убѣжденію, что онъ живетъ въ какомъ то уродливомъ мірѣ сумасшедшихъ плутовъ и шутовъ. Въ такое умственное настроеніе неизбѣжно впадаетъ всякій, кто осмѣливается встряхнуть калейдоскопъ такъ сильно, чтобъ въ немъ измѣнилось условное и всѣми принятое размѣщеніе составныхъ его частей. Кому не приходится при этомъ на память глубокіе слѣды такого настроенія у Платона, Шекспира, Паскаля, Гёте? Дидро, который былъ такъ недалеко отъ того, чтобъ обладать нѣкоторыми внутренними свойствами этихъ великихъ умовъ, также не избѣжалъ посѣщеній мизантропическаго привидѣнія. Великіе умы отличаются именно тѣмъ, что не впадаютъ въ искушеніе постоянно жить въ сообществѣ съ этимъ привидѣніемъ, какъ впадаютъ въ это искушеніе богословы — изъ желанія доказать необходимость благодати и другаго міра, или циники — изъ желанія доказать, что въ этомъ мірѣ благоразуміе велитъ быть эго-

1) *Этика* Шопенгауэра, 199.

истами. Великіе умы берутъ самыя дурныя стороны характеровъ за то, чего онѣ стоятъ и надлежащимъ образомъ освѣщаютъ ихъ вмѣстѣ съ другими менѣе дурными сторонами. Они и не надѣются избѣжать всѣхъ затрудненій и доискаться разрѣшенія всѣхъ нравственныхъ загадокъ. Тѣмъ не менѣе какое то неотразимое обаяніе постоянно влечетъ ихъ къ стопамъ великаго Сфинкса—человѣческаго общества. Этотъ Сфинксъ смущаетъ ихъ такими вопросами, которые никогда не доходятъ до слуха обыкновенныхъ смертныхъ, и терзаетъ ихъ такими оболъщеніями, которыхъ не можетъ замѣтить глазъ дюжиннаго наблюдателя. Люди энергичные, какъ Сократъ, какъ Дидро, не въ состояніи довольствоваться однимъ запоминаніемъ его постоянныхъ загадочныхъ требованій, и еще менѣе могутъ довольствоваться переписываніемъ уже данныхъ имъ отвѣтовъ. Они непремѣнно хотятъ снова разслѣдовать явленія нравственнаго міра, они разлагаютъ напыщенныя выраженія абстрактной этики на мелкіе реальныя факты, отъ которыхъ она ведетъ свое начало, они нарушаютъ пріятное спокойствіе мнѣній и обычаевъ своей рѣзкой ироніей. «Опредѣленія нравственныхъ существъ»,—сказалъ Дидро,— «всегда дѣлаются на основаніи того, какими должны быть эти существа, а не на основаніи того, каковы они на самомъ дѣлѣ. Люди постоянно смѣшиваютъ то, что должно быть, съ тѣмъ, что есть.»¹⁾ Мы перейдемъ теперь къ краткому разбору нѣсколькихъ діалоговъ, въ которыхъ Дидро старается выставить наружу такую запутанность понятій.

Самый замѣчательный изъ этихъ діалоговъ — *Le neveu de Rameau*. Судьба этого страннаго произведенія едва ли не единственная въ исторіи литературы. Въ 1804 году Шиллеръ передалъ Гёте рукопись одной пьесы написанной Дидро и выразилъ желаніе, чтобъ Гёте перевелъ ее на нѣмецкій языкъ. «Такъ какъ я давно питалъ большое уваженіе къ этому писателю»,—говоритъ Гёте,— «то я, просмотрѣвши рукопись, охотно взялъ на себя этотъ трудъ. Всякій, надѣюсь, убѣдится въ томъ, что я вложилъ въ него всю мою душу.»²⁾ Окончивъ переводъ, онъ возвратилъ Шиллеру рукопись. Почти немедленно вслѣдъ за тѣмъ (въ маѣ 1805) Шиллеръ умеръ и таинственная рукопись исчезла. Гёте никогда не могъ узнать ни того, откуда она была получена, ни того, куда она дѣлась. Онъ подозрѣвалъ, что собственноручный оригиналъ былъ отосланъ къ императрицѣ Екатеринѣ въ Петербургъ, и что рукопись, находившаяся въ рукахъ Шиллера, была копіей съ того оригинала. Хотя Гёте сдѣлалъ переводъ, по его собственному выраженію, «не

¹⁾ *Oeuvres*, IV. 29.

²⁾ *Werke*, XXV. 291.

только охотно, но даже съ увлеченіемъ», *Племянникъ г-на Рамо* не могъ сдѣлаться популярнымъ по причинѣ сильной и весьма основательной ненависти, съ которою относились въ ту пору въ Германіи къ Франціи и ко всему, что исходило изъ этой страны. Понятно, что не задолго до битвъ при Аустерлицѣ и Іенѣ не могло быть большаго сочувствія къ сатирѣ, переведенной съ французскаго языка.

Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ того, въ Парижѣ вышло изданіе сочиненій Дидро (изданіе Белина 1818 года), но что касается *Племянника г-на Рамо* издатели принуждены были довольствоваться анализомъ гётевскаго перевода. Въ 1821 произвело сильную сенсацию появленіе въ печати того, что выдавалось за оригинальный текстъ пропавшаго *Диалога*. Въ сущности это было ничто иное какъ обратный переводъ на французскій языкъ съ гётевскаго перевода. Подлогъ оставался не обнаруженнымъ до 1823 г., когда Бріеръ объявилъ, что въ предпринимаемомъ имъ изданіи произведеній Дидро будетъ напечатанъ подлинный оригиналь *Племянника г-на Рамо*. Этотъ оригиналь онъ получилъ отъ находившейся еще въ живыхъ дочери Дидро, г-жи Вандель. Она утверждала, что это—копія, сдѣланная въ 1760 подъ наблюденіемъ самого автора, и это весьма правдоподобно, хотя и есть нѣкоторыя основанія думать, что эта копія была пересмотрѣна послѣ 1773. Два молодыхъ чело-вѣка, попытавшіеся выдать свой обратный переводъ съ гетевскаго перевода за подлинный текстъ самого Дидро, имѣли дерзость обвинить Бріера и дочь Дидро въ такомъ подлогѣ, который былъ совершенъ ими самими. Вслѣдъ за тѣмъ возникъ горячій споръ между оскорбленнымъ издателемъ и безстыдными клеветниками. Въ концѣ концовъ Бріеръ предоставилъ это дѣло на рѣшеніе верховнаго судьи, жившаго въ Веймарѣ. Гете выразилъ свое полное убѣжденіе, что текстъ, напечатанный Бріеромъ, есть истинный текстъ оригинала и съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ считался окончательно рѣшеннымъ. Однако ручательство Гете, что этотъ текстъ согласенъ съ копіей полученной имъ отъ Шиллера, не можетъ считаться за вполне убѣдительное доказательство. Гете сознается, что онъ дѣлалъ переводъ съ большой поспѣшностью и не имѣлъ времени хорошенько свѣрить его съ французскимъ подлинникомъ. Сдѣланную по прошествіи почти двадцати лѣтъ провѣрку сходства въ выраженіяхъ и мелкихъ подробностяхъ едва ли можно считать за перво-степенное доказательство, когда рѣчь идетъ о такомъ произведеніи, которое было въ его рукахъ, лишь очень недолгое время. Вотъ какимъ образомъ возникъ тотъ странный фактъ, что въ теченіе долгаго времени, почти вплоть до послѣдняго десятилѣтія, текстъ образцоваго произведенія знаменитаго чело-вѣка, умершаго такъ еще

недавно — въ 1784 г., сохранился только въ одной рукописи, и что подлинность этой рукописи нельзя назвать неоспоримой. 1)

Критики совершенно расходятся въ своихъ мнѣніяхъ о томъ, какую цѣль имѣлъ въ виду Дидро, когда писалъ эту странную «забавную трагедію». Одни изъ нихъ находятъ, что это ничто иное какъ сатирическое изображеніе современныхъ нравовъ. Другіе утверждаютъ, что цѣлью Дидро было ироническое *reductio ad absurdum* теоріи эгоизма и что онъ хотѣлъ достигнуть этой цѣли путемъ конкретнаго изображенія, какъ эта теорія примѣняется на практикѣ во всей своей грубости. Третьи полагаютъ, что этотъ *Диалогъ* былъ написанъ въ отвѣтъ на появившуюся въ 1760 г. комедію Палиссо (*Les Philosophes*), въ которой вожаки рационалистической школы были выведены на сцену и выставлены врагами человѣческаго рода. Четвертые предполагаютъ, что личные и драматическія части *Диалога* служатъ лишь рамкой для оцѣнки сравнительныхъ достоинствъ музыкальныхъ школъ французской и итальянской. На самомъ дѣлѣ все сказанное есть въ *Диалогѣ*, но онъ не имѣлъ въ виду исключительно которой либо изъ указанныхъ цѣлей. Это ни болѣе ни менѣе какъ живое изображеніе оригинальной личности, сдѣланное гениальнымъ человѣкомъ, который привыкъ смотрѣть на человѣческую натуру и на человѣческое общество открытыми не прищуренными глазами и вдумываться въ нихъ глубоко и съ желаніемъ доискаться истины. Дидро относится къ Рамо почти такъ же, какъ Шекспиръ къ Фальстафу. Онъ—артистъ, воспроизводящій съ артистическимъ разнообразіемъ и совершенствомъ причудливую личность, которая поразила его фантазію и пробудила въ немъ импульсы къ творчеству. Въ этомъ *Диалогѣ* можно найти и этику и эстетику и описаніе нравовъ и сатиру, но все это не болѣе какъ дополненія къ центральной фигурѣ очерка, къ отличительнымъ чертамъ паразита. Дидро не имѣлъ особаго расположенія къ оригиналамъ такого рода, однако онъ ясно и вѣрно понималъ все, что ихъ касалось. «Ихъ характеръ рѣзко отличается отъ характера другихъ людей; они нарушаютъ скучное однообразіе, порождаемое нашимъ воспитаніемъ, условіями общественной жизни и вошедшими въ обычай приличіями. Когда одинъ изъ нихъ появляется въ обществѣ, онъ бываетъ похожъ на дрожжи,

1) Оригиналъ текста, напечатаннаго въ изданномъ Ассеза полномъ собраніи сочиненій Дидро, взятъ изъ рукописи, которая была найдена вмѣстѣ съ другими заброшенными вещами прошедшаго столѣтія въ сундукѣ, принадлежавшемъ Страсбургскимъ издателямъ Бюртею и Трѣйцу. Его подлинность подтверждается слѣдующимъ фактомъ: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у Гете обозначены пропуски, мы находимъ такіе рассказы или такіа выраженія, изъ которыхъ ясно видно, почему Гете не хотѣлъ воспроизводить ихъ.

которыя, придя въ броженіе, каждому возвращаютъ нѣкоторую долю его природной индивидуальности. Онъ расшевеливаетъ, онъ возбуждаетъ, онъ заставляетъ одобрять или порицать; онъ обнаруживаетъ истину, онъ доставляетъ возможность распознавать честныхъ людей и снимаетъ маску съ плутовъ» ¹⁾.

Образованному читателю, узнавшему, что сюжетомъ для *Диалога* служить паразитъ, натурально должна придти на умъ та беспощадная сатира, въ которой Ювенальъ рассказываетъ, какимъ униженіямъ Вирро подвергалъ Требія: какъ жалкій компаньонъ долженъ былъ пить горячій напитокъ изъ разбитой глиняной посуды, тогда какъ самъ патронъ пилъ большими глотками изъ дорогихъ роскошныхъ чашъ, сдѣланныхъ изъ амбры и украшенныхъ драгоценными камнями, какъ хозяину дома подавали самое лучшее оливковое масло изъ Венафрума, тогда какъ гостю приходилось жевать мякоть осѣвшуюся въ протухшемъ ламповомъ маслѣ, какъ одинъ услаждаетъ себя головами и миногами, тогда какъ съ другимъ дѣлалась тошнота, оттого что онъ ѣлъ угря длиннаго какъ змѣя, и вздувагося оттого, что жилъ въ грязныхъ потокахъ водосточной трубы; Вирро ѣстъ яблоки, которыя точно будто созрѣли въ садахъ Гесперидъ, тогда какъ Требія глодаетъ такую прокислую дрянь, какую бросаютъ обезьянѣ, выдѣлывающей разныя штуки. Но существуетъ неизмѣримое разстояніе между беспощадностью Ювенала и полу-иронической, полу-серьезной снисходительностью Дидро. Ювенальъ знаетъ, что Требія, злое и отвратительное существо; онъ говоритъ Требію, каковъ онъ есть и своими словами совсѣмъ уничтожаетъ его. Дидро знаетъ, что и Рамо золь и отвратителень, но ему такъ не хочется оставаться въ пошломъ и спокойномъ раѣ условныхъ понятій, что онъ все время точно будто бесѣдуетъ самъ съ собою о томъ, въ какой мѣрѣ этотъ геній грубости, парадокса и скотскаго софизма выкроенъ по образцу очень многихъ людей, отличаясь отъ нихъ лишь тѣмъ, что сбросилъ съ своего лица маску. Онъ точно будто мысленно погрузился въ разрѣшеніе вопроса, правда ли, что если кто нибудь сброситъ съ себя хоть одну часть прикрывающей его красивой внѣшней оболочки приличій, то передъ нами откроется не что либо привлекательное, а возбуждающія отвращеніе кости скелета и черви. Онъ воздерживается отъ ожесточенія при видѣ блестящаго безстыдства своего героя, точно такъ какъ анатомъ заглушаетъ въ себѣ чувство отвращенія при видѣ какой нибудь патологической уродливости или какого нибудь поразительнаго уклоненія отъ общихъ правилъ, въ которомъ онъ надѣется уловить какую нибудь жизненную тайну. Авторъ не анали-

1) V. 389.

зируетъ Рамо какъ отвратительный типъ, а рассматриваетъ его какъ образчикъ въ громадномъ размѣрѣ тѣхъ элементовъ характера, которые кроются въ глубинѣ характеровъ, не принадлежащихъ къ числу внушающихъ отвращеніе. Дидро точно будто заранѣе одобрялъ слѣдующую ужасную и приводящую въ отчаяніе мысль: *Въ каждомъ мужикѣ и въ каждой женщинѣ есть что то такое, что заставило бы васъ ненавидѣть ихъ, еслибы содѣлалось вамъ извѣстнымъ.* Рамо не только паразитъ, онъ также и вашъ и мой братъ; это—продуктъ однихъ и тѣхъ же первоначальныхъ факторовъ умственного склада, это—фигура, вылитая точно такъ же какъ и наша собственная въ одной изъ безчисленныхъ формъ громадной социальной плавильни.

Такова научная точка зрѣнія на человѣческой характеръ. Она не филантропична и не основана на состраданіи: тотъ фактъ, что существуютъ злые люди и что причины ихъ существованія могутъ быть понятны, не есть основаніе для того, чтобъ мы не старались анализировать ихъ и искоренить. Эта научная точка зрѣнія, этотъ переходъ отъ простой похвалы или простаго порицанія къ анализу, это убѣжденіе, что нельзя ограничиваться однимъ чувствомъ отвращенія,—все это признаки новаго времени. Кромѣ Ювенала есть еще одинъ гениальный писатель, изобразившій намъ паразита въ древнемъ обществѣ. Лукіанъ, который по своей плодовитости, по своему остроумію, изобрѣтательности, насмѣшливости, умственной свѣжести и честной ненависти къ ложнымъ богамъ, заслуживаетъ названія Вольтера втораго столѣтія, оставилъ намъ не одно описаніе паразита, нарисованное, со всей его природной веселостью. Существо, созданное великимъ писателемъ въ Римѣ, выноситъ такой же длинный рядъ оскорбленій и униженій, какъ и существо, созданное шестнадцатію столѣтіями позднѣе великимъ писателемъ въ Парижѣ, начиная съ страданій испорченнаго желудка, — такъ какъ самыя лучшіе куски дичи или кабана достаются болѣе важнымъ гостямъ, — и кончая мученіями нравственными, такъ какъ онъ видитъ, что ему предпочитаютъ болѣе ловкаго соперника, который лучше его сочиняетъ стихи и искуснѣе его даясничаетъ. Разговоръ, — въ которомъ Лукіанъ иронически доказываетъ, что тунеядство или почтенная способность блюдолизничанья носить на себѣ такіе же признаки настоящаго искусства, какъ риторика, гимнастика, музыка, — есть остроумная пародія на правоученія Сократа и на манерность Платона. Симонъ доказываетъ Тихіаду, такъ же остроумно какъ Рамо доказываетъ Дидро, что жизнь блюдолиза самая пріятная и что онъ гораздо болѣе разумная и цѣльная личность, чѣмъ ораторъ или философъ 1).

1) Лукіанъ, *Περὶ Παρασίτου*. и *Περὶ τῶν ἐκτὸς μισθῶ συνούτων*.

Сатира Лукіана жива, блестяща и забавна. Однако всякій замѣтитъ, что произведеніе Дидро при одинаковой живости отличается глубиною мысли, что оно выросло на почвѣ, которая была взрыта съ большею нестѣсняемостью и что оно обогащено болѣе обильною опытностью. Древніе писатели раздражались противъ этихъ образчиковъ разврата вспышками негодованія, а новые смотрятъ на нихъ съ нѣкоторой нравственной снисходительностью и даже съ какимъ то страннымъ участіемъ, похожимъ на ту симпатію, которую питаетъ охотникъ къ преслѣдуемому имъ звѣрю.

Описанный въ *Диалогъ* Рамо былъ реальною личностью и до сихъ поръ еще остается нерѣшеннымъ, не представилъ ли его Дидро въ худшемъ видѣ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. По меньшей мѣрѣ есть полное основаніе полагать, что эта была личность съ оригинальнымъ характеромъ и что онъ велъ жизнь безпорядочную и полную превратностей. Правдивость, которая была вообще въ характерѣ Дидро, заставляетъ насъ думать, что его характеристика вѣрна съ подлинникомъ, но и въ противномъ случаѣ *Диалогъ* нисколько не утратилъ бы своего интереса. Вѣдь и достоинства пятой сатиры Ювенала не увеличиваются и не уменьшаются, сколько бы ни было вымысла въ томъ, что говорится о Требіѣ.

„Рамо—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ людей, которыми Богъ не обдѣлилъ эту страну. Это какая то смѣсь высокомерія съ низостью, здраваго смысла съ безразсудствомъ; надо полагать, что въ головѣ этого человѣка страннымъ образомъ перепутались понятія о томъ, что честно и что безчестно, такъ какъ хорошія качества, которыя дала ему природа, онъ выказываетъ безъ хвастовства, а дурныя—безъ застычивости. При этомъ онъ одаренъ сильнымъ сложеніемъ, замѣчательно пылкимъ воображеніемъ и необычайно здоровыми легкими. Если вамъ когда нибудь случится повстрѣчаться съ нимъ и если онъ васъ не оттолкнетъ отъ себя своей оригинальностью, вамъ придется или заткнуть себѣ пальцами уши или спастись бѣгствомъ. О Боже, какія у него ужасныя легкія! Нѣтъ ничего такъ мало на него похожего, какъ онъ самъ. Иногда онъ худъ и блѣденъ, точно больной при послѣднемъ градусѣ чахотки; тогда можно сосчитать сквозь его щеки сколько у него зубовъ, и можно бы было подумать, что онъ нѣсколько дней ничего не ѣлъ или что онъ только что вышелъ изъ La Garre. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ жиренъ и тученъ, точно будто онъ не вставалъ изъ-за стола какого нибудь крупнаго капиталиста или былъ заключенъ въ монастырь Бернардинцевъ. Сегодня онъ въ грязномъ бѣльѣ, въ разорванныхъ панталонахъ, весь въ лохмотьяхъ, и почти безъ башмаковъ; ходитъ онъ понутивъ голову и избѣгаетъ встрѣчъ съ знакомыми; вы готовы подозревать его къ себѣ, чтобъ дать ему милостыню. Завтра онъ напудренъ, обутъ, завить, хорошо одѣтъ, ходитъ поднявши голову вверхъ, рисуетъ

ся, и вы готовы принять его за порядочнаго человѣка. Онъ живетъ со дня на день и бываетъ то грустенъ то веселъ, смотря по обстоятельствамъ. Утромъ, лишь только онъ всталъ съ постели, его первая забота о томъ, гдѣ ему удастся пообѣдать; послѣ обѣда онъ думаетъ о томъ, куда бы пойти поужинать. Ночь также приноситъ съ собой свои заботы: или онъ возвращается пѣшкомъ на узенькій чердакъ, который служитъ ему мѣстопребываніемъ, если хозяйка дома, выведенная изъ терпѣнія напраснымъ ожиданіемъ квартирной платы, не отобрала у него ключа отъ входной двери; или-же онъ направляется въ одинъ изъ загородныхъ трактировъ, гдѣ дожидается разсвѣта за кускомъ хлѣба и кружкой пива. Если же у него нѣтъ шести су въ карманѣ,—что иногда съ нимъ случается, — онъ или ищетъ убѣжища въ наемной каретѣ какого нибудь пріятеля или прибѣгаетъ къ покровительству какого нибудь кучера знатнаго барина, чтобъ получить позволеніе уснуть на солому рядомъ съ его лошадьми. Утромъ еще бываютъ видны въ его волосахъ клочки отъ его матраца. Если погода хороша, онъ всю ночь ходитъ взадъ и впередъ по Елисейскимъ полямъ. Съ разсвѣтомъ онъ снова появляется въ городѣ одѣтымъ наканунѣ для завтрашняго дня, а иногда одѣтымъ съ завтрашняго дня на всѣ остальные дни недѣли“.

Однажды, въ то время какъ Дидро сидѣлъ на скамейкѣ передъ кофейной de la Régence въ Пале-Рояль, — это странное существо подошло къ нему и вступило съ нимъ въ разговоръ. Они разговаривали натурально и просто на манеръ собесѣдниковъ въ какомъ нибудь изъ Платоновыхъ діалоговъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что *Племянникъ •-на Рамо* есть самое удачное и самое мастерское со временъ Платона примѣненіе этой формы обмѣна мыслей. Конечно, реализмъ Дидро рѣзко противорѣчитъ поэтическому и идеалистическому направленію Платона. Однако и у него попадаются проблески фантазіи, которые смягчаютъ несимпатичность сюжета и придаютъ художественность тому, что грязно и отвратительно. Приведу одинъ примѣръ. «Время протекло», — говорить Рамо, — «а это тоже что прибыль!».

Я. Вы хотите сказать — убытокъ.

Онъ. Нѣтъ, нѣтъ — прибыль. Человѣкъ съ каждой минутой богатеетъ: вѣдь жить однимъ днемъ меньше или приобрести лишній экю — одно и то-же... Въ послѣдній моментъ всѣ одинаково богаты — и Самуиль Бернаръ, который благодаря кражамъ, грабительствамъ и банкротствамъ, оставляетъ послѣ себя двадцать семь милліоновъ золотой монетой, и Рамо, послѣ котораго не останется ничего и которому благотворительность доставить кусокъ холста, въ который обернуть его трупъ. Мертвый не слышитъ звона колоколовъ: напрасно сто священниковъ дерутъ себѣ горло изъ-за него, напрасно впереди и сзади движется длинный рядъ зажженныхъ факеловъ, —

его душа не идетъ рядомъ съ церемоніймейстеромъ погребальной процессіи. Сгнить подъ мраморной доской или сгнить подъ землей— все таки сгнить. Развѣ не все равно, что подлѣ гроба будутъ стоять дѣти одѣтыя въ красныя платья, или дѣти одѣтыя въ синія платья, или никто не будетъ стоять“.

Это лучи того *mens-divinior*, который ослабляетъ непріятное впечатлѣніе, производимое нравственной грязью изображаемой личности. Отсюда мы также выносимъ грустное убѣжденіе, что мысль, которая возвышенна и свята въ глазахъ благороднаго человѣка, можетъ служить выраженіемъ циническихъ выходокъ со стороны человѣка неблагороднаго.

Сверхъ того, есть что то фантастическое въ томъ похожемъ на ужасъ чувствѣ, которое внушается намъ цѣльностью характера. Дѣйствительно насъ охватываетъ нѣчто похожее на ужасъ, когда мы выслушиваемъ натянутые парадоксы этой пестрой личности. Рамо—это грязный, одѣтый въ рубище сатана восемнадцатаго столѣтія. Это—Мефистофель съ голыми локтями, это — Люциферъ въ жалкомъ положеніи, который все-таки сохранилъ свои дьявольскія свойства и у котораго все-таки блещутъ изъ глазъ искры. Отвращеніе, которое онъ внушаетъ, переходитъ въ ужасъ и страхъ вслѣдствіе его рѣзкой самоувѣренности, отважной цѣльности и послѣдовательности его діалектики, язвительной насмѣшливости, грязной пронизательности. Онъ анализируетъ отвратительный поступокъ или ужасное злодѣяніе точно такъ, какъ художникъ анализируетъ статую или картину. Онъ обладаетъ тѣмъ рѣдкимъ мужествомъ, благодаря которому порочные люди не боятся называть людей и человѣческіе поступки ихъ настоящими именами. Это одинъ изъ Свифтовскихъ дикарей, не боящійся говорить, что думаетъ. Онъ точно будто объясняетъ, почему каждый человѣкъ долженъ ненавидѣть и бояться самого себя. Все это производитъ смѣшанное впечатлѣніе страха и обаянія, похожее на то, которое производитъ чародѣй, показывающій вамъ съвозъ свое чудесное стекло, какими вы будете черезъ двадцать лѣтъ, или хирургъ, объясняющій, какія страданія втихомолку готовить вамъ происходящее внутри васъ физическое разстройство.

Изъ сказаннаго ясно, что діалогъ, о которомъ идетъ рѣчь, не можетъ служить умственной пищей «ни для нисшаго класса, ни для глупцовъ». Мѣстами онъ возмущаетъ насъ грубыми непристойностями. Даже Гёте при всемъ своемъ самообладаніи не могъ выносить ихъ. Тѣмъ не менѣе этихъ подробностей не долженъ упускать изъ виду тотъ, кто считаетъ развращенность стараго общества во Франціи за важное историческое явленіе. Раскрываемая передъ нашими глазами картина напоминаетъ намъ развращенность стараго общества

въ Римѣ. Мы видимъ здѣсь тотъ гнилой матеріалъ, который вскорѣ былъ быстро уничтоженъ очистительнымъ огнемъ якобинства. Мы имѣемъ передъ глазами тѣ самые классы общества, отъ которыхъ, — какъ въ этомъ насъ столько разъ увѣряли, — Франція получила бы свое возрожденіе, еслибы не вмѣшались въ дѣло демагоги и чернь. Въ стилѣ нѣтъ игривости и не слышится того смѣха, благодаря которому картина современныхъ нравовъ такъ наивна, вѣрна природѣ и даже забавна въ комедіи Колла *La vérité dans le vin*. Рамо производитъ на читателя тяжелое впечатлѣніе чего-то выдохшагося.

Такъ какъ этотъ діалогъ не у всякаго подъ рукой — да и едва ли кто либо пожелалъ бы имѣть его у себя, — то я счелъ не лишнимъ напечатать въ видѣ приложенія значительную его часть въ переводѣ. Карлейль давно уже твердилъ намъ, что необходимо его перевести, и хотя эта работа вовсе не такъ легка, какъ кажется, я все-таки счелъ нужнымъ доставить читателю возможность самостоятельно оцѣнить букетъ самаго характеристическаго изъ всѣхъ произведеній Дидро. Но пусть не читаетъ этого перевода тотъ, кто имѣетъ непреодолимое отвращеніе къ *запаху несвѣжей души*, о которомъ Гёте сказалъ, что въ немъ заключается весь секретъ нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній:

Dixeris haec inter varicosos centuriones,
Continuo crassum ridet Pulfenius ingens
Et centum Graecos curto centusse licebit.

Какъ я уже замѣтилъ выше, на это произведеніе слѣдуетъ смотрѣть какъ на нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ простой литературный очеркъ. «Вы не подозрѣваете, господинъ философъ», говоритъ Рамо, «что въ настоящую минуту я представитель самыхъ выдающихся людей изъ числа тѣхъ, которые живутъ въ городѣ и при дворѣ». По словамъ самого автора, Рамо сознавался въ тѣхъ порокахъ, которые были у него и которые встрѣчаются у большинства окружающихъ насъ людей, но онъ не былъ лицомъромъ. Онъ не былъ ни болѣе ни менѣ отвратителенъ, чѣмъ другіе, только его безнравственность была болѣе откровенна, болѣе систематична и болѣе глубока. Въ этомъ и заключается социальное значеніе діалога. Благодаря этому и независимо отъ другихъ соображеній, *Племянникъ и на* Рамо есть болѣе цѣнное руководство къ пониманію нравственныхъ влеченій того времени, чѣмъ произведенія, отличающіяся лишь одними непристойностями въ родѣ произведеній Луве или Лакло. Оно въ высшей степени поучительно для тѣхъ, кто занимается изслѣдованіемъ условий, подготовившихъ революцію. Рамо — не *ахластос* Аристотеля, и не созданіе *аполоа*, описанное Феофрастомъ; это та-

кой человекъ, котораго отвергаетъ общество, потому что онъ отъ природы ни къ чему не способенъ, или который сдѣлался негоднымъ случайно. Въ немъ олицетворялись придворные, финансисты, торговцы, лавочники, которые были безнравственны по данному образцу и развращенны по принципу. У нихъ порочность была возведена въ теорію, а низость безчестной жизни—въ философскую систему. Всякій, кто пойметъ въ какой мѣрѣ все это развѣдало высшіе классы во Франціи, придетъ къ тому убѣжденію, что бѣшеный потокъ социальной энергіи, въ которомъ яеобинцы затопили Францію, былъ столько же необходимъ для нея, сколько потокъ варваровъ былъ необходимъ для перерожденія римской имперіи.

Промежъ серьезныхъ частей діалога разбросано нѣсколько очень удачныхъ саркастическихъ выходокъ, направленныхъ противъ Палиссо и нѣсколькихъ другихъ писателей, нападавшихъ на новую либеральную школу. Палиссо—такая личность, которая существовала и въ старыя времена. Порода этихъ людей существовала всегда; она никогда не вымираетъ и уживается со всѣми климатами. Во всякомъ обществѣ существуютъ литературные проныры, посѣщающіе дома зажиточныхъ людей и исполняющіе обязанности поставщиковъ для удовлетворенія модныхъ предразсудковъ. И нельзя сказать, чтобъ они всегда были раболѣпны. Читатель, полагаю, не позабылъ того деспотическаго тунеядца, который изображенъ у Лабрюэйра въ лицѣ оригинала Троила. Палиссо восемнадцатаго или девятнадцатаго столѣтія нерѣдко походитъ на Троила; онъ въ одно и то же время и тунеядецъ и тиранъ. Нерѣдко случается, что онъ вступаетъ въ жизнь съ самостоятельными хорошими влеченіями, и съ искреннею преданностью задуманной цѣли; но когда посредственность его дарованій оказывается слишкомъ слабой для того, чтобъ нести бремя его честолюбія, воспоминаніе о благородныхъ мечтахъ юности только отравляетъ годы старости.

Bel esprit abhorré de tous les bons esprits,

Il pense par la haine échapper au mépris.

A force d'attentats il se croit illustré;

Et s'il n'était méchant, il serait ignoré.

Палиссо началъ съ того, что написалъ трагедію. Затѣмъ онъ написалъ жолчный памфлетъ противъ энциклопедистовъ и противъ страсти къ нововведеніямъ. Послѣ того онъ попалъ въ большой почетъ у знатныхъ дамъ, епископовъ и легкомысленныхъ свѣтскихъ людей, благодаря написанной имъ комедіи, въ которой онъ выставилъ Дидро, д'Аламбера и нѣкоторыхъ другихъ писателей въ такомъ свѣтѣ, что они возбуждали презрѣніе и смѣхъ. Въ концѣ концовъ онъ сталъ считать себя за серьезнаго человека и исчезъ въ омутъ преврѣтій

и отвращенія, которые къ счастію ожидаютъ всѣхъ жалкихъ Палиссо и всѣ ихъ произведенія. Память о немъ сохранилась только въ связи съ воспоминаніями о тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ поносилъ. Онъ дожилъ до старости и былъ также долголѣченъ, какъ къ несчастію бываетъ долголѣчна злоба. Въ эпоху Террора онъ едва не погибъ, такъ какъ онъ былъ въ числѣ тѣхъ, кто былъ приведенъ на допросъ къ Шометту. Шометтъ обратился съ рѣзкими словами къ тому, кто нападалъ на Руссо и на Дидро, но не послалъ его на гильотину. Въ этомъ случаѣ практической ученикъ лишь подражалъ великодушію своихъ теоретическихъ наставниковъ. Вѣдь Руссо не хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ отплатить Палиссо за его дерзости, а Дидро отместилъ ему только тѣмъ, что сдѣлалъ презрительный намекъ на него въ такомъ діалогѣ, который онъ едва ли имѣлъ намѣреніе издать въ свѣтъ.

Въ *Племянникъ и-на Рамо* идетъ рѣчь еще объ одномъ предметѣ, представляющемъ интересъ благодаря своей связи съ умственной дѣятельностью Парижа въ восемнадцатомъ столѣтіи. Музыка была въ то время поприщемъ такой же страстной полемики, какую возбуждали теологія и философія. Даже булла *Unigenitus* не возбудила болѣе оживленныхъ споровъ или болѣе яростной вражды, чѣмъ столкновеніе между приверженцами французской музыки и приверженцами музыки итальянской. Отвращеніе, которое Янсенисты питали къ Молинистамъ, не было сильнѣе того отвращенія, которое Люллисты питали къ Дюнистамъ, а впоследствии Глюкисты къ Пиччинистамъ ¹⁾. Люлли и Рамо (дядя нашего тунейдца) безспорно господствовали въ Парижѣ до прибытія въ 1752 компаніи итальянскихъ пѣвцевъ. Тогда внезапно вспыхнулъ раздоръ по поводу того, какая метода болѣе правильна и какое настоящее назначеніе музыкальнаго творчества. Слѣдуетъ ли признавать музыку за самостоятельное искусство, обращающееся къ какому либо специальному чувству, или же она должна служить специальнымъ болѣе сильнымъ способомъ выраженія для нашихъ душевныхъ влеченій? Итальянцы искали въ ней лишь прелестной гармоніи и увлекательныхъ мелодій; а французы утверждали, что и гармонію и мелодію слѣдуетъ подчинять произведенію поэта. Первые довольствовались получаемымъ наслажденіемъ, а вторые требовали смысла. Одни утверждали, что итальянская музыка есть ничто иное какъ бессмысленное щекотаніе слуха, а другіе, что увертюра къ французской оперѣ похожа на прелюдію къ исполняемому въ церквахъ *Misere-re*. Въ 1772—73 г. знаменитый Глюкъ прибылъ въ Парижъ. Тогда полагали, что его искусство примирить обѣ школы, такъ какъ у него болѣе мелодіи,

¹⁾ Гриммъ, IX, 349.

чѣмъ въ старомъ французскомъ стилѣ и болѣе строгости и смысла чѣмъ въ чисто итальянскомъ стилѣ. Такимъ путемъ можно бы было поддержать достоинство французскихъ музыкальныхъ произведеній. Но продолжавшаяся двадцать лѣтъ старая борьба скоро вспыхнула съ большою яростью чѣмъ когда либо. Неаполитанскій посланникъ пригласилъ Пиччини пріѣхать въ Парижъ. Старые крики стали раздаваться еще съ большою пронзительностью. Въ Парижѣ стали сыпаться со всѣхъ сторонъ памфлеты, статьи и сарказмы. Должна-ли музыка льстить слуху, или же она должна изображать страсти со всей ихъ энергіей, надрывать сердце, усиливать въ людяхъ мужество, создавать гражданъ и героев? Въ кофейныхъ стала господствовать страшная смута, а въ литературныхъ кружкахъ возникли гибельные раздоры. Даже на званыхъ обѣдахъ всякій чувствовалъ на себѣ какой то гнетъ и относился ко всѣмъ съ недоверіемъ; прекратились даже такія интимныя отношенія, которыя поддерживались въ теченіе всей жизни. *Племянникъ и-на Рамо* былъ написанъ въ началѣ этой борьбы, длившейся цѣлую четверть вѣка, и какъ кажется былъ пересмотрѣнъ авторомъ во время ея втораго великаго эпизода. Дидро возстаетъ противъ школы Рамо и Люлли. Эта точка зрѣнія была совершенно въ томъ же духѣ, какъ и его постоянныя усилія замѣнить прежнюю искусственность и натянутость тѣмъ, что онъ называлъ естественностью. Но Гете указалъ на то, что симпатіи Дидро къ менѣе выразительному роду музыки несомнѣстимы съ его обычнымъ сильнымъ сочувствіемъ къ выразительности въ искусствѣ. Причиной этого сочувствія, — какъ онъ основательно замѣтилъ, — была надежда, что новизна и общее одушевление положить конецъ устарѣлымъ, неподвижнымъ и ненавистнымъ для него старымъ формамъ искусства и заново расчистить почву для иной работы ¹⁾).

¹⁾ Anmerkungen, Rameau's Neffe; Werke, XXV. 268.

Г Л А В А IX.

Другіе діалоги.

Мы перейдемъ теперь къ такимъ произведеніямъ Дидро, которыя касаются житейскихъ предметовъ. *Разговоръ отца съ своими дѣтьми* (*Entretien d'un père avec ses enfants*) напечатанный въ 1773 г., представляетъ намъ краткій но очаровательный образчикъ того, какъ любилъ Дидро облекать вопросы касательно нравственности въ форму интересныхъ рассказовъ. Этотъ коротенькій діалогъ превосходенъ и по простотѣ своего реализма и по своей формѣ. Сюжетомъ для него служить та мысль, что очень опасно ставить выше мѣстныхъ законовъ собственное свое мнѣніе о какомъ либо разрядѣ житейскихъ фактовъ. Почтенный и всѣми любимый отецъ Дидро сидитъ въ своихъ креслахъ передъ каминомъ. Онъ начинаетъ разговоръ съ того, что рассказываетъ своимъ двумъ сыновьямъ и своей дочери, которые ухаживаютъ за нимъ съ благоговѣйной заботливостью, какъ однажды онъ едва не лишилъ ихъ наслѣдства. Одинъ престарѣлый священникъ умеръ, оставивъ послѣ себя значительное состояніе. Всѣ думали, что онъ не сдѣлалъ завѣщанія, а ближайшіе его родственники были бѣдные люди, которые были бы на всю жизнь спасены отъ нищеты благодаря оставшемуся отъ умершаго наслѣдству. Они поручили старику Дидро охранять ихъ интересы и произвести раздѣлъ наслѣдства. На днѣ стараго сундука, наполненнаго старыми письмами, росписками и другими ненужными бумагами, онъ нашелъ завѣщаніе, написанное за много лѣтъ передъ тѣмъ и представляющее все состояніе умершаго одному очень богатому парижскому книгопродавцу. Было полное основаніе предполагать, что старый священникъ позабылъ о существованіи этого завѣщанія, которое сверхъ того было возмутительно несправедливо по своему содержанію. Не-

исполнилъ-ли бы Дидро истинныя намѣренія покойнаго, еслибы бросилъ въ огонь этотъ нехстати отыскавшійся документъ?

Въ этомъ пунктѣ діалога докторъ входитъ въ комнату и прерываетъ рассказъ. Онъ, какъ оказывается, только что навѣстилъ одного преступника, приговореннаго къ висѣлицѣ. Дидро—младшій упрекаетъ его за то, что онъ старается сохранить жизнь для такого негодяя, который хорошо бы сдѣлалъ, если бы какъ можно скорѣе покинулъ этотъ мръ. По его мнѣнiю докторъ обязанъ былъ сказать такому отвратительному паціенту: «я не хочу заботиться о выздоровленiи такого существа, которое я не хочу видѣть въ живыхъ и по естественному чувству справедливости и въ видахъ общественнаго блага и изъ желанiя добра другимъ людямъ. Умирай и пусть никто не имѣетъ права сказать, что, благодаря моему искусству, на землѣ стало однимъ чудовищемъ больше!» Докторъ довольно ловко возражаетъ на эту энергическую декламацию. «Мое дѣло лечить, а не произносить приговоры; я долженъ лечить его, потому что это мое ремесло, а потомъ пусть судья прикажетъ повѣсить его, потому что это его специальность». По окончанiи этого эпизода, старикъ продолжаетъ свой рассказъ о завѣщанiи. Когда онъ готовъ былъ уничтожить завѣщанiе, въ немъ зародилось сомнѣнiе и онъ успѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ одному священнику, который былъ очень свѣдушъ въ этихъ дѣлахъ. Считаемъ не лишнимъ привести эту сцену цѣликомъ, такъ какъ въ Англiи нерѣдко случается, что представители закона берутъ на себя ту самую роль самовольныхъ благотворителей, которую хотѣлъ взять на себя старикъ Дидро:

„Милостивый государь, ничто не можетъ быть болѣе достойно похвалы, чѣмъ то чувство состраданiя, которое вы питаете къ этимъ несчастнымъ наслѣдникамъ. Уничтожьте завѣщанiе, помогите имъ, но съ условiемъ, чтобъ тотъ, въ чью пользу написано завѣщанiе, получилъ ни болѣе ни менѣе какъ именно ту сумму, которой вы могли бы лишить его... Кто далъ вамъ право придавать санкцію документамъ или отнимать ее у нихъ?.. Кто далъ вамъ право истолковывать намѣренiе покойнаго?

„Но, отецъ Буень, а старый сундукъ?

„Кто далъ вамъ право рѣшать, было ли это завѣщанiе сознательно отмѣнено, или же оно затерялось случайно? Развѣ съ вами никогда не случилось отыскать на днѣ сундука драгоценный документъ, брошенный вами туда по разсѣянности?“

„Но, отецъ Буень, а число, которымъ помѣченъ этотъ документъ, и его несправедливость?

„Кто-же далъ вамъ право рѣшать, согласенъ или не согласенъ съ справедливостью этотъ документъ, и считать завѣщанное за про-

тивозаконный даръ, а не за уплату долга или за какое нибудь другое законное распоряженіе.

„Но, отецъ Буенъ, а эти ближайшіе наслѣдники, которые бѣдны, и этотъ дальній родственникъ, который богатъ?”

„Кто-же далъ вамъ право взвѣшивать обязанности покойнаго по отношенію къ его роднымъ, которыхъ сверхъ того вы не знаете въ лице?”

„Но, отецъ Буенъ, а эта масса писемъ отъ того, въ чью пользу написано завѣщаніе, — писемъ, которыхъ покойный даже не потрудился открыть?”

„Къ чему, сказалъ отецъ Буенъ, вести рѣчь о сундукѣ, о числѣ, которымъ помѣченъ документъ, о письмахъ, къ чему эти „если,“ „но“, „въ случаѣ“; никому не дозволяется нарушать законы, разбирать намѣренія умершихъ, и распоряжаться чужимъ добромъ; такъ какъ въ той случайности, благодаря которой завѣщаніе не пропало, выразилась воля провидѣнія покарать наслѣдника, или того въ чью пользу сдѣлано завѣщаніе, или покойнаго, — неизвѣстно, кого изъ нихъ, — то это завѣщаніе должно оставаться въ силѣ¹⁾).

Дидро — младшій возстаетъ противъ этого мнѣнія съ своей обычной горячностью, а его братъ — аббать вступаетъ за законъ, ссылаясь на самые основательные доводы, — а именно на то, что уклоняться отъ исполненія закона или открыто нарушать его значило бы поощрять крючкотворства со стороны негодяевъ. Въ эту минуту входитъ одинъ изъ жившихъ въ сосѣдствѣ поденщиковъ и проситъ разрѣшить новый вопросъ совѣсти. Его жена умерла послѣ двадцатилѣтней болѣзни; въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ расходы на леченіе поглотили все, что онъ могъ-бы накопить на старость. Между тѣмъ ея приданое осталось нетронутымъ. По закону оно должно перейти въ руки ея родственниковъ. Однако казалось бы, что онъ въ правѣ взять изъ него такую часть, которая равна той суммѣ, котсрую онъ могъ-бы сберечь на старость. Онъ проситъ совѣта у всѣхъ, кто былъ въ комнатѣ. Одинъ говоритъ ему, что онъ долженъ удержать эти деньги, другой говоритъ, что онъ не долженъ дѣлать этого, третій полагаетъ, что онъ въ правѣ вознаградить себя за издержки на леченіе жены. Тогда старикъ Дидро восклицаетъ, что такъ какъ по его собственнымъ словамъ, удержаніе наслѣдства не доставило ему комфорта, то онъ лучше сдѣлаетъ, если отдастъ его назадъ какъ можно скорѣе и будетъ ѣсть, пить, спать и довольствоваться тѣмъ, что имѣеть.

„Нѣтъ“, — рѣзко возразилъ на это поденщикъ, — „я этого не сдѣлаю и отправлюсь въ Женеву“.

„Не воображаешь ли ты, что ты оставишь здѣсь угрызения совѣсти?“

1) О еувгес, V. 289.

„Не знаю, но я во всякомъ случаѣ отправлюсь въ Женеву.

„Куда бы ты ни отправился, ты повсюду найдешь твою совѣсть.“

Поденщикъ уѣхалъ, и его странный отвѣтъ сдѣлался сюжетомъ разговора. Всѣ соглашались въ томъ, что разстоянія и время болѣе или менѣе ослабляютъ всѣ чувства и заглушаютъ голосъ совѣсти даже въ случаяхъ преступленія. Убийца, высадившійся на берегахъ Китая, не можетъ видѣть того трупа, который онъ оставилъ окровавленнымъ на берегахъ Сены. Раскаяніе проистекаетъ можетъ быть не столько изъ отвращенія къ самому себѣ, сколько изъ страха передъ другими людьми, не столько изъ того что преступникъ стыдится совершеннаго имъ дѣянія, сколько изъ опасенія, что въ случаѣ, если это дѣяніе будетъ обнаружено, его постигнетъ осужденіе и наказаніе. Какой никѣмъ не открытый преступникъ можетъ жить спокойно въ неизвѣстности безъ опасеній, что его предастъ какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство или какое нибудь необдуманное выраженіе? Развѣ онъ можетъ быть увѣренъ, что онъ не выдастъ самъ себя въ бреду горячки или во время сна? Его слова могли бы быть поняты тѣми, кто находится на мѣстѣ дѣйствія, но они не будутъ поняты тѣми, кто будетъ окружать его въ Китаѣ¹⁾.

Потомъ возникаютъ еще два вопроса. Нарушеніе обѣта супружеской вѣрности мужемъ или женою освобождаетъ ли отъ клятвы того изъ супруговъ, который не нарушалъ этого обѣта? Дидро отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно. Второй вопросъ возникъ по поводу повѣсти, которую читалъ аббатъ. Одинъ честный мессинскій мастеровой видѣлъ, что въ его отечествѣ безпрестанно совершаются беззаконія. Не проходило дня безъ какого нибудь преступленія. Отъявленные убійцы издѣвались надъ всеобщимъ негодованіемъ. Родители не могли оградить своихъ дочерей отъ безчестія, промышленники не могли уберечь плодовъ своего труда, которые расхищались монополистами или сборщиками податей. Судьи брали взятки, невинные люди страдали, а виновные оставались безнаказанными. Мастеровой, размышляя объ этихъ безобразіяхъ, придумалъ оригинальный способъ отмщенія. Онъ учредилъ въ своей лавкѣ тайное судилище; онъ выслушивалъ показанія свидѣтелей, постановлялъ рѣшенія, произносилъ смертные приговоры и спрятавши ружье подъ своимъ плащомъ выходилъ изъ дому для приведенія этихъ приговоровъ въ исполненіе. Совершивъ расправу, онъ возвращался въ свою лавку довольный самъ собою, точно будто онъ убилъ не человѣка, а бѣшеную собаку. Послѣ того, какъ эта участь постигла до пятидесяти преступниковъ, вице-король предложилъ тысячу кроунъ тому, кто укажетъ убійцу и поклонится на алтарѣ, что

¹⁾ V. 295—6.

убійца будетъ прощенъ, если выдастъ самъ себя. Мастеровой явился на этотъ вызовъ и сказала слѣдующее: «Я исполнялъ вашу обязанность. Я тотъ, кто осуждалъ на смерть и убивалъ тѣхъ злодѣевъ, которыхъ вы должны бы были казнить. Разсмотрите доказательства ихъ преступленій. Тогда вы увидите, какой судебной процедуры я придерживался. Я хотѣлъ было начать съ васъ самихъ, но я уважилъ въ вашемъ лицѣ августѣйшаго государя, котораго вы замѣняете. Моя жизнь въ вашихъ рукахъ; располагайте ею, какъ вамъ заблагоразсудится». Что-же, воскликнулъ аббатъ, вѣдь этотъ мастеровой былъ ничто иное какъ убійца, не смотря на свое усердное стараніе отстаивать справедливость. Дидро протестовалъ противъ этого мнѣнія, но его отецъ рѣшилъ, что аббатъ былъ правъ и что мастеровой былъ убійца.

Только прочитавши весь этотъ интересный діалогъ можно составить себѣ вѣрное понятіе о его драматической развязности, о разнообразіи его содержанія, нисколько не нарушающемъ единства сюжета, о естественности въ немъ переходовъ и о пріятной легкости его тона. Въ концѣ діалога старикъ посылаетъ за своимъ ночнымъ колпакомъ; Дидро обнимаетъ его и пожелавъ ему доброй ночи шепчетъ ему на ухо: «Въ строгомъ смыслѣ слова, батюшка, для мудреца нѣтъ законовъ. Такъ какъ нѣтъ правилъ безъ исключеній, то онъ вправѣ рѣшать, когда слѣдуетъ подчиняться законамъ и когда не слѣдуетъ обращать на нихъ вниманія». Отецъ отвѣчалъ ему на это: «Я не огорчился бы тѣмъ, что въ городѣ есть одинъ или два гражданина такихъ какъ ты; но я ни за что не согласился бы тамъ жить, если бы всѣ были такого же мнѣнія». Это заключеніе правильно, и самъ Дидро могъ-бы убѣдиться въ его основательности, если бы захотѣлъ вникнуть въ то положеніе, въ которомъ находилось въ ту пору высшее общество во Франціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что причиной нравственной испорченности Франціи въ послѣдніе годы стараго режима были тѣ вольныя и увертливыя толкованія, съ помощью которыхъ руководители общества—іезуиты смягчали строгость общихъ нравственныхъ принциповъ. Конечно должны пройти многія поколѣнія, прежде чѣмъ привычка не стѣсняясь отълаживать въ сторону принципы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ породитъ всеобщую деморализацію, но этотъ результатъ неизбеженъ и онъ обнаружится тѣмъ скорѣе, чѣмъ разумнѣе были тѣ принципы. Казуисты создали на практикѣ такую систему, при которой соблюденіе какъ положительныхъ законовъ такъ и нравственныхъ правилъ становилось уклончивымъ и условнымъ. На эту же точку зрѣнія становится и Дидро въ діалогѣ, о которомъ идетъ рѣчь, но онъ любезно предоставляетъ своему разсудительному и доброму отцу доказать ея негодность.

II. Теперь мы увидимъ, что Дидро позволялъ себѣ высказывать рѣшительное недобвѣріе даже къ нѣкоторымъ изъ самыхъ глубоко вкоренившихся принциповъ новѣйшаго общества. Но прежде всего мы мимоходомъ обратимъ вниманіе читателя на одинъ полный рѣзкой ироніи очеркъ, который появился на свѣтъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Дидро (1798) и который получилъ отъ него или отъ кого-то другаго слѣдующее заглавіе: *Sur l'inconséquence du jugement public de nos actions particulières*. Этотъ очеркъ написанъ также въ формѣ діалога; вотъ его содержаніе. Дерошъ, бывший сначала аббатомъ, потомъ юристомъ и поступившій наконецъ въ военную службу, уговариваетъ одну богатую и красивую вдову выйти за него замужъ. Ей извѣстны его прежнія любовныя похождения; поэтому она предупреждаетъ его въ самыхъ драматическихъ выраженіяхъ, что если онъ хоть разъ оскорбитъ ее нарушеніемъ супружеской вѣрности, она запрется въ своемъ домѣ и скоро умретъ отъ огорченія. Онъ даетъ ей такія обѣщанія, какія обыкновенно даются мужчинами въ подобныхъ случаяхъ; онъ съ жаромъ прижимаетъ къ своимъ губамъ ея руки, орошаетъ ихъ своими слезами и возбуждаетъ во всѣхъ присутствующихъ сочувствіе къ своему душевному волненію. Эта сцена нелѣпа или по крайней мѣрѣ должна казаться нелѣпой всякому изъ насъ, такъ какъ мы привыкли ко всему относиться флегматически. Но даже въ нашихъ глазахъ Дидро выкупаетъ этотъ недостатокъ слѣдующимъ прекраснымъ замѣчаніемъ: «Особенность всего что прекрасно и добродѣтельно и заключается именно въ томъ, что оно внушаетъ многочисленному собранію людей одну мысль и одно чувство. Какъ въ эти минуты всѣ уважаютъ другъ друга, какъ всѣ другъ друга любятъ! Какъ прекрасно тогда человѣчество! Ахъ, зачѣмъ мы такъ скоро расстаемся? Люди такъ хороши, такъ счастливы, когда что либо прекрасное встрѣчаетъ между ними общее одобреніе, соединяетъ ихъ вмѣстѣ, дѣлаетъ изъ нихъ одно цѣлое». ¹⁾ Сначала все шло какъ нельзя лучше и наша парочка была самая счастливая изъ всѣхъ. Но въ послѣдствіи на вѣрность Дероша было сдѣлано нѣсколько покушеній; онъ отражалъ ихъ, пока желаніе услужить одному пріятелю не заставило его заикивать добраго расположенія одной дамы, за которой онъ ухаживалъ въ то время, когда еще велъ безнравственную жизнь. Старая любовная связь возобновилась. Письма съ неопровержимыми доказательствами его виновности случайно попали въ руки его жены. Она собрала своихъ друзей, уличила при нихъ преступника, и затѣмъ переѣхала въ домъ своей престарѣлой матери. Искреннее раскаяніе Дероша было оставлено безъ вниманія, его письма воз-

¹⁾ Oeuvres, V. 342.

вращались ему нераспечатанными, двери дома гдѣ жила его жена, были для него заперты. Между тѣмъ престарѣлая мать умираетъ; вслѣдъ за ней умираетъ ребенокъ, а наконецъ и сама жена. Теперь, говорить Дидро обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ, я прошу васъ обратить ваши взоры на публику — на эту безтолковую толпу, которая произноситъ надъ нами приговоры, которая распоряжается нашею честью, которая возноситъ насъ до облаковъ или забрасываетъ насъ грязью. Касательно Дероша общественное мнѣніе проходило всевозможныя фазы. Мѣркой для одобренія или порицанія служили для него случайныя факты. Вина, которую всѣ считали простительной, мало по малу стала казаться болѣе тяжелой благодаря цѣлому ряду случайностей, которыхъ Дерошъ не могъ ни предвидѣть, ни предотвратить. Сначала общественное мнѣніе было на его сторонѣ и всѣ находили, что его жена была не въ мѣру выскательна. А когда она занемогла, когда умеръ ея ребенокъ и ея мать скончалась отъ старости, его стали считать виновникомъ всѣхъ этихъ несчастій. Почему Дерошъ не объяснился письменно съ своей женой, почему онъ не стучался къ ней въ дверь, почему онъ не подстерегъ ее въ то время, какъ она ходила въ церковь? На самомъ дѣлѣ онъ дѣлалъ все это, но публика этого не знала. Для нея главное — поводъ для пересудовъ, а не раскрытіе истины. Затѣмъ братъ его жены занялъ въ полку мѣсто Дероша и былъ убитъ. Это происшествіе вызвало новые возгласы о томъ, какое несчастіе быть въ родствѣ съ такимъ человѣкомъ. Но развѣ на Дерошѣ можетъ лежать отвѣтственность за смерть его тещи, которая уже была очень стара? Развѣ онъ могъ предвидѣть, что вражеская пуля пронзитъ его зятя въ его первомъ походѣ? А по отношенію къ своей женѣ? Онъ былъ варваръ, онъ былъ чудовище, которое мало по малу втыкало кинжалъ въ грудь божественной женщины, своей жены, своей благодѣтельницы, и потомъ оставило ее умирать, не обнаруживши ни малѣйшихъ признаковъ участія или привязанности. И все это, восклицаетъ Дидро, только потому, что онъ не зналъ того, что было скрыто отъ его глазъ и чего не знали и не подозрѣвали даже тѣ люди, которые ежеминутно были подле нея? Какая самонадѣянность, какая фальшивая логика, какая непоследовательность, какія неосновательныя перемѣны и колебанія во всѣхъ этихъ приговорахъ общественнаго мнѣнія съ самаго начала и до конца!

Однако мы не можемъ не замѣтить, что пылкое негодованіе Дидро не попало въ самый корень обсуждаемаго имъ предмета. Дидро превосходно беретъ за свой сюжетъ, освѣщаетъ его новымъ свѣтомъ, метко иллюстрируетъ его и совершенно очищаетъ отъ нароста искусственныхъ условій, въ средѣ которыхъ онъ оставался не-

подвижнымъ, — но онъ не оставляетъ поднятый имъ вопросъ разрешеннымъ съ болѣе правильной точки зрѣнія. Его умъ не былъ изъ числа тѣхъ, которые въ случаѣ невозможности что либо объяснить не впадаютъ въ сѣтованія и которые не прекращаютъ спора безъ того, чтобъ сдѣлать спокойно и систематически обзоръ тѣхъ условій, которыя вызвали новое проявленіе человѣческаго безразсудства, недалеко-видности или несправедливости. На основаніи строгой логики не было нигайкой возможности поддерживать порицаніе Дероша за такія послѣдствія, которыя вовсе не истекали изъ его вины. Но у людей кромѣ разсудка, есть и воображеніе; у большинства изъ нихъ воображеніе даже сильнѣе разсудка, а воображеніе публики было возбуждено рядомъ несчастій, слѣдовавшихъ за тѣмъ, какъ г-жа Дерошъ покинула своего мужа. Въдъ публика не судебное мѣсто; она не принимаетъ въ оправданіе обвиняемаго того соображенія, что между дѣяніемъ и приписываемыми этому дѣянію вредными послѣдствіями протекло не мало времени. Не трудно понять, путемъ какихъ ложныхъ умозаключеній на мужа ввалили отвѣтственность за такія несчастія, въ которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ неповиненъ. Если бы мы захотѣли составить себѣ ясное понятіе о поведеніи публики въ подобныхъ случаяхъ, мы, можетъ быть, пришли бы къ тому убѣжденію, что публика и не имѣла намѣренія произносить судебный приговоръ, а только хотѣла выразить, что сношенія съ такимъ то индивидуумомъ она находитъ непріятными и внушающими опасенія. Можетъ быть публика и сочла бы не лишнимъ привести резоны въ оправданіе своего отвращенія и тѣмъ доказать основательность весьма жидкаго опредѣленія, — что *homo—animal rationale*; но настоящая причина всего заключается въ томъ, что присутствіе Дероша нарушало комфортъ, напоминая спорные и непріятные факты. Не подлежитъ сомнѣнію, что такой эгоистическій и грубый методъ нерѣдко бываетъ причиной жестокихъ страданій для того, къ кому онъ примѣняется, и что его не будетъ придерживаться тотъ, кто серьезно и глубоко всматривается въ мотивы человѣческихъ дѣяній. Всякій здравомыслящій человекъ знаетъ, какъ трудно произносить основательные приговоры надъ этими дѣяніями, въ особенности если они принадлежатъ къ сферѣ сложныхъ и покрытыхъ тайной отношеній между мужчиной и женщиной; однако онъ никогда не будетъ ниспровергать ради даннаго случая то, что служитъ для этихъ отношеній охраной отъ вмѣшательства извнѣ. Тюрго сказалъ о себѣ самомъ: *Я большой врагъ равнодушія и большой другъ снисходительности*; полагаю, что всякій изъ насъ долженъ бы былъ поступать такъ, чтобъ имѣть право сказать о себѣ самомъ то-же самое.

Сверхъ того, хотя всѣ эти ироническія указанія на пошлость,

опрометчивость и непослѣдовательность народныхъ приговоровъ на-
ходятъ въ известной мѣрѣ подтвержденіе во всякомъ обществѣ, од-
нако нѣкоторые изъ величайшихъ французскихъ писателей и преж-
де впадали и до сихъ поръ еще впадаютъ въ то заблужденіе, что
они ожидаютъ отъ подобныхъ указаній такого плода, какого они
дать не могутъ. Въ концѣ концовъ и многіе мужчины и многія
женщины дѣлаются лучшими не столько потому, что общіе всѣмъ
имъ недостатки подвергались всеобщему порицанію, сколько потому,
что общественное мнѣніе стало относиться къ каждому мужинѣ и
къ каждой женщинѣ какъ къ отдѣльной личности и въ своихъ при-
говорахъ стало руководствоваться болѣе широкой точкой зрѣнія,
болѣе возвышенными мотивами и болѣе здравыми понятіями. Гораз-
до болѣе пользы отъ того, что въ каждомъ индивидуумѣ старают-
ся пробудить сознание своей отвѣтственности за свои собственныя
дѣянія, нежели отъ того, что путемъ блестящихъ похвалъ или пу-
темъ язвительныхъ сатирическихъ нападокъ внушаютъ ему мысль о
виновности всего общества. Въдъ подъ словомъ общество мы обык-
новенно разумѣемъ другихъ людей. Можно бы было извлечь очень
поучительные результаты изъ сравненія двухъ противоположныхъ
методовъ: метода гениальныхъ французскихъ писателей, — начиная
съ Дидро и кончая великимъ поэтомъ нашего времени Викторомъ
Гюго, — заключающагося въ томъ, чтобъ изливать на все общество
самыя грозныя обвиненія, и метода лучшихъ англійскихъ писате-
лей, — начиная съ Милльтона и кончая Миллемъ, — заключающагося
въ томъ, чтобъ внушать индивидуумамъ новыя идеи и заставлятъ
ихъ давать чисто-личный отвѣтъ на всякій вопросъ изъ сферы
нравственной или духовной.

Считаемъ не лишнимъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. До какой сте-
пени было сильно въ восемнадцатомъ столѣтіи сознание обществен-
ныхъ связей видно изъ того, что когда Дерощъ сидѣлъ въ одино-
чествѣ въ публичной залѣ, когда никто не хотѣлъ отвѣчать на
его вопросы, никто изъ окружающихъ не заговаривалъ съ нимъ,
всѣ избѣгали его и равнодушно смотрѣли на него какъ на чело-
вѣка нравственно отвергнутаго обществомъ, Дидро ни разу не по-
думалъ о томъ, что несчастный могъ бы найти искусственное утѣ-
шеніе въ подражаніи стойкамъ. Ему ни разу не пришло на умъ,
что въ исключеніи изъ общества друзей можно не видѣть неприятно-
сти истиннаго наказанія и настоящаго несчастья. Никто не зналъ
лучше самого Дидро, что мужчина долженъ приучать себя противо-
стоять общему неодобренію, гордо поднимая голову и не потупляя
взоровъ; но онъ также зналъ, что поступать такъ не легко, да и
не стоитъ иначе какъ изъ за ясныхъ и широкихъ цѣлей. Жизнь
была для Дидро реальна не въ новѣйшемъ извращенномъ смыслѣ

этого слова, — не въ томъ смыслѣ что ея цѣль — нажать сто тысячъ фунт. ст., а въ томъ смыслѣ, что она служить бурной сценой для страстей, интересовъ, симпатій, борьбы, радостей и горестей, — такой сценой, на которой пріятныя аскетическія идеи писателя или проповѣдника почти нисколько не затрогиваютъ дѣйствительныхъ условій человеческого существованія и не ослабляютъ горечи несчастій, неудачъ, ошибокъ и заблужденій точно такъ какъ сладкое пѣніе птицъ летающихъ въ воздухѣ надъ полемъ сраженія не уменьшаетъ ярости и ужаса, господствующихъ въ равнинѣ. Одинъ хорошій человѣкъ высказалъ слѣдующую мысль, безъ сомнѣнія провѣренную имъ на опытѣ: «*Speciosa quidem ista sunt, oblitaque rhetoricae ei musicae melle dulcedinis; tum tantum cum audiuntur oblectant. Sed miseris malorum altior sensus est. Itaque quum haec auribus insonare desierint, insitus animus moeror praegravat*». ¹⁾

III. Мы можемъ закончить эту главу краткимъ разборомъ *Дополненія къ путешествію Бугенвилля* (*Supplément au voyage de Bougainville*), которое было написано въ 1772 и опубликовано лишь черезъ двадцать четыре года послѣ того. Это *Дополненіе* имѣетъ еще другое заглавіе: *Dialogue entre A et B sur l'inconvénient d'attacher des idées morales à certaines actions physiques, qui n'en comportent pas*. Кто полагаетъ, что общепринятые понятія о супружествѣ заключаютъ въ себѣ послѣднее слово всего, что можетъ быть сказано о взаимныхъ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами, тотъ отвернется отъ этого діалога съ нѣкоторымъ чувствомъ негодованія. Кто, напротивъ того, полагаетъ, что теперешняя система не есть болѣе неизмѣнное выраженіе коренныхъ законовъ человеческой природы, не болѣе нравственно законченна, не болѣе недоступна улучшенію, не болѣе священна и не болѣе безспорно удачна, чѣмъ всякій другой разрядъ соціальныхъ соглашеній и соотвѣтствующихъ этимъ послѣднимъ нравственныхъ понятій, тотъ прочтетъ его не безъ интереса, хотя, какъ я думаю, и не извлечетъ изъ него много поучительнаго. Бугенвилль былъ первый французъ, совершившій кругосвѣтное плаваніе. Онъ умеръ въ 1766—69 почти въ одно время съ капитаномъ Кукомъ. Описаніе его экспедиціи вышло въ свѣтъ въ 1771 и Дидро такъ сильно увлекся описаніями образа жизни первобытныхъ народовъ, живущихъ на берегахъ южнаго океана, какъ этого можно бы было ожидать лишь отъ Руссо. Какъ уже не разъ было нами замѣчено, развращенность и искусственность парижскаго общества придавали изображенію перво-

¹⁾ Бовцій.

бытнаго общества райскую привлекательность. Дидро болѣе чѣмъ кто либо изъ его современниковъ былъ недоступенъ для такого заблужденія. Онъ никогда не раздѣлялъ мечты Вольтера, что Китай— страна философовъ.¹⁾ Но онъ никогда не вникалъ критически въ реальныя условія жизни на ея первобытныхъ ступеняхъ развитія и въ настоящемъ случаѣ онъ впалъ въ соціологическій анахронизмъ, сдѣлавши изъ бѣдныхъ жителей Отаити разсудительныхъ и добрыхъ патріотовъ и здравыхъ мыслителей. Литературныя достоинства этого діалога по меньшей мѣрѣ такъ же ярко выступаютъ наружу, какъ и достоинства тѣхъ произведеній, о которыхъ было говорено ранѣе. Реализмъ сценъ между корабельнымъ капеляномъ, его пріятеlemъ— дикаремъ, слишкомъ любезной женой этого послѣдняго и такими же любезными двумя ихъ дочерьми, полонъ привлекательности, простоты и чего то похожего на паеосъ. Правда Дидро вводитъ въ этотъ діалогъ между прочимъ и такой сюжетъ, который покажется инымъ непристойнымъ и о которомъ онъ дѣйствительно иногда выражался въ очень непристойной формѣ,—но онъ вводитъ этотъ сюжетъ съ такой идилической граціей, которая едва ли покажется грязной тому, кто самъ нравственно чистъ. Никогда не слѣдуетъ забывать того, что Дидро писалъ для людей зрѣлыхъ лѣтъ, точно такъ же какъ для людей этого возраста писались всѣ тѣ книги, въ которыхъ идетъ рѣчь необъ однихъ только поверхностныхъ результатахъ человѣческаго опыта. Въ Англіи принято за правило исключать изъ литературы такіе сюжеты и такія размышленія, которые считаются неприличными для мальчиковъ и дѣвочекъ; въ этомъ правилѣ есть своя хорошая сторона, но оно безспорно приводитъ къ нѣкоторой узкости и жидкости содержанія и къ отвратительному лицемѣрью. Очевидно, что не всякій сюжетъ можетъ быть обсуждаемъ всѣми и каждымъ, а въ результатѣ этого оказывается то, что нѣкоторые изъ самыхъ важныхъ сюжетовъ вовсе не обсуждаются.

Точка зрѣнія, на которую становится Дидро въ настоящемъ діалогѣ, можетъ быть выяснена изъ слѣдующаго извлеченія. Корабельный капелянъ объясняетъ удивленному Отаитянину, что въ Европѣ строго придерживаются единобрачія, которое считается за учрежденіе установленное Творцемъ вселенной и тщательно охраняется духовенствомъ и судьями. На это Ору возражаетъ такъ:

„Я нахожу, что эти странныя принципы противорѣчатъ природѣ и не согласны съ здравымъ смысломъ.... Они противорѣчатъ природѣ, потому что допускаютъ, чтобъ существо мыслящее, чувствующее и свободное могло дѣлаться собственностью подобнаго ему существа.... Развѣ ты не видишь, что въ твоей странѣ смѣшиваютъ

¹⁾ См. выше стр. 189.

предметъ, у котораго нѣтъ ни чувствъ, ни мыслей, ни желаній, ни воли, который можно бросать, брать, хранить, мѣнять не причиняя ему страданій и не вызывая съ его стороны жалобъ, — смѣшиваютъ съ такимъ предметомъ, котораго нельзя пускать въ обмѣнъ и приобрѣтать, у котораго есть свобода, воля, желанія, который можетъ на минуту отдавать себя или отвѣчать отказомъ, который жалуется и страдаетъ, и изъ котораго можно сдѣлать предметъ торговли только въ томъ случаѣ, если забудутъ его характеръ и учинять насиліе надъ его природой? Они не согласны съ общими законами вещей. Дѣйствительно, развѣ есть что либо болѣе безразсудное, чѣмъ тотъ принципъ, который воспрещаетъ происходящія внутри насъ перемѣны, который предписываетъ постоянство невозможное для насъ, и нарушаетъ свободу мужчины и женщины, приковывая ихъ навсегда одного къ другому.... развѣ есть что либо болѣе безразсудное, чѣмъ клятва неизмѣнимости, данная двумя существами, состоящими изъ плоти, передъ такимъ небомъ, которое не остается ни одной минуты неизмѣненнымъ, подъ такими сводами, которые грозятъ разрушеніемъ, у подножія такого утеса, который разсыпается въ прахъ, подъ такимъ деревомъ, въ которомъ образовались трещины?... Ты можешь предписывать то, что противорѣчитъ природѣ, но тебѣ не будутъ повиноваться. Ты умножишь число преступниковъ и несчастныхъ угрозами, наказаніями и угрызеніями совѣсти; ты развратишь у людей совѣсть, ты введешь въ заблужденіе ихъ умъ и они утратятъ способность понимать, какъ слѣдуетъ поступать и чего слѣдуетъ избѣгать“. (225).

Вслѣдъ за этой декламаціей, Ору задаетъ смущенному капеляну нѣкоторые практическіе вопросы. Всегда ли молодые люди воздержны во Франціи, всегда ли тамъ вѣрны жены, не случается ли тамъ, что мужья заводятъ любовныя связи? Изъ отвѣтовъ капеляна прозорливый Ору угадываетъ настоящее положеніе вещей:

„Какое безобразное сочетаніе нелѣпостей ты раскрываешь передо мною! И ты еще не все рассказала мнѣ: вѣдь когда люди позволили себѣ располагать по своему произволу понятіями о томъ, что справедливо и позволительно, придавать вещамъ произвольный характеръ, и относить человѣческіе поступки къ числу хорошихъ или дурныхъ, руководствуясь одною прихотью, — тогда возникаютъ цориціанія, обвиненія, подозрѣнія, тираннія, зависть, ревность, обманъ, огорченія, укрывательство, притворство, шпіонство, неожиданныя разоблаченія, ссоры, ложь; тогда дѣвушки будутъ обманывать родителей, мужья — женъ, жены — мужей; дѣвушки, — я въ этомъ увѣренъ, — будутъ душить своихъ дѣтей; подозрительные мужья будутъ относиться съ презрѣніемъ и съ пренебреженіемъ къ своимъ дѣтямъ, матери будутъ покидать дѣтей и предоставлять ихъ на произволъ судьбы, преступленіе и развратъ будутъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Я все это знаю, точно будто я жилъ среди васъ. Это такъ, потому что такъ должно быть, а ваше общество,

которое так расхваливает вамъ вашъ начальникъ за господствующій въ немъ прекрасный порядокъ, есть ничто иное какъ сборище лицемѣровъ, которые втайнѣ попираютъ своими ногами законы, или сборище несчастныхъ людей, которые сами дѣлаютъ изъ себя орудіе для своего наказанія, потому что подчиняются такимъ законамъ, или сборище глупцевъ, въ которыхъ предрасудки совершенно заглушили голосъ природы“. (227).

Капелянъ имѣетъ достаточно присутствія ума, чтобъ сослаться на радикальное неудобство тѣхъ разрѣшеній проблемы семейнаго союза, которыя практикуются Отаитянами или проповѣдуются парижскими философами или нерѣшительно предлагаются въ наше время въ странной формѣ браковъ, заключаемыхъ на извѣстное число лѣтъ съ правомъ возобновлять договоръ. Это неудобство заключается въ томъ, какъ устроить участь дѣтей, происходящихъ отъ подобныхъ брачныхъ союзовъ. Ору возражаетъ на этотъ аргументъ очень краснорѣчивымъ рассказомъ о томъ, какъ уважаютъ, берегутъ и высоко цѣнятъ ту женщину, которая родила множество дѣтей. Его отвращеніе къ европейскимъ порядкамъ еще усиливается, когда ему сообщаютъ, что рожденіе ребенка у большей части народовъ, живущихъ на западѣ, вызываетъ скорѣе заботы, затрудненія и огорченія, чѣмъ радость и удовольствіе.

Для читателя должно быть ясно, что въ настоящемъ діалогѣ Дидро относится критически къ самому основному и сложному учрежденію нашего западнаго общества съ точки зрѣнія произвольнаго и совершенно фантастическаго натурализма. Даже Руссо не написалъ ничего болѣе картиннаго, болѣе опаснаго, болѣе анархическаго и болѣе поверхностно обдуманнаго. Впрочемъ и самъ Дидро спѣшитъ заявить въ концѣ разговора, что когда мы нападаемъ на безмысленные законы, мы все таки обязаны исполнять ихъ, пока не добьемся ихъ отмѣны. «Кто нарушаетъ дурной законъ по своему личному произволу, тотъ даетъ всякому другому право не исполнять хорошихъ законовъ. Гораздо менѣе вреда отъ того, что мы будемъ глупы съ глупцами, нежели отъ того, что мы будемъ умны въ одиночествѣ. Мы можемъ говорить самимъ себѣ и даже громко утверждать, что люди считаютъ постыдными, достойными наказанія и унижительными такія дѣянія, которыя сами по себѣ невинны; но мы должны воздерживаться отъ этихъ дѣяній, потому что стыдъ, наказаніе и униженіе—величайшее несчастіе». Далѣе Дидро говоритъ съ свойственной ему искренностью: «Главнымъ образомъ мы должны быть честны и добросовѣстны въ нашихъ отношеніяхъ къ тому слабому существу, которое, уступая нашимъ желаніямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ того, что всего болѣе цѣнится въ обществѣ». ¹⁾

¹⁾ Oeuvres, II. 249.

Впрочемъ философское содержаніе діалога не дѣлается удовлетво- рительнымъ благодаря всѣмъ этимъ оговоркамъ. Какія бы ни про- изошли съ теченіемъ времени измѣненія въ отношеніяхъ между мужинами и женщинами, мы можемъ быть увѣрены, что эти измѣ- ненія произойдутъ въ такомъ направленіи, которое еще болѣе чѣмъ теперешнія условія брака, отклонится въ сторону отъ всего, что походитъ на натурализмъ Дидро и на теорію школы восемнадцатаго столѣтія. Даже еслибы случилось вѣчто такое, что въ настоящую минуту мало вѣроятно, — если бы понятія о семействѣ и находя- щіяся съ ними въ связи понятія о личной собственности дѣйстви- тельно были замѣнены той формой коммунизма, которую мы видимъ въ *Oneida Creek*ъ, все таки дисциплина половыхъ влеченій при такой системѣ относилась бы къ натурѣ не менѣе а болѣе строго, чѣмъ при учрежденіяхъ, преобладающихъ на западѣ. ¹⁾ Ору былъ бы въ тысячу разъ болѣе несчастливъ среди *Перфекціо- нистовъ*, руководимыхъ г-номъ Нойе, нежели въ Парижѣ или Лон- донѣ. Мы вовсе не намѣрены обсуждать множества важныхъ во- просовъ, относящихся къ этому предмету, но мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Есть причина, почему всякій шагъ впередъ можетъ быть сдѣланъ не иначе какъ съ цѣлью болѣе стро- гаго контроля надъ чувственными влеченіями; эта причина заклю- чается въ томъ, что, какъ видно изъ опыта, положеніе и нрав- ственное достоинство женщины обуславливаются той степенью са- мообладанія, которая проявляется въ мужинѣ. Никто не сомнѣвает- ся въ томъ, что мужина по своимъ инстинктамъ склоненъ къ мно- гоженству. Но отъ того, заглушить-ли въ себѣ мужина эти бродяж- ническіе инстинкты, зависитъ и достоинство женщины, и ея чув- ство самоуваженія, а стало быть и все ея нравственное развитіе. Въ исторіи цивилизации нѣтъ болѣе важной главы чѣмъ та, кото- рая объясняетъ намъ, какъ неистовство этихъ инстинктовъ мало по малу ослаблялось.

Въ этомъ вопросѣ есть еще другая сторона. Домашній очагъ, о которомъ такъ часто толкуютъ сантиментальные философы, нерѣдко бываетъ свидѣтелемъ страшнаго горя. Супружескій союзъ, который такъ нѣженъ и возвышенъ въ своемъ идеалѣ, бываетъ гораздо ча- ще, чѣмъ мы въ этомъ сознаемся, самыми тяжелыми оковами для женщины, и самымъ мучительнымъ, самымъ убійственнымъ и дово- дящимъ до отчаянія бременемъ для мужины. Какъ ни привлекатель-

¹⁾ См. Нордгофа *Коммунистическія общества въ Соединенныхъ Штатахъ* (Лондонъ, Мюррей, 1875), стр. 259—93. Эта серьезная и въ высшей степени поучительная книга объясняетъ намъ, въ какой мѣрѣ доступны измѣненіямъ нѣкоторыя изъ тѣхъ сторонъ человѣческаго характера, которыя обыкновенно считаются окончательно сложившимися и неискоренимыми.

на и какъ ни цѣнна нравственная чистота семьи, однако она де сихъ поръ обезпечивалась лишь благодаря прискорбному существованію громадной толпы отверженныхъ обществомъ женщинъ. Когда мы слышимъ похвалы католицизму за то, что онъ возвысилъ достоинство женщины и семьи, мы могли бы противопоставить принесенной имъ пользѣ страшное размноженіе тѣхъ жалкихъ существъ женскаго пола, на голову которыхъ, какъ на козла отпущенія у евреевъ, мы возлагаемъ отвѣтственность за всѣ безпутства нашихъ сыновей, и которыхъ мы преслѣдуемъ нашими проклятіями.

По этому поводу можно бы было высказать много здравыхъ идей, которыя были бы очень умѣстны при окружающей насъ общественной безнравственности. Но Дидро не оказываетъ намъ въ этомъ содѣйствія. Какая же была бы польза, еслибы взаимное влеченіе лицъ различнаго пола было низведено до своихъ чисто физическихъ началъ, еслибы оно было очищено отъ всѣхъ нравственныхъ идей, которыя мало по малу срослись съ нимъ и приобрѣли такую силу, что у самыхъ высшихъ типовъ человѣческаго рода они нерѣдко отбѣсняють физическаго фактора на второе мѣсто? Такое возвращеніе къ наготѣ дикихъ животныхъ было бы шагомъ назадъ, а не впередъ. Но Дидро преимущественно передъ всѣми другими писателями всегда превозносилъ сладость семейныхъ чувствъ. Никто не понималъ такъ хорошо какъ онъ всю цѣну семейныхъ узъ, когда они скрѣплены сердечной привязанностью. Только въ минуту особаго влеченія къ напыщеннымъ парадоксамъ онъ могъ вложить въ уста одного изъ собесѣдниковъ въ діалогѣ о Бугенвиллѣ слѣдующія мнѣнія: *Постоянство* есть «жалкое самообольщеніе двухъ дѣтей, которыя не знаютъ самихъ себя и которыя до того ослѣплены минутнымъ упоеніемъ, что не примѣчаютъ, какъ все вокругъ нихъ непостоянно»; *Вѣрность* есть «упорство честнаго мужчины и честной женщины и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ кара»; *Ревность*—есть страсть свойственная несчастнымъ людямъ; это—несправедливое чувство въ мужчинѣ, это—результатъ нашихъ фальшивыхъ нравовъ и права собственности, простирающагося на свободныя существа, которыя способны чувствовать, хотѣть и мыслить». ¹⁾

До какой степени реакція противъ преувеличеній аскетической доктрины ослѣпляла людей восемнадцатаго столѣтія видно изъ того факта, что Дидро не замѣчалъ противорѣчія между приведенными софизмами и тѣми семейными добродѣтелями, которыя всегда казались ему столь привлекательными. Странно съ его стороны и непониманіе того, что было бы невозможно возвести постоянство на степень добродѣтели во-первыхъ, еслибы оно не отвѣчало на какой

¹⁾ Oeuvres, II. 243.

нибудь внутренній спросъ человѣческаго сердца и во-вторыхъ, если-бы оно не было пригодно при данныхъ условіяхъ общественной жизни.

Какъ могло случиться, говорить одинъ изъ собесѣдниковъ, что самое сильное, самое сладкое, самое невинное изъ наслажденій обратилось въ самый обильный источникъ разврата и бѣдствій? Дѣйствительно это такой вопросъ, надъ которымъ стоить задуматься. Отвѣчая на него, Дидро опирается на слѣдующіе сравнительно разумные доводы, которые производятъ пріятное впечатлѣніе на читателя, выдвигаясь впередъ вслѣдъ за анархіей господствовавшей въ предшествовавшихъ частяхъ діалога. Упомянутыя вредныя послѣдствія, по словамъ Дидро, были порождены: тиранніей мушны, обратившаго обладаніе женщиной въ собственность; нравами и обычаями, наложившими на супружескій союзъ вовсе ненужныя условія; гражданскими законами, подчинившими заключеніе браковъ исполненію безконечныхъ формальностей; религіозными учрежденіями, давшими названіе пороковъ или добродѣтелей такимъ дѣяніямъ, въ которыхъ нравственность не играетъ никакой роли. Если этими словами Дидро хотѣлъ сказать, что человѣчество будетъ болѣе счастливо, когда положеніе жены по отношенію къ собственности будетъ болѣе независимо, когда общественное мнѣніе будетъ считать разводъ за такую сдѣлку, которая сама по себѣ совершенно естественна и не заслуживаетъ порицанія, а нерѣдко даже не только похвальна, но и обязательна, и когда будетъ отмѣнена та варварская несправедливость и гнусность, которая называется возстановленіемъ супружескихъ правъ,—то авторъ указываетъ именно на то, на что и мы указывали, какъ на предстоящій великій шагъ въ дѣлѣ общаго прогресса. Если же Дидро хотѣлъ сказать, что мы напрасно облакаемъ въ самыя наглядныя, серьезныя и ясно распознаваемыя формальности такой актъ, который ведетъ къ произведенію на свѣтъ человѣческихъ существъ съ неисчислимыми послѣдствіями и для этихъ существъ и для другихъ людей, также какъ они неотвѣтственныхъ за ихъ появленіе на свѣтъ, — то основная мысль автора опрометчиво безнравственна и сверхъ того совершенно несогласна съ болѣе здоровыми идеями, которыя высказывались самимъ Дидро.

ГЛАВА X.

Р о м а н ъ.

Президентъ де-Броссъ, посѣтившій Парижъ въ 1754, непременно хотѣлъ познакомиться съ «неистовымъ метафизикомъ»,—какъ онъ называлъ Дидро. Бюффонъ ввелъ его въ домъ Дидро. «Онъ добрый малый», сказалъ президентъ, «онъ очень пріятель въ обществѣ, очень любезенъ, замѣчательенъ какъ философъ и какъ строгій логикъ, но безпрестанно вовлекается въ отступленія. Вчера въ моей комнатѣ онъ сдѣлалъ двадцать пять отступленій въ промежутокъ времени отъ девяти часовъ до часа.» Точно такъ и критикъ, вознамѣрившійся сдѣлать очеркъ дѣятельности Дидро, долженъ постоянно переходить отъ одного отступленія къ другому съвозъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ отступленіяхъ вы всегда видите личность Дидро съ ея пылкимъ энтузіазмомъ, съ ея искренними симпатіями, съ ея широкимъ умственнымъ гостепріимствомъ. Вы также постоянно видите, что во всѣхъ идеяхъ, системахъ, артистическихъ формахъ онъ ищетъ сложныхъ реальныхъ условій жизни, а къ этимъ реальнымъ условіямъ относится съ сочувственной эмоціей.

Понятно, что авторъ *Клариссы* неизбежно долженъ былъ сдѣлаться идоломъ для Дидро. Духъ реакціи противъ искусственности псевдо-классической драмы, внушившій Дидро желаніе проложить дорогу для драмы изъ реальной жизни средняго сословія, заставилъ его приходить въ восторгъ отъ изобрѣтеннаго Ричардсономъ романа изъ обыкновенной домашней жизни. Что современный намъ романъ зародился въ Англіи—было не простой случайностью, а результатомъ социальныхъ мотивовъ. Новѣйшій романъ по существу своему держится на интересѣ, возбуждаемомъ домашней жизнью обыкновенныхъ мужчинъ и женщинъ. Но такой интересъ былъ возможенъ

лишь при томъ условіи, чтобъ былъ нанесенъ смертельный ударъ духу феодализма и аристократизма, а этотъ переворотъ совершился въ одной Англии и то не вполнѣ. До сихъ поръ въ одной только Англии средній классъ отвоевалъ себѣ такое положеніе, въ которомъ онъ пользуется уваженіемъ, равенствомъ и независимостью. Въ одной только Англии каждый могъ дѣлать изъ своихъ личныхъ способностей такое употребленіе, какое хотѣлъ, и могъ устроить свою судьбу по своему личному усмотрѣнію и желанію. 1) Величайшій изъ преемниковъ Ричардсона въ исторіи англійскихъ произведеній фантазіи подтверждаетъ это объясненіе. «Тому», — говоритъ сэръ Вальтеръ Скоттъ, — «кто съ терпѣніемъ читалъ чушь и громкія фразы въ фоліантахъ Скюдери, не могли наскучить природа, здравый смыслъ и гениальность въ произведеніяхъ Ричардсона». Старые французскіе романы, въ которыхъ Европа находила для себя жалкое развлеченіе, были рассказами о принцахъ и принцессахъ. А въ той странѣ, гдѣ принцы и принцессы впервые утратили свою божественность и стали возводиться въ это званіе парламентскими рѣшеніями, и фантазія писателей, — какъ и слѣдовало ожидать, — впервые стала заимствовать изъ семейной жизни заурядныхъ личностей серьезныя страсти, реальные интересы и всѣ матеріалы, пригодныя для паэоса и для трагедіи. Правда, авторъ *Маріанны* — Мариво принадлежалъ къ школѣ Ричардсона въ то время, когда Ричардсонъ еще не написалъ ни одной строчки. Но это было изолированное явленіе, а не начало новаго направленія. Начало новой эры ознаменовалось популярностью Ричардсона. Когда вся Англія стала приходить въ восторгъ отъ испытаній, добродѣтелей и торжества простой крестьянки, это было сигналомъ столько же для великаго соціального, сколько для великаго литературнаго переворота.

Въ литературныхъ кружкахъ Франціи энтузіазмъ къ Ричардсону былъ почти такъ же великъ, какъ въ Англии. Въ первой изъ этихъ двухъ странъ онъ былъ однимъ изъ признаковъ приближенія того перехода, который уже совершился въ Англии, — а именно перехода отъ феодализма къ промышленной демократіи. Иные пожалуй назовутъ парадоксальнымъ мнѣніе, что страсть къ Ричардсону была символомъ того, что люди вполнѣ прониклись духомъ политическаго переворота. Однако это мнѣніе вѣрно. Вольтеръ возставалъ противъ суевѣрій и тиранніи церкви, но онъ никогда не отбрасывалъ отъ себя монархическихъ традицій своей юности; онъ всегда былъ въ дружбѣ съ высшимъ дворянствомъ; онъ не сознавалъ необходимости соціального переворота и не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ

1) *Исторія Литературы* Геттнера, I, 462.

нему. Вотъ что онъ сказалъ о *Клариссъ*: «Для такого чело-
вѣка какъ я очень тяжело прочесть цѣлыхъ девять томовъ, въ
которыхъ не найдешь ровно ничего. Я говорю, что если бы даже
всѣ эти люди были мои родственники и друзья, я не могъ бы при-
нимать въ нихъ участія. Я вижу въ авторѣ лишь ловкаго чело-
вѣка, который знаетъ какъ любопытенъ человѣческой родъ и по-
стоянно въ каждомъ волюмѣ что нибудь общаетъ читателямъ съ
цѣлю скорѣе распродать свою книгу». Точно такъ же и по тѣмъ
же самымъ причинамъ ему всегда былъ непонятенъ энтузіазмъ къ
Новой Элоизѣ, этому замѣчательнѣйшему изъ всѣхъ романовъ, на-
писанныхъ по образцу, созданному Ричардсономъ. Онъ не имѣлъ ни-
какого понятія о тѣхъ странныхъ соціальныхъ стремленіяхъ, кото-
торыя молчаливо гнѣздились въ глубинѣ души его современниковъ.
Дидро былъ полусознательнымъ оракуломъ и непризнаннымъ проро-
комъ этихъ стремленій во всей ихъ глубинѣ и во всемъ ихъ зна-
ченіи,—и это не было съ его стороны дѣломъ обдуманнаго фило-
софскаго разчета, а было результатомъ неподдѣльнаго импульса,
исходившаго изъ его генія и темперамента. Онъ не былъ созна-
тельнымъ политическимъ преобразователемъ, но его душа была открыта
для всѣхъ чувствъ, для всѣхъ идеаловъ семейной жизни и для
всѣхъ естественныхъ привязанностей, которыя не могли уживаться
съ старыми феодальными узами и быстро подготовляли соціальныи
кризисъ. Такимъ образомъ, его энтузіазмъ къ Ричардсону былъ въ
своемъ корнѣ лишь другой стороной той любви къ мирной трудо-
любивой жизни, которая была самой благородной отличительной
чертой Энциклопедии.

Дидро выразилъ этотъ энтузіазмъ на пол-дюжинѣ страницъ, ко-
торыя принадлежатъ къ числу образцовыхъ его произведеній. Ри-
чардсонъ умеръ въ 1761 и Дидро написалъ въ память о немъ
статью, въ которой нѣтъ ни порядка, ни послѣдовательности; но
именно благодаря этимъ недостаткамъ она была, по его собствен-
ному выраженію, отголоскомъ той сумятицы, которая происходила
въ его душѣ. Въ этомъ случаѣ онъ по истинѣ выказалъ себя до-
стойнымъ похвальнаго отзыва Теофиля Готье, и былъ такъ «flam-
boyant» какъ только можно желать. Чтобъ понять ходъ идей во
французской литературѣ и чтобъ измѣрить успѣхи сдѣланные фран-
цузской критикой, нужно только сравнить панегирикъ Ричардсону,
написанный Дидро, съ панегирикомъ Данжо или Лейбницу, напи-
саннымъ Фонтенелемъ. Преувеличенность выраженій, невоздержность
чувствъ и отрывочность возгласовъ придаютъ панегирику Дидро не-
приятный тонъ декламации. Многіе изъ насъ предпочли бы умѣрен-
ность, утонченность, и пріятную разборчивость критиковъ изъ про-
тивоположной школы. Тѣмъ не менѣе мы доказали бы узкость на-

шого взгляда и нашу недалковидность, еслибы подь этимъ изобиліемъ яркихъ красокъ мы не примѣтили искренности автора, его внутренняго возбужденія и настоящаго смысла его словъ.

„О Ричардсонъ, Ричардсонъ,—человѣкъ единственный въ моихъ глазахъ, ты во всякое время будешь моимъ любимымъ чтеніемъ! Если меня будетъ тяготить нужда, если кто нибудь изъ моихъ друзей впадетъ въ нищету, если мои скромныя средства окажутся недостаточными для того, чтобъ дать моимъ дѣтямъ приличное образованіе, я продамъ мои книги, но ты останешься со мною, ты останешься на одной полкѣ съ Моисеемъ, Гомеромъ, Еврипидомъ, и Софокломъ!...

„О Ричардсонъ, я позволю себѣ сказать, что самая достовѣрная изъ исторій наполнена вымыслами, а твои романы полны истины. Исторія изображаетъ нѣсколькихъ индивидуумовъ, а ты изображаешь человѣческой родъ; исторія приписываетъ нѣсколькимъ индивидуумамъ то, чего они не говорили и не дѣлали, а все, что ты приписываешь человѣку, онъ и говорилъ и дѣлалъ... Я осмѣлюсь сказать, что исторія нерѣдко бываетъ похожа на дурной романъ, а романъ въ томъ видѣ, какъ ты его создалъ, есть хорошая исторія. О живописецъ природы! ты тотъ, кто никогда не лжетъ!“

„Вы обвиняете Ричардсона въ растянутости! Значить, вы забыли, какъ много нужно заботъ, хлопотъ и усилій, чтобъ съ успѣхомъ довести до конца самое скромное предпріятіе, чтобъ окончить процессъ, устроить бракосочетаніе, примирить поссорившихся. Вы можете думать объ этихъ подробностяхъ все что вамъ угодно, но для меня онъ всегда будутъ интересны, если онъ истинны, если онъ вызываютъ наружу страсти, если онъ изображаютъ характеры. Вы говорите что онъ постоянно повторяются и что ихъ можно видѣть каждый день! Вы ошибаетесь; это именно то, что происходитъ каждый день передъ вашими глазами, но чего вы никогда не примѣчаете.“

Въ романѣ Ричардсона, говоритъ онъ, точно такъ какъ и въ свѣтѣ, люди дѣлятся на два класса,—на тѣхъ, кто блаженствуетъ, и на тѣхъ, кто страдаетъ, но на этихъ послѣднихъ Ричардсонъ всегда сосредоточиваетъ вниманіе читателя. Я обязанъ Ричардсону,—восклицаетъ онъ,—тѣмъ, что «я сталъ сильнѣе любить моихъ собратьевъ и охотнѣе исполнять мои обязанности, что дурные люди никогда не возбуждали во мнѣ инаго чувства кромѣ жалости, что я сталъ питать болѣе глубокое состраданіе къ несчастнымъ и болѣе уваженія къ добрымъ людямъ, что я сталъ болѣе воздерженъ въ пользованіи тѣмъ что имѣю и болѣе равнодушенъ къ тому что будетъ, что я сталъ болѣе прежняго пренебрегать жизнію и любить добродѣтель.» Произведенія Ричардсона были для него прѣбнымъ камнемъ; кто не восхищался ими, тотъ, по его мнѣнію, былъ отпѣтый человѣкъ. Однако, не смотря на свой безграничный восторгъ,

Дидро сознавался, что число читателей, которые будутъ въ состояніи оцѣнить всѣ достоинства этихъ произведеній, никогда не будетъ велико, такъ какъ для этого нуженъ слишкомъ строгій вкусъ, а также потому, что тамъ событія слишкомъ разнообразны, взаимныя отношенія слишкомъ запутаны, ихъ развитіе слишкомъ сложно, многое искусственно прилажено, и слишкомъ много дѣйствующихъ лицъ! «О Ричардсонъ, хотя въ теченіи твоей жизни ты не пользовался той славой, которой ты достоинъ, какъ будешь ты великъ въ глазахъ нашихъ внуковъ, когда они будутъ смотрѣть на тебя на такомъ же разстояніи, на какомъ мы смотримъ теперь на Гомера! У кого найдется тогда достаточно смѣлости, чтобъ выбросить хоть одну строчку изъ твоего великаго произведенія?» ¹⁾ Однако изъ числа немногихъ людей нашего времени, читавшихъ *Клариссу*, большинство познакомилось съ этимъ романомъ изъ сокращеннаго его изданія въ трехъ томахъ, появившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Докторъ Джонсонъ сдѣлалъ очень вѣрную критическую оцѣнку этого романа въ отвѣтъ на чье то замѣчаніе, что Ричардсонъ утомителенъ. «Если вы будете читать Ричардсона», сказалъ онъ, — «ради интереса разсказа, ваше нетерпѣніе дойдетъ до того, что вы будете готовы повѣситься; но вы должны читать его ради описанныхъ въ немъ чувствъ и должны видѣть въ разсказѣ лишь поводъ для описанія чувствъ». Именно такъ и поступали всѣ въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, — и самъ Дидро и парижане. Ихъ трогали и восхищали въ *Клариссѣ* чувства, точно такъ же какъ чувства были причиной успѣха написаннаго на ихъ собственномъ языкѣ великаго романа, который былъ внушенъ *Клариссой*, и однакожь былъ такъ съ нею несохожъ. Руссо вложилъ въ *Новую Элоизу* такую пламенную страстность, къ какой былъ неспособенъ лондонскій писатель, и прибавилъ къ этому такую красоту окружающаго ландшафта и такое сильное увлеченіе картинами дикой природы, которыя не имѣли никакого сходства съ впечатлѣніями, производимыми на читателя описаніемъ внутренности дома въ Гампштедѣ и тамошней аллеи. Но и въ томъ и въ другомъ романѣ было одно и тоже чувство, одно и тоже обожаніе *прекрасной души*; именно эта *belle âme* и очаровывала то странное общество, въ которомъ неумолимая логика и сухая антирелигіозная діалектика шли рука объ руку съ самой нѣжной и восторженной чувствительностью. ²⁾ Странно, что Дидро ничего не говоритъ о знаменитомъ

¹⁾ *Eloge de Richardson*, V. 212—227.

²⁾ Отъ выраженія *belle âme* произошло выраженіе *Schöne Seele*, играющее такую роль въ немецкой литературѣ и жизни. Читатель найдетъ

романъ Руссо; мы можемъ объяснить это умолчаніе только тѣмъ, что Дидро относился съ презрѣніемъ къ личной нравственной испорченности и къ кажущейся неискренности автора *Новой Элоизы*.

И самъ Дидро написалъ романъ, изъ котораго видно, что на него повліялъ Ричардсоновъ мелочной реализмъ и плаксивый паеосъ. *Монахиня* (*La Religieuse*) вышла въ свѣтъ лишь въ 1796, — черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти ея автора. Впослѣдствіи она была воспроизведена въ безчисленномъ множествѣ изданій во Франціи и въ Бельгіи и была переведена на англійскій, испанскій и нѣмецкій языки. Она попала въ тонъ господствовавшего въ ту пору въ умахъ негодованія на нѣкоторые вредные для общества обычаи католической церкви. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что отвратительное изображеніе безнравственной игуменьи имѣло также нѣкоторую долю вліянія на то, что романъ былъ привлекателенъ для публики.

До какой степени мечтательность и небрежность были въ характерѣ Дидро, до какой степени онъ интересовался дѣломъ ради самого дѣла и былъ равнодушенъ къ тому, что скажутъ, видно изъ того, что его романъ, подобно многимъ другимъ его сочиненіямъ, не выходилъ изъ ящика его письменнаго стола или по большей мѣрѣ тайно ходилъ по рукамъ между тремя или четырьмя самыми близкими его друзьями. Онъ былъ написанъ около 1760 г. и нѣкоторые остроумные историки усмотрѣли въ немъ сигналъ для великаго крестоваго похода противъ церкви. А на самомъ дѣлѣ это произведеніе имѣло чисто приватный характеръ и не могло служить сигналомъ для какого либо народнаго движенія. *La Religieuse* бесспорно была выраженіемъ отвращенія, которое питала школа Энциклопедистовъ къ безбрачію, къ отреченію отъ свѣта и къ тому, что мужчины и женщины заживо погребали себя въ монастыряхъ.

Обстоятельства, при которыхъ былъ написанъ этотъ рассказъ, стоятъ того, чтобъ мы сказали о нихъ нѣсколько словъ. Въ числѣ друзей г-жи Эпине, Гримма и Дидро былъ нѣкій маркизь де-Круамаръ. Онъ удалился изъ этого кружка и поселился въ своемъ имѣніи въ Нормандіи. Одному изъ покинутыхъ имъ друзей пришла въ голову мысль прибѣгнуть къ забавной хитрости, чтобы заставить его возвратиться въ Парижъ, — именно: увѣрить его, что одна особа женскаго пола заперта противъ своей воли въ монастырѣ и чтобъ спастись оттуда обращается за помощью къ маркизу де-Круамару, мужество и великодушіе котораго всѣмъ извѣстны. Одно приключеніе, случившееся не задолго передъ тѣмъ съ маркизомъ, внушило этотъ планъ дѣйствія и заставляло предполагать, что обманъ удастся.

Дидро сочинилъ письмо отъ воображаемой монахини и заговорщици очень смѣялись, читая письма, присланныя въ отвѣтъ благороднымъ и ничего не подозрѣвавшимъ маркизомъ. Наконецъ маркизь до такой степени заинтересовался монахиней, что было рѣшено не мучить его долѣе и извѣстить, что монахиня умерла. Когда маркизь возвратился въ Парижъ, ему признались, что онъ былъ жертвой мистификаци; онъ смѣялся надъ этой шуткой и дружба его къ членамъ кружка по видимому стала еще болѣе прочной благодаря общей всѣмъ имъ печали о судьбѣ умершей сестры. Но Дидро попался въ разставленную имъ самимъ западню. Его воображеніе, которое онъ расшевелилъ ради шутки, не могло оторваться отъ личности и положенія несчастной монахини. Однажды, когда онъ работалъ надъ этимъ разсказомъ, одинъ изъ его пріятелей, пришедши навѣстить его, засталъ его грустнымъ и въ слезахъ. «Что съ вами случилось?» воскликнулъ пріятель. «Ничего не случилось,» отвѣчалъ Дидро дрожащимъ голосомъ; «я разстроены той исторіей, которую описываю!» Эта способность интересоваться воображаемыми личностями такъ, какъ мы интересуемся самыми близкими друзьями живущими въ близкомъ отъ насъ сосѣдствѣ; усилилась въ немъ благодаря чтенію Ричардсона. Если бы его знакомые, замѣтивъ на его лицѣ признаки безпокойства и заботливости, спросили его, не боленъ ли онъ или не случилось ли какого нибудь несчастія съ его друзьями, съ его семействомъ, съ его денежными дѣлами, «О друзья мои», отвѣтилъ бы онъ, «вѣдь, Памела, Клариса, Грандисонъ...!» Когда онъ впадалъ въ такое мечтательное настроеніе, онъ на самомъ дѣлѣ жилъ не въ улицѣ Тараннь, а въ той сферѣ, гдѣ жили названные герои романовъ. А когда онъ писалъ *La Religieuse* и сестра Сюзанна и сестра Тереза, и игуменья въ Лоншанѣ и вѣтреная игуменья въ Сенъ-Евтропѣ были въ его глазахъ живыми существами, точно такъ же какъ Кларисса была живымъ существомъ для тѣхъ корресподентовъ, которые упрашивали Ричардсона пощадить ея честь, не доводить ее до смерти, заставить Ловеласа жениться на ней или никоимъ образомъ не позволять Ловеласу сдѣлаться ея мужемъ.

Монахиня—это исторія одной молодой женщины, которую родные заставили вступить въ монастырь и которая описываетъ—съ такой энергіей и съ такой реальностью, какія едва ли можно найти въ другихъ произведеніяхъ Дидро,—отвратительныя стороны монастырской жизни и различныя типы суевѣрія, тиранніи и безнравственности, порождаемые монашеской жизнью. Однако у Дидро было такъ много генія, что онъ не былъ способенъ впасть въ преувеличенія, свойственныя болѣе вульгарнымъ писателямъ, нападавшимъ на мужскіе и женскіе монастыри. Если онъ и началъ писать свой романъ съ цѣлію напасть на вредную и основанную на суевѣріи систему,

которая уродовала человѣческую жизнь, все таки не подлежитъ сомнѣнію, что онъ продолжалъ писать только потому, что заинтересовался созданными имъ личностями. Дидро сдѣлался социальнымъ реформаторомъ случайно, а по своимъ впечатлѣніямъ онъ былъ настоящий ученый моралистъ, проникнутый духомъ наблюдательности и изслѣдованій на опытѣ; онъ не останавливался ни передъ какимъ разоблаченіемъ истины, и не находилъ въ человѣческой патологіи ничего столь отталкивающего, что могло бы заставить его отказаться отъ изслѣдованія. Впрочемъ въ *Монахинь* вовсе нѣтъ искусственныхъ бурныхъ сценъ, встрѣчающихся у писателей новѣйшей французской школы, которая любитъ нравственные болѣзни ради ихъ самихъ. Въ дѣйствіи у него нѣтъ ничего невозможнаго, и всѣ типы достаточно человѣчны и правдоподобны. Рѣзкіе реалистическіе штрихи происходятъ отъ сильной иллюзіи самого автора и естественно сообщаютъ уму читателя нѣкоторую долю той же самой иллюзіи.

Теченіе жизни въ этихъ оригинальныхъ обществахъ изображено вполне вѣрно съ своей скукой, съ своими мелочными заботами, съ своей постоянной ходьбой взадъ и впередъ, съ своими раздорами, и съ своимъ чисто механическимъ исполненіемъ всего, что относится къ сферѣ духовной.

Первыя минуты прошли во взаимныхъ любезностяхъ, въ вопросахъ о домѣ, который я покинула, въ стараніяхъ узнать мой характеръ, мои наклонности, мои вкусы и мои умственные способности; васъ изслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ; это—дѣлій рядъ маленькихъ ловушекъ, которыя разставляютъ передъ вами и при помощи которыхъ дѣлаютъ самые основательные выводы. Напримѣръ, скажутъ какое нибудь не совсѣмъ приличное слово и смотрятъ на васъ; начнутъ рассказывать какую нибудь исторію и ждуть, будете ли вы просить продолженія разсказа, или останетесь равнодушны; если вы выскажете какую нибудь самую простую мысль, ее найдутъ прелестной, хотя и очень хорошо знаютъ, что она не стоитъ такой похвалы; васъ хвалятъ или хулятъ съ задней мыслию; стараются добраться до вашихъ самыхъ сокровенныхъ мыслей; васъ спрашиваютъ, что вы читали; вамъ предлагаютъ книги и священнаго и мірскаго содержанія и наблюдаютъ, что вы выберете; васъ вовлекаютъ въ легкія нарушенія установленныхъ правилъ; васъ посвящаютъ въ тайны и слегка намекаютъ на слабости настоятельницы; всякое ваше слово запоминается и пересказывается; то оставляютъ васъ въ покоѣ, то снова ищутъ вашего общества; стараются разузнать, что вы думаете о нравственности, о благочестіи, о свѣтѣ, о религіи, о монашеской жизни, однимъ словомъ обо всемъ. Въ результатѣ этихъ безпрестанно возобновляемыхъ изслѣдованій является эпитетъ, который характеризуетъ васъ и который прибавляютъ

въ видѣ прозвища къ тому имени, которое вы носите; такъ напри-
мѣръ меня прозвали святой Сюзанной Сдержанной¹⁾.

Всѣ эти личности кажутся читателю живыми. Самая выдающаяся между ними безспорно та, которая самая неприятная, самая отвратительная и пожалуй даже самая гнусная. Мы выносимъ ее только по неволѣ, точно такъ какъ при посѣщеніи больницы для умалишенныхъ мы по неволѣ проходимъ черезъ комнату, гдѣ помѣщаются страждущіе падучей болѣзнью. Она внушаетъ вамъ страхъ, она наводитъ на васъ ужасъ, она преслѣдуетъ васъ и днемъ и ночью, она оставляетъ что то въ родѣ грязнаго пятна на вашей памяти. Человѣку здоровому, человѣку нравственно чистому, человѣку мало размышляющему никогда и не снилось, что могутъ существовать такіе характеры. Этотъ портретъ—не произведеніе искусства, а копія съ природы; но онъ—плодъ знанія, и это освобождаетъ критика отъ необходимости отыскивать въ своемъ словарѣ высокопарныя выраженія для порицанія его нравственныхъ сторонъ. Впрочемъ все равно, будь это произведеніе искусства, или плодъ знанія, нельзя не задаться вопросомъ, почему Дидро взялся за такую тяжелую работу. На это есть только одинъ отвѣтъ: потому что для его любознательнаго ума были неотразимо привлекательны порочныя стороны человѣческой природы,—тѣ самыя постыдныя ея стороны, которыя устояли въ нѣкоторыхъ характерахъ противъ давленія, сглаживавшаго ихъ въ цивилизованныхъ обществахъ въ теченіи многихъ поколѣній. Весь рассказъ обнаруживаетъ даровитость автора; въ немъ много фразъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ гениальности; а благодаря сдержанной горячности онъ кажется еще болѣе энергичнымъ. Но въ немъ, къ сожалѣнію, нѣтъ элементовъ нѣжности, красоты и симпатіи. Если кому случится на секунду заинтересоваться имъ, тотъ не оторвется отъ него; но никто не пожелаетъ его перечестъ и не будетъ имѣть къ нему сочувствія.

Если Ричардсонъ создалъ цѣлую школу во Франціи, то Стернь создалъ другую школу. Самъ авторъ *Тристрама Шэнди* былъ ничѣмъ инымъ какъ послѣдователемъ одного изъ величайшихъ французскихъ самобытныхъ писателей,—и при томъ послѣдователемъ послѣ большаго промежутка времени. Даже тѣ, которые всего болѣе восхищаются «игривостью, пріятностью и фантастичностью произведеній, написанныхъ въ одномъ жанрѣ съ Тристрамомъ Шэнди», не могутъ не сознаться, что произведенія Рабелэ гораздо выше плодovitостью идей, силой, разнообразіемъ нелѣпныхъ выдумокъ, живостью красокъ и богатствомъ содержанія. Однако они могутъ съ основаніемъ утвер-

¹⁾ La Religieuse. Oeuv. V. 110.

ждать, что у Стерна были другія менѣ крупныя достоинства, — а именно простота, нѣжность, ясность и изящество. Именно эти-то качества и пришлись французамъ по-вкусу. Стернь посѣтилъ Парижъ въ 1762; онъ нашолъ, что *Тристрамъ Шэнди* былъ тамъ такъ же хорошо извѣстенъ какъ въ Лондонѣ и тотчасъ былъ заваленъ приглашеніями на обѣды и ужины. Между прочимъ онъ бывалъ на обѣдахъ и ужинахъ у Гольбаха; тамъ онъ познакомился съ Дидро и вѣроятно тамъ-же пришелъ къ убѣжденію, что «хотя французы много шумятъ по поводу слово *чувство*, но не имѣютъ яснаго понятія о томъ, что оно значить» ¹⁾. *Сантиментальная поѣздка по Франціи и Италіи* вышла въ свѣтъ въ 1768 и была тотчасъ признана критиками обѣихъ странъ за неподражаемое произведеніе. Въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что французамъ восемнадцатаго столѣтія пришелся по-сердцу очеркъ, который былъ написанъ такимъ изящнымъ языкомъ, и въ которомъ сверхъ того было столько добродушія, простоты, гуманности и нѣжности чувствъ. «Я писалъ его», — сказалъ Стернь, — «съ цѣлію внушить людямъ болѣе сильную любовь къ свѣту и къ ихъ собратьямъ, оттого-то онъ и вертится на такихъ нѣжныхъ чувствахъ и привязанностяхъ, которыя способствуютъ усиленію этой любви» ²⁾. Это направленіе вполне согласовалось съ господствовавшими въ Парижѣ вкусами и въ особенности съ личными чувствами самого Дидро. Во Франціи было много подражаній *Сантиментальной поѣздкѣ* ³⁾, но изъ нихъ только одно не умерло въ общемъ мнѣніи, — если дѣйствительно можно сказать, что оно не умерло подобно всѣмъ другимъ, — а именно произведеніе Дидро *Jacques le Fataliste*.

Этотъ романъ былъ написанъ, какъ кажется, около того времени (1773), когда Дидро предпринялъ поѣздку въ Голландію и въ С. Петербургъ, о которой мы будемъ говорить подробно въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Его исторія почти такая же странная, какъ и исторія *Племянника г-на Рамо*. Одинъ изъ современниковъ Дидро говоритъ о нѣсколькихъ копіяхъ, находившихся въ различныхъ частяхъ Германіи и мы можемъ предположить, что эти копіи проникли туда отъ друзей, которыхъ приобрѣлъ себѣ въ Голландіи Дидро, а нѣкоторыя изъ нихъ безъ сомнѣнія послалъ туда Гриммъ своимъ подписчикамъ. Первый отрывокъ этого романа, появившійся въ печати, былъ переводъ одного изъ самыхъ выдающихся въ немъ эпизодовъ, сдѣланный въ 1785 г. Шиллеромъ. Это служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ лучшіе умы Германіи спѣшили изучать

¹⁾ Письма Стерна 23 мая 1765.

²⁾ 12 нояб. 1767.

³⁾ Напримѣръ *Le Voyageur Sentimental* Верна (Гримма Corr. Lit. XIII. 227).

и распространять самые оригинальные продукты французской интеллигенции и французской неустрашимости. Дидро вмѣстѣ съ Руссо, а также вмѣстѣ съ Ричардсономъ, Стерномъ и Гольдсмитомъ, стоялъ въ передовыхъ рядахъ тѣхъ, кто раздулъ въ Германіи пламя сентиментализма и въ хорошихъ и въ дурныхъ его формахъ. Именно въ Германіи появился въ печати въ 1792 г. первый полный текстъ всего романа *Jacques le Fataliste*. Только черезъ четыре года послѣ того французы достали копію съ оригинала. Они были этимъ обязаны великодушію принца Генриха Прусскаго, брата Фридриха Великаго; онъ подарилъ эту копію *Институту*.

«Здѣсь ходить по рукамъ», — писалъ Гёте въ 1780, въ то время какъ Дидро еще былъ живъ, — «рукопись Дидро, озаглавленная *Jacques le Fataliste et son Maître*, которая по истинѣ первоклассное произведеніе; это — очень тонкое и изящное кушанье, приготовленное и положенное на блюдо съ большимъ искусствомъ, точно будто оно предназначено для какого нибудь идола. Я самъ занялъ мѣсто этого идола и въ теченіи шести часовъ безъ перерыва глоталъ всё кушанья въ томъ порядкѣ и согласно съ тѣми цѣлями, какія указалъ этотъ превосходный поваръ и *maître d'hôtel*» ¹⁾. Далѣе Гёте говорить, что когда приходившіе къ нему читали этотъ романъ, однимъ нравился въ немъ всего болѣе одинъ рассказъ, а другимъ — другой. Вообще мы склонны думать, что между современными намъ читателями не много найдется такихъ, у которыхъ аппетитъ такъ же неразборчивъ, какъ у Гёте. Читая этотъ романъ, невольно вспоминаешь о блестящемъ, неистощимомъ остроуміи, о живости и лукавой заманчивости *Кандида*, и жалѣешь, что у автора нѣтъ той непринужденности, той простоты и той легкости штриха, которыми отличается *Сантиментальная поѣздка*. У Дидро была нѣмецкая тяжеловатость. Можетъ быть это происходило отъ того, что у него было слишкомъ много честности и что онъ, вдумываясь слишкомъ глубоко, чувствовалъ на себѣ тяжелое бремя мировыхъ проблемъ. Онъ не былъ въ состояніи достаточно эманципироваться отъ волненія, въ которое вовлекался своими собственными симпатіями. При чтеніи иныхъ страницъ романа *Jacques le Fataliste* и другихъ его произведеній, намъ невольно приходитъ на память собственное утвержденіе ихъ автора, что избытокъ чувствительности дѣлаетъ посредственнаго актера. То же правило вполне примѣнимо и къ артистамъ. Дидро никогда не писалъ такъ, чтобъ можно было считать его умъ вполне свободнымъ — и можетъ быть дѣйствительно его умъ никогда не былъ свободенъ. Для того, чтобъ мы находили наслажденіе въ подобной смѣлой выставкѣ всего, что

¹⁾ Цитировано у Розенкранца, II. 326.

странно и фантастично, и въ подобномъ пренебреженіи ко всему, что здраво, послѣдовательно и рационально, надо чтобъ мы не чувствовали никакого стѣсненія, надо чтобъ мы не сознавали даже возможности того, чтобъ автору указаны были какія либо границы или чтобъ на него была наложена сдерживающая узда. Надо, чтобъ читателю казалось, что напитокъ, который онъ пьетъ, течетъ изъ неистощимаго источника неудержимаго смѣха, ироніи и причудливости. Цѣльность ироническихъ выходовъ есть такое рѣдкое искусство, что въ исторіи литературы едва ли найдется пол-дюжины писателей, обладавшихъ имъ вполне, — едва ли найдется кто нибудь кромѣ Аристофана, Рабелэ и Шекспира. Какъ ни превосходно написанъ *Кандидъ*, въ немъ нерѣдко проглядываетъ чувство злобы и какъ ни превосходно написанъ *Тристрамъ Шэнди*, въ немъ все таки есть проблески самосознанія; но ни злоба, ни самосознаніе не принадлежатъ къ числу главныхъ боговъ шутовой ироніи. У Сервантеса и Мольера, этихъ великихъ геніевъ самого тонкаго закала, вовсе нѣтъ смѣлаго шутинства такихъ сценъ, какъ сцена между принцемъ Генрихомъ и зубнымъ врачомъ или какъ нелѣпныя сумасбродства *Веселыхъ виндзорскихъ женщинъ*; у нихъ еще менѣе того бѣшенаго сумасбродства, которое находимъ въ комедіи *Птицы* или въ комедіи *Миръ*. Они пишутъ совсѣмъ не въ томъ тонѣ, въ какомъ былъ описанъ Пантагрюэль. Слѣдуетъ также замѣтить, что большинство критиковъ вѣроятно найдеть, что въ произведеніяхъ Свифта замѣтно то скрытое, то явное ожесточеніе, которое лишаетъ его права стоять въ рядахъ великихъ мастеровъ вольной ничѣмъ не стѣсняемой фарсы. А Дидро, во всякомъ случаѣ, долженъ быть причисленъ ко второму разряду тѣхъ, кто пытался установить мѣру для причудливыхъ зигзаговъ буфонады. Искренній сентименталистъ не способенъ предаваться дикому разгулу своей фантазіи.

Мы уже замѣтили, что Дидро подражалъ двумъ знаменитымъ англійскимъ писателямъ, — и это замѣчаніе въ нѣкоторомъ смыслѣ вполне вѣрно. Въ романѣ *Jacques le Fataliste* цѣлыя сентенціи выписаны слово въ слово изъ *Тристрама Шэнди*. Однако слово подражаніе не вполне отвѣчаетъ тому способу, которымъ Дидро обнаруживалъ впечатлѣніе, произведенное на него какимъ либо писателемъ. *Монахиня* не была бы написана, если бы не было Ричардсона, и *Jacques le Fataliste* не былъ бы написанъ, еслибы не было Стерна; тѣмъ не менѣе романъ Дидро не имѣетъ существеннаго сходства съ романами этихъ двухъ знаменитыхъ его современниковъ. Они навели его на мысль о способѣ изложенія и внушили ему то чувство, которое послужило для него точкой отправленія, а онъ вдумывался во все это до тѣхъ поръ, пока изъ

сгустившагося тумана его фантазіи не стали показываться фигуры его собственнаго созданія и пока онѣ не стали двигаться въ томъ направленіи, которое было указано имъ самимъ. Точно такимъ путемъ онѣ подражали Гольдони, когда писалъ *Незаконнаго Сына*. Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что ничто прошедшее сквозь его умъ не приобрѣтало отпечатка веселости. Въ немъ была такъ сильна склонность къ роли проповѣдника, что онъ не могъ быть настоящимъ юмористомъ.

Въ романѣ *Jacques le Fataliste* вовсе не замѣтно того дара истиннаго творчества, который создалъ такія личности, какъ Тримъ, какъ дядя Тоби, какъ Шэнди. Хозяинъ Жака ничто иное какъ манекенъ, а самъ Жакъ, однообразно начинающій всякій разговоръ фразой «*Il était écrit là haut*, не похожъ на реальную личность; у него вовсе нѣтъ той естественности, которая такъ привлекательна въ капралѣ Тримѣ; въ немъ еще труднѣе отыскать какую либо черту того глубокаго юмора, которымъ отличался безсмертный Санхо. Этотъ романъ есть рядъ рассказовъ, а вовсе не та изящная смѣсь паэоса, пріятной ироніи и непринужденнаго буфонства, которую находимъ у Стерна; а самые рассказы большею частію или пошлы или непристойны. Между ними есть только одно исключеніе. Самый длинный и самый обработанный изъ нихъ, — тотъ самый, который былъ переведенъ Шиллеромъ, — скорѣе похожъ на одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ рассказовъ, нежели на какое либо произведеніе восемнадцатаго столѣтія. Въ описаніи похожденій г-жи де-Поммерэ и маркиза д'Арсі есть грубые зачатки того жанра, который довели до совершенства Федо и Флорберъ. Маркизъ былъ любовникомъ г-жи де-Поммерэ; она надоѣла ему и скоро имѣла случай убѣдиться въ этой горькой истинѣ. Поворность своей судьбѣ не была въ числѣ ея добродѣтелей; отъ гнѣва и отъ тоски она придумала сложный планъ отмщенія, который и привела въ исполненіе съ замѣчательными упорствомъ и смѣлостью. Этотъ планъ заключался въ томъ, чтобъ съ помощью искусныхъ подстрекательствъ склонить его къ вступленію въ бракъ съ такой женщиной, которую онъ считалъ ангеломъ невинности; а на другой день послѣ его свадьбы г-жа де-Поммерэ съ торжествомъ доказала ему, что онъ женился на такой особѣ, прошедшая жизнь которой была открыто распутная. Эта грустная исторія, изъ которой Балзакъ сдѣлалъ бы образцовое произведеніе, рассказана довольно завлекательно, а юмористическая сторона разсказа скучна менѣе обыкновеннаго. Въ этомъ разсказѣ по крайней мѣрѣ есть смыслъ, есть цѣль, есть особый характеръ. Нельзя сказать, чтобъ это была путаница безъ всякаго аромата и безъ соли, и нельзя сказать чтобъ здѣсь была такая же прогорѣлость и такая же грубоватость, какъ на поло-

внѣ страницъ романа. Дидро дѣлаетъ предположеніе, что кто то обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Вашъ Жакъ ничто иное какъ безвкусный наборъ фактовъ, частію реальныхъ, частію вымышленныхъ, изложенныхъ безъ всякаго изящества, и разбросанныхъ безъ всякаго порядка. Какимъ образомъ человекъ съ умомъ и правилами, гордящійся своей философіей, можетъ находить удовольствіе въ придумываніи такихъ сальныхъ исторій?»¹⁾ Это именно тотъ вопросъ, который должна дѣлать новѣйшая критика. У Рабелэ по меньшей мѣрѣ есть могучій смѣхъ; у Монтэня, когда онъ беретъ за подобные сюжеты, есть наивность. А Дидро точно будто даже самъ не находилъ удовольствія въ описываемыхъ имъ грубыхъ сценахъ; эти сцены не имѣютъ даже того плохаго оправданія, что онѣ писались по вдохновенію и выливались изъ полноты сердца автора. «Читатель», — говоритъ онъ, — «я забавляюсь описывая совершаемые вами безразсудства; ваши безразсудства возбуждаютъ во мнѣ смѣхъ, а моя книга вліяетъ на ваше расположеніе духа. Говоря откровенно, я полагаю что изъ насъ двоихъ не я — самый порочный человекъ». Къ несчастію онъ не производитъ веселаго впечатлѣнія на своихъ читателей, и если его книга вліяетъ на наше расположеніе духа, она вліяетъ не сатирой на человѣчскій родъ, а отсутствіемъ мѣткости и отсутствіемъ какъ нравственнаго такъ и эстетическаго смысла. Немногіе мастера этого жанра умѣли соединять разнородные элементы въ одно цѣлое, если не благодаря какой нибудь глубоко положенной въ основу мысли, то по меньшей мѣрѣ благодаря постоянному приливу нѣжной чувствительности. Но въ романѣ *Jacques le Fataliste* нѣтъ ни того ни другаго.

Критикъ, отзывающійся неодобрительно объ этомъ романѣ, натурально долженъ приходиться въ недоумѣніе въ виду того факта, что романъ читался съ наслажденіемъ такими людьми, какъ Гёте и Шиллеръ. Но въ сущности вовсе не трудно понять, какая была тому причина. Въ романѣ Дидро, точно также какъ и во всѣхъ другихъ его произведеніяхъ, рѣшительно отвергается тотъ безжизненный формализмъ, который долго лежалъ тяжелымъ бременемъ и на искусствѣ и на образѣ жизни. Смѣлость и даже нѣкоторыя вольности автора, его презрѣніе къ искусственнымъ правиламъ, тотъ фактъ, что онъ описывалъ обыкновенныя личности, грубыя влеченія и грубый образъ жизни, — все это дѣлало изъ его романа орудіе для уничтоженія тѣхъ жидкихъ и тупоумныхъ правилъ, которыя на всѣхъ налажали мучительныя стѣсненія и не позволяли артисту или философу изображать реальную жизнь человека на землѣ. Когда мы вспоминаемъ, какова была въ ту пору европейская литература,

1) VI. 221—2.

мы перестаемъ удивляться тому, что Гете въ теченіе цѣлыхъ шести часовъ не могъ оторваться отъ книги, которую въ наше время прочтетъ до конца только тотъ, кого принудить къ этому необходимость. Грубость романа не оставляла пятенъ на людяхъ съ обширнымъ и здравымъ умомъ, а интересъ, который возбуждали оригинальности Дидро, служилъ стимуломъ для болѣе удачной оригинальности въ людяхъ съ болѣе дисциплинированными дарованіями, и—позволимъ себѣ прибавить—съ болѣе поэтическими дарованіями. Отсутствіе поэзіи въ *Жакъ* и было причиной того, что содержащаяся въ немъ иронія такъ тяжеловата. Мы безропотно дозволяемъ увлекать насъ въ преисподнюю только тому, кто также способенъ и возносить насъ къ небесамъ на крыльяхъ увлекательной фантазіи. Даже у Рабелэ есть поэтическіе моменты, напримѣръ когда онъ описываетъ Купидона сложившаго свое оружіе передъ трудолюбивыми и невозмутимо спокойными Музами. Достаточно одной увлекательной картины,—какъ напримѣръ генія воспоминаній у Стерна, — чтобъ заставить насъ примириться съ многими грязными страницами. Но въ романѣ *Jacques le Fataliste* Дидро никогда ни на одну минуту не возводитъ взоровъ къ небесамъ, а его уши никогда не прислушиваются къ отголоскамъ ни страха, ни надежды, ни даже благороднаго отчаянія. Онъ съ грубымъ чувствомъ самодовольства ни на минуту не отрываетъ читателя отъ сферы грязной чувственности. Старая французская *fatrasie* занимаетъ свое мѣсто въ литературѣ, но къ ней невозможно возвращаться въ такія эпохи, когда масса нравственныхъ заботъ стала осажать человѣческую душу. То, что ново, всегда находитъ радушный пріемъ у любителей изящнаго, но при томъ условіи, чтобъ оно приносило съ собою свое оправданіе. *Jacques* обладаетъ достоинствомъ новизны; это, по выраженію Гете, оригинально приготовленное кушанье, но въ немъ недостаетъ щепотки соли и горсточки ароматическихъ травъ.

ГЛАВА XI.

И с к у с с т в о .

Въ 1759 г. Дидро написалъ для Гримма свою первую критическую статью о картинахъ такъ называемаго Salon — художественной выставки. Въ началѣ царствованія Лудовика XV эти выставки устраивались ежегодно, точно такъ какъ и въ наше время. Но съ 1751 онѣ устраивались только одинъ разъ въ каждые два года. Дидро оставилъ намъ свои замѣтки о каждомъ *Салонн* съ 1759 по 1781, за исключеніемъ лишь выставки происходившей въ 1773, въ то время какъ онъ совершалъ свою поѣздку въ Голландію и Россію.

Мы уже видѣли, какъ Гриммъ заставлялъ Дидро работать вмѣсто себя. Девять *Salons* были однимъ изъ результатовъ этой добровольно принятой на себя обязанности и едва-ли не единственной частью произведеній Дидро, пользовавшеюся въ нѣкоторой мѣрѣ общою популярностью. Карлейль отзывался о нихъ съ большимъ восторгомъ: «Благодаря своей неподражаемой ясности, они заново рисуютъ для насъ картину такъ, что мы можемъ *видѣть* ее и можемъ судить о ней; благодаря ихъ пылкой увлекательности, изобрѣтательности и настоящей артистической гениальности, для которыхъ нужна лишь пишущая *рука*, они, — за немногими исключеніями на нѣмецкомъ языкѣ, — представляютъ единственную извѣстную намъ критику произведеній живописи, которую стоитъ читать» ¹⁾. Я люблю живопись только въ поэзіи, сказала обращаясь къ Дидро г-жа Неккеръ, и именно въ поэзіи вы отыскиали секретъ, какъ слѣдуетъ описывать даже самыя посредственныя произведенія нашихъ новѣйшихъ живописцевъ. То была бы по истинѣ царская роскошь, писалъ А. Б.

¹⁾ *Essays*, IV. 303. (Изд. 1869).

Шлегель, еслибы у кого нибудь была коллекція картинъ и при ней описаніе этихъ картинъ, сдѣланное рукою Дидро.

Въ манерѣ Дидро относиться къ данному сюжету есть новизна, живость, рвеніе, искренность и проникательность, едва ли не единственныя въ своемъ родѣ во всей исторіи критики. Когда онъ берется за дѣло, онъ точно будто всей душой и безъ всякаго принужденія приступаетъ къ самой веселой и привлекательной работѣ. Вся его личность погружается въ эту работу, которая повидимому есть неистощимый источникъ радостей,—а его радости заразительны. Его критика пробуждаетъ въ читателѣ фантазію. Мы не только видимъ передъ собой картину, но и слышимъ собственный голосъ Дидро въ восторженныхъ похвалахъ и въ взрывахъ пылкаго гнѣва. Въ его критическихъ статьяхъ есть законченность и почти вовсе нѣтъ свойственной мелкимъ знатокамъ искусства нерѣшительности и склонности къ насмѣшкамъ. По легкости языка, по одушевленію, по плодовитости идей, и по изяществу импровизаціи эти статьи по истинѣ не имѣютъ себѣ равныхъ. Въ нихъ есть *impetus animi et quaedam artis libido*. Ихъ увлекательность и развязность можетъ быть отчасти были результатомъ того, что онъ писалъ ихъ не для публики. Его слогъ не примѣнялся къ вкусамъ многочисленныхъ неизвѣстныхъ ему читателей,—чѣмъ и объясняется отсутствіе всякой натяжки въ его литературныхъ приемахъ. Но положительными причинами успѣха были особенности личнаго характера Дидро. И скептицизмъ, и догматизмъ, и діалектика и всѣ другія стороны многообразной философской дѣятельности, къ которымъ чувствовалъ влеченіе Дидро, или совершенно откладывались въ сторону или отодвигались на второй планъ и онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, предавался наслажденію тѣми произведеніями фантазій, какія доставляло ему современное искусство. Дидро былъ въ ту пору едва ли не единственный писатель, способный при случаѣ возвышаться надъ господствующимъ духомъ эпохи и на время забывать о великой борьбѣ между философами и церковью. Никто кромѣ Дидро не былъ способенъ до того увлечься картиной, чтобъ сдѣлать слѣдующее признаніе:

„Нелѣпые ригористы не понимаютъ, какое впечатлѣніе производятъ на народъ внѣшнія церковныя церемоніи; они вѣроятно никогда не видали, какъ силенъ восторгъ толпы при видѣ процессіи въ день праздника *Fête Dieu*,—восторгъ, который иногда овладѣваетъ и мною. Я никогда не могъ видѣть этого длиннаго ряда священниковъ въ ихъ облаченіяхъ, этихъ юныхъ церковныхъ прислужниковъ въ бѣлыхъ оубяніяхъ съ широкими синими поясами, разбрасывающихъ по землѣ цвѣты передъ Св. Дарами, этой толпы идущей спереди и сзади духовенства, погруженной въ религіозное молчаніе и

почтительно преклоняющей вниз голову; я никогда не могъ слышать этого серьезнаго и трогательнаго пѣнія, которое начинается духовенствомъ и которому горячо вторять безчисленные голоса мужчинъ, женщинъ, дѣвочекъ и дѣтей, — не будучи растроганнымъ до глубины сердца и безъ слезъ на глазахъ. Во всемъ этомъ есть что-то величественное, торжественное, мрачное и грустное“.

Такимъ образомъ, открывая въ авторѣ романа Jacques le Fataliste и въ самомъ центрѣ атеистической группы зачатки религиозной реакціи, мы завершаемъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, въ какой мѣрѣ шаткость была въ характерѣ Дидро. А читая его рассказъ о томъ, какъ онъ впалъ въ такое душевное настроеніе, мы понимаемъ, почему онъ былъ такимъ великимъ и такимъ поэтическимъ критикомъ, потому что видимъ съ какой искренностью, съ какой живостью, съ какимъ глубокимъ увлеченіемъ онъ воспринималъ впечатлѣнія цвѣтовъ, звуковъ, паюса человѣческихъ влеченій и торжественныхъ народныхъ сборищъ.

Франція долго господствовала надъ сферой критики въ ея литературномъ смыслѣ. Въ этой сферѣ у ней никогда не было и до сихъ поръ нѣтъ серьезныхъ соперниковъ. Въ области исторической критики Германія обнаружила великія, свойственныя ей одной, оригинальныя дарованія. Въ критикѣ искусствъ она можетъ назвать по меньшей мѣрѣ трехъ выдающихся людей; но помимо того, что касается исторіи, большинство новѣйшихъ германскихъ эстетиковъ до такой степени погрузилось въ туманъ метафизическихъ теорій, что мракъ окружавшій всѣ эти предметы остается такимъ же густымъ, какимъ былъ прежде. Во Франціи зачатки художественной критики были скорѣе литературныя, нежели философскія, и за исключеніемъ ничего нестоящаго краснорѣчія Кузена, за исключеніемъ писателей, философія которыхъ вдохновлялась Кузеномъ, и за исключеніемъ остроумныхъ парадоксовъ Тэна, Дидро — единственный писатель, сознательно внесшій живой духъ и философскую оцѣнку въ споры о формахъ Прекраснаго, какъ такого предмета, который достоинъ серьезнаго изученія. Если мы возвратимся назадъ къ эпохѣ англійской реставраціи, мы найдемъ что Дюфренсуа написалъ на плохомъ латинскомъ языкѣ поэму объ искусствѣ живописи, которая имѣла честь быть переведенной на хорошій англійскій языкъ такимъ замѣчательнымъ знатокомъ этого послѣдняго, какъ Драйденъ, и потомъ была снова переведена Масономъ, другомъ Рейнольда и Грея. Подражанія безсмертному *Посланію къ Пизонамъ* въ примѣненіи къ искусству живописи слѣдовали въ восемнадцатомъ столѣтіи во Франціи одно за другимъ ¹⁾. Но это были произведенія ли-

¹⁾ Поэма Ватле Sur l'Art de peindre, 1760;—Je-Mirra Sur la

тературныя и очень плохія въ литературномъ отношеніи. Аббатъ Дюбо издалъ въ 1719 г. одинъ томъ *Критическихъ размышленій о Поэзій и Живописи* и включилъ сюда нѣкоторыя замѣчанія касательно отношенія этихъ искусствъ къ музыкѣ. Лессингъ, какъ извѣстно, пользовался этой книгой, когда писалъ свой *Лаокоонъ*, а Дидро включилъ ее въ число тѣхъ произведеній, которыя рекомендовалъ въ своемъ *Планѣ Университета* ¹⁾. Это было самое раннее и какъ кажется самое лучшее изъ всѣхъ произведеній по части эстетики, вышедшихъ въ свѣтъ до Лессинга и Дидро. Англійскій пріятель Рафаэля Менгса, Даніэль Веббъ издалъ изслѣдованіе о *Красотахъ Живописи* (1760), по поводу котораго Дидро написалъ статью ²⁾, но которое, какъ кажется, не имѣло на его умъ никакого вліянія. Іезуитскій патеръ Андрэ написалъ *Очеркъ о Прекрасномъ* (1741), въ которомъ всѣ роды искусства съ точностью распредѣлилъ по отдѣламъ, но позабылъ объяснить, въ чемъ состоитъ Прекрасное. Аббатъ Баттѣ написалъ одинъ томъ, въ которомъ возводилъ всѣ изящныя искусства къ одному принципу и другой томъ, въ которомъ пытался сдѣлать ихъ систематическую классификацію. Первый изъ этихъ двухъ томовъ послужилъ поводомъ для письма Дидро о глухо-нѣмыхъ, и Дидро описываетъ ихъ автора, какъ недурнаго литератора, но какъ человѣка, у котораго нѣтъ ни вкуса, ни критики, ни философіи; *à ces bagatelles près, le plus joli garçon du monde* ³⁾.

Образованные путешественники, посѣщавшіе ту страну, гдѣ критика искусства была такъ ничтожна, а произведенія искусства такъ благородны, такъ обильны, такъ великолѣпны, имѣли обыкновеніе описывать то, что видѣли въ Италіи. Г-жа Помпадуръ, намѣреваясь сдѣлать своего брата главнымъ директоромъ изящныхъ искусствъ, пригласила знаменитаго въ то время гравера Кошена сопровождать его въ поѣздкѣ въ обѣтованную землю искусствъ, предпринятой съ

Peinture, 1769; — *Marci Pictura Carmen*, 1736. См. сочиненія Дидро, XIII, 17 и пр.

¹⁾ *Oeuvres*, III. 486. Гурауеръ, II. 15. См. также превосходное изданіе *Лаокоона* Блюмнеромъ, стр. 173.

²⁾ XIII. 33.

³⁾ *Гримма Согг. Lit.* IV. 136. Въ другомъ мѣстѣ той же корреспонденціи, Гриммъ или Дидро дѣлаетъ касательно Баттѣ замѣчаніе, которое будетъ не лишнимъ цитировать въ виду того, что даже въ наше время появляются официальные поборники ортодоксальныхъ католическихъ понятій. Аббатъ написалъ книгу о конечныхъ причинахъ. «Я позволю себѣ замѣтить аббату Баттѣ, что когда человѣкъ облеченъ въ этомъ мірѣ въ красный или черныи костюмъ съ двумя отворотами или съ жабо, онъ долженъ навсегда отказаться отъ всякихъ философскихъ разсужденій, потому что онъ не можетъ говорить по своему убѣжденію и по своей совѣсти; а писатель недобросовѣстный тѣмъ болѣе отвратителенъ, что ничто не заставляетъ его прерывать молчаніе». *Ibid.* VI. 120.

ученой цѣлью. Кошень былъ въ отсутствіи около двухъ лѣтъ и по возвращеніи во Францію издалъ три маленькихъ волюма (1758), въ которыхъ наносилъ такіе удары нѣкоторымъ знаменитостямъ, что не мало раздражилъ ихъ поклонниковъ. Аббатъ Ришаръ (1766) издалъ шесть очень пошлыхъ волюмовъ объ Италіи; такая критика искусства, какую мы тамъ находимъ, даже не стоитъ, чтобъ къ ней относились серьезно. Президентъ де-Броссъ провелъ одинъ годъ въ Италіи (1739—40) и писалъ оттуда письма къ друзьямъ, которыя и теперь можно читать съ интересомъ и съ удовольствіемъ, благодаря живой характеристикѣ итальянскаго общества; но заключающіеся въ нихъ критическіе отзывы о великихъ произведеніяхъ искусства скорѣе приличны образованному свѣтскому человѣку, который принимаетъ многое за неоспоримую истину, нежели философскому критику, который усиленно работаетъ своимъ собственнымъ умомъ. Его книга напоминаетъ намъ, какъ вѣрно было само себѣ восемнадцатое столѣтіе, ненавидя готическую архитектуру, —этотъ символъ и спутникъ мистицизма и того вѣка, который восемнадцатое столѣтіе слѣпо ненавидѣло какъ источникъ всѣхъ тиранническихъ законовъ и жестокихъ суевѣрій, еще лежавшихъ такимъ тяжелымъ гнетомъ на чловѣчествѣ. «Вы конечно видѣли церковь св. Марка въ Венеціи», говоритъ де-Броссъ: «c'est un vilain monsieur, s'il eu fut jamais, massif, sombre et gothique, du plus méchant goût!»¹⁾

Дюпати, который былъ такимъ же замѣчательнымъ юристомъ какъ де-Броссъ, который велъ знакомство съ Дидро и былъ съ ранней молодости въ дружескихъ сношеніяхъ съ выдающейся личностью позднѣйшаго времени, —несчастливымъ Верньо, путешествовалъ по Италіи почти передъ самымъ началомъ революціи (1785) и его письма, — если ихъ читать вслѣдъ за письмами де-Бросса, —служать любопытной иллюстраціей той перемѣны, которая произошла въ умахъ людей въ этотъ промежутокъ времени. Онъ уходитъ изъ картинной галлерей, помѣщающейся во Флоренціи во дворцѣ Питти, для того, чтобъ погрузиться въ размышленія въ знаменитыхъ садахъ прилегающихъ къ этому дворцу, для того чтобъ наслаждаться прелестью свѣта и воздуха, зеленью растеній и пѣніемъ птицъ, и для того чтобъ въ концѣ концовъ выразить всѣ вынесенныя оттуда впечатлѣнія въ одномъ восторженномъ восклицаніи о громадномъ превосходствѣ природы надъ искусствомъ²⁾.

¹⁾ *Lettres Familiales*, I. 174 (Изд. 1869).

²⁾ Дюпати *Lettres sur l'Italie* № 40. Говоря о Римѣ, онъ жалуется, совершенно въ духъ Дидро, на отсутствіе того, что онъ называетъ *le beau moral*. «On ne trouve ici dans les moeurs ni des hommes privés, ni des hom-

Зная, какое глубокое впечатлѣніе производили на Дидро первоклассныя произведенія живописи и скульптуры, нельзя не пожалѣть, что онъ имѣлъ случай видѣть такъ мало образцовыхъ произведеній и нельзя не сказать, что это было огромной потерей для литературы. Онъ никогда не совершалъ великаго странствованія въ обѣтованную землю. Онъ никогда не былъ ни въ Венеціи, ни во Флоренціи, ни въ Пармѣ, ни въ Римѣ. Однажды былъ задуманъ планъ поѣздки въ Италію вмѣстѣ съ Гриммомъ и Руссо ¹⁾, но онъ не былъ приведенъ въ исполненіе и самые талантливые критики искусства, какихъ когда либо производила Франція, никогда не видали самыхъ великихъ произведеній искусства. Еслибы Дидро посѣтилъ Флоренцію и Римъ, то даже такіе великіе живописцы, какъ тотъ, который изобразилъ *Последній Судъ* и какъ тотъ, который создалъ великолѣпныя фигуры въ новой ризницѣ въ Санъ-Лоренцо, нашли бы достойнаго себѣ цѣнителя. Но этому не было суждено случиться. «Рѣдко случается», писалъ Дидро, «чтобъ могъ достигнуть совершенства такой артистъ, который не видалъ Италиі, точно такъ-же какъ рѣдко случается, чтобъ кто нибудь сдѣлался великимъ писателемъ или челоувѣкомъ съ изысканнымъ вкусомъ, не занявшись предварительно серьезнымъ изученіемъ древнихъ писателей» ²⁾. Дидро, какъ видно, въ концѣ концовъ понялъ, чего ему не доставало.

Въ ту пору, — какъ это обыкновенно случается, — французское искусство было отраженіемъ эпохи, воспроизводившимъ всѣ фантастическія влеченія, какія только возникали въ обществѣ. Когда наступили времена Республики и Имперіи, и два десятилѣтія, проведенныя въ битвахъ и осадахъ, искусство предшествовавшаго поколѣнія впало въ такое пренебреженіе, которому едва ли найдется подобное. Картины, доставлявшія наслажденіе всему городскому населенію и обогатившія тѣхъ кто ихъ рисовалъ, гнили на набережныхъ или продавались съ аукціона за нѣсколько су. Фрагонаръ, бывший любимцемъ своего времени, умеръ въ пренебреженіи и въ нищетѣ. Давидъ и его отвратительное искусство временъ имперіи совершенно затмили то, что приводило въ восторгъ современниковъ Дидро. ³⁾ Всякому извѣстно все, въ чемъ можно упрекнуть французскія произведенія живописи временъ Дидро. Они исполнялись на скорую руку и

mes publics cette moralité, cette bienséance, dont les moeurs françaises sont pleines. Le beau moral est absolument inconnu. Or, c'est pour atteindre à ce beau moral dans tous les genres que la sensibilité est la plus tourmentée; qu'elle est en proie aux contentions de l'esprit, aux émulations de l'âme... qu'elle pare avec tant de raffinement et de peine, les écrits, les discours, les pansions, enfin toute la vie publique et privée».

¹⁾ X. 514., прим.

²⁾ XI 241.

³⁾ Гонжур L'Art au 18-ème Siècle, I.

на авось; въ нихъ множество техническихъ недостатковъ въ краскахъ, въ рисункѣ, въ композиціи; въ нихъ мысль поверхностна и безсодержательна. Ватто умеръ въ 1721 г., такъ же рано какъ и Рафаэль, но въ теченіе всего восемнадцатаго столѣтія его духъ царилъ надъ французскимъ искусствомъ. Конечно многіе артисты отправлялись въ Римъ, но они мѣняли только небо, а не свое направленіе. Ученики академіи возвращались оттуда съ портфелями, наполненными рисунками, въ которыхъ не было ничего, что напоминало бы объ «одинокой матери умершихъ царствъ», ничего, что напоминало бы объ обширныхъ развалинахъ и о великой, мрачной, пустынной Кампаньи; они привозили съ собой только такіе рисунки, въ которыхъ Римъ превращался въ декорацію для театральной сцены или въ панель для будуара. Олимпъ Гомера и Virgilія, — какъ вѣрно было замѣчено, — дѣлается Олимпомъ Овидія. Исчезли сила, величественность и даже благородство, за исключеніемъ ландшафтовъ Вернэ, за которыми пожалуй можно признать въ нѣкоторой мѣрѣ первыя два достоинства. Не только красота замѣнилась чопорностью, но и чопорность нерѣдко бывала неумѣстна. Дидро порицалъ вошедшую въ обыкновеніе манеру вносить духъ изящества и литературы въ произведенія пастушеской поэзіи, и называлъ такія произведенія смѣсю Фонтенеля съ Теоокритомъ. Мы не знаемъ, какъ прозвалъ бы онъ то еще болѣе странное извращеніе вкуса, которое заставило одного издателя украсить трактатъ о дифференціальныя и интегральныя вычисленія забавными гравюрами Кошена, а объясненіе свойствъ кругообразной линіи изящными маленькими виньетками.

Есть одинъ достовѣрный фактъ, очень хорошо объясняющій намъ, какой духъ господствовалъ въ ту странную эпоху въ сферѣ французскаго искусства. Когда г-жа Помпадуръ задумала взять на себя роль сводницы для удовлетворенія чувствѣнныхъ вожделеній короля, она обратила вниманіе на одну славившуюся своей красотой женщину, которая и послужила моделью для *Святаго Семейства*, предназначеннаго для частной капеллы королевы. Портретъ этой женщины исполнилъ свое назначеніе; онъ возбудилъ въ королѣ желаніе видѣть оригиналь, который и былъ приглашенъ въ *Paris aux Cerfs*.¹⁾ Это было типическое выраженіе тѣхъ услугъ, которыхъ ожидало отъ живописи общество, восхищавшееся ею и оплачивавшее ее. «Въ ней все изящно, все нѣжно ласкаетъ нѣжныя чувства, даже внѣшняя обстановка жизни, даже извилистыя линіи, даже роскошная внѣшность, даже утонченныя удобства комнатъ и меблировки. Въ такомъ мѣстѣ и въ такомъ обществѣ достаточно

¹⁾ Ibid., I. 213.

быть вмѣстѣ, чтобъ чувствовать себя довольнымъ. Праздность имъ не въ тягость; жизнь для нихъ забава.» 1)

Однако, при всемъ серьезномъ уваженіи, которое мы питаемъ къ Тиціану, Рембранду, Рафаэлю и прочимъ богамъ и полубогамъ искусства, мы все таки не можемъ не признать и за этими легкими и граціозными произведеніями нѣкоторой доли историческаго значенія. Бушэ, восхищавшій современниковъ своими причудливыми грѣзами, сказалъ по возвращеніи изъ Рима: «Рафаэль—женщина, Микель Анджело—чудовище; первый изъ нихъ—рай, второй—адъ; это—живописцы не здѣшняго міра; это—мертвый языкъ, на которомъ уже никто не говоритъ въ наше время. А мы—живописцы нашего собственнаго времени: у насъ нѣтъ здраваго смысла, но мы очаровательны». Этотъ взглядъ на живописцевъ того времени не былъ ошибоченъ. Они занимали промежуточное пространство между грандіозной пышностью Ле-Брѣна и мрачнымъ псевдо-античнымъ жанромъ Давида, точно такъ какъ неподражаемая грація и блескъ легкихъ стиховъ Вольтера наполняли въ литературѣ промежуточное пространство между Расиномъ и Шенье. У нихъ была своя собственная поэзія; они пріятны, игривы, фантастичны и настроены совершенно въ тонъ общепринятыхъ правилъ общежитія. Во всякомъ случаѣ произведенія даже самыхъ причудливыхъ изъ нихъ гораздо менѣе неуклюжи и унизительны, чѣмъ тѣ изображенія мученичества, крайняго изнуренія, самораспинанія и притворнаго благочестія, благодаря которымъ нѣкоторыя картинныя галереи внушаютъ болѣе сильное отвращеніе, чѣмъ лазаретъ, наполненный прокаженными. 2)

Даже о Ватто, который былъ божествомъ для своего вѣка, Дидро отзывался съ пренебреженіемъ. «Я даль-бы»—сказалъ онъ, «десять картинъ Ватто за одну картину Теньера.» Такой отзывъ со стороны Дидро былъ точно такъ же естественъ, какъ было естественно противоположное мнѣніе Лудовика XIV: когда ему принесли показать нѣсколько картинъ Теньера, онъ повелительнымъ голосомъ сказалъ: вынесите отсюда *ses magots là*, чтобъ я ихъ больше не видѣлъ.

Изъ всѣхъ живописцевъ своего времени Дидро любилъ болѣе всѣхъ Грѣза (р. 1725—ум. 1805). Дидро вовсе не былъ слѣпъ къ недостаткамъ Грѣза, къ его привычкѣ повторяться, къ нерѣдко встрѣчающимся у него ошибкамъ въ размѣрахъ и объемѣ, къ из-

1) *Tout l'Ancien Régime*, p. 186.

2) *Si tous les tableaux de martyrs que nos grands peintres ont si sublimement peints, passaient à une posterité reculée, pour qui nous prendrait-elle? Pour des bêtes féroces ou des antropophages.*—*Pensées sur la Peinture* Дидро.

бытку сѣраго и фіолетоваго цвѣтовъ въ его колоритѣ. Но все это позабывалось въ пылу сочувствія къ его направленію. Если мы посмотримъ на списокъ сюжетовъ въ картинахъ Грёза, мы тотчасъ замѣтимъ, что мы попали въ сферу семейнаго, нравственнаго, *честнаго* (*l'honnête*) и наивнаго простонароднаго паэоса: смерть отца оплакиваемаго дѣтми; смерть жестокосердаго отца, покинутаго своими дѣтми; дѣти, ласкающія мать; дитя, плачущее надъ умершей птичкой; родственники ухаживающіе за старикомъ, разбитымъ параличемъ или плоды хорошаго воспитанія. Дидро былъ въ восторгѣ отъ такого выбора сюжетовъ. На послѣднюю изъ названныхъ картинъ онъ указываетъ какъ на доказательство того, что произведенія этого рода могутъ дѣлать честь какъ дарованіямъ, такъ и чувствамъ артиста. ¹⁾ *Дѣвочка, оплакивающая свою умершую птичку* приводитъ его въ восхищеніе. «Какая прелестная элегія!» — восклицаетъ онъ, — «какая очаровательная поэма! Какая привлекательная идиллія!» Онъ продолжаетъ все въ томъ же тонѣ, и въ концѣ концовъ раздражается на четырехъ или пяти страницахъ взрывомъ лирическаго соболѣзнованія, обращеннаго къ плачущему ребенку. ²⁾

Ни одно произведеніе живописи не возбуждало въ восемнадцатомъ столѣтіи болѣе сильнаго энтузіазма, чѣмъ картина Грёза *Assordée de Village*, представленная на выставку въ 1761 г. Въ ней повидимому разсказана цѣлая исторія и потому несмотря на ея потускнѣвшія краски, она даже въ наше время останавливаетъ на себѣ вниманіе посѣтителей одной изъ самыхъ рѣдко посѣщаемыхъ залъ Лувра. ³⁾ Парижане, которымъ успѣла надобѣсть мнѳологія и которые пресытились граціозными непристойностями, были очарованы простотой изображеннаго Грёзомъ происшествія изъ жизни поселянъ. «*On se sent gagner d'une émotion douce en le regardant*—сказалъ Дидро, и эта пріятная эмоція приходилась въ ту пору по вкусу образованнымъ классамъ французскаго общества. Это былъ годъ появленія *Новой Элоизы*.

Сюжетъ картины чрезвычайно простъ: крестьянинъ выдаетъ приданое своей дочери. Вотъ какъ самъ Дидро разсказываетъ этотъ сюжетъ: «Отецъ сидитъ посреди окружающихъ его членовъ семейства. Его зять стоитъ передъ нимъ, держа въ лѣвой рукѣ сумку съ деньгами. Невѣста также стоитъ, граціозно положивъ одну руку на руку своего жениха; а другую ея руку держитъ мать, сидящая подлѣ. Между матерью и невѣстой стоитъ меньшая сестра, накло-

¹⁾ X. 143.

²⁾ X. 343.

³⁾ № 260 Французской школы.

нившись къ невѣстѣ и положивъ руку на ея плечо. Позади этой группы ребенокъ стоитъ на цыпочкахъ, стараясь разсмотрѣть что происходитъ. Вдали влѣво отъ группы на заднемъ планѣ картины двѣ служанки смотрять на эту сцену. На правой сторонѣ шкафъ для посуды—въ комнатѣ все безукоризненно чисто.... Деревянная лѣстница ведетъ въ верхній этажъ. На переднемъ планѣ картины, у ногъ матери, курица съ своими цыплятами, которымъ маленькая дѣвочка бросаетъ крошки хлѣба, и наполненный водою сосудъ, къ которому одинъ изъ цыплятъ протягиваетъ свой клювъ чтобъ достать воды.» Затѣмъ Дидро разбираетъ картину въ подробности. Онъ рассказываетъ намъ, что ему какъ будто слышится какія именно слова отецъ говоритъ жениху, и прибавляетъ къ этому разсказу одно замѣчаніе, доказывающее, какъ онъ интересовался всѣмъ, въ чемъ выражалась наблюдательность надъ природой; онъ замѣчаетъ, что та рука старика, которая изображена съ ея задней стороною, кажется загорѣлой и смуглой, а другая рука, обращенная къ намъ ладонью, бѣла. «Невѣстѣ живописецъ придалъ наружность привлекательную, граціозную и скромную. Одѣта она именно такъ какъ слѣдуетъ. Ея передникъ изъ бѣлой матеріи не могъ бы быть лучше; въ надѣтыхъ на нее украшеніяхъ есть нѣкоторая роскошь, но вѣдь это день свадьбы. Замѣтьте, какъ натуральны морщины и складки на ея платьѣ и на платьѣ всѣхъ остальныхъ. Прелестная дѣвушка не стоитъ совершенно прямо. Вся ея фигура и всѣ члены ея тѣла слегка наклонены въ одну сторону, а это придаетъ ей особенную граціозность и естественность. Она по истинѣ красива и очень красива. Если бы она наклонилась къ своему жениху, это было бы неумѣстно, если бы она наклонилась къ матери и къ отцу, она была бы ненатуральна. Ея рука до половины лежитъ на рукѣ ея будущаго мужа, и кончики ея пальцевъ покоются на его рукѣ; это единственный знакъ нѣжности, который она ему оказываетъ и повидимому дѣлаетъ это безсознательно: здѣсь живописецъ изящно выразилъ свою мысль.» ¹⁾

«Смѣлѣй, мой добрый Грѣвъ», — восклицаетъ онъ, — «*fais de la morale en peinture*. Развѣ кисть живописцевъ не посвящалась достаточно долго и даже слишкомъ долго разврату и пороку? Развѣ мы не должны радоваться тому, что она вступила наконецъ въ союзъ съ драматической поэзіей для того, чтобъ поучать насъ, исправлять насъ и внушать намъ любовь къ добродѣтели?» ²⁾ Иные

¹⁾ X. 151—6. Д-ръ Ваагенъ находитъ, что эта картина есть вѣрное выраженіе того, что онъ называетъ *das National französische*, точно такъ какъ картины Вилки выражаютъ *das Englische*. См. его *Kunstwerke und Künstler in Paris*, p. 675.

²⁾ X. 208.

утверждали, что Дидро пришелъ бы въ восторгъ отъ картинъ Гогарта, и мы съ своей стороны допускаемъ, что онъ сочувствовалъ бы такимъ правоучительнымъ сюжетамъ, какъ *Ученикъ лживый* и *Ученикъ трудолюбивый*, какъ *Продължи распутника* и *Бракъ по модѣ*. Энергія и могущество этого наводящаго ужасъ геніальнаго художника несомнѣнно обнаружили бы надъ Дидро свою притягательную силу, но Дидро навѣрно былъ бы возмущенъ выходками Гогартовой безжалостной ироніи. Такія сцены, какъ посѣщеніе лордомъ Сквандерфильдомъ шарлатана-доктора или какъ распутства Река внушили бы Дидро непреодолимое отвращеніе. Онъ никогда не простилъ-бы артисту того, что, изображая какъ маленький ребенокъ тянется изъ рукъ кормилицы къ умирающей матери, онъ былъ въ состояніи изобразить на лицѣ этого ребенка темныя пятна, облачающія присутствіе въ немъ отвратительнаго недуга. Онъ отвернулся бы съ ужасомъ отъ страшныхъ сценъ убійствъ, пытки, безумія, скотскаго опьяненія, жадности, свирѣпости—отъ изображеній золотушныхъ, пораженныхъ параличемъ, отъ изображенія человѣческихъ внутренностей, савана и могильныхъ червей. Способъ, которымъ Дидро хотѣлъ сдѣлать людей лучшими, заключался не въ томъ, чтобъ заставлять ихъ кровь стынуть въ жилахъ отъ ужаса, а въ томъ, чтобъ усиливать и смягчать семейныя привязанности.

Какъ критикъ, Дидро повидимому никогда не позабывалъ шутивлаго замѣчанія, съ которымъ однажды обратился на художественной выставкѣ къ нему и Гримму почтенный Чарденъ: «Поосторожнѣе, друзья мои, поосторожнѣе! Изъ всѣхъ находящихся здѣсь картинъ выберите самую плохую и знайте, что двѣ тысячи несчастныхъ тружениковъ зубами раскусили пополамъ свои кисти съ отчаянія, что они никогда не будутъ въ состояніи нарисовать даже такой плохой картины. Парросель, котораго вы называете пачкуномъ и который въ самомъ дѣлѣ пачкунъ въ сравненіи съ Вернэ, однако можетъ считаться за человѣка съ рѣдкимъ талантомъ въ сравненіи съ толпой людей, отказавшихся отъ той карьеры, въ которую они вступили вмѣстѣ съ нимъ.» И затѣмъ этотъ артистъ указываетъ на громадныя усилія, на цѣлыя годы труда, на безграничное терпѣніе, вниманіе, упорство, безъ которыхъ невозможно достигнуть даже самаго посредственнаго мастерства. При этомъ намъ невольно приходитъ на память та сцена въ знаменитомъ произведеніи искусства нашего времени, когда Клесмеръ приглашаетъ миссъ Гвендолень Гарлетъ размыслить о томъ, что только одно умѣнье стоять или ходить на сценѣ есть искусство, требующее продолжительнаго упражненія. «*O le triste et plat métier que celui de critique!*» Самъ Дидро однажды воскликнулъ: «*Il est si difficile de produire une chose même mé-*

diocre; il est si facile de sentir la médiocrité.»¹⁾ Не подлежит сомнѣнію, что по мѣрѣ того, какъ увеличивается наша опытность и наша личная отвѣтственность, мы научаемся яснѣе понимать, какъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности трудно достигнуть даже дюжиннаго мастерства. Кто благоразуменъ, тотъ будетъ доволенъ и тѣмъ, что человекъ что нибудь сдѣлаетъ и не будетъ колотить его тѣмъ, что есть нѣчто такое, чего онъ не въ состояніи сдѣлать.

Впрочемъ Дидро хорошо понималъ, что снисходительность Чардена могла бы завести его слишкомъ далеко. Вообще, говорилъ онъ, критика мнѣ не нравится; она требуетъ такъ мало таланта. «Какое глупое занятіе—постоянно не позволять себѣ находить наслажденіе или же постоянно краснѣть за то, что находишь наслажденіе. А вѣдь въ этомъ и заключается занятіе критика!»²⁾ Однако ему случилось написать на двадцати страницахъ діалогъ, въ которомъ главный собесѣдникъ—живописецъ, старающійся отомстить за свой собственный неуспѣхъ тѣмъ, что горячо нападаетъ на произведенія болѣе счастливыхъ соперниковъ. А говоря отъ своего собственного лица, Дидро знаетъ какъ разоблачать некомпетентность артистовъ меткими словами, иногда полными гнѣва, а большею частію выражающими добродушный укоръ. Плохимъ живописцамъ, какъ Парросель и Брене, отъ него достается такъ, какъ они того заслуживаютъ. Онъ замѣчаетъ, что положеніе плохаго живописца и плохаго актера гораздо непріятнѣе, чѣмъ положеніе плохаго литератора: живописецъ слышитъ своими собственными ушами выраженія презрѣнія къ его таланту, а шиканье публики раздается у самыхъ ушей актера, тогда какъ авторъ можетъ сойти въ могилу не подозревая, что вы надъ каждой страницей его произведенія вскрикивали: «Глупецъ, животное, негодяй» и наконецъ бросали книгу въ уголъ. Самый плохой писатель, сидя въ одиночествѣ въ своемъ кабинетѣ и перечитывая свои произведенія, можетъ безъ всякаго протеста съ чьей либо стороны, воображать, что ему первому пришло въ голову множество самыхъ новыхъ и самыхъ счастливыхъ идей.³⁾

Дидро никогда не шадилъ только одного живописца—Буше, который былъ идиоломъ своего времени и благодаря своей популярности зарабатывалъ ежегодно по пятидесяти тысячъ ливровъ. Онъ насмѣхается надъ Буше, какъ надъ такимъ живописцемъ, который только способенъ разрисовывать вѣера и у котораго на палитрѣ

¹⁾ X. 177.

²⁾ XII. 8, 79.

³⁾ XI. 149.

нѣтъ другихъ цвѣтовъ кромѣ бѣлаго и краснаго. Онъ допускаетъ, что у Буше есть плодовитость, есть *foignie*, есть непринужденность точно такъ какъ Рейнольдсъ допускаетъ, что у него есть грація, красота и искусство композиціи. 1) По словамъ Дидро, Буше въ живописи то-же что Аріостъ въ поэзіи и тотъ, кто восхищается однимъ изъ нихъ, былъ-бы непослѣдователенъ, еслибы не восхищался другимъ. Онъ находитъ, что Буше не достаетъ дисциплинированнаго вкуса, разнообразія и строгости. Однако онъ признается, что у Буше есть одна картина, которую онъ очень желалъ бы имѣть у себя. Всякій разъ, говоритъ онъ, какъ вы посмотрите на нее, вы найдете что въ ней есть недостатки, но тѣмъ не менѣе вы все будете смотрѣть на нее. 2) Съ этимъ мнѣніемъ, полагаю, согласится въ глубинѣ своей души и всякій изъ современныхъ намъ взыскательныхъ любителей искусства, безпечно прогуливающихъ по заламъ, гдѣ выставлены картины Французской школы.

Фрагонаръ, который въ свое время производилъ сильное впечатлѣніе своей картиной *Корезъ и Каллироэ*, и до сихъ поръ еще обращающей на себя вниманіе посѣтителей залъ Французской школы, не былъ въ числѣ любимцевъ Дидро. Названная картина вызвала съ его стороны тщательную, но не очень удачную критику. Впослѣдствіи Фрагонаръ измѣнилъ свой стиль въ направленіи къ Буше, и удаляясь какъ можно болѣе отъ *l'honnête et le beau moral*; тогда Дидро отвернулся отъ него и, описывая картину овальной формы, изображающую группу дѣтей на небесахъ, говорить, что это—*une belle et grande omelette d'enfants*, что это—головы, ноги, бедра, руки, тѣла перепутанныя между собою среди желтоватыхъ облаковъ, что это—*«bien omelette, bien douillette, bien jaune, et bien bruléé.* 3)

Вообще мы не можемъ удивляться ни тому, что живописцы придаютъ такъ мало цѣны литературнымъ толкамъ объ ихъ трудномъ и сложномъ искусствѣ, ни тому, что публика цѣнитъ эти толки гораздо выше того, чего они стоятъ. Въ публикѣ они будятъ лѣнивую фантазію и помогаютъ ей составить себѣ сколько нибудь толковое мнѣніе объ артистѣ, между тѣмъ какъ настоящія трудности, которыя преодолѣлъ артистъ и настоящія его достоинства нерѣдко остаются незамѣченными невѣжественной критикой. Но Дидро не былъ похожъ на большинство позднѣйшихъ критиковъ; онъ тщательно изучалъ условія, при которыхъ живописецъ долженъ обра-

1) См. *Детнадцатую бесѣду* Рейнольдса, стр. 106.

2) X. 102.

3) XI. 296. Касательно Каллироэ см. X. 397.

ботывать свой сюжетъ. Хотя онъ и былъ мастеромъ въ литературной критикѣ искусства, онъ изъ любви къ знанію пользовался тѣмъ, что въ числѣ его близкихъ друзей были артисты, чтобы выпытывать отъ нихъ секреты техники, точно такъ какъ онъ выпытывалъ отъ ткачей и отъ красильщиковъ секреты ихъ ремесла. Онъ не выставлялъ на показъ этихъ специальныхъ познаній, но они всегда присущи въ его сужденіяхъ, придавая имъ основательность и акуратность, безъ которыхъ они были бы похожи на вольное лирическое выраженіе чувствъ, возбужденныхъ картиной, а не серьезнымъ ея анализомъ. Онъ особенно хорошо умѣлъ дѣлать изъ ученой критики нѣчто такое, что имѣло литературную привлекательность. Прочтите, напримѣръ, отзывъ объ одной изъ картинъ Вина:

Психея съ лампой въ рукѣ подходитъ къ спящему Амуру, чтобъ посмотреть на него. Обѣ фигуры точно живыя, но въ нихъ нѣтъ ни изящества, ни граціи, ни деликатности, которыхъ требуетъ такой сюжетъ. Амуръ точно будто дѣлаетъ гримасу. Психея нисколько не похожа на женщину, которая съ трепетомъ подкрадывается къ спящему; я не вижу на ея лицѣ того смѣшенія страха съ любовью, пылкимъ влеченіемъ и восхищеніемъ, какого я ожидалъ найти. Мнѣ недостаточно того, что я читаю на лицѣ Психеи желаніе посмотреть на Амура; надо также, чтобъ я читалъ на немъ опасеніе разбудить спящаго. Она должна бы была имѣть полуоткрытый ротъ и какъ будто удерживать свое дыханіе. Вѣдь она видитъ своего возлюбленнаго, видитъ его въ первый разъ съ опасностью потерять его. Какъ она должна быть рада видѣть его и къ тому же такимъ красивымъ! Ахъ! какъ мало пониманія у нашихъ живописцевъ! Какъ мало они знакомы съ ватурой! Голова Психеи должна быть наклонена къ Амуру; остальная часть ея тѣла должна быть наклонена назадъ, какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кто нибудь приближается къ такому мѣсту, къ которому боится подойти и отъ котораго готовъ бѣжать; одна нога должна стоять твердо, а другая должна едва касаться земли. А лампу развѣ Психея должна была держать такъ, чтобъ свѣтъ падалъ на глаза Амура? Развѣ она не должна была держать ее въ сторонѣ и заслонять ее рукой, чтобъ ослабить ея свѣтъ? Сверхъ того, это дало бы возможность освѣтить картину очень оригинальнымъ образомъ. Эти люди точно будто не знаютъ, что наши вѣки въ извѣстной мѣрѣ прозрачны; они должно быть никогда не видали, какъ мать подходитъ съ лампой въ рукѣ къ колыбели ребенка и старается не разбудить его.

Впослѣдствіи дѣлалось не мало попытокъ подражать этой манерѣ Дидро. Ей пытался подражать даже Тьеръ, въ то время какъ онъ, въ началѣ своей литературной карьеры, долженъ былъ описать для одной газеты художественную выставку 1822 года. Это вполне удалось одному блестящему поэту, рассказчику, путешественнику и

критику: умѣнье Дидро анализировать произведенія искусства едва ли не было превзойдено Теофиломъ Готье въ его статьяхъ о находящихся въ Венеціи картинахъ: Тициановой *Assunta*, Беллиниевской *Мадонны*, или о находящейся въ Севильѣ картинѣ Мурилло *Святой Антоній Падуанскій* ¹⁾.

Точно такъ же какъ въ своихъ статьяхъ для Энциклопедіи и здѣсь Дидро очень часто отклоняется отъ своего сюжета ради нравоченій. Даже современный намъ читатель извинить ему тѣ возгласы, съ которыми онъ обращается къ судьямъ несчастнаго Каласа,—извинить ему полу-лирическіе нападки на жестокость, возбуждавшую такое сильное негодованіе въ сердцахъ всѣхъ приверженцевъ Энциклопедіи ²⁾. Но поводомъ для отступленій обыкновенно служатъ для Дидро менѣе трагическіе сюжеты. Напримѣръ одна картина Михаила Ванъ-Лео напоминаетъ ему, что у Ванъ-Лео когда то былъ другъ въ Испаніи. Этому другу пришло въ голову снарядить корабль для торговой экспедиціи; Ванъ-Лео употребилъ все свое состояніе на это предпріятіе. Корабль погибъ отъ бури, потраченные на него деньги пропали, и самъ хозяинъ корабля утонулъ. Когда Ванъ-Лео узналъ объ этомъ несчастіи, первыя сказанныя имъ слова были слѣдующія: *Я лишился хорошаго друга*. И по поводу этого Дидро дѣлаетъ отступленіе съ цѣлію изслѣдовать мотивы хвалы и порицанія.

Вотъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ отступленій съ нравоучительной цѣлію.

Странное вліяніе имѣетъ наша меланхолія на окружающихъ. Не случалось-ли вамъ замѣтить, какъ птицы внезапно умолкаютъ, если въ ясную погоду вдругъ набѣжитъ туча надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ раздавалось ихъ пѣніе? Глубокое траурное платье производитъ въ обществѣ такое же впечатлѣніе, какъ и облако, заставившее птицъ замолкнуть. Облако пройдетъ далѣе и пѣніе возобновится.

„Всякую націю можно раздѣлить на три класса: на массу населенія, которая создаетъ нравы и національные вкусы, на тѣхъ, кто возвышается надъ этой массой и кого называютъ глупцами, странными людьми и оригиналами, и на тѣхъ, кто стоитъ ниже массы и принадлежитъ къ числу простаковъ,—людей нишей породы. Успѣхи человѣческаго ума у иныхъ народовъ измѣняютъ это распредѣленіе и потому случается, что иной человѣкъ переживаетъ пріобрѣтенную имъ репутацію... Кто опередилъ свой вѣкъ, кто возвышается надъ общимъ уровнемъ народныхъ понятій, не долженъ ожидать общаго одобренія; онъ долженъ быть радъ, если забвеніе спасетъ его отъ преслѣдованій. А тѣ, которые возвышаются

¹⁾ *Voyage en Italie*, 230. *Voyage en Espagne*, 330. См. того-же критика *Abécédaire du Salon d'e 1861*.

²⁾ XI. 309.

надъ общимъ уровнемъ слишкомъ высоко, остаются незамѣченными; они спокойно умираютъ въ забвеніи или подобно всѣмъ или далеко отъ всѣхъ. Вотъ мой девизъ“ 1).

„Но Вернэ все таки всегда будетъ ничто иное какъ человѣкъ“. — „По этой то причинѣ онъ еще болѣе будетъ достоинъ удивленія, а его произведенія будутъ еще болѣе достойны похвалы; конечно этотъ міръ—великолѣпная вещь; но если я сравню его съ энергіей творческой силы, то я буду удивляться тому, что твореніе этой силы не болѣе прекрасно и не болѣе совершенно. Но я приду къ противоположному заключенію, когда подумаю, какъ слабъ человѣкъ, какъ ничтожны его средства, какъ коротка его жизнь и сколько она даетъ ему заботъ, а затѣмъ припомню, какія предпріятія онъ замышлялъ и приводилъ въ исполненіе“ 2).

Такия отступленія придають особую привлекательность критическимъ статьямъ Дидро. Они придають имъ непринужденность и естественность, потому что воспроизводятъ рождающіяся въ его умѣ идеи въ томъ видѣ, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, а не въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ могъ бы желать выразить писатель, заботящійся о поддержаніи своего авторскаго достоинства. Въ нихъ, какъ мы уже прежде замѣтили, нѣтъ натянутости, не замѣтно гнета литературныхъ условій, а въ тоже самое время въ нихъ почти нѣтъ ничего небрежнаго, отрывочнаго, *désois*. Отступленіе живо вытекаетъ изъ главнаго источника и опять возвращается въ него, оставляя за собою какое нибудь пріятное впечатлѣніе или оригинальную мысль. Напримѣръ у Дидро вдругъ является желаніе выяснить, не столько ли же огня въ первой сценѣ Теренція и въ Антиноѣ, сколько во всякой сценѣ Мольера или въ какомъ либо изъ произведеній Микеля Анджело? «Я уже прежде отвѣтилъ на этотъ вопросъ, но слишкомъ слегка. Я на каждомъ шагу способенъ впадать въ ошибки, оттого что языкъ не тотчасъ даетъ мнѣ настоящее выраженіе для истины. Я отказываюсь отъ моего тезиса вслѣдствіе недостатка словъ для изложенія моихъ доводовъ. Въ глубинѣ моей души одно, а я высказываю другое. Жизнь въ удаленіи отъ людей и въ уединеніи имѣетъ свою хорошую сторону. Тамъ человѣкъ говоритъ съ самимъ собою, задаетъ самому себѣ вопросы, выслушиваетъ самого себѣ и выслушиваетъ въ молчаніи. Его сокровенныя идеи развиваются сами собою мало по малу.» А когда Дидро собирается высказать свое мнѣніе объ одной изъ картинъ Грѣза, онъ вспоминаетъ о тщеславіи Грѣза и это вызываетъ его на такія размышленія, которыя долженъ бы былъ твердо хранить въ памяти всякій критикъ,—какъ критикъ общественной жизни

1) XI. 294.

2) XI. 102.

такъ и критикъ частной жизни. «Если вы отнимете у Грёза его тщеславіе, вы отнимете у него весь пылъ, вы потушите въ немъ пламя, его геній затмится. «*Nos qualités tiennent de près à nos défauts*». И за тѣмъ Дидро приводитъ дюжину примѣровъ, которые наглядно подтверждаютъ эту истину, служащую основой для благоразумной снисходительности ¹⁾).

Композиторъ Гретри въ минуты затрудненій нѣсколько разъ обращался къ Дидро за совѣтами. Не всегда, говоритъ онъ, можно было безопасно слѣдовать указаніямъ этого пылкаго человѣка, если онъ увлекался своимъ воображеніемъ, но первый его порывъ всегда носилъ на себѣ печать вдохновенія свыше ²⁾. Живописцы, точно такъ же, какъ и музыканты, находили, что идеи которыя онъ имъ внушалъ, столько же полны жизни сколько обильны содержаніемъ. Онъ былъ въ восторгѣ, когда могъ указать артисту, какъ сдѣлать изъ его плохой картины хорошую ³⁾. «Шарденъ, Ла-Гренэ, Грёзъ и другіе»,—говоритъ Дидро,—«увѣрили меня (а вѣдь у артистовъ нѣтъ склонности льстить литераторамъ), что я почти единственный человѣкъ, чьи созданія фантазіи можно было переводить на полотно почти такими, какими они возникали въ моей головѣ». И за тѣмъ онъ рассказываетъ въ доказательство сказаннаго, какъ онъ мгновенно придумалъ для Ла-Гренэ сюжетъ для изображенія Мира, какъ онъ далъ Грёзу мысль внести въ одну изъ его картинъ голую фигуру, не оскорбляя скромности зрителей, какъ онъ доставилъ еще одному живописцу историческій сюжетъ. ⁴⁾ Первый изъ этихъ трехъ случаевъ служить свидѣтельствомъ того, какъ даже для такого геніальнаго человѣка какъ Дидро было трудно сбросить съ себя искусственныя традиціи. Чтобъ изобразить Миръ, сказалъ онъ, обращаясь къ Ла-Гренэ, изобразите мнѣ Марса съ его латами, съ опоясывающимъ его мечемъ, съ его благороднымъ полнымъ энергіи лицомъ. Рядомъ съ нимъ изобразите Венеру во всей ея красѣ божественной, сладострастной, и обращающейся къ нему съ обворожительной улыбкой; пусть она указываетъ ему на его шлемъ, изъ котораго ея голуби сдѣлали для себя гнѣздо. Развѣ не странно, что даже Дидро иногда позабывалъ, что Марсъ и Венера давно умерли, что они уже не могутъ быть источникомъ свѣжаго и натурального вдохновенія и что ни артистовъ ни зрителей нельзя расшевелить холодными и выдохшимися аллегоріями на мертвомъ языкѣ? Если бы Дидро могъ увидѣть, какъ тотъ сюжетъ, за который

¹⁾ X. 342. Въ другомъ мѣстѣ (XVIII. 247) онъ говоритъ, что Грёзъ — *un excellent artiste, mais une bien mauvaise tête*.

²⁾ Цитировано въ *Oeuvres* Дидро, V. 460., пр.

³⁾ *Oeuvres*, XI. 258.

⁴⁾ XI. 74.

взялся Ла-Гренэ, изображень Ландсиромъ въ картинѣ *Миръ* и какъ тамъ представлены дѣти, забавляющіеся играми у самаго дула неупотребляемой въ дѣло пушки, онъ первый воскликнулъ-бы, что эта картина болѣе подходяща къ духу его собственныхъ эстетическихъ теорій, чѣмъ гордая осанка Марса и красота Венеры. Онъ былъ болѣе вѣренъ самому себѣ, когда рекомендовалъ Грѣзу сюжетъ, упомянутый во второмъ изъ приведенныхъ выше случаевъ. Онъ посоветовалъ Грѣзу нарисовать *Честную Натурщицу* — дѣвушку, которая въ первый разъ сѣла въ качествѣ натурщицы передъ артистомъ, сложивъ подлѣ себя на полъ свою бѣдную одежду; ея голова покоится на одной изъ ея рукъ, а по ея щекамъ текутъ слѣзы. Подлѣ нея стоитъ ея мать, одѣтая въ лохмотья, избличающія ея крайнюю нищету и прикрываетъ себѣ лице обѣими руками и одной изъ рукъ дочери. Живописецъ растроганъ при видѣ этой сцены, и палитра или кисть выпадаетъ изъ его рукъ. Грѣзъ тотчасъ воскликнулъ, что ему случилось видѣть главное дѣйствующее лицо такой картины, а мы съ своей стороны согласны съ тѣмъ, что такая дюжинная сантиментальная идея болѣе въ духѣ Дидро, чѣмъ изображеніе языческихъ боговъ и богинь.

Но Дидро бываетъ всего болѣе вѣренъ самому себѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ беретъ за сюжетъ какойнибудь картины, находящейся у него передъ глазами и старается доказать, что этотъ сюжетъ можно бы было изобразить гораздо лучше. Вотъ примѣръ:

Блѣство въ Египетѣ изображено пикантнымъ и новымъ способомъ; но живописецъ не умѣлъ хорошо выразить свою идею. Св. Дѣва представлена на заднемъ планѣ картины несущей на рукахъ младенца Іисуса. За ней слѣдуютъ Іосифъ и осель, на которомъ навьюченъ багажъ. На переднемъ планѣ изображены пастухи, которые стоя на колѣняхъ протягиваютъ къ ней руки и желаютъ ей счастливаго пути. Картина была бы прекрасна, еслибы живописецъ изобразилъ горы, у подножія которыхъ идетъ св. Дѣва, еслибы онъ представилъ эти горы отвѣсными, крутыми и величественными, если бы онъ покрылъ ихъ мхомъ и дикими растеніями, еслибы онъ придалъ св. Дѣвѣ простоту, красоту, величіе и благородство, еслибы путь по которому она идетъ, велъ ее узкою тропкою въ уединенную рошу, еслибы все это было представлено въ моментъ разсвѣта или солнечнаго заката!¹⁾

Св. Бенедиктъ — картина Дешэ, котораго Дидро считалъ одно время первымъ французскимъ живописцемъ, — также возбуждаетъ въ немъ желаніе указать замѣченные имъ недостатки. Дидро находить, что не смотря на блѣдность лица умирающаго святаго, можно бы было подумать, что ему предстоитъ прожить еще нѣсколько лѣтъ.

¹⁾ X. 115.

„Я спрашиваю, развѣ не лучше было бы, еслибъ онъ не былъ въ состояніи держаться на ногахъ, если бы его руки были распротерты, голова была откинута назадъ, съ смертью на устахъ и съ радостнымъ восторгомъ на лицѣ. Еслибы живописецъ придалъ изображенному имъ святому именно такое сильное выраженіе, посмотрите, другъ мой, что стало бы со всѣмъ остальнымъ! Это небольшое измѣненіе въ главной фигурѣ повліяло бы на всѣ остальные. Духовное лице, совершающее обрядъ богослуженія, вмѣсто того чтобъ держаться прямо, приняло бы отъ состраданія болѣе наклонную позу; страданіе и горестъ были бы болѣе сильны у всѣхъ присутствующихъ. Вотъ на этой картинѣ можно бы было объяснить молодымъ ученикамъ, какимъ образомъ измѣняя что либо приходится измѣнить все остальное, если живописецъ хочетъ оставаться вѣрнымъ истинѣ. По этому поводу можно бы было дать имъ хорошей урокъ касательно силы единства: надобно бы было сохранить тоже распредѣленіе и тѣже фигуры и предложить имъ нарисовать ту же картину сообразно съ различными измѣненіями, которыя будутъ сдѣланы въ фигурѣ лица, приобщающагося св. таинъ“ 1).

Дѣятельность Дидро по части эстетической критики не ограничивалась превосходными статьями о художественныхъ выставкахъ. Онъ не могъ довольствоваться краснорѣчивымъ воспроизведеніемъ на бумагѣ различныхъ комбинацій цвѣтовъ и формъ, встрѣчающихся въ живописи. Никто не былъ менѣе его расположенъ вдаваться въ изложеніе неопредѣленныхъ и вялыхъ соображеній. Онъ безпрестанно возвращается къ пронизательной и строгой критикѣ принциповъ, методовъ, особенностей изящныхъ искусствъ, и хотя нерѣдко обнаруживаетъ въ себѣ сантименталиста и декламатора, однако, когда нужно, умѣетъ тщательно анализировать идеи и фразы, умѣетъ находить причины и противорѣчія, умѣетъ открывать въ искусствѣ новые виды и новые классы и умѣетъ опредѣлять, какія условія необходимы для каждаго изъ нихъ. Коротче сказать, его способность краснорѣчиво и увлекательно критиковать произведенія живописи, не помѣшала ему вдумываться въ отвѣченные законы искусства съ свойственной философамъ способностью анализировать, сравнивать и распредѣлять по классамъ. Кто читалъ діалоги, написанные по поводу ландшафтовъ Вернэ на выставкѣ 1767 года, развѣ въ состояніи позабыть ихъ? 2) Критикъ предполагаетъ, что онъ лишенъ возможности посѣтить выставку этого года и что онъ находится въ прелестной деревнѣ на берегу моря среди изящныхъ пейзажей. Онъ описываетъ свои прогулки по этой живописной мѣстности, странныя и разнообразныя варіаціи свѣта и колорита, и

1) X. 125.

2) XI. 98—149.

всѣ движенія, которыя онъ замѣчаетъ на небѣ и въ океанѣ; въ эти описанія онъ вплетаешь рядъ своихъ разговоровъ съ однимъ аббатомъ, занимающимся воспитаніемъ дѣтей хозяина дома, — разговоровъ объ искусствѣ, о пейзажахъ и о міровыхъ движеніяхъ. Трудно представить себѣ что либо болѣе изящное и болѣе полное жизни; только въ самомъ концѣ разказа онъ признается, что все это — продуктъ фантазіи, внушенный ему не настоящимъ пейзажемъ, а морскими видами, присланными Вернэ на выставку.

Отсюда видно, какъ разнообразны были приемы, благодаря которымъ Дидро былъ такимъ интереснымъ и освѣжающимъ критикомъ. Онъ никогда не беретъ за свой предметъ машинально; доказательствомъ этого служить то, что его умъ, погружаясь въ находящуюся передъ его глазами картину, все таки относится самостоятельно къ внѣшней сторонѣ этой картины и постоянно доступенъ для общихъ соображеній, хотя и слѣдитъ съ большою точностью за всѣми особенностями находящагося передъ нимъ предмета ¹⁾.

Съ точки зрѣнія новѣйшихъ понятій о философіи изящныхъ искусствъ, Дидро не можетъ считаться авторитетомъ, такъ какъ у него слишкомъ ясно замѣтно отсутствіе какой либо системы. Но, какъ выразился Гёте въ одной статьѣ, гдѣ онъ рѣшительно расходится въ мнѣніяхъ съ Дидро, *die höchste Wirkung des Geistes ist, den Geist hervorzurufen* — высшее вліяніе ума заключается въ томъ, чтобъ пробуждать умъ. Въ этомъ стимулирующемъ возбужденіи интеллигенціи и заключалась главная способность Дидро. Ради этого можно извинять всѣ преувеличенія и не обращать вниманія на многочисленныя нарушенія законовъ *мѣры*. Съ этой точки зрѣнія можно найти много поучительнаго въ Гётевой статьѣ, по поводу *Essai sur la Peinture*, (написаннаго Дидро въ 1775, но вышедшаго въ свѣтъ лишь въ 1796). «Статья Дидро», — писалъ онъ Шиллеру, — «великодушное произведеніе; она еще болѣе поучительна для поэта, чѣмъ для живописца, хотя и для живописца она служитъ могущественнымъ источникомъ свѣта». Однако принципъ критики въ этой статьѣ Дидро совершенно противоположенъ принципу Гёте, и когда Гёте перевелъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, онъ нашелся вынужденнымъ присовокупить къ переводу замѣтку съ выраженіемъ самаго энергическаго протеста. Дидро, по своему обыкновенію, энергически превозноситъ природу, какъ единственный источникъ и родникъ настоящаго артистическаго вдохновенія. Онъ утверждаетъ, что даже тогда когда природа кажется намъ несовершенной и уродливой, она не бываетъ неправильна. Если она

1) XI. 223.

даетъ индивидууму какія нибудь необычайныя формы, она всегда приводитъ и другія части организма въ соотвѣтствіе и такъ сказать въ гармонію съ ненормальнымъ элементомъ. Мы говоримъ о человѣкѣ, который проходитъ мимо насъ на улицѣ, что онъ хорошо сложенъ. Это вѣрно съ точки зрѣнія нашихъ жалкихъ правилъ, но съ точки зрѣнія природы совсѣмъ другое дѣло. Мы говоримъ о статуѣ, что въ ней размѣры изящны: это вѣрно съ точки зрѣнія нашихъ жалкихъ правилъ; но вѣрно ли это съ точки зрѣнія природы ¹⁾?

Въ томъ же духѣ онъ нападаетъ на обыкновеніе рисовать съ академическихъ моделей. Всѣ эти академическія позы жеманны, натянуты, искусственны; всѣ эти положенія холодно и неуклюже выражены какимъ нибудь жалкимъ бѣднякомъ, и всегда однимъ и тѣмъ же жалкимъ бѣднякомъ, который нанятъ для того чтобъ приходиться три раза въ недѣлю, снимать съ себя одежду, и разыгрывать роль куклы въ рукахъ профессора; а развѣ это имѣетъ что либо общаго съ позами и положеніями натуральными? Что есть общаго между человѣкомъ, который достаетъ у васъ на дворѣ воду изъ колодца и тѣмъ человѣкомъ, который подражаетъ ему стоя на подмосткахъ въ школѣ живописи? Если Дидро считалъ потерянными тѣ семь лѣтъ, которые проходятъ въ рисованіи съ натурщиковъ, то онъ не былъ болѣе снисходителенъ и къ изученію въ подробностяхъ анатоміи человѣческаго тѣла. Онъ находилъ что артистъ будетъ тщеславиться своими научными познаніями, что его взглядъ сдѣлается неправильнымъ, что онъ будетъ стараться изображать то, что кроется подъ внѣшностью и позабудетъ, что его дѣло—изображать одну внѣшность. Этотъ практическій приѣмъ введенъ для того, чтобъ знакомить учащагося съ природой, а болѣею частью онъ ведетъ къ тому, что учащійся видитъ природу не такой, какова она на самомъ дѣлѣ. Однимъ словомъ Дидро полагаетъ, что жеманство исчезло бы и изъ рисунковъ и изъ колорита, еслибы живописцы строго подражали природѣ, и что оно исходитъ отъ наставниковъ, отъ академіи, отъ школы и даже отъ подражанія древнимъ. ²⁾

Не трудно представить себѣ, сколько заблужденій отыскалъ въ этихъ поученіяхъ авторъ *Ифигеніи* и страстный поклонникъ древнихъ скульптурныхъ произведеній. Главная ошибка Дидро,—сказалъ Гёте,—заключается въ томъ, что онъ смѣшиваетъ природу съ искусствомъ, и совершенно соединяетъ первую съ послѣднимъ. «Но

¹⁾ X. 461—2.

²⁾ X. 467. Болѣе почтительные отзывы о древнихъ образцовыхъ произведеніяхъ и о точкѣ зрѣнія Винкельмана можно найти въ *Salon de 1765*. X. 418.

природа производитъ живое, холодное существо, а артистъ нерѣдко воспроизводитъ существо мертвое, но полное значенія; натура производитъ нѣчто реальное, а артистъ воспроизводитъ нѣчто кажущееся. Въ произведеніи природы зритель долженъ вносить смыслъ, мысль, эффектъ, реальность, а въ произведеніи искусства онъ желаетъ и долженъ находить все это готовымъ. Полное подражаніе природѣ невозможно ни въ какомъ смыслѣ; призваніе артиста заключается только въ томъ, чтобъ изображать внѣшнюю сторону призрака. Назначеніе артиста—изображать внѣшнюю сторону предмета, его назначеніе—изображать все что живо, что говоритъ всѣмъ впечатлѣніямъ нашего ума и нашихъ чувствъ, что возбуждаетъ въ насъ желанія и возвышаетъ нашу интеллегенцію; его назначеніе изображать живую, мощную, законченную красоту, обладаніе которой сдѣлало бы насъ счастливыми». Другими словами, искусство имѣетъ свои собственные законы и свои собственныя цѣли, а у природы иные законы и инныя цѣли. Пренебрегать установленными правилами значить уничтожать тѣ условія, благодаря которымъ возможно нарисовать картину или изваять статую. Требовать, чтобъ ученикъ отвернулся отъ модели и шелъ учиться на улицу, въ тюрьму, въ церковь,—это тоже, что отослать его изъ школы, не научивши его именно тому, чего онъ тамъ искалъ. Пренебрегать изученіемъ анатоміи тоже, что оправдывать композитора позабывающаго въ своемъ энтузіазмѣ о низкихъ басовыхъ нотахъ, или поэта, позабывающаго въ своемъ энтузіазмѣ о томъ, сколько должно быть слоговъ въ его стихахъ. Сверхъ того, хотя вольный и широкій методъ и могъ бы принести пользу искусству, однако все артистическое достоинство произведенія зависитъ отъ мѣры. Красота—небольшой кругъ, въ которомъ можно вращаться лишь въ извѣстной мѣрѣ. А хранители и преподаватели этой извѣстной мѣры—академія, школа, наставникъ и главнымъ образомъ древніе образцы ¹⁾).

Я не нахожу надобности подробно разслѣдовать всѣ разномыслія между этими двумя великими мастерами въ дѣлѣ критики. Мы должны сознаться, что Гёте произнесъ послѣднее разумное слово, выразившее большую часть той истины, какая можетъ быть высказана по этому предмету. И это слово было сказано съ такой искренностью и съ такимъ благородствомъ, которыхъ никто не могъ бы оцѣнить болѣе высоко чѣмъ прямодушный Дидро. Въ сущности возраженія Гёте были направлены на тотъ тезисъ, который изложенъ у Дидро въ его *Paradoxe sur le Comédien*. Но положеніе живописи во Франціи, какъ съ этимъ соглашается и Гёте, было таково, что требовало критики, которая была бы преувеличеніемъ

¹⁾ Versuch über die Malerei Дидро. Werke Гёте, XXV. 309 etc.

тѣхъ идей, которыя Дидро высказывалъ бы въ болѣе умѣренной формѣ ¹⁾), еслибы находился въ такомъ же нейтральномъ положеніи какъ Гёте.

Въ одной изъ критическихъ статей Дидро о выставкѣ картинъ есть одно мѣсто, бросающее яркій свѣтъ на различіе между этими двумя гениальными людьми. Различіе между простымъ знатокомъ искусства и глубокомысленнымъ критикомъ заключается въ томъ, что у этого послѣдняго изъ-за идей объ искусствѣ проглядываетъ широкій взглядъ на жизнь. А у Дидро, не менѣе чѣмъ у Гёте, искусство всегда оказывается тѣсно связаннымъ съ характеромъ, влеченіями, условиями благополучія и поступками людей.

„Солнце, которое уже было на горизонтѣ, скрылось; море тотчасъ приняло болѣе мрачный и болѣе торжественный видъ. Сумерки, которые сначала бывають не похожи ни на день ни на ночь, вѣрно изображали наши слабыя идеи: они предупреждали философа, что онъ долженъ приостановить теченіе своихъ мыслей, а путешественника, что пора возвращаться домой. И такъ я повернулъ домой и дорогой размышлялъ о томъ, что если существуетъ особая мораль для каждаго разряда людей, то можетъ быть въ одномъ и томъ же разрядѣ существуетъ особая мораль для различныхъ отдѣльныхъ личностей или по меньшей мѣрѣ для различныхъ группъ схожихъ между собою личностей. А чтобъ не шокировать васъ какимъ нибудь слишкомъ серьезнымъ примѣромъ, я скажу вамъ, что можетъ быть есть особая мораль для артистовъ или для искусства и что она совершенно противоположна общепринятой морали. Да, другъ мой, я очень опасаясь, чтобъ чело-вѣкъ не шелъ прямо на бѣду тѣмъ самымъ путемъ, который ведетъ подражателя природы къ тому, что есть самага возвышеннаго. Бросаться въ крайности — это руководящее правило поэтовъ. Во всемъ придерживаться середины — это руководящее правило для того, чтобъ быть счастливымъ. Реальную жизнь не должно обращать въ поэзію. Герои, романтическіе любовники, великіе патріоты, непоколебимые судьи, религіозные проповѣдники, философы à toute ontrapese, — всѣ эти рѣдкіе и божественные безумцы дѣлають изъ жизни поэзію, и отъ этого происходятъ всѣ ихъ несчастія. Они-то и доставляють послѣ своей смерти сюжеты для великихъ картинъ.

¹⁾ И дѣйствительно онъ при случаѣ ихъ высказывалъ. См. XI. 101. Рейнольдсъ, который такъ искренно любилъ свое искусство, что былъ способенъ возвышаться надъ патріотическими предразсудками, описываетъ тогдашнее положеніе вещей. „Мнѣ случалось слышать, какъ живописцы утверждали, что безъ помощи природы они могли бы рисовать лучше, чѣмъ при ея помощи, и что, какъ они сами выражались, она только сбиваетъ ихъ съ толку. Наши соседи французы очень много упражняются въ такихъ импровизаціяхъ и ихъ ловкость въ этомъ дѣлѣ такъ велика, что даже возбуждаетъ удивленіе, если не зависть; но какъ рѣдко можно относиться съ такой же похвалой къ ихъ законченнымъ произведеніямъ живописи!“ — Двѣнадцатая бесѣда, стр. 105.

Ихъ всего удобнѣе изображать съ помощью живописи. Опытъ доказалъ намъ, что природа обрекаетъ на несчастіе того мужчину, котораго она надѣлила гениемъ и ту женщину, которую она надѣлила красотой; а это потому что они существа поэтическія. Тогда я сталъ восхвалять въ своемъ умѣ посредственность, которая предохраняетъ насъ и отъ порицаній и отъ зависти и спрашивалъ у самого себя, почему однакожъ никто не захотѣлъ бы утратить свою воспримчивость и сдѣлаться человѣкомъ посредственнымъ? О тщеславіе людское! 1).

Гётевъ *Tassé*,—это произведеніе столь полное высшей поэзіи и прелести,—есть идеализированное и патетическое видоизмѣненіе той фигуры, которую Дидро выдаетъ за олицетвореніе гения. Разговоры между несчастнымъ поэтомъ и свѣтскимъ человѣкомъ—Антоніемъ представляютъ искусное, возвышенное и ярко выдающееся изложенеіе той же проблемы, которая часто мучила Дидро. Гёте сочувствовалъ Антонію въ его точкѣ зрѣнія, такъ какъ въ его натурѣ было много сдержанности, здравого смысла и обыкновенной свѣтской разсудительности, а въ искусствѣ онъ любилъ спокойные идеалы. Напротивъ того Дидро,—какъ читатели уже могли замѣтить,—смотрѣлъ на все это иначе.

Статья о *Красотѣ*, помѣщенная въ Энциклопедіи, менѣе богата содержаніемъ, чѣмъ большая часть другихъ произведеній Дидро касательно этого предмета. 2) Она содержитъ въ себѣ подробный разборъ двухъ или трехъ другихъ теорій и въ особенности теоріи Гютчесона. Цѣль статьи—объяснить откуда происходитъ красота. Дидро приходитъ къ заключенію, что источникомъ Красоты служатъ «соотношенія». Слова, которыми мы обозначаемъ различные оттѣнки того, что прекрасно, выражаютъ наши понятія (приобрѣтенныя опытомъ чрезъ посредство чувствъ) о порядкѣ, пропорціи, симметріи, единствѣ и т. д. Но при этомъ все таки остается неразрѣшенной суть вопроса—почему одни соотношенія прекрасны, а другія нѣтъ, почему одни и тѣже предметы для меня прекрасны, а на васъ не производятъ никакого впечатлѣнія, почему одинъ и тотъ же предметъ прекрасенъ для меня сегодня, а завтра не производитъ на меня никакого впечатлѣнія или возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе? Правда, Дидро перечисляетъ двѣнадцать источниковъ, изъ которыхъ истекаетъ такое различіе мнѣній, и находитъ ихъ въ различіи расъ, возрастовъ, индивидуальныхъ особенностей, душевныхъ настроеній, но ихъ вліяніе обуславливается тѣмъ, чтобъ въ понятіе о прекрасномъ внесенъ былъ какой нибудь болѣе опредѣленный элементъ, нежели простая идея о соотношеніи. Нѣкоторыя изъ его сужденій доказы-

1) X. 124—5.

2) Oeuures, X.

вають, что онъ былъ очень близко къ знаменитой теоріи Алисона, признававшей красоту только затѣмъ, что мы слышимъ и видимъ, когда и то и другое напоминаетъ намъ о чемъ нибудь, что приятно, возвышенно, патетично и направляетъ наши идеи и эмоціи въ одинъ изъ этихъ каналовъ. Но онъ не слѣдуетъ по стопамъ Алисона и не находитъ никакого прилагательнаго, которое онъ могъ бы предпослать своимъ *garrets*, чтобъ уяснить ихъ смыслъ. Сверхъ того онъ напрасно тратитъ время, стараясь втиснуть въ рамки своего опредѣленія нѣкоторыя значенія слова красота, которыя въ сущности примѣнимы къ предметамъ только путемъ аналогіи и которыя вовсе негодны для опредѣленія красоты въ какомъ либо литературномъ или научномъ ея смыслѣ.

Въ изслѣдованіяхъ по части эстетики нѣтъ болѣе интереснаго отдѣла чѣмъ тотъ, который касается взаимныхъ отношеній искусствъ между собою и разграниченія сферъ поэзіи, живописи, скульптуры и музыки. На этотъ трудный предметъ Дидро сталъ обращать вниманіе съ самаго начала своей литературной карьеры. Въ своемъ письмѣ *О слухо-нѣмыхъ* (1751) онъ поставилъ себѣ задачей—перечислить всѣ обычные красоты поэзіи, живописи и музыки, указать на существующую между ними аналогію, объяснить какъ поэтъ, живописецъ и музыкантъ изображаютъ одинъ и тотъ же предметъ, уловить ихъ измѣнчивые способы выраженія. Почему, спрашиваетъ онъ, положеніе, которое превосходно въ поэмѣ, становится смѣшнымъ въ произведеніи живописи? ¹⁾ Напримѣръ, что мѣшаетъ живописцу воспроизвести описанный у Виргилія моментъ, когда Нептунъ подымаетъ свою голову изъ бушующихъ волнъ:

*Interea magno misceri murmure pontum,
Emissamque hiemem sensit Neptunus, et imis
Stagna refusa vadis; graviter commotus, et alto
Prospectans, summâ placidum caput extulit undâ.*

Отвѣчая на этотъ вопросъ, Дидро заранѣе становится на точку зрѣнія автора той знаменитой маленькой книжки, которая вышла въ свѣтъ черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того и которую по справедливости считаютъ за фундаментъ эстетическаго образованія. Въ *Лаокоонѣ* Лессингъ утверждаетъ,—въ противность автору *Полиметиса* Спенсу, въ противность Кэлюсу и нѣкоторымъ другимъ современнымъ ему писателямъ,—что у поэзіи и живописи различныя цѣли, различныя способы производить впечатлѣніе, различныя объемы и различныя границы, устанавливаемые для каждой изъ нихъ

¹⁾ Слѣдуетъ также замѣтить, что онъ обнаруживаетъ истинную проницательность когда сопоставляетъ трудность переложения поэтическаго разсказа въ произведеніе живописи съ однородной трудностью перевода законченной поэмы на какой либо другой языкъ. См. также XI. 107.

свойствомъ ихъ существенныхъ особенностей. 1) Такъ и Дидро утверждаетъ, что живописецъ не могъ бы изобразить описанный Виргилиемъ моментъ, потому что тѣло, только одной частію погруженное въ воду, было бы обезображено отраженіемъ, которое непременно должно быть воспроизведено отчетливымъ артистомъ; потому что тѣло нельзя видѣть сквозь бушующія волны и стало бытъ богъ казался бы обезглавленнымъ; потому что, художникъ, нежелающій, чтобъ его картина была изображеніемъ хирургической ампутаціи, долженъ показать какую нибудь часть скрытаго подъ водою тѣла для того чтобъ зрителю было ясно, что у головы есть тѣло. 2) Дидро беретъ другой примѣръ, изъ котораго видно, что прекрасное въ поэзіи можетъ быть невыносимо въ живописи. Онъ спрашиваетъ: кто могъ бы вынести изображеніе на полотнѣ Полифемуса, который грызетъ зубами кости одного изъ спутниковъ Улисса? Кто могъ-бы видѣть безъ отвращенія, какъ гигантъ держитъ въ своей громадной пасти челоуѣка, и какъ кровь течетъ по его лицу и по его груди?

Между многочисленными замѣчаніями, въ которыхъ Дидро касается различій между поэзіей и живописью, нѣтъ ни одного болѣе мѣткаго и болѣе основательнаго чѣмъ то, когда онъ умоляетъ поэта не заниматься описаніемъ мелкихъ подробностей: «Правильность вкуса заключается въ томъ, чтобъ остановиться на одной или двухъ характеристическихъ особенностяхъ, а все остальное предоставить на произволь въображенія. Армида кажется намъ прекрасной именно въ тотъ моментъ, когда она съ благородной осанкой идетъ промежъ рядовъ арміи Готфрида и когда генералы бросаютъ другъ на друга завистливые взоры. Елена прекрасна именно тогда, когда она проходитъ передъ старцами Трои и когда они всѣ превозносятъ ее. А Альсина вовсе не прекрасна въ тотъ моментъ, когда Аріостъ описываетъ ее съ верхушки ея головы до подошвы ея ногъ, не смотря на то, что его стихъ полонъ граціи, легкости и пріятнаго изящества. Онъ описываетъ мнѣ все, такъ что мнѣ ничего не остается дѣлать; а это надоѣдаетъ мнѣ и выводитъ меня изъ терпѣнія. Если личность, которую вы описываете, двигается, представьте мнѣ ея осанку и ея ловкость, — остальное я самъ дополню. Если она наклонилась, расскажите мнѣ только какія у ней руки и плечи, все остальное я беру на себя. Если вы дѣлаете больше того, что нужно, вы перепутываете различные роды искусства, вы перестаете быть поэтомъ и становитесь живописцемъ или скульпторомъ. Дайте

1) Лессинга, какъ кажется, привело къ этой мысли вліяніе Аристотеля. См. Готшлиха *Lessing's Aristotelische Studien*, p. 120.

2) *Oeuvres*, I. 382, 403.

миѣ одну, только одну, характеристическую черту и очень выдающуюся черту, а остальное предоставьте моему воображенію. Въ этомъ заключается настоящее мастерство и самое высокое мастерство». ¹⁾ И затѣмъ онъ съ восторгомъ цитируетъ слова Овидія о богинѣ морей:

Nec brachia longo
Margine terrarum parreherat Amphitrite.

Какая картина! — восклицаетъ онъ. Какія руки! Какія удивительныя движенія! Какая фигура! и т. д. въ тонѣ своего обычного пафоса.

Никто не станетъ сравнивать эти неполныя отрывочныя сужденія съ тѣмъ всестороннимъ спокойнымъ мастерствомъ, съ которымъ Лессингъ излагаетъ многочисленныя развѣтвленія своей основной идеи въ *Лаокоонъ* и недоконченныхъ къ нему дополненіяхъ. Мы можемъ только замѣтить, что Дидро стоялъ одной ногой на томъ самомъ пути, на которомъ Лессингъ впоследствии достигъ такихъ замѣчательныхъ результатовъ. Если читатель захочетъ точнѣе оцѣнить плоды болѣе серьезнаго и сосредоточеннаго вниманія, съ которымъ Лессингъ относился къ своему предмету, пусть онъ сравнитъ двѣнадцатую главу *Лаокоона* съ тѣмъ, какъ анализируетъ Дидро картину Дуайена *Битва между Дюмедомъ и Энеемъ*. ²⁾ Видя, какъ близокъ былъ Дидро къ правильному взгляду на всѣ эти предметы и какъ однако онъ былъ еще далекъ отъ полнаго пониманія того, что стало бы доступно для его высокаго ума при сколько нибудь послѣдовательномъ изученіи предмета, мы не безъ скорби припоминаемъ его собственное признаніе: «Я сознаю, что не употребилъ въ дѣло и половины моихъ способностей: *jus qu' à présent je n'ai que bauguenaudé*».

Касательно великаго музыкальнаго искусства Дидро не высказалъ много такого, что было бы достойно вниманія. Нѣмецкій музыкантъ Бемецридеръ, дававшій его дочери уроки на клавикордахъ, написалъ начальное руководство подъ названіемъ *Уроки на клавикордахъ и принципы Гармоніи*. Новѣйшіе преподаватели музыки считаютъ это произведеніе никуда негоднымъ. Но Дидро, съ свойственнымъ ему безграничнымъ добродушіемъ, задалъ себѣ трудъ изложить содержаніе этого сочиненія въ цѣломъ рядѣ діалоговъ, въ которыхъ наставникъ, ученикъ и философъ высказываютъ другъ другу разныя изысканныя любезности и осыпаютъ другъ друга комплиментами. Это напоминаетъ одну изъ старинныхъ еврейскихъ грамматикъ, изложенную въ формѣ разговора съ какой то герцо-

¹⁾ Oeuvres, XI. 328.

²⁾ Salon de 1761; Oeuvres, V. 140.

гиней: «Ваша свѣтлость изволили милостиво одобрить составленный мною планъ. Все это, вѣроятно, уже извѣстно Вашей Свѣтлости, но Ваша Свѣтлость, вѣроятно, никогда еще не изволила»... и т. д.

Недѣлости, которыя писались литераторами изъ добродушнаго желанія оказать пріятельскую услугу, не такъ многочисленны, чтобъ мы не могли относиться къ нимъ съ добродушной снисходительностью. Статьи Дидро о художественныхъ выставкахъ имѣютъ столько достоинствъ, что этими достоинствами прикрываются многочисленные его грѣхи по другимъ отраслямъ искусства. Въ европейской литературѣ не много произведеній, которыя бы такъ же хорошо объясняли намъ, какимъ образомъ критика искусства сама можетъ сдѣлаться изящнымъ искусствомъ.

ГЛАВА XII.

Петербургъ и Гага.

«Что сказали-бы вы о хозяинѣ огромнаго дворца, проводящемъ всю свою жизнь въ томъ, что онъ изъ погреба взбирается на самый верхній этажъ, а изъ верхняго этажа опять спускается въ погребъ, вмѣсто того, чтобъ спокойно сидѣть среди своего семейства? А въ этомъ и заключается препровожденіе времени того, кто путешествуетъ». Однако Дидро, которому принадлежатъ приведенныя слова, рѣшился предпринять, когда ему было шестьдесятъ лѣтъ, такое дальнее путешествіе, какъ поѣздка въ столицу, лежащую на берегахъ Невы. Ему пришла на умъ мысль или можетъ быть другіе внушили ему мысль, что онъ обязанъ сдѣлать визитъ своей августѣйшей благодѣтельница, облегчившей своими щедротами бремя его житейскихъ заботъ. Онъ только-что познакомился съ двумя знатными русскими особами. Одна изъ нихъ была княгиня Дашкова, считавшаяся за дѣятельную участницу въ переворотѣ 1762 года, окончившемся возведеніемъ Екатерины II на престолъ. Впавши въ немилость, она пустилась путешествовать по Европѣ. Горасъ Вальполь описалъ намъ, съ какою любопытствомъ смотрѣли въ Лондонѣ на эту амазонку, принимавшую участіе въ важныхъ политическихъ событіяхъ, когда ей было только девятнадцать лѣтъ. Въ Англіи она произвела хорошее впечатлѣніе не смотря на то, что въ ея глазахъ отражалось «настоящее Катилиновское высокомеріе». Ей также понравилась Англія и когда она переѣхала изъ Лондона въ Парижъ, она вовсе не старалась пріобрѣтать друзей въ столицѣ враждебной англичанамъ націи. Дидро былъ, какъ кажется, единственный человѣкъ, съ которымъ она была въ интимныхъ отношеніяхъ. Княгиня (1770) заѣзжала за нимъ почти каждый день, увозила его обѣдать и удерживала его у себя до утра, слушая его

разказы и декламацию. Ее забавляли «ураганы его восторженной натуры» и много лѣтъ спустя послѣ того она вспоминала, какъ она однажды до того взволновала его, что онъ быстро вскоцилъ со стула, сталъ бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ и съ яростью плевать на полъ. ¹⁾

Другимъ болѣе вліятельнымъ русскимъ пріятелемъ Дидро былъ князь Голицынъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ иностранцевъ, которые подобно Гольбаху, Гримму и Галиани, чувствовали себя въ Парижѣ болѣе дома, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ земнаго шара. Онъ проводилъ время большею частію среди артистовъ и литераторовъ и скоро сдѣлался ихъ общимъ любимцемъ. Съ помощью Дидро (1767) онъ приобрѣлъ для императрицы много произведеній живописи, служащихъ украшеніемъ петербургской картинной галлерей, и Дидро высоко цѣнилъ его пониманіе изящныхъ искусствъ, такъ какъ у него былъ великій принципъ вѣрнаго вкуса—*belle â me*. ²⁾ Князь писалъ пастушескія стихотворенія на французскомъ языкѣ и взялся за болѣе полезную и болѣе трудную задачу— написать на своемъ родномъ еще не вполне обработанномъ языкѣ изслѣдованіе о великихъ живописцахъ Италіи и Голландіи. ³⁾ Дидро тонко замѣчаетъ на его счетъ, что онъ вѣрилъ въ равенство всѣхъ слоевъ общества по инстинкту,—а это гораздо лучше чѣмъ вѣрить въ равенство вслѣдствіе доводовъ разсудка. ⁴⁾ Черезъ посредство этого дружески расположеннаго и интеллигентнаго челоуѣка императрица и купила библіотеку Дидро. Въ 1769 г. онъ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ Гагъ и былъ доволенъ этимъ назначеніемъ главнымъ образомъ потому, что оно давало ему возможность жить неподалеку отъ его парижскихъ друзей.

Дидро отправился въ путь лѣтомъ 1773 г.,—въ то самое время какъ Джонсонъ предпринялъ свою знаменитую поѣздку на Гебридскіе острова,—и мѣстомъ его первой остановки была столица Голландіи, находившаяся въ то время на разстояніи четырехъ дней пути отъ Парижа. Тамъ онъ пробылъ нѣсколько недѣль въ нерѣшительности на счетъ того, приводить-ли въ исполненіе проэктъ гораздо болѣе длиннаго путешествія. Большую часть своего времени онъ проводилъ въ обществѣ князя и княгини Голицыныхъ, которые были добры къ нему какъ братъ и сестра. Онъ упоминаетъ о томъ, что ихъ домъ когда-то служилъ мѣстопребываніемъ для Барневель-

¹⁾ *Memoirs of Princess Dashkoff* (vol. II), изд. Брадфорда, спутника и пріятеля княгини. (Лондонъ, 1840). См. что пишетъ объ ней Дидро, *Oeuvres*, XVII. 487. Сравни. *Письма Гораса Вальполя*, V. 266.

²⁾ *Oeuvres*, XVIII. 239.

³⁾ *Гримма Cor. Lit.* XV. 18. Дидро, XVIII. 251.

⁴⁾ *Oeuvres*, XIX. 250.

да. Такіе люди какъ Дидро рѣдко останавливаютъ свое вниманіе на историческихъ условіяхъ своего собственнаго времени, иначе мы были бы въ правѣ ожидать отъ него какихъ нибудь размышленій по поводу того, что эта страна свободы и терпимости нерѣдко служила спасительнымъ убѣжищемъ для тѣхъ, кто еще прежде него подвизался на литературномъ поприщѣ во имя эманципаціи. Декартъ провелъ двадцать лѣтъ (1629—1649) между голландскими бюргерами, пользуясь неоцѣнимой свободой. Основныя идеи Энциклопедіи пришли прямымъ путемъ отъ Бэйля (ум. 1706) и Локка (ум. 1704) а и Бэйль и Локкъ были обязаны, хотя и не въ одинакой мѣрѣ, своей безопасностью тому упорному мужеству, съ которымъ Голландцы защищали свое отечество и научили англичанъ защищаться отъ пагубныхъ притязаній католическаго абсолютизма. Такія воспоминанія вѣроятно не приходили на умъ Дидро, точно также какъ не приходили на умъ Декарта теоріи Гроція или художественныя произведенія Рембранда. Сентиментальность къ историческимъ фактамъ не была ни въ духѣ того времени ни въ духѣ Дидро. «Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ этой страной»,—писалъ онъ своимъ парижскимъ друзьямъ,—«тѣмъ болѣе я чувствую себя какъ дома. Камбала, свѣжіе сельди, палтусы, окуни,—все это прекрасныя вещи. Мѣста для прогулки прелестны; не знаю добродѣтельны-ли здѣшнія женщины, но когда онѣ проходятъ мимо меня въ большихъ соломенныхъ шляпахъ съ опущенными внизъ глазами и съ огромными косынками, прикрывающими ихъ талію, онѣ точно будто возвращаются изъ церкви или идутъ на исповѣдь». Впрочемъ Дидро дѣлаетъ и болѣе серьезныя наблюденія. Его замѣчаніе касательно того, какъ нужно путешествовать, чтобъ извлекать изъ путешествія самую большую для себя пользу, полны здраваго смысла, а написанныя имъ замѣтки о Голландіи доказываютъ, что онъ не былъ лишенъ того дара проницательной наблюдательности, какового мы въ правѣ ожидать отъ него. 1) Я считаю болѣе умѣстнымъ поговорить подробно объ этомъ предметѣ, когда буду вести рѣчь о его вторичной остановкѣ въ Гагѣ на возвратномъ пути изъ Россіи.

Послѣ долгихъ колебаній жребій наконецъ былъ брошенъ. Камергеръ Нарышкинъ взялъ философа на свое попеченіе и выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ отличномъ экипажѣ по грустной дорогѣ, которая ведетъ въ столицу, основанную Петромъ Великимъ. Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать небольшое отступленіе для того, чтобъ объяснить соціальное и интеллектуальное различіе между столицей, которая служила для философа постояннымъ мѣстопребываніемъ и той столицей, куда онъ ѣхалъ, и для того чтобъ выяснитъ значеніе этой

1) Oeuvres, XVIII. 365, 471.

поѣздки. Только тогда мы будемъ въ состояніи понять, какое положеніе занимали Энциклопедисты въ Европѣ и почему близкое знакомство со всѣмъ, что ихъ касается, интересно для всякаго, кто изучаетъ исторію западной цивилизаціи. Для того, чтобъ составить себѣ ясное понятіе о дѣлахъ революціонной философіи и о первенствующей роли, которую игралъ Парижъ на западѣ Европы, мы должны слѣдить не только за тѣмъ, что дѣлалось въ Фернэ и Грандвалѣ, въ салонахъ г-жи Жоффренъ и дѣвицы Леспинассъ, но и за тѣмъ, что происходило въ дворцахъ Флоренціи, Берлина, Вѣны и Петербурга.

Перенестись въ Россію изъ Голландіи, —этой страны съ свободными учрежденіями, съ мирной промышленной дѣятельностью, съ накопленными богатствами, съ многообразными и оригинальными произведеніями искусства, съ великими политическими и литературными преданіями, —значило измѣрить ступени развитія западной Европы и возвратиться назадъ по пятамъ генія цивилизаціи. Политическая столица Россіи представляла собою насильственное и искусственное сочетаніе старыхъ условій общественной жизни съ новыми. По словамъ одного очевидца, въ Петербургѣ соединялись: вѣкъ варварства съ вѣкомъ цивилизаціи, десятое столѣтіе съ восемнадцатымъ, нравы Азіи съ нравами Европы, самые грубые Скифы съ самыми образованными европейцами, блестящая и гордая аристократія съ народомъ погруженнымъ въ рабство. Съ одной стороны — изящныя моды, великолѣпные туалеты, роскошные пиры, блестящія празднества и театры, совершенно похожіе на тѣ, которые вносили одушевленіе въ избранныя кружки лондонскаго и парижскаго общества; съ другой стороны — торговцы въ азіатскихъ костюмахъ, кучера, слуги и крестьяне въ бараньихъ тулупахъ, съ длинными бородами, мѣховыми шапками, длинными рукавицами и топорами, висящими на кожаныхъ поясахъ. Толстые шерстяные валики, надѣтые на ихъ ноги, походили на грубые котурны, а тому, кто видѣлъ барельефы на Трояновой колонѣ въ Римѣ, неуклюжія фізіономіи этихъ людей напоминали наводившихъ ужасъ на имперію Скифовъ, Даковъ, Готевъ, и Роксолановъ. ¹⁾ Научное образованіе было ограничено самыми узкими рамками. Хотя Россія и была во многихъ отношеніяхъ восточнымъ государствомъ, она отличалась отъ восточныхъ странъ тѣмъ, что русскія женщины были, —и какъ слышно, до сихъ поръ еще бываютъ, —болѣе образованы и развиты, чѣмъ мужчины. Многія изъ нихъ могли выражаться на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, умѣли играть на различныхъ инструментахъ и были знакомы съ произведеніями знаме-

¹⁾ Сегюра М 6 т. II. 230.

нитыхъ поэтовъ Франціи, Италиі и Англиі. Напротивъ того между мужчинами, за исключеніемъ немногихъ семей, приближенныхъ ко двору,—громадное большинство было совершенно незнакомо съ тѣмъ, что дѣлается внѣ предѣловъ ихъ отечества. Немногіе русскіе, побывавшіе за границей и стоявшіе на одномъ умственномъ уровнѣ съ своимъ вѣкомъ, имѣли такъ же мало общаго съ своими соотечественниками, какъ мало общаго между англичанами и Ирокезцами.

Кто-то сказалъ, что нужно имѣть перо Прокопія, чтобъ описать дворъ Екатерины вѣрными красками. Это было гнѣздо разврата, интригъ, зависти, насилій и ненависти. Однажды Екатерина сказала обращаясь къ окружавшимъ ее двадцати семи царедворцамъ: «Если бы я повѣрила тому, что вы говорите другъ про друга, то оказалось бы, что между вами нѣтъ ни одного, который не заслуживаетъ, чтобъ ему отсѣкли голову». Одна княгиня была извѣстна своей безчеловѣчной жестокостью. Она нечаянно узнала, что одна изъ ея горничныхъ родила ребенка; въ ярости бросилась она на беззащитную Каллисто, преслѣдуя ее изъ одной комнаты въ другую, наконецъ догнала ее, ударила ее по головѣ тяжелымъ орудіемъ и въ изступленіи отъ гнѣва, сорвала съ нея одежды. Когда двумъ царедворцамъ случилось поссориться, они бросались другъ на друга точно пьяные чернорабочіе, а у Потемкина одинъ глазъ былъ выбитъ въ подобной придворной дракѣ. Эти отвратительныя сцены даютъ намъ мѣрку того, на сколько въ Версали было болѣе гуманности, и объясняютъ намъ, почему дуэль можетъ считаться за признакъ болѣе высокой цивилизаціи. Господствующими страстями были жадность къ деньгамъ и удовлетвореніе грубаго тщеславія. Дружба, добродѣтель, вѣжливость, деликатность, честность,—все это, по словамъ одного очевидца, были тамъ не болѣе какъ слова, лишеныя всякаго смысла. Веденіе государственныхъ дѣлъ было настроено на такой же грубый тонъ, какъ и отношенія между частными людьми. Сэръ Г. Макартнэ говоритъ, что онъ можетъ въ подтвержденіе этого сослаться на заявленія Клерка и Тиллотсона въ Константинопольскомъ диванѣ и на авторитетъ Пуффендорфа и Гроція.

Отзывы о характерѣ самой императрицы не такъ единогласны, какъ мнѣнія о томъ обществѣ, въ средѣ котораго она была единственной внушавшей уваженіе личностью. Въ исторіи она стоитъ на ряду съ англійской королевой Елизаветой, съ Катериной Медици, съ Маріей Терезой въ числѣ тѣхъ женщинъ, которыя были похожи на великихъ мужей. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, что она сдѣлала для организаціи громадной имперіи, примыкающей съ одной стороны къ Пруссіи, а съ другой къ Китаю. Только въ наше время становятся доступными тѣ матеріалы, по которымъ можно ближе ознакомиться

съ ея личностью и оцѣнить ея дѣятельность ¹⁾. При этомъ, — какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, — быстро исчезаютъ мифическіе элементы, окружавшіе ее подобно блѣдному туману сѣверныхъ морей, изъ котораго ея личность выдѣлялась какъ какой-то призракъ, и вмѣсто неясныхъ очертаній нашимъ взорамъ представляется обыкновенный человѣческій образъ съ болѣе чѣмъ обыкновенными человѣческими размѣрами твердости, рѣшительности и яснаго пониманія своего положенія.

Чтобъ вѣрно охарактеризовать ея личность, мы должны обратиться отъ философовъ къ дѣловымъ людямъ. Эти послѣдніе рассказываютъ намъ, что она представляла собою небывалое смѣшеніе отваги съ слабостью, знанія съ некомпетентностью, твердости съ нерѣшительностью; переходя поочередно къ самымъ противоположнымъ крайностямъ, она представлялась въ тысячахъ различныхъ видовъ, такъ что наблюдателю не оставалось ничего другаго, какъ признать за нею замѣчательное искусство притворяться. У нея не было быстроты соображенія. Она не была въ состояніи понять очень тонкаго остраго слова, и была способна объяснить его въ противоположномъ смыслѣ. Она не любила никакихъ шуточныхъ замѣчаній о финансахъ, о военныхъ силахъ и даже о климатѣ ея имперіи ²⁾. Политическая сторона ея натуры была самой серьезной ея стороной. У нея была склонность къ литературѣ, но не было литературныхъ способностей Фридриха Великаго. Есть достовѣрные указанія на то, что она написала для своего внука не только сокращенную исторію Россіи, но и цѣлый томъ нравственныхъ разсказовъ ³⁾. Но сочиненіе нравственныхъ разсказовъ не имѣло никакой связи съ нравственностью. Точно такъ какъ у Лудовика XV были разные Шатору,

¹⁾ Императорское историческое общество издаетъ теперь *Общій Сборникъ документовъ*, въ числѣ которыхъ есть не мало и такихъ, которые бросаютъ свѣтъ на сношенія Екатерины съ литераторами. Въ архивахъ кн. Воронцова (въ особенности въ т. XII), въ массѣ вещей не имѣющихъ никакого значенія для занимающаго насъ предмета, есть и кое-что интересное. Рамбо, — авторъ ученаго сочиненія о греческой имперіи въ десятомъ столѣтіи, — сдѣлалъ интересные извлеченія изъ названнаго источника и изложилъ ихъ въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ *Revue des deux Mondes* за февраль и апрѣль 1877 года. Кроме свѣдѣній, которыя можно почерпнуть отъ Вильяма Тука, Сегюра, Дашковой, пользующихся всѣми признаннымъ авторитетомъ, есть еще не мало интересныхъ страницъ въ мемуарахъ князя де-Линя, — этой привлекательной и интересной личности. Выдержки изъ англійскихъ и французскихъ депешъ я заимствовалъ изъ анонимаго но исторически достовѣрнаго произведенія, напечатаннаго въ Берлинѣ въ 1858 г. подъ заглавіемъ: *La Cour de la Russie il y a cent ans: 1725—83; extraits des dépêches des Ambassadeurs anglais et français*. Собственные мемуары Екатерины, изданные въ 1859 г. въ Лондонѣ Александромъ Герценомъ, внушаютъ сильное сомнѣніе въ ихъ подлинности.

²⁾ *Mém. du Prince de Ligne*, p. 101.

³⁾ Сегюръ, 219.

Помпадуръ, Дюбарри, у Екатерины были Орловы и Потемкины и безчисленное множество ничѣмъ не замѣчательныхъ любимцевъ въ родѣ Васильчикова, Завадовскаго, Зорича, Корсакова. Въ серьезныхъ дѣлахъ главнымъ для нея образцомъ и идоломъ былъ Лудовигъ XIV. Всякое критическое замѣчаніе касательно знаменитаго короля она считала за личное для себя оскорбленіе. Своимъ занятіямъ въ качествѣ государыни—*mon petit ménage*, какъ она называла попеченія о своей огромной неустроенной имперіи,—она предавалась съ такой же неутомимой дѣятельностью, какъ и самъ Лудовигъ въ лучшую пору своей жизни. Не смотря на всѣ усилія улучшить положеніе имперіи, она не была популярна и не пользовалась любовью своихъ подданныхъ, но она, какъ кажется, не столько заботилась о мнѣніяхъ и чувствахъ русскаго народа, сколько объ одобреніи Европы. Она не любитъ трагедій, писалъ французскій посланникъ, а комедіи надобѣдаютъ ей; она не любитъ музыку; ея столъ лишень всякой изысканности; въ саду она заботится только о розахъ; она любитъ только заниматься постройками и вводить дисциплину при своемъ дворѣ; что же касается ея склонности къ тому, чтобъ царствовать и разыгрывать въ мірѣ важную роль, то это скорѣе всепоглощающая страсть, чѣмъ склонность.

Англійскій повѣренный въ дѣлахъ Гённингъ утверждалъ, что мотивомъ для всѣхъ ея патриотическихъ усилій служило не желаніе общаго блага, а ненасытная и безграничная жажда славы. «Иначе мы были бы должны обвинить ее въ доходящей до сумасбродства непослѣдовательности за то, что она предпринимала множество огромныхъ построекъ для общественной пользы, основывала коллегіи и академіи по самому широкому плану и съ огромными денежными затратами, а потомъ оставляла эти предпріятія недоконченными, и даже не доводила построекъ до окончанія». Все это дѣлалось съ пѣлію вызвать со стороны иностранцевъ похвалы сѣверной Семирамидѣ и больше этого ничего не требовалось. Здѣсь есть множество академій и для искусствъ и для наукъ,—писалъ французскій посланникъ,—но въ академіяхъ мало сюжетовъ для занятій и еще менѣе воспитанниковъ. И откуда вѣзяться воспитанникамъ въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ другихъ людей кромѣ царедворцевъ, солдатъ и рабовъ? Принцесса Софія Ангальтская воспитывалась французской гувернанткой за долго до того времени, когда въ ней зародились мечты о престолѣ, а разившіеся въ ней подъ вліяніемъ этой гувернантки вкусы превратились въ такую страсть къ французской литературѣ, которую можно сравнить только съ подобной страстью Фридриха Великаго. Екатерина только поддерживала то движеніе умовъ, которое уже достигло значительныхъ размѣровъ въ царствованіе ея предмѣстника. Общественная реакція противъ политическа-

го преобладанія Германіи сопровождалась симпатіями къ Франціи. Французскіе профессора по части искусствъ и литературы получали приглашеніе переселяться въ Москву, дворяне ѣздили въ Парижъ запасаться одеждами и домашней обстановкой, а въ Петербургѣ былъ открытъ французскій театръ и дворяне были обязаны посѣщать его подъ угрозой денежнаго штрафа. За тѣми, кто не являлся во время въ свою ложу, посылали конныхъ гонцевъ.

Сама Екатерина была болѣе серьезна и болѣе интеллигентна въ своихъ влеченіяхъ къ французской культурѣ. Она начала съ чтенія книгъ, въ которыхъ всего сильнѣе сказывалось старое французское остроуміе, — съ Рабелэ, Скаррона, Монтэня; она восхищалась Мольеромъ и Корнелемъ; а между писателями восемнадцатаго столѣтія, — если не считать Вольтера, — любимцемъ ея былъ авторъ Жиль-Блаза. Эти имена уже сами по себѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что она чувствовала влеченіе ко всему, что энергично, остроумно и изящно. «*Je suis une Gauloise du nord*, — говорила она, — «и понимаю только прежнихъ французовъ, но не понимаю новыхъ. Я думала, что извлеку какую нибудь пользу изъ вашего образованнаго сословія, изъ вашихъ ученыхъ разныхъ наименованій съ окончаніями на *истъ*: я испытала ихъ на дѣлѣ; я выписала сюда нѣкоторыхъ изъ нихъ; при случаѣ я переписывалась съ ними; они надѣли мнѣ до смерти и никогда не умѣли понять меня; только мой добрый покровитель Вольтеръ составляетъ исключеніе. Знаете-ли вы, что Вольтеръ тотъ, кто былъ моимъ руководителемъ?»¹⁾ Это было секретное признаніе, сдѣланное много времени спустя послѣ того, какъ философы большею частію уже окончили свое земное существованіе. Даже если бы мы не имѣли столь несомнѣннаго свидѣтельства, какъ приведенныя слова самой Екатерины, мы безъ труда могли бы открыть секретъ ея дружбы съ такимъ человѣкомъ, какъ Дидро. Екатерина искала философовъ, потому что они были въ славѣ, а не потому что она сочувствовала ихъ идеямъ. Въ ту пору они привлекали къ себѣ вниманіе всей Европы, точно такъ какъ въ различныя эпохи привлекали къ себѣ ея вниманіе то знатоки греческой литературы, то живописцы, то великіе мастера въ религиозной полемикѣ. «Главное достоинство Франціи», — сказалъ Вольтеръ, — «то достоинство, которое даетъ ей преобладающее значеніе, заключается въ томъ, что у нея есть нѣсколько замѣчательныхъ или привлекательныхъ гениальныхъ людей, благодаря которымъ французскій языкъ въ употребленіи и въ Вѣнѣ и въ Стокгольмѣ и въ Москвѣ. Ваши министры, ваши интенданты, ваши главные секретари не имѣютъ никакой доли участія въ приобрѣтеніи такой славы». Бла-

¹⁾ Къ князю де-Линь.

годаря общеизвѣстности философовъ и литература ихъ отечества приобрѣла всеобщую извѣстность. Даже въ такомъ отдаленномъ краѣ, какъ Крымъ, одинъ татарскій ханъ находилъ наслажденіе въ томъ, что приказывалъ читать ему вслухъ *Tartuffa* и *Le Bourgeois Gentilhomme*¹⁾.

Тотчасъ послѣ восшествія своего на престолъ (1762) Екатерина стала стараться приобрѣтать себѣ друзей въ этой вліятельной сферѣ. Понятно, что она должна была начать съ всемогущаго патриарха, жившаго въ Фернеѣ. Любезные стихи отъ Вольтера были такимъ же украшеніемъ для коронованной главы, какъ и діадема и Екатерина отвѣчала на нихъ любезностями, которыя едва ли не были болѣе искренни, чѣмъ самые стихи. Она не знаетъ, какъ отблагодарить его за присланныя ей книги и наконецъ рѣшаетъ, что любителю человѣческаго рода ничто не доставитъ такого удовольствія, какъ введеніе въ ея обширной имперіи оспопрививанія; и вотъ она выписываетъ изъ Англіи доктора Димсдэля и позволяетъ исполнить этотъ обрядъ надъ своей собственной священной особой. Она посылаетъ мѣха въ подарокъ живущему среди Альповъ отшельнику, а императорскій посланецъ рассказываетъ ему, какъ онъ радъ тому, что ему пришлось побывать въ Фернеѣ. Но Вольтеръ былъ доволенъ не столько присылкой ему мѣховъ, сколько тѣмъ, что Екатерина безъ замедленія и съ большой акуратностью увѣдомляла его о своихъ военныхъ и политическихъ предпріятіяхъ противъ Турціи. Благодаря этому онъ дѣлался средоточіемъ европейской интеллигенціи не въ одномъ только литературномъ смыслѣ слова и въ борьбѣ, длившейся всю его жизнь, могъ позировать, — по крайней мѣрѣ въ своихъ письмахъ, — какъ равный съ своимъ другомъ королемъ Пруссіи. Д'Аламберомъ императрица восхищалась, но нѣсколько менѣе чѣмъ Вольтеромъ. Она очень желала, чтобъ онъ переѣхалъ въ Россію для руководства воспитаніемъ молодаго Великаго Князя. Но д'Аламберъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобъ переселиться въ Петербургъ, точно такъ же какъ онъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобъ предпринимать поѣздку въ Берлинъ. Монтескьё умеръ за пять лѣтъ до восшествія Екатерины на престолъ, но его вліяніе на нее не ослабѣвало. Она называла *Духъ Законовъ* молитвенникомъ королей и когда начертала руководство для составленія новаго свода законовъ, призналась, что многое заимствовала отъ Монтескьё. «Я надѣюсь», — сказала она, — «что еслибы онъ могъ изъ другаго міра видѣть меня за этой работой, онъ простилъ бы мнѣ это литературное воровство ради той пользы, которую оно доставитъ двадцати милліонамъ людей». На самомъ дѣлѣ эти двадцать милліоновъ лю-

¹⁾ Rambaud; p. 573.

дей не получили большой пользы отъ упомянутого свода законовъ. Изъ теоріи самаго Монтескье она могла бы усмотрѣть, что даже абсолютная власть не въ состояніи ввести гражданскую систему свободнаго труда въ такое общество, которое основано на рабствѣ. Но въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Екатерина не обнаружила болѣе мудрости, чѣмъ другіе болѣе демократическіе преобразователи, черпавшіе свои идеи изъ французскихъ источниковъ. А можетъ быть и сама она въ глубинѣ души сознавала негодность ея кодекса для практическаго примѣненія, но не хотѣла сознаться въ этомъ передъ парижскими философами.

Екатерина не позабыла, что хотя французскія идеи преобладали въ ту пору въ литературѣ, однако и въ другихъ странахъ были достойные и полезные люди. Она вела переписку съ ганноверцемъ Циммерманомъ, написавшимъ сочиненіе объ *Уединеніи*, которое можно найти у всѣхъ даже второстепенныхъ книгопродавцевъ. Она очень старалась склонить Беккарію къ переселенію изъ Флоренціи въ Петербургъ. Ей удалось убѣдить Эйлера возвратиться въ столицу, куда онъ былъ за много лѣтъ передъ тѣмъ приглашенъ Екатериной I-й и гдѣ онъ теперь снова поселился.

И по своему положенію и по своему темпераменту Екатерина не могла находить ни пользы ни удовольствія въ обществѣ лицъ одного съ ней пола. «Не знаю, происходитъ ли это отъ привычки или отъ склонности», — писала она, — «но я могу вести разговоръ только съ мужчинами. Есть только двѣ женщины, съ которыми я въ состояніи поддерживать разговоръ въ теченіи получаса». Въ числѣ тѣхъ, съ кѣмъ она была въ самой интимной перепискѣ, была одна женщина, хорошо знакомая кружку Энциклопедистовъ. Она дѣятельно обмѣнивалась письмами съ г-жою Жоффренъ—этой интересной особой, которая хотя и принадлежала къ буржуазіи и не имѣла ни малѣйшихъ признаковъ литературнаго таланта, но получала доказательства особаго уваженія и отъ Екатерины, и отъ Станислава, и отъ Густава, и отъ Иосифа II ¹⁾.

И такъ на переписку Екатерины съ европейскими знаменитостями слѣдуетъ въ нѣкоторой мѣрѣ смотрѣть какъ на результатъ политическихъ расчетовъ. У ней отчасти были тѣ же самыя цѣли, на которыя въ наше время нѣкоторые правительства употребляютъ такъ называемый *фондъ пресмыкающихся*. До насъ дошло одно письмо герцогини Шуазель къ г-жѣ дю-Деффанъ—ея близкому другу и другу многихъ людей, принадлежавшихъ къ литературному кружку; въ этомъ письмѣ на-прямикъ высказанъ секретъ тѣхъ отношеній, ко-

1) См. введеніе, которое Муи предпослалъ ей перепискѣ съ Станиславомъ.

торыя существовали между Екатериной и литераторами. «Все это покровительство искусствамъ и наукамъ», — писала она, — «есть ничто иное какъ роскошь и капризъ современной моды. Всѣ эти пышные фразы — продуктъ тщеславія, а не принциповъ или убѣжденія... Императрица Всероссийская, покровительствуя литературѣ, имѣетъ въ виду другую цѣль; у ней достаточно здраваго смысла, чтобъ понимать, что ей нужна поддержка литераторовъ... Съ своей стороны литераторы, которымъ она расточаетъ лесть, ухаживанія и лобезности, чванятся тѣмъ, что въ состояніи оказывать ей поддержку и позволяютъ морочить себя ея заискиваніями. Эти люди, утверждающіе и воображающіе, будто они руководятъ владыками міра, унижаются до того, что гордятся поддержкой, которую и она съ своей стороны имъ оказываетъ, и гордятся только потому, что она возсѣдаетъ на тронѣ»¹⁾.

Короче сказать, сѣверные монархи сознавали вліяніе литераторовъ и умѣли имъ пользоваться, тогда какъ собственный государь этихъ литераторовъ сознавалъ ихъ вліяніе только для того, чтобъ ихъ угнетать. Этотъ контрастъ между либерализмомъ сѣверныхъ монарховъ и обскурантизмомъ французскаго короля постоянно проявлялъ себя нагляднымъ образомъ. *Велизарій* Мармонтеля былъ осужденъ Сорбонной и сожженъ у подножія главной лѣстницы Судебной Палаты, а въ Россіи нѣсколько царедворцевъ поспѣшили перевести его на русскій языкъ, и сама императрица взяла на себя переводъ одной главы. Дидро не имѣлъ доступа во французскую академію, но былъ принятъ съ почетомъ во дворцѣ русской государыни. За все это Екатерина была щедро вознаграждена. Когда Дидро прибылъ въ Петербургъ, Вольтеръ поздравилъ императрицу съ тѣмъ, что она можетъ познакомиться съ этой единственной въ своемъ родѣ личностью, но, — прибавилъ онъ, — «Дидро — не единственный французъ, приходящій въ восторгъ отъ вашего величія. Мы — свѣтскіе миссіонеры, проповѣдующіе религію св. Екатерины, и мы можемъ похвастаться тѣмъ, что наша церковь порядочно обширна»²⁾. Мы уже говорили о томъ, что Екатерина изъ великодушія приобрѣла библіотеку Дидро и назначила ему жалованье за то, чтобъ онъ хранилъ ее въ качествѣ ея библіотекаря. «Я никакъ не ожидала,» — сказала она, — «что покупка библіотеки доставитъ мнѣ столько изысканныхъ комплиментовъ; всѣ осыпаютъ меня похвалами за эту покупку. Но вы, — кому человечество обязано сильной поддержкой, оказанной вами невинности и добродѣтели въ лицѣ Каласа, — вы

¹⁾ *Congresp. Complète de M-me du Deffand*, I, 115, (изд. 1877). Июнь 1767.

²⁾ 1 ноября 1773.

должны сознаться, что было бы жестоко и несправедливо разлучать ученаго съ его книгами» ¹⁾. «Ахъ, ваше величество», — отвѣчаетъ на это самый любезный изъ всѣхъ царедворцевъ, — «прошу васъ извинить меня; нѣтъ, вы не сѣверное сіяніе, а безспорно самая блестящая сѣверная звѣзда и никогда еще не было такой благотворной звѣзды какъ вы. Андромеда, Персей, Каллисто не могутъ равняться съ вами. Всѣ эти звѣзды оставили бы Дидро умирать съ голода. Его преслѣдовали въ его родной странѣ, а ваши благодѣянія отыскиали его тамъ! Лудовикъ XIV былъ менѣе великодушень, чѣмъ ваше величество: онъ награждалъ достоинства въ чужихъ странахъ, но на нихъ указывали ему другіе, тогда какъ вы сами отыскивали ихъ и сами нашли ихъ. Ваши великодушныя старанія возстановить въ Польшѣ свободу совѣсти представляютъ такой актъ благотворительности, за который человѣчество всегда будетъ прославлять васъ» ²⁾.

Когда черезъ семь лѣтъ послѣ того состоялся первый раздѣлъ Польши, Екатерина доказала, что она не безъ практической цѣли поддерживала дружескія сношенія съ французскими философами. Образъ дѣйствій господствовавшей въ Польшѣ партіи вызвалъ со стороны Екатерины такія мѣры, которыя затрогивали во французскихъ философахъ ихъ самую чувствительную струну. Польская олигархія была предана католицизму и налагала самыя обременительныя стѣсненія на ту часть населенія, которая не исповѣдывала католической вѣры. Касательно сейма 1764 года король Станиславъ писалъ г-жѣ Жоффенъ: «При малѣйшей попыткѣ что либо сдѣлать въ пользу не-католиковъ, раздаются страшныя возгласы фанатизма! Недопущеніе натурализаціи иностранцевъ, презрѣніе къ такъ называемымъ *roturiers* и угнетеніе ихъ, а также католическая религиозная нетерпимость, — вотъ тѣ главные предразсудки моихъ соотечественниковъ, съ которыми я долженъ бороться; въ сущности это хорошіе люди, но ихъ воспитаніе и ихъ невѣжество дѣлаютъ ихъ крайне неуступчивыми по этимъ тремъ пунктамъ». ³⁾ Польша воспроизводила въ сокращенномъ видѣ, но въ увеличенной и болѣе варварской формѣ, тѣ вредныя стороны католическаго феодализма, въ которыхъ философы видѣли главный источникъ бѣдствій ихъ собственнаго отечества. Екатерина вступилась за диссидентовъ и приняла на себя роль защитницы религиозной терпимости. А такъ какъ терпимость была главнымъ изъ всѣхъ философскихъ лозунговъ, то, видя его на знамени императрицы, энциклопедическая партія и не

¹⁾ Ноябрь 1766.

²⁾ 22 декабря 1766.

³⁾ *Corres. стр.* 135, 144 и пр.

заявляла никакихъ другихъ требованій. Вотъ почему всѣ члены этой партіи,—за исключеніемъ Руссо,—воздержались отъ тѣхъ жалобъ по поводу раздѣла, которыя впослѣдствіи такъ часто высказывались европейскими либералами. Вотъ почему они умалчивали обо всемъ, что могло клониться ко вреду Екатерины. «Я очень хорошо знаю»,—сказалъ Вольтеръ,—«что на нее возводятъ какія-то пустяшныя обвиненія по поводу ея отношеній къ мужу, но это—семейныя дѣла, въ которыя я не считаю себя въ правѣ мѣшаться».

Въ какой мѣрѣ Екатерина дорожила мнѣніемъ Европы видно изъ одного факта, находящагося въ связи съ ея отношеніями къ Дидро. Рюльеръ,—который впослѣдствіи приобрѣлъ литературную извѣстность какъ историкъ,—началъ свою карьеру тѣмъ, что поступилъ секретаремъ къ французскому посланнику въ Петербургъ Бретелю. Онъ былъ очевидцемъ тѣхъ событій, которыя предшествовали восшествію Екатерины на престолъ и написалъ рассказъ о переворотѣ 1762 года. Этотъ пикантный рассказъ, написанный молодымъ человекомъ, читавшимъ Тацита и Саллустія, ходилъ въ рукописи по рукамъ въ парижскихъ салонахъ (1768). Дидро предупредилъ Рюльера, что крайне опасно сообщать разныя подробности о царствующихъ особахъ, что не всегда можно говорить правду и что онъ долженъ бы былъ постараться приобрести расположеніе великой государыни, боготворимой своими поданными. Екатерина съ своей стороны утверждала, что такая неважная особа какъ секретарь посольства не могъ знать настоящихъ мотивовъ описаннаго имъ событія. Дидро сообщилъ ей, что въ рукописи она изображена повелительно отдающей приказанія. «Не было ничего подобнаго»,—сказала она;—«вопросъ заключался только въ томъ, погибнуть-ли или спастись съ помощью толпы, которая настоятельно хотѣла придти мнѣ на помощь». Она понимала, что рукопись слѣдуетъ купить, и сначала попыталась купить расположеніе самого автора, а когда ей это не удалось, постаралась добиться того, чтобъ его засадили въ Бастилью, но французское правительство не удовлетворило ея желаній. Дидро добился отъ Рюльера только одного,—что его произведеніе не будетъ напечатано, пока императрица будетъ жива. Оно вышло въ свѣтъ въ 1797. Когда Дидро находился въ Петербургъ, императрица настоятельно распрашивала его о содержаніи рукописи, которую онъ читалъ, но съ которой она никакъ не могла достать копіи. «Что касается лично васъ», сказалъ онъ,—«если вы придаете большую важность приличіямъ и добродѣтелямъ—этимъ истасканнымъ лохмотьямъ вашего пола, то это сочиненіе есть сагира, направленная на васъ; если же вы придаете болѣе значенія широкимъ цѣлямъ, мужественнымъ и патріотическимъ замысламъ, то авторъ изображаетъ васъ великой госуда-

рыней». Императрица отвѣчала, что эти слова только усиливаютъ въ ней желаніе прочесть книгу. Самъ Дидро довольно основательно считалъ эту книгу за историческій романъ, содержащій въ себѣ такую смѣсь выдумокъ съ правдой, которую потомство будетъ сравнивать съ какою нибудь главой, написанной Тацитомъ ¹⁾. Въ ней есть только одна страница, которая несомнѣнно будетъ интересна для потомства, а именно та, на которой авторъ описываетъ наружность Екатерины— ея высокій и открытый лобъ, ея широкой и слегка раздвоенный подбородокъ, ея великолѣпные каштановые волосы, ея блестящіе каріе глаза, которымъ отраженія свѣта придаютъ синеватый оттѣнокъ. «Гордость»,—говоритъ онъ,—«есть главная отличительная черта ея фizioноміи. Любезность и грація, которыя также въ ней замѣтны, кажутся проникательному наблюдателю лишь результатомъ сильнаго желанія нравиться, и эти плѣнительныя особенности ея лица слишкомъ ясно разоблачаютъ желаніе плѣнять».

Первый французъ, получившій отъ Екатерины ласковый пріемъ, былъ Фальконетъ, о расприхъ котораго съ философами мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Его рекомендовалъ Екатерина Дидро. Она просила Дидро, указать ей скульптора, который могъ бы взяться за колоссальную статую Петра Великаго. Фальконетъ достигъ въ своемъ отечествѣ апогея извѣстности; покидая Францію, онъ, какъ кажется, не имѣлъ иного мотива, кромѣ желанія воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ воздвигнуть громадный памятникъ искусства, хотя при этомъ имѣли нѣкоторую долю вліянія и краснорѣчивыя убѣжденія Дидро. Личный характеръ Фальконета былъ именно такой, какимъ обыкновенно отличаются гениальные артисты. Дидро называлъ его Жанъ-Жакомъ скульптуры. У него вовсе не было той жадности къ деньгамъ, которую такъ часто проявляютъ артисты въ своихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ государямъ, но онъ былъ раздражителенъ, заносчивъ, нетерпѣливъ и несговорчивъ. Онъ съ рыцарскимъ самоотверженіемъ еступался за своихъ бѣдныхъ сотоварищей по искусству и никогда не преклонялся передъ знатью. Его распри съ вѣрнымъ фактотумомъ императрицы Бецкимъ были также ожесточенны, какъ распри между Вольтеромъ и Мепертюи. У Бецкаго были свои собственные идеи касательно статуи, которую предполагалось воздвигнуть въ честь основателя имперіи, и онъ настоятельно требовалъ, чтобъ была принята за образецъ статуя Марка Аврелія. Фальконетъ, какъ человекъ гениальный, возражалъ Бецкому, что въ изображеніи Петра Великаго будетъ неумѣстно то, что было умѣстно въ изображеніи Марка Аврелія. Происходившая по этому поводу придворная борьба не входитъ въ

¹⁾ Satire I. sur les caractères, etc. Oeuvres, VI. 313.

нашъ сюжетъ, но нѣкоторые изъ ея эпизодовъ представляютъ интересную иллюстрацію ѣдкаго французскаго остроумія. Фальконетъ настоялъ на своемъ, и, послѣ работы нѣсколькихъ лѣтъ, бронзовый колоссъ былъ посаженъ верхомъ на коня, стоящаго на громадной массѣ необдѣланнаго гранита. Екатерина относилась съ самымъ живымъ участіемъ къ работѣ артиста, нерѣдко посѣщала его мастерскую и часто съ нимъ переписывалась. И отъ него, точно такъ же какъ и отъ всѣхъ другихъ, она настоятельно требовала, чтобъ онъ не стѣснялся никакими церемонными приличіями и не вставлялъ въ свои письма разныхъ эпитетовъ, которымъ она не придавала ни малѣйшей цѣны. Она, такъ сказать, сама поощряла его докучать ей просьбами о разныхъ неизвѣстныхъ его соотечественникахъ, искавшихъ куска хлѣба, вслѣдствіе чего и возникла въ русской столицѣ маленькая французская колонія, состоящая изъ людей, съ именами которыхъ не связано никакихъ воспоминаній. Разсказъ Дидро объ этой кучкѣ его соотечественниковъ, поселившихся въ Петербургъ, напоминаетъ намъ описаніе подобной кучки, поселившейся въ Берлинѣ. «Живущіе здѣсь французы большею частію поносятъ и ненавидятъ другъ друга и навлекаютъ презрѣніе какъ на самихъ себя такъ и на свою націю; это—самый отвратительный сбродъ негодяевъ, какой только можно себѣ представить»¹⁾.

Дидро прибылъ въ Петербургъ въ концѣ 1773 г. и пробылъ тамъ мѣсяцевъ пять—до начала марта 1774 г. Будучи воспримчивъ отъ природы, онъ былъ неприятно пораженъ холодною, съ которой его принялъ Фальконетъ, но во дворцѣ онъ нашелъ самый радушный пріемъ, такъ какъ тамъ съ нетерпѣніемъ ожидали его пріѣзда. Императрица всегда утверждала, что она ненавидитъ церемоніи и официальность. Въ одномъ изъ писемъ къ г-жѣ Жоффренъ, она заявляетъ такое же требованіе, съ какимъ обратилась къ Фальконету, а именно, чтобъ передъ ней не преклонялись такъ, какъ это дѣлается при персидскомъ дворѣ. «Нѣтъ ничего въ мірѣ столь безобразнаго и ненавистнаго какъ выставка величія. Когда я вхожу въ комнату, вы сказали бы что я произвожу впечатлѣніе головы Медузы: всѣ точно будто окаменѣютъ. Я постоянно кричу орлинымъ голосомъ противъ такой манеры себя держать, но чѣмъ болѣе я кричу, тѣмъ менѣе всѣ чувствуютъ себя не стѣсненными въ моемъ присутствіи... Если бы вы вошли въ мою комнату, я сказала бы вамъ—садитесь, и будемъ разговаривать ничѣмъ не стѣсняясь. Вы сѣли бы на кресло противъ меня, а между нами стоялъ бы столъ. *Et puis des bâtons rompus, tant et plus, c'est mon fort.*

¹⁾ Oeuvres, XX. 58.

Точно такъ обходилась она съ Дидро. Онъ почти каждый день бывалъ у нея съ трехъ до пяти или шести часовъ по полудни. При этомъ былъ изгнанъ всякій этикетъ. Откровенность и горячность Дидро находили для себя въ Царскомъ Селѣ такой же просторъ и такую же нестѣсняемость, какъ и въ Грандвалѣ или въ улицѣ Таганне. Если ему случалось сдерживать потоки своей импровизации при мысли, что онъ говоритъ съ высокой особой, Екатерина просила его не стѣсняться. «Allons»,—воскликнула она, «entre hommes tout est permis». Въ пылу разговора философъ иногда такъ часто и такъ сильно сжималъ своими руками колѣни императрицы, что Екатерина жаловалась на то, что они почернѣли и посинѣли. Случалось, что она искала позади большого стола охраны отъ подобныхъ усиленныхъ доказательствъ истины. Бдительные дипломаты не сомнѣвались въ томъ, что эти свиданія имѣли связь съ политикой. Англійскій посланникъ Катгартъ писалъ своему правительству, что Дидро все еще у императрицы въ Царскомъ Селѣ, гдѣ «ведетъ свои политическія интриги». А французскій министръ иностранныхъ дѣлъ и французскій посланникъ,—какъ бы это ни казалось страннымъ,—воображали, что они нашли въ этомъ гениальномъ но непослѣдовательномъ мечтателѣ полезнаго дипломатическаго агента. «Свиданія между Екатериной и Дидро безпрестанно слѣдуютъ одно за другимъ и повторяются со дня на день. Онъ сказалъ мнѣ,—и я имѣю основаніе думать, что онъ сказалъ правду,—что онъ указывалъ на опасности союза Россіи съ королемъ Пруссіи и на выгоды союза съ нами. Императрица не только не порицала его за свободу его мыслей, но поощряла его словами и жестами. «Вы не любите этого государя», сказала она Дидро. «Не люблю»,—отвѣчалъ Дидро,—«это великій человекъ, но дурной король и сверхъ того онъ дѣлаетъ фальшивую монету». «О!»—воскликнула она, смѣясь—«я получила мою долю изъ его монеты».

Первый раздѣлъ Польши окончательно совершился осенью 1773 г.—за нѣсколько недѣль до прибытія Дидро въ Петербургъ. Лудовикъ XV, который былъ уже близокъ къ смерти и его министръ д'Эгильонъ были озабочены при видѣ начинающейся эры территориальныхъ переворотовъ, и искали союзниковъ противъ Россіи и Пруссіи. Англія благоразумно отказалась дѣйствовать. Тогда Франція стала заботиться лишь о томъ, чтобъ отдалить Екатерину отъ Фридриха. Но всѣ дѣйствія французскаго правительства были нерѣшительны; оно мало знало императрицу, если воображало, что Дидро былъ тотъ человекъ, который могъ бы повліять на ея сильный и положительный умъ. Впослѣдствіи она рассказала Сегюру, какой успѣхъ имѣли его политическія мнѣнія.

«Я много и часто разговаривала съ нимъ», — сказала Екатерина, — «но не столько съ пользой для себя, сколько изъ любопытства.

Еслибы я послушалась его, мнѣ пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи вверхъ дномъ, пришлось бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацію, и финансы для того чтобъ очистить мѣсто для невозможныхъ теорій. Однако, такъ какъ я слушала болѣе чѣмъ говорила, то всякій кому случилось бы присутствовать при этой бесѣдѣ, принялъ бы его за строгаго педагога, а меня за его покорную ученицу. Онъ вѣроятно и считалъ себя за педагога, такъ какъ убѣдившись по прошествіи нѣкотораго времени, что не сдѣлано ни одного изъ рекомендованныхъ имъ великихъ нововведеній, онъ выразилъ удивленіе и отзывавшееся заносчивостью неудовольствіе. Тогда я обратилась къ нему съ слѣдующими откровенными словами: *Г-нъ Дидро, я съ величайшимъ удовольствіемъ выслушала все, что вамъ внушило ваше блестящее воображеніе; съ помощью вашихъ великихъ принциповъ, которые я очень хорошо понимаю, можно писать прекрасныя книги, но очень плохо вести дѣла. При изложеніи всѣхъ вашихъ плановъ для реформъ вы позабываете, какъ различны наши положенія; вы работаете только на бумагѣ, которая выноситъ все; она не ставитъ препятствій ни вашему воображенію, ни вашему перу. Но я, какъ императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе раздражительна и разборчива. Я увѣрена, что съ этой минуты онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на меня, какъ на женщину съ узкимъ и вульгарнымъ умомъ. Послѣ того онъ разговаривалъ только о литературѣ, и политика перестала быть сюжетомъ нашихъ бесѣдъ ¹⁾.*

Екатерина, какъ мы далѣе увидимъ, очень ошибалась воображая, что Дидро не ставилъ ее на одномъ уровнѣ съ самыми великими людьми. Англійскій посланникъ Каткартъ писалъ съ сердитымъ настроеніемъ духа: «Всѣ его письма наполнены похвалами императрицѣ, которую онъ ставитъ выше всѣхъ человѣческихъ существъ. Его льстивые отзывы о великомъ князѣ не менѣе преувеличены, но къ чести юнаго наследника престола слѣдуетъ замѣтить, что онъ выказалъ одинакое презрѣніе и къ лести и къ пагубнымъ принципамъ этого такъ называемаго философа».

Фридрихъ говорилъ д'Аламберу, что хотя императрица и осыпаетъ Дидро милостями, однако въ Петербургѣ всѣ находятъ что онъ надоедливъ, придиричивъ и «постоянно поетъ все одну и ту же пѣсню». Однако Екатерина не высказываетъ ничего подобнаго въ своихъ письмахъ къ Вольтеру. Она находитъ, что у Дидро неистощимая фантазія и ставитъ его на ряду съ самыми необыкновенными людьми, какіе когда либо жили; она наслаждается его бесѣдой и находитъ

¹⁾ Сегюръ, III. 34.

чрезвычайное удовольствіе въ его посѣщеніяхъ. Въ этихъ отзывахъ можетъ быть была нѣкоторая доля искренности. Екатерина, вѣроятно, умѣла цѣнить въ Дидро его краснорѣчіе, его замѣчательный и оригинальный умъ, но это нисколько не мѣшало ей замѣчать въ немъ недостатокъ границъ и мѣры. Вѣдь она не принадлежала къ числу тѣхъ ограниченныхъ людей, которые находятъ для себя удовлетвореніе только въ безусловной хвалѣ или въ безусловномъ порицаніи.

У Дидро былъ компаньонъ, который нравился ей болѣе самого Дидро. Въ это время Гриммъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ и имѣлъ тамъ большой успѣхъ. Г-жа Жоффренъ писала королю Станиславу, что «императрица осыпаетъ Гримма любезностями. И онъ имѣетъ все что нужно, чтобъ быть достойнымъ ихъ. У Дидро нѣтъ ни тонкой смѣтливости, ни деликатнаго такта, которыми обладаетъ Гриммъ; оттого то онъ и не имѣлъ такого успѣха, какъ Гриммъ. Дидро постоянно сосредоточенъ въ самомъ себѣ и замѣчаетъ въ другихъ только то, что имѣетъ какое нибудь отношеніе съ нимъ самимъ. Это—человѣкъ съ большимъ умомъ, но благодаря своимъ природнымъ наклонностямъ и направленію своего ума ни на что не годенъ и, даже болѣе того—былъ бы очень опаснымъ человѣкомъ во всякой должности. О Гриммѣ можно сказать совершенно противное» ¹⁾).

Дѣйствительно,—какъ мы уже прежде это замѣтили, — между членами партіи энциклопедистовъ Гриммъ былъ одинъ изъ самыхъ проницательныхъ людей; у него было много знанія, его сужденія были основательны и остроумны, и сверхъ того онъ умѣлъ быть пріятнымъ въ обществѣ, не впадалъ въ восторженность и всегда обнаруживалъ много здраваго смысла. Однако и онъ отзывался объ императрицѣ съ такой же преданностью и съ такимъ же восхищеніемъ, какъ и его запальчивый другъ. «Здѣсь»,—сказалъ онъ, — «велись не тѣ разговоры, которые отличаются постоянными прыжками и скачками, въ которыхъ праздность пробѣгаетъ цѣлый рядъ идей, не имѣющихъ никакой связи между собою и въ которыхъ скука заставляетъ васъ перебрасываться отъ одного предмета къ дюжинѣ другихъ. То были разговоры, въ которыхъ все было связано вмѣстѣ, не рѣдко незамѣтными нитями, но тѣмъ болѣе естественно, что ни одно сказанное слово не было натянуто или заранѣе подготовлено». Гриммъ не находилъ словъ чтобъ описать одушевленіе Екатерины и потокъ ея блестящихъ острогъ, ея мѣткихъ выходокъ, ея орлиныхъ *coup d'oeil*. Не удивительно, что возвратившись отъ нея, онъ былъ такъ наэлектризованъ, что проводилъ половину ночи, ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ и припо-

¹⁾ Мун Сogresp. du roi Stanislas, стр. 501.

миная все, что ему пришлось услышать. Трудно рѣшить, насколько все это было искренно и насколько здѣсь слышится голосъ лести. Впрочемъ лучи императорскаго солнца не ослабили его благоразумія до такой степени, чтобъ заставить его принять настоятельное приглашеніе Екатерины оставаться при ней на службѣ. Когда Дидро выѣхалъ изъ Петербурга, Гриммъ отправился въ Италію. По прошествіи нѣкотораго времени онъ возвратился въ Россію и былъ удостоенъ прежнихъ милостей. Когда настало время разстаться съ императрицей, она назначила ему ежегодную пенсію въ двѣ тысячи рублей и съ той деликатностью, которая рѣдко встрѣчается у коронованныхъ особъ, приказала выплачивать ему эту пенсію такъ, чтобъ онъ ничего не терялъ на обмѣнѣ русскихъ денегъ на французскія. Мы не знаемъ, имѣла ли она какую нибудь специальную цѣль, когда старалась расположить къ себѣ Гримма. Достоверно извѣстно только то, что съ 1766 г. и до паденія французской монархіи она вела обширную переписку съ нимъ, и что онъ былъ чѣмъ то въ родѣ неофициальнаго посредника между ней и версальскими министрами. Она каждый день записывала, что желала бы передать Гримму и въ концѣ каждаго трехъ мѣсяцевъ эти ежедневныя замѣтки завертывались въ огромный пакетъ и отсылались въ Парижъ съ особымъ курьеромъ, который возвращался съ такимъ же пакетомъ отъ Гримма. Эти сношенія продолжались до разгара революціи, — до тѣхъ поръ пока самъ Гриммъ не спасся бѣгствомъ изъ Парижа въ февралѣ 1792 г. Щедрая дружба императрицы продолжалась до конца ея жизни (1796) ¹⁾.

На возвратномъ пути изъ Россіи Дидро прибылъ въ Гагу на первой недѣлѣ апрѣля 1774 г., быстро совершивъ переѣздъ семи сотъ лье въ три недѣли съ однимъ днемъ. Д'Аламберъ очень желалъ, чтобъ Фридрихъ Великій пригласилъ Дидро посѣтить его въ Берлинѣ. Фридрихъ сказалъ д'Аламберу, что какъ онъ ни любитъ чтеніе, онъ не въ состояніи читать произведенія Дидро. «Въ нихъ господствуетъ такой тонъ самодовольства и высокомерія, который оскорбляетъ во мнѣ инстинктивное чувство моей свободы. Не такимъ слогомъ писали Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Локкъ, Гассенди, Бэйль и Ньютонъ». Д'Аламберъ возразилъ на это, что о личности философа король будетъ отзываться болѣе благосклонно, нежели о его сочиненіяхъ, и что онъ найдетъ у Дидро вмѣстѣ съ обиліемъ идей, фантазіей и знаніемъ, пріятную сердечную теплоту и большую привлекательность ²⁾. Однако Фридрихъ не послалъ пригла-

¹⁾ *Mémoire Historique*, напечатанный въ 1 томѣ вновь изданной (1877) Морисомъ Турне корреспонденція Гримма съ Дидро.

²⁾ Д'Аламберъ къ королю Пруссіи, 14 февр. 1774.

шенія и Дидро возвратился изъ Петербурга той же сѣверной дорогой, по которой ѣхалъ туда. Онъ проѣхалъ Кенигсбергъ не останавливаясь, такъ какъ онъ не зналъ, что въ то самое время Кантъ собирался писать *Критику Чистаго Разума*. Иначе Дидро захотѣлъ бы повидаться съ знаменитымъ ученымъ, которому было суждено нанести такой тяжелый ударъ энциклопедическимъ приемамъ мышленія и оставить по себѣ имя, не менѣе славное, чѣмъ имена Фридриха и Екатерины. Одному придворному чиновнику было приказано сопровождать философа. Неудобства ѣзды на почтовыхъ вдоль морскаго берега между Кенигсбергомъ и Мемелемъ вдохновили Дидро къ написанію очень плохихъ стиховъ во время его перваго путешествія, а непріятная переправа черезъ Двину вдохновила его къ написанію другихъ нисколько не лучшихъ стиховъ на его возвратномъ пути. Погода была дурная; четыре кареты изломались дорогой. Онъ боялся утонуть, когда услышалъ въ Ригѣ, какъ трещить ледъ подъ ногами его лошадей, и вообразилъ что ему вывихнули руку и плечо, когда переѣзжалъ на паромѣ рѣку подлѣ Митавы. Но все кончилось благополучно и онъ снова очутился подъ кровлей князя Голицына въ Гагѣ. Отсюда онъ написалъ женѣ и парижскимъ друзьямъ, что имъ должно быть будетъ очень пріятно узнать, что его отдѣляетъ отъ нихъ только четырехдневный переѣздъ. Однако онъ не пускался въ этотъ переѣздъ въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ. Дидро обѣщаль императрицѣ составить правила для различныхъ учреждений, основанныхъ ею для пользы имперіи, и воображалъ, что можетъ исполнить это обѣщаніе самымъ удовлетворительнымъ образомъ только живя въ Голландіи. Жизнь его проходила тамъ въ рабской зависимости отъ корректурныхъ листовъ, которая дѣлалась сколько нибудь сносною благодаря ежедневнымъ бесѣдамъ, отрывочно возникавшимъ новымъ идеямъ, спорамъ и мечтательному созерцанію. Онъ познакомился съ профессоромъ восточныхъ языковъ Лундскаго университета шведомъ Бёрнштелемъ и на нѣсколькихъ страницахъ въ мало извѣстномъ сочиненіи этого малоизвѣстнаго писателя можно найти единственныя воспоминанія о философѣ во время его странствованій ¹⁾. Дидро восхвалялъ въ разговорахъ покинутого имъ друга съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ отзывался о немъ въ своихъ письмахъ. Самымъ слабымъ изъ его похвальныхъ отзывовъ былъ тотъ, что этотъ другъ соединялъ въ себѣ прелести Клеопатры съ душой Цезаря, а иногда и съ душой Брута.

«Въ Гагѣ», — говоритъ Бёрнштейль, — «я каждый день видѣлся съ Дидро. Его идеи обнимаютъ сферу невѣроятной ширины; онъ обла-

¹⁾ *Briefe aus seinen ausländischen Reisen*, III, 217 — 233. (Лейпцигъ, 1780, — немецкій переводъ съ шведскаго).

даетъ такой живостью, которую я не въ состояніи описать; онъ пріятель и дружелюбень въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ и касательно всякаго предмета дѣлаетъ какое нибудь новое и необыкновенное замѣчаніе... Кто могъ-бы не восхищаться имъ? Онъ такъ блестящъ, такъ свѣдушъ, такъ богатъ новыми идеями, что нѣтъ возможности не удивляться ему. Но тогда какъ онъ охотно вступаетъ въ разговоръ со всякимъ, кто ищетъ его бесѣды, онъ не выказываетъ себя въ такомъ же благопріятномъ свѣтѣ, когда находится въ многочисленномъ обществѣ, и это было причиною того, что онъ не всѣмъ понравился въ Петербургѣ. Не трудно понять, почему этотъ замѣчательный человѣкъ не доставляетъ удовольствія другимъ и самъ не находитъ удовольствія въ такихъ кружкахъ, гдѣ ведутся разговоры о модахъ, о платьяхъ, о бездѣлушкахъ и всякихъ пошлостяхъ». И затѣмъ шведскій профессоръ обобщаетъ странный принципъ, что тамъ гдѣ блестятъ пустоголовые люди, образованному человѣку не мѣсто.

Бёрнштейль приводитъ мнѣніе Вольтера, что Дидро былъ бы поэтомъ, еслибы не предпочиталъ быть философомъ — мнѣніе, которое вѣроятно было результатомъ обычной снисходительности Вольтера, а не серьезнаго взвѣживанія личныхъ достоинствъ Дидро. Но если онъ и не былъ поэтомъ, онъ зналъ наизусть произведенія Пиндара и Гомера, а въ Гагѣ не выходилъ изъ дому не положивъ въ карманъ сочиненій Горация. И хотя онъ не былъ поэтомъ, онъ былъ полонъ поэтическихъ чувствъ. Его любимымъ мѣстомъ прогулки былъ Шевенингенъ — мѣстечко не въ большомъ разстояніи отъ Гаги, гдѣ были морскія купанья. «Тамъ», — пишетъ онъ, — «я имѣлъ обыкновеніе смотрѣть на закатъ солнца, на покрытое блѣднымъ туманомъ море, на катящіяся и вздымающіяся волны, на виднѣющихся вдали бѣдныхъ рыбаковъ въ ихъ большихъ неуклюжихъ лодкахъ, на собравшихся на берегу женщинъ, дрожавшихъ отъ холода или страха и старавшихся согрѣться на солнцѣ. Когда работа была окончена и рыбаки сходили на берегъ, этотъ послѣдній покрывался разнаго рода рыбами. Эти добрые люди отличались простотою, искренностью, сыновней и отеческой преданностью стараго времени. Лишь только рыбаки выходили изъ своихъ лодокъ, ихъ жены бросались къ нимъ на шею; они обнимали своихъ отцевъ и своихъ маленькихъ дѣтей; каждый нагружался рыбами; сынъ подавалъ отцу треску или лосося и тотъ несъ ихъ съ торжествомъ домой, благодаря небо за то, что оно послало ему такого трудолюбиваго и достойнаго сына. Когда онъ входилъ въ домъ, видъ рыбы приводилъ въ восторгъ жену старика; рыба тотчасъ разрѣзывалась на части и менѣе счастливые сосѣди приглашались на

пиръ; она была быстро съѣдаема и въ комнатѣ раздавались благодаренія Господу и веселыя пѣсни». ¹⁾

Такія сцены съ моремъ на заднемъ планѣ, съ своей одушевленностью, съ своей простотой, нѣжностью и житейской реальностью, натурально, приходились Дидро по сердцу. Онъ нѣрѣдко признавался мнѣ, говоритъ Бёрнштейль, что онъ никогда не находилъ время слишкомъ длиннымъ въ обществѣ крестьянъ, мастеровыхъ или какихъ бы то ни было ремесленниковъ, тогда какъ оно нѣрѣдко казалось ему слишкомъ длиннымъ въ обществѣ паредворцевъ. «Это потому», — говорилъ онъ, — «что первыхъ всегда можно спрашивать о разныхъ полезныхъ и необходимыхъ вещахъ, тогда какъ послѣдніе ничего не могутъ сказать вамъ касательно того, что имѣеть связь съ практической пользой.»

Лѣтъ сто тому назадъ каждой изъ большихъ европейскихъ столицъ приписывали способность излечивать какую нибудь изъ слабыхъ сторонъ человѣческаго характера. Такъ на примѣръ тѣмъ, кто не въ мѣру любилъ изящество внѣшней обстановки, совѣтовали отправляться въ Лондонъ, дикарямъ совѣтовали отправиться въ Парижъ, ханжамъ — въ Берлинъ, мятежникамъ — въ Петербургъ, людямъ не въ мѣру откровеннымъ — въ Римъ, не въ мѣру предающимся ученымъ занятіямъ — въ Брюссель, а тѣмъ кто не въ мѣру полонъ огня — въ Гагу. Впрочемъ взводимое на Голландію обвиненіе въ сонливости не всѣми признавалось за основательное. Безпристрастные путешественники находили, что разговоры въ тамошнихъ образованныхъ кружкахъ находятся на одномъ уровнѣ съ разговорами въ подобныхъ кружкахъ Франціи и Англій. Нѣкоторые даже заходили далѣе и утверждали, что Голландцы имѣютъ большое преимущество надъ другими странами, потому что если съ одной стороны у нихъ нѣтъ легкомыслія и блестящаго остроумія французовъ, за то съ другой стороны у нихъ нѣтъ подавляющей сдержанности и молчаливости англичанъ. ²⁾ При всемъ этомъ Голландія вполне входила въ ту пору въ сферу великаго умственнаго движенія запада и была такъ же непосредственно доступна литературнымъ вліяніямъ, какъ и во всякое другое время. Еслибы Дидро ознакомился съ туземными литературными произведеніями, онъ нашелъ бы, что и здѣсь перешла въ литературу струя реакціи противъ требованій французскаго классицизма и противъ прилива англійской наивности и семейной сантиментальности. *Spectator* и *Clarissa Harlowe* вдохновляли голландскихъ писателей, точно такъ же какъ они вдохновляли самого Дидро. ³⁾

¹⁾ XVII. 449.

²⁾ Джоржа Форстера *Ansichten vom Niederrhein*, II. 396 (1790).

³⁾ Жюкловта *Gesch. d. Nederland. Lit.* (нѣмецк. переводъ) II, 502 и сл.

Въ сферѣ эрудиціи, Голландія даже послѣ смерти Скалигера была точно такъ же, какъ и въ теченіе всего семнадцатаго столѣтія, самой ученой страной въ Европѣ, а старикъ Гемстергюи съ помощью такихъ учениковъ какъ Рюнгенъ и Валькеленеръ, поддерживалъ какъ только могъ школьныя традиціи Гроновіуса и Гревіуса. Но восемнадцатый вѣкъ не былъ вѣкомъ эрудиціи. Ученыя занятія уступили мѣсто спекуляціи.

Самую интересною личностью изъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ Дидро познакомился въ Гагѣ, былъ привѣтливый и ученый сынъ старика Гемстергюи, который, — мимоходомъ замѣтить, — не былъ голландецъ, а сынъ француза. Гемстергюи очень заинтересовался тѣмъ что онъ слышалъ о Дидро ¹⁾, но до насъ не дошло никакихъ письменныхъ воспоминаній о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ личнаго между ними знакомства. Какъ самого Дидро называли въ шутку французскимъ Сократомъ, такъ и младшій Гемстергюи получилъ отъ своего пріятеля прозвище голландскаго Платона. Голландцы указывали на его задумчивую фигуру, на его обширныя познанія въ древней литературѣ и въ древнемъ искусствѣ, на его сладкозвучныя философскія теоріи, на его граціозный и выработанный стиль, — какъ на доказательства того, что ихъ страна способна развивать энергію и воспріимчивость человѣческой природы до ихъ высшей степени. ²⁾ И онъ имѣлъ право на то, чтобъ ему удѣлили мѣсто въ исторіи новѣйшей философіи. При мысли о томъ, что онъ бесѣдовалъ съ Дидро, намъ представляется, что мы находимся на такомъ пунктѣ, откуда можно господствовать надъ расходящимися въ разныя стороны потоками и встрѣчными теченіями идей того времени. Въ лицѣ этихъ двухъ людей на минуту сошлись два великихъ теченія идей и потомъ направились въ свои глубоко намѣченные колеи. Гемстергюи, отъ рожденія пропитанный до мозга костей духомъ Платонизма, сдѣлался вожакомъ реакціи противъ французской философіи просвѣщенія, — противъ философіи, основанной на чувствахъ, на опытѣ, на томъ, что доступно провѣркѣ. Онъ внесъ въ литературу очень замѣтную струю того мистицизма и того шетизма, въ которые впала Германія передъ началомъ французской революціи, а также ту религиозную философію, которая сдѣлалась признакомъ патріотическихъ чувствъ и въ Германіи и при русскомъ дворѣ послѣ того, какъ война съ революціонерами по видимому отождествила враждебную философію энциклопедистовъ съ побѣдоноснымъ пыломъ національнаго врага. Предводитель мистиковъ Якоби сначала напалъ на французовъ при помощи доводовъ, заимствован-

¹⁾ Oeuv. Phil. de Fr. Hemsterhuys, III. 141. (Изд. Мейбума).

²⁾ Форстеръ, II. 398. Галіани, Corresp. II. 189.

ныхъ имъ изъ сентиментализма Руссо, но впоследствии нашелъ у Гемстергюи болѣе существенные интеллектуальные аргументы въ защиту своихъ мыслей и чувствъ противъ притязаній энциклопедистовъ на верховенство въ сферѣ мышленія.

Въ исторіи этого движенія играла немаловажную роль хозяйка дома, въ которомъ Дидро жилъ въ Гагѣ. Князь Голицынъ былъ женатъ на дочери Фридрихова фельдмаршала Шметтау. Гёте, видѣвшій ее (1797) черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Дидро, отзываясь объ ней какъ о такой женщинѣ, о которой нельзя составить себѣ понятія, не познакомившись съ нею лично, и которую можно оцѣнить по достоинству только тогда, когда будутъ разсматривать ее не только въ связи но и въ борьбѣ съ ея временемъ. Если она обратила на себя вниманіе Гёте, когда пятидесятилѣтній возрастъ уже успѣлъ наложить на нее свою печать, то она должна была казаться Дидро еще болѣе достойной вниманія, когда была въ полной силѣ молодости и умственного возбужденія. Блестящему и гибкому уму своей жены князь Голицынъ и былъ обязанъ тѣмъ, что его домъ пользовался особымъ уваженіемъ и былъ изъ числа самыхъ привлекательныхъ. «Она очень жива»,—сказалъ Дидро,— «очень веселаго характера и очень интеллигентна; она еще очень молода, образована и полна талантовъ; она много читала и какъ большая часть нѣмокъ знаетъ нѣсколько языковъ; она играетъ на клавинодахъ и поетъ какъ ангелъ; въ ея разговорѣ много остроумія и колкости; она чрезвычайно добросердечна.»¹⁾ Однако онъ никакъ не могъ уговорить ее принять на вѣру его философскія теоріи. Біографъ княгини говоритъ, что Дидро проповѣдывалъ свои идеи и горячо старался всѣмъ внушать вѣру въ «свою поэму о вѣчно вращающихся атомахъ; изъ которыхъ, благодаря случайному между ними соединенію, развилось настоящее устройство вселенной». Его блестящее краснорѣчіе вызывало со стороны княгини требованіе доказательствъ. Ея безпрестанно повторяемые *Почему?* и *Какъ?*, будто бы, доказали «герою атеизма его совершенное ничтожество и безсиліе.»²⁾ Въ концѣ концовъ Дидро былъ совершенно разбитъ представителями противоположной философской теоріи. Гемстергюи вошелъ въ самую тѣсную дружбу съ княгиней и его письма къ ней служатъ самымъ поразительнымъ доказательствомъ того, какую необыкновенную преданность способна внушить умная и симпатичная женщина философамъ одного умственного направленія съ Кондильякомъ, Жуберомъ, д'Аламберомъ, Миллемъ. Хотя самъ Гем-

¹⁾ Oeuvres, XIX. 342.

²⁾ Доктора Катеркампа *Denkwürdigkeiten aus dem Leben der Fürstin Amalie von Gallitzin*, p. 45.

стергюи никогда не преступалъ черты, отдѣляющей философію религіи отъ активной сферы догматическихъ вѣроисповѣданій, но его послѣдователи не находили для себя удовлетворенія въ суровой возвышенности его идей. Въ самый годъ смерти Дидро (1784) княгиня Голицына обратилась въ католическую вѣру, а ея сынъ сдѣлался не только католикомъ, но и ревностнымъ проповѣдникомъ католической вѣры въ Америкѣ.

Но въ ту пору, о которой теперь идетъ рѣчь, еще дѣло не дошло до такихъ крайностей. Бѣрнштетль изъ патріотическаго чувства очень желалъ, чтобъ Дидро побывалъ въ Стокгольмѣ и лично убѣдился въ томъ, что гольштинская кровь такъ же благородна въ Швеціи, какъ и въ Россіи. Дидро отвѣчалъ ему, что ему очень хотѣлось бы увидѣть воссѣдающимъ на своемъ престолѣ государя (Густава III), который вѣроятно скоро отдастъ бы ему визитъ въ его собственной парижской квартирѣ въ четвертомъ этажѣ. Но онъ откровенно сознавался, что онъ начинаетъ тосковать по родинѣ и потому не поѣдетъ въ Стокгольмъ. Въ сентябрѣ 1774 Дидро выѣхалъ во Францію. «Я возвращаюсь»,—писалъ онъ наканунѣ отъѣзда, — «къ моему домашнему очагу, котораго никогда болѣе не покину до конца моей жизни. Уже прошло то время, которое измѣнялось годами и вмѣсто него настало такое время, которое слѣдуетъ измѣнять днями. А чѣмъ ограниченнѣе нашъ доходъ, тѣмъ необходимѣе тратить его съ благоразуміемъ. У меня впереди можетъ быть лѣтъ десять жизни. Изъ этихъ десяти лѣтъ два или три истратятся на флюсы, ревматизмы и на другихъ членовъ этой докучливой семьи; постараемся же провести остальные семь лѣтъ въ покоѣ и скромномъ счастьи, какое доступно для человѣка, которому уже болѣе шестидесяти лѣтъ». Эти ожиданія оправдались. Дидро прожилъ еще десять лѣтъ, и хотя его собственная задача въ этомъ мѣрѣ уже была исполнена, то были годы, полные великаго значенія и для Франціи и для всего міра. Они были свидѣтелями учрежденія республики въ американскихъ колоніяхъ, и они же были свидѣтелями послѣдней фазы въ исторіи упадка старой монархіи во Франціи. Тюрго былъ назначенъ главнымъ контролеромъ за нѣсколько мѣсяцевъ до возвращенія Дидро, а назначеніе министерства Тюрго было послѣдней серьезной попыткой ввести систематическія преобразованія. Послѣдовавшій за тѣмъ взрывъ отозвался такъ же громко въ Петербургѣ и въ Голландіи, какъ и въ самой Франціи, и Екатерина приказала въ 1792 выбросить въ подвалъ всѣ бюсты Вольтера, украшавшіе залы и корридоры ея дворца.

Г Л А В А XIII.

Гельвецій.

Прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ годамъ жизни Дидро, я намѣренъ сдѣлать краткій обзоръ трехъ замѣчательныхъ книгъ, которыя по общему мнѣнію были написаны подъ вліяніемъ его идей, которыя во всякомъ случаѣ были непосредственнымъ и естественнымъ продуктомъ энциклопедическихъ теорій, и которыя играли чрезвычайно важную роль въ умственныхъ потрясеніяхъ вѣка.

Самое сильное нападеніе на Энциклопедію, какъ мы уже ранѣе замѣтили, было сдѣлано въ 1758 г. послѣ изданія седьмага тома. Точно такое же гоненіе нанесло еще болѣе тяжелый ударъ знаменитому произведенію Гельвеція *L'Esprit*. Можно безъ преувеличенія сказать, что изъ всѣхъ книгъ, вызвавшихъ преслѣдованіе въ теченіе восемнадцатаго столѣтія, книга Гельвеція возбудила самое сильное негодованіе. Причиной этого было отчасти то, что она была изъ числа первыхъ произведеній той литературы, которая повела борьбу противъ установленныхъ идей. Это былъ смѣлый и неожиданный шагъ. Цензоръ, давшій официальное разрѣшеніе на ея выпускъ, былъ отставленъ, а авторъ былъ лишенъ почетнаго мѣста при дворѣ королевы. ¹⁾ Въ обвинительномъ актѣ было сказано, что эта книга — «кодексъ самыхъ отвратительныхъ и гнусныхъ страстей», что это — сборникъ всего, что только могло придумать нечестіе съ цѣлію возбудить ненависть къ христіанству и къ католицизму. Судъ приговорилъ книгу къ сожженію и, какъ будто желая доказать, что мотивомъ его рѣшенія было не одно негодованіе противъ парадоксовъ Гельвеція; приказалъ сжечь на томъ же самомъ кострѣ изящную поэму Вольтера о натуральной религіи. Люди

¹⁾ Барбье, VII. 137.

менѣ предубѣжденные отнесли къ книгѣ почти такъ же враждебно, какъ парламентскіе юристы и сорбонскіе профессора. Руссо объявилъ, что она отвратительна, написалъ замѣтки въ опроверженіе изложенныхъ въ ней принциповъ и изъ отвращенія къ ея теоріямъ написалъ нѣкоторыя изъ самыхъ пылкихъ страницъ въ *Въроисповѣданіи* савойскаго викарія. ¹⁾ Даже Дидро, — не смотря на то, что вслѣдствіе своего дружескаго расположенія къ автору и своей склонности къ смѣлымъ философскимъ теоріямъ, онъ ставилъ *L'Esprit* въ числѣ замѣчательнѣйшихъ произведеній вѣка на ряду съ *Духомъ Законовъ* Монтескьё и съ *Натуральной Исторіей* Бюффона, — даже Дидро нашель и доказывалъ, что все произведеніе Гельвеція построено на парадоксѣ и что, хотя въ немъ есть нѣкоторыя вѣрныя замѣчанія, общіе его принципы большею частію ложны. ²⁾ Тюрго находилъ, что это — философское произведеніе безъ логики, литературное произведеніе безъ вкуса, и нравоучительное произведеніе безъ доброй нравственности. ³⁾

Въ той же критической статьѣ, которая содержитъ на двухъ или трехъ страницахъ столько неизмѣнно цѣнныхъ истинъ, Тюрго говоритъ: — «Тотъ, кто собирается напасть на религіозную нетерпимость и на неправду, долженъ прежде всего опереться на справедливыя идеи, потому что инквизиторы находятъ свою выгоду въ томъ, чтобъ поддерживать религіозную нетерпимость, а визири и ихъ помощники находятъ свою выгоду въ томъ, чтобъ поддерживать всѣ правительственныя злоупотребленія. Такъ какъ они сильнѣе васъ, то вы только даете имъ основательный поводъ для оправданій, когда начинаете громить ихъ безъ всякаго толку. Я столько же ненавижу деспотизмъ, какъ и многіе другіе, но нападать на него слѣдуетъ не одними голословными обвиненіями. Даже и въ деспотизмѣ есть различныя степени; есть множество такихъ злоупотребленій деспотизма, въ которыхъ сами государи не имѣютъ никакого интереса; есть и такія злоупотребленія, которыя допускаются ими только потому, что общественное мнѣніе еще не убѣдилось въ ихъ несправедливости и въ происходящихъ отъ нихъ пагубныхъ послѣдствіяхъ. Тотъ окажетъ большую услугу народу, кто станетъ нападать на злоупотребленія не краснорѣчивыми укорами, а ясно, смѣло и главнымъ образомъ затрогивая чувства челоуѣколюбія. Тамъ гдѣ нѣтъ оскорбительныхъ словъ, трудно найти поводъ обижаться.... Нѣтъ ни одной формы правленія безъ какихъ нибудь недостатковъ, которые само правительство охотно исправило бы, если бы могло, и

¹⁾ Oeuvres, XII. 301.

²⁾ Ibid., II. 267—274.

³⁾ Ibid., II. 795.

безъ какихъ нибудь злоупотребленій, которыя оно всегда намѣревается прекратить по меньшей мѣрѣ въ неотдаленномъ будущемъ. Поэтому мы можемъ оказывать услугу какому бы то ни было правительству, обсуждая вопросы общественнаго блага спокойнымъ и серьезнымъ тономъ, не холодно и не съ преувеличеніями, а съ такимъ внушающимъ сочувствіе жаромъ, который истекаетъ изъ глубокаго влеченія къ справедливости и любви къ порядку.» ¹⁾

Конечно, еще очень сомнительно, могла ли бы французская монархія ввести длинный рядъ необходимыхъ преобразованій въ 1758 году, то есть въ такую эпоху, когда ее отдѣляло отъ великаго общественнаго переворота только одно поколѣніе; тѣмъ не менѣе въ ту пору еще можно было извинить Тюрго его убѣжденіе, что желаемый имъ прогрессъ можетъ быть достигнутъ безъ тѣхъ насильственныхъ перемѣнъ, на которыя такъ ясно указывали рѣзкія выходки Гельвеція. Во всякомъ случаѣ его слова стоило цитировать, потому что они полны серьезнаго и общепримѣнимаго значенія и потому что они ставятъ насъ именно на ту точку зрѣнія, съ которой можно сдѣлать правильную оцѣнку книги *L'Esprit*. Онъ находитъ, что настоящей цѣлью книги было указаніе на политическое положеніе дѣлъ, а также нападки на правительство и на соціальныя порядки того времени. Въ этомъ случаѣ,—точно также какъ во всѣхъ другихъ произведеніяхъ оппозиціонной литературы первыхъ шестидесяти лѣтъ восемнадцатаго столѣтія—церковь была, безъ всякаго сомнѣнія, той частію общественныхъ основъ, на которую были направлены самые непосредственные и самые ожесточенные нападки; вотъ почему по случаю появленія книги Гельвеція прежде всѣхъ встревожилась церковь. Дѣйствительно, можно сказать, что по самой природѣ вещей куда бы ни направлялся революціонный потокъ, онъ повсюду наталкивался на церковь. Она повсюду заслоняла васъ отъ лучей свѣта. Вольтеръ поколебалъ ея догматы. Руссо заставилъ ее краснѣть за ея противный религіи духъ. Дидро доказалъ ошибочную безусловность ея философіи. За тѣмъ выступили на сцену Гельвецій и Гольбахъ не только съ критикой, но и съ тѣмъ, что могло бы замѣнить опровергаемыя теоріи. Гольбахъ изложилъ новыя понятія о вселенной, о матеріи и движеніи, о случайномъ возникновеніи формъ. Гельвецій изложилъ теорію человѣческаго характера и сдѣлалъ новый анализъ нравственности, принимая интересъ за основу справедливости, удовольствіе за настоящій мотивъ интереса, а характеры за продукты восптанія и законовъ.

Излагать такія идеи значило отвергать всѣ тѣ понятія, которыя

¹⁾ *Oeuvres*, II. 795—8.

ми жило общество. А такъ какъ церковь была органомъ старыхъ понятій, то книга Гельвеція была тотчасъ арестована церковными властями, дѣйствовавшими по внушенію вѣрнаго инстинкта, и послужила поводомъ для перваго яростнаго нападенія на всѣхъ противниковъ однимъ разомъ. Однако, если мы рассмотримъ книгу *L'Esprit* помимо борьбы, возбужденной по ея поводу церковью, и если мы взвѣсимъ ея внутреннія достоинства, мы ясно увидимъ, что Гельвецій, сочиняя ее, помышлялъ не столько о богословскихъ спорахъ своего времени, сколько о томъ, чтобъ перенести философію Локка и Кондильяка въ политическую сферу и извлечь изъ нея новые лозунги и новыя силы для общественнаго переустройства. И не смотря на свою поверхностную пустоту и на свои парадоксы, его книга содержала въ себѣ единственный принципъ, придерживаясь котораго можно бы было совершить необходимый переходъ къ новому режиму, миновавъ *террора*.

И враги Гельвеція и его встревоженные друзья обыкновенно полагали, что мотивомъ, вдохновившимъ его, были тщеславіе и безпокойное надменное желаніе славы. Онъ былъ родомъ нѣмецъ. Его прапрадѣдъ поселился въ Голландіи и сталъ лечить больныхъ хитро составленными элексирами, порошкомъ изъ толченыхъ оленьихъ роговъ и составами изъ крокодилыхъ зубовъ. Его дѣдъ отправился искать счастья въ Парижъ; тамъ ему удалось убѣдить публику въ цѣлебныхъ свойствахъ ипекакуаны и получить отъ Лудовика XIV (1689) патентъ на приготовленіе этого снадобья ¹⁾. Медицинскія традиции семьи поддерживались и въ третьемъ поколѣннн, такъ какъ отецъ Гельвеція былъ однимъ изъ докторовъ королевы и имѣлъ случай оказать человѣчеству сомнительную услугу тѣмъ, что однажды спасъ жизнь Лудовика XV. Гельвецій, родившійся въ 1715 г., отказался отъ профессіи своихъ предковъ и благодаря расположенію, которымъ пользовался его отецъ при дворѣ, получилъ мѣсто *fermier général*. Благодаря этому онъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ, но богатство безъ славы не удовлетворяло его. Онъ дѣлалъ попытки въ разныхъ направленіяхъ, всегда придерживаясь того, что могло доставить ему популярность въ данную минуту. Мопертюи былъ въ ту пору героемъ дня и это внушило Гельвецію мысль сдѣлаться геометромъ. Блестящій успѣхъ Вольтера ввелъ въ моду поэзію, и Гельвецій написалъ полдюжины длинныхъ пѣсень о *Счастіи*. Монтескьё обратилъ на себя вниманіе всего Па-

¹⁾ См. Жаля Dict. Crit. стр. 676. Въ книгѣ *L'Esprit* есть одно сравненіе, которое вѣроятно было написано подъ влияніемъ фамилныхъ преданій: «Подобно тѣмъ докторамъ, которые, завидуя открытію вѣотнаго, воспользовались легговѣріемъ некоторыхъ прелатовъ для того, чтобъ предать промѣнъ лекарство, оазывающее столь скорую и спасительную помощь“ и т. д.—II 23.

рижа книгой *Духъ законовъ* (1748) и Гельвецій имѣлъ достаточно прозорливости, чтобъ подмѣтить, что въ его время социальныя теоріи способны были возбуждать самый сильный и самый продолжительный интересъ ¹⁾. Онъ тотчасъ принялся за работу и на этотъ разъ сталъ работать безъ торопливости. Въ 1751 г. онъ отказался отъ должности *fermier général* и вмѣстѣ съ ней отъ ежегоднаго дохода въ двѣ или три тысячи фунт. стерл. ²⁾, и за тѣмъ посвятилъ семь лѣтъ на сочиненіе, которое было задумано съ цѣлюю приобрѣсть безсмертную славу. По словамъ одного изъ близкихъ друзей Гельвеція, «ему нужно было долго трудиться въ потѣ лица для того только, чтобъ написать одну главу»; онъ разъ по двадцати передѣлывалъ одну и ту-же фразу. Писатели, болѣе легко владѣвшіе перомъ, смотрѣли на него съ удивленіемъ, когда онъ, живя въ деревнѣ, размышлялъ по цѣлымъ утрамъ надъ одной страницей и ходилъ по цѣлымъ часамъ взадъ и впередъ по комнатамъ, стараясь возбудить дѣятельность своего ума или обдумывая какую нибудь оригинальную форму выраженія ³⁾. Его парижскіе пріятели потѣшались надъ его стараніями навести разговоръ на тотъ предметъ, который занималъ его въ данную минуту. Чтобъ удовлетворить его желаніе они вступали съ нимъ въ пренія и потомъ старались заставить его высказать его собственныя мнѣнія. «Тогда,» — говоритъ Мармонтель, — «онъ съ жаромъ брался за свой сюжетъ и былъ на столько простымъ, естественнымъ и искреннимъ, насколько въ своихъ произведеніяхъ онъ былъ систематикомъ и софистомъ. Не было ничего менѣе схожаго съ его личнымъ чистосердечіемъ и съ простотою его обыденной жизни, чѣмъ искусственная и предумышленная простота его сочиненій. Гельвецій представлялъ по своему характеру совершенный контрастъ съ тѣмъ, что онъ выдавалъ за свои убѣжденія; онъ былъ либераленъ, великодушенъ, нехвастливъ и добръ» ⁴⁾.

Въ одномъ изъ произведеній Дидро Гельвецій представленъ совершенно въ иномъ свѣтѣ. Во время одной изъ своихъ загородныхъ поѣздокъ Дидро случайно познакомился съ одной дамой, которой была хорошо знакома та мѣстность, гдѣ жилъ Гельвецій. «Она рассказала намъ, что философъ у себя въ деревнѣ самый несчастный человекъ. Онъ окруженъ крестьянами и сосѣдями, которые ненавидятъ его. Они бьютъ стекла въ его домѣ, по ночамъ

¹⁾ Впрочемъ Юмъ рассказываетъ, будто Гельвецій пытался отговорить Монтескье отъ изданія его капитальнаго сочиненія на томъ основаніи, что оно не достаточно уже приобрѣтенной имъ репутаціи.

²⁾ Барбье, V. 57.

³⁾ Морелль, I. 71.

⁴⁾ Мармонтель, II. 116.

разоряють его имущество, срубають его деревья и ломають заборы. Онъ не смѣетъ выйти изъ дому чтобъ подстрѣлить кролика иначе какъ въ сопровожденіи конвоя. Вы спросите меня отчего это происходитъ? Это происходитъ отъ чрезмѣрной заботливости о цѣлости его дикихъ звѣрей. Его предшественники охраняли порядокъ въ имѣніи при помощи двухъ слугъ и нѣсколькихъ ружей. У Гельвеція двадцать четыре сторожа и все таки онъ никакъ не можетъ охранить свою собственность. Сторожа получаютъ небольшую денежную награду за каждого пойманнаго ими истребителя барской дичи, и прибѣгаютъ къ всевозможнымъ придирамъ, чтобъ увеличить эту жалкую статью дохода. Въ этомъ случаѣ они вовсе не лучше тѣхъ людей, которые занимаются по найму охотой на чужой землѣ. Окраины его лѣсовъ служатъ убѣжищемъ для жалкихъ бѣдняковъ, которые выгнаны изъ дому и принуждены жить въ шалахахъ. Эти то безпрестанно повторяющіеся акты тираніи и создали ему враговъ всякаго рода, — и тѣмъ болѣе дерзкихъ враговъ, что, по словамъ г-жи Н., они убѣдились, какъ мелочно малодушенъ этотъ добрый философъ. Я не понимаю, что онъ выигралъ отъ такой системы управленія своимъ имѣніемъ; онъ тамъ въ одиночествѣ, его всѣ ненавидятъ, и онъ находится постоянно въ страхѣ. Насколько благоразумнѣе была наша добрая г-жа Жоффрентъ, когда сказала по поводу одного надоедавшаго ей судебного разбирательства: «Прекратите мой искъ. Имъ нужны мои деньги? у меня они есть; такъ дайте имъ денегъ. И могу ли я сдѣлать лучшее употребленіе изъ денегъ, чѣмъ купить на нихъ мое спокойствіе! Будь я на мѣстѣ Гельвеція, я сказала-бы: «они убиваютъ нѣсколько зайцевъ и кроликовъ; не мѣшайте имъ въ этомъ. У этихъ несчастныхъ нѣтъ другаго убѣжища, кромѣ моихъ лѣсовъ; не мѣшайте имъ тамъ укрываться» ¹⁾).

Съ другой стороны есть вполне достовѣрные рассказы о щедрости Гельвеція. Мы приведемъ одно достойное вниманія свидѣтельство о добродушіи, которымъ онъ славился. Послѣ того какъ претендентъ на англійскій престолъ былъ изгнанъ изъ Франціи, были особенныя причины, по которымъ ему иногда нужно было пріѣзжать въ Парижъ. Онъ написалъ Гельвецію, что много слышалъ о немъ какъ объ одномъ изъ самыхъ безкорыстныхъ и самыхъ честныхъ людей во Франціи и потому рѣшился вѣрить ему самого себя. Гельвецій не отвѣчалъ отказомъ на эту опасную любезность, и въ теченіе двухъ лѣтъ скрывалъ принца въ своемъ домѣ ²⁾). Онъ былъ точно также услужливъ и въ такихъ случаяхъ, когда ничто не льстило его

1) Voyage à Bourbonne. O e u v., XVII. 344.

2) Бертона H u m e, II. 464.

тщеславію. Многіе литераторы, и въ томъ числѣ Мариво, получали отъ него ежегодную пенсію, и его домъ, точно такъ же какъ домъ Гольбаха, былъ всегда открытъ для всѣхъ философовъ. Мореллэ рассказываетъ, что тамъ разговоры не были такъ же дѣльны и послѣдовательны, какъ въ домѣ барона. «Хозяйка дома бесѣдовала съ тѣми, кто ей всего болѣе нравился, а такъ какъ она выбирала не самыхъ худшихъ людей, то многіе уходили. Нельзя сказать, чтобъ она имѣла болѣе склонности къ философіи, чѣмъ г-жа Гольбахъ; но эта послѣдняя сидѣла гдѣ нибудь въ уголкѣ, не вмѣшиваясь въ разговоры или тихонько болтая съ своими пріятельницами и потому не была ни для кого помѣхой; напротивъ того въ присутствіи супруги Гельвеція, отличающейся красотой, оригинальностью и рѣзко выдающимися особенностями характера, философскія пренія были невозможны. Самъ Гельвецій не умѣлъ поддерживать или одушевлять ихъ. Онъ обыкновенно отводилъ кого нибудь изъ насъ къ окну, и заводилъ рѣчь объ интересовавшемъ его вопросѣ, стараясь уловить отъ насъ какой нибудь аргументъ въ подтвержденіе его собственной точки зрѣнія или какое нибудь возраженіе, — такъ какъ онъ обдумывалъ свое сочиненіе въ обществѣ. Еще чаще случалось, что вскорѣ послѣ обѣда онъ отправлялся въ оперу или въ какое нибудь другое мѣсто и предоставлялъ женѣ занимать гостей»¹⁾. Не смотря на все это Гельвецій приобрѣлъ въ обществѣ значительную популярность. Впрочемъ это произошло лишь послѣ того какъ онъ достигъ славы, такъ какъ въ эпоху появленія книги *L'Esprit* Дидро едва ли встрѣчался съ нимъ болѣе двухъ разъ въ годъ, а знакомство его съ д'Аламберомъ было самое поверхностное. Сверхъ того слѣдуетъ полагать, что раскаявшійся членъ ненавистнаго класса откупщиковъ едва ли могъ находить радушный приемъ въ кружкѣ философовъ, принадлежавшихъ къ оппозиціонной партіи. Тюрго былъ очень мѣткъ, когда сдѣлалъ презрительный вопросъ, почему долженъ онъ быть признательнымъ такому декламатору какъ Гельвецій, который осыпаетъ правительство рѣзкими оскорбленіями и ѣдкими сарказмами, а вслѣдъ за тѣмъ улаживаетъ отправку къ Фридриху Великому цѣлой колоніи таможенныхъ чиновниковъ. Только благодаря тѣмъ строгостямъ, съ которыми правительство отнеслось къ его книгѣ, Гельвецій сдѣлался популярнымъ и приобрѣлъ симпатіи энциклопедистовъ.

Для насъ англичанъ интересно то, что Гельвецій очень восхищался Англіей. Гольбахъ, какъ намъ уже извѣстно (см. выше стр.

¹⁾ Мореллэ, I. 141. Очень живой рассказъ о женѣ Гельвеція въ ея поздніе годы можно найти въ *Письмахъ* г-на Адама, цитированныхъ въ сочиненіи Партона *Жизнь Франклина*, II. 429.

186), не раздѣляя такого взгляда и объясняя увлеченіе своего пріятеля тѣмъ, что Гельвецій смотрѣлъ на свободную Англію глазами человѣка, подвергшагося преслѣдованіямъ во Франціи ¹⁾). Горасъ Вальполь извѣщалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ сэра Гораса Мана, что Гельвецій ѣдетъ въ Англію и везетъ съ собою двухъ дочерей съ приданымъ въ пятьдесятъ тысячъ фунт. ст., съ цѣлію отдать ихъ замужъ за двухъ незапятнанныхъ членовъ нашего августѣйшаго и неподкупнаго сената, если только ему удастся отыскать въ этотъ вѣкъ добродѣтели людей, которые согласятся получить отъ него деньги. Далѣе, желая выразить протестъ противъ такого невыгоднаго сравненія между двумя націями, Вальполь прибавляетъ: «Положимъ, что французы морочатъ насъ своими безразсудными выдумками, но они еще въ десять разъ болѣе безразсудны потому что дозволяютъ морочить себя нашими добродѣтелями» ²⁾). Гиббонъ познакомился съ Гельвеціемъ (1763) и нашелъ въ немъ разумнаго человѣка, пріятнаго собесѣдника и самого достойнаго человѣка въ мірѣ, не говоря уже о тѣхъ его достоинствахъ, что у него была хорошенькая жена и сто тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода. Варбуртонъ приглашенъ былъ вмѣстѣ съ Гельвеціемъ на обѣдъ къ лорду Мансфилду, но отказался, потому что не желалъ встрѣчаться съ явнымъ проповѣдникомъ атеизма, негодлемъ и бездѣльникомъ ³⁾).

Теперь перейдемъ къ той книгѣ, которая навлекла на ея автора всѣ эти оскорбительные отзывы. Написалъ-ли ее Гельвецій изъ тщеславія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ такой мотивъ никогда еще не возбуждалъ въ публикѣ интереса къ какому либо литературному произведенію и мы можемъ быть вполне увѣрены, что ни тѣ, которые одобряли ее, ни тѣ, которые относились къ ней съ отвращеніемъ, не были бы такъ глубоко возбуждены ея содержаніемъ, если бы они не сознавали, что авторъ проникъ въ самую суть самыхъ великихъ вопросовъ. Но прежде всего мы должны сказать нѣсколько словъ о формѣ его сочиненія.

Гриммъ, конечно, былъ правъ, когда утверждалъ, что только человѣкъ лишенный вкуса и здраваго смысла могъ находить въ книгѣ *L'Esprit* нравственныя теоріи или колоритъ произведеній Дидро. Для насъ достаточно ясно, что у Гельвеція былъ передъ глазами примѣръ Фонтенелля, — того самаго Фонтенелля, который излагалъ астрономическія системы въ формѣ изящныхъ литературныхъ произведеній, и о которомъ кто то сказалъ, что *il nous enjôle à la vérité*—онъ насъ ласкою увлекаетъ въ позна-

¹⁾ *Oeuvres*, XIX. 187.

²⁾ *Congress*, IV. 119.

³⁾ *Congress*. Вальполя, IV. 217.

ніе истины. L'Esprit едва ли не самая удобочитаемая книга о нравственности, какая когда либо была написана для тѣхъ, кто совершенно равнодушенъ къ большей или меньшей научной достовѣрности того, что онъ читаетъ. Юмъ, получившій отъ Гельвеція приглашеніе перевести книгу на англійскій языкъ, писалъ Адаму Смиту, что ее стоитъ прочесть не ради заключающейся въ ней философіи, которую онъ не высоко цѣнить, а ради ея пріятнаго изложенія ¹⁾. Именно это и имѣлъ въ виду Гельвецій, когда наполнялъ ее равными разказами и анекдотами. Многіе изъ нихъ очень бѣдны содержаніемъ, многіе неумѣстны, иные не совсѣмъ приличны, а нѣкоторые дурно изложены, но все таки это были разказы и анекдоты, увлекавшіе за собою легкомысленнаго читателя съ одной страницы на другую, отъ одной главы къ другой. Но тотъ, кто взялся бы за книгу Гельвеція съ цѣлю серьезнаго изученія этики, едва ли могъ бы примириться съ его негодными теоріями ради его забавныхъ анекдотовъ. Г-жа Роландъ читала знаменитую книгу когда была еще романтической дѣвушкой и вынесенныя ею впечатлѣнія, полагаю, были точно такія же, какія должна была производить эта книга на всякую благородную натуру. «Гельвецій сдѣлалъ меня несчастливой; онъ уничтожилъ во мнѣ самыя очаровательныя иллюзіи; онъ заставлялъ меня повсюду видѣть отвратительный личный интересъ». «Однако сколько у него прозорливости!» продолжаетъ она. «Я убѣждена, что Гельвецій изображалъ людей точно такими, какими они сдѣлались благодаря нравственной испорченности общества: я полагала, что полезно развивать свой умъ чтеніемъ такого автора для того, чтобъ быть способной посѣщать такъ называемое свѣтское общество и не быть его игрушкой. Но я старалась не придерживаться его принциповъ, когда хотѣла изучить отличительныя свойства человѣческой природы. Я чувствовала себя способной къ такому великодушію, какого онъ никогда не признавалъ. Съ какимъ наслажденіемъ я противопоставляла его теоріямъ великіе историческіе подвиги и добродѣтели героевъ, которыхъ обезсмертила исторія» ²⁾.

Я уже позволилъ себѣ замѣтить, что книга L'Esprit содержала въ себѣ единственный принципъ, способный служить основой для такой социальной теоріи, которая могла дать французамъ того времени правильное понятіе о томъ, какъ взяться за необходимыя реформы. Въ исторіи литературы едвали найдется другой писатель, который былъ такъ же близокъ какъ Гельвецій къ уразумѣнію главной основы спасительныхъ истинъ, но затѣмъ вовлекся въ

¹⁾ Бертонъ. II. 57.

²⁾ Oeuvres de M-d me Roland, I. 108.

самые грубые парадоксы, какіе только может придумать ложно направленное остроуміе. Чтобъ понять въ какой мѣрѣ было вредно такое ложное направленіе, стоитъ припомнить, что тоже самое орудіе, которое было въ рукахъ у Гельвеція, но которымъ онъ не умѣлъ владѣть, было заимствовано у него родившимся въ иной странѣ гениальнымъ человѣкомъ и обратилось въ средство для проведенія реформъ, спасшихъ Англію отъ внутреннихъ потрясеній. Никто не будетъ утверждать, что Гельвецій изобрѣлъ утилитаризмъ. Изъ того, что въ его книгѣ часто встрѣчается имя Юма уже ясно видно, что и самъ авторъ вовсе не считалъ себя изобрѣтателемъ утилитарнаго принципа. Нужно быть, — сказалъ Милль, — вовсе незнакомымъ съ исторіей философіи и всеобщей литературой, чтобъ не знать, что всегда которая нибудь изъ философскихъ школъ была утилитарной, не только начиная со временъ Эпикура, но и задолго до него. Нельзя однако отвергать одного факта, который самъ по себѣ достаточенъ для того, чтобы дать Гельвецію право на почетное мѣсто въ исторіи, — нельзя отвергать того, что понятіе о всеобщей пользѣ какъ объ основѣ нравственности было заимствовано отъ Гельвеція тѣмъ энергическимъ и мощнымъ англійскимъ мыслителемъ, который сдѣлалъ изъ утилитаризма главную жизненную силу законодательныхъ реформъ и основу юриспруденціи. Самъ Бентамъ открыто сознавался въ томъ, что именно изъ этого источника онъ черпалъ вдохновеніе ¹⁾.

Эта книга, такъ глубоко проникавшая въ самую суть предмета, упала въ общемъ мнѣніи, вслѣдствіе того неблагоприятнаго для нея обстоятельства, что Гельвецій смѣшалъ утилитарный принципъ съ самой неудобоваримой всякой всячиной, какую только можно найти въ литературѣ психологіи. Оттого то, когда Руссо, вмѣшавшись въ споръ, сталъ проповѣдывать свою безсодержательную философію преобразованій краснорѣчивымъ, возвышеннымъ и мощнымъ слогомъ, онъ увлекъ всѣхъ за собой. Тогда демократія сантиментализма заняла то мѣсто въ литературѣ революціонной подготовки, которое должна бы была занимать демократія утилитарная. Фикція Руссо о народномъ верховенствѣ была произвольнымъ и по своей сущности бесплоднымъ извращеніемъ тѣхъ реальныхъ истинъ, на которыя указывала злополучная книга Гельвеція.

Чтобъ установить взаимную связь законовъ между собою, говорилъ Гельвецій, «необходимо возвести всѣ ихъ къ одному принци-

¹⁾ „Бентамъ нерѣдко говаривалъ, что этой книгѣ (L'Esprit) онъ обязанъ въ значительной мѣрѣ тѣмъ рвеніемъ и тѣмъ жаромъ, съ которыми онъ проповѣдывалъ свою теорію общей пользы. Въ ней онъ находилъ для себя поощреніе... изъ нея онъ научался быть непоколебимымъ“, и т. д.—Deontology, I. 296.

пу—къ принципу *общей пользы, то есть пользы самаго большаго числа людей, подчиненныхъ одной и той же формѣ правленія, къ такому принципу, объемъ и плодovitость котораго не могутъ быть измѣрены и который содержитъ въ себѣ всю нравственность и все законодательство*.¹⁾

Человѣкъ честенъ, когда всё его дѣйствія клонятся къ общественной пользѣ. «Чтобъ быть добродѣтельнымъ необходимо соединять благородство души съ просвѣщеннымъ умомъ. Кто соединяетъ въ себѣ эти достоинства, тотъ дѣйствуетъ въ *предѣлахъ общественной пользы*. Эта польза есть принципъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей и основа всѣхъ законодательствъ. Она должна вдохновлять законодателя и заставлятъ народы подчиняться его законамъ»²⁾).

Принципъ общественной пользы не измѣняемъ, хотя въ своемъ примѣненіи онъ и можетъ прилаживаться къ различнымъ положеніямъ, въ которыхъ можетъ находиться нація, по мѣрѣ того какъ это положеніе мѣняется³⁾).

Общественный интересъ есть интересъ большинства, и служить основой, на которой неизмѣнно должны покоиться принципы здравой морали⁴⁾).

Эти извлеченія, — а извлеченій въ томъ же духѣ можно бы было привести немало, — объясняютъ намъ, на какомъ фундаментѣ Гельвецій думалъ строить свои теоріи. Но почему же Бентамъ воздвигнулъ на этомъ фундаментѣ зданіе столь полезное для человечества, тогда какъ Гельвецій засыпалъ его ни къ чему негодными парадоксами? Потому что Бентамъ взялся за свой сюжетъ съ точки зрѣнія практическаго юриста, и излагалъ человѣческія побужденія и поступки съ систематической и объективной классификаціей, для которой руководствомъ служилъ принципъ утилитарности. А Гельвецій, вмѣсто того чтобъ развивать принципъ, что дѣйствія хороши или дурны смотря потому согласны-ли они или не согласны съ общими интересами большинства, удовольствовался повтореніемъ на всё возможные лады своего положенія, что любовь къ самому себѣ служить для насъ мѣриломъ добродѣтели. Послѣ того, какъ онъ принялъ пользу за знамя добродѣтели и установилъ, что интересъ есть выраженіе примѣнимое ко всему, что можетъ доставлять намъ удовольствіе и отстранять отъ насъ неприятели,⁵⁾ онъ долженъ бы былъ сдѣлать то, что сдѣлалъ Бентамъ — расположить удовольствія и неприятели въ ихъ логическомъ порядкѣ. Вмѣсто того

1) D i s c. II. chap. 17.

2) I b i d., II. 6.

3) I b i d., II. 17.

4) D i s c. II. chap. 23.

5) I b i d., II. 1, примѣчаніе (b).

Гельвецій, отправляясь отъ положенія, что «судить значитъ чувствовать», пустился въ изложеніе полной теоріи человѣческаго характера, содержащей въ себѣ по меньшей мѣрѣ два пагубныхъ недостатка. Во первыхъ эта теорія не имѣла корня въ изученіи развитія всего человѣчества; во вторыхъ она принимала въ соображеніе одни чисто эгоистическіе импульсы, вовсе не касаясь противоположной имъ половины человѣческихъ влеченій. Помимо этихъ коренныхъ недостатковъ, Гельвецій опрометчиво впалъ въ то самое заблужденіе, которое было общимъ для всѣхъ, кто нападалъ на утилитарный принципъ, а именно онъ смѣшалъ основу человѣческихъ поступковъ съ ихъ мотивами и настоятельно утверждалъ, что такъ какъ польза есть мѣрило добродѣтели, то перспектива самоудовлетворенія есть единственная причина, почему люди предпочитаютъ добродѣтель пороку.

Это, по словамъ г-жи дю-Дефанъ тоже, что рассказывать секретъ каждому. Мы одобряемъ поступки въ той мѣрѣ, въ какой они ведутъ къ удовлетворенію нашихъ интересовъ. Дружба, *esprit de corps*, патриотизмъ, гуманность—слова, обозначающія такія качества, которымъ мы придаемъ большую или меньшую цѣну соразмѣрно съ болѣе или менѣе близкой ихъ связью съ нашимъ собственнымъ благополучіемъ, а степени нашихъ предпочтеній находятся въ обратной пропорціи съ числомъ тѣхъ людей, которые пользуются даннымъ поступкомъ. Если онъ касается всего человѣчества или нашего отечества, мы одобряемъ его съ меньшимъ жаромъ, чѣмъ когда онъ специально клонится къ нашей собственной исключительной пользѣ. Поэтому если вы хотите подѣйствовать на людей и направить ихъ образъ дѣйствій къ общественной пользѣ, вы должны вліять на нихъ чрезъ посредство того, что имъ пріятно или непріятно.

Въ этой мысли, возбуждившей всеобщее негодованіе противъ автора, есть безъ сомнѣнія доля правды. Мы можемъ ради примѣра напомнить, что все уголовное законодательство,—въ той мѣрѣ, въ какой оно имѣетъ цѣлю не мстить за преступленія, а предотвращать ихъ,—предполагаетъ у всѣхъ тѣхъ, кого оно касается, ту самую теорію, которая навлекла на Гельвеція общую ненависть. Мы можемъ привести еще болѣе вѣское оправданіе въ пользу Гельвеція, выраженное Шарлемъ Контомъ въ слѣдующихъ словахъ:—Если бы сила, съ которой мы желаемъ отплатить за зло, не была соразмѣрна съ личной опасностью, которой мы подвергаемся, то мы едва ли были бы способны охранять самихъ себя; если же дѣйствія, причиняющія вредъ всему человѣчеству, огорчали бы насъ столько же сколько огорчаютъ насъ дѣйствія, причиняющія вредъ лично намъ самимъ, мы были бы самыми жалкими существами, такъ какъ мы

безпрестанно терзались бы по поводу такихъ дѣйствій, которыхъ мы не въ силахъ предотвратить. Сверхъ того, если бы благодѣянія, оказанныя лично намъ однимъ, не внушали намъ болѣе сильной признательности чѣмъ тѣ, которыя совершаются для всего человѣчества, мы вѣроятно не пользовались бы ничѣмъ предпочтительнымъ расположеніемъ и сами не питали бы такого расположенія къ другимъ, а въ такомъ случаѣ эгоизмъ развился бы до самыхъ громадныхъ размѣровъ ¹⁾).

Впрочемъ эта сторона теоріи Гельвеція представляетъ одну изъ тѣхъ истинъ, которыя неопровержимы только при томъ условіи, чтобъ онѣ разсматривались въ связи съ цѣлой группой другихъ истинъ, а Гельвецій именно потому и не былъ въ состояніи отразить вызванныхъ его теоріей нападокъ, что онъ излагалъ отрывочно такую идею, которая сама по себѣ не принадлежитъ ни къ разряду истинъ, которыхъ нельзя доказать, ни къ разряду бессмыслицъ. Заблужденія Гельвеція происходили отъ различныхъ причинъ и могутъ быть выяснены различными способами. Чаше всего указываютъ на то, что приписывая самолюбію самую большую долю вліянія на нашу оцѣнку человѣческихъ поступковъ, онъ по меньшей мѣрѣ долженъ бы былъ удѣлить какую нибудь часть этого вліянія нашимъ симпатіямъ, — потому что хотя и можно утверждать, что симпатія есть не болѣе какъ косвенный родъ самолюбія или тѣнь бросаемаго самолюбіемъ, однако это такое видоизмѣненіе самолюбія, которое предполагаетъ въ насъ совершенно иной разрядъ убѣжденій и требуетъ, чтобъ его обозначали инымъ названіемъ.

Книга L'Esprit служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ того, въ какой мѣрѣ успѣхъ всякой новой теоріи зависитъ отъ формы ея изложенія. Гельвецій точно будто направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобъ обставить свою теорію всѣмъ, что отталкивало бы отъ нея читателя. Такъ на примѣръ онъ начинаетъ одну изъ самыхъ важныхъ главъ утверженіемъ, что личный интересъ есть единственный мотивъ, способный побудить человѣка на великодушныя поступки. «Для него точно такъ же невозможно любить добро ради добра, какъ невозможно любить зло ради зла». Остальная часть главы состоитъ изъ примѣровъ, приводимыхъ въ объясненіе этой мысли; и какіе это примѣры? Во первыхъ авторъ указываетъ на Брута, который пожертвовалъ своимъ сыномъ для спасенія Рима, потому что его любовь къ отечеству была сильнѣе его отеческой любви; а благодаря этой любви къ отечеству «просвѣтившей его умъ для пониманія общественныхъ интересовъ» онъ былъ въ состояніи понять, какую пользу доставить для государства показанный имъ примѣръ

1) *Traité de Legislation*, I. 243.

суровости. Другіе приводимые въ той же главѣ примѣры служатъ объясненіемъ того же самаго принципа нравственности—а именно того принципа, что истинная добродѣтель заключается въ томъ, чтобъ заглушать въ себѣ всѣ побужденія къ удовлетворенію семейныхъ или дружескихъ влеченій, когда это удовлетвореніе было бы противно общей пользѣ ¹⁾).

Пожалуй можно согласиться съ тѣмъ, что при строго логическомъ анализѣ человѣческихъ дѣяній самоотверженіе героя или мученика окажется ничѣмъ инымъ какъ сознательнымъ съ его стороны предпочтеніемъ такого образа дѣйствій, который всего менѣе для него тяжелъ, такъ какъ или вслѣдствіе его религиозныхъ убѣжденій, или вслѣдствіе его патриотизма, или вслѣдствіе его врожденнаго великодушія, самопожертвованіе представляется для него всего менѣе тяжелымъ образомъ дѣйствій. Но называть такое геройское душевное настроеніе самолюбіемъ значитъ выдѣлять изъ цѣлаго самый незначительный его элементъ, и выставлять этотъ элементъ въ такомъ видѣ, какъ будто въ немъ заключается вся суть предмета. Это влечетъ за собой самыя превратныя толкованія. Вѣдь различіе между человѣкомъ добродѣтельнымъ и человѣкомъ порочнымъ зиждется не на томъ фактѣ, что каждый изъ нихъ поступаетъ такъ, какъ ему менѣе тяжело поступать благодаря привычкѣ, а на томъ фактѣ, что вслѣдствіе привычки для перваго изъ нихъ тяжело себялюбіе, а для втораго—самопожертвованіе, что въ первомъ изъ нихъ себялюбіе перешло въ интересъ къ благу другихъ, а во второмъ не перешло. Что можетъ быть болѣе превратно, чѣмъ указаніе на личный интересъ въ дѣлѣ благотворительности или чѣмъ настоятельное утвержденіе, что такъ какъ благотворительность находится въ связи съ человѣческимъ себялюбіемъ, то она ничто иное какъ прикрытое себялюбіе? Точно будто плодъ или цвѣтокъ не только находится въ зависимости отъ корня, какъ отъ одного изъ условій его развитія, но въ дѣйствительности самъ есть корень! Помимо этого нарушенія правилъ логики, здѣсь нарушаются и правила реторики, такъ какъ здѣсь выставляется на видъ формула, ставящая данную теорію въ связь съ самыми отвратительными идеями, и потомъ этой формулѣ придается самое выдающееся значеніе во всемъ изложеніи. Ничего не выигрывая ни въ ясности, ни въ опредѣленности, ни въ послѣдовательности, авторъ сознательно наводитъ читателя на складъ идей совершенно противоположный тому, къ которому онъ желалъ бы внушить расположеніе.

Сверхъ того Гельвецій даетъ себѣ трудъ оскорблять великодушную чувствительность и возмущать здравый смыслъ публики. Труд-

¹⁾ Disc. II. 5.

но указать что либо болѣе скандально-циническое и болѣе негѣное чѣмъ та мысль, что если мы будемъ смотрѣть на поведеніе распутныхъ женщинъ съ политической точки зрѣнія, мы найдемъ что оно въ нѣкоторомъ отношеніи чрезвычайно полезно для публики. Желаніе нравиться, заставляющее этихъ женщинъ обращаться къ торговцамъ новомодными товарами, къ модисткамъ и портнихамъ, спасаетъ множество рабочихъ отъ нищеты. Добродѣтельныя женщины, подающія милостыню нищимъ и уголовнымъ преступникамъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ совѣтами своего духовнаго отца, поступаютъ менѣе разумно чѣмъ тѣ женщины, которыя руководствуются желаніемъ нравиться; эти послѣднія доставляютъ средства существованія полезнымъ гражданамъ, тогда какъ первыя по меньшей мѣрѣ совершенно бесполезны, а нерѣдко даже вредны для націи ¹⁾. Все это—ничто иное какъ многогнѣвное повтореніе плохихъ изреченій Мандевилля касательно «сластолюбивыхъ царедворцевъ, не знающихъ предѣловъ своей роскоши и легкомысленныхъ проституттокъ, выдумывающихъ каждую недѣлю новыя моды». Мы не можемъ удивляться тому, что всякій челоуѣкъ съ благородными чувствами или съ здравымъ умомъ отворачивался даже отъ высказанныхъ истинъ, оттого что эти истины были перемѣшаны съ столь пагубными софизмами и циническими примѣрами.

Намъ не трудно повѣрить, что г-жа Роланъ въ годы великодушной юности почувствовала отвращеніе къ книгѣ, усѣянной пошлыми анекдотами. Гельвецій съ искреннимъ удовольствіемъ рассказываетъ намъ, что находившійся при дворѣ Александра Великаго Парменіонъ сказалъ Филотасу:—«Сынъ мой, старайся быть ничтожнымъ передъ Александромъ; доставляй ему отъ времени до времени случай дѣлать тебѣ наставленія, и не забывай, что только тогда ты приобрѣтешь его дружбу, когда будешь выказывать твое ничтожество передъ нимъ». Король Португальскій поручилъ одному изъ своихъ придворныхъ составленіе записки по такому дѣлу, которое онъ самъ изучилъ. Сравнивая его записку съ написанной имъ самимъ, король нашелъ что записка царедворца лучше написана; тогда царедворецъ низко поклонился королю и поспѣшилъ распротиться съ своими друзьями: «*И пропалъ*»—сказалъ онъ,—«*король нашелъ что у меня болѣе ума, чѣмъ у него*» ²⁾. Одна только посредственность имѣть успѣхъ въ свѣтѣ. «Вы имѣете успѣхъ въ свѣтѣ»,—сказалъ отецъ своему сыну, «—и вы вообразили, что вы обладаете большими достоинствами. Чтобъ смирить вашу гордость, я скажу вамъ, какимъ качествамъ вы обязаны такимъ успѣхомъ: вы родились безъ поро-

1) Disc. II. 15.

2) См. болѣе точный текстъ этихъ словъ у Дидро, Oeuvres, II. 482.

ковъ, безъ добродѣтелей, безъ характера; ваши познанія скудны, вашъ умъ узокъ. А это такія качества, которыя даютъ вамъ право на общую къ вамъ благосклонность» ¹⁾).

Въ нашъ предметъ не входитъ разсмотрѣніе съ какой либо догматической точки зрѣнія всѣхъ заблужденій Гельвеція въ сферѣ умозрительной этики. Причина ихъ достаточно очевидна. Гельвецій смотрѣлъ на человѣка какъ на отдѣльное существо, явившееся въ свѣтъ безъ всякихъ заранѣе намѣченныхъ предрасположеній и независящее отъ окружающей его среды. Сверхъ того, онъ не понималъ, что добродѣтель, справедливость, и другія великія слова, выражающія наши понятія о нравственности, обозначаютъ такія свойства, которыя находятся въ непосредственной зависимости отъ основныхъ особенностей человѣческаго характера. По выраженію Дидро, ²⁾ онъ никогда не усматривалъ возможности найти въ нашихъ натуральныхъ влеченіяхъ, въ нашей жизни, въ нашемъ организмѣ, въ нашей чувствительности прочную основу для нашихъ понятій о томъ, что справедливо и несправедливо, что добродѣтельно и что порочно. Онъ прицѣплялся къ фактамъ, обнаруживающимъ многоразличныя формы, въ которыя облекаются справедливость и несправедливость, но онъ не обращалъ никакого вниманія на человѣческую натуру, въ которой нашель бы объясненіе характера этихъ формъ и ихъ происхожденія. Притомъ, хотя его книга была написана съ цѣлію доказать, что только хорошіе законы могутъ создавать добродѣтельныхъ людей и что все искусство законодателя заключается въ томъ, чтобъ заставить людей изъ чувства себялюбія быть справедливыми другъ къ другу, ³⁾ однако Гельвецій не замѣтилъ, какъ трудно предполагать въ излагающемъ нравственныя правила законодателѣ ту способность заглушать свое себялюбіе, которую онъ не признаетъ за остальными людьми. Вѣдь самая трудная задача политическихъ учрежденій и заключается именно въ противодѣйствіи себялюбію правящихъ классовъ. Гельвецій обошелъ эту трудность, приписавъ законодателю то самое личное безпристрастіе, отсутствіе котораго въ человѣческомъ родѣ послужило основой для всей его системы нравственности ⁴⁾.

¹⁾ Disc. IV. 13 и пр.

²⁾ Oeuvres, II. 270.

³⁾ Disc. II. 24.

⁴⁾ Генри Сидгвикъ такъ выражаетъ ту же мысль: „Даже неумолимое терпѣніе и неистощимая изобрѣтательность Бентама едвали были въ состояніи разрушить вредное вліяніе нашихъ личныхъ предпочтеній. Дѣйствительно, если людямъ обыкновеннаго уровня не предоставлять нѣкотораго участія въ общественныхъ дѣлахъ, то задача соединенія этихъ эгоистовъ въ одну общую организацію ради общей пользы становится похожей на требованіе сплестъ канатъ изъ псау. Трудность, которую Гоббсъ тщетно пытался разрѣшить при помо-

Повторяю, что не наше дѣло подробно разбирать его теорію. Такъ какъ мы стараемся изучить исторію человѣческихъ мнѣній, то насъ интересуетъ только вопросъ, что хотѣлъ Гельвецій выразить въ своихъ парадоксахъ, и какъ они зародились въ его умѣ. Никакой серьезный писатель, и еще менѣе какой либо французскій писатель восемнадцатаго столѣтія не выступалъ на литературное поприще безъ такихъ стремленій къ общему благу, которыя способны произвести на публику хорошее впечатлѣніе. А какую благую цѣль имѣлъ въ виду Гельвецій? Что было у него на умѣ, когда онъ извращалъ свои собственные идеи, доказывая что благотворительность есть продуктъ себялюбія? Мы можемъ объяснить это только однимъ способомъ. Утверждая, что невозможно любить добро ради добра, Гельвецій имѣлъ въ виду богослововъ. Ихъ ученіе, что человѣкъ предрасположенъ любить зло ради зла, вытѣсняетъ человѣческія дѣянія изъ сферы тѣхъ рациональныхъ мотивовъ, которые выясняются обыденнымъ человѣческимъ опытомъ. Гельвецій противопоставлялъ этому ученію ту мысль, что и въ своихъ хорошихъ и въ своихъ дурныхъ поступкахъ люди дѣйствуютъ подъ вліяніемъ своихъ интересовъ, а не мистическаго или врожденнаго предрасположенія къ добру или къ злу. Онъ пытался перенести нравственность и человѣческіе поступки изъ сферы произвольныхъ и суевѣрныхъ догадокъ въ сферу наблюденія. Онъ воображалъ, что дѣйствуетъ въ научномъ духѣ въ противоположность духу богословскому, принимая личный интересъ за основу нашихъ дѣяній вмѣсто того, чтобы принимать за такую основу любовь къ Богу, или вліяніе благодати или авторитетъ церкви.

Мы можемъ даже утверждать, что въ книгѣ Гельвеція есть такое положительное достоинство, какаго нѣтъ въ произведеніяхъ самыхъ знаменитыхъ писателей того вѣка. Вотъ, на примѣръ, одинъ отрывокъ изъ его сочиненій, заключающій въ себѣ, не смотря на неудовлетворительность изложенія, несомнѣнный зародышъ правильной исторической оцѣнки:— «какъ бы ни казались намъ негѣпы тѣ или другіе обычаи, не можетъ подлежать сомнѣнію, что народы, руководствуясь своими интересами, приняли ихъ не безъ причины. Странности этихъ обычаевъ обусловливаются интересами этихъ народовъ. Дѣйствительно, если народы всегда, хотя бы и смутно, понимаютъ подъ словомъ добродѣтель стремленіе къ общественной пользѣ, если они вслѣдствіе такого пониманія называютъ хорошими такія дѣянія, которыя полезны для ихъ отечества, и если понятіе о пользѣ всегда соединяется въ умахъ съ понятіемъ о добродѣтели, то можно

ши абсолютнаго деспотизма, едва ли можетъ быть устранена путемъ демократическихъ ухищреній его болѣе изобрѣтательнаго послѣдователя“.

быть увѣреннымъ, что ихъ самые странные и даже самые жестокіе обычаи всегда имѣютъ въ основѣ дѣйствительную или воображаемую общественную пользу»¹⁾).

Если мы противопоставимъ эту мысль общей для всѣхъ друзей Гельвеція манерѣ нападать на прошлую исторію человѣческаго рода, то мы увидимъ, что какъ ни груба внѣшняя сторона приведеннаго отрывка, онъ содержитъ въ себѣ ту чрезвычайно важную и не знакомую ни Вольтеру, ни Руссо, ни Дидро теорію, что человѣческія дѣянія, даже въ ихъ самыхъ варварскихъ проявленіяхъ, допускаютъ разумное ихъ истолкованіе съ объясненіемъ ихъ мотивовъ, которые находятся въ связи съ ихъ интеллектуальными формами, точно также какъ мотивы самыхъ образованныхъ обществъ находятся въ связи съ интеллектуальными формами этихъ обществъ. Въ множествѣ волюмовъ, написанныхъ во Франціи въ теченіе восемнадцатаго столѣтія по вопросу о происхожденіи общества, не много найдется такихъ мѣстъ, которыя подходили бы къ новѣйшей точкѣ зрѣнія такъ же близко, какъ приведенная мысль Гельвеція.

Положеніе Гельвеція было положеніемъ человѣка, отыскивающаго новыя основы для нравственности. Въ восемнадцатомъ столѣтіи едва ли сталъ бы кто нибудь искать такихъ основъ въ католической религіи, а отъ Гельвеція этого можно было ожидать еще менѣе чѣмъ отъ кого либо другаго. «Фанатизмъ»,—сказалъ онъ въ тщательно обдѣланномъ отрывкѣ—«есть то, что влагаетъ оружіе въ руки католическихъ государей; онъ предписываетъ католикамъ умерщвлять еретиковъ; онъ снова вводитъ въ міръ употребленіе пытокъ, изобрѣтенныхъ такими чудовищами, какъ Фаларисъ, Бузирисъ, Неронъ; въ Испаніи онъ воздвигаетъ и зажигаетъ костры инквизиціи, въ то время какъ благочестивые испанцы отправляются за далекія моря для того, чтобъ водружать крестъ и распространять смятеніе въ Америкѣ. Куда бы вы ни обратили ваши взоры, на сѣверъ или на югъ, на востокъ или на западъ, вы повсюду увидите, что священный мечъ религіи направленъ въ грудь женщинъ, дѣтей, стариковъ, и земля обагряется кровью жертвъ, приносимыхъ ложнымъ богамъ, представляя изъ себя обширный и отвратительный могильный склепъ, устроенный религіозной нетерпимостью. И какой добродѣтельный человѣкъ, какой христіанинъ,—если только его чувствительное сердце исполнено той божественной благодати, которой дышутъ евангельскія правила, если только онъ не равнодушенъ къ воплямъ несчастныхъ и отверженцевъ и по временамъ утираетъ ихъ слезы—какой человѣкъ не проникнется отъ такого зрѣлища состраданіемъ къ человѣчеству и не употребитъ всѣ свои

¹⁾ Disc. II. 13.

усилія на то, чтобъ утвердить понятіе о честности не на религиозныхъ принципахъ, хотя они сами по себѣ и достойны всякаго уваженія, а на такомъ принципѣ, которымъ не такъ легко злоупотреблять,—на принципѣ личнаго интереса?»¹⁾

Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать книгу Гельвеція. Старанія руководить нравственностью при посредствѣ религіи оказались безуспѣшными. Гельвецій, какъ органъ реакціи противъ аскетизма и мистицизма, обратился за помощью къ положительному опыту и къ врожденной человѣческой наклонности искать того, что пріятно и избѣгать того, что неприятно. Научное несовершенство его попытки очевидно, но во всякомъ случаѣ эта попытка имѣла именно ту цѣль, которую мы указали.

То же самое стремленіе къ социальному переустройству внушило ему второй капиталный парадоксъ его сочиненія *l'Esprit*. Этотъ парадоксъ заключается въ томъ, что будто изъ всѣхъ источниковъ умственнаго различія между людьми человѣческой организмъ имѣетъ самое ничтожное вліяніе на это различіе. Интеллектуальныя различія, будто бы, происходятъ отъ различія обстоятельствъ и отъ различнаго воспитанія. Великіе люди сдѣлались великими вовсе не потому, что они болѣе счастливо одарены отъ природы. Нѣтъ такого человѣка, въ которомъ неблагопріятныя природныя свойства не могли бы быть осилены страстью, личнымъ интересомъ, воспитаніемъ и благопріятными обстоятельствами, и нѣтъ такого великаго человѣка, который не смотря на то, что онъ болѣе щедро одаренъ отъ природы, не сдѣлался бы глупцомъ, если бы у него не было ни страстей, ни личныхъ интересовъ, ни воспитанія, и еслибы ему не помогли нѣкоторыя благопріятныя случайности. Только въ сферѣ нравственности можно найти настоящія причины умственнаго неравенства. Геній—не рѣдкій даръ природы. Онъ очень обыкновенное явленіе, но тѣ условія, которыя необходимы для его развитія, рѣдки. Геніальный человѣкъ—ничто иное, какъ продуктъ тѣхъ условій, въ которыя онъ поставленъ. Замѣчаемое нами у мушьянъ неравенство интеллигенціи (*esprit*) обуславливается формой правленія, подъ которой они живутъ, временемъ, въ которое имъ пришлось жить, воспитаніемъ, которое они получили, тѣмъ, какъ сильно въ нихъ желаніе достигнуть отличія и наконецъ тѣмъ, какъ велики и плодотворны тѣ идеи, на которыхъ случайно остановились ихъ умъ.²⁾

И здѣсь не трудно указать, какія нужны оговорки для того, чтобъ придать основательность этому длинному ряду положеній, въ

1) *Disc. II. 24.*

2) *Disc. III.*

которомъ однако кроется зародышъ здравой теоріи. Дидро указаль на нѣкоторыя изъ главныхъ причинъ заблужденій Гельвеція и сдѣлалъ имъ слѣдующій краткій обзоръ: «Вся третья бесѣда повидимому зиждется на ложномъ соображеніи, въ которое авторъ не ввелъ всѣ тѣ элементы, которые имѣютъ право занимать тамъ извѣстное мѣсто и въ которомъ всѣ вошедшіе въ него элементы не оцѣнены по своему настоящему достоинству. Онъ не примѣтилъ той непреодолимой преграды, которая отдѣляетъ человѣка, предназначеннаго по своей природѣ къ исполненію извѣстной роли, отъ человѣка, вносящаго въ исполненіе этой роли лишь предприимчивость, личный интересъ и вниманіе». 1) Въ другомъ сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ послѣ его смерти (1774) и носящемъ заглавіе *De l'Homme*, Гельвецій изложилъ эти преувеличенныя мнѣнія съ большими подробностями и съ множествомъ новыхъ иллюстрацій. Въ опроверженіе ихъ Дидро написалъ тщательно обдуманныя подробныя замѣтки, разсматривая каждую главу по пунктамъ, и обнаружилъ въ этомъ критическомъ разборѣ большую умственную проникательность и силу. 2) Для каждаго читателя должно быть ясно, какого рода возраженія могутъ быть сдѣланы противъ того тезиса, что чело-вѣческій характеръ не зависитъ отъ организациі. Но и въ этомъ случаѣ, точно такъ же какъ въ своемъ парадоксѣ о себялюбіи, Гельвецій доискивался и даже доискивался въ надлежащемъ направленіи рациональнаго принципа для нравственныхъ сужденій, нравственнаго воспитанія и нравственнаго улучшенія. Хотя оба эти тезиса одинаково ложны въ теоріи, однако въ практическомъ при-мѣненіи конечно менѣе вредно утвержденіе, что воспитаніе и учрежденія болѣе сильны чѣмъ природныя наклонности, нежели то утвержденіе, что организациія вліяетъ сильнѣе воспитанія и учрежденій. Въ ту пору во Франціи было дѣломъ первостепенной важности—обращать общее вниманіе на вліяніе, которое имѣютъ учрежденія на характеры; дѣлая это, писатели создавали одинъ изъ самыхъ основательныхъ мотивовъ для преобразованія французскихъ учрежденій и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняли, въ какомъ духѣ должны быть предприняты эти преобразования. Еслибы Гельвецій удовольствовался утверженіемъ, что какова бы ни была сила организациі въ исключительныхъ натурахъ, въ людяхъ съ организацией средняго уровня эти предрасположенія могутъ быть до безконечности видоизмѣняемы воспитаніемъ, законами и учрежденіями,—то онъ высказалъ бы не только то, чего нельзя опровергать, но и то, что было бы вполне достаточно для его собственной цѣли. Вильямъ Годвинъ въ

1) *Oeuvres*, II. 271.

2) *Ibid.*, II. 275—456.

своемъ когда то знаменитомъ трактатѣ о *Политической справедливости* заимствовалъ отъ Гельвеція содержаніе одной изъ самыхъ важныхъ главъ, но то что у Гельвеція было преувеличено до парадокса, съ которымъ не могъ согласиться ни одинъ разсудительный человѣкъ, у Годвина выражено какъ рациональная полу-истина, безъ которой ни одинъ реформаторъ воспитанія или учрежденій не захотѣлъ бы приступать къ своей работѣ. ¹⁾

Читая романъ Бенжамена Констана *Адольфъ*,—этотъ грустный анализъ жалкой страсти,—мы иногда невольно вспоминаемъ о Гельвеціѣ. Этотъ романъ начинается описаніемъ сильнаго удивленія юноши при его вступленіи въ свѣтъ, такъ какъ, по словамъ автора, намъ нужно время, чтобъ привыкнуть къ человѣческому роду въ томъ видѣ, какимъ его сдѣлали притворство, тщеславіе, малодушіе и личный интересъ. Скоро вслѣдъ затѣмъ мы научаемся дивиться нашему прежнему удивленію; мы очень удобно примѣняемся къ нашимъ новымъ условіямъ жизни, точно такъ какъ мы привыкаемъ свободно дышать въ театрѣ наполненномъ биткомъ, хотя при входѣ туда мы чуть чуть не задохлись. Однако авторъ этого очерка тревожныхъ заботъ эгоизма, почти дошедшаго до своихъ крайнихъ предѣловъ, внезапно бросаетъ намъ неожиданное, но полное пронизательности и блеска нравоученіе; *la grande question dans la vie, c'est la douleur que l'on cause*—главный вопросъ въ жизни составляетъ то горе, которое мы вносимъ въ жизнь другихъ. Когда Гельвецій вводитъ насъ въ какое нибудь мрачное подземелье, насъ также нерѣдко освѣжаетъ дуновеніе болѣе вольнаго воздуха. Среди множества то вѣрныхъ, то ложныхъ, то пошловатыхъ, то глубокомысленныхъ изреченій, разбросанныхъ на страницахъ Гельвеція, есть одна тонкая и дальноворкая мысль сильно поразившая Бентама. «*Чтобъ любить людей*»,—пишетъ онъ,—«*надо мало ожидать отъ нихъ*». Въ устахъ какого нибудь циника эти слова могли бы считаться за выраженіе такого рода мизантропіи, который столько же непривлекателенъ, сколько не согласенъ съ научными истинами. Но въ устахъ Гельвеція эти слова были аргументомъ въ пользу осмотрительности и снисходительности и, главнымъ образомъ, имѣли цѣлю убѣдить читателя въ необходимости быть терпѣливымъ и сдержаннымъ, когда имѣешь дѣло съ массами людей. «*Всякій*»,—говоритъ онъ,—«*чей разсудокъ не ослѣпленъ страстями, всегда будетъ тѣмъ болѣе снисходительнымъ, чѣмъ болѣе просвѣщенъ его умъ*». Онъ понимаетъ, что люди именно таковы, какими должны быть, что всякое чувство

¹⁾ Political Justice, кн. 1. гл. IV.—„Характеры людей зарождаются въ окружающихъ ихъ внешнихъ условіяхъ“.

ненависти къ нимъ не основательно, что безумецъ творить безумныя дѣла, точно также какъ дикое растеніе даетъ кислыя ягоды и что поносить ихъ за это то-же, что винить дубъ въ томъ, что онъ производитъ желуди а не оливки. ¹⁾ Все это настолько разумно и гуманно, насколько могутъ быть разумны и гуманны слова и во всемъ этомъ выражается настоящая цѣль и настоящій характеръ теоріи Гельвеція. Къ несчастію для него и для его поколѣнія, его точка зрѣнія была слаба и измѣнчива. Онъ не имѣлъ способности правильно мыслить; оттого то изъ всѣхъ книгъ восемнадцатаго столѣтія его книга была по преимуществу сочетаніемъ самыхъ полезныхъ истинъ съ самыми отталкивающими заблужденіями.

¹⁾ Dis.c. II. 10.

ГЛАВА XIV.

Система Природы Гольбаха.

Система Природы вышла въ свѣтъ въ 1770 г.,—за восемь лѣтъ до смерти Вольтера и Руссо; всѣ разбросанныя критикой того вѣка взрывчатая вещества были соединены здѣсь въ одну громоносную машину бунта и разрушенія. Ее выдавали за посмертное произведеніе Мирабо, занимавшаго должность секретаря Академіи. Это былъ одинъ изъ тѣхъ литературныхъ подлоговъ, которые были въ ту пору обычнымъ явленіемъ. Настоящимъ же авторомъ ея былъ Гольбахъ. Она составлена съ такой систематичностью и послѣдовательностью, что нѣтъ возможности предполагать участіе въ ней нѣсколькихъ лицъ; она также слишкомъ систематична для того, чтобы можно было повѣрить нерѣдко высказывавшейся догадкѣ, будто авторомъ ея былъ Дидро. Въ то же самое время есть основательные резоны думать, что не только многія изъ высказанныхъ въ ней идей, но и нѣкоторыя ея страницы были непосредственно дѣломъ Дидро. Позднѣйшій издатель произведеній безпечнаго философа былъ конечно правъ, когда помѣстилъ въ числѣ принадлежавшей ему перу литературной смѣси напыщенные возгласы, выражавшіе въ сжатомъ видѣ всю суть этой немилосердой книги. Молва такъ действительно называла Дидро авторомъ книги, что онъ встревожился и поспѣшилъ уѣхать изъ Парижа къ себѣ на родину въ Лангръ и потомъ на морскія купанья въ Бурбоннъ для того, чтобы было удобнѣе бѣжать за границу при первомъ извѣстїи, что готовится декретъ о взятїи его подъ стражу. ¹⁾ Вотъ въ какихъ словахъ онъ выразилъ похвалу произведенію своего друга: «Мнѣ опротивѣла новѣйшая манера смѣшивать невѣріе съ суевѣріемъ. Я люблю философскія

¹⁾ Oeuvres, XVII. 329.

размышленія ясныя, опредѣленныя и откровенныя, — такія, какія я нахожу въ *Системѣ Природы*. Авторъ ея не выказываетъ себя на одной страницѣ атеистомъ, а на другой деистомъ. Вся его философія представляетъ нѣчто цѣльное». ¹⁾

Никогда еще никакая книга не производила такого всеобщаго потрясенія въ умахъ. Всякій хотѣлъ прочесть ее и почти всякій приходилъ отъ нея въ ужасъ. Точно молнія, освѣщающая путь странника среди ночнаго мрака, она внезапно раскрыла въ глазахъ людей, въ среду какихъ страшныхъ образовъ, подъ какой невѣдомый для нихъ небесный сводъ и на какую опасную дорогу они были бессознательно увлечены своими странствованіями въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Въ теченіе полувѣка они пользовались такими умственными наслажденіями, какихъ не знало ни одно изъ большихъ европейскихъ обществъ со смерти Микеля Анджели и какія едва ли были когда либо доступны для тѣхъ, кто жилъ къ сѣверу отъ Альповъ. А теперь многимъ изъ нихъ казалось, что перелистывая книгу Гольбаха они стоятъ лицомъ къ лицу съ дьяволомъ средневѣковой легенды, требующимъ, чтобъ они отдали ему свою душу. Сатирическія насмѣшки надъ Іовомъ и Давидомъ, шутивыя замѣчанія по поводу убійствъ Иисуса Навина и наложницъ Саломона, издѣваніе надъ слѣпыми пастырями еще болѣе слѣпой паствы, старанія возвести Ньютона на тронъ Декарта и Локка на пьедесталъ Малбранша, пожеланія, чтобъ послѣдній ясенистъ былъ задушенъ въ объятіяхъ послѣдняго іезуита, — все это придавало всѣдневной жизни особый вкусъ и аромать. Но среди этого ликованія Гольбахъ вдругъ указалъ имъ на перстъ ихъ собственнаго божества — Разума, пишущій на стѣнѣ страшное рѣшеніе, что нѣтъ бога, что вселенная ничто иное какъ пришедшая въ движеніе матерія, и — самыя прискорбныя для всѣхъ слова, — что то, что люди называютъ душой, умираетъ вмѣстѣ съ смертью тѣла, точно такъ какъ прекращается музыка, когда струны лопнули.

Галиани, — этотъ остроумный неаполитанецъ, имѣвшій много хорошихъ друзей въ кружкѣ философовъ, — высказалъ то же мнѣніе, которое выражено въ хорошо извѣстной фразѣ одного изъ новѣйшихъ писателей. «Авторъ *Системы Природы*», — сказалъ онъ, — «тоже по части метафизики, что аббатъ Террѣ по части финансовъ: онъ дѣлаетъ скидки, прекращаетъ платежи и доводитъ до банкротства и знанія и удовольствія и человѣческой умъ. Но вы скажете мнѣ на это, что кредитъ былъ сильно подорванъ, что по отчетамъ былъ большой дефицитъ и что на рынкѣ было слишкомъ много ничего не стоящихъ бумагъ. Это правда и именно оттого произо-

¹⁾ Oeuvres, II. 398.

шелъ кризисъ». 1) Гете, бывшій въ ту пору студентомъ Страсбургскаго университета, рассказалъ намъ, какой ужасъ и какое смятеніе возбудила въ тамошнихъ кружкахъ *Система Природы*. Но мы никакъ не могли понять, — говоритъ онъ, — почему эта книга могла бы быть опасной. Она показалась намъ такой безумной, такой мертвенной, что мы съ трудомъ выносили ея присутствіе; смотря на нее мы приходили въ содроганіе, точно будто мы видѣли привидѣніе. Она поражала насъ какъ настоящая квинтэссенція затхло-сти; мы находили, что въ ней нѣтъ никакого аромата и что она внушаетъ отвращеніе». 2)

Если въ такомъ свѣтѣ представилась эта книга тому юношѣ, которому было суждено скоро сдѣлаться центромъ нѣмецкой литературы, то блестящій ветеранъ, бывшій въ теченіе двухъ поколѣній центромъ французской литературы, былъ въ одно и тоже время и оскорбленъ отвагой новаго трактата и приведенъ въ смятеніе опасностью, которую этотъ трактатъ навлекать на всю Энциклопедическую братью вмѣстѣ съ стоявшимъ въ ея главѣ Патриархомъ. Лишь только Вольтеръ прочелъ *Систему Природы*, онъ тотчасъ схватился за перо, чтобъ писать на нее возраженія. 3) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позаботился о томъ, чтобъ это было извѣстно кому слѣдуетъ. Онъ написалъ своему старому покровителю и другу Ришелье, прося его сообщить королю, что Вольтеръ, котораго всѣ такъ бранятъ, написалъ возраженія на книгу, обратившую на себя общее вниманіе. Я полагаю, писалъ онъ, что всегда полезно поддерживать ученіе о существованіи Бога, отъ котораго исходятъ наказанія и награды; общество нуждается въ такомъ понятіи. Замѣчательно съ какимъ безпристрастіемъ старались поддерживать идею о Dieu-vengeur два самыхъ безнравственныхъ челоѣка того времени — Лудовигъ Пятнадцатый и Ришелье. Вольтеръ по крайней мѣрѣ ясно понималъ, что эта идея была въ интересъ двора, отъ котораго исходили и наказанія и награды. Авторъ *Системы Природы*, — писалъ онъ Гримму, — долженъ бы былъ понимать, что онъ губить своихъ друзей и дѣлаетъ ихъ ненавистными въ глазахъ короля и двора. 4) Это мнѣніе оказалось основательнымъ по отношенію къ самому королю философъ. Фридрихъ Прусскій былъ оскорбленъ книгой, которая такъ же мало щадила политическіе предрасудки какъ и богословскіе догматы и трактовала о короляхъ такъ же смѣло, какъ она трактовала о духовенствѣ. Хотя онъ въ ту пору очень внимательно слѣдилъ за ходомъ войны между Россіей и Тур-

1) *Congresp. de Galiani*, I. 142.

2) *Wahrheit und Dichtung*, кн. XI.

3) См. статью *Dieu* въ *Dict. Philosophique*.

4) *Согг. Вольтера*. 1 нояб. 1770.

цией и уже помышлялъ о раздѣлѣ Польши, онъ нашелъ время, чтобъ написать статью въ защиту деизма. Это хорошій знакъ, — сказалъ ему Вольтеръ, — когда какойнибудь король сходится въ мнѣніяхъ съ простымъ смертнымъ; ихъ интересы такъ часто бываютъ противоположны, что въ тѣхъ случаяхъ когда они думаютъ одинаково, они не могутъ ошибаться. ¹⁾

По правдѣ сказать, Вольтеръ никогда и не понималъ философскаго значенія Гольбаховскихъ тезисовъ. Какъ было основательно замѣчено однимъ писателемъ, онъ былъ представителемъ обыкновеннаго здраваго смысла, который, при всѣхъ своихъ декламацияхъ и воззваніяхъ къ человѣческимъ чувствамъ, не имѣлъ никакого вѣса или значенія въ сравненіи съ какойлибо философской системой мышленія, хотя бы эта система была сама по себѣ изъ самыхъ скромныхъ. ²⁾ Онъ едва ли задалъ себѣ болѣе труда, чтобъ понять Гольбаха, чѣмъ Джонсонъ, чтобъ понять Беркелея. Въ сущности Вольтеръ обыкновенно смотрѣлъ на великіе результаты богословской полемики скорѣе съ соціальной, чѣмъ съ философской точки зрѣнія. Однажды въ его присутствіи шелъ разговоръ о существованіи божества; когда кто то съ жаромъ высказался по этому предмету отрицательно, Вольтеръ всѣхъ удивилъ тѣмъ, что обратился къ прислугѣ съ приказаніемъ выйти изъ комнаты и заперъ вслѣдъ за нею дверь. «Господа», — сказалъ онъ присутствующимъ въ объясненіе этого образа дѣйствій, — «я не желаю, чтобъ завтра утромъ мой лакей зарѣзалъ меня». Вольтеръ уважалъ действительскія вѣрованія не ради ихъ истины, а ради того, что они будто бы способствуютъ поддержанію благочинія. Напротивъ того, д'Аламберъ смотрѣлъ на предметъ спора съ безпристрастной философской точки зрѣнія. «Касательно существованія высшей интеллигенціи», — писалъ онъ Фридриху Великому, — «я полагаю, что тѣ, которые его отвергаютъ, заходятъ гораздо далѣе того, что въ состояніи доказать, и что скептицизмъ есть единственная разумная точка зрѣнія». Впрочемъ онъ говоритъ далѣе, что опытъ неопровержимо доказываетъ и матеріальность души и существованіе матеріальнаго божества — похожего на то, какое не отвергается Миллемъ, — съ ограниченной властью и зависящаго отъ опредѣленныхъ условий. ³⁾

Но обратимся къ содержанію самой книги, и прежде всего къ ея автору. Кто читалъ *Новую Элоизу*, тотъ, конечно, не позабылъ, что послѣ того какъ героиня этого романа сознала свою вину и

¹⁾ 27 іюля 1770.

²⁾ *Gesch. d. Materialismus* Ланге, I. 369; авторъ этой книги доказываетъ, что Вольтеръ совсѣмъ не понималъ точки зрѣнія, съ которой Гольбахъ объяснялъ устройство вселенной.

³⁾ *Revue*, V. 296, 303 и пр.

вышла замужъ, она знала только одно горе въ жизни,—что ея мужъ рѣшительно не вѣритъ ни въ Высшее Существо ни въ другой міръ. Въ лицѣ ея мужа Вольмара,—какъ всё думали,—Руссо хотѣлъ изобразить Гольбаха, который едва ли остался бы недовольнымъ такимъ портретомъ. Вольмаръ представленъ въ романѣ человекомъ добрымъ, дѣятельнымъ, терпѣливымъ, спокойнымъ, дружелюбнымъ и правдивымъ. Хорошо комбинированное согласованіе человѣческихъ дѣяній съ обстоятельствами нравится ему точно такъ же, какъ ему понравилась бы изящная соразмѣрность статуи или искусно придуманные драматическіе эффекты. Если у него есть какая нибудь господствующая страсть, то одна только страсть къ наблюденію; онъ находитъ наслажденіе въ томъ, чтобъ читать въ сердцахъ людей. ¹⁾

Эта характеристика воображаемаго Вольмара вполне примѣнима къ невымышленному Гольбаху. Мы уже знаемъ, что Дидро былъ его интимнымъ другомъ и частымъ гостемъ. Онъ былъ изъ числа самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени (1723—89). У него были отличная библіотека, картинная галлерія и прекрасный кабинетъ натуральной исторіи, и всѣмъ этимъ его бѣдные друзья могли пользоваться такъ же не стѣняясь, какъ и богатые. Его обхожденіе было пріятно, вѣжливо и не натянуто; онъ былъ образцемъ чистосердечія и доброта его души отражалась во всѣхъ чертахъ его лица. Его гостепримство доставило ему прозвище мэтръ д'отеля философіи, а его домъ былъ въ шутку прозванъ *Café de l'Europe*. По воскресеньямъ и четвергамъ,—не исключая и другихъ дней,—къ его прекрасному обѣду съ отличными винами собирались отъ десяти до двадцати человекъ литераторовъ и выдающихся иностранныхъ гостей, какъ Юмъ, Уильксъ, Шельбурнъ, Гарриксъ, Франклинъ, Пристлей. Какъ на доказательство того, какъ было привлекательно это общество, указывали на тотъ фактъ, что гости, собиравшіеся въ два часа пополудни, обыкновенно расходились не прежде семи или восьми часовъ вечера. Для одного изъ этихъ посѣтителей, обратившагося впоследствии въ могущественнаго врага группы Энциклопедистовъ, казались горькими и ядовитыми и царствовавшая тамъ веселость, и непочтительность, и смѣлость мыслей и нестѣсняемость выраженій. Руссо находилъ, что ихъ атеистическія выходки оскорбительны выше всякой мѣры. Ихъ суровый раціонализмъ былъ отвратителенъ для великаго мечтателя, погруженнаго въ душевныя эмоціи и послѣ того, какъ онъ поссорился поочередно съ каждымъ изъ нихъ, онъ выразилъ въ трогательныхъ жалобахъ Юліи свой собственный взглядъ на мрачный характеръ атеизма. «Пойми-

¹⁾ Nouvelle Héloïse, IV. XII.

те, какое мученье жить въ удаленіи отъ свѣта съ такимъ человекомъ, который раздѣляетъ ваше существованіе, но не въ состояніи раздѣлять упованій, придающихъ цѣну этому существованію; какое мученье никогда не быть въ состояніи вмѣстѣ съ нимъ благословлять твореніе божіе или разсуждать о счастливой будущности, обѣщанной намъ божескою благодатью; какое мученіе видѣть, что онъ повсюду творитъ добро, но равнодушенъ ко всему, что заставляетъ насъ находить наслажденіе въ добрыхъ дѣлахъ; какое мученіе постоянно видѣть то странное противорѣчіе, что онъ мыслитъ какъ нечестивецъ, а живетъ какъ христіанинъ. Представьте себѣ Юлію прогуливающуюся вмѣстѣ съ мужемъ въ то время, когда она съ восторгомъ смотритъ на роскошную прелесть природы, какъ на твореніе и щедрый даръ творца вселенной, а онъ не видитъ въ ней ничего кромѣ случайной комбинаціи, кромѣ продукта слѣпой необходимости! Увы! восклицаетъ она, великое зрѣлище природы, въ нашихъ глазахъ столь полное красоты и одушевленія, мертво въ глазахъ несчастнаго Вольмара, и въ этой великой гармоніи бытія, гдѣ все говоритъ намъ такъ нѣжно и убѣдительно о Богѣ, онъ ничего не слышитъ кромѣ вѣчнаго молчанія» ¹⁾.

Нельзя, однако не отдать справедливости автору этого краснорѣчиваго *Ignoratio Elenchi*, что онъ добросовѣстно исполнилъ свою задачу—доказать и религіознымъ и философскимъ партіямъ, что противники каждой изъ нихъ способны вести жизнь честную, полезную и полную великодушія. Можно усомниться только въ томъ, изобразилъ-ли бы онъ воображаемаго Вольмара въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, если бы онъ узналъ, какого рода книгу готовится издать реальный Гольбахъ. Вѣдь мнѣнія Гольбаха казались болѣе суровыми и мрачными въ хладнокровно обдуманной формѣ печатнаго изложенія, чѣмъ въ усѣянной перерывами устной бесѣдѣ.

Касательно самаго содержанія книги мы должны прежде всего замѣтить, что ея авторъ не избѣжалъ самаго важнаго изъ недостатковъ, какими страдала философская школа того вѣка. Мы даже позволимъ себѣ обобщить это замѣчаніе и сказать, что пренебреженіе къ исторической точкѣ зрѣнія было естественнымъ недостаткомъ всѣхъ матеріалистическихъ теорій, начиная со временъ Эпикура ²⁾. Подобно всѣмъ другимъ членамъ одной съ нимъ школы, Гольбахъ не усматривалъ или не понималъ необходимости объяснить, какимъ образомъ человѣческое мышленіе дошло до того положенія, въ которомъ оно находилось въ ту пору, какимъ образомъ люди дошли до того, что стали мыслить и вѣрить такъ, какъ они мыслили и

¹⁾ Nouvelle Héloïse. V. V.

²⁾ См. Ланге, I. 85.

вѣрили въ ту пору. Онъ хочетъ измѣнить ихъ убѣжденія, ссылаясь на такіе мотивы, которые онъ считаетъ неопровержимыми, но онъ вовсе не думаетъ задавать самому себѣ вопросъ, въ какихъ элементахъ человѣческаго характера коренились старыя убѣжденія и отъ какихъ удобствъ практическаго примѣненія они получали свою жизненную силу. А пока эта сторона предмета не была принята въ серьезное соображеніе, его неопровержимые мотивы не могли достигать желаемой цѣли. Когда общественные перевороты подорвали уваженіе къ вѣку логики, люди начали припоминать, что какъ у логики такъ и у человѣческихъ мнѣній есть своя исторія, что эти мнѣнія тѣсно связаны съ множествомъ унаслѣдованныхъ предубѣжденій и что они отождествились съ множествомъ общественныхъ обычаевъ, составляющихъ самую дорогую для людей долю ихъ жизни. Натура породила вчерашнюю тьму, она же породила и сегодняшній свѣтъ; она въ одинаковой мѣрѣ и виновница суевѣрій и оракулъ разума. Все это было забыто приверженцами Гольбаховской школы, оттого то эта школа и кажется намъ теперь такой узкой и поверхностной. Эти люди утверждали, будто все прошедшее было дѣломъ прикрытой мистеріями неправды. «Масса бѣдствій человѣческаго рода не уменьшилась, а напротивъ того увеличилась благодаря его религіямъ, его правительствамъ, его убѣжденіямъ, однимъ словомъ благодаря всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя заставляли его принимать подъ предлогомъ улучшенія его участи» ¹⁾. *On lui fit adopter!* Но кто же эти он, и какимъ путемъ они дѣйствовали? Съ помощью какихъ орудій и съ какой точкой опоры? Никогда еще никто не дѣлалъ такого пагубнаго злоупотребленія изъ этого отвлеченнаго выраженія. И если религіи, правительства, убѣжденія увеличили бѣдствія человѣческаго рода, то что же было причиною уменьшенія этихъ бѣдствій? Вѣдь школа Энциклопедистовъ никогда и не пыталась отрицать, подобно Руссо, что міръ сдѣлалъ шагъ впередъ по пути къ лучшему. Оттого, что послѣдователи Гольбаха смотрѣли на человѣчество какъ на рабовъ, которые непременно должны желать сбросить наложенные на нихъ оковы, ихъ дѣятельность, принесшая во время революціи нѣкоторую пользу ложнымъ путемъ, привела въ концѣ концовъ къ пагубной реакціи въ пользу католицизма.

Впрочемъ философія *Системы Природы* не имѣла того непосредственнаго значенія, какое имѣли ея запальчивые, нестѣсняемые и упорные нападки на правительство. Вольтеръ, — какъ мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, — всегда воздерживался отъ всякаго вмѣшательства въ теорію или въ практическія злоупотребленія адми-

¹⁾ *Syst. de la Nat.*, I. XVI.

нистраціи. Всѣ его стрѣлы были направлены въ религиозныя суевѣрія. Правда, Руссо началъ свое знаменитое изложеніе политическихъ теорій восклицаніемъ, что человѣкъ, родившійся свободнымъ, находится повсюду въ оковахъ. Но Руссо выражался туманно, впадалъ въ отвлеченности и въ сентиментальность. Напротивъ того въ *Системѣ Природы* мы находимъ ясное предзнаменованіе тѣхъ рѣзкихъ и надменныхъ бранныхъ возгласовъ, которые, черезъ двадцать лѣтъ послѣ ея выхода въ свѣтъ, раздавались въ ушахъ каждаго изъ садовъ Пале-Ройяля и со скамей залы Якобинцевъ. Авторъ рѣшительно пришелъ къ тому убѣжденію, что наконецъ настало время отбросить скромную форму нравоучительныхъ басней и притчей, и придать своимъ словамъ рѣзкость заостренного меча. Туманная оболочка политическихъ размышленій и жеманныя оговорки какой то Утопіи или Новой Атлантиды уступили мѣсто страстнымъ, язвительнымъ и прямо примѣнимымъ къ жизни обвиненіямъ. Повсюду, — говорилось въ книгѣ, — люди находятся подъ игомъ такого властелина, который пренебрегаетъ образованіемъ своего народа, стараясь лишь о томъ, чтобъ его провести и надуть. Во всѣхъ странахъ земнаго шара правители — люди несправедливые, неспособные, изнѣженные роскошью, нравственно испорченные лестью, развратившіеся отъ своеволія и безнаказанности, не отличающіеся ни талантами, ни нравственными правилами, ни добродѣтелями. Будучи равнодушны къ своимъ обязанностямъ, о которыхъ они большею частію не имѣютъ никакого понятія, они едва ли посвящаютъ одну минуту въ день заботамъ о благосостояніи ихъ народа; все ихъ вниманіе поглощено бесполезными войнами или стараніемъ безпрестанно отыскивать новыя средства для удовлетворенія ихъ ненасытной жадности. Общество находится въ положеніи постоянной борьбы между его правителемъ и всѣми остальными его членами. Во всѣхъ странахъ нравственность народа въ совершенномъ пренебреженіи и правительства заботятся только о томъ, чтобъ сдѣлать управляемыхъ боязливими и подлыми. Простолудиянъ ничего не желаетъ для себя кромѣ хлѣба; онъ зарабатываетъ въ потѣ своего лица этотъ хлѣбъ, который казался бы ему сладкимъ, если бы правительство не дѣлало его горькимъ. Вслѣдствіе безразсудства правительствъ, даже тѣ, которые утопаютъ въ роскоши, не будучи оттого нисколько болѣе счастливы, отнимаютъ у земледѣльца то, что онъ извлекаетъ изъ земли своимъ трудомъ. Несправедливость, доводя бѣдняковъ до отчаянія, заставляетъ ихъ искать въ преступленіяхъ средствъ противъ лишеній. Несправедливое правительство вселяетъ въ сердца людей отчаяніе; отъ его притѣсненій населеніе уменьшается, поля остаются необработанными, голодъ, болѣзни и зараза распространяются въ странѣ. Потомъ раздраженные страданіями умы начинаютъ приходить въ

броженіе и разгорячаться, а неизбежнымъ послѣдствіемъ этого бываетъ распаденіе государства ¹⁾).

Если бы Франція благоденствовала, все это было бы принято за пустую декламацию раздраженного литератора. На самомъ же дѣлѣ эта декламация изображала дѣйствительное положеніе страны въ выраженіяхъ столько же согласныхъ съ истиной, сколько невоздержныхъ и язвительныхъ. А подъ тяжестью невымышленныхъ матеріальныхъ золъ не обращалось никакого вниманія на то, согласны ли мотивы обвиненія съ принципами здраваго историческаго взгляда на общество. И этому нельзя удивляться. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на одинъ фактъ, подобнаго которому мы не могли подмѣтить въ первыя десятилѣтія восемнадцатаго столѣтія, — на то, что въ *Системѣ Природы* протестъ противъ безсилія общества находится въ неразрывной связи съ протестомъ противъ всемогущества божія. Эта связь окончилась кровавой развязкой черезъ двадцать четыре года послѣ того, какъ она была указана книгой Гольбаха, — а именно когда Комитетъ Общественной Безопасности отправилъ на гильотину Гебера и другихъ людей, которые были лучше Гебера, за то что они были атеисты. Вѣдь атеизмъ, по увѣренію Робеспьера, былъ аристократиченъ.

Произведеніе Гольбаха, очевидно, возникло изъ теоріи, что социальное освобожденіе человѣка зависитъ отъ его интеллектуальнаго освобожденія, и что ключъ къ его интеллектуальному освобожденію можетъ быть найденъ лишь въ замѣнѣ деизма натурализмомъ. Что разумѣлъ онъ подъ словомъ натурализмъ, мы увидимъ ниже. Стилъ Гольбаха, не смотря на энергію и послѣдовательность идей, нерѣдко расплывается и впадаетъ въ декламацию. Кто то сказалъ о *Системѣ Природы*, что въ ней по меньшей мѣрѣ вчетверо болѣе словъ, чѣмъ сколько нужно. Однако Вольтеръ, выказывавшій крайнее нерасположеніе къ ея теоріи, сознавалъ, что авторъ умѣлъ заинтересовать и ученыхъ и невѣждъ и женщинъ. «Онъ часто бываетъ ясенъ», — сказалъ Вольтеръ, — «и иногда краснорѣчивъ, но его можно упрекнуть въ томъ, что онъ впадаетъ въ декламацию, повторяется и противорѣчитъ самому себѣ» ²⁾. Галіани, указавши на недостатокъ въ стилѣ спокойствія и самообладанія, сдѣлалъ очень тонкое критическое замѣчаніе, что читая книгу написанную такимъ стилемъ вамъ кажется, будто авторъ старается убѣдить не столько другихъ, сколько самого себя. Но таково было лишь поверхностное впечатлѣніе, такъ какъ никто не могъ сомнѣваться ни въ глубокой искренности автора, ни въ его горячемъ желаніи приобрести послѣдовате-

¹⁾ Syst. de la Nat. I. XIV. XVI. etc. etc.

²⁾ Dict. Phil., s. V. Dieu, § IV.

лей. Онъ зналъ, чего хотѣлъ, и отчеканивалъ свою теорію такими сильными ударами молота, которые попадали прямо въ цѣль. Тѣмъ не менѣе, хотя его слогъ и былъ настроенъ на декламаторскій тонъ, онъ нерѣдко нисходилъ до пустой болтовни. Современники Гольбаха такъ много натерѣлись отъ когтей католической церкви, что не придавали никакой цѣны ни ритму, которымъ отличались поученія поборниковъ церкви, ни ихъ округленнымъ періодамъ. Но въ наше время, — когда католическая церковь научилась отъ своихъ противниковъ быть болѣе хорошей христіанкой, чѣмъ какой она была лѣтъ сто тому назадъ, — мы можемъ положительно утверждать, что Гольбахъ не отличался болѣе плѣнительнымъ слогомъ, чѣмъ нѣкоторые отцы католической церкви и по тону своихъ произведеній не всегда былъ болѣе ихъ назидателемъ.

Что же такое система природы и что такое натурализмъ, которымъ авторъ хочетъ замѣнить общепринятая вѣрованія въ божество, неоснованныя на изученіи природы? Онъ вовсе не заявляетъ претензіи доискаться отвѣта на этотъ вопросъ путемъ экспериментальнымъ. Онъ сначала и до конца одушевленъ свойственной догматикамъ самоувѣренностью. Онъ не столько изслѣдователь сколько истолкователь, онъ не столько философъ сколько проповѣдникъ и въ своихъ увѣщаніяхъ онъ смѣло обходится безъ ссылокъ на доказательства.

«Пусть человекъ перестанетъ отыскивать внѣ міра, въ которомъ онъ живетъ, такія существа, которыя доставили бы ему то благополучіе, котораго ему не даетъ природа; пусть онъ изучаетъ эту природу, знакомится съ ея законами и вникаетъ въ энергію и неизмѣняемое постоянство, съ которыми она дѣйствуетъ; пусть онъ пользуется своими открытіями для своего собственнаго благополучія и молчаливо подчиняется законамъ, отъ дѣйствія которыхъ ничто не можетъ избавить его; пусть онъ примирится съ мыслию, что ему всегда будутъ неизвѣстны причины того что есть, такъ какъ для него онѣ окружены непроницаемымъ покровомъ; пусть онъ безропотно подчиняется велѣніямъ всеобъемлющей силы».

Знаніе, основанное на опытѣ, есть источникъ всякаго разумнаго образа дѣйствій. Физика (*la physique*) и опытъ — вотъ съ чѣмъ должны мы собразоваться въ религіи, въ нравственности, въ законодательствѣ, равно какъ въ наукахъ и искусствахъ. Съ всеобщей природой мы связаны нашими чувствами и при помощи этихъ чувствъ мы отерываемъ ея тайны. Когда мы впервые знакомимся съ этими тайнами на опытѣ, мы впадаемъ въ сферу недоумѣній, въ которой наше воображеніе вовлекаетъ насъ въ нескончаемыя заблужденія.

Движеніе есть то, что устанавливаетъ отношенія между на-

шими органами и внешними предметами. Каждый предмет имѣть свои собственные законы движенія. Во вселенной все находится въ движеніи; въ сущности никакая часть природы не остается въ покоѣ ¹⁾).

Откуда получаетъ природа это движеніе? Отъ самой себя, такъ какъ она—великое цѣлое, внѣ котораго ничто не можетъ существовать. Движеніе есть такая форма бытія, которая необходимо истекаетъ изъ сущности матеріи; матерія двигается своею собственною энергіей; ея движеніе есть результатъ присущей ей силы; разнообразіе ея движеній и происходящія отъ нихъ явленія, суть результатъ измѣненія особенностей, свойствъ, комбинацій, первоначально кроющихся въ различныхъ первобытныхъ матеріяхъ, соединеніе которыхъ вмѣстѣ и есть природа.

Откуда взялась матерія? Матерія существовала вѣчно, а такъ какъ движеніе есть одно изъ существенныхъ и неизмѣнныхъ свойствъ матеріи, то и движеніе существовало вѣчно.

Отвлеченное понятіе о матеріи должно быть разложено на части. Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на матерію какъ на единичное существо,—грубое, пассивное, неспособное двигаться само собою и производить различныя смѣшенія, мы должны смотрѣть на нее какъ на такой родъ существованія, въ которомъ различныя индивидуальныя члены, составляющіе родъ, не должны быть причисляемы къ одному классу и не должны быть соединяемы подъ одно наименованіе, не смотря на то что у нихъ есть нѣкоторыя общія всѣмъ имъ свойства, какъ то объемъ, дѣлимость, внѣшній видъ и т. д.

Въ чемъ заключается процессъ природы? Въ постоянномъ движеніи. Начиная съ камня, образующагося въ нѣдрахъ земли путемъ плотнаго соединенія однородныхъ и схожихъ между собою частицъ, и кончая солнцемъ—этимъ обширнымъ вмѣстилищемъ воспламенившихся частицъ, освѣщающимъ небесную твердь; начиная онѣмѣлой устрицей и кончая человѣкомъ—все представляетъ непрерывное движеніе, нескончаемую цѣпь комбинацій и движеній, отъ которыхъ возникаютъ существа, отличающіяся одно отъ другаго лишь разнообразіемъ ихъ первоначальныхъ элементовъ, а также комбинаціей и размѣрами этихъ элементовъ. Отъ этого разнообразія происходитъ и безконечное разнообразіе способовъ существованія и дѣйствія. Въ рожденіи, питаніи, сохраненіи мы усматриваемъ лишь различныя виды матеріи, различнымъ образомъ комбинированные, такъ что каждый изъ этихъ видовъ имѣетъ свое особое движеніе, опредѣляемое постоянными законами, которые заставляютъ ихъ подвергаться необходимымъ измѣненіямъ.

¹⁾ Гольбахъ сознаетъ, что въ данномъ случаѣ онъ многимъ обязанъ *Письмамъ къ Сирену Толанда* (1704).

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь три опредѣленія, принадлежащія автору разсматриваемой книги. 1) *Движеніе есть усиліе, съ помощью котораго тѣло перемѣняетъ или старается перемѣнить свое мѣсто.* 2) Объ окончательномъ составѣ матеріи Гольбахъ не говоритъ ничего опредѣленнаго, хотя и полагаетъ, что основнымъ закономъ для него служить молекулярное движеніе. Онъ довольствуется опредѣленіемъ его «по отношенію къ намъ»,—такимъ опредѣленіемъ, которое можетъ быть было вполне достаточно для той цѣли, для которой было назначено его сочиненіе. И такъ по отношенію къ намъ *матерія вообще есть все то, что какимъ бы то ни было образомъ дѣйствуетъ на наши чувства; а свойства, приписываемыя нами различнымъ родамъ матеріи, основаны на различіи впечатлѣній, производимыхъ ими на насъ.* 3) «Когда я говорю, что природа производитъ впечатлѣніе, я вовсе не думаю олицетворять эту природу, которая есть отвлеченное понятіе; я хочу сказать, что впечатлѣніе, о которомъ я говорю, есть неизбежный результатъ свойствъ какого либо изъ тѣхъ существъ, которыя составляютъ въ нашихъ глазахъ великое цѣлое. Такимъ образомъ, когда я говорю, что природа требуетъ, чтобъ человѣкъ работалъ для своего собственнаго благополучія, я хочу этимъ сказать, что всякій, кто способенъ чувствовать, мыслить, хотѣть и дѣйствовать, долженъ по своему естеству трудиться для своего собственнаго благополучія. Подъ естествомъ я разумѣю то, что дѣлаетъ существо такимъ, каково оно есть,—то есть сумму его особенностей или тѣхъ свойствъ, благодаря которымъ оно существуетъ и дѣйствуетъ именно такъ, а не иначе».

Всѣ феномены неизбежны. Во вселенной нѣтъ такого существа, которое, при данныхъ обстоятельствахъ и при данныхъ своихъ особенностяхъ, могло бы дѣйствовать иначе, чѣмъ оно дѣйствуетъ. Огонь неизбежно сожигаетъ всякую горючую матерію, какая попадаетъ въ сферу его дѣйствія. Человѣкъ неизбежно желаетъ того, что доставляетъ ему или кажется доставляющимъ комфортъ и благосостояніе. Не можетъ быть ни какой либо самостоятельной силы, ни какой либо изолированной причины, ни какой либо оторванной отъ всего дѣятельности въ такомъ мірѣ, гдѣ всѣ существа непрестанно вліяютъ другъ на друга и который самъ ничто иное, какъ вѣчное круговое движеніе, совершаемое согласно съ неизбежными законами. Во время вихря, вздымающаго облака пыли, во время самой сильной бури, приводящей въ движеніе океанъ, ни одна пылинка и ни одна капля воды не мѣняетъ своего мѣста *случайно*, или, иначе сказать, не занимаетъ безъ надлежащей причины того мѣста, на которомъ находится. Точно такъ и во время страшныхъ потрясеній, нерѣдко кончающихся паденіемъ имперій, нѣтъ ни одного дѣйствія, ни одного слова, ни

одной мысли, ни одного желанія или страсти въ каждомъ отдѣльномъ агентѣ такого переворота, — все равно принадлежитъ ли онъ къ числу разрушителей или къ числу жертвъ разрушенія, — которыя не были бы неизбежны, которыя не дѣйствовали бы именно такъ какъ они должны дѣйствовать и которыя не производили бы неминуемо таковаго дѣйствія, какое должны производить сообразно съ мѣстомъ, которое данный агентъ занимаетъ въ нравственномъ вихрѣ¹⁾.

Порядокъ и безпорядокъ — отвлеченные термины, которые не могутъ существовать въ природѣ, идъ все неизбежно и все подчиняется неизмѣннымъ законамъ. Порядокъ — ничто иное какъ неизбежность по отношенію къ послѣдовательности дѣйствій. Безпорядокъ по отношенію къ какому бы то ни было существу есть ничто иное, какъ переходъ этого существа къ новому порядку, — въ ряду такихъ движеній и дѣйствій, которыя различны отъ тѣхъ, въ какимъ оно было способно до того времени. Поэтому въ природѣ не можетъ быть ни чудовищъ, ни дивныхъ существъ, не можетъ быть ничего удивительнаго или чудснаго. По той же самой причинѣ мы не имѣемъ никакого права раздѣлять произведенія природы на произведенія интеллигенціи и на произведенія случайности. Тамъ, гдѣ все неизбежно, подъ словомъ случайность можно разумѣть лишь ограниченность человѣческихъ знаній.

Затѣмъ у автора есть нѣсколько главъ (VI—X) о человѣкѣ, о его сложениі, о его отношеніяхъ и судьбѣ. Его главныя положенія находятся въ строгомъ соотвѣтствіи съ изложенными ранѣе того общими теоріями. Все что человѣкъ дѣлаетъ и все что въ немъ происходитъ есть результатъ энергіи, которая свойственна ему точно такъ же какъ и другимъ извѣстнымъ намъ существамъ. Но прежде чѣмъ сдѣлалось для него возможнымъ правильное и ясное пониманіе единства природы, онъ до такой степени находился подъ вліяніемъ разнообразія и сложности своего организма и вызываемыхъ имъ движеній, что его умъ никакъ не могъ проникнуться сознаниемъ, что эти движенія связаны между собою матеріальной необходимостью, приковывающей его ко всѣмъ другимъ силамъ и ко всѣмъ другимъ видамъ бытія. Люди воображаютъ, что придумывая слова они восполняютъ свое незнаніе предметовъ; такъ напримѣръ, чтобъ объяснить дѣйствіе матеріи по отношенію къ человѣку, они присоединяли къ понятію о матеріи гипотетическую субстанцію, которая на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе понятна, чѣмъ сама матерія. Они считали себя двойственными; они усматривали въ себѣ сочетаніе матеріи съ чѣмъ то другимъ, чуднымъ образомъ съ ней соединяющимся, и давали этому названіе *ума* или *души*, а затѣмъ съ гордостью

¹⁾ То же самое и почти слово въ слово читаемъ мы у Дидро. См. выше стр. 162.

выдавали себя за существа отличныя отъ всѣхъ другихъ созданий. По правдѣ сказать, *умъ*—ничто иное, какъ *скрытая сила*, изобрѣтенная для того, чтобъ объяснять скрытыя свойства и дѣйствія, но на самомъ дѣлѣ необъясняющая ничего. Подъ словомъ умъ они разумѣютъ ничто иное, какъ неизвѣстную причину тѣхъ явленій, которыхъ они не въ состояніи объяснить натурально, точно такъ какъ краснокожіе индѣйцы воображали, что духи производили ужасное дѣйствіе пороха, и точно такъ какъ въ наше время невѣжды вѣрятъ въ ангеловъ и демоновъ. Какъ могли бы мы представить себѣ форму такого существа, которое, не будучи матеріей, дѣйствовало бы на матерію, не имѣя съ ней точекъ соприкосновенія или сходства, и съ своей стороны само испытывало бы на себѣ влияніе матеріи чрезъ посредство матеріальныхъ органовъ, предупреждающихъ его о присутствіи внѣшнихъ предметовъ? Какъ могли бы мы представить себѣ соединеніе тѣла съ душой, и какъ можетъ это матеріальное тѣло заключать въ себѣ, привязать къ себѣ, удерживать при себѣ и вложить въ опредѣленные рамки непостоянную форму бытія, недоступную ни для одного изъ нашихъ чувствъ? Разрѣшать эти трудности тѣмъ, что имъ даютъ названія мистерій и считаютъ ихъ за результаты всемогущества такого Высшаго Существа, которое еще болѣе непонятно, чѣмъ человѣческая душа,—это то-же, что сознаваться въ своемъ абсолютномъ невѣжествѣ.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что вслѣдствіе характеристической склонности французской матеріалистической школы дѣлать изъ метафизическихъ и психологическихъ изслѣдованій практическое примѣненіе, Гольбахъ понялъ, какое обширное новое поле дѣятельности открываетъ для медиковъ матеріалистическое понятіе объ умѣ. «Если бы люди руководствовались опытомъ, а не предразсудками, медицина дала бы нравственности ключъ къ человѣческому сердцу, и, излечивая тѣло, она нерѣдко излечивала бы вмѣстѣ съ тѣмъ и умъ.... Догматъ безтѣлесности души обратилъ нравственность въ науку, основанную на догадкахъ, ни мало не способствующую намъ для пониманія, какъ слѣдуетъ поступать на основаніи человѣческихъ мотивовъ.... Человѣкъ всегда останется загадкой для тѣхъ, кто смотритъ на него предубѣжденными глазами теологіи и приписываетъ его дѣйствія такому принципу, о которомъ невозможно составить себѣ яснаго понятія». — (Гл. IX). Конечно не подлежитъ сомнѣнію тотъ историческій фактъ, что рациональнымъ леченіемъ сумасшедшихъ и рациональнымъ взглядомъ на нѣкоторые роды преступленій мы обязаны такимъ людямъ, какъ Пинель, воспитанный въ матеріалистической школѣ восемнадцатаго столѣтія. Ясно, что великія и гуманныя реформы въ этой сферѣ не были возможны, пока теологія не пришла окончательно въ упадокъ. Теологія считаетъ

нравственную испорченность за натуральное состояніе человѣческаго сердца и можетъ смотрѣть на сумасшествіе лишь какъ на чрезмѣрно усилившуюся нравственную испорченность. Сверхъ того, теологія настоятельно указывала на абсолютную независимость ума отъ тѣла и тѣмъ самымъ устраняла мысль о томъ, что, дѣйствуя на тѣло, можно сдѣлать что нибудь полезное для ума. Въ настоящее время намъ можетъ быть грозить та опасность, что мы оставимъ безъ вниманія обратное примѣненіе мнѣній Гольбаха, а именно оставимъ безъ вниманія пользу умственныхъ лекарствъ или предохранительныхъ средствъ въ случаяхъ физическаго нездоровья.

Но возвратимся къ изложенію теории Гольбаха. Если вы будете, говорить онъ, высказывать сожалѣнія, что указаннаго механизма недостаточно для того, чтобъ объяснить принципъ движеній и свойствъ души, то на это можно отвѣтить, что душа въ этомъ случаѣ находится въ такомъ же положеніи, какъ и всѣ тѣла въ природѣ. Въ нихъ самыя простыя движенія, самыя обыкновенныя явленія, самыя обыкновенныя дѣйствія—необъяснимыя тайны, основной принципъ которыхъ навсегда скрытъ отъ нашихъ взоровъ. Развѣ мы можемъ льстить себя тѣмъ, что намъ извѣстенъ основной принципъ тяготѣнія, въ силу котораго камень падаетъ на землю? Чтò знаемъ мы о томъ механизмѣ, который производитъ притягиваніе нѣкоторыхъ веществъ и отталкиваніе другихъ? Но непонятность натуральныхъ послѣдствій не причина, чтобъ мы объясняли ихъ такими мотивами, которые еще болѣе непонятны для насъ, чѣмъ какой либо другой мотивъ изъ числа намъ извѣстныхъ.

Человѣку не дано способности все знать; ему не дано способности ни знать свое собственное происхожденіе, ни проникать въ сущность вещей, ни возвышаться до основнаго принципа вещей. Ему дана лишь способность обладать разсудкомъ, быть прямодушнымъ, откровенно сознаваться въ незнаніи того, чего онъ не можетъ знать, и не восполнять недостатка точныхъ свѣдѣній такими словами, которыя непонятны, и такими предположеніями, которыя нелѣпы.

Солнцы меркнутъ и планеты перестаютъ существовать; загораются новыя солнца и новыя планеты начинаютъ вращаться по новымъ путямъ, а человѣкъ—эта бесконечно малая частица земнаго шара, который самъ ничто иное какъ маленькая точка въ безконечномъ пространствѣ—человѣкъ воображаетъ, что вселенная создана для него, что природа должна повѣдать ему всѣ свои тайны, и надменно льститъ себя мыслию, что онъ долженъ быть вѣченъ! О человѣкъ, неужели ты никогда не поймешь, что ты ничто иное какъ живущее одинъ день насѣкомое? Во вселенной все измѣняется, въ натурѣ нѣтъ ни одной формы, которая была бы неизмѣнна, тѣмъ не менѣе ты заявляешь претензію на то, что твой родъ никогда не

исчезнетъ съ лица земли и не будетъ подчиненъ великому всеобщему закону непрестанной измѣнчивости!

Мы прервемъ это изложеніе для того чтобъ замѣтить, что и православные богословы и атеистъ Гольбахъ употребляли одни и тѣ же выраженія, стараясь смирить предполагаемое въ людяхъ высокоуміе. Но возраженія, исходившія отъ Гольбаха, были искренни; они были необходимы для того, чтобъ подготовить человѣческій умъ къ пониманію вселенной какъ одного цѣлаго. А со стороны богослововъ такія возраженія ничто иное какъ уловки, для того чтобъ внушать вѣру въ чудо божественной благодати. У проповѣдника натурализма тщеславное убѣжденіе, что человѣкъ есть конечная цѣль творенія, замѣняется плодотворнымъ преклоненіемъ передъ превосходствами человѣческаго разума и правильной оцѣнкой того, что можетъ дать его благоразумное и дисциплинированное примѣненіе къ дѣлу. А богословы поддерживаютъ этотъ нелѣпый и соврашающій съ правльнаго пути эгоизмъ человѣческой расы, изображая Создателя занимающимся главнымъ образомъ твореніемъ чудесъ для спасенія такого живаго существа, умъ котораго въ одно и то же время и крайне слабъ и ужасно извращенъ, и сердце котораго съ самаго рожденія порочно, безнравственно и обречено на проклятiя. Различіе между этими взглядами по истинѣ громадно. Теологъ заставляеть человѣка падать духомъ, заставляеть его въ бездѣйствіи и въ отчаяніи ожидать чуда его нравственнаго перерожденія; натуралистъ, напротивъ того, ободряеть человѣка, внушая ему самыя убѣдительныя мотивы для энергическаго пользованія самыми выдающимися его способностями. «У людей всегда была бы благодать», — сказала Гольбахъ, — «еслибы они были хорошо воспитываемы и хорошо управляемы». А по поводу страннаго пониманія нравственности со стороны тѣхъ, которые приписываютъ всякое нравственное зло первородному грѣху, а все хорошее, что мы дѣлаемъ, благодати, — онъ говоритъ: «Неудивительно, что нравственныя правила, основанныя на такой странной гипотезѣ, оказываются въ примѣненіи ни къ чему не годными» ¹⁾.

Отсюда естественъ переходъ къ мнѣніямъ Гольбаха о нравственности. Въ ту пору только что настала для Франціи моментъ, — наступившій гораздо ранѣе въ Англіи, — когда отрицательное направленіе метафизическихъ понятій навело людей на отыскиваніе основъ этики. Развѣ старыя понятія о добрѣ и злѣ могли оставаться неизмѣнными при новомъ взглядѣ на механизмъ вселенной? Этотъ же вопросъ настойчиво возникаетъ въ человѣческомъ умѣ оттого, что Дарвинова гипотеза и масса подтверждающихъ ее доказательствъ

¹⁾ Гл. XI.

нанесли новый страшный ударъ богословскимъ понятіямъ и заставили людей съ содроганіемъ сознаться въ ненадежности официальныхъ основъ добродѣтели и долга.

Гольбахъ начинаетъ указаніемъ на несостоятельность нашихъ понятій о свойствахъ таинственной теоріи свободы воли. Это изложеніе составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ частей книги, и эта задача едва ли когда либо была исполнена болѣе твердою рукою. Выводъ изложенъ съ такою рѣшительностью, которая можетъ показаться слишкомъ рѣзкой. Здѣсь утверждается, что между человекомъ, который самъ бросается изъ окна и человекомъ, котораго выбрасываютъ изъ окна, различіе заключается только въ томъ, что импульсъ вліяющій на втораго изъ нихъ происходитъ извнѣ, а импульсъ, причиняющій паденіе перваго изъ нихъ, исходитъ изнутри его собственнаго механизма. Стоить только приняться за отысканіе мотива и вы всегда будете приходить къ тому убѣжденію, что этотъ мотивъ находится внѣ сферы вліянія дѣйствующаго лица. Неумолимая логика, съ которой авторъ преслѣдуетъ приверженцевъ свободы воли отъ одного убѣжища до другаго, отъ одной уловки до другой, оставляетъ его противниковъ почти такими же беззащитными насупротивъ мощнаго и вполне развитаго Гольбахова натурализма, какими они всегда бывають насупротивъ энергическаго деизма Іонатана Эдварда. «Система человѣческой свободы»,—говоритъ Гольбахъ (II. II) съ нѣкоторой язвительностью, — «повидимому была придумана только для того, чтобъ поставить человѣка въ возможность оскорблять Бога и тѣмъ оправдать все зло, которому Богъ подвергъ человѣка въ наказаніе за пользованіе свободой, дарованной ему на его же гибель».

Но если бы человѣкъ не былъ свободенъ, какое имѣли бы мы право наказывать тѣхъ, кто не можетъ воздерживаться отъ дурныхъ поступковъ, или награждать тѣхъ, кто не можетъ воздерживаться отъ хорошихъ поступковъ? Гольбахъ даетъ надлежащій и вполне удовлетворительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ и на различные другіе способы объяснять вредъ фатализма для общества. Онъ разсматриваетъ свойства дѣянія и ставитъ въ зависимость отъ этихъ свойствъ и общественное одобреніе и общественное порицаніе. Онъ опредѣляетъ достоинства и недостатки образомъ дѣйствій, сообразуясь съ тѣмъ, клонится ли образъ дѣйствій къ общей пользѣ или вреду. И мое негодованіе и мое одобреніе такъ же неизбежны какъ и тѣ поступки, которые возбуждаютъ эти чувства. Мои чувства не болѣе и не менѣе натуральны, чѣмъ тѣ мотивы, которыми руководствовалось дѣйствующее лице. Какъ бы ни была велика принудительная сила мотивовъ нашихъ дѣяній, я имѣю право дѣлать все что могу путемъ похвалы и порицанія, путемъ награды и наказа-

ніа, чтобъ укрѣпить или чтобъ ослабить, чтобъ поддержать или чтобъ ниспровергнуть мотивы, служація antecedентомъ для дѣйствія,—точно такъ какъ я имѣю право запрудить потокъ или направить его теченіе въ другую сторону, сообразуясь съ моими личными удобствами. Такъ напримѣръ уголовные законы служатъ для людей сильнымъ мотивомъ для того, чтобъ воздерживаться отъ удовлетворенія личныхъ наклонностей. Гольбахъ не выясняетъ съ достаточной точностью, что цѣль уголовного законодательства въ нѣкоторыхъ случаяхъ заключается въ томъ, чтобъ заставить и преступника и другихъ людей призадуматься прежде чѣмъ рѣшиться на повтореніе совершеннаго преступления; однако въ другихъ случаяхъ,—когда наказаніе заключается въ смертной казни,—законодательство имѣетъ въ виду повліять не на умъ преступника, а только на умы другихъ людей. Въ этомъ обнаруживается лишь одна слабая сторона тѣхъ аргументовъ, на которые привыкли ссылаться въ настоящемъ вопросѣ. Полное объясненіе уголовныхъ законовъ на основаніи принциповъ систематическаго фатализма могло бы быть успѣшно лишь тогда, еслибы мы заботились во всякомъ данномъ случаѣ не столько о преступникѣ, сколько объ общихъ мотивахъ и о томъ, какъ ввести въ обычай уклоненіе отъ извѣстнаго ряда дѣяній или совершеніе такихъ дѣяній.

Затѣмъ авторъ основательно приводитъ свой философскій детерминизмъ въ связь съ гуманностью наказаній. Онъ протестуетъ противъ чрезмѣрной жестокости въ наложеніи уголовныхъ наказаній и въ особенности противъ пытки, по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что опытъ доказываетъ бесполезность такихъ излишнихъ строгостей и во вторыхъ, потому что привычка быть свидѣтелемъ жестокихъ наказаній заставляетъ и преступника и другихъ людей свыкаться съ идеей о жестокости. Согласно съ этой здравой теоріей Гольбаха, одобреніе, съ которымъ парижане относились въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ къ жестокостямъ террористовъ, было результатомъ того, что законодательство ежедневно приучало ихъ до самыхъ послѣднихъ годовъ монархіи къ еще болѣе ужаснымъ жестокостямъ. И Гольбахъ былъ правъ, предполагая, что когда умы людей освоятся съ теоріей детерминизма ихъ приговоры будутъ болѣе челоуѣколюбивы и болѣе разумны. Мы уже перестали относиться къ индивидуальнымъ преступнымъ дѣйствіямъ съ желаніемъ отмести, и стали съ энергіей протестовать противъ тѣхъ несовершенствъ воспитанія и учреждений, которыя виною того, что дурные мотивы берутъ въ людяхъ перевѣсъ надъ хорошими. На основаніи теоріи детерминизма наказаніе всегда должно соединяться съ мѣрами предупрежденія и имѣетъ цѣну именно потому, что это есть способъ предупрежденія, а не только потому что оно служитъ возмездіемъ.

Гольбахъ довольно удачно отвѣчаетъ на обычное возраженіе, что фатализмъ погрузилъ бы человѣческую душу въ апатію. Если все неизбежно, то почему же не предоставить все своему естественному ходу, а самому оставаться въ бездѣйствіи? Точно будто мы были бы въ *состояніи* удерживать наши руки отъ дѣйствія, если бы въ нашемъ сердцѣ была развита свойственная ему склонность къ чувствительности и къ симпатіямъ. Точно будто человѣкъ съ чувствительнымъ сердцемъ способенъ не интересоваться всѣмъ, что касается участи подобныхъ ему существъ. Развѣ наша увѣренность, что смерть неизбежна, мѣшаетъ намъ оплакивать потерю дорогихъ для насъ людей? Развѣ мое сознаніе, что огонь неизбежно все сожигаетъ, мѣшаетъ мнѣ употреблять всѣ мои усилія, чтобъ избѣжать пожара?

Наконецъ, когда люди утверждаютъ, что теорія детерминизма унижаетъ человѣка, низводя его до уровня какой то машины и приравнивая его жизнь къ произрастанію самыхъ низкихъ растений, они употребляютъ выраженія, придуманныя въ непониманіи того, что составляетъ настоящее достоинство человѣка. Что же такое сама природа, какъ не обширная машина, въ которой нашъ человѣческій родъ не болѣе какъ ничтожная пружина? Хорошій человѣкъ есть машина, въ которой пружины приспособлены такъ, чтобъ онѣ исполняли свое назначеніе достигать благотворныхъ результатовъ для ближнихъ. Развѣ такой инструментъ можетъ не быть предметомъ уваженія, любви и признательности?

Чтобъ закончить анализъ этой части книги Гольбаха, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что онъ очень слабо сознаетъ, въ какой мѣрѣ онъ отвергаетъ то, что прежде служило мотивомъ для хвалы и порицанія. Онъ не только измѣняетъ старыя понятія объ этомъ предметѣ, но замѣняетъ ихъ новыми, удерживая лишь старыя названія. Хвала въ своемъ новомъ смыслѣ—въ смыслѣ одобренія полезныхъ и доставляющихъ удовольствіе дѣйствій и мотивовъ,—такая же могущественная сила и такое же хорошее возбуждательное средство къ хорошимъ дѣламъ и хорошимъ мотивамъ, какъ хвала въ старомъ смыслѣ этого слова,—въ смыслѣ одобренія сознательно и самопроизвольно дѣйствующей свободной воли. Но смыслъ этихъ двухъ понятій различенъ. Здѣсь старая этическая теорія превращается въ нѣчто такое, что обязано своимъ вліяніемъ въ одинаковой мѣрѣ и обычаямъ и требованіямъ соціальнаго самосохраненія,—но все таки это нѣчто другое. Если бы Гольбахъ и другіе послѣдователи теоріи детерминизма сознали это различіе болѣе ясно и развили бы его до конечныхъ результатовъ, они избѣжали бы неопредѣленности, которая много вредитъ имъ въ умахъ тѣхъ, кого они желали бы убѣдить. Не трудно понять; что въ сферѣ морали прежде всего не-

обходимо изменить старую этическую фразеологию такъ, чтобъ она годилась для идей свойственныхъ той ступени развитія, когда человекъ окончательно сдѣлался такимъ же предметомъ научныхъ изслѣдованій, какъ и всѣ другія естественныя явленія во вселенной.

Въ главѣ (XIII) о безсмертїи души авторъ анализируетъ этотъ замѣчательный продуктъ человѣческихъ вѣрованій съ большой энергїей и съ самой разрушительной проникательностью. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, онъ отвергаетъ теорїю двойственной силы въ человекѣ — силы матеріальной и силы духовной, точно такъ какъ въ послѣдствїи онъ отвергалъ сходную гипотезу о двойственныхъ силахъ природы, исходящихъ съ одной стороны отъ духовнаго двигателя, находящагося внѣ наружныхъ мировыхъ явленій. Согласно съ такимъ непризнаніемъ особой духовной силы въ людяхъ, Гольбахъ не хочетъ ничего знать и о такой духовной силѣ, которая будто бы способна пережить разрушеніе механической формы. Утверждать, что душа будетъ чувствовать, мыслить, радоваться и страдать послѣ смерти тѣла, по его мнѣнію, то-же, что утверждать, будто разбитые на тысячу кусочковъ часы могутъ по прежнему бить или обозначать время дня. А вслѣдъ за рѣшительнымъ отказомъ раздѣлять общія вѣрованія, онъ направляетъ свои удары на тѣхъ, кто придерживается этихъ вѣрованій и защищаетъ ихъ какъ охрану общества. Намъ нѣтъ надобности излагать его положенія. Въ сущности это тѣ самыя положенія, которыя хорошо знакомы всякому, кто читалъ третью книгу поэмы Лукреція и не забылъ тѣхъ мѣстъ поэмы, которыя поражаютъ насъ столько же своими философскими взглядами, сколько возвышенностью и трогательностью поэтической формы:

*Nam veluti pueri trepidant atque omnia caecis
In tenebris metuunt, sic nos in luce timemus
Interdum, nilo quae sunt metuenda magis quam
Quae pueri in tenebris pavitant finguntque futura.
Hunc igitur terrorem animi tenebrasque necessesit
Non radii solis neque lucida tela diei
Discussiant, sed naturae species ratioque.*

И далѣе:

*«Jam jam non domus accipiet te laeta, neque uxor
Optima nec dulces occurrent oscula nati
Praeripere, et tacita pectus dulcedine tangent,
Non poteris factis florentibus esse, tuisque
Praesidium. Misero misere», aiunt, «omnia ademit
Una dies infesta tibi tot praemia vitae».
Illud in his rebus non addunt, «nec tibi earum
Iam desiderium rerum super insidet una».
Quod bene si videant, animo dictisque sequantur,
Dissolvant animi magno se angore metuque.
«Tu quidem ut es leto sopitus, sic eris aevi
Quod superest cunctis privati doloribus aegris;
At nos horrifico cinesfactum te prope busto*

Insatiabiliter deflevimus, aeternumque
 Nulla dies nobis maerorem e pectore demet.
 Illud ab hoc igitur quaerendum est, quid sit amari
 Tanto opere, ad somnum si res redit atque quietem,
 Cur quisquam aeterno possit tabescere luctu.

Можно пожалѣть о томъ, что Гольбахъ, разсуждая объ этихъ важныхъ и трогательныхъ вопросахъ, обнаружилъ такое непониманіе исторіи, что обозвалъ Давида, Магомета, Іоанна Златоустаго и другихъ святыхъ людей, суевѣрами. Нельзя также не замѣтить, что онъ слишкомъ безусловно отвергалъ ту мысль, что страхъ адскихъ мученій заставляеть людей воздерживаться отъ зла; тѣмъ не менѣе на каждаго сочувствовавшаго ему въ 1770 г. челоуѣка, онъ нашель бы въ 1880 г. тысячу людей, раздѣляющихъ его мнѣніе, что есть возможность отыскать такіа поощренія къ добродѣтели, которыя по меньшей мѣрѣ столь же полезны какъ и фикція вѣчныхъ мученій, не будучи столь же жестокими со стороны боговъ и столь же унизительными для людей.

Подобно всѣмъ другимъ писателямъ отвергавшимъ вѣрованіе въ безсмертіе души, Гольбахъ естественнымъ образомъ переходить отъ своихъ нападокъ на это вѣрованіе къ улучшенію воспитанія, законовъ, учрежденій, которые должны усиливать и вкоренять въ людяхъ побужденія, способныя отклонять ихъ отъ зла и направлять къ добру. Въ выраженіяхъ, которыя уже цитированы выше, онъ произноситъ строгій приговоръ надъ королями, находя ихъ несправедливыми, неспособными, нравственно испорченными своеволіемъ и безнаказанностью. Въ этой главѣ есть одно мѣсто, которое можно назвать страшнымъ пророчествомъ, въ точности сбывшимся на дѣлѣ почти еще при жизни автора: — «Въ настоящее время положеніе общества таково, что Государь ведетъ борьбу со всѣми и каждый членъ общества съ другими членами. Челоуѣкъ дурень не потому, что онъ родился дурнымъ, а потому что его сдѣлали такимъ; знатные и вліятельные люди безнаказанно угнетаютъ нуждающихся и несчастныхъ, а эти въ свою очередь стараются отплатить за сдѣланное имъ зло. Они или явно или тайно нападаютъ на свою родину, которая оказывается для нихъ жестокой мачихой, такъ какъ однимъ изъ своихъ дѣтей она дала все, а другихъ оставила ни съ чѣмъ. Они жестоко наказываютъ ее за ея пристрастіе; они доказываютъ ей, что мотивы, заимствованныя изъ другой жизни, безсильны противъ страстей и злобной ярости, порождаемыхъ развращенной администраціей въ этой жизни, и что всякій страхъ наказаній въ этомъ мірѣ безсильенъ противъ нужды, противъ порочныхъ привычекъ и дурной организаціи, которыхъ никогда не пытались исправить путемъ воспитанія». (Гл. XIV). Въ дру-

гомъ мѣстѣ читаемъ:—«Общество пользуется всѣмъ благополучіемъ, какое для него доступно, если большинство его членовъ имѣетъ пищу, одежду и помѣщеніе, однимъ словомъ если оно можетъ безъ чрезмѣрныхъ усилій удовлетворять тѣ потребности, которыя природа сдѣлала для него неизбѣжными. Ихъ умъ спокоенъ, когда они увѣрены, что никакая сила не въ состояніи отнять у нихъ плодовъ ихъ дѣятельности и что они работаютъ на самихъ себя. Но вслѣдствіе человѣческаго безразсудства, цѣлыя націи вынуждены работать въ потѣ лица и орошать землю своими слезами только для того, чтобъ питать сластолюбіе, прихоть и безнравственность кучки глупцовъ и совершенно бесполезныхъ созданий. Вотъ почему религіозныя и политическія заблужденія превратили міръ въ долину слезъ». Эти слова служатъ постояннымъ припѣвомъ, сопровождаемымъ какими то хриплыми звуками, который слышится во всѣхъ этическихъ и метафизическихъ разсужденіяхъ Гольбаха. У него есть нѣсколько десятковъ страницъ, на которыхъ таже самая идея развивается съ такой мрачной горячностью, что читателю кажется, будто онъ слышитъ Робеспьера, произносящаго рѣчь въ Национальномъ Собраніи, Камилла Демулена, декламирующаго въ саду Пале-Рояля и Дантона, мечущаго грома въ клубѣ Кордельеровъ. Мы уже какъ будто видимъ передъ собою дымъ пылающихъ замковъ, поднимающійся къ небесамъ, какъ при очистительныхъ жертвоприношеніяхъ.

Начиная съ этого пункта и до самаго конца первой части, эта книга принадлежитъ не столько къ разряду философскихъ произведеній, сколько къ литературѣ политической революціи. Въ ней есть странная вставка, сдѣланная съ цѣлью оправдать презрѣніе къ смерти и даже самоубійство; авторъ указываетъ съ какимъ то злорадствомъ на тотъ фактъ, что Самсонъ, Элеазаръ и другіе знаменитые люди сами были причиною своей смерти, не говоря уже о разныхъ спасавшихся покаяніемъ отшельникахъ, которые сами себя убивали понемножку. 1). Резюмируя всѣ свои доводы, онъ говоритъ въ заключеніе: «Страхъ смерти будетъ только дѣлать людей трусами; страхъ предполагаемыхъ ея послѣдствій будетъ только дѣлать изъ людей фанатиковъ или меланхолическихъ шетистовъ, столь же

1) Въ настоящемъ случаѣ Гольбахъ повторяетъ чужую мысль. Помѣщенная въ Энциклопедіи статья Дидро о самоубійствѣ, (Oe u. y. XVII. 235) заключаетъ въ себѣ обычные аргументы церкви противъ самоубійства, иллюстрированные разными примѣрами, но она также заключаетъ въ себѣ разборъ написаннаго докторомъ Донномъ оправданія самоубійства подъ заглавіемъ *Via thianato* (1651); такъ мы находимъ слово въ слово тѣ же самыя замѣчанія, какъ у Гольбаха. По мнѣнію Галлама, книга Донна такъ скучна и педантична, что читающій ее захочетъ лишить себѣ жизни только въ томъ случаѣ, если ему пригрозятъ изданіемъ слѣдующей части.

бесполезныхъ для самихъ себя, какъ и для другихъ. Смерть есть ресурсъ, котораго мы не должны отнимать у угнетенной добродѣтели, нерѣдко доводимой до отчаянія людскою несправедливостію». Вотъ та доктрина, въ которой воспитывалось революціонное побольніе, а какъ глубоко она проникла въ его душу видно изъ того, какъ легко люди въ ту пору лишали жизни и себя и другихъ ¹⁾. Когда мы читаемъ, что Верньо и Кондорсе носили съ собою ядъ, что Барбару не разставался съ своимъ пистолетомъ, а Валазэ съ своимъ ножомъ, намъ приходитъ на память Роланъ, идущій пѣшкомъ по обсаженной деревьями дорогѣ изъ Руана въ Парижъ и на пути втыкающій себѣ въ грудь вдѣланный въ трость кинжалъ съ такимъ спокойствіемъ, съ какимъ сбрасываютъ съ себя не нужное верхнее платье.

Гольбаха обвиняли въ томъ, что онъ низводитъ добродѣтель до уровня дальнзорокаго эгоизма ²⁾ и пожалуй можно цитировать нѣкоторыя изъ высказанныхъ имъ отрывочныхъ и незрѣлыхъ идей, которыя могутъ служить подтвержденіемъ такого обвиненія. Но онъ основываетъ нравственность на личномъ благополучіи лишь номинально, а на самомъ дѣлѣ онъ видитъ ея основу въ благополучіи большинства. Придерживаясь классификаціи Сидгвика, мы должны отнести Гольбаха къ числу универсалистовъ, а не къ числу эгоистическихъ Гедонистовъ. Дѣйствительно во всемъ, что онъ говоритъ, видны не индивидуалистическія а социальныя цѣли. «Хорошій человекъ—тотъ, кто понялъ, что его собственный интересъ или его собственное благополучіе заключается въ такомъ образѣ дѣйствій, который другіе люди вынуждены любить и одобрять ради своихъ собственныхъ интересовъ.... Это такой человекъ, какіе всего болѣе нужны для счастья людей.... Достоинство и добродѣтель основаны на природѣ человека, на его нуждахъ.... Только путемъ добродѣтели мы можемъ пріобрѣтать расположеніе, довѣріе, уваженіе тѣхъ, съ кѣмъ мы имѣемъ сношенія; однимъ словомъ, никто не можетъ быть счастливъ въ одиночествѣ.... Быть добродѣтельнымъ значитъ приравнивать свои интересы къ интересамъ другихъ, значитъ находить наслажденіе въ той пользѣ и въ тѣхъ радостяхъ, которыя мы въ состояніи доставлять другимъ.... Чувство себялюбія становится во сто разъ

¹⁾ Трактатъ Юма о самоубійствѣ (см. изданіе Грина и Гроза 1875, ч. II. 405) содержитъ въ себѣ гораздо болѣе убѣдительные аргументы, чѣмъ книга Гольбаха, хотя способы выраженія въ обѣихъ книгахъ нерѣдко поражаютъ своимъ сходствомъ. Въ этомъ вопросѣ, точно такъ же какъ во многихъ другихъ, какъ напримѣръ въ томъ что касается брака.—Руссо бралъ сторону церкви, допуская самоубійство только въ тѣхъ случаяхъ, когда чело-
вѣка постигла тяжелая и неизлечимая болѣзнь. См. два знаменитыхъ письма въ *Новой Элоизы*, III. 21—22.

²⁾ *Ancien Régime* Тэна, стр. 287.

болѣе пріятнымъ, когда оно раздѣляется всѣми тѣми, съ кѣмъ насъ связываетъ судьба. Склонность къ добродѣтели возбуждаетъ внутри насъ такія потребности, которыя можетъ удовлетворить одна добродѣтель; поэтому-то добродѣтель и служитъ сама себѣ воздаяніемъ, вознаграждая сама себя тѣми благами, которыя она доставляетъ другимъ». — (Гл. XV).

Только легкомысленный человѣкъ или педантъ могъ бы усмотрѣть въ этихъ словахъ себялюбіе, все равно идетъ ли рѣчь о себялюбіи дальноворкомъ или недалноворкомъ; но читатель впалъ бы въ еще болѣе грубую ошибку, еслибы усмотрѣлъ здѣсь ниспроверженіе преградъ, сдерживающихъ наши эгоистическія влеченія. «Надо чтобъ каждый гражданинъ сознавалъ, что сфера, въ которой онъ состоитъ членомъ, есть нѣчто цѣлое, не могущее существовать и быть счастливымъ безъ добродѣтели; опытъ долженъ ежеминутно научать его, что благосостояніе членовъ можетъ быть лишь результатомъ благосостоянія цѣлага». — (Гл. XV). Говорить о такой доктринѣ, что она приглашаетъ каждую отдѣльную личность достигать счастья по своему собственному усмотрѣнію и на свой собственный манеръ и что она ниспровергаетъ преграды, сдерживающія наши эгоистическія влеченія, значило бы доводить философскія предубѣжденія до нелѣпости. Мы должны разсматривать этическую теорію Гольбаха въ самомъ широкомъ практическомъ ея примѣненіи и, если мы станемъ на социальную точку зрѣнія, мы неизбѣжно придемъ къ убѣжденію, что принципъ, лежащій въ основѣ только что цитированныхъ словъ, былъ необходимъ какъ орудіе противъ антисоціального себялюбія привилегированнаго класса. Въ этихъ словахъ выражена нравственная сторона всякаго народнаго и демократическаго движенія. Пусть утверждаютъ, будто проповѣдываемые Гольбахомъ правила нравственности принадлежать къ разряду тѣхъ, которыя основаны на личномъ интересѣ, но настоящую ихъ основу вы найдете лишь въ сочувствіи къ интересамъ социальнымъ. Признавать благополучіе за критеріумъ добродѣтели значило развивать доктрину натурализма, такъ какъ благополучіе достигается лишь тогда, когда мы сообразуемся съ натуральнымъ положеніемъ вещей. Съ другой стороны утверждать, что добродѣтель заключается въ содѣйствіи благополучію социальнаго тѣла, какъ цѣлаго, значило проповѣдывать самую великую изъ всѣхъ истинъ при такомъ положеніи вещей, когда общественное тѣло было доведено до тревожнаго и бѣдственнаго положенія себялюбіемъ небольшого числа его членовъ. Церковь, номинально опиравшаяся на мораль своихъ уставовъ, совратилась съ пути, и сдѣлалась великимъ органомъ пагубныхъ личныхъ интересовъ. Атеисты, повидимому проповѣдывавшіе мораль Эпикурейцевъ, на самомъ дѣлѣ поучали любви къ общему благу и желанію дѣлать

добро. А проповѣдывать любовь къ общему благу, при тогдашнемъ положеніи страны, было то же самое, что возбуждать умы къ общественному перевороту. Мы сомнѣваемся въ томъ, дѣйствительно ли Гольбахъ задавалъ себѣ всѣ тѣ вопросы, которые сливаются въ одно выраженіе—основа нравственности. Въ чемъ заключается санкція правилъ нравственности? Почему всякій долженъ способствовать благополучію всѣхъ? По какому признаку можно отличать то, что хорошо, отъ того, что дурно? Въ чемъ заключается основа совѣсти или такого умственного настроенія, при которомъ мы предпочитаемъ хорошее дурному? Ясно, что все это темы совершенно самостоятельныя. Однако Гольбахъ, очевидно, не отдѣлялъ ихъ въ своемъ умѣ одну отъ другой и повидимому воображалъ, что одинъ и тотъ же отвѣтъ годенъ для всего, что онъ ошибочно соединялъ въ одномъ и томъ же вопросѣ. Онъ находилъ достаточнымъ сказать, что всякій индивидуумъ желаетъ быть счастливымъ и что онъ не можетъ быть счастливымъ, если не будетъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими сосѣдями; эту-то взаимность нуждъ и услугъ онъ и называлъ основой нравственности. Можетъ быть этого и было достаточно для той поверхностной и основанной на простомъ здоровомъ смыслѣ точки зрѣнія на предметъ, которую Гольбахъ старался запечатлѣть въ умахъ читателей, но это нельзя назвать продуктомъ правильнаго и научнаго мышленія.

Я также не нахожу надобности доискиваться, почему Гольбахъ, излагая свою *Систему Природы*, оставилъ безъ всякаго вниманія великій естественный процессъ, путемъ котораго то, что приобрѣтено однимъ поколѣніемъ, обращается въ точку исхода для дальнѣйшихъ приобрѣтеній слѣдующаго поколѣнія. Онъ совершенно позабылъ, что существуютъ ступени развитія. Изъ его разсужденій о человѣкѣ можно бы было заключить, что всѣ человѣческія расы и всѣ эпохи человѣческаго развитія сходны между собою и что каждый индивидуумъ старается достигать извѣстной степени благополучія своимъ собственнымъ путемъ. Было бы болѣе согласно и съ новѣйшимъ взглядомъ на этотъ предметъ и съ собственнымъ мнѣніемъ Гольбаха о неразрывной связи между нашимъ образомъ дѣйствій и рядомъ условій существовавшихъ съ нашего рожденія, еслибы онъ созналъ, что совѣсть, нравственныя предпочтенія, стремленія къ общему благу и все то, что онъ называетъ основой нравственности, получается людьми вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ аппаратомъ, который обязательно передается прошедшимъ временемъ настоящему, а не является результатомъ какихъ либо пріемовъ, основанныхъ на личномъ разчетѣ.

Гольбахъ не сознавалъ съ достаточной ясностью, какъ возникаютъ нравственные идеалы, какимъ путемъ они измѣняются и перерождаются. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ слишкомъ сильно увлеченъ

потокомъ идей восемнадцатаго столѣтія, чтобъ не чувствовать того упоенія жизнью въ самыхъ обильныхъ ея проявленіяхъ, которое моралисты богословской школы порицали и преслѣдовали, какъ мірскую суету и чувственность. «Дѣйствіе», — говоритъ онъ въ той же главѣ, — «*есть существенный элементъ человѣческаго ума*; лишь только человѣкъ перестаетъ дѣйствовать, онъ впадаетъ въ состояніе тревоги и томленія». Такое мнѣніе было бы слишкомъ безусловно, если бы мы принимали въ соображеніе то умственное состояніе, въ которомъ находятся милліоны жителей востока, но оно было вѣрно по отношенію къ народамъ запада. Однако не смотря на то, что авторъ сознавалъ основательность этого закона, онъ все таки не былъ въ состояніи избѣжать повторенія нѣкоторыхъ старыхъ избитыхъ фразъ о томъ, что будто тѣ люди самые счастливые, у которыхъ всего менѣе нужды. Точно будто та дѣятельность, на которую онъ указываетъ какъ на существенный элементъ челоуѣка, не находится въ непосредственной связи съ постояннымъ умноженіемъ нужды. Впрочемъ мы можемъ смотрѣть на это, какъ на случайное подчиненіе тѣмъ идеямъ, которыя были общими для всѣхъ моралистовъ аскетическаго періода. Въ сущности же *Система Природы* была протестомъ противъ идеаловъ аскетизма и квіетизма.

Вторая половина *Системы Природы* трактуетъ о божествѣ, о доказательствахъ его существованія, о его атрибутахъ и о томъ, какимъ путемъ оно вліяетъ на счастье людей. Достоинно вниманія то, что здѣсь авторъ нападаетъ не только на злоупотребленія католической церкви, не только на религіозныя суевѣрія, но и на ту великую идею, которая царитъ на недосягаемыхъ для нашего зрѣнія высотахъ несравненно выше всякой церкви и всякой религіозной формы. То, что авторъ здѣсь осуждаетъ, есть деизмъ какъ въ его самой чистой такъ и въ его самой грубой формѣ. Нѣтъ возможности указать другое литературное произведеніе съ болѣе выработанными, болѣе рѣзкими и болѣе рѣшительными нападками на самыя основныя положенія теологіи, какъ натуральной такъ и опирающейся на откровеніе. Чистый раціонализмъ ничего не могъ бы присовокупить къ этимъ разрушительнымъ ударамъ. Ихъ тонъ нельзя назвать вполне философскимъ, потому что авторъ смотритъ на идею о божествѣ, какъ на ненормальный и болѣзненный наростъ, а не какъ на натуральный продуктъ челоуѣческаго развитія. Оставаясь вѣрнымъ общепотребительнымъ въ ту пору философскимъ приемамъ, онъ не задаетъ себѣ труда объяснять теологію или изучать тѣ крошкія подъ ея внѣшними формами нужды, влеченія и свойства челоуѣческой природы, въ которыхъ теологія находитъ самыя прочныя для себя основы и даже свой первоначальный источникъ. Онъ смотритъ на нее какъ на врага, котораго слѣдуетъ немилосердно побивать, а

не какъ на силу, съ которой онъ долженъ считаться. Тѣмъ не менѣе вторая часть *Системы Природы*, въ качествѣ грубого и безжалостнаго полемическаго произведенія, остается замѣчательной по своей энергiи и силѣ. Въ наше время самый запальчивый изъ противниковъ теологiи долженъ казаться трусливымъ и умѣреннымъ въ сравненiи съ этимъ ярымъ бойцемъ. Самое нападенiе, опирающееся на чисто рационалистическiе доводы, направлено не на ту или другую позицiю противниковъ, а на все, что входитъ въ систему ея обороны. Идея божества разсматривается и опровергается со всѣхъ возможныхъ сторонъ—и съ точки зрѣнiя космологiи, и съ точки зрѣнiя этики, и съ точки зрѣнiя метафизики. Сказать, что аргументацiя Гольбаха одностороння то же самое, что сказать, что она была орудiемъ для нападенiя. Но тотъ фактъ, что авторъ оставляетъ безъ вниманiя все, что приобрѣли нравственность и цивилизацiя подъ временнымъ руководствомъ теологiи, не умаляетъ значенiя другаго факта, что авторъ съ необычайной энергiей перечисляетъ все, что можетъ быть сказано противъ нелѣпыхъ идей и ложныхъ нравственныхъ понятiй, которыя питались и поддерживались теологiей и успѣли пустить такiе глубокiе корни.

Касательно тщательнаго разбора доказательствъ существованiя божества, приводимыхъ Декартомъ, Самуиломъ Кларкомъ, Малекраншемъ и Ньютономъ (гл. IV и V), достаточно будетъ сказать, что вся его сущность можетъ быть вкратцѣ выражена въ одномъ положенiи, — что авторъ рѣшительно отвергаетъ всякую апіористическую основу для какихъ бы то ни было вѣрованiй. Для философскихъ цѣлей было бы достаточно, еслибы онъ ограничился объясненiемъ и упроченiемъ такой точки зрѣнiя. Онъ отвергалъ всю апіористическую систему и поэтому отвергалъ каждое изъ двѣнадцати положенiй, выработанныхъ Кларкомъ путемъ апіористическаго метода. Онъ усматривалъ въ опытѣ источникъ и предѣлъ знанiй, размышленiй и вѣрованiй и отвергалъ какъ фантастическое сумасбродство мечтателей-метафизиковъ то предположенiе, что нашъ умъ устанавливаетъ условiя объективнаго существованiя. Стать на такую точку зрѣнiя значило разомъ устранить всѣ доказательства въ пользу того, что нѣчто существовало вѣчно, что самостоятельное и неизмѣнное Высшее существо существовало вѣчно, что оно существуетъ самою собою и непостижимо для нашего ума, что такъ какъ оно существуетъ неизбежно, то оно неизбежно едино и единственно—и такъ далѣе. Вникая въ эти споры, мы невольно приходимъ къ тому убѣжденiю, что они велись двумя противниками на основанiи различныхъ системъ мышленiя, что они велись двумя существами, жившими среди различныхъ элементовъ. Примѣнять мѣрила опыта къ положенiямъ Кларка или къ слегка видоизмѣненнымъ по-

ложеніямъ Малевранша и измѣрять ихъ достоинство принципомъ относительности, должно бы было казаться пагубнымъ заблужденіемъ даже для тѣхъ, кто принимаетъ опытъ за единственное вѣрное мѣрило въ этомъ предметѣ. Это то же самое, что разбирать ходъ дѣйствія въ итальянской оперѣ, опираясь на условія реальной жизни: тогда все представленіе показалось бы намъ нелѣпымъ. Ни одинъ любитель лирической драмы не согласится на то, чтобъ о ней судили съ такой точки зрѣнія, и философы, принадлежавшіе къ числу приверженцевъ теологіи, можетъ быть, поступили бы болѣе благоразумно, еслибы не заявляли претензіи *доказать* свои главные тезисы. Они могли бы довольствоваться тѣмъ, что охраняли бы эти тезисы какъ продуктъ душевныхъ эмоцій, какъ созданную фантазіей гипотезу, какъ возвышенное и упрощенное выраженіе мечтаній, возникшихъ вмѣстѣ съ первымъ пробужденіемъ человѣческаго сознанія.

Какъ бы то ни было, но ни одна сторона не была въ состояніи убѣдить другую, потому что у нихъ не было общаго мѣрила. Едва ли были у нихъ и одинакіе способы выраженія. Единственнымъ результатомъ ударовъ, которые наносилъ Гольбахъ, было убѣжденіе топлившейся въ ту горячую пору вокругъ арены массы любопытныхъ, что такъ называемыя доказательства, съ которыми были связаны возвышенные философскіе термины, были доказательствами только для тѣхъ, кто придерживался въ мышленіи именно тѣхъ пріемовъ, которые рѣшительно отвергались въ восемнадцатомъ столѣтіи. Poleмическое достоинство этихъ нападокъ заключалось лишь въ томъ, что они ярко выставляли въ глазахъ читателя непримиримое противорѣчіе между тѣмъ, что считалось за доказательства въ семнадцатомъ столѣтіи и тѣмъ, что считалось за доказательства въ восемнадцатомъ.

Можно сдѣлать еще одно замѣчаніе. Каково бы ни было наше мнѣніе объ успѣшности нападокъ Гольбаха на деистическую гипотезу о созданіи міра, мы не можемъ отвергать того, что онъ по меньшей мѣрѣ съ успѣхомъ отразилъ нападки, которымъ подвергался такъ называемый атеизмъ. Онъ доказываетъ, что тѣхъ, кто выработалъ для себя ясныя понятія о движущей силѣ вселенной, неразумно обвинять въ отричаніи существованія такой силы; что тѣхъ самыхъ людей, которые приписываютъ все, что происходитъ во вселенной, дѣйствію опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ законовъ, было бы нелѣпо обвинять въ томъ, что они все объясняютъ случайностью. Если бы подъ словомъ атеистъ, говоритъ онъ, вы разумѣли человѣка, непризнающаго существованія такой силы, которая присуща матеріи и безъ которой невозможно представить себѣ природу, и если бы вы назвали эту движущую силу Богомъ, то слово атеистъ было бы однозначуще съ словомъ умалишенный. Затѣмъ

Гольбахъ объясняетъ, почему существуютъ атеисты и чѣмъ они могутъ оправдать свое существованіе. Онъ находитъ, что они имѣютъ слѣдующія отличительныя свойства: они руководствуются только опытомъ и свидѣтельствомъ своихъ чувствъ и не видятъ въ природѣ ничего кромѣ матеріи, которая по своему существу дѣятельна, подвижна и способна производить всѣ видимыя нами существа; они воздерживаются отъ отыскиванія какой либо химерической причины и не считаютъ за болѣе основательное знаніе движущей силы вселенной простое приписываніе ея такому Существу, которое помѣщается внѣ великаго цѣлага; они чистосердечно признаются, что ихъ умъ не въ состояніи ни понять отрицательные атрибуты и теологическія отвличенности, ни согласовать ихъ съ человѣческими и нравственными свойствами, приписываемыми божеству.

Глава (IX) о превосходствѣ натурализма надъ деизмомъ, какъ основы для болѣе здоровой нравственности, не лишена интереса для тѣхъ, кто ищетъ аргументовъ противъ общихъ мѣствъ, проповѣдываемыхъ съ церковной кафедры. Въ этой сферѣ Гольбахъ такъ же разборчивъ и взыскателенъ, какъ любой изъ суровыхъ моралистовъ, когда либо излагавшихъ печатно свои мнѣнія. Тѣ, которые толкуютъ о легкомысленной нравственности разрушительныхъ литературныхъ произведеній восемнадцатаго столѣтія, были бы удивлены возвышенностью идей *Системы Природы*, если бы только они заставили себя прочесть тѣ книги, о которыхъ они толкуютъ. Гольбахъ говоритъ, что основу для нравственности слѣдуетъ искать въ неизбѣжныхъ условіяхъ нашего существованія. Какова бы ни была Высшая Причина, помѣстившая человѣка въ занимаемое имъ жилище и давшая ему извѣстныя свойства, и все равно, будемъ-ли мы смотрѣть на человѣческій родъ какъ на произведеніе природы или какъ на произведеніе какого либо интеллигентнаго Высшаго Существа, отдѣльнаго отъ природы, — существованіе человѣка такимъ, какимъ мы его видимъ, есть фактъ. Мы видимъ въ немъ существо, которое чувствуетъ, мыслить, обладаетъ интеллигенціей, имѣетъ самолюбіе, старается сдѣлать для самого себя жизнь пріятной и живетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ существъ, изъ которыхъ оно, смотря по тому какъ будетъ себя вести, можетъ сдѣлать себѣ друзей или враговъ. На этихъ то общихъ для всѣхъ чувствахъ и слѣдуетъ основывать нравственность, которая есть ни болѣе ни менѣ какъ знаніе обязанностей, которыя лежатъ на человѣкѣ живущемъ въ обществѣ. Лишь только вы станете искать основу нравственности внѣ человѣческой природы, вы впадете въ заблужденіе, такъ какъ никакая другая основа не будетъ тверда и надежна. Помощь такъ называемой богословской санкціи не только не нужна, но и была бы вредна. Сочетаніе реальныхъ обязанностей съ теологическими

призраками вовлекло бы понятіе объ обязанностяхъ въ такой же упадокъ, въ какой свѣтъ просвѣщенія привелъ суевѣрія, соединявшіяся прежде съ такими понятіями. При такомъ сочетаніи заявляется произвольное требованіе, чтобъ нѣчто измѣнчивое, носящее названіе благочестія, замѣнило ясныя требованія справедливости. Утверждать, что безъ идеи о божествѣ не можетъ быть нравственныхъ чувствъ, или другими словами, не можетъ быть яснаго различія между порокомъ и добродѣтелью, то же самое, что утверждать, будто безъ идеи о божествѣ человѣкъ не будетъ чувствовать потребности ѣсть и пить.

Затѣмъ авторъ старается выставить въ яркомъ свѣтѣ хорошія стороны натурализма. «Натура», говоритъ онъ, «приглашаетъ человѣка любить самого себя и постоянно увеличивать сумму своего благополучія... Она требуетъ, чтобъ человѣкъ совѣщался съ своимъ разумомъ и видѣлъ въ немъ своего руководителя... Она внушаетъ человѣку желаніе искать свѣта и стремиться къ истинѣ... Она говоритъ человѣку: люби славу, старайся пріобрѣтать уваженіе, будь дѣятеленъ, бодръ, предприимчивъ... Она выставляетъ за образецъ такихъ людей, которые одарены душою благородной, энергической, склонной къ дѣланію добра, и которые потрудились на пользу своихъ собратьевъ... Она заставляетъ дѣтей уважать, любить и слушаться родителей и быть ихъ опорой въ старости... Она заставляетъ дурнаго человѣка краснѣть за свои пороки, за свои безстыдныя желанія, за свои преступленія».

Философская критика, конечно, могла бы сдѣлать не мало возраженій противъ этихъ рѣшительныхъ утвержденій, такъ какъ голосъ природы едва ли нашептывалъ на ухо первобытнаго человѣка всѣ эти возвышенныя и великодушныя внушенія. Но если подъ словомъ природа мы будемъ разумѣть энциклопедистовъ и если мы примемъ въ соображеніе тотъ фактъ, что Гольбахъ излагалъ приведенныя мнѣнія въ противоположность тому, чему поучала въ ту пору католическая церковь во Франціи, то мы не найдемъ въ его словахъ слишкомъ большаго преувеличенія. Политическая сторона взводимыхъ имъ на эту церковь обвиненій также не была лишена нѣкоторой основательности, хотя и приводила своей смѣлостью въ смущеніе даже такихъ людей какъ Вольтеръ.

Гольбахъ съ энергіей пропагандировалъ свои мнѣнія. Черезъ два года послѣ появленія въ свѣтъ его капитальнаго произведенія, онъ собралъ изложенные тамъ главные тезисы въ одинъ маленькій волюмъ, носящій заглавіе: *Здравый смыслъ, или натуральныя понятія въ противоположность сверхъестественнымъ*. Его усердіе побудило его написать и пустить въ обращеніе множество другихъ трактатовъ и небольшихъ книжекъ, одно перечисленіе которыхъ

заняло бы нѣсколько страницъ и которыя неизмѣнно возбуждали умы читателей противъ системы господствовавшей въ ту пору и въ католической церкви и въ государствѣ. Онъ прожилъ достаточно долго, чтобъ увидѣть собственными глазами первые рѣзкіе взрывы революціоннаго движенія. Онъ умеръ весной 1789 года. Если бы онъ прожилъ еще только лѣтъ пять, онъ увидѣлъ бы, какъ соборъ Парижской Богоматери былъ торжественно посвященъ законодательнымъ актомъ поклоненію Разума, какъ католическіе епископы публично топтали ногами свои посохи и перстни при общихъ аплодисментахъ и какъ толпы народа шли за процессіями, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ оселъ, увѣнчанный епископскою митрой.

ГЛАВА XV.

Исторія Индій Рэйналя.

«Со времени выхода въ свѣтъ *Духа Законовъ* Монтескье», — говоритъ Гриммъ въ своей хроникѣ, — «въ нашей литературѣ едва ли найдется произведеніе болѣе достойное перейти къ самому отдаленному потомству и навсегда служить свидѣтельствомъ успѣховъ нашего просвѣщенія и нашей умственной дѣятельности, чѣмъ сочиненіе Рэйналя *Философская и политическая исторія европейскихъ колоній и европейской торговли въ обѣихъ Индіяхъ*. Тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что между нашими современниками не найдется и одной сотни людей, прочитавшихъ хоть нѣсколько главъ той книги, которой Гриммъ предсказывалъ въ будущемъ безсмертіе.

Когда потокъ революціоннаго движенія сталъ мало по малу опадать, тогда надъ поверхностью понизившихся волнъ стали видѣться нѣкоторые изъ литературныхъ памятниковъ предшествовавшей эпохи. Они утратили среди бурныхъ волненій революціоннаго разлива яркій блескъ своихъ первыхъ дней, однако и послѣ революціи многіе находили то — же, что ихъ дѣды находили до революціи, — что есть нѣчто увлекательное въ чтеніи *Духа Законовъ*, *Новой Элоизы* и безчисленныхъ сатиръ, рассказовъ и поэмъ великаго Вольтера. Но книга Рэйналя не была изъ числа тѣхъ поблекшихъ знаменитыхъ произведеній, которыя снова возвратились къ жизни. Она поблекла окончательно. И нельзя сказать, чтобъ она стояла лучшей участи. Въ настоящее время она можетъ интересовать только тѣхъ, кто изучаетъ настроеніе умовъ въ тѣ революціонные дни, когда длинный рассказъ о политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ могъ читаться съ такою же жадностью, какъ романъ или комедія, и когда подобная книга могла сдѣлаться, благодаря пре-

обладающимъ интересамъ дня, «библіей для обѣихъ частей свѣта почти на цѣлые двадцать лѣтъ.»

Личность Рэйналя не была изъ такихъ, которыя внушаютъ уваженіе. Онъ родился въ 1711 году, переѣхавъ изъ южной Франціи въ Парижъ и присоединился къ нуждающимся лицамъ духовнаго званія, толпившимся въ великомъ городѣ въ надеждѣ на полученіе какой нибудь церковной должности. Онъ сдѣлался героемъ одного изъ такихъ же анекдотовъ, какіе рассказывались о многихъ аббатахъ того времени; все равно, вымышленъ-ли этотъ анекдотъ или нѣтъ, онъ, полагаемъ, можетъ служить вѣрной иллюстраціей того, до какого упадка дошли въ ту пору нравы духовенства. Онъ, какъ рассказываютъ, не имѣлъ никакихъ средствъ существованія кромѣ небольшой платы, которую получалъ за то, что служилъ обѣдни. Аббать Прево бралъ по двадцати су за каждую обѣдню и платилъ по пятнадцати су аббату Лапорту какъ своему замѣстителю, а аббать Лапортъ платилъ по восьми су Рэйналю за то, чтобъ служить обѣдни вмѣсто него. Но этому искателю приключеній не было суждено оставаться въ презрѣнномъ положеніи паразита, смиренно питающагося отъ другихъ паразитовъ. Онъ сдѣлался сочинителемъ, написалъ исторію штаттгальтерства, цѣлый томъ объ англійскомъ парламентѣ и рассказъ о самомъ привлекательномъ для литераторовъ того времени историческомъ фактѣ—о разводѣ англійскаго короля Генриха VIII съ женою. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Англію и удостоился чести быть избраннымъ въ 1754 г. въ члены Лондонскаго Королевскаго Общества. 1) Для насъ не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ онъ достигъ такой извѣстности, точно также какъ мы не въ состояніи объяснить, какимъ образомъ этотъ человѣкъ, съ радостью бравшійся служить обѣдни за нѣсколько пенсовъ, вдругъ сдѣлался богатымъ и независимымъ. Полагаютъ, что онъ принялъ участіе въ какихъ то рискованныхъ колоніальныхъ аферахъ и имѣлъ успѣхъ. Его враги распространили оскорбительный для него слухъ, будто онъ нажилъ деньги торговлей невольниками, но въ ту пору вражда партій была такъ сильна, что язвительныя выдумки не знали никакихъ границъ. Во всякомъ случаѣ нельзя отвергать того, что Рэйналь дѣлалъ изъ своихъ денегъ хорошее употребленіе. Онъ между прочимъ |придерживался ходячаго

1) Въ *Biographie Universelle*, а вслѣдъ за тѣмъ и въ *Encyclopaedia Britannica*, сообщались подробности о посвященіи Рэйналемъ Палаты Общинъ; тамъ рассказывалось, что когда Спикеръ узналъ о прибытіи Рэйналя, онъ „приостановилъ пренія до тѣхъ поръ, пока найдется приличное мѣсто для французскаго философа.“ Это извѣстіе слѣдуетъ отнести къ разряду выдумокъ. Когда стали справляться съ газетами того времени, въ нихъ не нашли подтвержденія этого факта, который уже самъ по себѣ достаточно неправдоподобенъ.

въ ту пору мнѣнія, что можно сдѣлать мѣръ лучшимъ посредствомъ возможнаго большаго изданія ученыхъ разсужденій и находилъ удовольствіе въ томъ, что назначалъ преміи для провинціальныхъ академій за такія сочиненія. Такъ на примѣръ онъ предложилъ Лионской академіи слѣдующій знаменитый тезисъ, который даже въ наше время можетъ считаться заслуживающимъ вниманія: *Было ли открытіе Америки полезно или вредно для человѣческаго рода?*

Рейналь былъ однимъ изъ самыхъ постоянныхъ гостей на философскихъ обѣдахъ барона Гольбаха и Гельвеція; онъ отличался веселымъ расположеніемъ духа и уживчивостью, и вовсе не былъ зараженъ тѣмъ раздражительнымъ сознаніемъ собственного достоинства и тѣмъ самолюбіемъ, которыя слишкомъ обыкновенны въ писателяхъ имѣющихъ успѣхъ, какъ и во всѣхъ другихъ людяхъ, которымъ что либо удастся. Онъ бывалъ въ обществѣ не для того, чтобъ какъ нибудь провести время. Онъ, точно такъ какъ Гельвецій, дѣлалъ изъ салона мастерскую. Онъ ко всякому настойчиво обращался съ вопросами о тѣхъ и важныхъ и неважныхъ предметахъ, съ которыми онъ предполагалъ въ своемъ собесѣдникѣ близкое знакомство. 1) Горасъ Вальполь встрѣтился съ нимъ въ «скучномъ домѣ Гольбаха» и аббатъ тотчасъ началъ приставать къ нему черезъ весь столъ съ вопросами объ англійскихъ колоніяхъ. Вальполь былъ такъ же мало знакомъ съ этимъ предметомъ, какъ мало былъ знакомъ съ тѣмъ, что касается Коптовъ, и потому сталъ знаками объяснять своему учителю, что ничего не слышитъ. Въ другой разъ, за обѣдомъ въ Стробрерри-Гиллѣ, Рейналь оскорбилъ тщеславіе хозяина дома тѣмъ, что не только самъ не обратилъ никакого вниманія на чудеса роскошной домашней обстановки, но и помѣшалъ другимъ обратить на нихъ вниманіе, потому что все время безъ умолку говорилъ и всѣхъ забрасывалъ вопросами. «Я никогда еще не слышалъ такой наглой и скучной болтовни», — восклицаетъ нашъ болтунъ-соотечественникъ. 2)

Рейналь не внушалъ высокаго о себѣ понятія и людямъ болѣе достойнымъ, чѣмъ Горасъ Вальполь. Когда его капитальное сочиненіе обратило на себя общее вниманіе, никто не хотѣлъ вѣрить, что оно было написано имъ самимъ. *Исторію обихъ Индій*, точно такъ же какъ и *Систему Природы* всѣ приписывали Дидро и даже самыя умѣренные критики настоятельно утверждали, что по меньшей мѣрѣ одна треть сочиненія принадлежитъ перу этого писателя. Указывали также на менѣе известныхъ писателей, какъ на сотрудниковъ Рейналя, испознавшихъ для него черную работу. Намъ вовсе

1) Морелле, I. 221.

2) *Корреспонденція* Вальполя, VI. 147 и 445.

нетрудно согласиться съ тѣмъ предположеніемъ, что такой громадный грудъ могъ быть исполненъ лишь совокупными усиліями многихъ. Въ немъ нѣтъ ни единства композиціи, ни однообразія мѣры, ни правильности пропорцій; напротивъ того, въ немъ точно будто случайно разбросаны отрывки изъ эпической поэмы рядомъ съ спокойными описаніями, исторія рядомъ съ изслѣдованіями о нравственности, о торговлѣ, о законодательствѣ, о физикѣ и метафизикѣ. Читателю кажется, что все это было дѣломъ пол-дюжины писателей, изъ которыхъ каждый трактовалъ о своемъ предметѣ сообразно съ своей личной точкой зрѣнія и съ своими личными познаніями.

Дѣйствительно въ литературной дѣятельности Франціи восемнадцатаго столѣтія насъ поражаетъ тотъ странный фактъ, что авторскій эгоизмъ и авторское тщеславіе были низведены условіями того времени до такой низкой степени, до какой они не доходили ни при какомъ другомъ поколѣніи съ тѣхъ поръ какъ возникла литература. Іезуиты едвали достигли болѣе полнаго уничтоженія нашего я, чѣмъ самые блестящіе и самые вліятельные противники іезуитства. То тѣсное единеніе, которое существуетъ въ наше время между книгой и извѣстной личностью, было въ то время совершенно невозможно, благодаря постоянной необходимости скрывать свое имя. Мы уже замѣтили выше, что читающая публика едва ли знала, кто былъ творцемъ того знаменитаго литературнаго памятника, который называется *Системой Природы*. Вольтеръ имѣлъ обыкновеніе энергически отречься отъ всякаго изъ своихъ самыхъ характерныхъ произведеній, и хотя среди толковъ парижанъ о такихъ выдающихся сочиненіяхъ, какъ сочиненія Вольтера, безъ сомнѣнія не разъ произносилось настоящее имя ихъ автора, но такая непрочная и сомнительная извѣстность не могла бы удовлетворить его тщеславія, еслибы лучшая доля его самого не была вполне и искренне посвящена на такія общественныя цѣли, въ которыхъ тщеславіе не играетъ никакой роли. Руссо былъ исключеніемъ изъ общаго правила, но Руссо въ сущности былъ реакціонеръ, а не вѣрный членъ великой группы преобразователей. А что касается до Дидро, то онъ придавалъ такъ мало цѣны авторскимъ лаврамъ, что оставлялъ нѣкоторыя изъ своихъ лучшихъ произведеній заброшенными въ неизвѣстности въ какомъ нибудь ящикѣ и дѣлалъ это съ небрежностью исполина и съ полнымъ равнодушіемъ къ аплодисментамъ или свисткамъ аудиторіи, хотя и слѣдилъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ разыгрывающейся въ этомъ мірѣ траги-комической драмы. Мы можемъ къ этому прибавить, что и Тюрго и другіе менѣе замѣчательные люди, участвовавшіе въ составленіи Энциклопедіи, ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ихъ имена не оглашались

публично. Вообще, шло-ли дѣло о томъ, чтобъ нанести чувствительный ударъ помощью меча или о томъ, чтобъ заложить фундаментъ помощью лопаты, всегда являлись люди готовые жертвовать собою и нисколько не заботившіеся о томъ, будетъ ли ихъ доля участія въ общей работѣ оцѣнена по достоинству и публично за ними признана, или же она будетъ поглощена и затеряна въ общей массѣ, къ которой она принадлежитъ какъ часть къ цѣлому.

Но что бы ни говорилось о томъ, кто былъ настоящимъ авторомъ книги Рэйналя, и все равно принадлежала или не принадлежала Рэйналю основная идея сочиненія, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что оригинальный авторъ, кто бы онъ ни былъ, умѣлъ предугадать рѣдкое стеченіе самыхъ благопріятныхъ для его труда обстоятельствъ. Это предугадываніе играетъ въ авторской дѣятельности точно такую же роль, какъ удачный опытъ въ дѣятельности тѣхъ, кто ищетъ научныхъ открытій. Книга немедленно пошла въ ходъ. Она вышла въ свѣтъ въ 1772 г.; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ потребовалось второе изданіе, и общее любопытство было только тогда вполне удовлетворено, когда разошлось болѣе двадцати изданій и безчисленное множество перепечатокъ, сдѣланныхъ безъ разрѣшенія автора. Такъ какъ сюжетъ книги заставлялъ автора заглядывать во всѣ страны свѣта, то она находила читателей во всѣхъ обитаемыхъ людьми частяхъ земнаго шара. И въ числѣ этихъ читателей были такіе, которымъ судьба готовила высокое назначеніе. Одного изъ юныхъ читателей усердіе завлекло такъ далеко, что онъ собралъ самыя смѣлыя мѣста въ одинъ томъ и издалъ его подъ заглавіемъ *L'Esprit de Raynal*, а такъ какъ онъ былъ членомъ религіозной конгрегаціи, то этимъ онъ впоследствии навлекъ на себя непріятности. ¹⁾ Франклинъ читалъ эту книгу въ Лондонѣ и восхищался ею. Негръ Гуссенъ-Лувертюръ, сидя въ своей невольничьей хижинѣ, съ усердіемъ разбиралъ ее по складамъ, находя въ ея разказахъ о бѣдственномъ положеніи его расы и въ ея страстныхъ протестахъ противъ рабства первое ясное выраженіе тѣхъ самыхъ мыслей, которыя смутно бродили въ его благородномъ умѣ при видѣ жестокостей, ежедневно совершавшихся на его глазахъ. Гиббонъ формально обезсмертилъ Рэйналя, отозвавшись о немъ въ своей *Исторіи упадка и разрушенія римской имперіи* какъ о такомъ писателѣ, который «съ основательной самоувѣренностью предпослалъ своей собственной исторіи почетные эпитеты *политическая* и *философская*.» ²⁾ Въ своей превосходной *Исторіи Америки*, обнимающей одну часть той самой почвы, на

¹⁾ Его имя Гедуенъ.

²⁾ Гл. XXI.

которой стоялъ Рэйналь, и вышедшей въ свѣтъ лишь въ 1777 г., Робертсонъ хвалить Рэйналя за его остроуміе и краснорѣчіе и воспроизводитъ нѣкоторые изъ Рэйналевскихъ историческихъ умозрѣній. ¹⁾

Фридрихъ Великій началъ читать книгу Рэйналя и въ теченіи нѣсколькихъ дней въ заобѣденныхъ бесѣдахъ съ приближенными къ нему французами отзывался съ восторгомъ о ея краснорѣчій и здравомысліи. Но онъ внезапно умолкъ и никогда болѣе не сказалъ о ней ни одного слова. Онъ дошелъ до той полу-дюжины страницъ, на которой авторъ обращается къ нему съ очень внушительными наставленіями:

«О Фридрихъ, Фридрихъ! Ты былъ одаренъ отъ природы смѣлымъ и пылкимъ воображеніемъ, не знавшей предѣловъ любознательностью и страстью къ дѣятельности. Человѣчество, повсюду находящееся въ оковахъ, повсюду впавшее въ уныніе, отерло свои слезы при видѣ первыхъ понесенныхъ тобою трудовъ и находило облегченіе всѣхъ своихъ страданій въ надеждѣ, что ты отмстишь за него. На грозномъ театрѣ войны ты удивилъ всѣ націи твоей быстротой, искусствомъ и распорядительностью. На тебя смотрѣли какъ на образецъ короля-воина. Но есть еще другое болѣ славное названіе — названіе короля-гражданина... Открой же снова твое сердце для благородныхъ и добродѣтельныхъ чувствъ, составлявшихъ отраду твоей юности.» Затѣмъ авторъ нападалъ на Фридриха за то, что онъ хранитъ деньги въ своей военной кассѣ, вмѣсто того, чтобъ пускать ихъ въ обращеніе, за то что онъ обременяетъ народъ чрезмѣрными налогами. «Дерзни предпринять еще болѣе великое дѣло: дай міру покой. Пусть авторитетъ твоего посредничества и сила твоего оружія внесутъ миръ въ среду встревоженныхъ націй. Только вселенная можетъ быть отечествомъ для великаго человѣка... и поприщемъ дѣятельности для твоего генія; будь же благотворителемъ народовъ.» ²⁾

Впослѣдствіи, когда Рэйналь, напыщенный тщеславіемъ и сознаніемъ собственнаго достоинства, посѣтилъ Берлинъ и не безъ затрудненій добился личнаго свиданія съ королемъ, Фридрихъ отмстилъ ему за приведенныя слова. Онъ сказалъ Рэйналю, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ читалъ исторію штадтгалтерства и исторію англійскаго парламента. На это Рэйналь скромно замѣтилъ, что послѣ того онъ написалъ болѣе важныя сочиненія. «*Я съ ними не знакомъ*», сказалъ король такимъ тономъ, который положилъ конецъ разговору. ³⁾

¹⁾ *Собраніе сочиненій*, XII. 189 (Изданіе 1822 г.)

²⁾ Кн. V. § 31.

³⁾ Thiébault, III. 172; тамъ есть длинныя и крайне неестныя подроб-

Люди болѣе безпристрастные, чѣмъ Фридрихъ, также невысоко цѣнили произведеніе Рэйналя. Одинъ писатель даже сравнилъ его книгу съ шарлатаномъ, который влезъ на верхушку кареты и оттуда выкрикиваетъ передъ толпою зѣвакъ разныя избитыя фразы противъ деспотизма и религій, привлекающія не интересомъ своего содержанія, а лишь своею смѣлостью. ¹⁾ Но инстинктъ у толпы зѣвакъ былъ вѣрный. Если мы будемъ смотрѣть на *Исторію* Рэйналя съ точки зрѣнія новѣйшихъ требованій науки, мы не найдемъ въ ней большихъ достоинствъ: Но мы имѣемъ нѣкоторое основаніе утверждать, что вообще въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ взглядъ на исторію сталъ менѣе, а не болѣе правильнымъ. Даже въ наше время есть много доказательствъ того, что онъ становится узкимъ, педантическимъ и тривіальнымъ. Изъ широкаго обзорѣнія великихъ эпохъ въ жизни человѣческихъ обществъ онъ грозитъ переродиться въ такія обширныя и безчисленныя накопленія незначительныхъ фактовъ, бесплодныхъ знаній и мелочныхъ археологическихъ изслѣдованій, въ которыхъ пропадаетъ изъ виду духъ эпохи и изъ которыхъ нельзя познаться ни съ направлениемъ, ни съ значеніемъ, ни съ перечнемъ разнообразныхъ теченій исторіи человѣчества. Вольтеровъ *Essai sur les Moeurs* даетъ совершенно вѣрное понятіе о томъ, какого рода исторія стоитъ того, чтобъ ее писали или читали. Произведеніе Робертсона *View of the Progress of Society in Europe from the fall of the Roman Empire to the Sixteenth Century*,—не смотря на всѣ свои несовершенства,—и по своему плану и по изложенію удивительно вѣрно, умно и достойно называться историческимъ сочиненіемъ. Хотя самъ Рэйналь по достоинству своихъ сужденій и своего направленія много ниже такихъ писателей, какъ Вольтеръ и Робертсонъ, однако и онъ не лишенъ свѣтлой ширины взгляда и не позабываетъ насколько влияніе событій на европейскую цивилизацію важнѣе какого бы то ни было множества мелкихъ подробностей о самихъ событіяхъ. Такъ напримѣръ, говоря о португальскихъ завоеваніяхъ въ Остъ-Индіи, онъ не позабываетъ замѣтить, что всего замѣчательнѣе и всего важнѣе въ этихъ завоеваніяхъ было то, что они задержали развитіе оттоманскаго могущества въ такой моментъ европейской исторіи, когда христіанскія государства были менѣе, чѣмъ когда либо, способны оказывать сопротивленіе и когда всего менѣе можно было ожидать отъ нихъ совокупнаго про-

ности о Рэйналь, которыя нельзя назвать неправдоподобными, хотя и не слѣдуетъ забывать, что одинъ компетентный судья отозвался о Тіебо, какъ о чловѣкѣ «глупомъ, лживомъ и способномъ утверждать всякія нелѣпости».

¹⁾ Senac de Meilhan, 123.

тиводѣйствія замысламъ Солимана. ¹⁾ Въ сущности это самое дѣльное замѣчаніе, какое только можно сдѣлать касательно португальскихъ завоеваній; оно свидѣтельствуетъ о привычкѣ Рэйналя. точно такъ же какъ о привычкѣ лучшихъ умовъ того вѣка, всегда опѣивать событія по ихъ вліянію на развитіе западной цивилизаціи и свободы и оставлять безъ вниманія всѣ неважныя подробности.

Но это замѣчательное достоинство не должно скрывать отъ нашихъ глазъ недостатки Рэйналя въ другихъ отношеніяхъ. У него очень рѣдко указывается время событій. Совершенное отсутствіе въ его книгѣ объяснительныхъ примѣчаній и ссылокъ на авторитеты осуждалось Гиббономъ какъ «непростительный недостатокъ въ сочиненіи, которое впрочемъ въ высшей степени интересно». У него нѣтъ критики. Такъ какъ Рэйналь былъ ничто иное какъ компиляторъ чужихъ литературныхъ произведеній, то и нельзя было ожидать, чтобъ онъ не впалъ въ свойственныя его времени несовершенства методовъ мышленія. Отъ него нельзя было ожидать, что онъ будетъ трактовать о различныхъ группахъ явленій среди первобытныхъ расъ въ такомъ же научномъ направленіи, какимъ отличается новѣйшая антропология. Онъ, правда, былъ современникомъ Де-Бросса. принадлежавшаго къ числу тѣхъ писателей, которые положили начало систематическому изученію возникновенія человѣческой культуры. А у Де-Бросса есть одна сентенція, которая должна бы была предостеречь Рэйналя отъ ложнаго метода, бывшаго причиною того, что почти все, что писалось имъ и другими литераторами одной съ нимъ школы о первобытномъ человѣкѣ, было въ высшей степени невѣрно, лишено всякихъ достоинствъ и способно лишь вводить въ заблужденіе. «Мы должны изучать человѣка», — сказалъ Де-Броссъ, — «не въ томъ, что возможно, а въ самомъ человѣкѣ: наше дѣло не придумывать, что могъ бы или что долженъ бы былъ дѣлать человѣкъ, а наблюдать, что онъ дѣлалъ». Такъ напримѣръ Рэйналь не имѣлъ рациональнаго понятія о происхожденіи и развитіи миѳовъ. Когда ему приходилось имѣть дѣло съ какимъ нибудь миѳомъ, онъ подводилъ его подъ общія условія человѣческихъ дѣяній и затѣмъ съ спокойной совѣстью рассказывалъ о немъ, какъ объ историческомъ фактѣ. Старинную перуанскую легенду о томъ, что законы искусства были принесены въ Перу двумя божественными дѣтьми солнца — Манко-Капакомъ и его сестрой — женой Манка-Оэлло, онъ превратилъ въ серьезный и прозаическій рассказъ; въ которомъ дѣянія Манко-Капака подробно описаны съ такой увѣренностью, съ

¹⁾ Книга I. § 7. Робертсонъ подробно развиваетъ эту мысль въ своемъ сочиненіи *Historical Disquisition concerning Ancient India*, IV. § 8.

какой авторь могъ бы говорить о Фридрихѣ Великомъ, или о Помбалѣ или о какомъ либо другомъ государственномъ человѣкѣ, жившемъ и дѣйствовавшемъ на его глазахъ. Можно бы было привести не мало иллюстрацій, и очень забавныхъ иллюстрацій такого егемеристическаго взгляда на первобытныя легенды младенческаго періода человѣчества.

Но превращая мины въ исторію, Рэйналь вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно прибѣгаетъ къ противоположному методу, превращая прозу реальной жизни въ нѣчто похожее на поэзію. Если онъ низводитъ полубоговъ до положенія простыхъ смертныхъ, онъ также находитъ удовольствіе въ томъ, что окружаетъ дикарей приятной обстановкой полубоговъ пастушеской поэзіи. Онъ никогда не пропускаетъ удобнаго случая, чтобъ внести въ свой рассказъ какую нибудь идиллію. Въ то время такова была мода, введенная Жанъ-Жакомъ Руссо и усовершенствованная авторомъ *Павла и Вириніи*. Но склонность къ идиллическому изображенію жизни дикарей имѣла по меньшей мѣрѣ одну хорошую сторону: этимъ путемъ распространялось убѣжденіе, что жизнь дикаря вовсе не безформенный и безсодержательный хаосъ, лишенный всякаго соотношенія съ жизнію людей цивилизованныхъ, и что въ ней есть нѣчто нормальное, систематическое и послѣдовательное. Одинъ только что возвратившійся изъ Китая путешественникъ описалъ ежегодно совершающуюся тамъ церемонію, которую Рэйналь заимствовалъ отъ него безъ указанія источника ¹⁾. Пуаврѣ описалъ, какъ китайскій императоръ отправляется одинъ разъ въ годъ въ поля и тамъ своими собственными руками направляетъ плугъ, прорѣзывающій длинныя борозды. Изъ этого обряда Рэйналь сдѣлалъ сюжетъ для рапсодіи, въ которой говорилось о спокойствіи, простотѣ, общемъ довольствѣ и объ отцѣ всего народа. Одинъ придирчивый критикъ замѣтилъ по поводу рассказа г. Пуаврѣ, что еслибы какой нибудь китайскій путешественникъ прибылъ въ Версаль утромъ въ праздникъ Вознесенія, онъ увидѣлъ бы короля Франціи смиренно обмывающаго ноги двѣнадцати бѣдныхъ и престарѣлыхъ людей, однако,—какъ всякому французу хорошо извѣстно,—это зрѣлище не могло бы служить основаніемъ для восторженнаго восхваленія смиренія и человѣколюбія французскаго двора.

Придерживаясь тѣхъ же самыхъ приемовъ, Рэйналь не стѣсняясь наполнялъ свои страницы сантиментальными декламациями, въ которыхъ находила для себя отраду и удовлетвореніе возникшая въ ту пору реакція противъ гнета пришедшей въ упадокъ системы ис-

¹⁾ Voyage d'un Philosophe, etc.; это сочиненіе вышло въ свѣтъ въ 1768 и было въ теченіе нѣкотораго времени въ большомъ ходу отчасти потому, что доставляло матеріалъ для философскихъ разсужденій Рэйналя, Гельвеція и другихъ. См. De l'Homme, II. XIII, и пр. Гриммъ, V. 450.

куственныхъ социальныхъ порядковъ. Между этими вымышленными сантиментальными исторіями ни одна не была такъ популярна, какъ эпизодъ о Полли Бэкеръ. Онъ помѣщенъ въ тѣхъ главахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ основаніи Новой Англіи ¹⁾). Фанатизмъ и религіозная нетерпимость пуританскаго духовенства этой знаменитой страны описаны здѣсь съ такимъ же священнымъ гнѣвомъ, какой воодушевлялъ реформаторовъ восемнадцатаго вѣка въ ихъ нападахъ на реформаторовъ семнадцатаго вѣка. О религіи здѣсь безстрашно говорится какъ объ ужасной болѣзни, пагубное вліяніе которой распространяется даже на самые неважные предметы. Пожалуй можно согласиться съ тѣмъ, что жестокое преслѣдованіе квакеровъ и отератительныя безобразія, которыми сопровождалось розыскиваніе вѣдьмъ въ Нью-Салемѣ, доставили Рэйналю по меньшей мѣрѣ такой же основательный поводъ для нападокъ на протестантизмъ, какой онъ нашелъ въ ужасахъ, творившихся на Вестъ-Индскихъ островахъ или въ Перу для нападокъ на католицизмъ. Даже послѣ того, какъ эта лихорадочная жажда крови утихла, говорить Рэйналь, въ характерѣ мѣстныхъ жителей сохранилась какая то суровость, отзывавшаяся воспоминаніями о тѣхъ печальныхъ дняхъ, когда тамъ возникли пуританскія колоніи. Онъ иллюстрируетъ это замѣчаніе разсказомъ объ одной женщинѣ, которая была предана суду за то что родила ребенка, не находясь въ бракѣ. Это было съ ея стороны уже пятое нарушеніе закона. Рэйналь, смотрѣвшій на исторію такими же глазами, какими смотрѣлъ на нее авторъ знаменитыхъ *Рычей Перикла*, вложилъ въ уста несчастной грѣшницы длинную и краснорѣчивую защитительную рѣчь. Рискуя моею собственной жизнью, восклицала она, я произвела на свѣтъ пятерыхъ дѣтей. «Я обрела себя совѣмъ мужествомъ материнской заботливости на тяжелый трудъ, котораго требовали отъ меня ихъ беспомощность и вѣжнѣйшій возрастъ. Я приучила ихъ къ добродѣтели, которая ничто иное какъ одинъ изъ терминовъ для обозначенія разсудка. Они уже любятъ свое отечество такъ же, какъ я его люблю... Развѣ преступленіе быть такой же плодovitой, какъ плодovита общая всѣхъ насъ мать — земля?.. И могу ли я не жаловаться на несправедливость моей участи, когда я вижу, что тотъ, кто меня соблазнилъ и погубилъ, пользуется почетомъ и вліяніемъ и въ настоящую минуту засѣдаетъ въ томъ самомъ судѣ, который наказываетъ меня за мое несчастіе розгами и позоромъ? Кто былъ тотъ варварскій законодатель, который, опредѣляя отношенія между лицами различныхъ половъ, обратилъ всѣ свои кары на того, кто всѣхъ слабѣе — на тотъ несчастный полъ, который за минуту наслажденія платится тысячами опасностей», — и т. дал.

¹⁾ Книга XVII.

Едва ли есть надобность доказывать читателю, что весь этот рассказ, написанный въ духъ Дидро и почти словами Дидро, не имѣеть ни малѣйшей достовѣрности. На это есть сверхъ того и внѣшнее доказательство, изъ котораго видно до какой степени Рэйналь мало заботился объ исторической достовѣрности. Франклинъ и Силасъ Динъ однажды разговаривали о многочисленныхъ промахахъ въ Рэйналевской книгѣ, какъ вдругъ вошелъ въ комнату самъ ея авторъ. Они сообщили ему содержаніе своего разговора. «Нѣтъ». — сказалъ Рэйналь, — «я самымъ тщательнымъ образомъ старался не сообщать ни одного факта, за достовѣрность котораго мнѣ не былъ бы порукой чей нибудь неоспоримый авторитетъ». Тогда Динъ указалъ на исторію Полли Бекеръ и объявилъ, что ему положительно извѣстно, что въ Массачузетѣ никогда не было закона наказывавшаго за произведеніе на свѣтъ дѣтей внѣ брака. Рэйналь продолжалъ упорно утверждать, что весь этотъ рассказъ заимствованъ имъ изъ самаго достовѣрнаго источника, пока Франклинъ не разразился громкимъ хохотомъ и не объяснилъ ему, что бывши издателемъ какой то газеты, онъ иногда по недостатку интересныхъ новостей забавлялъ своихъ подписчиковъ выдумками, которыя нравились имъ столько же, сколько и невымышленные факты. Въ числѣ такихъ выдумокъ была и легенда о Рэйналевской героинѣ. Но аббатъ отъ этого нисколько не смутился. «Очень хорошо, докторъ», — сказалъ онъ, — «но мнѣ все-таки пріятнѣе сообщать выдуманныя вами исторіи, чѣмъ другія людскія истины» ¹⁾.

Перечисляя бросающіеся въ глаза недостатки *Исторіи обителъ Индій*, мы однако не должны позабывать того, что она пользовалась огромной популярностью. Еслибы мы захотѣли узнать причины такого блестящаго успѣха, намъ не пришлось бы ходить за ними очень далеко. Прежде всего это сочиненіе привлекаетъ къ себѣ вниманіе и разнообразіемъ и интересомъ своего содержанія. Горасъ Вальполь нисколько не преувеличивалъ его привлекательности, когда писалъ въ леди Айлесбюри: «Въ немъ идетъ рѣчь обо всемъ: здѣсь объясняютъ вамъ, какъ дѣлаются завоеванія, вторженія, промахи, ликвидаціи, банкротства, большія состоянія и пр.; здѣсь вамъ рассказываетъ и натуральная и бытовая исторія всѣхъ націй; здѣсь говорится о торговлѣ, о мореплаваніи, о чаѣ, о кофе, о фарфорѣ, о рудникахъ, о соли. о пряныхъ кореньяхъ, а также о португальцахъ, англичанахъ, французахъ, голландцахъ, датчанахъ, испанцахъ, арабахъ, о караванахъ, о персахъ, индѣйцахъ, о Людовикѣ XIV и королѣ Прусскомъ, о Ла-Бурдоннѣ, о Дюплеи и адмиралѣ Саундерсѣ, о рисѣ, о женщинахъ, которыя танцуютъ голыми, о

¹⁾ Джефферсонъ, цитируемый въ *Life of Franklin* Шартона, II. 418.

верблюдахъ, объ индѣйскихъ бумажныхъ матеріяхъ и о киссѣ, о милліонахъ милліоновъ ливровъ, фунтовъ стерлинговъ, рупій и замѣняющихъ деньги раковинъ, о желѣзныхъ канатахъ и о черкесскихъ женщинахъ, о законодательствѣ и о Миссиссипи, и сверхъ того дѣлаются нападки на всѣ правительства и на всѣ религіи»¹⁾.

Все это не отличалось изысканностью колорита, тѣмъ не менѣе Рэйналевская космограма въ точности удовлетворяла требованіямъ минуты. Въ ту пору читателями только что овладѣло любопытство на счетъ того, что дѣлается внѣ Франціи и на счетъ всего менѣе извѣстныхъ отраслей человѣческой расы. Конечно, это было болѣе похоже на любопытство остроумнаго ребенка, чѣмъ на научную любознательность. Монтескьё былъ первый писатель, возбудившій этого рода интересъ въ формѣ описанія обычаевъ, учрежденій, вѣрованій, стремленій и образа жизни. Но Монтескьё трактовалъ объ этихъ матеріяхъ отрывочно и въ связи съ болѣе или менѣе отвлеченными разсужденіями о политикѣ, тогда какъ Рэйналь сдѣлалъ ихъ сюжетомъ живаго и конкретнаго описанія и представилъ ихъ въ болѣе удобной формѣ систематическаго историческаго повѣствованія. Къ тому же, хотя любознательность французскихъ читателей и была любознательностью людей интеллигентныхъ, ихъ воображеніе не было лишено того сладострастія, которое могло находить пріятное возбужденіе въ дѣйствовавшихъ на чувственность описаніяхъ такихъ обычаевъ, которые были совершенно незнакомы для людей, привыкшихъ жить въ желѣзныхъ тискахъ цивилизаціи. Наконецъ, публика того времени очень любила прикрывать свое сладострастіе и смѣшивать его съ другими предметами, вдаваясь въ изслѣдованія о нравственности, и поверхностно, но суетливо интересуясь неразрѣшимыми философскими задачами. Сверхъ того, ловкій Рэйналь зналъ чѣмъ можетъ угодить своимъ патронамъ и во всякомъ случаѣ, былъ ли или не былъ Дидро авторомъ этихъ страницъ, наполненныхъ софизмами о нравственности и парадоксами, въ нихъ есть нѣчто такое, что тотчасъ напоминаетъ намъ *Прибавленіе къ путешествіямъ Буенвилля*.

Говоря о внѣшнихъ причинахъ популярности Рэйналевской *Истории*, мы не можемъ умолчать и о томъ обстоятельстве, что это сочиненіе было написано вслѣдъ за очень интереснымъ критическимъ переворотомъ въ колоніальныхъ владѣніяхъ Франціи. Семилѣтняя война окончилась изгнаніемъ французовъ изъ Канады и изъ ихъ владѣній въ Остѣ-Индіи. Когда миръ 1763 года былъ заключенъ, въ немъ видѣли самую печальную окончательную развязку, закрывшую то, что считалось національнымъ бѣдствіемъ. Когда мы видимъ, какую

¹⁾ Письма Вальполя, V. 421.

привязанность питають современные намъ французы къ владѣніямъ въ Алжирѣ, до сихъ поръ не принесимъ имъ никакой пользы, для насъ становится понятной глубокая скорбь французовъ того времени при видѣ того, что бѣлый флагъ и королевскія лиліи должны были навсегда покинуть берега Св. Лаврентія на западѣ и берега Короманделя на востокѣ. Самъ Рэйналь рассказываетъ намъ, какъ усердно правительство старалось изгладить изъ памяти народа воспоминаніе объ этомъ горѣ, поддерживая надежды на болѣе удачныя предпріятія въ той мѣстности, которой оно дало великолѣпное названіе *Равноденственной Франціи*. Поселеніе вольныхъ и преданныхъ отечеству людей среди благоухающихъ лѣсовъ и плодоносныхъ полей Гвіаны должно было съ избыткомъ вознаградить за потерю холодныхъ равнинъ Канады. Эта утопія о заведеніи великолѣпныхъ колоній въ Гвіанѣ постоянно заражала умы французскихъ государственныхъ людей, начиная съ Шуазеля и кончая Луи-Наполеономъ, и ея исторія представляетъ поразительный памятникъ человѣческихъ заблужденій. Но съ 1763 по 1770 годъ, то есть въ то время, когда Рэйналь писалъ свою книгу, всѣ умы были заняты этими геройскими планами, а благодаря этому усиливался интересъ всего того, о чемъ велъ рѣчь Рэйналь—колонизаціи, торговли и переустройства вновь открытыхъ странъ.

Впрочемъ, какъ ни много сбязана Рэйналевская *Исторія* своей популярностью всѣмъ указаннымъ нами причинамъ, настоящая причина этой популярности лежала глубже; ее слѣдуетъ искать въ томъ, что *Исторія* давала пищу двумъ господствовавшимъ въ ту пору тревожнымъ чувствамъ—ненависти къ религіи и страстному влеченію къ справедливости и свободѣ. Сюжетъ книги легко приспособлялся къ этимъ двумъ направленіямъ идей. Можно даже сказать, что ненависть къ религіи и страстное желаніе справедливости и свободы были настоящимъ сюжетомъ книги, а коммерческія и политическія сношенія съ новыми странами на востокѣ и западѣ составляли лишь оправу сюжета,—его внѣшнюю оболочку. Рэйналь былъ едва ли не первый писатель, пришедшій къ убѣжденію, что лучшее средство поколебать уваженіе къ католицизму — изложить нѣкоторыя подробности изъ его прошлаго. Гиббонъ вскорѣ послѣ того прибѣгнувъ къ тому же приему и нашелъ въ презрительномъ анализѣ ересей и въ изложеніи эгоистическихъ мотивовъ, которыми руководствовались соборы и прелаты, такое же удобное средство для поколебанія авторитета католической церкви, какое Рэйналь нашелъ въ описаніи возмутительныхъ обмановъ и жестокостей, благодаря которымъ присутствіе христіанъ было такимъ ужаснымъ горемъ для беззащитныхъ жителей вновь открытыхъ странъ. И точно такъ какъ Гиббонъ, описывая гуманную, интеллигентную и счастливую

эпоху язычниковъ Антониновъ, искусственно внесъ въ это описаніе цѣлый рядъ обвиненій, Рэйналь употребилъ такой же приемъ, стараясь противопоставить отвратительнымъ наклонностямъ христіанъ воображаемую простоту и ничѣмъ ненарушаемое счастье туземныхъ расъ, кровь которыхъ христіанскіе завоеватели проливали какъ воду.

Въ такую минуту, когда писатели жадно хватались за всякое орудіе для борьбы, какое только попадалось имъ подъ руку, было бы очень странно, еслибы они не остановили своего вниманія на томъ, какъ пагубно вліялъ католицизмъ, когда онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ низшими слоями человѣческой расы. Въ лѣтописяхъ человѣческаго рода нѣтъ такой главы, которая была бы болѣе возмутительна своимъ содержаніемъ, чѣмъ исторія этого вліянія, и которую историки католицизма обходили бы болѣе охотно молчаніемъ. Немилосердыя жестокости испанскихъ завоевателей въ ново-открытыхъ странахъ служатъ чрезвычайно поучительнымъ свидѣтельствомъ того, какъ узко христіанство съ точки зрѣнія панской церкви, какъ оно мелочно исключительно, какъ низка и ошибочна его мораль, и главнымъ образомъ, въ какой мѣрѣ оно было неспособно руководить умами и влеченіями людей, стоявшихъ лицомъ къ лицу съ страшными искушеніями, въ которыя вовлекали ихъ со-кровища Новаго Свѣта. Въ теченіе двѣнадцати столѣтій и даже долѣе, католицизмъ побѣдоносно руководилъ совѣстью обитателей Европы. Но исторія американскаго архипелага, Мексики, Перу, — даже въ изложеніи писателей болѣе безпристрастныхъ, чѣмъ Рэйналь, — доказываетъ намъ, что несмотря на это внѣшнее торжество церкви, духъ христіанства не одержалъ большей побѣды надъ алчностью, сластолюбіемъ и кровожадностью натуральнаго человѣка. Она доказываетъ, въ какой мѣрѣ религія, господствовавшая въ вѣка вѣры, была поверхностна, какъ громадна была задача остававшаяся еще неисполненной и въ какой мѣрѣ самая трудная часть этой задачи заключалась въ томъ, чтобъ сдѣлать самый католицизмъ болѣе цивилизованнымъ и болѣе нравственнымъ. Въдѣ едва ли найдется кто нибудь, кто сталъ бы отрицать, что католицизмъ не только не умѣлъ найти узду, которая сдерживала бы человѣческія страсти, но сдѣлалъ еще нѣчто худшее. Испанскіе завоеватели доказали, что онъ доставлялъ пищу еще болѣе отвратительнымъ страстямъ, чѣмъ тѣ, которыя питались грубыми интересами матеріальнаго себязлюбія, когда сдѣлалъ изъ поголовнаго истребленія или изъ обращенія въ рабство тѣхъ беззащитныхъ народовъ обязанность для католической церкви и будто бы пріятное для Всевышняго жертвоприношеніе.

Конечно, историкъ, становящійся на философскую точку зрѣнія, не оставитъ безъ вниманія того важнаго соображенія, что безраз-

судныя избіенія, совершавшіяся подданными *Самою Католическаю изъ королей*, были менѣ отвратительны и были менѣ постояннымъ источникомъ нравственной порчи, чѣмъ ежедневныя кровавыя жертвоприношенія живыхъ человѣческихъ существъ, совершавшіяся въ храмахъ Гунтицлопохтли и Тецкатлипука. Онъ не позабудеть, точно такъ же какъ этого не позабываетъ даже Рэйналь, что если надсмотрщиками надъ невольниками и убійцами были католики, за то алостоть справедливости и милосердія Ласъ-Казасъ былъ также католикъ. Тѣмъ не менѣ остается во всей силѣ тотъ фактъ, что доктрина нравственныхъ обязанностей по отношенію къ нисшимъ расамъ еще не заняла подобающаго ей мѣста въ Европѣ, точно такъ же какъ ни у итальянцевъ, ни у испанцевъ еще не заняла подобающаго ей мѣста доктрина о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ нашимъ помощникамъ и товарищамъ — нисшимъ животнымъ. Все еще остается въ силѣ тотъ фактъ, что старое христіанство въ шестнадцатомъ столѣтіи было неспособно съ пользой мѣшаться въ новыя условія, среди которыхъ очутилось человечество. А такъ какъ и въ восемнадцатомъ столѣтіи католицизмъ оказался неспособнымъ согласовать съ старыми традиціями новыя нравственныя влеченія и новыя соціальныя потребности, то Рэйналь имѣлъ полное основаніе снова освѣжать въ памяти читателей печальную исторію его прежнихъ неудачъ и отождествлять вѣру убійцъ Каласа и Ла-Барра съ вѣрой тѣхъ людей, которые за два вѣка передъ тѣмъ наложили проклятіе на будущность самой прекрасной части Новаго Свѣта.

Впрочемъ одного того обстоятельства, что эта книга была длиннымъ и энергическимъ обвинительнымъ актомъ противъ католической церкви, было бы недостаточно для того, чтобъ доставить ей ту обширную популярность, которою она пользовалась. Въ ту пору нападки на церковь сдѣлались слишкомъ обыденнымъ явленіемъ. У восемнадцатаго столѣтія была положительная сторона, которая имѣла по меньшей мѣрѣ столь-же важное значеніе, какъ и его отрицательная сторона, — что мы и имѣемъ главнымъ образомъ въ виду доказать въ настоящемъ изслѣдованіи. Писатели того времени, — какъ мы не разъ уже имѣли случай это замѣтить, — были воодушевлены стремленіемъ къ политической справедливости, къ гуманности, къ введенію лучшаго и болѣе однообразнаго для всѣхъ законодательства и къ улучшенію участи каждаго, — такимъ стремленіемъ, которое нивогда не было превзойдено ни въ своей стойкости, ни въ своей искренности, ни въ своемъ безкорыстіи. А произведеніе Рэйналя, въ цѣломъ, было едва-ли не самой сильной и самой выдержанной изъ всѣхъ литературныхъ формъ, въ которыхъ выразились великія соціальныя идеи того вѣка. Въ немъ вовсе не было того

страннаго и сосредоточеннаго пламени, которое пылало на страницахъ *Общественнаго Договора*; за то оно было полно движенія, реальности, живыхъ и живописныхъ повѣствованій. Оно было доступно для пониманія каждаго, и оно было конкретно. Рэйналевская *Исторія* затрогивала прямо за сердце многихъ изъ числа тѣхъ читателей, которымъ аргументы Руссо казались не совѣтъ понятными и наводящими уныніе. Это была именно та книга восемнадцатаго столѣтія, которая въ общественномъ мнѣніи Франціи обовчательно ввела нисшія расы въ сферу правъ и обязанностей. Гравюры, которыя можно видѣть на заглавномъ листѣ каждаго изъ семи томовъ, могутъ служить ключемъ для пониманія того, какое впечатлѣніе производили эти томы. На одной изъ этихъ гравюръ изображенъ философъ, пишущій на колоннѣ полное грустнаго значенія старинное изреченіе *Auribus aures*, между тѣмъ какъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него стоятъ на якорѣ испанскіе и португальскіе корабли, а на берегу бѣлые люди избиваютъ черныхъ. На другой гравюрѣ представлена красивая женщина, которая одной грудью кормитъ бѣлаго ребенка, а другой — чернаго; ея глаза съ состраданіемъ устремлены на задній фонъ гравюры, гдѣ изображена толпа негровъ-невольниковъ, работающихъ надъ сахарнымъ тростникомъ подъ плетью и заостренной палкой безжалостнаго господина. На третьемъ заглавномъ листѣ изображена исторія Ингла и Ярико, которую Рэйналь приписывалъ какому то англійскому поэту; но такъ какъ ни одинъ англійскій поэтъ не касался сюжета этого трогательнаго разсказа, пока Кольманъ-младшій не драматизировалъ его въ 1787 г., то мы имѣемъ основаніе думать, что Рэйналь запомнилъ его изъ статьи Стиля въ *Зритель*. Последняя изъ этихъ гравюръ представляетъ хорошо обработанную мѣстность; она усыяна деревенскими жилищами, а въ гавани стоитъ множество судовъ; на переднемъ планѣ два квакера; одинъ изъ нихъ ласково обнимаетъ молодыхъ индѣйцевъ, а другой съ негодованіемъ отбрасываетъ въ сторону символы раздоровъ и войнъ — лукъ и стрѣлы.

Въ сущности самыя лучшія главы въ этой книгѣ были красно-рѣчивыми проповѣдями на эти простые и трогательныя темы. Онѣ вводили негровъ и индѣйцевъ въ сферу общечеловѣческаго братства. Онѣ поучали болѣе возвышенной морали по отношенію къ этимъ родившимся въ рабствѣ несчастнымъ, онѣ внушали невѣдомое до тѣхъ поръ состраданіе къ нимъ, онѣ возбуждали въ людяхъ великодушное къ нимъ сочувствіе. И все это излагалось авторомъ такъ, чтобъ не только распространить болѣе правильныя понятія объ индѣйцахъ и неграхъ, о невольничьемъ трудѣ и еще болѣе отвратительной торговлѣ невольниками, но чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить и усилить въ людяхъ сознаніе, что все общественныя порядки на

всемъ земномъ шарѣ должны быть регулированы на основаніи справедливости, равенства и человѣколюбія. Тоже самое движеніе умовъ, которое привело къ убѣжденію, что и по отношенію къ страданіямъ черной расы существуютъ нравственныя обязанности, и что эта раса также должна имѣть права, усиливало точно такое же понятіе о правахъ и обязанностяхъ по отношенію къ угнетеннымъ народнымъ массамъ во Франціи. Эти чувства были господствующими во время ребяческаго и юношескаго возраста тѣхъ людей, которымъ, лѣтъ черезъ двадцать послѣ того какъ книга Рэйналя впервые пала къ нимъ въ руки, было суждено примѣнить эти чувства къ дѣлу съ такимъ пыломъ и съ такимъ успѣхомъ.

Монтескье былъ первый писатель, затронувшій различные вопросы касательно невольничества. Но въ какой мѣрѣ умы разгорячились во Франціи въ промежутокъ времени между 1750 и 1770 годами, всего яснѣе видно изъ различія въ тонѣ между двумя писателями, столь равными по своей популярности, хотя и вовсе неравными по достоинству, какъ Рэйналь и Монтескье. Этотъ послѣдній, хотя и не оправдывалъ ни вредныхъ послѣдствій, ни существованія невольничества въ какой бы то ни было формѣ, однако старался рационально объяснить причины его возникновенія. ¹⁾ А Рэйналь выходилъ изъ терпѣнія, читая эти объясненія. Онъ былъ настоящимъ олицетвореніемъ страстнаго протеста противъ историческаго метода. «Монтескье,» — говоритъ онъ, — «не могъ имѣть намѣренія серьезно разсматривать вопросъ о невольничествѣ. Дѣйствительно, это значило бы унижать нашъ разумъ, если бы мы стали употреблять его не скажу на защиту, но даже на опроверженіе пагубнаго учрежденія, столь противнаго разуму. Тотъ, кто оправдываетъ столь отвратительную систему, заслуживаетъ отъ философа самаго грубаго презрѣнія, а отъ негра удара кинжаломъ. «Если вы только дотронетесь до меня пальцемъ, — говорила Кларисса Ловеласу, — я лишу себя жизни. А я сказала-бы тому, кто покусился-бы на мою свободу: если вы только подойдете ко мнѣ, я васъ зарѣжу.... Можетъ быть, кто нибудь скажетъ мнѣ, что тотъ, кто старается сдѣлать изъ меня раба, пользуется своимъ правомъ? Но откуда взялось это право? Кто наложилъ на него такую священную печать, которая могла бы заставить меня молчать? Если ты думаешь, что имѣешь право угнетать меня, потому что ты могущественнѣе и сильнѣе меня, то не жалуйся, если мои мощныя руки разорвутъ твою грудь, чтобы добраться до твоего сердца; не жалуйся, если ты почувствуешь въ твоихъ сведенныхъ судорогами внутренностяхъ присутствіе смертель-

¹⁾ Кн. XV. *Esprit des Loix.*

наго яда, который я впустилъ туда вмѣстѣ съ твоей пищей. Будь и ты въ свою очередь жертвой и искупи преступленія угнетателя». 1)

Затѣмъ Рэйналь задаетъ себѣ политическій вопросъ, какимъ путемъ мы могли бы ниспровергнуть зданіе, которое поддерживается человѣческими страстями, существующими законами, соперничествомъ могущественныхъ націй и силою еще болѣе могущественныхъ предразсудковъ. Къ какому трибуналу, восклицаетъ онъ, должны мы обращаться съ нашей священной жалобой? На эти вопросы онъ не находитъ лучшаго отвѣта, чѣмъ тотъ, который дали на него Тюрго и Экономисты. Отъ королей должны мы ожидать уничтоженія всѣхъ этихъ чудовищныхъ безобразій. Обязанность королей уничтожить угнетателей огнемъ и мечемъ. «Ваши арміи», — восклицаетъ онъ, какъ бы предугадывая знаменитое выраженіе современнаго намъ писателя, — «будутъ прѣисполнены священнымъ энтузіазмомъ челоуколюбія». Становясь вслѣдъ за тѣмъ на болѣе практическую точку зрѣнія, Рэйналь предостерегаетъ читателей, что если черные когда нибудь возстанутъ для отмщенія за причиненное имъ зло, участь бѣлыхъ будетъ ужасна. Неграмъ нуженъ только предводитель, который былъ бы достаточно отваженъ, чтобъ повести ихъ на отместку и на рѣзню. «Гдѣ же этотъ великій челоукъ, котораго природа обязана произвести на свѣтъ въ чести челоуческаго рода? Гдѣ онъ, этотъ новый Спартакъ, который не найдетъ себѣ противника въ Красѣ? Когда онъ появится, Черный Кодексъ исчезнетъ, — и какъ будетъ страшенъ Бѣлый Кодексъ!» Не трудно понять, какое впечатлѣніе производили такія слова на Туссена и на тѣхъ, кому Туссенъ повторялъ ихъ.

Многимъ случалось задавать самимъ себѣ вопросъ, что думали бы великіе литературные подготовители революціи и какъ бы они дѣйствовали, если бы они дожили до дней Террора? Что сказалъ-бы Вольтеръ о Робеспьерѣ? Какъ держалъ-бы себя Руссо въ клубѣ якобинцевъ? Принялъ-ли бы Дидро участіе въ процессіи, устроенной въ честь Богини Разума? Спрашивать, одобрили ли бы эти знаменитые люди Терроръ, значило бы поносить великія имена; мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, что ихъ мощные умы были бы приведены въ смущеніе. Нѣкоторые изъ самыхъ юныхъ членовъ знаменитой философской партіи видѣли на дѣлѣ, какъ рушились старыя порядки. Кондорсе противостоялъ бурѣ съ такимъ геройствомъ духа, которое никогда не было превзойдено; отвращеніе къ насиліямъ дурныхъ людей не могло поколебать его увѣренности

1) Кв. XI. § 30.

въ благотворности движенія, направленнаго ихъ безуміемъ на ложный путь.

У Рэйналя не было такой стойкости убѣжденій, и онъ доказаль, что въ его краснорѣчїи было много жеманства и такихъ формулъ, которыя онъ позаимствовалъ отъ другихъ. Онъ дожилъ до самыхъ мрачныхъ дней революціи и слѣдилъ за событіями съ напряженнымъ вниманіемъ. Онъ очень скоро впалъ въ уныніе. Задолго до кровавой междоусобицы между политическими партіями, и наканунѣ неудачной попытки короля спастись бѣгствомъ, онъ обратился къ Національному Собранію (31 мая 1791 г.) съ письмомъ, которое не лишено сильныхъ и смѣлыхъ выраженій. «Я долго имѣлъ смѣлость напоминать королямъ объ ихъ обязанностяхъ», — писалъ онъ. «А теперь позвольте мнѣ указать народу на его заблужденія, а народнымъ представителямъ на опасности, угрожающія всѣмъ намъ». Затѣмъ онъ по прежнему сыплетъ обвиненія, но уже съ иною цѣлію и не на тѣхъ, на кого сыпалъ ихъ прежде. На этотъ разъ онъ нападаетъ не на королей и не на духовенство, а на правительство преклоняющееся передъ тиранніей народа, на армію, не признающую дисциплины, на начальниковъ, не имѣющихъ никакаго авторитета, на министровъ, не имѣющихъ въ своемъ распоряженіи никакихъ денежныхъ средствъ и на тѣхъ грубыхъ и совершенно невѣжественныхъ людей, которые дерзаютъ разрѣшать самые трудные политическіе вопросы. Какъ могло случиться, спрашиваетъ онъ, что послѣ того какъ вы провозгласили догматъ свободы религіозныхъ мнѣній, вы позволяете подвергать священниковъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ, за то что они не придерживаются вашихъ религіозныхъ мнѣній? Въ такомъ же энергическомъ тонѣ онъ указываетъ на неспособность Учредительнаго Собранія основать прочное и сильное правительство и положить конецъ тѣмъ актамъ мщенія, возстаніямъ и взрывамъ страстей, которые разносятъ повсюду тревогу и угрозы. Короче сказать, это былъ энергическій памфлетъ, написанный въ интересахъ Малуэ и конституціонныхъ роялистовъ. Собраніе выслушало его до конца, но не безъ рѣзкихъ перерывовъ. Робеспьеръ послѣдовалъ зайти на трибуну. Онъ осуждалъ тонъ Рэйналевскаго письма, но объявилъ, что вовсе не имѣетъ намѣренія возбуждать въ Собраніи или въ общественномъ мнѣніи негодованія противъ такого чловѣка, за которымъ все таки остается великое имя; онъ полагалъ, что преклонныя лѣта автора письма служатъ достаточнымъ оправданіемъ его отступничества. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ Робеспьера и перешло къ очередному порядку. ¹⁾

Рэйналь дожилъ до того времени, когда его предсказанія сбылись

¹⁾ Робеспьеръ Гамеля I. 456—8.

во всемъ, что въ нихъ было самаго ужаснаго. Не смотря на то, что онъ прогнѣвилъ многихъ вліятельныхъ людей, онъ не былъ гильотинированъ; онъ даже не былъ заключенъ въ тюрьму. Все, что онъ имѣлъ, было у него отобрано, и онъ умеръ въ самой крайней бѣдности весной 1796 года. Будемъ надѣяться, что его горестное положеніе въ концѣ жизни облегчалось воспоминаніями о томъ, что онъ когда-то былъ мощнымъ бойцемъ за благородное дѣло.

Г Л А В А XVI.

Послѣдніе годы Дидро.

Въ концѣ длиннаго ряда замѣтокъ и вопросовъ касательно анатоміи и физиологіи, которые Дидро мало по малу записывалъ въ теченіи многихъ лѣтъ, онъ дѣлаетъ слѣдующія странныя размышленія:

«Я не буду знать до самаго конца, что я потерялъ или что я выигралъ въ этомъ обширномъ игорномъ домѣ, гдѣ мнѣ пришлось провести лѣтъ шестьдесятъ съ игральными костями въ рукѣ, *tes-segas agitans*.

«Что я вижу? Формы. А еще что? Формы. О сущности я ничего не знаю. Мы бродимъ среди тѣней, будучи сами тѣни и для себя и для другихъ.

«Если я смотрю на радугу, образовавшуюся на облакѣ, то это потому что я въ состояніи ее видѣть; а тотъ, кто посмотрѣлъ бы на нее подъ другимъ угломъ, ничего бы не увидѣлъ.

«Люди нерѣдко воображаютъ, будто они умерли, будто они стоятъ подлѣ собственного трупа и идутъ вслѣдъ за своей собственной погребальной процессіей. Это то-же, что человѣкъ пустившійся плавать, который наблюдаетъ за положенной имъ на берегу одеждой.

«Философія,—то обычное глубокое умственное созерцаніе, которое отвлекаетъ насъ отъ всего окружающаго и уничтожаетъ нашу собственную личность,—есть особый видъ приготовления къ смерти.»¹⁾

Теперь настало то время, когда эти слова должны оправдаться на дѣлѣ. Дидро, какъ мы уже сказали, возвратился изъ своей поѣздки въ Россію осенью 1774 года, спокойно рассчитывая на то, что передъ нимъ еще лѣтъ десять, прежде чѣмъ завершится его жизненное поприще. Въ теченіе этого продолжительнаго заката своей жизни

¹⁾ *Eléments de Physiologie, Oeuv., IX. 428.*

онъ оставался по характеру и привычкамъ такимъ же, какимъ былъ во время ея утренней зари и ея полудня, — услужливымъ, дѣятельнымъ, привѣтливымъ, разговорчивымъ и сильно интересовавшимся всѣмъ, что касалось развитія либеральныхъ и прогрессивныхъ идей. Когда онъ возвратился домой, жена его и дочь нашли, что онъ похудѣлъ и переѣнился. Вѣдь нерѣдко бываетъ достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ разлуки для того, чтобъ мы замѣтили, что нашъ другъ постарѣлъ, и что отъ пережитыхъ имъ годовъ видны длинныя тѣни. Казалось, будто старость наступила въ одинъ день, подобно внезапно наступившимъ зимнимъ холодамъ. Дидро былъ по старому веселъ и добродушенъ. Нѣкоторые изъ его друзей утверждали, что ему самому никогда не пришла бы мысль, что надо возвратиться домой. По словамъ Галиани, «время и пространство были въ его глазахъ то же, что въ глазахъ Всемогушаго; онъ воображалъ, что онъ повсюду и что онъ вѣченъ». ¹⁾ Дидро предсказывали, что его постигнетъ въ Петербургѣ такая же участь, какая постигла Декарта при дворѣ королевы Христины. Но философъ побѣдоносно выдержалъ характеръ. «Добрая моя жена», — сказалъ онъ, взобравшись въ свою квартиру на четвертомъ этажѣ, — «пожалуйста пересмотри всѣ мои вещи; ты увидишь, что нѣтъ никакого основанія бранить меня; я не потерялъ даже ни одного носоваго платка.»)

Однако, не смотря на его веселое расположеніе духа, его друзья не могли не замѣтить въ немъ признаковъ душевной тоски, которыхъ они не примѣчали до его поѣздки въ Россію. Это не было то склонное къ раздражительности утомленіе, которое нерѣдко придаетъ послѣднимъ годамъ человѣческой жизни такой неприглядный отпечатокъ. Онъ остался вѣрнъ здоровому темпераменту своей молодости и безъ сѣтованій смотрѣлъ на приближеніе старости. Къ нему можно было примѣнить слова, сказанныя Сократу ветераномъ Кефаломъ, — что причина сожалѣній и сѣтованій лежитъ не въ возрастѣ человѣка, а въ его темпераментѣ, и что тотъ, кто счастливо одаренъ отъ природы, едвали будетъ чувствовать на себѣ бремя пожилыхъ годовъ.

Въ 1762 г. Дидро написалъ къ дѣвицѣ Волянъ цѣлую страницу, наполненную трогательными размышленіями на эту патетическую тему:

„Вы спрашиваете меня, почему мы тѣмъ менѣе привязаны къ жизни, чѣмъ болѣе она полна? Если это правда, то это потому, что жизнь въ занятіяхъ вообще бываетъ безупречною жизнью; тогда меньше думаютъ о смерти и меньше боятся ея; тогда бессознательно примиряются съ общей участью людей, постоянно умирающихъ и возрождающихся на нашихъ глазахъ; а послѣ того, какъ

¹⁾ *Corresp.*, II. 180.

²⁾ *Оеув.*, I. liv.

человѣкъ въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ обязанности, возложенныя на него природою, онъ начинаетъ уклоняться отъ нихъ и чувствовать себя утомленнымъ; силы начинаютъ падать, человѣкъ слабѣетъ и желаетъ конца жизни, точно такъ какъ послѣ усиленной работы мы желаемъ, чтобъ день скорѣе кончился; вѣдь тотъ, кто живетъ въ гармоніи съ природою, не будетъ возставать противъ тѣхъ ея предписаній, которыя на его глазахъ исполняются неизбежно всѣми.... Между нами нѣтъ никого, кто послѣ продолжительной усталости не желалъ бы лечь въ постель и не смотрѣлъ бы на приближеніе этой минуты съ величайшимъ удовольствіемъ; вѣдь для нѣкыхъ жизнь ничто иное какъ длинный утомительный день, смерть—продолжительный сонъ, гробъ—ложе для отдохновенія, а земля—такая подушка, на которую, когда все кончилось, пріятно положить свою голову съ тѣмъ, чтобъ никогда болѣе не подымать ее. Увѣряю васъ, что, когда послѣ пережитыхъ мною тревогъ, я смотрю на смерть съ такой точки зрѣнія, она представляется мнѣ чрезвычайно пріятной. И я хочу все болѣе и болѣе пріучаться смотрѣть на нее именно такими глазами¹⁾.

Смиреніе, съ которымъ Дидро говоритъ о приближающемся концѣ своей тревожной жизни, напоминаетъ намъ рассказъ Платона о престарѣломъ Кефалѣ, сидящемъ съ вѣнкомъ на головѣ на мягкихъ подушкахъ. «Я жилъ въ деревнѣ почти въ совершенномъ одиночествѣ; не зная ни заботъ, ни тревогъ, я ничѣмъ не нарушалъ спокойнаго теченія времени, такъ какъ у меня было лишь одно желаніе,—чтобъ вечеромъ, въ концѣ дня, я чувствовалъ себя такъ, какъ иногда чувствуетъ себя человѣкъ утромъ послѣ ночи, проведенной въ пріятномъ сновидѣніи. Прожитые годы не оставили мнѣ ни одной изъ тѣхъ страстей, которыя причиняютъ страданія и вовсе не оставили послѣ себя скуки, которая бываетъ ихъ послѣдствіемъ; я утратилъ вкусъ къ тѣмъ мелочнымъ удовольствіямъ, которыя приобрѣтаютъ столь большое значеніе благодаря нашей надеждѣ, что мы будемъ долго ими наслаждаться.... Я сказалъ самому себѣ: если то небольшое, что я сдѣлалъ и то небольшое, что мнѣ остается сдѣлать, должно погибнуть вмѣстѣ со мною, что потеряетъ отъ того человѣчество? Что самъ я отъ того потеряю?»²⁾

Вотъ съ какимъ душевнымъ настроеніемъ Дидро писалъ свою странную апологію жизни и характера Сенеки. Розенкранцъ очень вѣрно замѣтилъ, что хотя Дидро достигъ въ пониманіи греческаго искусства и въ особенности произведеній Гомера болѣе самостоятельности взгляда, чѣмъ большинство его современниковъ, однако и въ немъ преобладалъ римскій элементъ. Гораций, Терренцій, Лукрецій, Тацитъ, Сенека—вотъ кто до самаго конца его жизни былъ болѣе

¹⁾ Письмо къ дѣвицѣ Волянъ, 23 сент. 1762. XIX. 136—7.

²⁾ Règles de Claude et de Néron, посвященіе Нэжону, III. 9.

близокъ его сердцу, чѣмъ который либо изъ греческихъ писателей. Для него имѣли неотразимую привлекательность и правоучительныя размышленія римскихъ писателей, и ихъ склонность къ сатирѣ и ихъ декламаторскій тонъ. 1) И Рожеръ Бэконъ и Фрэнсисъ Бэконъ уже прежде него восхищались Сенекой, а Монтэнь находилъ, что Цицеронъ скученъ и недостаточно поучителенъ въ сравненіи съ авторомъ *Посланий къ Луцилю*. «Когда европейца постигаетъ какое нибудь несчастіе», — говоритъ воображаемый житель восточныхъ странъ въ *Персидскихъ Письмахъ* Монтескьё, — «единственнымъ для него утѣшеніемъ можетъ служить чтеніе произведеній философа, называемаго Сенекой». 2)

Но Дидро былъ не такой человекъ, чтобъ восхищаться только отчасти, и потому къ литературной оцѣнкѣ произведеній Сенеки онъ присовокупилъ полную оцѣнку всей его жизни. Въ своей молодости онъ отзывался о Сенекѣ съ пренебреженіемъ 3), но вслѣдствіе ли болѣе близкаго знакомства съ предметомъ или вслѣдствіе случайности онъ измѣнилъ свое мнѣніе. Отвлеченная этика обыкновенно относилась къ Сенекѣ съ легкомысленной строгостью, а эту строгость Дидро находилъ въ теченіе всей своей жизни нестерпимой. Гольбахъ убѣдилъ одного спасеннаго имъ отъ нищеты молодаго литератора — Лагранжа взяться за переводъ произведеній Сенеки, а когда Лагранжъ умеръ, Гольбахъ убѣдилъ одного изъ горячихъ приверженцевъ Дидро — Нэжона докончить и пересмотрѣть этотъ трудъ, остающійся до сихъ поръ самымъ лучшимъ переводомъ произведеній Сенеки на французскій языкъ. Затѣмъ и Гольбахъ и Нэжонъ настояли на томъ, чтобъ Дидро описалъ жизнь этого философа. Въ *Очеркѣ царствованій Клавдія и Нерона* 4) такъ же много пыла, такъ же много искреннаго увлеченія, какъ еслибы Сенека былъ личнымъ другомъ Дидро. Тамъ есть огонь, страстность и искренность убѣждений, рѣдко встрѣчающіеся въ историческихъ апологіяхъ. Какъ во всѣхъ произведеніяхъ Дидро и здѣсь неизбѣжно встрѣчается не мало страницъ, наполненныхъ отступленіями и декламацией. Его толкованія Тацита представляютъ любопытный образчикъ того, какимъ образомъ стиль, служащій выраженіемъ мрачной поэтической

1) Diderot's Leben, II. 357.

2) См. предисловіе Бревера къ *Рожеру Бэкону*, стр. 73. — Монтэня статья *Des Livres* и *Defense de Sénèque et de Plutarque*. — *Let. Pers.*, 33.

3) *Essai sur le Merite et la Vertu*. Oeuv. I. 118, примѣч.

4) Въ первомъ изданіи (1778) это носило такое заглавіе: *Essai sur la Vie de Sénèque le philosophe, sur ses écrits, et sur le règne de Claude et de Nèron*. Во второмъ изданіи (1782) это заглавіе было измѣнено такъ: *Essai sur les regnes de Claude et de Neron, et sur la vie et les écrits de Sénèque*.

сосредоточенности может расширяться до размѣровъ стилиа напыщенной реторики. И Гриммъ и одна русская принцесса царской крови действительно убѣждали его перевести всё произведеніе Тацита, но трудно бы было найти другаго писателя, который менѣе его обладалъ качествами Тацита. Тѣмъ не менѣе его разсказъ очень живъ. *Я не сочиняю, сказалъ Дидро въ своемъ посвященіи. Я не авторъ; я читаю и бесѣдную; я ставлю вопросы и даю на нихъ отвѣты.* Онъ увлекается историческимъ положеніемъ описываемой имъ личности съ живымъ участіемъ современника и если его критическія замѣчанія отзываются софизмами, то по меньшей мѣрѣ его описанія удивительно драматичны. Положеніе, которое занималъ Сенека въ качествѣ Неронова министра, было, какъ кажется, именно однимъ изъ такихъ, которые всегда возбуждали въ Дидро самый живой интересъ, — это было такое положеніе, при которомъ общія правила нравственности осуждаютъ человѣка, а здравый смыслъ оправдываетъ его.

Дидро, — какъ мы уже прежде замѣтили ¹⁾, — всегда склонялся къ тому мнѣнію, что не существуетъ никакихъ абсолютныхъ правилъ касательно того, что хорошо и что дурно, безусловно распредѣляющихъ всё поступки по разрядамъ, но что свойства каждаго поступка должны быть оцѣниваемы по отношенію ко всемъ обстоятельствамъ даннаго случая. Политическая карьера Сенеки служить яснымъ подтвержденіемъ такого взгляда на предметъ. Потачка мелкимъ чувственнымъ наслажденіямъ юнаго Нерона, какъ средство отклонить его отъ настоящихъ преступленій и поддержать порядокъ въ управленіи, вѣроятно не вызоветъ порицанія со стороны тѣхъ, кто ясно сознаетъ, какъ было опасно въ ту пору положеніе имперіи. По этому поводу Дидро основательно замѣчаетъ, что никто не порицаетъ Фенелона или Боссюэта за то, что они не покидали своего положенія при дворѣ Лудовика XIV въ то время, когда онъ предавался чувственнымъ удовольствіямъ. Но потачка любовнымъ интригамъ короля, какъ бы она ни казалась унижительной съ известной точки зрѣнія, не имѣетъ ничего общаго съ согласіемъ на то, чтобъ король убилъ свою мать. Здѣсь Дидро до того увлекся своей запальчивостью, что въ нѣсколько скачковъ перескочилъ черезъ всё препятствія. Онъ разсматриваетъ, какіе пути открывались передъ министромъ послѣ убійства Агриппины и не одобряетъ ни одного изъ нихъ. Какъ, — спрашиваетъ онъ, — развѣ послѣ того какъ Неронъ убилъ свою мать, уже ничего не оставалось дѣлать твердому, справедливому и просвѣщенному человѣку, на которомъ лежало громадное бремя общественныхъ дѣлъ и который, благодаря своему му-

¹⁾ См. выше, гл. IX.

жеству и своей любви къ добру, былъ въ состояннн помогать несчастнымъ, заглаживать сдѣланное зло, преслѣдовать лихоимство, удалять неспособныхъ людей и призывать къ власти людей добродѣтельныхъ, свѣдущихъ и способныхъ? Если онъ могъ спасти честь только одной хорошей женщины, или жизнь и состояннн только одного хорошаго гражданина, если онъ могъ доставить провинціямъ только одинъ день спокойствія или только въ теченнн одной недѣли воспрепятствовать замысламъ окружавшихъ императора негодяевъ, то онъ вызвалъ бы порицаннн и былъ бы достоинъ порицаннн, если бы удалился отъ двора или лишилъ себя жизни ¹⁾. Всѣ эти сужденнн довольно основательны, и если бы Сенека былъ лишь государственный человекъ, его вѣроятно всѣ одобрили бы за то, что онъ ни за что не хотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ кормило правленнн. Къ сожалѣнню, онъ былъ не только государственный человекъ, но и моралистъ, а согласовать эти два званнн нелегко. Контрастъ между возвышенными идеями литературныхъ произведеннн и изворотливой системой управленнн былъ такъ же губителенъ для репутацн Сенеки, какъ и для репутацн Фрэнсиса Бэкона. Вѣдъ всякнй, кто отваживается указывать мру на возвышенные идеалы, дѣлаетъ это съ опасностью для самого себя.

Одно изъ самыхъ странныхъ отступленнн, которыми такъ богатъ *Очеркъ царствованнн Клавдія и Нерона*, выставляетъ передъ нашими глазами въ самомъ яркомъ свѣтѣ великую литературную распрю того вѣка. Вскорѣ послѣ того, какъ Руссо возвратившись изъ Англнн, поселился въ Парижѣ въ послѣдннй разъ, всѣмъ стало извѣстно, что онъ написалъ *Исповѣдь*, въ которой онъ рассказываетъ разныя подробности о своихъ знакомыхъ такъ же безцеремонно, какъ и о себѣ самомъ. Онъ даже читалъ въ 1770 и 1771 гг. въ обществѣ нѣкоторыя мѣста изъ этого сочиненнн, пока г-жа Эппне и вѣроятно также супруга маршала Люксембургскаго не обратились къ властямъ съ просьбой воспретить эти чтеннн. Это никого такъ не раздражило какъ Дидро, и въ первомъ изданнн выше упомянутаго очерка, выпущеннаго въ свѣтъ въ самый годъ смерти Руссо (1778), онъ совершенно не кстатн вилелъ въ свои изслѣдованнн о философѣ перваго столѣтня даинную и язвительную замѣтку о нравственной испорченности реакціонернаго философа восемнадцатаго столѣтнн. У тѣхъ, кто имѣлъ случай разговаривать съ нимъ объ этомъ предметѣ, было убѣжденнн, что онъ боится выхода въ свѣтъ *Исповѣди*. — и мы съ своей стороны готовы раздѣлить это убѣжденнн, не прибѣгая къ предположенню, что Дидро сознавалъ свою вину въ такихъ безобразняхъ, которыя онъ желалъ-бы скрыть отъ публики.

¹⁾ III. 110—11.

Онъ хорошо знаетъ, что Руссо такъ своеправенъ и такъ криводушенъ и въ своихъ мечтахъ и въ своихъ сужденіяхъ, что невинность не могла никого оградить отъ его злословія и отъ его склонности искажать факты.

Имя Жанъ-Жака Руссо никогда вплоть до нашего времени не имѣло недостатка въ фанатическихъ приверженцахъ, и нѣкоторые изъ нихъ, принадлежавшіе къ числу самыхъ раннихъ, напали на Дидро за его язвительную замѣтку. Первая часть *Исповѣди* — единственная, какую когда либо приходилось Дидро имѣть въ рукахъ, — появилась въ 1782 и въ томъ же году Дидро выпустилъ второе изданіе *Очерка о Клавдіи и Героніи*, до такой степени наполненное умѣстными и неумѣстными возраженіями на рѣзкіе нападки приверженцевъ Руссо, что читатель затрудняется рѣшить, съ какой цѣлью написана книга, — съ цѣлью-ли превознести Сенеку или же съ цѣлью оправдать Дени Дидро. По словамъ Гримма, авторъ внезапно переносится изъ дворца Цезарей на чердакъ П. Руайу, Грезье и К°, изъ Парижа въ Римъ и изъ Рима опять въ Парижъ, изъ царствованія Клавдіи въ царствованіе Людовика XV, изъ коллегіи Сорбонны въ коллегію авгуровъ; онъ обращается то къ владыкамъ міра, то къ визгивымъ дворняжкамъ литературы; въ своемъ драматическомъ увлеченіи онъ заставляетъ однихъ говорить, а другихъ возражать; онъ обращается то къ самому себѣ, то къ читателямъ, такъ что эти послѣдніе иногда не могутъ понять, кто тотъ, кто говорить и кто тотъ, къ кому обращена рѣчь ¹⁾. Мы можемъ согласиться съ Гриммомъ въ томъ, что это придаетъ сочиненію нѣкоторую оригинальность, но такая оригинальность не можетъ нравиться серьезному челоѣку и не можетъ быть привлекательна даже для тѣхъ немногочисленныхъ читателей, которымъ не нравятся педантическія правила касательно литературной формы. Намъ приводитъ въ недоумѣніе продолжительная неизвѣстность на счетъ того, идетъ ли здѣсь рѣчь о римскомъ императорѣ или о французскомъ королѣ, идетъ ли рѣчь о Сенецѣ, Буррѣ и Тразевѣ или же о Тюрго, Мальзербѣ и Неккерѣ. Благодаря своему чистосердечію, своей наивности, добродушію и искренности во всемъ что касалось житейскихъ интересовъ, Дидро всегда стоялъ выше той мелочности, того пронырливаго зложелательства, того тщеславнаго самолюбія и тѣхъ дрызгъ, которыми заражены все литературные и соціальные кружки. Поэтому намъ съ перваго взгляда кажется страннымъ, какъ Дидро, всю свою жизнь выносившій съ приличнымъ хладнокровіемъ ужаленія комаровъ изъ Грубъ-Стрига, могъ придти въ такое раздраженіе отъ Руссо или отъ другихъ менѣе значительныхъ противниковъ, отъ

¹⁾ Гриммъ *Сог. Litt.*, XI. 77.

которых рѣшительно отрекся-бы самъ Руссо. Объясненіе этого, какъ кажется, слѣдуетъ искать въ томъ фактѣ, что люди съ такимъ темпераментомъ, какимъ отличался Дидро, хотя и остаются совершенно равнодушными къ критикѣ, направленной на ихъ мнѣнія или на ихъ общественное положеніе, но до крайности чувствительны къ нападкамъ, направленнымъ на ихъ частную жизнь и на ихъ личную честь. Оскорбительный отзывъ о его умственныхъ способностяхъ не затрогивалъ его самолюбія, но онъ не могъ простить тѣмъ, кто старался запятнать его *belle âme*. Дѣйствительно, для человѣка, всегда щедро тратившаго свои жизненные силы на пользу другихъ, было не легко выносить обвиненія въ зложелательствѣ и въ неспособности къ дружескимъ привязанностямъ. Это было тѣмъ болѣе нелегко, что въ ту пору было въ модѣ ставить во главѣ всѣхъ добродѣтелей дружеское, привѣтливое, желаніе нравиться и оказывать услуги. Всѣ письма того времени отличаются самымъ ласковымъ тономъ; они нерѣдко наполнены слишкомъ изысканными и натянутыми выраженіями, но они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ было сильно въ ту пору чувство общительности и даже чувство гуманности, смягчавшее рѣзкости человѣческаго себялюбія.

Сверхъ того, хотя въ *Исповѣди* и не было неблагоклонныхъ отзывовъ о самомъ Дидро, тамъ было нѣсколько такихъ отзывовъ о г-жахъ д'Эннине и д'Удето, которые не только свидѣтельствовали о неблагодарности Руссо по отношенію къ этимъ двумъ женщинамъ, обходившимся съ нимъ съ большою благосклонностію, но и были рассчитаны на то, чтобъ причинить практической вредъ людямъ, еще находившимся въ живыхъ. Все это было отвратительно само по себѣ, а Дидро казалось еще болѣе отвратительнымъ чѣмъ кому либо другому, потому что онъ давно зналъ г-жу д'Эннине за добрую женщину, и главнымъ образомъ потому, что Гриммъ былъ ея любовникомъ. Къ тѣмъ причинамъ, которыя побудили его написать упомянутыя выше оскорбительныя для Руссо замѣчанія, можетъ быть слѣдовало бы приовокупить и сознаніе того вреда, который былъ причиненъ сентиментальностію Руссо здравому и положительному философскому мышленію. Но вліяніе этой причины, безъ сомнѣнія, было гораздо болѣе слабо, чѣмъ вліяніе тѣхъ мотивовъ, которые истекали изъ сентиментальности самого Дидро. Впрочемъ эта распря уже не интересуется никого, кромѣ немногихъ фанатическихъ приверженцевъ Руссо, и намъ нѣтъ надобности стряхивать накопившіяся на ней густыя слои пыли. Манеру самого Дидро писать исторію нельзя считать недостойной подражанія; по своему духу она примѣнима къ описанію частной дѣятельности не менѣе чѣмъ къ изложенію великихъ общественныхъ событій. «Если исторія

представляет мнѣ рассказъ о какомъ нибудь фактѣ, который безчестить человѣчество, я рассматриваю его съ самой большой строгостью; я употребляю всю провицательность ума, къ какой только я способенъ, чтобъ отыскать противорѣчія, позволяющія усомниться въ достовѣрности разсказа. Я этого не дѣлаю, когда поступокъ прекрасенъ, возвышенъ, благороденъ. Я никогда не стараюсь заглушать пріятное чувство, которое я испытываю при мысли, что тотъ, кто совершилъ этотъ поступокъ, такой же человѣкъ какъ и я. Скажу болѣе: у меня возникаетъ желаніе, которое, полагаю, не противорѣчитъ чувству справедливости, — желаніе высказать такое рискованное мнѣніе, которое смыло бы съ того или другаго знаменитаго человѣка пятно, налагаемое авторитетными писателями на его жизнь, на его доктрину и на его репутацію ¹⁾).

Тщательно обдуманые гнѣвные нападки на Руссо были со стороны Дидро едва-ли не единственнымъ нарушеніемъ тѣхъ правилъ благопристойности, которыя обязательны для всякаго великодушнаго человѣка. Если не самъ Дидро, то его тѣнь поплатилась за это. Ла-Гарпъ отметилъ за какое-то легкое оскорбленіе его мелкаго литературнаго тщеславія тѣмъ, что, читая лекцію о Сенекѣ, собралъ во едино всѣ обвиненія, какія когда либо сыпались на защитника Сенеки. Благодаря различнымъ причинамъ, о которыхъ я не считаю нужнымъ говорить подробно, Ла-Гарпъ пріобрѣлъ въ годы реакціи расположеніе европейской публики, послѣ того какъ онъ отвернулся отъ своихъ старыхъ друзей между философами, и перешелъ въ консервативный лагерь. Публика съ жадностью слушала все, что ни говорилось противъ людей, которые считались виновниками нравственной испорченности вѣка, и его грубыя искаженія истины, нерѣдко усиленные дождю, были источникомъ многихъ вульгарныхъ предубѣжденій, которыя начали исчезать лишь при нашемъ поколѣніи.

Руссо умеръ въ 1778 г., а болѣе его измѣнчивый гениальный писатель того же вѣка умеръ въ томъ же году нѣсколькими мѣсяцами ранѣе. Только по случаю торжественнаго посѣщенія Вольтеромъ Парижа послѣ двадцатисемилѣтняго отсутствія, онъ наконецъ свидѣлся съ Дидро. Ихъ переписка была менѣе постоянна и менѣе задушевна, чѣмъ переписка Вольтера съ другими лицами; но хотя между ними и не было полнаго сочувствія, все таки у нихъ не было недостатка во взаимномъ доброжелательствѣ и уваженіи. Поэтъ, какъ утверждаютъ, сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ ввести Дидро въ Академію, но король былъ непреклоненъ,

¹⁾ Оеи v. III. 57.

а Дидро не былъ жаденъ до пустыхъ отличій. У него вовсе не было ни того тщеславія ни того, извинительнаго въ подобныхъ случаяхъ, желанія видѣть свои заслуги публично признанными, которыя удовлетворяются подобными отличіями. Онъ вѣроятно раздѣлялъ мнѣніе Вольтера объ академіяхъ и парламентахъ,—что когда люди сходятся вмѣстѣ, ихъ уши тотчасъ дѣлаются болѣе длинными. Послѣ возвращенія Дидро изъ Россіи, Вольтеръ писалъ ему: «Мнѣ восемьдесятъ три года, и,—повторяю вамъ,—я не могу примириться съ мыслью, что я могу умереть не повидавшись съ вами. Я постарался собрать вокругъ меня сколько можно болѣе вашихъ питомцевъ, но я еще далекъ отъ того, чтобъ собрать всѣхъ членовъ вашего кружка.... Въ сущности мы немного расходимся въ мнѣніяхъ и одной бесѣды было бы достаточно для того, чтобъ привести насъ къ соглашенію» ¹⁾).

О содержаніи такихъ бесѣдъ мы почти ничего не знаемъ. Никакой благочестивый бардъ не воспѣлъ взаимныхъ привѣтствій между героями. Намъ только извѣстно, что въ концѣ ихъ перваго свиданія, краснорѣчіе Дидро лилось съ такимъ обиліемъ, что по его уходѣ Вольтеръ сказала: «Этотъ человекъ, безспорно, даровитъ, но у него нѣтъ одной и притомъ очень важной способности—способности вести разговоръ». Замѣчаніе Дидро о Вольтерѣ болѣе картинно: «онъ похожъ на одинъ изъ тѣхъ старыхъ, часто посѣщаемыхъ замковъ, которые разваливаются со всѣхъ сторонъ; но вы тотчасъ чувствуете, что тамъ живетъ какой-то старый чародѣй» ²⁾). Между ними зашелъ споръ о достоинствахъ Шекспира и Дидро разсердилъ патріарха, повторивши уже цитированное нами мнѣніе (стр. 230), что Шекспиръ, подобно статуѣ св. Христофора въ соборѣ Богоматери, безобразенъ и грубъ, но такой гигантъ, что обыкновенные люди могутъ проходить между его ногами, не дотрогиваясь до него ³⁾).

Былъ одинъ человекъ, который могъ-бы рассказать намъ тысячу интересныхъ подробностей и о бесѣдѣ Дидро съ Вольтеромъ и объ отношеніяхъ Дидро къ другимъ людямъ. Этотъ человекъ былъ Нэжонъ, которому Дидро передалъ большую часть своихъ бумагъ и который, до самой своей смерти въ 1814 г., выдавалъ себя за самаго вѣрнаго приверженца Дидро и за самый авторитетный источникъ свѣдѣній. По его словамъ Дидро былъ болѣе замѣчательнъ какъ собесѣдникъ, чѣмъ какъ писатель, и притомъ какъ собесѣдникъ, напоминавшій не Джонсона, а Кольриджа. Къ сожалѣнію

¹⁾ 8 дек. 1776.

²⁾ Congrès. Secrète. Métra. VI. 292.

³⁾ См. О е и в. Дидро, XIX. 465. прим.

Нэжонъ не довольствовался ролью простаго репортера и не былъ одаренъ отъ природы талантомъ Бозвелля. «Мы желали бы знать» — говоритъ Карлейль, — «что было за существо труженикъ и боецъ Дени Дидро, какая была у него наружность, какъ онъ жилъ, что дѣлалъ и что говорилъ». Въмѣсто того мы не получаемъ ничего кромѣ «скучныхъ, надутыхъ, гнусливыхъ, однообразныхъ и безконечныхъ лекцій объ атеистической философіи», произнесенныхъ съ страстностью какого нибудь площаднаго проповѣдника. Нэжонъ принадлежалъ къ слишкомъ многочисленному классу мужчинъ и женщинъ, въ избыткѣ одаренныхъ безпутной интеллигенціей. Онъ былъ остроуменъ, дѣятеленъ и усидчивъ; онъ любилъ книги, въ особенности тѣ, у которыхъ широкія поля и красивый переплетъ, а главнымъ образомъ онъ былъ самый фанатическій атеистъ и самый неутомимый и самый усердный пропагандистъ, какимъ только можетъ похвастаться эта форма религиозныхъ убѣжденій. Намъ неизвѣстно въ точности, когда онъ въ первый разъ сошелся съ Дидро ¹⁾; намъ извѣстно только то, что у Дидро, въ концѣ его жизни, не было болѣе дѣятельнаго и болѣе ревностнаго послѣдователя чѣмъ Нэжонъ. Во всякомъ случаѣ для насъ ни это знакомство, ни эта преданность не принесли большой пользы.

Самыя позднія достовѣрныя свѣдѣнія о Дидро мы получили отъ того гуманнаго и просвѣщеннаго англичанина, имя котораго всегда будетъ чтимо между нами. Самуилъ Ромильи, бывши двадцатичетырехъ-лѣтнимъ юношей, посѣтилъ Парижъ въ 1781 г. Тамъ онъ познакомился съ однимъ однофамильцемъ, который писалъ для Энциклопедіи статьи о фабрикаціи часовъ и сынъ котораго написалъ болѣе замѣчательныя статьи о Терпимости и о Добродѣтели. Этотъ почтенный человѣкъ ввелъ Ромильи къ д'Аламберу и къ Дидро. Первый изъ нихъ былъ слабъ здоровьемъ и разговаривалъ мало. Напротивъ того, Дидро былъ полонъ жизни и огня и высказался своему гостю съ такой откровенностью, какъ еслибы они были старые близкіе знакомые. Онъ говорилъ о политикѣ, религіи и философіи. Онъ хвалилъ англичанъ за то, что они проложили путь къ здоровой философіи, но утверждалъ, что французы, благодаря своей умственной отвагѣ, опередили своихъ руководителей. «Вы примѣшиваете», — продолжалъ онъ — «къ вашей философіи теологію; это значитъ все портить и смѣшивать ложь съ истиной; *il faut sabrer la théologie*». По словамъ Ромильи, онъ съ хвастовствомъ говорилъ о своемъ полномъ невѣріи въ существованіе Бога. Онъ

¹⁾ Biographie Universelle, относящая рожденіе Нэжона къ 1738 г., впадаетъ въ несообразность, приписывая ему статью Ате въ Энциклопедіи, такъ какъ эта статья была напечатана въ 1752 г., когда Нэжону было только четырнадцать лѣтъ.

ссылаясь на «автора лучшей теологии, которая когда либо существовала въ мірѣ, — Платона, который сказалъ, что небеса закрыты отъ насъ громаднымъ занавѣсомъ и что люди должны довольствоваться тѣмъ, что происходитъ внизу этого занавѣса и никогда не пытаться приподнять его; а для того, чтобъ завершить мое излеченіе отъ моихъ жалкихъ заблужденій, онъ прочелъ мнѣ сначала до конца небольшое написанное имъ сочиненіе»; объ этомъ сочиненіи мы будемъ говорить ниже. О политикѣ онъ говорилъ съ большимъ жаромъ и «горячо нападалъ на тираннію французскаго правительства. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ долго обдумывалъ сочиненіе о смерти Карла I, что онъ изучилъ процессъ этого короля, и что онъ имѣлъ намѣреніе снова совершить надъ нимъ судъ и послать его на эшафотъ, еслибы нашелъ его виновнымъ, но что онъ въ концѣ концовъ отказался отъ этого намѣренія. Онъ привелъ бы его въ исполненіе въ Англіи, но не имѣлъ духа сдѣлать это во Франціи. Д'Аламберъ, какъ я замѣтилъ, былъ болѣе остороженъ; онъ ограничился наблюденіемъ надъ тѣмъ, какое вліяніе оказывала въ его время философія на умы народа. Рожденіе Дофина (извѣстнаго впоследствии подъ именемъ Лудовика XVII и окончившаго жизнь въ тюрьмѣ Тампля) послужило для него объяснительнымъ примѣромъ. Онъ сказалъ, что онъ достаточно старъ, чтобъ помнить, какъ вся нація приходила въ опьяненіе отъ восторга по поводу подобныхъ событій, но что теперь она относилась съ большимъ равнодушіемъ къ рожденію на свѣтъ новаго повелителя»¹⁾).

Такимъ образомъ для обоихъ ветерановъ Энциклопедии было ясно, что перемѣна, изъ за которой они трудились, уже была недалеко. Изъ печатныхъ станковъ буквально сыпались памфлеты, трактаты, поэмы, рассказы, въ которыхъ превозвѣдывалось совершенное уничтоженіе тѣхъ самыхъ вѣрованій, которыя за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ тщательно охранялись даже отъ неодобренія шопотомъ выраженного въ интимной бесѣдѣ. Въ ту пору брались за всевозможныя литературныя формы для того, чтобъ обращать ихъ въ орудіе для безжалостнаго нападенія на *L'Infame*. Консервативная или религіозная оппозиція выказывала такое безсиліе, подобнаго которому едва ли можно найти въ длинной исторіи этой великой борьбы. И искусство и ловкость и энергія и выдержка — все было на одной сторонѣ. Даже Палиссо былъ едва-ли не лучший изъ всѣхъ писателей, ставшихъ на сторонѣ консерваторовъ²⁾. При всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ обладалъ литературнымъ вкусомъ. Многое изъ того, что онъ говорилъ, было вѣрно, а нѣкоторыя изъ третьестепенныхъ

¹⁾ *Memoirs of sir Samuel Romilly*, I. 63, 179 и др.

²⁾ См. выше стр. 252.

личностей, на которыя онъ нападалъ, заслуживали нападеній. Его критическій разборъ драмы Дидро *Незаконный Сынъ* нисколько не былъ болѣе строгъ, чѣмъ того заслуживало это плохое произведеніе ¹⁾). Читая эту драму, намъ нерѣдко приходилось пожелать заодно съ Палиссо, чтобъ Дидро менѣе вдавался въ пророческіе и апокалипсическіе обороты рѣчи, чтобъ вдругъ его жгучихъ и блестящихъ идей было поменѣе хаоса, и чтобъ онъ не давалъ безпрестанно своимъ врагамъ повода называть его Ликофрономъ философіи ²⁾).

Тѣмъ не менѣе комедія Палиссо *Философы* была скандальнымъ извращеніемъ истины, въ которомъ Дидро лично выводился на сцену, а въ его уста владывалась такая смѣсь безразсудства съ плутовствомъ, которая была вовсе несвойственна Дидро. Въ 1782 г. сатирикъ снова попалъ на своего противника, уже состарѣвшагося и усталого. Завистливый и лицемерный рюмонлетъ Валерій въ комедіи *Le Satyrique* долженъ былъ, по меньшей мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, олицетворять собою Дидро. Одинъ разнощикъ газетъ, довольно удачно названный г-номъ Памфлетомъ, приходитъ съ требованіемъ уплаты по его счету.

Daignez avoir égard à mes vives instances.

Je suis humilié d'y mettre tant de feu:

Mais les temps sont si durs! le comptoir rend si peu!

Imprimeur, Colporteur, Relieur, et Libraire,

Avec tous ces métiers, je suis dans la misère:

Mais j'ai toujours grand soin, malgré ma pauvreté,

De ne peser mon gain qu'au poids de l'équité.

Vous en allez juger par le susdit mémoire.

(Il prend ses lunettes comme pour lire).

Valère. (avec humeur). Eh, monsieur, finissez.

M. Pamphlet. C'est trahir votre gloire

Que de vouloir cacher les immortels écrits

(Il lit.)

Dont vous êtes l'auteur. *Les Boudoirs de Paris,*

ou *Journal des Abbés. L'Espion des Couloises.*

Ouvrage assez piquant sur les moeurs des actrices.

Смысль этихъ остротъ объясняется въ полномъ коварства подстрочномъ примѣчаніи; такъ какъ инымъ могло бы показатся страннымъ, что такой серьезный человекъ какъ Валерій могъ написать такія безнравственные и легкомысленныя произведенія, то имъ объясняется, что и философъ можетъ въ часы досуга написать напимѣръ *Les Bijoux Indiscrets*, а на слѣдующій день сочинить трактатъ о нравственности ³⁾, — что именно и сдѣлалъ Дидро.

Палиссо не можетъ быть поставленъ на ряду съ Мольеромъ, Буало

¹⁾ *Petites Lettres sur de Grands Philosophes*, II.

²⁾ *Oeuv. de Palissot*, I. 445, IV. 244.

³⁾ *Le Satyrique*, III. стр. 84. примѣч.

и Пономъ, хотя и былъ достаточно щеславень, чтобъ считать себя не ниже ихъ; тѣмъ не менѣ онъ безспорно былъ выше того писаки, который задавалъ себѣ слѣдующіе вопросы:

Mais enfin de quoi se glorifie
Ce siècle de mollesse et de Philosophie?
Dites-moi: le Français a-t-il un coeur plus franc,
Plus prodigue à l'état de son généreux sang,
Plus ardent à venger la plaintive innocence
Contre l'iniquité que soutient la puissance?
Le Français philosophe est-il plus respecté
Pour la foi, la candeur, l'exacte probité?
Où sont-ils ces Héros, ces vertueux modèles
Que l'Encyclopédie a couvé sous ses ailes? ¹⁾

Помимо скучныхъ виршей этого рода, у партіи обскурантовъ не было другаго лучшаго орудія, чтобъ состязаться съ силой, граціей и блескомъ произведеній Вольтера.

Впрочемъ великіе официальные поборники старой системы не были много умнѣ своихъ наемныхъ писателей. Духовенство находилось въ совершенномъ ослѣпленіи. Полное изданіе произведеній Вольтера, которое готовилъ Бомаршэ по ту сторону границы въ Билѣ, возбудило въ немъ гнѣвъ, доходившій до ярости. Кардиналъ де-Роанъ, бывший въ то время (1781) архіепископомъ въ Страсбургѣ, усмотрѣлъ въ этомъ изданіи святотатство. Архіепископъ Парижскій (1785) сталъ метать громы въ этотъ памятникъ позора, въ это дьявольское произведеніе. Архіепископъ Виеннскій запретилъ вѣрующимъ своего прихода подписываться на него подъ страхомъ смертнаго грѣха. Въ общемъ собраніи духовенства, отерывшемся лѣтомъ 1780 года, епископы обратились къ королю съ прошеніемъ, въ которомъ жаловались на почетъ, оказанный знаменитому писателю, «менѣ извѣстному привлекательностью своего гениа и превосходствомъ своихъ дарованій, чѣмъ непреклонной и безпощадной борьбой, которую онъ велъ въ теченіи шестидесяти лѣтъ противъ Бога и Христа». Они въ торжественной формѣ проклинали «возмутительныя богохульства» Рейналевской *Исторіи обниихъ Индій* и объявили, что выходъ въ свѣтъ новаго изданія этой знаменитой книги съ именемъ и портретомъ ея автора служить доказательствомъ того, что въ людяхъ совершенно заглохли самыя элементарныя понятія о стыдѣ и приличіяхъ.

Среди этихъ безпрестанныхъ жалобныхъ воплей мы не находимъ никакихъ признаковъ сознанія той истины, что нравственные недуги могутъ излечиваться лишь нравственными лекарствами. Эти душевно разслабленные люди не искали иныхъ средствъ вромъ тѣхъ, которыя находились въ ихъ старомъ арсеналѣ запрещеній, угрозъ, насилій и

¹⁾ Метра, VI. 128.

тиранніи. «Ваше величество», — восклицали они, — «пора положить конец этой прискорбной летаргии». Они напоминали королю о декларации 1757 года, обрекавшей на смертную казнь всякого, кто печаталъ или пускалъ въ обращеніе сочиненія враждебныя къ религіи. Однако ихъ «пастырскія сердца содрогались при мысли о такихъ строгихъ законахъ» и они ограничивались тѣмъ, что рекомендовали тюремное заключеніе, раззорительные денежныя штрафы и бдительное шпионство ¹⁾. Если читателя возмущаетъ опрометчивость, съ которой Дидро ожидалъ скорого исчезновенія вѣры въ существованіе Бога ²⁾, то его должна возмущать въ одинаковой мѣрѣ и упорная безтолковость тѣхъ людей, которые воображали, что эту вѣру можно поддержать при помощи шпионовъ департамента полиціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ прошлыя времена католическая церковь достигла многого путемъ жестокостей и угнетеній, но съ тѣхъ поръ какъ Вольтеръ сталъ властвовать надъ умами, а Энциклопедія стала просвѣщать ихъ, со стороны французскихъ епископовъ было безразсудно не признавать того факта, что старыя приемы сдѣлались впредь невозможными во Франціи и сдѣлались невозможными навсегда. Можно ли удивляться тому, что такое опасное сочетаніе безсилія съ злобой возбуждало ненависть и презрѣніе въ людяхъ, столь ясно понимавшихъ новыя общественныя потребности, какъ Дидро и д'Аламберъ?

Между тѣмъ предвѣстники новыхъ порядковъ быстро сходили со сцены. Гриммъ и Гольбахъ, Екатерина и Фридрихъ еще жили ³⁾. Но д'Аламберъ, за которымъ Кондорсе ухаживалъ до послѣдней минуты съ любовью почтительнаго сына, умеръ въ концѣ октября 1783 г.; Тюрго, смотрѣвшій удивленными глазами на то, какъ общество радостно спѣшило впередъ по пути къ разрушенію, сошелъ въ могилу за два года передъ тѣмъ (1781); Вольтеръ — этотъ великій умственный руководитель Европы въ теченіе пятидесяти лѣтъ и Руссо — этотъ великій реакціонеръ, вліявшій путемъ душевныхъ эмоцій, — оба кончили жизнь въ 1778 г. Прекратилось существованіе и тѣхъ небольшихъ кружковъ, которые благодаря участію интеллигентныхъ мужчинъ и женщинъ и при содѣйствіи Адриенны Лекуврѣръ, маркизы де-Ламберъ и г-жи де-Тенсанъ успѣли въ первой половинѣ столѣтія превратиться въ самостоятельныя школы безпристрастныхъ сужденій и окончательно перенести изъ Версаля въ Парижъ центръ критики

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія касательно этого предмета можно найти у Рокена въ его сочиненіи *L'esprit Révolutionnaire avant la Révolution*, т. X, стр. 382, 390 и пр.

²⁾ Монтескьё былъ болѣе благоразуменъ, когда давалъ католической церкви не болѣе пятидесяти лѣтъ жизни. *Le t. Regs.*, 117. Изъ нихъ уже прошли сто пятьдесятъ лѣтъ.

³⁾ Гриммъ умеръ въ 1807. Гольбахъ въ 1789. Екатерина въ 1796, Фридрихъ Великій въ 1786.

и умственной дѣятельности. Г-жа дю-Деффанъ умерла въ 1780, г-жа Жоффренъ въ 1779, а въ 1776 умерла дѣвица Леспинассъ, которую долго переживуть ея письма, какъ пылкое литературное выраженіе смутной тревоги и душевныхъ страданій. Одинъ изъ любимыхъ собесѣдниковъ Дидро въ старое время, — любитель древности, ученый, политикъ, неподражаемый мимикъ, самый проникательный, самый остроумный и самый веселый изъ людей послѣ Вольтера, Галиани, — грустно доживалъ послѣдніе дни подъ своимъ роднымъ небомъ въ Неаполѣ. Его *Диалоги о сельской торговлѣ* (1769—70), не смотря на свое мало общающееся названіе, представляютъ такое литературное произведеніе, которое по живости изложенія, остроумію, диалектическимъ тонкостямъ и дѣйствительной силѣ мысли, едва ли уступаетъ образцовымъ произведеніямъ, пользующимся болѣе широкой извѣстностью. Вольтеръ утверждалъ, что нужно было соединять въ себѣ дарованія Платона и Мольера чтобъ написать эту книгу, занимательную какъ лучшій изъ романовъ и поучительную какъ лучшее изъ серьезныхъ сочиненій. Дидро, участвовавшій въ пересмотрѣ сочиненія передъ тѣмъ, чтобъ отдать его въ печать¹⁾, заходилъ такъ далеко, что считалъ его достойнымъ стоять на ряду съ *Провинціальными Письмами* Паскаля и утверждалъ, что подобно этимъ безсмертнымъ письмамъ и *Диалоги* Галиани останутся образцемъ совершенства въ своемъ собственномъ жанрѣ долго послѣ того, какъ и сюжетъ и лица, о которыхъ тамъ идетъ рѣчь, утратятъ всякій интересъ²⁾. Это предсказаніе не сбылось вполнѣ, оттого что люди занятые своимъ дѣломъ не внимательны ко всему остальному, а при выборѣ книгъ для чтенія бываютъ жертвой случайности и причудливыхъ традицій. Тѣмъ не менѣе, хотя Галиани по всему вѣроятію не былъ правъ въ своемъ спорѣ съ экономистами, и въ наше время было бы не бесполезно познакомиться съ его разумнымъ и остроумнымъ способомъ опровергать теорію абсолютныхъ истинъ въ политической экономіи. Онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ г-жой д'Эпине, которая за четверть вѣка передъ тѣмъ была благотворительницей Руссо, которая была въ дружбѣ съ Дидро и болѣе чѣмъ въ дружбѣ съ Гриммомъ. Она умерла въ 1783, и въ томъ же или въ слѣдующемъ году умерла дѣвица Боланъ, игравшая такую важную роль въ жизни Дидро. Такимъ образомъ большинство близкихъ его сердцу людей жило лишь въ его воспоминаніяхъ, и онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что не долго переживетъ ихъ.

Казалось, что будто времена умственного возбужденія и филантропическихъ надеждъ достигли своего высшаго пункта, но на самомъ

¹⁾ О е и в., XIX. 317, 326.

²⁾ О е и в., VI. 442; зѣкъ Дидро описываетъ этого интереснаго человека.

дѣлъ они уже отошли въ прошедшее. По словамъ Талейрана «тотъ, кто не жилъ ранѣе 1789 года, не въ состояннн понять, какъ можетъ быть пріятна жизнь». Старый міръ смѣлся своимъ послѣднимъ смѣхомъ надъ *Свадьбой Фигаро* (апрѣль 1784), но въ хохотѣ Фигаро есть какой то странный отзвукъ. Изъ подъ его веселости, живости и удивительной наивности проглядываетъ что-то мрачное. Въ нихъ слышится что то похожее на угрозу. Дурачества Фигаро были ироническимъ подтвержденіемъ рѣзкихъ словъ Рэйналя, что «закоѣъ ничего не значить, если нѣтъ меча занесеннаго надъ головами всѣхъ безъ исключенія и поражающаго всякаго, кто возвышается надъ горизонтальной площадью, по которой онъ двигается».

Самого Дидро обвиняли въ томъ, что онъ разжигалъ звѣрскія страсти слѣдующимъ отвратительнымъ двустишіемъ:

Et ses mains ourdiraient les entrailles du prêtre.
Au défaut d'un cordon pour étrangler les rois ¹⁾.

Утверждать, что эти стихи могли служить поощреніемъ для террористовъ, невозможно уже потому, что они не появлялись въ свѣтъ до 1795 г. Сверхъ того, всякій кто прочтетъ сочиненіе, изъ котораго взяты приведенныя строки, непременно замѣтитъ, что оно все написано въ игривомъ фантастическомъ тонѣ и что самые стихи вложены ради драматическаго эффекта въ уста отъявленнаго Элевөөромана или челоуѣка помѣшавшагося на свободѣ ²⁾. Дидро никакъ не могъ предвидѣть, что слова, написанныя имъ съ цѣлію иллюстрировать сумасбродство въ формѣ пиндарическаго диоирамба, такъ скоро будутъ ошибочно приняты за сжатую формулу примѣнимой на практикѣ политической теоріи ³⁾.

¹⁾ «Развъ добродѣтельное и умзренное предложеііе задушить послѣдняго іезуита въ объятіяхъ послѣдняго янсениста могло содѣйствовать примиренію мнзній?»—Вольтеръ къ Гельвецію, 11 мая 1761.

²⁾ *Les Fleuthéromanes, ou les Furieux de la Liberté.* Oeuv., IX, 16.

³⁾ Какъ велика была небрежность, съ которой писатели относились къ такъ называемой школѣ отрицанія, видно изъ того факта, что даже такой добросовѣстный историкъ какъ Генри Мартенъ (*Hist. de France*, XVI, 146) приписывалъ Дидро въ числѣ многихъ другихъ вредныхъ положеній слѣдующее: «публичная казнь короля измзняетъ духъ націи навсегда». Но эти слова встрѣчаются въ числѣ замѣтокъ о системѣ правленія, которыя Дидро писалъ на поляхъ своего экземпляра сочиненія Тацита и которыя носятъ заглавія *Principes de Politique des Souverains* (1775). Нѣкоторыя изъ самыхъ рѣзкихъ положеній очевидно высказаны съ цѣлію осмзвать военную и Маккіавелевскую политику Фридриха Великаго, между тѣмъ какъ замѣчанія касательно политики римскихъ императоровъ остроумны и основательны. Мартенъ взялъ свою цитату изъ 147-го положенія, въ которомъ мрачныя слова этой цитаты слѣдуютъ за слѣдующими мыслями: „*Пусть народъ никогда не видитъ, чтобъ проливалась королевская кровь за какое бы то ни было дѣло.* Публичная казнь короля“, и пр. См. Oeuv., II, 486.

Въ 1780 г. жители города Лангра оказали ему любезность, которая доказывала, что имя философа пользовалось почетомъ на его родинѣ. Его просили снять съ себя портретъ, который предполагалось поставить въ городской ратушѣ рядомъ съ другими замѣчательными людьми. Въ отвѣтъ на это Дидро послалъ сдѣланный Гудономъ бронзовый бюстъ, который и былъ принятъ со всѣми подобающими почестями. Изъ словъ Нэжона видно, что въ послѣдніе годы своей жизни Дидро придавалъ деньгамъ болѣе цѣны, чѣмъ когда либо прежде ¹⁾, не потому что онъ обѣднѣлъ, а потому что, подобно многимъ другимъ людямъ, онъ только въ концѣ долгаго житейскаго опыта узналъ, въ какой мѣрѣ деньги служатъ орудіемъ для того, чтобъ услаждать послѣдніе годы жизни. Мы склонны сожалѣть о томъ, что въ своей чрезмѣрной заботливости о приведеніи въ порядокъ своихъ дѣлъ Дидро послушался разумнаго совѣта неблагоразумнаго Нэжона—заняться тщательнымъ пересмотромъ всего, что было имъ написано. Но инстинктъ, которымъ руководствовался въ этомъ случаѣ Дидро, былъ вѣренъ. Среди свойственныхъ старости тревожныхъ думъ, онъ снова взялся за свое *Письмо о слѣпыхъ* и перечелъ его съ полнымъ безпристрастіемъ. Онъ, натурально, нашелъ нѣкоторые недостатки въ сочиненіи, написанномъ тридцать три года тому назадъ, но даже не попытался исправить ихъ изъ опасенія, что произведеніе молодаго человѣка можетъ пострадать отъ поправокъ старика. «Уже пришло то время»,—говоритъ онъ,—«когда опытность даетъ вамъ такіе совѣты, основательность которыхъ вы сознаете, но слѣдовать которымъ у васъ уже нѣтъ силы. Это—малодушіе, происходящее отъ сознанія своей слабости, или скорѣе лѣньность, являющаяся однимъ изъ результатовъ слабости и малодушія и отталкивающая меня отъ такого труда, который вѣроятно скорѣе ухудшилъ бы, а не улучшилъ мое произведеніе.

*Solve senescentem mature sanus equum, ne
Pecet ad extremum ridendus et illa ducat.*

Вотъ почему онъ ограничился нѣсколькими необдѣланными замѣтками о такихъ фактахъ, которые могли служить подтвержденіемъ того, что онъ писалъ въ своей молодости ²⁾.

Въ началѣ весны 1784 г. съ Дидро сдѣлался болѣзненный припадокъ, который онъ считалъ предвѣстникомъ близкаго конца. У него открылась водяная и онъ кое-какъ дотянулъ до лѣта. Священникъ церкви св. Сьюльпиція, находившейся въ самомъ центрѣ того квартала, гдѣ жили философы, навѣшалъ его по два и по три раза въ недѣлю, въ надеждѣ добиться отъ него хоть чего нибудь похо-

¹⁾ *Mém. sur la Vie et les Ouvrages de Diderot*, стр. 412.

²⁾ *Согр. Лит. Гримма*, XI. 120.

жаго на обращеніе въ христіанство. Дидро не поддерживалъ разговоровъ о богословіи, но не уклонялся отъ нихъ, когда священникъ настаивалъ. Однажды, когда они пришли къ тому убѣжденію, что они стоятъ на одной и той же почвѣ, въ томъ что касается нравственности и добрыхъ дѣлъ, священникъ рѣшился намекнуть на то, что еслибы онъ изложилъ письменно такія прекрасныя правила и присовокупилъ къ нимъ легкое отреченіе отъ своихъ прежнихъ сочиненій, это произвело бы на всѣхъ очень хорошее впечатлѣніе. «Я полагаю, что впечатлѣніе было бы хорошее, господинъ священникъ, но согласитесь съ тѣмъ, что я поступилъ бы какъ безстыдный лжецъ». Дѣло кончилось тѣмъ, что не было произнесено ни одного слова въ смыслѣ отреченія. Когда смерть наступила внезапно, священникъ увернулся отъ необходимости лишить его установленнаго церковью похороннаго обряда.

Въ теченіе тридцати лѣтъ Дидро постоянно жилъ въ одной и той же квартирѣ, въ верхнемъ этажѣ одного дома въ улицѣ Тараннъ и даже тогда, когда доктора объявили ему, что взбираясь на такую высокую лѣстницу онъ рискуетъ своею жизнью, его не могли склонить на переѣздъ въ другую квартиру. Его дочь говорила, что было бы легче склонить короля къ переѣзду изъ Версаля. Въ концѣ концовъ Гриммъ обратился къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбой доставить помѣщеніе ея библіотекарю, а когда эта просьба была уважена, Дидро согласился на переѣздъ съ своего чердака въ роскошныя комнаты въ улицѣ Ришельё. Онъ не пользовался ими и двухъ недѣль. Хотя онъ замѣтнымъ образомъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ, онъ дѣлалъ все что могъ, чтобъ поддерживать бодрость въ окружающихъ и старался развлекать и себя и другихъ тѣмъ, что приводилъ въ порядокъ свои картины и книги. До самой своей смерти онъ находилъ въ себѣ достаточно силъ, чтобъ бесѣдовать о наукахъ и философіи съ друзьями, которые съ обычной жадностью ловили послѣдніе проблески его плодотворнаго ума. Въ послѣдней бесѣдѣ, которую слышала его дочь, его послѣдними словами былъ рѣзкій афоризмъ, что *первый шагъ къ философіи есть невѣріе*.

Вечеромъ 13-го іюля 1784 г. онъ сѣлъ за столъ и послѣ обѣда взялъ абрикосъ. Его жена съ нѣжной заботливостью старалась удержать его. *Mais quel diable de mal venx tu que se la me fasse?* сказалъ онъ и съѣлъ абрикосъ. Затѣмъ онъ облопотился на столъ, занимаясь стоявшими на немъ конфетами. Его жена обратилась къ нему съ какимъ-то вопросомъ; не получая отвѣта, она взглянула на него и увидѣла, что онъ мертвъ. Онъ умеръ такъ, какъ по словамъ одного греческаго поэта люди умирали въ золотомъ вѣкѣ—имѣя точно будто овладѣвъ сонъ. Онъ всегда былъ того мнѣнія, что вскрытіе мертвыхъ очень полезно на

практикъ, и потому его желаніе, чтобъ подобная операція была совершена надъ его собственнымъ трупомъ, было исполнено. При этомъ не было открыто ничего интереснаго или достойнаго вниманія и его останки были похоронены въ склепѣ церкви Сень-Рошъ.

Такимъ то образомъ спустился зававѣсь надъ странной трагикомедіей литератора. Лучшимъ къ ней эпилогомъ могутъ служить его собственные слова:—«Мы останавливаемъ наши взоры на развалинахъ триумфальной арки, портика, пирамиды, храма, дворца и переносимся мыслію къ самимъ себѣ. Все уничтожается, все погибаетъ, все проходитъ. Остается въ живыхъ только одна вселенная; не прекращается только одно время. Я вращаюсь между двумя вѣчностями. Въ какую бы сторону я ни обратилъ мои взоры, предметы меня окружающіе говорятъ мнѣ о смерти и научаютъ меня примиряться съ мыслію о моей собственной смерти. Что значить мое кратковременное существованіе въ сравненіи съ существованіемъ распадающагося на мелкіе куски утеса и приходящаго въ гніеніе дѣла? Я вижу, какъ надгробный мраморный памятникъ превращается въ прахъ, а я все таки не могу примириться съ мыслію, что я долженъ умереть! Развѣ слабую ткань изъ волоена и мяса я въ состояніи изъять изъ общаго закона, немилосердо исполняющагося даже надъ твердыми металлами!»

ГЛАВА ХУП.

З а к л ю ч е н і е.

Мы должны удѣлить еще нѣсколько страницъ нѣкоторымъ изъ произведеній Дидро, о которыхъ намъ до сихъ поръ не приходилось упоминать. Мы вовсе не имѣемъ въ виду полного обзора всѣхъ его сочиненій, и полагаемъ, что дѣлать критическій разборъ всѣхъ ихъ значило бы тратить свое время на неблагоприятную работу. Одинъ только списокъ темъ, на которыя онъ писалъ, наполнилъ бы длинную главу. Никакой критикъ, менѣе самого Дидро способный на всѣ руки и менѣе его одаренный энциклопедическимъ умомъ, не былъ-бы въ состояніи сдѣлать даже поверхностнаго разбора такихъ многообразныхъ литературныхъ произведеній, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и длинный трактатъ о гармоніи, и многообразныя замѣтки о начальныхъ основаніяхъ физиологіи, и собраніе различныхъ статей о драмѣ, и еще болѣе обширное собраніе различныхъ статей о сотнѣ вопросовъ, касающихся литературы и искусства, и отрывочная статья о воспитаніи русскаго юношества, и тщательно обработанный планъ занятій для будущаго русскаго университета. Каждый критикъ найдетъ что нибудь сказать касательно собранія повѣстей, въ которыхъ Дидро пытался осмѣять нравы своего времени на манеръ Рабелэ, Монтэня, Ла-Мотъ-ле-Вейэ и Свифта; но не каждый въ состояніи сдѣлать разборъ, напримѣръ, тѣхъ пяти мемуаровъ о различныхъ математическихъ предметахъ, (1748) съ помощью которыхъ Дидро надѣялся заглушить скандальное впечатлѣніе, которое было произведено его предшествовавшимъ произведеніемъ.

I.

Между всѣми сочиненіями Дидро, о которыхъ мы еще не имѣли случая упоминать, безспорно самое замѣчательное—*Reпsée sur*

l'interprétation de la nature (1754). Понятно, что изучение Бэкона и составление вступительнаго обзорѣнія Энциклопедіи должны были наполнить умъ Дидро идеями о вселенной, какъ о чемъ то цѣломъ. Великая проблема изученія этой вселенной, — то есть предѣлы, способы и результаты такого изученія, — представлялась его уму съ такой настойчивостью, что онъ не былъ въ состояніи отдѣлаться отъ нея. Мопертюи издалъ въ 1751 г., подъ вымышленнымъ именемъ доктора Эрлангенскаго университета Баумана, разсужденіе о *Всеобщей Системѣ Природы*, въ которомъ онъ старался доказать, что механизмъ вселенной всегда одинъ и тотъ-же, и что или онъ самъ видоизмѣняется до безконечности разнообразными путями, или же его видоизмѣняютъ находящіяся въ немъ самомъ жизненные элементы ¹⁾. Знаменитая идея Лейбница, принятаго, что работа природы идетъ неизмѣнно съ наименьшей затратой двигательной силы, была усвоена Мопертюи, выражена имъ въ формѣ *Закона о сбереженіи силы* (*Loi d'Épargne*) и сдѣлалась исходной точкой умозрѣній, прямо приведшихъ къ Гольбаху и къ *Системѣ Природы* ²⁾. *Loi d'Épargne* очевидно клонилось къ тому, чтобъ сдѣлать изъ единства всѣхъ силъ вселенной руководство или точку отправленія для философскихъ изслѣдованій. Въ эту пору своей жизни Дидро не соглашался съ теоріей Мопертюи о единствѣ жизненной силы вселенной; или, — вѣрнѣе сказать, — онъ видѣлъ въ какой мѣрѣ она доступна критикѣ, хотя его неодобреніе и не выражалось въ обычномъ для него тонѣ пылкаго убѣжденія. Какъ бы то ни было, но эта теорія заинтересовала его; она подходила къ разряду тѣхъ умозрѣній, которыя уже возникли въ его умѣ вслѣдствіе помысловъ объ изданіи Энциклопедіи и для которыхъ написанныя въ 1746 г. *Pensées Philosophiques* служили невѣрой прелюдией.

Pensées sur l'interprétation de la nature были какъ по своей формѣ такъ и по заглавію подражаніемъ тѣмъ знаменитымъ *Aphorismi de Interpretatione Naturae et Regni Hominis*, которые всякому извѣстны подъ болѣе краткимъ названіемъ Бэконова *Novum Organum*. ³⁾ У Дидро афоризмы находятся въ очень слабой связи между собою. Онъ началъ съ предувѣдомленія, что его мысли будутъ выходить изъ-подъ

¹⁾ Болѣе точное понятіе о томъ, которую развивалъ Мопертюи, можно получить изъ сочиненія Ланге *Gesch. d. Materialismus*, I, 413, прим. 37. См. также Розенбранда, I. 134.

²⁾ Въ 1765 г. Гриммъ говорилъ объ основномъ положеніи Лейбница и Мопертюи; «оно со всѣхъ сторонъ располагаетъ насъ въ свою пользу». — *Согг. Lit.*, IV. 186.

³⁾ Палиссо слабо осмысляетъ въ своей комедіи *Философія* слишкомъ напыщенное введеніе къ *Interprétation de la Nature*. *Актъ II. сѣ. II.*

его пера одна вслѣдъ за другой въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ возникали въ его умѣ, и онѣ сдержали свое слово. Стараясь выразить общую цѣль этихъ афоризмовъ въ возможно-сжатомъ видѣ, мы скажемъ, что они имѣли въ виду примирить два главныхъ разряда, на которые Дидро дѣлилъ тѣхъ, кто размышляетъ о природѣ, — а именно примирить тѣхъ, у кого много орудій, но мало идей съ тѣми, у кого мало орудій, но много идей, — другими словами примирить людей науки, неимѣющихъ философіи, съ философами, которые не знакомы съ науками, основанными на опытѣ.

Въ сферѣ самой науки Дидро предвидитъ столь же большую переменѣ, какъ и въ отношеніяхъ между наукой и философіей. «Мы приближаемся къ моменту огромнаго переворота въ наукахъ. Видя какъ сильно въ человѣческихъ умахъ влеченіе къ морали, литературѣ, исторіи природы и опытной физикѣ, я готовъ утверждать, что прежде чѣмъ пройдетъ еще лѣтъ сто, во всей Европѣ не найдется даже трехъ великихъ геометровъ. Эта наука остановится на томъ пунктѣ, на которомъ оставили ее Бернулли, Эйлерсъ, Мопертюи, Клеро, Фонтэнъ, д'Аламберъ и Лагранжъ. Эти люди образуютъ собою столпы Геркулеса. Далѣе ихъ никто не поидетъ.» Кто читалъ гнѣвные нападки Конта на извращеніе геометріи посредствомъ алгебры и на бесполезную трату умственныхъ силъ въ анализахъ нашего времени ¹⁾, тотъ пойметъ, какимъ образомъ могло возникнуть у Дидро такое убѣжденіе. И вѣроятно никто не будетъ отрицать того, что все равно были или не были окончательно поставлены лѣтъ сто тому назадъ столпы геометрическаго Геркулеса, великія открытія, совершившіяся въ теченіи ста лѣтъ послѣ смерти Дидро, были сдѣланы, согласно съ его предсказаніемъ, именно въ высшихъ наукахъ. Великимъ несчастіемъ для Франціи было то, что преобладаніе геометріи совпало съ началомъ великой эры политическихъ споровъ. Одинъ писатель утверждалъ, что въ знаменитой книгѣ Монтескьё, положившей начало для такихъ споровъ въ литературѣ, опредѣленія были сдѣланы скорѣе рукою геометра, чѣмъ рукою юри-консульта ²⁾. Въ ту пору обращались съ социальными истинами, не смотря на ихъ чрезвычайную сложность, точно такъ же какъ съ положеніями Евклида; а логическіе выводы изъ произвольныхъ посылокъ принимались за точное выраженіе реальныхъ фактовъ. Низведеніе геометріи до подобающаго ей мѣста произошло слишкомъ поздно.

Контъ всегда отдавалъ полную справедливость генію Дидро, и всякій, кто читалъ мнѣнія Конта о необходимости субъективнаго

¹⁾ Система положительной политики Конта, I. 380 и пр.

²⁾ Ф. Скописъ, мнѣніе котораго цитируется Вядомъ въ его Hist. de Montesquieu, стр. 51.

синтезиса усмотрить зародышъ этой теоріи въ слѣдующемъ замѣчательномъ отрывкѣ, вышедшемъ изъ подъ пера Дидро:

„Если мы сравнимъ безконечное множество явленій природы съ ограниченностью нашего ума и съ слабостью нашихъ органовъ, развѣ мы въ правѣ будемъ ожидать отъ медленности нашихъ работъ, отъ ихъ продолжительныхъ и частыхъ перерывовъ и отъ рѣдкости творческихъ геніевъ чего либо кромѣ немногихъ отрывковъ, оторванныхъ отъ великой цѣпи, соединяющей всѣ предметы?... Если бы экспериментальная философія работала сотни столѣтій, собранные ею матеріалы въ концѣ концовъ достигли бы такого числа, которое недоступно нашему соображенію, но все таки они были бы далеки отъ полноты. Если бы всѣ явленія были намъ извѣстны, сколько потребовалось бы томовъ, чтобъ вмѣстить въ нихъ одни только термины, которыми мы стали бы обозначать различныя группы явленій? Когда философскій языкъ будетъ полонъ? А если бы онъ былъ полонъ, какой человѣкъ былъ бы въ состояніи изучить его? Если бы Предвѣчный, пожелавъ проявить свое всемогущество еще болѣе очевиднымъ образомъ чѣмъ чудесами природы, изложилъ бы механизмъ вселенной на листахъ, исписанныхъ его собственной рукой, неужели вы думаете, что эта великая книга была бы болѣе доступна для нашего пониманія, чѣмъ сама вселенная? Сколькія изъ ея страницъ были бы понятны для того философа, который при всей силѣ своего природнаго ума, не былъ увѣренъ даже въ томъ, что онъ понялъ всѣ выводы, путемъ которыхъ одинъ древній геометръ опредѣлилъ отношеніе сферы къ цилиндру? Въ этихъ листахъ мы нашли бы довольно хорошее мѣрило того, какъ великъ объемъ человѣческаго ума и еще болѣе хорошую сатиру на наше тщеславіе. Тогда мы могли бы сказать: Ферма дошелъ до такой то страницы, а Архимедъ зашелъ нѣсколькими страницами далѣе.

„Какая же наша цѣль? Исполненіе такой работы, которая никогда не можетъ быть доведена до конца и которая была бы гораздо выше человѣческой интеллигенціи, если бы она была доведена до конца. Развѣ мы не болѣе безразсудны, чѣмъ первые обитатели Сенаарской равнины? Намъ извѣстно, что разстояніе между землей и небесами безконечно, а мы все таки не перестаемъ строить нашу башню.

„Но можно ли предположить, что наконецъ настанетъ такое время, когда наша гордость, утративъ надежду на успѣхъ, откажется отъ такой работы? Развѣ есть какое либо основаніе думать, что эта гордость, чувствуя тѣсноту своего помѣщенія и неудобства жизни на землѣ, будетъ упорно продолжать внѣ земной атмосферы постройку такого дворца, въ которомъ нельзя жить? Если бы она упорно продолжала эту работу, развѣ она не встрѣтила бы препятствія въ смѣшеніи языковъ, которое и безъ того уже слишкомъ ощутительно и слишкомъ неудобно для насъ при изученіи на-

туральной исторіи? Сверхъ того полезность опредѣляетъ всему границы. Черезъ нѣсколько столѣтій полезность будетъ опредѣлять границы экспериментальной физики, точно такъ какъ она уже начинаетъ опредѣлять границы геометріи. Я полагаю, что пройдетъ нѣсколько вѣковъ въ такомъ изученіи, потому что сфера его полезности несравненно болѣе обширна, чѣмъ сфера полезности какой либо отвлеченной науки, и потому что оно безспорно служить основой для нашихъ истинныхъ знаній.^{4 1)}

Послѣ этого мы не можемъ удивляться тому, что Контъ, составляя списокъ ста пятидесяти томовъ, изъ которыхъ должна по его мнѣнію состоять въ девятнадцатомъ столѣтіи бібліотека настоящаго позитивиста, помѣстилъ *L'Interprétation de la Nature* такъ, что рядомъ съ этимъ сочиненіемъ значились съ одной стороны Декартово *Разсужденіе о Методѣ*, а съ другой Бэконовъ *Novum Organum*.

То-же настроеніе ума сказалось еще съ большею силою и съ большею выразительностью въ слѣдующемъ позднѣйшемъ афоризмѣ: — «Такъ какъ разумъ не въ состояніи все понимать, воображеніе не въ состояніи все предвидѣть, чувства не въ состояніи все подмѣтить, а память не въ состояніи все удержать; такъ какъ великіе люди рождаются послѣ длинныхъ промежутковъ времени, а развитіе научныхъ познаній такъ часто прерывается революціями, что цѣлые вѣка умственной работы тратятся на то, чтобъ снова приобрѣсть познанія предшествовавшихъ столѣтій, — то дѣлать наблюденія безъ всякаго разбора надъ всѣмъ, что представляетъ природа, значитъ не исполнять своей обязанности передъ человѣческимъ родомъ. Люди, которые по своимъ способностямъ стоятъ выше обыкновеннаго уровня, должны тратить свое время такъ, какъ этого требуетъ уваженіе къ самимъ себѣ и къ потомству. Что подумало бы о насъ потомство, если бы мы не завѣщали ему ничего кромѣ полной инсектологіи, кромѣ обширной исторіи микроскопическихъ животных? Нѣтъ, — для великихъ умовъ великіе предметы, для мелкихъ умовъ мелкіе предметы» (§ 54).

Предостерегая такимъ образомъ изслѣдователей отъ угрожающей имъ опасности, Дидро вмѣстѣ съ тѣмъ создавалъ подбѣду настоящихъ и безграничныхъ экспериментовъ. «Когда вы создали въ насъ умъ», — говоритъ онъ, — «какую нибудь изъ такихъ системъ, которыя требуютъ проверки путемъ опыта, вы не должны ни держаться за нее съ упорствомъ, ни отказываться отъ нея безъ серьезныхъ на то оснований. Стучается, что мы считаемъ наши предположенія неосновательными только потому, что мы не приняли наде-

¹⁾ О е и ч., II, 12, 13, § 6. Касательно выраженія той же самой идеи въ Энциклопедіи — см. выше стр. 156 и 157.

жащих мѣръ для того, чтобъ убѣдиться въ ихъ правильности. Упорство представляетъ даже менѣе невыгодъ, чѣмъ противоположная крайность. Если увеличивая число экспериментовъ вы и не найдете того, что вамъ нужно, вы можете быть попадете на что нибудь лучшее. *Время, потраченное на допрашивание природы, никогда не бываетъ совершенно потеряннымъ* (§ 42). Читатель, конечно, не оставитъ безъ вниманія того обстоятельства, что это правило ограничивается условіемъ проверки. Ни о какой системѣ, находящейся въ связи съ *Объясненіемъ Природы*, Дидро не сталъ бы говорить, если бы нельзя было проверить ее на опытѣ.

Однако все это не помѣшало ему высказывать гипотезы и предсказанія, основательность которыхъ самъ онъ не былъ въ состояніи доказать. Такъ напримѣръ онъ утверждалъ, что точно такъ какъ въ математикѣ изслѣдованіе всѣхъ свойствъ кривой линіи приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что всѣ эти свойства суть одно и то же свойство, представляющееся въ различныхъ видахъ. — и при изученіи природы, когда экспериментальная физика достигнетъ большаго развитія, люди убѣдятся, что всѣ явленія, — будь это явленія тяжести, эластичности, магнетизма или электричества, суть не болѣе какъ различныя стороны одного и того же свойства (§ 44). Но онъ удовольствовался тѣмъ, что завѣщалъ эту мысль потомству и не попытался возводить новое зданіе на такихъ основахъ, которыя не поддѣржаны доказательствами.

Благодаря тому же научному направленію своего ума онъ позналъ пустоту всякой системы касательно *Конечныхъ Причинъ*:

Докторъ, профессія котораго заключается въ томъ, чтобъ писать, а не въ томъ, чтобъ что либо воздвигать, откажется отъ слова *почему* и будетъ заниматься лишь словомъ *какъ*... Сколько нелѣпыхъ идей, ложныхъ предположеній и химерическихъ понятій въ тѣхъ гимназахъ, которые сочинялись въ честь Создателя нѣкоторыми слѣпыми поборниками конечныхъ причинъ? Вмѣсто того, чтобъ раздѣлять восторженное удивленіе пророка, и восклицать при видѣ безчисленныхъ звѣздъ, освѣщающихъ ночью небеса, *Caeli enarrant gloriam Dei*, оны увлеклись суевѣріемъ своихъ догматовъ. Вмѣсто того, чтобъ боготворить Всевышняго въ самыхъ твореніяхъ природы, они стали падать ницъ передъ призраками своей собственной фантазіи. Если кто нибудь, повинуваясь голосу предрасудковъ, усомнится въ основательности моего упрека, я попрошу его сравнить трактатъ, написанный Галіеномъ касательно пользанія различными частями человѣческаго тѣла, съ физиологіей Бергаава, а физиологію Бергаава съ физиологіей Галлера; я приглашаю потомство сравнить заключающіеся въ произведеніи Галлера систематическіе или переходящіе взгляды съ тѣмъ, чѣмъ сдѣлается физиологія въ будущіе вѣка. Человѣкъ ради своихъ собственныхъ уз-

кихъ цѣлей превозносить Превѣчнаго, а Превѣчный, слушая его съ высоты своего престола, и имѣя въ виду свою собственную цѣль, принимаетъ его нелѣпыя похвалы и смѣется надъ его тщеславіемъ (§ 56).

Со времянь Дидро міръ быстро подвинулся впередъ по этому пути и мимоходомъ открылъ не мало новыхъ истинъ, существованія которыхъ Дидро даже не подозрѣвалъ. Но движеніе впередъ было, какъ кажется, менѣе удовлетворительно въ томъ, что касается развитія научнымъ путемъ той философіи, которая заключается въ слѣдующемъ примѣненіи идеи Лейбница и Мопертюи о законѣ сбереженія, присущаго природнымъ силамъ: — «Наше удивленіе нерѣдко происходитъ отъ того, что мы предполагаемъ существованіе различныхъ чудесъ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ есть только одно чудо, — отъ того, что мы воображаемъ, будто натура совершила столько же отдѣльныхъ актовъ, сколько мы въ состояніи насчитать явленій, тогда какъ натура на самомъ дѣлѣ въпрямую никогда не совершала болѣе одного акта. Намъ даже кажется, что еслибы натура необходимо должна была совершать различные акты, то многообразные результаты этихъ актовъ были бы изолированы одинъ отъ другаго; тогда возникли бы накопленія феноменовъ независимыхъ одни отъ другихъ, а общая связь между ними, считаемая философіей за непрерывную, была бы разорвана въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Абсолютная самостоятельность единичнаго факта несовмѣстима съ понятіемъ о всеобъемлющемъ цѣломъ, а безъ понятія о цѣломъ не можетъ быть философіи» (§ 11).

Въ заключеніе Дидро ставитъ рядъ вопросовъ, которые, по его мнѣнію, можетъ быть, будутъ признаны философами за достойные обсужденія. Напримѣръ, какая разница между живой матеріей и мертвой? Измѣняется ли энергія живой частицы сама собою или же сообразно съ количествомъ, качествомъ и формами мертвой или живой матеріи, съ которой она соединена? Мы не находимъ надобности продолжать перечисленіе этихъ вопросовъ, потому что самъ Дидро внезапно прерываетъ ихъ по истинѣ удивительнымъ выраженіемъ того мнѣнія, что они не достойны вниманія серьезныхъ людей, способныхъ понимать, чѣмъ отличается благоразумное и плодотворное пользованіе интеллигенціей отъ нелѣпаго и бесполезнаго злоупотребленія ею. «Когда я обращаю взоры», — говоритъ онъ, — «на творенія людей, и вижу со всѣхъ сторонъ, что выстроены города, что всѣ элементы подчинены намъ для нашей пользы, что развились языки, что націи стали цивилизованными, что построены гавани, что измѣнены земля и небеса, — тогда міръ кажется мнѣ очень старымъ. Когда же я замѣчаю, что человѣкъ не твердь въ томъ, что ка-

сается первыхъ основныхъ правилъ медицины и земледѣлія, свойствъ самыхъ обыкновенныхъ веществъ, знакомства съ поражающими его недугами, обрѣзыванія древесныхъ вѣтвей и лучшихъ формъ для сохи, мнѣ кажется, будто люди живутъ на землѣ только со вчерашняго дня. Если бы люди были благоразумны, они наконецъ стали бы заниматься такими изслѣдованіями, которыя могутъ имѣть вліяніе на ихъ благосостояніе и стали бы задавать себѣ трудъ отвѣчать на мои пустые вопросы никакъ не прежде, чѣмъ лѣтъ черезъ тысячу; даже очень вѣроятно, что вслѣдствіе незначительности того мѣста, которое эти вопросы занимаютъ въ пространствѣ и во времени, они никогда не удостоили бы ихъ какимъ либо отвѣтомъ».

II.

Въ 1769 г. Дидро написалъ три діалога, о которыхъ онъ говорилъ, что вмѣстѣ съ его замѣтками о математикѣ это единственные его произведенія, которыми онъ доволенъ. Первый изъ этихъ діалоговъ есть разговоръ между нимъ и д'Аламберомъ (*Entretien entre d'Alembert et Diderot*); второй носитъ заглавіе—*Сонъ д'Аламбера* (*Le rêve de d'Alembert*); здѣсь д'Аламберъ продолжаетъ во снѣ начатый разговоръ, въ то время какъ сидящая у его кровати дѣвица Леспинасъ записываетъ его слова; въ третьемъ діалогѣ дѣвица Леспинасъ и знаменитый докторъ Бордѣ завершаютъ обмѣнъ мыслей по данному предмету.¹⁾ Дидро говорилъ дѣвицѣ Волянъ, что невозможно быть болѣе глубоко-мысленнымъ и болѣе безумнымъ, чѣмъ авторъ этихъ діалоговъ, и что они въ высшей степени сумасбродны, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаютъ въ себѣ самую глубокую философію. Онъ поздравляетъ самъ себя съ тѣмъ, что ему пришла счастливая мысль вложить свои идеи въ уста человѣка, погруженнаго въ сновидѣнія,—потому что мы не рѣдко принуждены придавать мудрости внѣшній видъ безразсудства, если хотимъ чтобъ она встрѣтила сочувствіе. Но дѣвица Леспинасъ была другаго мнѣнія. Она заставила д'Аламбера настоять на томъ, чтобъ этотъ діалогъ былъ уничтоженъ и Дидро оставался при томъ убѣжденіи, что онъ сжегъ единственный экземпляръ діалога. Въ дѣйствительности же рукопись была впервые издана въ 1830 г., когда всѣ тѣ, кого она затрогивала, давно уже обратились въ прахъ. Тамъ есть пять или шесть страницъ, говоритъ Дидро дѣвидѣ Волянъ, отъ которыхъ у вашей сестры встали бы дыбомъ волосы. Но можно быть гораздо менѣ шепетильнымъ; чѣмъ сестра дѣвицы Волянъ, и все таки находить, что фантастическій вымыселъ, носящій заглавіе *Сонъ д'Аламбера*, равно

¹⁾ О е и в., II.

какъ діалогъ, служащій ему продолженіемъ, такъ-же отвратительны, какъ причудливыя выходки неблагопрістойнаго Діогена въ его бочкѣ. Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать два замѣчанія касательно этого страннаго произведенія. Во первыхъ, Дидро не предназначалъ эти діалоги для читающей публики. Онъ былъ бы возмущенъ не менѣе самого парижскаго архіепископа, еслибы онъ могъ предположить, что они сдѣлаются доступными для всякаго, кто умѣетъ читать. Во вторыхъ, хотя по своей формѣ, они представляютъ самое уродливое и самое отталкивающее изъ всѣхъ произведеній философиче-ской литературы, они свидѣтельствуютъ объ искренности, съ кото-рой Дидро увлекался своимъ сюжетомъ. Наука по существу своему не знаетъ ни пошады, ни стыда, а въ *Снѣ д'Аламбера* авторъ вдавался именно въ тотъ отдѣлъ фізіологіи, который всего менѣе пригоденъ для литературной обработки. Попытка автора придать различнымъ отправлениямъ человѣческаго организма внѣшній видъ чего то забавнаго заслуживаетъ рѣшительнаго порицанія, не смотря на то, что Дидро проводитъ свою мысль съ проницательностью и силою искуснаго діалектика.

Въ книгѣ, которая не предназначена исключительно для однихъ ученыхъ, нѣтъ возможности сдѣлать полный обзоръ этихъ трехъ діалоговъ. Но намъ необходимо нужно изложить ихъ основную мысль, такъ какъ именно въ нихъ Дидро является рѣшительно матеріали-стомъ. Дидро не былъ ни въ какомъ смыслѣ слова творцемъ фран-цузскаго матеріализма восемнадцатаго столѣтія. Его предшественни-ками въ этомъ дѣлѣ были Мопертюи, Робинѣ и Ла-Меттри, и мы уже имѣли случай замѣтить, что когда онъ писалъ *Мысли касательно объясненія природы* (1754), онъ не вполнѣ принималъ матеріали-стическій тезисъ Мопертюи. Ланге доказалъ, что въ самый ранній пе-ріодъ этого движенія умовъ уже успѣлъ выработаться самый зрѣлый матеріализмъ, между тѣмъ какъ такіе вожаки движенія какъ Воль-теръ и Дидро еще склонялись или къ деизму или къ чему то по-хожему на смѣсь деизма съ скептицизмомъ ¹⁾. А философія въ *Снѣ д'Аламбера* достаточно опредѣленна и одинаково далека и отъ де-изма и отъ скептицизма.

„Мыслящій человекъ похожъ на музыкальный инструментъ. Пред-ставьте себѣ, что у клавикордовъ есть чувствительность и есть память, и скажите мнѣ, развѣ они не будутъ сами собою повто-рять тѣ аріи, которыя вы исполняли на ихъ клавишахъ. Мы—ин-струменты, одаренные чувствительностью и памятью. Наши чувства тоже что клавиши, на которыхъ играетъ окружающая насъ при-рода и которые нерѣдко приводятъ въ движеніе одни другихъ; вотъ,

¹⁾ Gesch. d. Materialismus, I. 309—10, и пр.

по моему мнѣнію, все, что происходитъ въ клавинодахъ, организованныхъ такъ какъ организованы вы и я.

„Есть только одна субстанція въ мірѣ. Мраморъ статуи можетъ быть обращенъ въ человѣческое тѣло и обратно. Обратите кусокъ мрамора въ мельчайшій порошокъ, смѣшайте этотъ порошокъ съ черноземомъ или съ землей, годной для растительности; хорошенько разотрите ихъ вмѣстѣ, налейте на эту смѣсь воды и оставьте ее гнить годъ, два года или цѣлый вѣкъ,—тутъ время ничего не значить. Отсюда возникнетъ растеніе, которое будетъ питать человека и такимъ образомъ произойдетъ превращеніе мрамора въ человѣческое тѣло.

„Видите-ли вы это яйцо? съ помощью его можно испровергнуть всѣ богословскія школы и всѣ храмы на землѣ. Это безчувственная масса, пока не будетъ введенъ туда зародышъ жизни, а послѣ того какъ будетъ введенъ туда зародышъ, это все еще будетъ безчувственная масса, такъ какъ зародышъ самъ по себѣ есть ничто иное какъ неспособная ни къ какой дѣятельности жидкость. Какимъ образомъ эта масса перейдетъ къ иной организаціи, къ чувствительности, къ жизни? Посредствомъ теплоты. А что произведетъ теплота? Движеніе. Какіе будутъ послѣдовательные результаты движенія? Сначала это будетъ точка, едва движущаяся, потомъ образуется волокно, которое расширяется, потомъ тѣло,—нось и т. д.“

Затѣмъ слѣдуетъ примѣненіе тѣхъ же идей къ воспроизведенію людей,—но это такая сфера, въ которую мы не считаемъ умѣстнымъ проникать вслѣдъ за физиологическимъ изслѣдователемъ. Говоря о превращеніи органической субстанціи въ человека, Дидро приходилъ къ результату столь же рѣшительному, какъ и Бюхнеровскій матеріализмъ.

„Но скажите-же мнѣ докторъ, восклицаетъ дѣвица Леспинасъ, что станется съ порокомъ и добродѣтью,—что станется съ словомъ добродѣтель, которое считается священнымъ на всѣхъ языкахъ, что станется съ идеей о добродѣтели, которая священна у всѣхъ народовъ?

Бордѣ. Надо замѣнить ихъ словами *доброе дѣло* и противоположными имъ словами *дурное дѣло*. Всякій родится съ хорошими или съ дурными задатками, всякій неудержимо увлекается общимъ потокомъ, который влечетъ однихъ къ славѣ, а другихъ къ позору.

Дѣвица Леспинасъ. А самоуваженіе, а стыдъ, а угрызенія совѣсти?

Бордѣ. Это—мелочность, основанная на невѣжествѣ и тшеславіи существа, которое ставитъ себѣ въ заслугу или въ вину то, что было результатомъ необходимости.

Дѣвица Леспинасъ. А награды и наказанія?

Бордѣ. Это—средства для исправленія измѣнчиваго существа,

которое называютъ злымъ человѣкомъ и для поощренія тѣхъ, кого называютъ добрыми людьми ¹⁾).

Третій діалогъ мы должны отложить въ сторону. Тотъ фактъ, что нѣмецкія книги пишутся для публики состоящей изъ специалистовъ, далъ Розенкранцу возможность разобрать эти діалоги съ такой же нестысяемостью, съ какой писалъ ихъ самъ Дидро, и его критика по обыкновенію отличается умѣренностью, терпѣніемъ и солидностью. Но англійскій писатель вынужденъ обходить многое молчаніемъ и въ настоящемъ случаѣ онъ дѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что сюжетъ третьяго діалога принадлежитъ къ разряду такихъ, о которыхъ очень трудно сказать дѣльное слово.

III.

Планъ Университета для русскаго правительства (*Plan d'une Université pour le gouvernement de Russie ou d'une éducation publique dans toutes les sciences*) былъ дѣломъ послѣднихъ лѣтъ жизни Дидро, но ни одинъ экземпляръ этого произведенія не былъ выпущенъ въ свѣтъ до 1813—14 года, когда Гизо издалъ извлеченія изъ оригинальной рукописи Дидро, переданной ему Сюрдомъ. Руководствуясь тѣмъ уваженіемъ къ чужой компетентности, которое въ людяхъ съ его умомъ и его искренностью никогда не соединяется съ себялюбіемъ, Дидро началъ съ того, что сталъ убѣждать императрицу обратиться за совѣтами къ лейпцигскому ученому Эрнести, который извѣстенъ какъ издатель сочиненій Цицерона и былъ въ свое время (1707—1781) не менѣе извѣстенъ тѣми перемѣнами, которыя онъ ввелъ въ систему обученія въ нѣмецкихъ университетахъ. А объ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ Дидро отзывался съ большою снисходительностью, чѣмъ какой они заслуживали въ то время.

Самая выдающаяся идея въ этомъ *Планѣ* была именно такая, какой можно было ожидать отъ издателя Энциклопедіи; Дидро хотѣлъ поставить на первомъ мѣстѣ то, что нѣмцы называютъ реалнымъ или техническимъ образованіемъ и перевести чистую литературу какъ предметъ изученія съ перваго мѣста въ учебномъ курсѣ на послѣднее. На факультетѣ искусствъ высшій курсъ преподаванія долженъ былъ начинаться съ ариметики, алгебры и геометріи. Затѣмъ слѣдуютъ физика и механика; потомъ—астрономія; на четвертомъ курсѣ натуральная исторія и опытная физика; на пятомъ—химія и анатомія, на шестомъ—логика и грамматика, на седьмомъ—отечественный языкъ. Не прежде какъ въ восьмомъ классѣ греческій и латинскій языки, краснорѣчіе и поэзія входили

¹⁾ О е и в., II. 176.

въ число предметовъ или средствъ образованія. Параллельно съ этимъ ходомъ занятій студенты должны были изучать основныя правила метафизики, всеобщей нравственности и религии какъ натуральной такъ и основанной на откровеніи. Здѣсь же удѣлялось мѣсто для исторіи и географіи. Въ третьемъ параллельномъ курсѣ изученіе перспективы и живописи должно было сопровождать изученіе первой изъ этихъ двухъ наукъ, а также изученіе философіи и исторіи второй изъ нихъ.

Касательно тернистаго вопроса о религіозномъ образованіи Дидро не высказываетъ своего собственнаго мнѣнія, а ограничивается выраженіемъ той мысли, что подданные императрицы натурально будутъ сообразоваться съ ея взглядомъ на этотъ предметъ. Такъ какъ ея величество полагаетъ, что страхъ наказаній въ будущей жизни имѣетъ большое вліяніе на человѣческіе поступки, и такъ какъ она убѣждена, что сумма мелкихъ ежедневныхъ выгодъ, доставляемыхъ вѣрой, превосходитъ сумму золъ, порождаемыхъ расколами и религіозной нетерпимостью, то студентовъ слѣдуетъ обучать тайнѣ различія между двумя субстанціями, безсмертію души и т. д. ¹⁾.

Разсказываютъ, что находясь однажды вечеромъ у императрицы, Дидро съ бурнымъ краснорѣчіемъ изобличалъ низость тѣхъ, кто льститъ королямъ; для такихъ людей, сказалъ онъ, долженъ бы былъ существовать болѣе мрачный и болѣе страшный адъ. «Скажите мнѣ, Дидро», — прервала его императрица, — «что говорить въ Парижѣ о смерти моего мужа». Въмѣсто того, чтобъ сказать ей всю правду, философъ сталъ рассыпаться въ самыхъ сладкихъ любезностяхъ. «Признайтесь же», — сказала ему Екатерина, — «что если вы нейдете по тому самому пути, который ведетъ къ вашему мрачному аду, то вы, конечно, очень не далеко отъ чистилища».

Такъ какъ намъ не разъ приходилось укорять Дидро въ чрезмѣрномъ многословіи, то не лишнимъ будетъ замѣтить, что одно мѣсто въ *Планѣ*, о которомъ идетъ рѣчь, доказываетъ, что при случаѣ Дидро умѣлъ быть сжатымъ и сосредоточеннымъ. На тѣхъ двухъ страницахъ, гдѣ онъ возстаетъ противъ предразсудковъ касающихся латинскаго и греческаго языковъ ²⁾, изложенъ вполне исчерпывающій этотъ предметъ перечень всѣхъ доводовъ и возраженій. Можно положительно утверждать, что въ нескончаемыхъ спорахъ, происходившихъ въ теченіе ста лѣтъ послѣ смерти Дидро касательно латинскаго и греческаго языковъ, не былъ затронутъ ни одинъ пунктъ, котораго не коснулся бы Дидро на этихъ полныхъ энергіи и законченности страницахъ. Онъ начинается съ того помо-

1) О е и в., III. 490.

2) О е и в., III. 469—71.

женія, что современная система преподаванія латинскаго и греческаго языковъ въ сущности бесплодна даже для литераторовъ. Я совершенно увѣренъ, говоритъ онъ, что Вольтеръ, котораго нельзя отнести къ числу посредственныхъ литераторовъ, чрезвычайно мало знакомъ съ греческимъ языкомъ и что между современными латинистами онъ по достоинству не только не двадцатый, но даже не сотый ¹⁾).

Вслѣдъ за этимъ *Планомъ* напечатано письмо Дидро къ графинѣ Форбахъ касательно воспитанія дѣтей. Оно наполнено самыми здоровыми идеями объ этомъ предметѣ. Читая его, нельзя не признаться за Дидро тѣхъ достоинствъ, благодаря которымъ онъ былъ любимъ своими друзьями. Отсюда намъ также становится яснымъ, что когда къ нему обращались за совѣтами, онъ умѣлъ воздерживаться отъ тѣхъ трескучихъ парадоксовъ, которыми онъ потѣшалъ себя въ часы философскихъ грезъ.

IV.

Ромильи рассказываетъ намъ, что Дидро пытался излечить его отъ религиозныхъ заблужденій и съ этой цѣлю прочиталъ ему *Разговоръ съ супругой маршала**** (*Entretien d'un philosophe avec la maréchale de**** ²⁾). Этотъ разговоръ, какъ полагаютъ, былъ ничто иное какъ идеализированное изложеніе разговора, дѣйствительно происходившаго между Дидро и г-жею де-Брольи; почти вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ былъ написанъ (1777), онъ былъ впервые напечатанъ въ тѣхъ корреспонденціяхъ, въ которыхъ Метра, въ подражаніе Гримму, сообщалъ своимъ иностраннымъ подписчикамъ о томъ, что дѣлалось въ Парижѣ. Поклонники Дидро считаютъ этотъ разговоръ за самый драгоценный перлъ, какой только можно найти въ его философскихъ произведеніяхъ. Здѣсь идетъ рѣчь о свойствахъ вѣры и невѣрія, олицетвореніемъ которыхъ являются два выводимыхъ на сцену собесѣдника; это ничто иное какъ изящный и наглядный перечень всѣхъ рационалистическихъ возраженій противъ установленныхъ церковью вѣрованій. Здѣсь самое выдающееся по своимъ литературнымъ достоинствамъ мѣсто — та притча, которую приписывали Руссо, но въ которой на самомъ дѣлѣ Руссо не имѣлъ никакого участія помимо того, что сказавшееся въ ея аргументахъ направленіе ума онъ воспроизвелъ въ знаменитомъ исповѣданіи вѣры савойскаго викарія.

Утомленный работой молодой мексиканецъ прогуливался однажды

¹⁾ О е в., III. 473.

²⁾ О е в., vol. II. 505—528.

по берегу моря. Онъ увидалъ доску, которая однимъ концемъ была погружена въ воду, а другимъ упиралась въ берегъ. Онъ сѣлъ на эту доску и, обидная своимъ взоромъ развертывавшееся передъ нимъ обширное пространство, онъ сказалъ самому себѣ: не подлежитъ сомнѣнью, что моя бабушка говорила вздоръ, когда рассказывала мнѣ исторію о какихъ-то людяхъ, когд-а то высадившихся на этотъ берегъ и прибывшихъ сюда изъ какой-то страны, лежащей по ту сторону нашихъ морей. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ здраваго смысла: развѣ я не вижу, что море граничитъ небесами? И могу ли я наперекоръ тому, что вижу, вѣрить старой баснѣ, которая возникла неизвѣстно когда, которую всякій передѣлываетъ на свой ладъ и которая ничто иное какъ сплетеніе неглупостей, изъ-за которыхъ рассказчики готовы вѣбниться другъ другу въ глаза? Въ то время какъ онъ такимъ образомъ разсуждалъ, вздымающіяся воды качали его на лодкѣ и онъ уснулъ. Въ то время какъ онъ спалъ, вѣтеръ усилился, волны приподняли доску, на которой онъ лежалъ, и нашъ молодой разумникъ поплылъ.

Супруга маршала.—Увы, это—изображеніе судьбы всѣхъ насъ: каждый изъ насъ сидитъ на доскѣ; подымается вѣтеръ и волны уносятъ насъ.

С.—Когда онъ проснулся, онъ былъ уже далеко отъ твердой земли. Нашъ мексиканецъ очень удивился увидѣвши себя среди открытаго океана, и еще болѣе удивился, когда, потерявъ изъ виду берегъ, на которомъ такъ недавно прогуливался, онъ увидѣлъ, что море со всѣхъ сторонъ прикасается къ небесамъ. Тогда въ немъ зародилось подозрѣніе, что онъ ошибался и что если вѣтеръ не переменится, онъ можетъ быть занесенъ на тотъ берегъ и къ тѣмъ людямъ, о которыхъ такъ часто рассказывала ему бабушка.

Супруга маршала.—А вы ничего не говорите о его испугѣ.

С. Онъ вовсе не чувствовалъ испуга. Онъ говорилъ самому себѣ: „Не бѣда, лишь бы только удалось пристать къ берегу. Положимъ, я разсуждалъ какъ безумецъ, но я былъ чистосердеченъ по отношенію къ самому себѣ, а это все, чего можно требовать отъ меня. Если имѣть умъ—не добродѣтель, то не имѣть ума—не порокъ“. Между тѣмъ вѣтеръ дулъ все въ томъ же направленіи, молодой человекъ все плылъ на доскѣ и наконецъ вдали сталъ видѣть незнакомый берегъ: мексиканецъ наконецъ вышелъ на твердую землю.

Супруга маршала.—Мы все когда нибудь сойдемся тамъ.

С. Я этого желаю; въ какомъ бы то ни было мѣстѣ я всегда готовъ за честь быть вамъ приятнымъ. Лишь только мексиканецъ сошелъ съ своей доски и поставилъ ногу на песокъ, онъ увидѣлъ стоящаго подлѣ него почтеннаго старца. Онъ спросилъ у старца, гдѣ онъ находится и съ кѣмъ имѣетъ честь разговаривать: „Я государь этой страны“, отвѣчалъ ему старецъ. Молодой человекъ тотчасъ палъ ницъ передъ нимъ, но старецъ сказалъ ему: „Встаньте.

Вы отвергали мое существованіе“?— „Это правда“. — „И существованіе моей имперіи“?— „Это правда“. — „Я вамъ это прощаю, потому что я тотъ, кто проникаетъ взоромъ въ глубину сердець и потому что я прочелъ въ глубинѣ вашего сердца, что вы были искренны; но другія ваши мысли и дѣйствія не такъ невинны“. Тогда старецъ, державшій его за ухо, напомнилъ ему всѣ заблужденія его жизни и на каждомъ его словѣ молодой мексиканецъ преклонялъ голову, ударялъ себя въ грудь и просилъ прощенья.....

V.

Мы уже упоминали о Фальконетѣ ¹⁾, какъ о гениальномъ скульпторѣ и какъ объ одномъ изъ самыхъ интимныхъ друзей Дидро. Въ письмѣ къ Софьѣ Волянъ отъ 21 ноября 1765 г. Дидро сообщаетъ ей, что нѣкоторыя шутки Фальконета побудили его серьезно приняться за защиту безсмертія и уваженія къ потомству ²⁾. Эта задача была исполнена въ дѣятельной корреспонденціи, продолжавшейся съ конца 1765 до 1767 г. Письма Фальконета были сожжены его внучкой по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ; до насъ дошли только отрывки изъ нихъ, которые цитируетъ самъ Дидро. Фальконетъ льстилъ себя мыслию, что на его сторонѣ были лучшіе аргументы, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ ихъ появленія въ печати, но Дидро не исполнилъ его желанія или пожеаданію, или потому, что былъ занятъ другимъ дѣломъ. Корреспонденція была сообщена императрицѣ Еватеринѣ, очень ею заинтересовавшейся, а также нѣкоторымъ другимъ лицамъ, но она была опубликована лишь въ 1830 г. и то не вполне.

Основная мысль, которую выражалъ Дидро въ этихъ двѣнадцати письмахъ, заключается въ томъ, что мысль о безсмертіи и уваженіе къ потомству растрогиваютъ сердца и возвышаютъ душу, что это—два источника великихъ дѣлъ, двѣ надежды одинаково почтенныя, какъ одна такъ и другая, два утѣшенія столь же дѣйствительныя, какъ большая часть утѣшеній находимыхъ въ жизни, но болѣе благородныя, болѣе полезныя и болѣе сильныя. Подъ словомъ безсмертіе Дидро разумѣлъ не тотъ религіозный догматъ, что индивидуальная личность объективно сохранится и продолжится въ какойнибудь другой формѣ существованія. Напротивъ того, именно его невѣріе въ этотъ церковный догматъ придавало нѣкоторую пикантность его заступничеству за иной видъ безсмертія, благодаря которому наша личность не умираетъ лишь во внушаемыхъ признательностью и одобреніемъ воспоминаніяхъ тѣхъ людей, которые будутъ жить

¹⁾ См. выше гл. XII, стр. 327.

²⁾ XIX. 200.

послѣ насъ. Подъ идеей о безсмертіи онъ разумѣлъ «желаніе, чтобъ наше имя блестѣло въ глазахъ потомства, чтобъ мы возбуждали удивленіе и были предметомъ разговоровъ въ будущіе вѣка, чтобъ послѣ нашей смерти намъ воздали такія же почести, какія мы воздаемъ тѣмъ, кто кончилъ здѣсь жизньъ прежде насъ, чтобъ историкъ могъ написать о насъ нѣсколько прекрасныхъ строкъ, чтобъ наше имя было записано наряду съ тѣми именами, которыхъ мы никогда не произносимъ не проронивши слезы, не испустивши вздоха или не выразивъ сожалѣнія, чтобъ насъ осыпали такими же благословеніями, какими мы осыпаемъ Сюлли, Генриха IV и всѣхъ другихъ благодѣтелей человѣческаго рода»¹⁾. Наше честолюбіе слишкомъ широко въ сравненіи съ той сферой, которая окружаетъ насъ и въ средѣ которой міръ превозноситъ насъ,—слишкомъ широко въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, въ которое мы существуемъ и выслушиваемъ похвалы, и въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, кто непосредственно обращается къ намъ съ похвалами, которыя мы отъ нихъ заслужили. Поэтому подлѣ тѣхъ, кто преклоняется передъ нами, мы хотѣли бы видѣть и тѣхъ, кто еще не появлялся на свѣтъ. Только такой несмѣтный сомнѣ поклонниковъ могъ бы удовлетворить того, чей умъ постоянно стремится къ безконечному. Ночью пріятно слышать въ отдаленіи звуки оркестра, доходящіе до нашихъ ушей лишь урывками, которые соединяются въ одно мелодическое цѣлое нашимъ воображеніемъ, тѣмъ охотнѣе предающимся очарованію, что оно въ значительной мѣрѣ его собственное созданіе. Даже еслибы все это было не болѣе какъ сладость пріятнаго сновидѣнія, развѣ можно сказать, что сладость сновидѣнія ничего не стоитъ? Развѣ я долженъ ставить ни во что такое сладкое сновидѣніе, которое длится такъ же долго какъ моя жизнь и которое держитъ меня въ непрерывномъ упоеніи!

Возраженія Фальконета были рѣзки и положительны. Достаточно, говорилъ онъ, той извѣстности, которой мы пользуемся среди нашихъ современниковъ. Что такое слава, если меня нѣтъ въ живыхъ чтобъ наслаждаться ею? Страхъ униженія и позора служить вполне достаточнымъ мотивомъ для того, чтобъ побуждать людей на великія дѣла. Слава послѣ смерти есть нѣчто химерическое и ненадежное. Вспомните о всѣхъ великихъ именахъ, которыя совершенно позабыты, о всѣхъ великихъ труженикахъ, произведенія которыхъ или утрачены или безслѣдно уничтожены, о множествѣ другихъ тружениковъ, произведенія которыхъ приписываются тѣмъ, кто ихъ не создавалъ! Потомство, о которомъ вы мечтаете, нисколько не лучше лоттерей.

1) XVIII, 94.

Нѣтъ, восклицаетъ Дидро съ удвоеннымъ краснорѣчіемъ, доходящимъ до своего апогея ¹⁾, «настоящее есть недѣлимый пунктъ, разрывающій на двое длину безконечной линіи. Нѣтъ возможности держаться на этомъ пунктѣ и тихо скользить съ нимъ далѣе, никогда не оглядываясь на то, что впереди и никогда не поворачивая головы, чтобъ посмотреть назадъ. Чѣмъ болѣе человекъ углубляется въ прошедшее и чѣмъ болѣе онъ старается проникнуть въ будущее, тѣмъ болѣе онъ становится великъ... А всѣ тѣ философы, министры и люди говорившіе правду, которые пали жертвами глупости народовъ, жестокостей духовенства, ярости тирановъ, какое утѣшеніе находили они въ смерти? То, что эти предразсудки исчезнутъ и что потомство покроетъ ихъ враговъ позоромъ. О святое и сеященное для меня потомство, —подпора для несчастныхъ и для угнетенныхъ! Ты справедливо, ты неподкупно, ты мстишь за добрыхъ людей, снимаешь маску съ лицѣвровъ и низвергаешь тирановъ; не оставь же и меня твоимъ неизмѣннымъ, твоимъ утѣшительнымъ довѣріемъ! Потомство для философа то-же, что другой міръ для набожныхъ людей!»

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Племянникъ г-на Рамо: переводъ.

(См. стр. 242).

(Въ этомъ переводѣ выпущены страницы, на которыхъ идетъ рѣчь о личностяхъ, утратившихъ для нашего поколѣнія всякій интересъ; выпущены также тѣ мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о техническихъ условіяхъ музыки. Остальнаго достаточно для того, чтобы можно было составить себѣ ясное понятіе о томъ, что такое *Племянникъ г-на Рамо*).

Какая бы ни была погода, хорошая или дурная, я каждый день часовъ въ пять послѣ обѣда иду гулять въ Пале-Ройяль. Если вы замѣчали человѣка, сидѣвшаго въ одиночествѣ на скамейкѣ д'Аржансона и погруженнаго въ размышленія,—то это былъ я. Я бесѣдную самъ съ собою о политикѣ, о любви, о вкусахъ или о философіи: я предоставляю моему уму самую неограниченную свободу; я не мѣшаю ему гоняться за первой, разумной или безразумной идеей, какая ему представится, подобно тому какъ въ аллеѣ de-Foу наши молодые развратники гоняются за женщиной легкаго поведенія съ нахальнымъ видомъ, смѣющимся лицомъ, огненными взглядами, вздернутымъ носомъ, потомъ покидаютъ ее чтобы гнаться за другой, пристають къ каждой изъ нихъ, но не привязываются ни къ одной. Мои мысли—это мои женщины легкаго поведенія. Когда холодно или идетъ дождь, я ищу убѣжища въ кофейной de la Régence. Тамъ я забавляюсь тѣмъ, что смотрю какъ играютъ въ шахматы. Во всемъ мірѣ нѣтъ другаго города, гдѣ играли бы въ эту игру такъ же хорошо какъ въ Парижѣ, а въ Парижѣ нѣтъ другаго мѣста, гдѣ играли бы въ эту игру такъ же хорошо какъ въ кофейной de la Régence; тамъ можно видѣть какъ подвизаются глубокомысленный *Легаль*, хитрый *Филлдоръ* и солидный *Майо*, тамъ можно видѣть самыя поразительныя

ходы и слышать самыя глупыя рѣчи, потому что если можно быть въ одно и то же время умнымъ человѣкомъ и замѣчательнымъ шахматнымъ игрокомъ, какъ *Легаль*, то также можно быть замѣчательнымъ шахматнымъ игрокомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глупцомъ, какъ *Фуберъ* или *Майо*.

Однажды послѣ обѣда я сидѣлъ тамъ, много наблюдая, мало разговаривая и слушая какъ можно меньше, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ людей, которыми Богъ не обдѣлилъ эту страну. Это какая то смѣсь высокоумія съ низостью, здраваго смысла съ безразсудствомъ; надо полагать, что въ головѣ этого человѣка страннымъ образомъ перепутались понятія о томъ что честно и что безчестно, такъ какъ хорошія качества, которыя дала ему природа, онъ выказываетъ безъ хвастовства, а дурныя—безъ застѣчивости. При этомъ онъ одаренъ сильнымъ сложеніемъ, замѣчательно пылкимъ воображеніемъ и необычайно здоровыми легкими. Если вамъ когда нибудь случится повстрѣчаться съ нимъ и если онъ васъ не оттолкнетъ отъ себя своей оригинальностью, вамъ придется или заткнуть себѣ пальцами уши или спастись бѣгствомъ. О Боже, какія у него ужасныя легкія! Нѣтъ ничего такъ мало на него похожаго, какъ онъ самъ. Иногда онъ худъ и блѣденъ, точно больной при послѣднемъ градусѣ чахотки; тогда можно бы было сосчитать сквозь его щѣки, сколько у него зубовъ и можно бы было подумать, что онъ нѣсколько дней ничего не ѣлъ, или что онъ только что выпущенъ изъ *La Garre*. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ жиревъ и тучевъ, точно будто онъ не вставалъ изъ-за-стола какого нибудь крупнаго капиталиста или былъ заключенъ въ монастырь *Бернардинцевъ*. Сегодня онъ въ грязномъ бѣльѣ, въ разорванныхъ панталонахъ, весь въ лохмотьяхъ и почти безъ башмаковъ; ходитъ онъ понуривъ голову и избѣгаетъ встрѣчъ съ знакомыми; вы готовы подозвать его къ себѣ, чтобъ дать ему милостыню. Завтра онъ напудренъ, обутъ, завить, хорошо одѣтъ, ходитъ поднявши голову вверхъ, старается обращать на себя вниманіе, и вы готовы принять его за порядочнаго человѣка: онъ живетъ со дня на день и бываетъ то грустенъ, то веселъ, смотря по обстоятельствамъ. Утромъ, лишь только онъ всталъ съ постели, его первая забота о томъ, гдѣ ему удастся пообѣдать; послѣ обѣда онъ думаетъ о томъ, куда бы пойти поужинать. Ночь также приноситъ съ собой свои заботы: или онъ возвращается пѣшкомъ на узенькій чердакъ, который служитъ ему мѣстопробываніемъ, если хозяйка дома, выведенная изъ терпѣнія напраснымъ ожиданіемъ квартирной платы, не отобрала у него ключа отъ входной двери, или же онъ направляется въ одинъ изъ загородныхъ трактировъ, гдѣ дожидается разсвѣта за кускомъ хлѣба и кружкой пива. Если же у него нѣтъ шести су въ карманѣ,—что иногда съ нимъ случается,—онъ или ищетъ убѣжища въ наемной каретѣ какого нибудь пріятели или прибѣгаетъ къ покровительству какого нибудь кучера знатнаго барина, чтобы получить

позволеніе уснуть на соломѣ рядомъ съ его лошадьми. Утромъ еще бываютъ видны въ его волосахъ клочки отъ его матраца. Если погода хороша, онъ всю ночь ходитъ взадъ и впередъ по Блисейскимъ полямъ. Съ разсвѣтомъ онъ снова появляется въ городѣ одѣтымъ наканунѣ для завтрашняго дня, а иногда одѣтымъ съ завтрашняго дня на всѣ остальные дни недѣли.

Я не питаю уваженія къ оригиналамъ этого рода, но иные сводятъ съ ними тѣсное знакомство и даже дружбу. Разъ въ годъ мнѣ случается вступать съ ними въ разговоръ, потому что ихъ характеръ рѣзко отличается отъ характера другихъ людей и потому что они нарушаютъ скучное однообразіе, порождаемое вашимъ воспитаніемъ, условиями общественной жизни и вошедшими въ обычай приличіями. Когда одинъ изъ нихъ появляется въ обществѣ, онъ бываетъ похожъ на дрожжи, которыя, придя въ броженіе, возвращаютъ каждому нѣкоторую долю его природной индивидуальности. Онъ расшевеливаетъ, онъ возбуждаетъ, онъ заставляетъ одобрять или порицать; онъ обнаруживаетъ истину, онъ доставляетъ возможность распознавать честныхъ людей, онъ снимаетъ маску съ плутовъ; тогда человѣкъ съ здравымъ умомъ вслушивается въ разговоры и узнаетъ, съ какими людьми имѣетъ дѣло.

Этотъ человѣкъ давно былъ мнѣ знакомъ. Онъ часто бывалъ въ одномъ домѣ, въ который открыли ему двери его дарованія. Тамъ была единственная дочь; онъ поклялся отцу и матери, что женится на ихъ дочери. Они пожимали плечами, смѣялись ему въ лице, говорили ему, что онъ сошелъ съ ума, однако я тотчасъ могъ замѣтить, что это дѣло было уже улажено. Онъ попросилъ у меня взаймы нѣсколько экю, и я ему ихъ далъ. Онъ втерся, не знаю какъ, въ нѣсколько почтенныхъ семействъ, гдѣ для него всегда былъ готовъ приборъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ не открывалъ рта, не получивъ на то позволенія. Онъ молчалъ и съ яростью наѣдался; интересно было видѣть его въ такомъ стѣсненномъ положеніи. Если у него являлось желаніе нарушить условіе и онъ разѣвалъ ротъ чтобъ говорить, то при первомъ сказанномъ имъ словѣ всѣ присутствующіе начинали кричать: *Рамо!*, — тогда его глаза блестя отъ гнѣва и онъ еще съ большею яростью принимался за ѣду. Вы хотѣли знать имя этого человѣка, но теперь вы уже знаете его. Это—Рамо, ученикъ того знаменитаго человѣка, который избавилъ насъ отъ широкаго протяжнаго пѣнія, господствовавшаго у насъ болѣе ста лѣтъ; который написалъ столько непонятныхъ мечтаній и апокалипсическихъ истинъ касательно теоріи музыки, въ которой ни онъ ни всѣ другіе никогда ничего не понимали; отъ котораго мы имѣемъ нѣсколько оперъ не лишенныхъ гармоніи, пѣвучести, безсвязныхъ идей, треску, высокихъ пареній, триумфовъ, ударовъ копыя, прославленій, сѣтованій, безконечныхъ побѣдъ, пьесъ для танцевъ, которыя будутъ жить вѣчно, и который, похоронивши флорентинца (Люлли), будетъ похороненъ итальянскими виртуозами; онъ это предчувствовалъ, отчего

и былъ такъ мраченъ, печаленъ и сварливъ, такъ какъ даже хорошенькая женщина вставшая съ постели съ прыщикомъ на носу, не бываетъ такъ раздражительна какъ авторъ, который находится въ опасности утратить свою хорошую репутацію.

Онъ подходитъ ко мнѣ. „А! вотъ и вы, господинъ философъ! Что вы тутъ дѣлаете въ обществѣ этихъ празднолюбцевъ? Ужъ и вы не тратите-ли ваше время на передвиганіе деревяшекъ?...“ (Подъ этимъ презрительнымъ выраженіемъ разумется игра въ шахматы или въ шашки).

Я. Нѣтъ, но когда я ничѣмъ не занятъ, я люблю смотрѣть на тѣхъ, кто умѣетъ хорошо ихъ передвигать.

Онъ. Въ такомъ случаѣ вамъ должно быть рѣдко приходится быть довольнымъ: кромѣ *Легалы* и *Филидора* никто ничего въ этомъ не смыслить.

Я. А г-нъ *де-Бюсси*?

Онъ. Этотъ, какъ шахматный игрокъ, то—же что дѣвица *Клеронъ* какъ актриса: оба они знаютъ о своей игрѣ все, чему можно научиться.

Я. Вамъ нелегко угодить и я вижу, что вы снисходительны только къ тѣмъ, кто достигъ высшаго совершенства.

Онъ. Да, въ шахматахъ, шашкахъ, поэзіи, краснорѣчіи, музыкѣ и въ другихъ тому подобныхъ пустякахъ. Какая польза отъ посредственности въ этихъ предметахъ?

Я. Я согласенъ съ вами, что небольшая. Но для того, чтобъ могъ появиться гениальный человекъ, надо чтобъ значительное число другихъ людей предварительно поработало надъ этими предметами: вѣдь онъ одинъ среди множества. Но отложимъ это въ сторону. Я такъ долго не видѣлся съ вами. Я не вспоминаю о васъ когда васъ не вижу, но всегда радъ съ вами встрѣтиться. Что вы подѣлывали?

Онъ. То же, что дѣлали вы, я и всѣ другіе,—то что нибудь хорошее, то что нибудь дурное, а то и вовсе ничего. Сверхъ того я чувствовалъ голодъ и жѣлъ, если представлялся къ тому случай; поѣвши, я чувствовалъ жажду и иногда утолялъ ее. Между тѣмъ у меня росла борода, и когда она выросла, я ее сбиралъ.

Я. И напрасно это дѣлали: это единственная вещь, которой вамъ недостаетъ, чтобъ быть мудрецомъ.

Онъ. Конечно. У меня широкой и морщинистый лобъ, полные огня глаза, большой носъ, щеки толстыя, брови черныя и густыя, ротъ красивый, губы вздернутыя и лице четырехугольникомъ. Будь этотъ широкий подбородокъ покрытъ длинной бородой, право все это выглядывало бы очень хорошо въ бронзѣ или въ мраморѣ!

Я. Рядомъ съ изображеніями такихъ людей какъ *Цезарь*, *Маркъ-Аврелій*, *Сократъ*.

Онъ. Нѣтъ. Мнѣ будетъ лучше между *Диогеномъ*, *Лансой* и *Фринеей*. Я безстыденъ какъ первый изъ нихъ, и я охотно посящаю вторыхъ.

Я. Всегда-ли хорошо ваше здоровье?

Онъ. Да, обыкновенно хорошо, но сегодня не особенно.

Я. Какъ такъ! Въдъ у васъ животъ какъ у Силена, а лице какъ...

Онъ. Такое лице, которое можно принять за.. Это оттого, что дурное расположеиіе духа, которое изсушаетъ моего дорогаго учителя, повидимому заставляетъ жирить его дорогаго ученика.

Я. Кстати, скажите мнѣ, видаетесь ли вы съ этимъ дорогимъ учителемъ?

Онъ. Да, я иногда вижу его идущимъ по улицъ.

Я. Развѣ онъ ничего не дѣлаетъ для васъ?

Онъ. Если онъ что нибудь и дѣлаетъ для кого нибудь, то безъ своего вѣдома. Это—философъ въ своемъ родѣ; онъ думаетъ только о себѣ, а все остальное хоть провались. Его дочь и его жена могутъ умереть когда угодно, лишь бы приходскіе колокола, въ которые будутъ звонить по случаю ихъ смерти, звучали *секундой* и *септимою*, и все будетъ хорошо. Это очень счастливо для него и это именно то, что я особенно цѣню въ гениальныхъ людяхъ. Они хороши только для своего дѣла, а въ остальномъ ни къ чему негодны; они не понимаютъ, что значить быть гражданиномъ, отцомъ, матерью, родственникомъ, другомъ. Между нами сказать, не худо быть похожими на нихъ во всемъ, но не слѣдуетъ желать, чтобъ это сѣмья сдѣлалось обыкновеннымъ. Намъ нужны люди, а не гениальные люди; нѣтъ, увѣряю васъ, намъ такихъ не надо. Они—именно тѣ, кто измѣняютъ положеніе дѣлъ на земномъ шарѣ, а глупость такъ всеобща и такъ всеильна даже въ самыхъ мелкихъ вещахъ, что ея нельзя передѣлать безъ общаго переполоха. Часть того, что они придумываютъ, входитъ въ употребленіе, а все прочее остается по старому; отсюда два евангелія, — нѣчто похожее на платье арлекина. Мудрость монаха у Рабелэ есть истинная мудрость и для его собственнаго спокойствія и для спокойствія другихъ; исполнять свою обязанность кое-какъ, всегда хорошо отзываться о настоящемъ, а остальное пусть идетъ какъ случится. И въдъ все идетъ хорошо, потому что большинство довольно. Если бы я зналъ исторію, я доказалъ бы вамъ, что все дурное здѣсь на землѣ всегда исходило отъ какихъ нибудь гениальныхъ людей, но я не знаю исторіи, потому что я не знаю ровно ничего. Чортъ меня возьми, если я чему нибудь когда нибудь учился и если мнѣ стало хуже оттого, что я ничему не учился. Однажды я сидѣлъ за столомъ у министра Короля****, который умелъ за-четверыхъ: ну чтоже! онъ доказалъ намъ такъ же ясно, какъ одинъ плюсъ одинъ—два, что нѣтъ ничего болѣе полезнаго для народѣвъ чѣмъ ложь, и ничего болѣе вреднаго, чѣмъ правда. Я не припомню въ точности его доказательствъ, но изъ нихъ очевидно вытекало, что гениальные люди отвратительны, и что еслибъ какой нибудь ребенокъ появился на свѣтъ съ ясными на его челѣ признаками этого опаснаго дара природы, то слѣдовало-бы или задушить его или бросить на съѣденіе уткамъ.

Я. Однако люди этого рода, относящиеся такъ враждебно къ гению, всегда воображаютъ, что они имъ обладаютъ.

Онъ. Я полагаю, что они это воображаютъ въ глубинѣ души, но я не думаю, чтобъ они осмѣлились это высказывать.

Я. Они этого не дѣлаютъ изъ скромности. И такъ вы возьмѣли страшную ненависть къ гению?

Онъ. Такую, которая никогда не угаснетъ.

Я. Однако я помню то время, когда вы приходили въ отчаяніе при мысли, что вы ничего болѣе, какъ самый обыкновенный человекъ. Вы никогда не будете счастливы, если и за и противъ будутъ одинаково огорчать васъ: надо стать на которую нибудь сторону и держаться ея. Хотя иные и согласятся съ вами въ томъ, что гениальные люди бываютъ вообще странны или, какъ говорить по-словница, что *нѣтъ великихъ умовъ безъ маленькой доли глупости*, однако все таки всѣ будутъ презирать тѣ вѣка, которые не произвели гениальныхъ людей. Такіе люди будутъ дѣлать честь тѣмъ народамъ, среди которыхъ они жили; рано или поздно имъ воздвигнутъ статуи и будутъ считать ихъ за благодѣтелей человеческого рода. Что бы ни думалъ тотъ великій министръ, на котораго вы ссылались, я все таки остаюсь при томъ мнѣніи, что если ложь и можетъ быть полезна въ данный моментъ, она въ концѣ концовъ непременно окажется вредной и что, напротивъ того, правда оказывается полезной вполнѣ, хотя въ данную минуту она и можетъ приносить вредъ. Отсюда я готовъ придти къ заключенію, что гениальный человекъ, встающій противъ всеобщаго заблужденія или убѣждающій въ какой нибудь великой истинѣ, всегда достоинъ нашего глубокаго уваженія. Можетъ случиться, что такой человекъ падетъ жертвой предрасудковъ и законовъ; но есть два рода законовъ: одни основанные на всеобщей абсолютной справедливости, а другіе — странные и вошедшіе въ силу лишь вслѣдствіе ослѣпленія или временной необходимости. Эти послѣдніе покрываютъ того, кто ихъ нарушилъ, лишь временнымъ позоромъ, — такимъ позоромъ, который съ теченіемъ времени переходитъ на судей и на народы, чтобъ никогда не покидать ихъ. На комъ въ наше время лежитъ позоръ, — на Сократѣ или на томъ судѣ, который заставилъ его выпить ядъ?

Онъ. Какая оттого польза Сократу! Развѣ онъ все таки не былъ осужденъ на смерть? Развѣ онъ все таки не былъ лишенъ жизни? Развѣ онъ все таки не былъ буйнымъ гражданиномъ? Тѣмъ, что онъ выказалъ презрѣніе къ дурному закону, развѣ онъ не поощрилъ глупыхъ людей къ неуваженію хорошихъ законовъ? Развѣ онъ все таки не былъ дерзкимъ оригиналомъ? Вы чуть не высказали такого мнѣнія, которое было бы не въ пользу гениальныхъ людей.

Я. Выслушайте меня, мой милый. По настоящему, въ обществѣ не должно быть дурныхъ законовъ, а если бы въ немъ были только хорошіе законы, оно никогда не стало бы преслѣдовать гениальнаго человека. Я никогда не говорилъ вамъ ни того, что гениаль-

ность бывает неразрывно связана съ злостью, ни того, что злость неразрывно связана съ геніальностью. Глупый человѣкъ чаще бываетъ злымъ, чѣмъ умный. Если бы геніальный человѣкъ и былъ грубъ въ обхожденіи, непріятель, придирчивъ, невыносимъ, если бы онъ былъ золъ, что вы заключили бы изъ этого?

Онъ. Что его слѣдуетъ утопить.

Я. Потихе, мой милый. Вѣдь я не взялъ-бы за образецъ нашего дядюшку Рамо. Онъ грубъ и жестокъ; у него нѣтъ человѣколюбія; онъ скупъ; онъ дурной отецъ, дурной мужъ, дурной дядя; между тѣмъ нельзя еще утверждать, что онъ геніальный человѣкъ, что онъ много подвинулъ впередъ свое искусство и что его произведенія не будутъ позабыты лѣтъ черезъ десять. А Расинъ? Вѣдь у него безспорно былъ гевій, а онъ не считался за очень хорошаго человѣка. А Вольтеръ?...

Онъ. Не будьте такъ настойчивы; вѣдь я не уклонюсь отъ правильныхъ выводовъ.

Я. Что вы предпочли-бы: чтобъ онъ былъ добрякомъ, отождествляющимся съ своей конторой, какъ Бриассонъ, или съ своимъ аршиномъ, какъ Барбье, чтобъ онъ акуратно каждый годъ производилъ на свѣтъ законнаго ребенка, чтобъ онъ былъ хорошимъ мужемъ, хорошимъ отцемъ, хорошимъ дядей... хорошимъ сосѣдомъ, честнымъ торговцемъ и ничего болѣе; или чтобъ онъ былъ лукавъ, вѣроломъ, честолюбивъ, завистливъ, золъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы авторомъ *Андромаки*, *Британики*, *Ифигении*, *Федры*, *Аталіи*?

Онъ. Для него самого, мнѣ кажется, было бы гораздо лучше, еслибы онъ былъ первымъ изъ этихъ двухъ людей.

Я. Это несравненно болѣе близко къ правдѣ, чѣмъ вы думаете.

Онъ. А! вотъ вы каковы, господа! Если мы скажемъ что нибудь дѣльное, вы хотите увѣрить, что мы сказали это какъ полоумные люди по вдохновенію, случайно. Точно будто вы одни говорите сознательно; нѣтъ, господинъ философъ, я говорю такъ-же сознательно, какъ и вы.

Я. Посмотримъ. Ну, скажите мнѣ, почему вы такъ выразились о немъ?

Онъ. Потому что всѣ прекрасныя вещи, которыя онъ создалъ, не принесли ему и двадцати тысячъ франковъ и потому что торгуй онъ хорошо шелковыми матеріями въ улицѣ Сень-Дени и Сень-Онора, или будь онъ оптовымъ торговцемъ колоніальными товарами, или аптекаремъ, у котораго много постоянныхъ покупателей, онъ нажилъ-бы огромное состояніе и наживая его не отказывалъ бы себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ; онъ давалъ бы отъ времени до времени по золотой монетѣ такому жалкому шуту, какъ я за то, что я смѣшилъ бы его и доставлялъ бы ему хорошенькихъ женщинъ; мы ѣли-бы у него отличные обѣды, играли-бы крупную игру, пили-бы отличныя вина, отличныя ликёры, отличный кофе и устраивали-бы поѣздки за городъ. И такъ вы видите, что я зналъ,

что хотѣлъ сказать. Вы смѣтаетесь?..... Но дайте же мнѣ докончить: онъ былъ-бы лучше для окружающихъ.

Я. Я противъ этого не спорю, но при томъ условіи, что онъ не сталъ бы дѣлать дурнаго употребленія изъ богатства, нажитаго дозволенной торговлей, что онъ удалилъ-бы изъ своего дома всѣхъ игроковъ, паразитовъ, пошлыхъ льстецовъ, тунеядцевъ, развратныхъ бездѣльниковъ и приказалъ бы своимъ лавочникамъ отколотить палками того услужливаго негодяя, который беретъ на себя роль сводника.

Онъ. Отколотить палками, милостивый государь! Въ благоустроенномъ городѣ никого нельзя колотить палками. Вѣдь это честное ремесло; имъ занимаются даже титулованные люди. И куда же тратить свои деньги если не на то, чтобъ имѣть хорошій столъ, пріятное общество, хорошія вина, красивыхъ женщинъ, всевозможныя удовольствія и всякаго рода развлеченія? По моему, имѣть большое состояніе и не пользоваться ни однимъ изъ названныхъ наслажденій, то-же что быть нищимъ. Но возвратимся къ Расину. Этотъ человѣкъ былъ хорошъ только для тѣхъ, кто его не зналъ и въ такое время, когда его уже не было на свѣтѣ.

Я. Согласенъ, однако взвѣсьте дурное и хорошее. Черезъ тысячу лѣтъ отъ настоящаго момента, онъ будетъ заставлять плакать, имъ будутъ восхищаться во всѣхъ странахъ земнаго шара; онъ будетъ внушать челоуѣколюбіе, состраданіе, нѣжныя чувства; будутъ спрашивать, что онъ былъ за человѣкъ, изъ какой страны и будутъ завидовать Франціи. Онъ заставилъ страдать нѣсколькихъ людей, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ и которые для насъ почти нисколько не интересны; намъ самимъ нечего бояться ни его пороковъ, ни его нравственныхъ недостатковъ. Конечно, было бы лучше, еслибы вмѣстѣ съ талантами великаго человѣка онъ получилъ отъ природы добродѣтели хорошаго человѣка. Это—такое дерево, отъ котораго засохло нѣсколько другихъ деревьевъ посаженныхъ по сосѣдству съ нимъ и засохли растенія, выросшія у его подножія; но оно достигло своей вершиной до облаковъ; его вѣтви распространились далеко; оно даетъ свою тѣнь всѣмъ кто искалъ, ищетъ или будетъ искать отдохновенія подлѣ его величественнаго ствола; оно дало самыя вкусныя плоды, которые безпрестанно возобновляются. Конечно было бы желательно, чтобъ Вольтеръ имѣлъ нѣжность Дюкло, чистосердечіе аббата Трюблэ, прямоту аббата д'Оливэ, но такъ какъ этого не можетъ быть, то будемъ смотреть на предметъ съ той его стороны, которая дѣйствительно интересна; забудемъ на минуту, какой мы занимаемъ пунктъ въ пространствѣ и во времени, и окинемъ взоромъ будущіе вѣка, самыя отдаленныя страны и еще не явившіеся на свѣтѣ народы. Подумаемъ о благѣ нашей расы; если мы сами недостаточно великодушны, то покрайней мѣрѣ извинимъ природѣ то, что она была болѣе благоразумна чѣмъ мы. Если вы нальете холодной воды на голову Грѣза, вы, можетъ быть, потушите его талантъ вмѣстѣ съ

его тщеславіемъ. Если вы сдѣлаете Вольтера менѣ чувствительнымъ къ критикѣ, онъ уже не будетъ въ состояніи проникать въ душу Меропы и не будетъ васъ трогать.

Онъ. Но если натура столь же сильна сколько благоразумна, то почему же она не сдѣлала этихъ людей въ такой же мѣрѣ добрыми, въ какой она сдѣлала ихъ великими?

Я. Неужели вы не замѣчаете, что такими разсужденіями вы ниспровергаете общій порядокъ и что если бы здѣсь на землѣ все было превосходно, то не было-бы ничего превосходнаго?

Онъ. Вы правы; главная суть въ томъ, чтобъ вы и я существовали и чтобъ мы были—вы и я, а все остальное пусть идетъ какъ можетъ. По моему мнѣнію, самый лучшій порядокъ всегда тотъ, въ которомъ мнѣ есть мѣсто; но мнѣ нѣтъ никакого дѣла до самаго лучшаго изъ міровъ; если меня тамъ нѣтъ! Я предпочитаю существовать и даже быть дерзкимъ болтуномъ, чѣмъ вовсе не существовать.

Я. Всякій кто разсуждаетъ такъ, какъ вы, и нападаетъ на существующій порядокъ, не замѣчаетъ того, что онъ этимъ отказывается отъ своего собственнаго существованія.

Онъ. Это правда.

Я. Будемъ же братъ вещи, какъ они есть. Посмотримъ, чего они намъ стоятъ и что они намъ приносятъ и оставимъ какъ есть то цѣлое, съ которымъ мы недостаточно знакомы, чтобъ быть въ состояніи хвалить его или порицать, и которое, можетъ быть, не хорошо и не дурно, такъ какъ оно по мнѣнію многихъ хорошихъ людей необходимо.

Онъ. Я не могу хорошенько понять того, что вы говорите. Оно похоже на что то въ родѣ философіи, но я васъ предупреждаю, что я въ нее не мѣшаюсь. Я знаю только то, что я хотѣлъ бы сдѣлаться другимъ человѣкомъ и при счастливой случайности гениальнымъ человѣкомъ, великимъ человѣкомъ; да, я долженъ сознаться, что во мнѣ есть что-то такое, что даетъ мнѣ такую надежду. Я никогда не могъ слышать похвалъ подобнымъ людямъ, не чувствуя тайной злобы. Я завистливъ... Когда я узнаю какую нибудь унижительную для нихъ черту изъ ихъ жизни, я слушаю съ удовольствіемъ; это сближаетъ насъ и я легче примиряюсь съ моей посредственностью. Я говорю самъ себѣ: конечно, ты никогда не написалъ бы *Магомета*; но ты не написалъ бы и похвалы *Мону*. И такъ я всегда былъ и всегда буду недоволенъ тѣмъ, что я посредственность. Да, да, я посредственность и я этимъ недоволенъ. Я никогда не могъ слышать увертюру изъ *Indes galantes*, никогда не могъ слышать въ пѣніи *Profonds abîmes du Ténare; Nuit, éternelle nuit*, безъ того чтобъ не сказать съ горестью самому себѣ: вотъ этого ты никогда не создашь. Стало быть я завидовалъ моему дядюшкѣ.

Я. Если только это васъ огорчаетъ, то этимъ не стоить огорчаться.

Онъ. Это ничего, вѣдь это бываетъ только минутами, а потомъ проходить. (Вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ напѣвать сквозь зубы увертюру изъ *Indes galantes* и арию *Profonds abîmes* и потомъ продолжалъ):

Какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ: Рамо, тебѣ очень хотѣлось-бы быть авторомъ этихъ двухъ пьесъ; если бы ты могъ написать эти двѣ пьесы, ты написалъ бы еще парочку другихъ, а когда ты написалъ бы ихъ довольно много, ихъ стали-бы разыгрывать и распѣвать повсюду. Ты сталъ бы ходить поднявши голову къверху; твоя совѣсть свидѣтельствовала-бы тебѣ о твоёмъ собственномъ достоинствѣ, а другіе показывали-бы на тебя пальцами и говорили-бы: вотъ тотъ, кто написалъ хорошенькіе гавоты (и онъ начиналъ сквозь зубы напѣвать гавоты). Потомъ, съ видомъ чловѣка утопающаго въ наслажденіяхъ и съ глазами влажными отъ нѣги, онъ прибавилъ, потирая себѣ руки: у тебя былъ бы прекрасный домъ (и онъ измѣрялъ руками его размѣры), хорошая постель (и онъ небрежно опускался на нее), хорошія вина (и онъ отвѣдывалъ вино, щелкая языкомъ о небо), прекрасный экипажъ (и онъ подымалъ ногу, чтобъ войти въ него), хорошенькія женщины (и онъ протягивалъ къ нимъ руки, бросая на нихъ сладострастные взгляды); сотня бездѣльниковъ ежедневно приходила-бы къ тебѣ чтобъ перевозносить тебя (и ему казалось, что онъ видитъ вокругъ себя Палиссо, Пуансинэ, Фрероновъ отца и сына, ла-Порта; выслушивая ихъ онъ то принималъ важный видъ, то одобрялъ ихъ, то улыбался имъ, то обходилъ съ ними съ пренебреженіемъ, то выказывалъ имъ презрѣніе, то выгонялъ ихъ отъ себя, то заставлялъ ихъ возвратиться; и потомъ продолжалъ): И вотъ по утрамъ тебѣ стали бы говорить, что ты великій чловѣкъ; ты прочелъ-бы въ *Исторіи трехъ столѣтій*, что ты великій чловѣкъ; вечеромъ ты пришелъ бы къ убѣжденію, что ты великій чловѣкъ и такимъ образомъ великій Рамо уснулъ бы подъ пріятное журчанье похвалъ, раздающихся въ его ушахъ; даже во время сна онъ имѣлъ-бы довольный видъ: его грудь расширялась бы, возвышалась бы и опускалась бы съ легкостью; онъ храпѣлъ бы какъ великій чловѣкъ.... (И, говоря это, онъ съ нѣгой опускался на кушетку, закрывалъ глаза и представлялъ, какъ онъ сталъ-бы спать. Насладившись нѣскольکو минутъ такимъ пріятнымъ отдохновеніемъ, онъ просыпался, протягивалъ руки, зѣвалъ, протиралъ глаза и оглядывался кругомъ, ища своихъ пошлыхъ поклонниковъ).

Я. Стало быть вы думаете, что у счастливыхъ людей особый сонъ?

Онъ. Еще бы этого не думать! Когда я, жалкій бѣднякъ, возвращаюсь вечеромъ на мой чердакъ и ложусь въ мою жесткую постель, меня коробитъ подъ моимъ одѣяломъ, грудь моя суживается и дыханіе становится тяжелымъ; это—что-то въ родѣ едва слышнаго жалобнаго звука,—тогда какъ капиталистъ храпитъ на всю комнату и приводитъ въ изумленіе всѣхъ, кто живетъ въ одной съ

нимъ улицѣ. Но въ настоящую минуту я огорчаюсь вовсе не тѣмъ, что я храплю и дурно сплю какъ бѣднякъ.

Я. Однако, это неприятно.

Онъ. То, что случилось со мной, гораздо неприятнѣе.

Я. А что такое?

Онъ. Вы всегда принимали во мнѣ нѣкоторое участіе потому что я добрый малый, котораго вы въ глубинѣ души презираете, но который забавляетъ васъ.

Я. Это правда.

Онъ. Такъ я вамъ расскажу въ чемъ дѣло. (Прежде, чѣмъ начать, онъ испустилъ глубокой вздохъ и взялся обѣими руками за голову; затѣмъ онъ принялъ спокойный видъ и сказалъ мнѣ):

Вы знаете, что я невѣжда, глупецъ, безумецъ, нахаль, лѣнтяй и обжора

Я. Какой панегирикъ!

Онъ. Онъ вѣренъ во всѣхъ отношеніяхъ; изъ него нельзя выкинуть ни одного слова, и я прошу васъ не возражать на него. Никто не знаетъ меня лучше самого меня, и я еще не все сказалъ.

Я. Я не хочу васъ раздражать и готовъ согласиться на все.

Онъ. Такъ вотъ что! Я жилъ въ обществѣ людей, которые расположились ко мнѣ именно потому, что я въ высшей степени обладаю всѣми этими свойствами.

Я. Это странно: до сихъ поръ я былъ того мнѣнія, что ихъ или скрываютъ отъ самаго себя или извиняютъ въ самомъ себѣ, но презираютъ въ другихъ.

Онъ. Скрывать отъ самаго себя! Развѣ это возможно? Будьте увѣрены, что когда Палиссо остается наединѣ и переноситъ свои мысли на самаго себя, онъ говоритъ совсѣмъ не то, что говоритъ при другихъ; будьте увѣрены, что когда онъ остается глазъ на глазъ съ своимъ товарищемъ, они откровенно сознаются передъ самими собою, что они ничто иное какъ пара знаменитыхъ негодяевъ. Презирать эти свойства въ другихъ! Люди, въ обществѣ которыхъ я жилъ, были болѣе справедливы и благодаря моему характеру я имѣлъ у нихъ большой успѣхъ; я катался какъ сыръ въ маслѣ; меня угощали и если теряли меня на самое короткое время изъ виду, сожалѣли объ этомъ; я былъ для нихъ маленькій Рамо, маленький Рамо, Рамо—безумецъ, нахаль, невѣжда, лѣнтяй, обжора, шутъ, неотесанный болванъ. Не было ни одного изъ этихъ эпитетовъ, который не сопровождался бы улыбкой, лаской, легкимъ ударомъ по плечу, оплеухой, пинькомъ, вкуснымъ кускомъ брошеннымъ во время обѣда въ мою тарелку, а послѣ обѣда какойнибудь вольностью, которой я не придавалъ никакого значенія, потому что я самъ человекъ безъ значенія. Можно дѣлать изъ меня, при мнѣ и со мною все что вздумается, я никогда ничѣмъ не обижаюсь. А сколько сыпалось на меня маленькихъ подарочковъ! Ахъ, я собака, зачѣмъ я все это потерялъ! А потерялъ я все потому, что только разъ, только единственный разъ въ моей жизни

обнаружилъ здравый смыслъ. Ахъ! Неужели это можетъ еще когда нибудь случиться!

Я. Въ чемъ же было дѣло?

Онъ. Рамо! Рамо! Развѣ васъ для этого взяли? Какъ было глупо обнаружить немножко вкуса, немножко ума, немножко здраваго смысла; другъ мой Рамо, это объясняетъ вамъ, какими васъ создалъ Богъ, и какими васъ желаютъ видѣть ваши покровители. Вотъ васъ и взяли за плечи, вытолкали васъ въ дверь и сказали вамъ: „вонъ, негодяй, и впередъ сюда ни ногой! Онъ тоже хочетъ имѣть и умъ и здравый смыслъ! Вонъ! У насъ всѣ этихъ свойствъ достаточно и даже избытокъ“. И вотъ вы ушли кусая себѣ пальцы; вамъ прежде всего слѣдовало бы кусать вашъ проклятый языкъ. Такъ какъ вы не догадались этого сдѣлать, то вотъ вы теперь и выброшены на улицу; у васъ нѣтъ ни копѣйки и вы не знаете куда преклонить голову. Васъ кормили на убой, а теперь вамъ придется поститься; вы имѣли хорошее помѣщеніе, а теперь вы сочтете себя счастливыми, если васъ опять пустятъ на вашъ чердакъ; вы спали въ покойной постель, а теперь васъ ждетъ солома у кучера г-на де-Субизъ или у вашего пріятеля Роббэ; вмѣсто того чтобъ наслаждаться по прежнему сладкимъ и спокойнымъ сномъ, вы будете слышать лошадиное ржаніе и топотъ, и сознавать, что вы жалкій безумецъ, одержимый тысячею бѣсовъ!

Я. Но развѣ нѣтъ никакого способа поправить дѣло? Развѣ ваша вина изъ такихъ, которыя не прощаются? На нашемъ мѣстѣ я снова отправился-бы къ этимъ людямъ; вы для нихъ необходимы болѣе, чѣмъ сколько вамъ кажется.

Онъ. О! Я увѣренъ, что съ тѣхъ поръ какъ я пересталъ ихъ смѣшить, они скукаютъ какъ собаки.

Я. Поэтому-то я снова отправился бы къ нимъ: я не даль-бы имъ времени пріучиться къ моему отсутствію и обратиться къ какимъ нибудь благороднымъ развлеченіямъ, — потому что вѣдь нельзя знать, что можетъ случиться.

Онъ. Этого-то я не боюсь; это не можетъ случиться.

Я. Какъ бы вы ни были неподражаемы, другой можетъ замѣнить васъ.

Онъ. Едва-ли.

Я. Положимъ, что это такъ. Однако я все таки пошелъ бы туда съ этимъ исхудалымъ лицомъ, съ этими блуждающими глазами, съ этой раскрытой шеей, съ этими растрепанными волосами и въ этомъ по истинѣ трагическомъ положеніи, въ которомъ вы теперь находитесь. Я бросился бы къ ногамъ божества и, не подымая головы, сказалъ бы тихимъ и заглушаемымъ рыданіями голосомъ: „Простите меня! Простите! я низкій, безчестный человекъ. То было лишь одно несчастное мгновеніе; вѣдь вы хорошо знаете, что я не способенъ имѣть здравый смыслъ, и я общаю вамъ, что никогда не буду его имѣть въ теченіе всей моей жизни“.

(Забавно то, что въ то время, какъ я говорилъ ему эти слова,

онъ изображалъ ихъ пантомимой и палъ ницъ; онъ прильнулъ головой къ полу, точно будто обнималъ обѣими руками кончикъ туфли, плакалъ, рыдалъ и говорилъ: „Да, моя маленькая королева, да, я вамъ общаю, я не буду имѣть его всю мою жизнь, всю мою жизнь“)... Потомъ онъ вдругъ вскочилъ и сказалъ серьезнымъ и задумчивымъ тономъ:

Онъ. Да, вы правы; я вижу, что это будетъ самое лучшее. Она добра. Однако идти для того, чтобъ унижаться передъ распутницей, для того, чтобъ просить пошады у ногъ ячточной фиглярки, которую постоянно преслѣдуютъ свистки партера! Я—Рамо, я—сынъ дижонскаго аптекаря Рамо, который былъ честный человекъ и никогда ни передъ кѣмъ не преклонялъ колѣнъ! Я—авторъ пьесъ для фортепьяно, которыхъ никто не играетъ, но которыя можетъ быть будутъ единственными пьесами, которыя перейдутъ къ потомству и будутъ имъ исполняться,—и я пойду туда!... Нѣтъ, милостивый госудаарь, этого не можетъ быть (и положивъ правую руку на грудь, онъ продолжалъ): я чувствую, что у меня что-то шевелится тамъ и говоритъ мнѣ: Рамо, ты этого не сдѣлаешь. Въ человеческой натурѣ должно быть есть нѣкоторое чувство достоинства, котораго ничто не можетъ заглушить. Оно пробуждается ни къ селу ни къ городу; да—ни къ селу ни къ городу, потому что бываютъ такіе дни, когда мнѣ ничего не стоитъ сдѣлать какую угодно подлость; тогда нѣтъ такой низости, которой я бы не сдѣлалъ изъ за одного гроша....

Я. Если тотъ способъ, который я вамъ указываю, вамъ не нравится, то имѣйте достаточно мужества, чтобъ оставаться бѣднякомъ.

Онъ. Тяжело быть бѣднякомъ, когда есть столько богатыхъ глупцовъ, на счетъ которыхъ можно бы было жить. Да сверхъ того и презрѣніе къ самому себѣ невыносимо.

Я. Развѣ вамъ знакомо это чувство?

Онъ. Еще бы! Сколько разъ я говорилъ самому себѣ: Какъ это могло случиться, Рамо, что въ Парижѣ есть десять тысячъ прекрасныхъ обѣдненныхъ столовъ, каждый въ пятнадцать или двадцать кувертовъ, а ни одинъ изъ этихъ кувертовъ не поставленъ для тебя! Есть кошельки, полные золота, льюшагося направо и налево, а тебѣ не достается ни одной золотой монеты! Тысячи краснабаевъ безъ таланта и безъ всякихъ достоинствъ, тысячи низкихъ созданий безъ всякихъ прелестей, тысячи подлыхъ интригановъ—хорошо одѣты, а ты будешь ходить въ лохмотьяхъ! Неужели ты до такой степени глупъ? Развѣ ты не сумѣлъ бы лстить не хуже другихъ? Развѣ ты не сумѣлъ-бы лгать, клясться и нарушать клятвы, общать и исполнять или нарушать общанія не хуже всякаго другаго? Развѣ ты не сумѣлъ-бы не хуже всякаго другаго ползать на четверенькахъ? Развѣ ты не сумѣлъ бы не хуже всякаго другаго способствовать любовной интригѣ барыни и относить любовныя записочки барыни?... Развѣ ты не сумѣлъ-бы внушить дочери одного изъ нашихъ буржуа, что она дурно одѣта, что ей

были бы очень къ лицу хорошія серьги, немного румянь, кружева или платье à la polonoise? Что ея маленькія ножки не сдѣланы для того, чтобъ ходить пѣшкомъ по улицѣ? Что есть красивый господинъ, молодой и богатый, у котораго платьѣ въ золотыхъ галунахъ, великолѣпные экипажи и шесть длинныхъ лакеевъ, что этотъ господинъ видѣлъ ее мимоходомъ, что онъ нашелъ ее восхитительной, что съ этого дня онъ не пьетъ и не ѣстъ, что онъ лишился сна и кончить тѣмъ, что оттого умереть?..... Наконецъ онъ приходитъ и нравится, а въ одинъ прекрасный день дѣвочка исчезаетъ и мнѣ отсчитываютъ мои двѣ тысячи золотыхъ..... Что-же это значить! Ты обладаешь такимъ талантомъ, а нуждаешься въ кускѣ хлѣба! Развѣ тебѣ не стыдно, несчастный?.... Я вспоминалъ о масѣ негодяевъ, которымъ было далеко до меня, а они ходили въ бархатѣ; они опирались на трости съ золотыми набалдашниками и носили дорогіе перстни на пальцахъ. А что-же это были за люди? Они умѣли кое какъ брянчать на музыкальномъ инструментѣ, а теперь они выглядываютъ баричами. Тогда я чувствовалъ въ себѣ бодрость, моя душа возвышалась, умъ дѣлался проникательнымъ и на все способнымъ; но это счастливое настроеніе духа должно быть не долго продолжалось, потому что я до сихъ поръ не далеко ушелъ. Какъ бы то ни было, но вотъ вамъ содержаніе моихъ частыхъ бесѣдъ съ самимъ собою, которое я вамъ не мѣшаю изложить на бумагѣ въ такой формѣ, какая вамъ вздумается, лишь бы только вы убѣдились, что мнѣ знакомо презрѣніе къ самому себѣ или тѣ угрызенія совѣсти, которыя возникаютъ вслѣдствіе безполезности дарованій, ниспосланныхъ намъ Провидѣніемъ; это самыя жестокія изъ всѣхъ страданій. Почти было-бы лучше совсѣмъ не родиться на свѣтъ.

(Я слушалъ его и въ то время, какъ онъ представлялъ въ дѣйствіи сцену соблазна несчастной дѣвушки, въ моей душѣ боролись два противоположныхъ чувства; я не зналъ, дать ли волю желанію расхохотаться или же дать волю взрывамъ негодованія. Мое положеніе было мучительное: двадцать разъ взрывъ хохота останавливалъ взрывъ моего гнѣва и двадцать разъ гнѣвъ, кипѣвшій въ глубинѣ моей души, оканчивался хохотомъ. Я былъ совершенно сбитъ съ толку такой прозорливостью и такой низостью, такой манерой выражать идеи то совершенно вѣрныя, то фальшивыя, такой полной развращенностью чувствъ, такой безграничной подлостью и такой рѣдкой откровенностью. Онъ замѣтилъ, что внутри меня происходила борьба): Что съ вами? сказалъ онъ.

Я. Ничего.

Онъ. Мнѣ кажется, что вы чѣмъ-то взволнованы.

Я. Вы не ошиблись.

Онъ. Наконецъ, скажите же мнѣ, что вы мнѣ совѣтуете дѣлать?

Я. Перемѣните тонъ вашего разговора. Ахъ, несчастный! До какого унижительнаго положенія вы дошли!

Онъ. Я съ этимъ согласенъ. Однако вы не очень растрогивайтесь

моимъ положеніемъ; раскрывая вамъ мою душу, я вовсе не имѣлъ въ виду опечалить васъ. Живя у этихъ людей, я успѣлъ сдѣлать кой-какія сбереженія; подумайте, вѣдь у меня не было никакихъ тратъ, рѣшительно никакихъ, а мнѣ давали не мало денегъ на мелкіе расходы.

(Онъ сталъ бить себя по лбу кулакомъ, кусать себѣ губы и закатывать глаза къ потолку, и затѣмъ сказалъ): Но это конченное дѣло. Я отложилъ кое-что въ сторону; время протекло, а это тоже что прибыль.

Я. Вы хотите сказать—убытокъ.

Онъ. Нѣтъ, нѣтъ, прибыль. Человѣкъ съ каждой минутой богатѣетъ: вѣдь жить однимъ днемъ меньше или приобрести лишній эку—одно и тоже. Въ послѣдній моментъ всѣ одинаково богаты—и Самуиль Бернаръ, который благодаря кражамъ, грабительствамъ и банкротствамъ оставляетъ послѣ себя двадцать семь милліоновъ золотой монетой, и Рамо, послѣ котораго не останется ничего и которому благотворительность доставитъ кусокъ холста, въ который обернуть его трупъ. Мертвый не слышитъ звона колоколовъ: напрасно сто священниковъ дерутъ себѣ горло изъ-за него, напрасно впереди и сзади двигается длинный рядъ зажженныхъ факеловъ, его душа не идетъ рядомъ съ церемоніею погребальной процессіи. Сгнить подъ мраморной доской или сгнить подъ землей—все-таки сгнить. Развѣ не все равно, что подлѣ гроба будутъ стоять дѣти одѣтыя въ красныя платья, или дѣти одѣтыя въ сивія платья, или никто не будетъ стоять? А посмотрите-ка на кисть моей руки; она была неподатлива какъ чортъ; мои десять пальцевъ были точно палки, воткнутыя въ пясть сдѣланную изъ дерева, а эти сухія жилы были точно старыя кишечныя струны, болѣе сухія, болѣе тугія и менѣе гибкія чѣмъ тѣ, которыя были въ употребленіи на колесѣ у токаря! Такъ ты не хочешь гнутья? а я, чортъ возьми, говорю тебѣ, что ты должна согнуться и что такъ будетъ.....

(Въ то время какъ онъ это говорилъ, онъ схватилъ правой рукой пальцы и кисть лѣвой руки, и сталъ сгибать ихъ то внизъ то вверхъ; оконечности пальцевъ дотрогивались до руки, ихъ суставы трещали; я боялся, что онъ вывихнетъ ихъ кости.)

Я. Смотрите, вѣдь вы себя искалчите.

Онъ. Не бойтесь, они къ этому привыкли: въ теченіе десяти лѣтъ они достаточно поработали инымъ образомъ! Волей или неволей, имъ пришлось пріучиться и научиться, какъ слѣдуетъ бѣгать по клавишамъ и какъ перебирать струны: за то теперь они ходятъ какъ слѣдуетъ.....

(Въ это самое время онъ принимаетъ позу человѣка, играющаго на скрипкѣ; онъ напѣваетъ вполголоса какое то allegro изъ Локателли, его правая рука подражаетъ движенію смычка, лѣвая рука и ея пальцы точно будто бѣгаютъ вдоль рукоятки: если ему случается взять фальшивую ноту, онъ останавливается, натягиваетъ или ослабляетъ струну, пробуетъ настроена ли она въ

тонъ и затѣмъ продолжаетъ начатую пьесу съ того мѣста, на которомъ остановился. Онъ бьетъ ногой въ тактъ, работаетъ головой, ногами, руками, всѣмъ тѣломъ; вы вѣроятно видали какъ въ духовныхъ концертахъ Феррари, Шиабро или какойнибудь другой виртуозъ выдѣлываетъ такія же конвульсивныя движенія, которыя кажутся мнѣ столь же мучительными и производятъ на меня такое же непріятное впечатлѣніе; вѣдь вы согласитесь съ тѣмъ, что очень непріятно видѣть какъ терзается человѣкъ, старающійся доставить вамъ удовольствіе. Если такой человѣкъ представляетъ изъ себя мученика, надъ которымъ совершается пытка, то скройте его отъ моихъ глазъ, опустивши между нимъ и мною занавѣсъ. Когда среди этихъ волненій и возгласовъ дѣло доходило до одного изъ такихъ гармоническихъ пассажей, при исполненіи которыхъ смычокъ медленно двигается за-разъ по нѣсколькимъ струнамъ, его лице принимало видъ восторженности, его голосъ становился болѣе мягкимъ и онъ съ упоеніемъ слушалъ самого себя: онъ былъ увѣренъ, что аккорды раздавались и въ его ушахъ и въ моихъ; затѣмъ, положивъ свой инструментъ подъ свою лѣвую руку тою самой рукой, которою его держалъ, и опустивъ внизъ правую руку съ нахлывшимся въ ней смычкомъ, онъ сказалъ:)

Ну! какъ вы это находите?

Я. Превосходно!

Онъ. Мнѣ кажется, что недурно; это звучитъ почти такъ же какъ у другихъ.....

(Вслѣдъ затѣмъ онъ сѣлъ какъ садится музыкантъ, чтобъ играть на фортепяно.)

Я. Я прошу васъ имѣть состраданіе и къ вамъ и ко мнѣ.

Онъ. Нѣтъ, нѣтъ; разъ я васъ поймалъ, вы должны меня послушать. Я не хочу чтобъ меня хвалили, не зная за что. Вы будете хорошо отзываться обо мнѣ съ болѣею увѣренностью, а это доставитъ мнѣ новыхъ учениковъ.

Я. Я такъ рѣдко бываю въ обществѣ и боюсь, чтобъ вы не утомляли себя напрасно.

Онъ. Я не утомляюсь никогда.

(Такъ какъ я видѣлъ, что было бы бесполезно его уговаривать, хотя онъ и былъ весь въ поту отъ исполненія сонаты на скрипкѣ, то я рѣшился не мѣшать ему дѣлать все, что онъ хочетъ. И вотъ онъ усѣлся за фортепяно, согнулъ колѣнки, закинулъ голову къ потолку, точно будто онъ читалъ тамъ партитуру, сталъ что-то напѣвать, брать приготовительные аккорды и затѣмъ началъ исполнять какую то пьесу Алберти или Галуппи,—не помню хорошеенько котораго изъ этихъ двухъ композиторовъ. Его голосъ разносился какъ вѣтеръ, а его пальцы бѣгали по воображаемымъ клавишамъ. На его лицѣ одни чувства смѣнялись другими: на немъ изображались то нѣжность, то гнѣвъ, то удовольствіе, то горестъ; вы чувствовали когда было *piano* и когда было *forte* и я увѣренъ, что человѣкъ, болѣе меня свѣдущій въ музыкѣ, узналъ

бы, какая арія, по движенію и характеру исполненія, по его жестахъ и по нѣкоторымъ звукамъ, иногда вырывавшимся изъ его устъ. Но что всего забавнѣе—онъ по временамъ точно будто сбивался, переназначалъ сѣзнова и выражалъ досаду, что пальцы не слушаются его.) Теперь вы видите, — сказалъ онъ вставая и обтирая капли пота, которыя текли по его щекамъ,—что мы также умѣемъ употреблять терціи и квинты и что намъ хорошо извѣстно все, что касается верхней квинты тоника. Тѣ энгармоническіе пассажи, по поводу которыхъ милый дядюшка дѣлаетъ столько шума, не большая премудрость: мы также справляемся съ ними.

Я. Вы задали себѣ большой трудъ для того, чтобъ доказать, что вы очень искусны въ музыкѣ, но я повѣрилъ-бы вамъ и на-слово.

Онъ. Очень искусенъ,—о! нѣтъ. Я немножко знакомъ съ тѣмъ, что входить въ мое ремесло и это болѣе того, что нужно; развѣ въ этой странѣ необходимо знать то, чему учишь?

Я. Не болѣе, чѣмъ сколько необходимо знать то, чему учишься.

Онъ. Это вѣрно, совершенно вѣрно! Ну скажите, господинъ филозофъ, откровенно, положи руку на сердце: вѣдь было такое время, когда вы не были въ такомъ достаткѣ, какъ теперь.

Я. Мой достатокъ и теперь не великъ.

Онъ. Но вы уже не отправились бы въ лѣтнюю пору въ Люксембургскій садъ..... Вы этого не позабыли?...

Я. Оставимъ этотъ разговоръ: да, я этого не позабылъ.

Онъ. Въ сѣромъ плисовомъ сюртукѣ.

Я. Да, да.

Онъ. Вытертымъ съ одной стороны и съ разорваннымъ рукавомъ; а ваши черныя шерстяныя чулки были заштопаны сзади бѣлыми нитками.

Я. Да, да,—все что вамъ угодно.

Онъ. Чтó дѣлали вы тогда въ аллеѣ Вздоховъ?

Я. Я игралъ довольно жалкую роль.

Онъ. Вы давали уроки математики.

Я. Не имѣя о ней никакого понятія. Не для того ли, чтобъ услышать это признаніе вы вели разговоръ?

Онъ. Совершенно вѣрно.

Я. Показывая другимъ, я самъ учился и мнѣ удалось сформировать нѣсколько хорошихъ учениковъ.

Онъ. Очень можетъ быть; но музыка не то, что алгебра или геометрія. А теперь, когда вы сдѣлались зажиточнымъ человекомъ....

Я. Не очень-то зажиточнымъ.

Онъ. И вашъ кошелекъ туго набить....

Я. Вовсе не туго.

Онъ. Вы берете учителей для вашей дочери.

Я. Нѣтъ еще; ей воспитаніемъ занимается мать, потому что нужно сохранять домашнее спокойствіе.

Онъ. Домашнее спокойствіе? Чортъ возьми! Чтобъ его имѣть нужно было или слугою или господиномъ, а лучше быть господи-

номъ.... У меня тоже была жена..... Богу угодно было взять къ себѣ ея душу! Но когда ей случилось огрызаться на меня, я возвышалъ голосъ, начиналъ метать громы, говорилъ словами Создателя: „Бысть свѣтъ“ и дѣйствительно являлся свѣтъ. За то въ теченіе четырехъ лѣтъ не случилось и десяти разъ, чтобъ одинъ изъ насъ заговорилъ громче другаго. Какихъ лѣтъ вашъ ребенокъ?

Я. Это не имѣетъ никакой связи съ предметомъ.

Онъ. Какихъ лѣтъ вашъ ребенокъ?

Я. Чортъ васъ побери! Оставьте въ покоѣ моего ребенка и его возрастъ и поговоримъ о томъ, кто будетъ его наставникомъ.

Онъ. Клянусь Богомъ, явѣтъ людей болѣе упрямыхъ, чѣмъ философы. Униженно прошу, нельзя-ли мнѣ узнать отъ господина философа, сколько приблизительно лѣтъ можетъ имѣть его дочка?

Я. Предположите, что ей восемь лѣтъ.

Онъ. Восемь лѣтъ! Уже четыре года тому назадъ ей слѣдовало держать пальцы на клавишахъ.

Я. Но можетъ быть я и не желаю, чтобъ въ планъ ея воспитанія входило занятіе, которое требуетъ такъ много времени, а приноситъ такъ мало пользы.

Онъ. А чему-же вы будете учить ее?

Я. Правильно разсуждать, если только буду въ состояніи; это такая вещь, которая рѣдко встрѣчается у мужчинъ, и еще болѣе рѣдко у женщинъ.

Онъ. Эхъ! пусть она судитъ вкривь и вкось сколько ей угодно, лишь бы она была красива, забавна и кокетлива.

Я. Такъ какъ натура была столь неблагоклонна къ ней, что дада ей нѣжный организмъ съ чувствительнымъ сердцемъ в обрекла ее на такія житейскія невзгоды, которыя требуютъ крѣпкаго организма и желѣзнаго сердца, то я постараюсь, если могу, научить ее переносить эти невзгоды съ мужествомъ.

Онъ. Эхъ! Пусть она плачетъ, терзается, жеманится, страдаетъ разстройствомъ нервъ подобно всѣмъ другимъ, лишь бы только она была красива, забавна и кокетлива. Неужели, вы даже не будете учить ее танцамъ?

Я. Лишь столько, сколько это нужно, для того чтобъ она умѣла сдѣлать реверансъ, чтобъ она держала себя прилично, чтобъ она умѣла войти въ комнату и чтобъ она имѣла красивую походку.

Онъ. И не будете учить пѣнію?

Я. Не болѣе того, сколько нужно, чтобъ ясно выговаривать слова.

Онъ. И не будете учить музыкъ?

Я. Если бы нашелся хорошій учитель гармоніи, я охотно пригласилъ бы его заниматься съ ней по два часа въ день въ теченіе одного или двухъ лѣтъ, но не долѣе.

Онъ. А на мѣсто тѣхъ существенно важныхъ предметовъ, безъ которыхъ вы намѣрены обойтись.....

Я. Я ставлю грамматику, миеологию, историю, географию, немного рисования и много правоучений.

Онъ. Мнѣ было бы вовсе не трудно доказать вамъ, какъ бесполезны всѣ эти познанія въ той сферѣ, среди которой мы живемъ! Что говорю я: бесполезны! можетъ быть даже вредны! Но я ограничусь пока вопросомъ: не нужно ли будетъ для нея нѣсколько наставниковъ?

Я. Конечно.

Онъ. Вотъ въ этомъ то и вся суть. Неужели вы думаете, что они будутъ знать грамматику, миеологию, историю, географию и правила нравственности, которыя они будутъ ей преподавать? Басни, мой дорогой учитель, басни! Если бы они знали эти предметы такъ хорошо, что могли бы преподавать ихъ, они не стали бы ихъ преподавать.

Я. А почему же?

Онъ. Потому что они провели бы всю свою жизнь, изучая ихъ! Надо имѣть глубокія познанія въ искусствахъ и наукахъ, для того чтобы хорошо уразумѣть ихъ основныя правила. Классическія произведенія могутъ быть написаны только тѣми, кто носѣдѣлъ въ работѣ; въдѣ только середина и конецъ разгоняютъ мракъ начинаній. Спросите у вашего пріятеля, господина д'Аламбера, — этого корифея математическихъ наукъ, — взялся ли бы онъ за изложенія ихъ основныхъ принциповъ. Только послѣ тридцати или сорока лѣтъ практики мой дядюшка понялъ глубину и первыя основы теоріи музыки.

Я. О безумецъ, архи-безумецъ! воскликнулъ я, какъ можетъ умѣститься въ твоей безпутной головѣ столько вѣрныхъ идей въ перемишкѣ съ столькими недѣлостями?

Онъ. Кто можетъ знать, отчего это происходитъ? Случайность заноситъ ихъ въ голову и онѣ остаются тамъ. Дѣло въ томъ, что когда не знаешь всего, то ничего не знаешь какъ слѣдуетъ; — не знаешь, куда вещь ведетъ, откуда она приходитъ, гдѣ та или другая изъ нихъ должна быть помѣщена, которая изъ нихъ должна идти впереди, которая будетъ лучше во второмъ мѣстѣ. Развѣ можно преподавать безъ метода? А откуда берется метода? Признаюсь вамъ, мой милый философъ, что по моему мнѣнію физика всегда будетъ жалкой наукой, — всегда будетъ каплей воды, почерпнутой изъ обширнаго океана кончикомъ иглы, всегда будетъ песчинкой, отдѣлившейся отъ цѣпи Альповъ. Послѣ этого ищите причины явленій природы! Праве лучше ничего не знать, чѣмъ знать такъ мало и такъ плохо. Вотъ именно этого правила я и придерживался, когда сталъ давать уроки музыки. О чемъ вы задумались?

Я. Я думаю о томъ, что все вами сказанное не столько достойно, сколько оригинально. Но оставимъ это; вы говорите, что вы учили музыкѣ и композиціи?

Онъ. Да.

Я. И вы ничего не понимали въ этомъ дѣлѣ?

Онъ. Ровно ничего; потому то и были еще болѣе плохіе наставники, чѣмъ я,—а именно тѣ, которые воображали, что они что нибудь знаютъ. Я по крайней мѣрѣ не портилъ ни вкусъ дѣтей, ни ихъ руки. Такъ какъ они ничему не научались, то переходя отъ меня къ хорошему наставнику, они не должны были разучиваться, а это было то же что сбереженіе и денегъ и времени.

Я. Какъ-же вы дѣлали?

Онъ. Какъ все они дѣлаютъ. Я приходилъ и разваливался въ креслахъ. „Какая скверная погода! Какая утомительная ходьба по мостовой!“ Я начиналъ болтать о разныхъ новостяхъ дня: „Дѣвица Лемьеръ должна была исполнять въ новой оперѣ роль весталки, но вторично забеременѣла; неизвѣстно кто замѣнитъ ее. Дѣвица Арну разсталась съ своимъ графчикомъ; говорятъ, что она ведетъ переговоры съ Бартемомъ.... Бѣдная Дюмениль ужъ болѣе не понимаетъ ни того что она говоритъ, ни того что она дѣлаетъ.... Возьмите же, милостивая государыня, вашу книгу“.... Въ то время какъ оца, не торопясь, ищетъ затерявшуюся книгу, въ то время какъ зовутъ горничную и бранятъ ее, я продолжаю: „Клеронъ по истинѣ недоображаема. Ходитъ слухъ объ очень страннымъ бракѣ, о бракѣ дѣвицы.... какъ фамилія этого маленькаго существа, которое было на содержаніи у столькихъ?—Полноте, Рамо, вы врете; этого не можетъ быть.—Я вовсе не вру; даже увѣряютъ будто это дѣло конченное; ходитъ слухъ, что Вольтеръ умеръ; тѣмъ лучше.—А почему же тѣмъ лучше?—Потому что это значить, что онъ собирается позабавить насъ; онъ имѣетъ обыкновеніе умирать за двѣ недѣли передъ этимъ.... Что сказать вамъ еще? Я рассказывалъ какой нибудь вадоръ, который переносилъ изъ семействъ, гдѣ я бывалъ, потому что мы все большіе сплетники. Я разыгрывалъ роль шута; меня олушали, смѣялись и восклицали: „Какъ онъ забавенъ!“ Между тѣмъ книга моей ученицы отыскалась гдѣ-то подъ стуломъ, куда ее затащила собаченка или кошка, чтобъ растрепать въ клочки. Ученица садится за фортепьяно; сначала она барабанитъ на немъ одна, а потомъ я подхожу къ ней, сдѣлавши материнскія знаки одобренія. Мать говоритъ мнѣ: „Это идетъ не удурно; ей стѣбитъ дольки захотѣть, но именно охоты-то и нѣтъ; она предпочитаетъ терять время въ болтовнѣ, въ занятіи тряпками, въ бѣготнѣ и Богъ знаетъ еще въ чемъ. Только что вы ушли, книга закрывается и только при вашемъ возвращеніи снова раскрывается; пока вы дядюга не браните ее.“ Такъ какъ нужно-же было что нибудъ сдѣлать, я бралъ ей руки, клалъ ихъ на клавиши и намеками начиналъ выражать досаду, кричалъ ей: „Во! во! во!“, милостивая государыня; аго-то съ ней. Мать: „Гдѣ же у васъ уши? Вольтеръ не сижу за фортепьяно, ни же смотрю въ вашу тетрадь, а всегдѣмъ чувствую, что тутъ должно быть во! во! во!“ Вы страшно надѣдаете вашему наставнику; я удивляюсь его терпѣнію; вы забываете все, что онъ вамъ говоритъ и не дѣлаете никакихъ успѣховъ.... Когда я понижалъ тонъ моего голоса и, качая головой, говорилъ:

„Извините, милостивая государыня, все шло бы хорошо, еслибы ваша дочь этого хотѣла, если бы она хоть немного трудилась; впрочемъ все идетъ недурно.“ Мать: „На вашемъ мѣстѣ я держала бы ежегодный годъ на одной пьесѣ.“ — „О! что касается этого, то она останется на этой пьесѣ пока не преодолѣетъ всѣхъ трудностей, но этого не придется ждать такъ долго, какъ вы думаете.“ — „Господинъ Рамо, вы говорите ей незаслуженныя похвалы, вы слишкомъ добры. Вѣдь одни только эти слова она упомянетъ изъ всего урока и при случаѣ будетъ мнѣ повторять ихъ....“ Часъ кончался, моя ученица подавала мнѣ билетикъ съ той граціей въ движеніяхъ, которой ее научилъ танцмейстеръ; — я клалъ его въ карманъ, а мать говорила дочери: „Очень хорошо; если бы Фавинье былъ здѣсь, онъ сталъ бы аплодировать вамъ....“ Я болталъ изъ приличія еще нѣсколько мгновеній и затѣмъ исчезалъ; вотъ что называлось въ ту пору урокомъ музыки.

Я. А развѣ теперь это дѣлается иначе?

Онк. Еще бы! Я прихожу; у меня серьезный видъ; я торопливо заворачиваю мои манжеты, открываю фортепиано, пробѣгаю пальцами по клавишамъ. Я всегда второпяхъ; если меня заставляютъ ждать одну минуту, я кричу, — точно будто у меня вытаскиваютъ изъ кармана эки; черезъ часъ мнѣ нужно быть тамъ-то, черезъ два часа мнѣ нужно быть у герцогини такой-то; къ обѣду меня ждутъ у одной прелестной маркизы, а отъ нея я отправляюсь на музыкальный вечеръ къ барону Б.**

Я. А на самомъ дѣлѣ васъ нигдѣ не ждутъ?

Онк. Это правда.

Я. Зачѣмъ-же прибѣгать къ такимъ унизительнымъ уловкамъ, къ такимъ недостойнымъ мелкимъ хитростямъ?

Онк. Унизительнымъ? А почему-же онѣ унизительны? Онѣ обычны для людей одного сомнѣю ремесла; я не унижаю себя дѣлая то же что всѣ. Не я ихъ выдумалъ, и съ моей стороны было бы странно и неблагоразумно не прибѣгать къ нимъ. Я очень хорошо понимаю, что если вы примѣните къ этому случаю нѣкоторые общіе принципы какой то странной морали, которая у всѣхъ на устахъ и которой никто не придерживается на практикѣ, то окажется, что то, что бѣло — черно, а то что черно, то бѣло. Но, господинъ философъ, вѣдь есть всеобщая совѣсть, точно такъ же какъ есть всеобщая грамматика, и сверхъ того въ каждомъ языкѣ есть исключенія, которыя называются у людей ученыхъ..... да помогите же мнѣ; какъ они называются.....

Я. Идиотизмами.

Онк. Совершенно вѣрно. И такъ каждое положеніе въ жизни имѣетъ особыя исключенія изъ общей совѣсти, которыя я назову идиотизмами ремесла.

Я. Понимаю. Такъ напримѣръ Фонтенель говоритъ хорошо, пишетъ хорошо, хотя его стиль кишитъ Французскими идиотизмами.

Онк. А государи, министры, судьи, военные, литераторы, адво-

каты, прокуроры, торговцы, банкиры, ремесленники, учителя пѣнія, учителя танцевъ, — все это очень честные люди, хотя ихъ образъ дѣйствій во многихъ отношеніяхъ отклоняется отъ общей совѣсти и половъ нравственныхъ идіотизмовъ. Чѣмъ древнѣе существующія учрежденія, тѣмъ болѣе идіотизмовъ, чѣмъ несчастнѣе времена, тѣмъ болѣе размножаются идіотизмы. Каковъ человѣкъ, таково и ремесло; а въ концѣ концовъ бываетъ такъ, что каково ремесло, таковъ и человѣкъ. Поэтому то каждый и старается возвысить свое ремесло сколько возможно.

Я. Изъ всей этой путаницы я понялъ только, что мало такихъ ремеслъ, которыми занимаются честно, или, иначе сказать, мало такихъ людей, которые честны въ своемъ ремеслѣ.

Онъ. Да, ихъ вовсе нѣтъ; но за то мало такихъ мошенниковъ, которые не сидѣли бы въ своей лавочкѣ: все шло-бы довольно хорошо, еслибы не было такихъ людей, которыхъ называютъ усидчивыми, акуратными, строго исполняющими свои обязанности, или, —что тоже самое,— всегда сидящими въ своей лавочкѣ, занимающимися своимъ ремесломъ съ утра до вечера и не занимающимися ничѣмъ другимъ. За то они одни богатѣютъ и пользуются уваженіемъ.

Я. Въ силу идіотизмовъ.

Онъ. Да; я вижу, что вы меня поняли. И такъ идіотизмъ, общій почти для всѣхъ общественныхъ положеній, —вѣдь есть такіе идіотизмы, которые свойственны всѣмъ странамъ во всякія времена, точно такъ же какъ есть общія всѣмъ имъ глупости —общій идіотизмъ заключается въ томъ, чтобъ имѣть самую обширную практику, а общая глупость заключается въ мнѣніи, будто самый искусный тотъ, у кого самая обширная практика. Вотъ два исключенія изъ общей совѣсти, съ которыми надо уживаться. Это —нѣчто въ родѣ кредита, и само по себѣ ничего не стоитъ, но приобретаетъ мѣну благодаря общественному мнѣнію. Утверждаютъ, будто хорошая репутація лучше золотого пояса: однако тотъ, у кого хорошая репутація, не имѣетъ золотого пояса и я замѣчаю, что въ наше время тотъ, кто носитъ золотой поясъ, едва ли нуждается въ хорошей репутаціи. Надо, по возможности, стараться имѣть и репутацію и поясъ; это я и имѣю въ виду, когда стараюсь возвысить себя въ мнѣніи другихъ путемъ того, что вы называете университетскими уловками и недостойными медными хитростями. Я даю мой урокъ и даю его хорошо: это общее правило; я стараюсь увѣрить, будто у меня столько уроковъ, что на нихъ не достало бы всѣхъ часовъ дня; вотъ въ чемъ заключается идіотизмъ.

Я. А уроки вы хорошо даете?

Онъ. Да, не дурно, порядочно. Основной басы моего дорогаго учителя упростилъ эту задачу. Прежде я кралъ деньги моихъ учениковъ, да, я ихъ кралъ, это безспорно, а теперь я ихъ зарабатываю по меньшей мѣрѣ такъ же какъ и другіе.

Я. И вы обкрадывали ихъ безъ угрызений совѣсти?

Онъ. О! Безъ всякихъ угрызений. Говорятъ, что когда одинъ воръ обкрадываетъ другаго, чортъ хохочетъ. У родителей было огромное состояніе, нажитое Богъ вѣсть какимъ образомъ. Это были люди придворные, финансисты, крупные торговцы, банкиры, дѣльцы: я, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ людей, которыхъ они содержали какъ и меня, помогали имъ возвращать неправильно нажитое. Въ природѣ всѣ породы пожираютъ одна другую, а въ обществѣ пожираютъ другъ друга всѣ сословія. Мы чинимъ другъ надъ другомъ расправу безъ всякаго вмѣшательства со стороны представителей закона. Прежде Дешанъ мстила финансисту за князя, а сегодня мститъ Гишаръ; а Дешанъ мстить за финансиста торговка модными товарами, золотыхъ дѣлъ мастеръ, обойщикъ, бѣлошвейка, мошенникъ, горничная, поваръ, шорникъ. Въ этой средѣ только глупецъ или празднолюбецъ несетъ убытки никому не дѣлая вреда, и онъ этого стоитъ. Отсюда вы видите, что исключенія изъ общей совѣсти или нравственные идиотизмы, о которыхъ такъ много кричатъ, сами по себѣ ничтожны и что нужно только умѣть мѣтко попадать въ цѣль.

Я. Въ этомъ отношеніи я удивляюсь вашему умѣнью.

Онъ. А нужда! голосъ совѣсти и чести очень слабъ, когда въ животѣ пусто. Достаточно того, что если я разбогатѣю, я долженъ буду отдавать назадъ и я рѣшился отдавать всеми возможными способами—ѣдой, игрой, виномъ, женщинами.

Я. Но я опасаясь, что вы никогда не разбогатѣете.

Онъ. Я тоже въ этомъ не увѣренъ.

Я. Но еслибы это случилось, что стали-бы вы дѣлать?

Онъ. То-же, что дѣлаютъ всѣ разбогатѣвшіе бѣдняки; я буду самымъ наглымъ негодяемъ, какого когда либо видали. Тогда-то я припомню все, что я отъ нихъ выносилъ и я имъ возвращу съ придачей все, что они для меня сдѣлали. Я люблю повелѣвать и буду повелѣвать. Я люблю, чтобъ меня хвалили и меня будутъ хвалить. У меня будетъ состоять на жалованьи вся толпа льстецовъ, шутовъ и паразитовъ; я буду имъ говорить тоже что мнѣ говорили: „Ну, негодяи, потѣшайте меня“, и меня будутъ потѣшать, „разорвите мнѣ на клочки честныхъ людей“ и ихъ разорвутъ на клочки, если только найдутъ такихъ людей. Сверхъ того у насъ будутъ женщины; когда мы будемъ пьяны, мы будемъ говорить другъ другу ты; мы будемъ пьянствовать, будемъ рассказывать сказки, будемъ предаваться всякаго рода распутствамъ и порокамъ: это будетъ прелестно. Мы докажемъ, что у Вольтера нѣтъ генія, что вѣчно высокопарный Бюффонъ ничто иное какъ напыщенный декламаторъ; что Монтескье ничто иное какъ краснобай, а д'Аламбера мы закупоримъ въ его математику. Мы зададимъ трепку всемъ этимъ крошечнымъ Катонамъ, въ родѣ васъ, которые презираютъ насъ изъ зависти, у которыхъ скромность служитъ подкладкой для гордости, а воздержность есть законъ необходимости. А музыка! Вотъ тогда то мы ею займемся.

Я. Узнавши какое прекрасное употребленіе вы сдѣлали-бы изъ богатства, я понялъ какъ достойно сожалѣнія то, что вы въ нищетѣ. Вы стали бы вести такую жизнь, которая сдѣлала бы честь человѣческому роду, была бы полезна для вашихъ согражданъ и доставила бы вамъ самимъ большую славу.

Онъ. Но вы, какъ кажется, подслушиваете надо мной, господинъ философъ; вы не знаете надъ кѣмъ вы насмѣхаетесь; вы не подзрѣваете того, что въ эту минуту я олицетворяю самую важную часть городского населенія и двора. Все равно говорили-ли наши богачи всѣхъ сословій самимъ себѣ или не говорили то-же самое, въ чемъ я вамъ сознался,—во всякомъ случаѣ жизнь, которую я велъ бы на ихъ мѣстѣ, была бы совершенно такая, какую они ведутъ. Въ томъ-то и дѣло, что вы воображаете, будто одно и то же счастье сдѣлано для всѣхъ. Какое странное заблужденіе! Ваше счастье обуславливается въ извѣстной мѣрѣ романтическимъ настроеніемъ ума, котораго у насъ нѣтъ, страннымъ характеромъ и особыми вкусами. Вы украшаете эту странную смѣсь именемъ добродѣтели; вы называете ее философіей, но развѣ добродѣтель и философія сдѣланы для всѣхъ? Ихъ имѣетъ только тотъ, кто въ состояніи ихъ имѣть, и придерживается ихъ только тотъ, кто въ состояніи это дѣлать. Представьте себѣ, что весь міръ былъ бы проникнутъ мудростью и философіей; согласитесь съ тѣмъ, что онъ былъ-бы чертовски скученъ. По моему да здравствуетъ философія и мудрость Соломона!—Пить хорошія вина, наѣдаться тонкими кушаньями, жить съ хорошенькими женщинами, отдыхать въ мягкой постели: помимо этого все остальное пустыяки.

Я. Какъ! А защищать свое отечество?

Онъ. Пустыяки! Нѣтъ болѣе отечества: отъ одного полюса до другаго я ничего не вижу кромѣ тирановъ и рабовъ.

Я. А помогать друзьямъ?

Онъ. Пустыяки! Развѣ у кого нибудь есть друзья? А если бы и были, то какая надобность дѣлать изъ нихъ людей неблагодарныхъ? Всмотритесь хорошенько и вы увидите, что оказанныя услуги почти никогда не ведутъ ни къ чему другому. Признательность есть бремя, а всякое бремя сдѣлано для того, чтобы его сбрасывали съ себя.

Я. А занимать въ обществѣ какое нибудь положеніе и исполнять сопряженныя съ нимъ обязанности?

Онъ. Пустыяки! Все равно имѣть положеніе или не имѣть его, лишь бы только быть богатымъ; вѣдь всякій выбираетъ себѣ какую нибудь дѣятельность только съ цѣлію разбогатѣть. А къ чему ведетъ исполненіе своихъ обязанностей? Къ зависти, раздорамъ и гоненіямъ. Развѣ такимъ способомъ дѣлаютъ карьеру? Нѣтъ: ухаживать, бывать у вліятельныхъ людей, изучать ихъ вкусы, поддѣлываться подъ ихъ прихоти, угождать ихъ порочнымъ наклонностямъ, хвалить ихъ дурныя дѣла,—вотъ въ чемъ весь секретъ.

Я. А наблюдать за воспитаніемъ своихъ дѣтей?

Онъ. Пустяки! Это дѣло наставника.

Я. Но если этотъ наставникъ будетъ руководствоваться вашими принципами и будетъ пренебрегать своими обязанностями, кто будетъ за это расплачиваться?

Онъ. Конечно не я, но можетъ быть когданибудь мужъ моей дочери или жена моего сына.

Я. А если оба они предадутся разврату и порокамъ?

Онъ. Это свойственно ихъ положенію.

Я. А если они покроютъ себя позоромъ?

Онъ. Чтѣ бы человекъ ни дѣлалъ, онъ не можетъ покрыть себя позоромъ, если онъ богатъ.

Я. А если они раззорятся?

Онъ. Тѣмъ хуже для нихъ.

Я. Стало быть вы не обращали-бы большаго вниманія на вашу жену?

Онъ. Никакого. По моему мнѣнію, дѣлать все что нравится—самый лучший способъ обхожденія съ своей дорогой половиной. Неужели вы думаете, что общество было бы очень привлекательно, если бы каждый изъ его членовъ исполнялъ свой долгъ?

Я. Отчего-же нѣтъ? Для меня вечеръ тогда только особенно пріятенъ, когда я былъ доволенъ моимъ утромъ.

Онъ. И для меня тоже.

Я. Если свѣтскіе люди такъ разборчивы въ своихъ удовольствіяхъ, это происходитъ отъ того, что они живутъ въ совершенной праздности.

Онъ. Не думайте этого; они много суетятся.

Я. Такъ какъ они никогда не утомляются, то они никогда не ищутъ отдохновенія.

Онъ. Не вѣрьте этому; они постоянно измучены.

Я. Они всегда смотрятъ на развлеченіе какъ на дѣловое занятіе, а не какъ на удовлетвореніе потребности.

Онъ. Тѣмъ лучше; удовлетвореніе потребности всегда сопряжено съ трудомъ.

Я. Они все осушаютъ до дна. Ихъ душа деревенеетъ; ей овладеваетъ скука. Тотъ кто отнялъ-бы у нихъ жизнь среди ихъ подавляющаго избытка, оказалъ-бы имъ услугу; вѣдь имъ знакомо счастье только съ той стороны, которая всего скорѣе притупляется. Я не пренебрегаю чувственными наслажденіями: у меня также есть небо, которому доставляютъ удовольствіе тонкія яства и прекрасныя вина; у меня есть сердце и есть глаза, и мнѣ пріятно видѣть хорошенькую женщину. Иногда я съ удовольствіемъ принимаю участіе въ обществѣ друзей въ такихъ пирушкахъ, которыя бывають шумны. Но я не хочу скрывать отъ васъ, что мнѣ гораздо болѣе пріятно помочь какомунибудь несчастному, окончить какоенибудь щекотливое дѣло, дать спасительный совѣтъ, прочесть чтонибудь поучительное, сдѣлать прогулку въ обществѣ дорогихъ для меня мущины или женщины, провести нѣсколько часовъ въ за-

вятяхъ съ моими дѣтьми, написать хорошую страницу, исполнить обязанности моего положенія, сказать той, которую я люблю, что нибудь столь вѣжное и пріятное, что она за это обовьетъ своими руками мою шею. Есть такія дѣянія, что я отдалъ бы все что имѣю за то, чтобъ быть въ состоянн ихъ совершить. *Магометъ*—великое произведеніе, но я предпочитаю ему возстановленіе чести Каласа.—Одинъ изъ моихъ знакомыхъ искалъ убѣжища въ Караагентахъ; это былъ младшій сынъ семьи въ такой странѣ, гдѣ все состояніе родителей переходитъ къ старшему сыну. Онъ узнаетъ, что его старшій братъ, бывшій любимцемъ отца и матери, отнявъ у нихъ все, что они имѣли, выгналъ ихъ изъ замка и что добрые старики живутъ въ нуждѣ въ одномъ маленькомъ провинціальномъ городѣ. Что же дѣлаетъ этотъ младшій сынъ, отправившійся искать счастья на чужбинѣ, потому что родители обходились съ нимъ безчеловѣчно? Онъ присылаетъ имъ денегъ; онъ спѣшитъ устроить свои дѣла, дѣлается богатымъ, снова поселяетъ отца и мать въ ихъ прежнемъ мѣстопребыванн, выдаетъ за-мужъ своихъ сестеръ. Ахъ! мой милый Рамо, этотъ человекъ считалъ то время самымъ счастливымъ въ его жизни и не могъ рассказывать мнѣ о немъ безъ слезъ; даже я, передавая вамъ эту исторію, чувствую что сердце мое бьется и что радостный трепетъ мѣшаетъ мнѣ продолжать.

Онъ. Какія вы странныя существа!

Я. А вы, существа достойны сожалѣнн, если вы не въ состоянн понять, что человекъ можетъ возвышаться надъ тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ поставленъ судьбою и что тотъ не можетъ быть несчастливъ, кто совершилъ два рассказанныхъ мною прекрасныхъ дѣянн.

Онъ. Это такого рода счастье, съ которымъ мнѣ было-бы трудно освоиться, потому что оно встрѣчается такъ рѣдко. Стало быть по вашему надо быть честными людьми?

Я. Конечно, для того чтобъ быть счастливымъ.

Онъ. Однако я вижу множество честныхъ людей, которые несчастливы, и множество людей счастливыхъ, которые нечестны.

Я. Вы такъ думаете.

Онъ. А развѣ не оттого я не знаю куда пойти сегодня вечеромъ поужинать, что я выказалъ одно мгновеніе здравый смыслъ и искренность.

Я. О вѣтъ! это потому, что вы не обладали постоянно этими качествами, это потому, что вы не поняли во-время, что прежде всего нужно создать средства существованн, независящн отъ рабскаго подчиненн.

Онъ. Тѣ средства которыя я создалъ — все равно зависятъ они или не зависятъ отъ рабскаго повиновенн,—по меньшей мѣрѣ самыя удобныя для меня.

Я. Но самыя невѣрныя и самыя безчестныя.

Онъ. Но всего лучше соответствующн моимъ наклонностямъ ту-неядца, глупца и негодая.

Я. Я съ вами согласенъ.

Она. Такъ какъ я могу быть счастливымъ посредствомъ пороковъ, которые во мнѣ натуральны, которые я приобрѣлъ безъ труда и сохраняю безъ усилія, которые соответствуютъ нравамъ моихъ соотечественниковъ, которые приходится по вкусу тѣмъ, кто меня протежируетъ и болѣе подходящій къ ихъ мелкимъ нуждамъ чѣмъ добродѣтели, которые стѣсняли-бы ихъ, служа для нихъ съ утра до вечера укоромъ, — то было-бы очень странно, если бы я сталъ мучить себя какъ каторжникъ для того, чтобъ сдѣлать изъ себя нечто такое, что на меня не похоже; для того чтобъ вложить въ себя характеръ, который не по мнѣ и такія качества, которыя я, чтобъ не спорить, готовъ назвать очень почтенными, но которыя мнѣ было бы очень трудно приобрести и примѣнять на практикѣ, которыя не привели-бы ни къ чему и можетъ быть даже хуже чѣмъ ни къ чему, такъ какъ они были бы постоянной критикой на тѣхъ самыхъ богачей, у которыхъ такіе бѣдники какъ я должны искать средствъ къ существованію. Люди хвалятъ добродѣтель, но ненавидятъ ее, бѣгутъ отъ нея, потому что она обдастъ насъ холодомъ, тогда какъ въ этомъ мірѣ надо чтобъ наши ноги были теплы; сверхъ того все это неизбѣжно навело бы меня на мрачное расположеніе духа. Въдъ отчего же мы такъ часто видимъ, что благочестивые люди такъ жестокосерды, такъ несносны, такъ необходимы? Оттого что они задали себѣ такую задачу, которая не въ ихъ натурѣ; они страдаютъ, а тотъ кто страдаетъ заставляетъ страдать и другихъ: это не по вкусу ни мнѣ, ни моимъ покровителямъ; я долженъ быть веселъ, изворотливъ, забавенъ, шутливъ, смѣшонъ. Добродѣтель хочетъ, чтобъ ее уважали, а уваженіе стѣнительно; она хочетъ чтобъ ей поклонялись, а поклоненіе не забавно. Я имѣю дѣло съ такими людьми, которые скучаютъ; надо чтобъ я заставлялъ ихъ смѣяться. А смѣшить могутъ нелѣпости и безразсудства, стало быть я долженъ быть нелѣпъ и безразсуденъ; даже еслибы я не былъ именно такимъ отъ природы, то всего проще было бы притвориться такимъ. Къ счастью я не имѣю надобности быть лицемѣромъ; ихъ и безъ того уже не мало всевозможныхъ цвѣтовъ, не считая тѣхъ, которые лицемѣрятъ передъ самими собой. Посмотрите, напримѣръ, на кавалера де-ла-Морлиера: онъ надѣлъ шляпу на бекрень, ходитъ закинувъ голову вверхъ, смотритъ на проходящихъ свысока, заставляетъ свою длинную шпагу колотиться о его бока, готовъ сказать дерзость всякому кто держитъ себя скромно, и точно будто вызываетъ на бой всякаго встрѣчнаго; а въ сущности какая его цѣль? Онъ дѣлаетъ все что можетъ, чтобъ убѣдить себя что онъ храбрецъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ трусъ. Дайте ему щелчокъ по носу и онъ будетъ какъ шелковый. Хотите, чтобъ онъ понизилъ свой тонъ? Заговорите сами громче, покажите ему вашу трость или дайте ему ногой тычка. Онъ самъ удивится тому, что онъ трусъ и спроситъ васъ, кто вамъ объ этомъ сообщилъ, откуда вы это узнали? Онъ

самъ до сихъ поръ этого не зналъ; продолжительная привычка изображать изъ себя храбреца внушила ему высокое о себѣ мнѣніе; онъ столько времени разыгрывалъ роль, что принялъ ее за нѣчто серьезное. А эта женщина, — которая убиваетъ свою плоть, посягаетъ тюрьмы, участвуетъ во всехъ благотворительныхъ обществахъ, ходитъ опустивши глаза внизъ и не рѣшается посмотрѣть, мужинѣ прямо въ глаза изъ опасенія власть въ соблазнъ, — развѣ въ ея сердцѣ нѣтъ страстей, развѣ изъ ея груди не вырываются вздохи, развѣ ея темпераментъ не воспламеняется, развѣ ее не томятъ желанія, развѣ ея воображеніе не рисуетъ ей... А если-бы нашъ другъ Рамо вздумалъ выказывать презрѣніе къ богатству, къ женщинамъ, къ вкуснымъ обѣдамъ, къ праздности и сталъ бы выдавать себя за степеннаго человѣка, развѣ онъ не превратился бы въ лицеѣра? Рамо долженъ быть такимъ, каковъ онъ есть — счастливымъ разбойникомъ среди богатыхъ разбойниковъ, а не фанфарономъ добродѣтели и даже не добродѣтельнымъ человѣкомъ, питающимся коркой черстваго хлѣба въ обществѣ другихъ бѣдняковъ. Короче сказать, мнѣ не по вкусу ни ваше счастье, ни счастье мечтателей, одного съ вами покроя.

Я. Я вижу, мой милый, что вамъ незнакомо это счастье и что вы даже не способны его понять.

Онъ. Тѣмъ лучше, увѣрю васъ, тѣмъ лучше. Оно заставило бы меня умирать отъ голода, отъ скуки и даже, можетъ быть, отъ угрызеній совѣсти.

Я. Поэтому я могу вамъ дать только одинъ совѣтъ — возвратиться поскорѣй въ тотъ домъ, откуда васъ выгнали вслѣдствіе вашей опрометчивости.

Онъ. И дѣлать то, чего вы не порицаете безусловно, но чего мнѣ не хотѣлось бы дѣлать по нѣкоторымъ соображеніямъ.

Я. Какая странность!

Онъ. Тутъ ничего нѣтъ страннаго; я готовъ дѣлать подлости, но я не хочу дѣлать ихъ по принужденію. Я готовъ увижать мое достоинство.... Вы смѣтаете?

Я. Да, меня смѣшить ваше достоинство.

Онъ. У всякаго свое. Я готовъ позабывать о моемъ достоинствѣ, но по моей волѣ, а не по приказанію другихъ. Развѣ я могу допустить чтобъ мнѣ говорили: ползай и чтобъ это обязывало меня ползать? Это — алдюръ червяка и мой; мы оба держимся его, когда намъ не мѣшаютъ, но мы выпрямляемся, когда наступаютъ намъ на хвостъ; мнѣ наступили на хвостъ, и я выпрямился. Сверхъ того вы не смѣете никакого понятія о томъ уродливомъ существѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Представьте себѣ задумчиваго и угрюмаго человѣка, изнемогающаго отъ припадковъ апохондріи и закутаннаго въ два или три оборота въ свой халатъ; онъ не доволенъ и самимъ собою и всѣмъ на свѣтѣ; его съ трудомъ можно разсмѣшить даже исковеркавъ свое тѣло и свой умъ на тысячу ладовъ; онъ хладнокровно смотритъ на забавныя кривлянья моего лица и на

кривлявья моей фантазии, которыя еще болѣе забавны. Какъ бы я ни старался достигнуть той высоты, до которой доходить жилицы дома умалишенныхъ, — все напрасно. Разсмѣется-ли онъ или не разсмѣется? Вотъ что я вынужденъ спрашивать у самаго себя среди моихъ кривлений; а вы легко поймете, какъ такая неуверенность вредитъ таланту. Мой иноходрикъ съ головой закутанной въ ночной колпакъ, который закрываетъ ему глаза, похожъ на неподвижную пагоду, къ подбородку которой прикрѣпили нитку, спускающуюся подъ самое кресло. Вы ждете чтобъ нитка зашевелилась, но она не шевелится; если же случается, что ротъ полуоткрывается, то это для того, чтобъ произнести прискорбное для васъ слово, — такое слово, которое доказываетъ вамъ, что на васъ не обращали никакого вниманія и что всѣ ваши кривлявья пропали безъ пользы. Это слово есть отвѣтъ на одинъ изъ вопросовъ, которые вы дѣлали ему дня четыре тому назадъ, и послѣ того какъ оно произнесено "сосѣдний мускулъ ежится" и ротъ закрывается! (Вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ передразнивать старика. Онъ сѣлъ въ кресло, голова его была неподвижна, шляпа была надвинута на лобъ до самыхъ бровей, глаза были полузакрыты, руки висѣли, а ротъ шевелился какъ у автомата). Печальный, угрюмый и въ своихъ приговорахъ рѣзкій какъ судьба, — таковъ нашъ патронъ.

Противъ него сидитъ причудница, которая разыгрываетъ изъ себя важную особу, и въ которой можно бы было рѣшиться сказать, что она хороша, потому что она дѣйствительно хороша, хотя у ней на лицѣ мѣстами прыщи. Сверхъ того она злѣе, горже и глупѣе всякаго гуса. Сверхъ того, она хочетъ, чтобъ думали, что она умна. Сверхъ того, надо увѣрять ее, что она такъ умна, какъ нинто. Сверхъ того, она ничего не знаетъ, а все рѣшаетъ. Сверхъ того, надо апплодировать ея рѣшеніямъ и руками и ногами, надо прыгать отъ радости и цѣловать отъ восторга: „какъ это прекрасно, какъ это тонко, какъ это хорошо сказано, какъ это тонко подмѣчено, какъ это чудно почувствовано! И откуда все это женщины берутъ? Безъ серьвовныхъ знаній, одной силой инстинкта, однимъ природнымъ даромъ! Это настоящее чудо! И послѣ этого пусть еще попробуютъ увѣрять насъ, будто для этого нужны опытность, знаніе, размышленіе, воспитаніе!...“ Надо высказывать другія подобныя нелѣпости и плакать отъ радости, надо десять разъ въ день преклоняться передъ ней, такъ чтобъ коленою одной ноги было согнуто, другая нога была вытянута назадъ и руки были протянуты къ божинѣ, надо угадывать ея желанія изъ ея взоровъ, надо ловить каждое слово, которое упадетъ съ ея устъ, надо ждать ея приказаній и получивши ихъ летѣть какъ стрѣла. Кто захочетъ взять на себя такую роль, прокъ тѣмъ жалкимъ тварямъ, которыя находятъ тамъ раза два или три въ недѣлю чѣмъ удовлетворить требованія своихъ желудковъ.

Я. Я. никакъ не могъ бы подумать, что вы такъ взыскательны.

Онъ. Я вовсе не взыскателевъ. Я сначала наблюдалъ, какъ дѣлаютъ другіе и дѣлалъ какъ они, даже немного лучше, потому что у меня болѣе откровенной наглости, потому что я лучше умѣю разыгрывать комедію, потому что я болѣе изморился голодомъ и потому что у меня болѣе здоровыя легкія. Я должно быть прихожу по прямой линіи отъ знаменитаго Стентора...

(И чтобъ дать мнѣ понятіе о силѣ своего голоса, отъ сталъ такъ громко кашлять, что въ кофейной затряслись оконныя стекла, а шахматныя игроки пріостановили игру).

Я. Но къ чему же служить этотъ талантъ?

Онъ. Развѣ вы не догадываетесь?

Я. Нѣтъ; я не способенъ быстро соображать.

Онъ. Предположите, что завязался споръ и что побѣда еще не склонилась ни на чью сторону; я встаю и громовымъ голосомъ объявляю: „Это такъ, какъ утверждаетъ дѣвица.... вотъ что по истинѣ можно назвать дѣльнымъ мнѣніемъ. Въ немъ видна гениальность“. Однако не слѣдуетъ ободрять всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, иначе сдѣлаешься монотоннымъ, будешь казаться неискреннимъ, и всѣмъ надоѣшь. Этого можно избѣжать только при помощи смѣливости и находчивости; надо умѣть подготовить и кстати пустить въ ходъ свой мажорный и рѣшительный тонъ, надо умѣть пользоваться случаемъ и удобной минутой. Напримѣръ, когда мнѣнія расходятся, когда споръ достигъ высшей степени ожесточенія, когда ничего нельзя слышать и всѣ говорятъ въ одно время, тогда нужно стать въ сторонѣ въ углу комнаты, самомъ отдаленномъ отъ поля битвы, надо подготовить свой взрывъ долгимъ молчаніемъ и потомъ внезапно унасть какъ громовой ударъ промежъ спорящихъ; никто не обладаетъ этимъ искусствомъ, какъ я. Но въ чемъ я перазителевъ—это въ противоположныхъ приемахъ: у меня есть слабые тоны голоса, которые я сопровождаю улыбочкой, есть безконечное разнообразіе одобрительныхъ ужимокъ; тутъ участвуютъ и носъ и ротъ и лобъ и глаза; я обладаю удивительной гибкостью поясицы, и особенной манерой сгибать позвоночный хребетъ, подымать или опускать плечъ, распыривать пальцы и приходитъ въ остолюбненіе, точно будто я слышалъ нисходящій съ неба ангельскій и божественный голосъ; вотъ именно это-то и дѣлать самолюбію. Не знаю, поняли-ли вы всю выразительность этой послѣдней позы; не я ее выдумалъ, но въ примѣненіи ея на практикѣ еще никогда никто не могъ меня превзойти. Посмотрите, посмотрите.

Я. Дѣйствительно, это недодражаемо.

Онъ. Не думаете-ли вы, что найдется такая женская голова, которая способна противъ этого устоять?

Я. Не думаю; я долженъ сознаться, что въ искусствѣ разыгрывать изъ себя шута и унижать себя, вы зашли такъ далеко, какъ только можно.

Онъ. Что бы они ни дѣлали, всѣ они безъ исключенія, они видятъ, когда до этого не дойдутъ; напримѣръ: дуншій изъ носа Хагиссо

всегда будетъ не болѣе какъ хорошимъ ученикомъ. Но хотя эта роль въ началѣ забавляетъ и хотя находишь нѣкоторое удовольствіе въ томъ, что внутренне смѣешься надъ тѣми, кого морочишь, въ концѣ концовъ она утрачиваетъ пикантность, и послѣ нѣсколькихъ новыхъ открытій бываешь вынужденъ повторяться: вѣдь и умъ и искусство имѣютъ свои предѣлы; тодько для Бога и для нѣсколькихъ рѣдкихъ геніевъ поприще расширяется по мѣрѣ движенія впередъ.

Я. При такой любви ко всему прекрасному и при такихъ геніальныхъ дарованіяхъ, неужели вы ничего не изобрѣли?

Онъ. Извините: а напримѣръ выражающій восторгъ изгибъ спины, о которомъ я вамъ говорилъ; я считаю его моимъ изобрѣтеніемъ, еслибы даже у меня и стали его оспаривать нѣкоторые завистники. Я охотно вѣрю, что и до меня его употребляли въ дѣло, но кто другой могъ понимать, въ какой мѣрѣ онъ удобенъ для того, чтобъ внутренне подсмѣиваться надъ глупцомъ, которымъ мы повидному восхищаемся? У меня есть сто способовъ приступить къ обольщенію молодой дѣвушки въ присутствіи ея матери такъ, что эта послѣдняя ничего не замѣтитъ и даже будетъ помогать мнѣ. Съ самаго вступленія на это поприще я всегда пренебрегалъ пошлыми средствами передавать любовныя записочки; у меня есть десятокъ способовъ устроить такъ, что онѣ будутъ взяты изъ моихъ рукъ и я смѣю льстить себя надеждой, что въ числѣ этихъ способовъ есть совершенно новые. Я въ особенности обладаю талантомъ ободрять робкихъ молодыхъ людей; нѣкоторые изъ нихъ благодаря мнѣ имѣли полный успѣхъ, хотя не отличались ни умомъ, ни наружностью. Еслибы все это было изложено письменно, я полагаю что за мною признали-бы нѣкоторую геніальность.

Я. Это доставило-бы вамъ оригинальную извѣстность.

Онъ. Я въ этомъ и не сомнѣваюсь.

Я. На вашемъ мѣстѣ я набросалъ-бы эти вещи на бумагѣ. Было-бы жаль, еслибы онѣ пропали безслѣдно.

Онъ. Это правда; но вы не можете себя представить, какъ мало я придаю значенія методу и принципамъ. Тотъ, кому нужно составленіе протоколовъ, не далеко пойдетъ; геніи мало читаютъ, многому научаются на опытѣ и формируются сами собой. Посмотрите на Цезаря, на Тюрена, на Вобана, на маркизу де-Тенсенъ, на ея брата—кардинала, на секретаря этого кардинала аббата Трюблэ и на Бурэ? Кто давалъ Бурэ уроки? Никто; сама природа образуетъ такихъ рѣдкихъ людей.

Я. Но въ ваши свободные часы, когда томленіе вашего пустаго желудка или тяжесть вашего переполненнаго желудка не позволяетъ вамъ уснуть...

Онъ. Я объ этомъ подумаю. Лучше писать великія вещи чѣмъ совершать малыя. Тогда душа возвышается, воображеніе разгорячается, воспоминается и приобретаетъ необыкновенную ширину полета; напротивъ того, оно суживается, когда въ присутствіи на-

шей маленькой патронши мы выражаем удивленіе по поводу аплодисментовъ, расточаемыхъ глупой публикой этой жеманной Данжевилль, которая играетъ такъ бессмысленно, ходитъ по сценѣ почти согнувшись пополамъ, притворяется будто смотреть прямо въ глаза тому съ кѣмъ говорить, а сама смотритъ по сторонамъ, считаетъ выдѣлываемыя ею гримасы за нечто изящное и полагаетъ что ея манера ходить крошечными шагами очень граціозна;—или по поводу того, что иные восхищаются этой напыщенной Клеронъ, которая худа, накрашена, неестественна и натянута до крайности. Глупый партеръ хлопаётъ ей изо всѣхъ силъ, но не замѣчаетъ, что въ васъ масса предестей—что у насъ предестная кожа, прекрасныя глаза, хорошенькое личико; хотя при этомъ немного внутреннихъ достоинствъ, но походка если не очень легкая, то и не такая неловкая, какъ говорятъ. За то, что касается чувствъ, никто не можетъ съ нами равняться.

Я. Что хотите-вы этимъ сказать? Говорите ли вы искренно или въ насмѣшку?

Она. Къ несчастію эти чертовскія чувства всѣ внутри, и наружу отъ нихъ не выходитъ даже слабого отраженія; но я знаю и навѣрно знаю, что они у нея есть. Надо только посмотрѣть, какъ они дѣйствуютъ, когда на нее находятъ блажь, какъ она обходится съ лакеями, какъ она бьетъ по щекамъ горничныхъ, какъ она выталкиваетъ ногами пріятеля, который нарушилъ должное къ ней уваженіе. Увѣрю васъ, что это маленький чертъ, полный чувствъ и достоинства... Однако, вы кажется не понимаете, что я хочу сказать?

Я. Признаюсь, я не могу понять, говорите-ли вы чистосердечно или изъ чувства злобы. Я прямой человекъ; поэтому прошу васъ выражаться съ большею ясностью и отложить въ сторону всякіе извороты.

Она. Вѣдь все это мы рассказываемъ нашей маленькой патроншѣ касательно Данжевилль и Клеронъ, по временамъ пересыпая нашъ рассказъ нѣкоторыми словами, изъ которыхъ можно догадаться, что мы неискренны. Я допускаю, что вы считаете меня за негодяя, но не допускаю, чтобъ вы считали меня за глупца; а только глупецъ или влюбленный могъ бы серьезно говорить такіа нечѣпости.

Я. Но какъ-же можно рѣшиться ихъ высказывать?

Она. Это не дѣлается съ разу, но до этого доходятъ мало по малу! Ingenii largitor ventis.

Я. Для этого нужно сильно страдать голодомъ.

Она. Можетъ быть. Однако, какъ бы ни казались вамъ неглупы эти мнѣнія, повѣрьте мнѣ, что тѣ, кому они высказываются, гораздо болѣе привыкли ихъ слышать, чѣмъ мы привыкли дозволить себѣ эту смѣлость.

Я. И неужели находится ктонибудь, кто осмѣливается раздѣлять ваши мнѣнія?

Она. Что разумѣете вы подъ словами ктонибудь? Вѣдь въ нашемъ кружкѣ всѣ такъ думаютъ и такъ говорятъ.

Я. Тѣ изъ васъ, которые не страшныя негодяи, должны быть страшныя глупцы.

Она. Глупцы? Клянусь вамъ, что есть только одинъ глупецъ— тотъ, кто насъ угощаетъ за то, что мы его морочимъ.

Я. Но я не понимаю, какъ можно допустить, чтобъ насъ морочили такимъ грубымъ образомъ. Въдъ превосходство талантовъ Данжевилль и Клеронъ всѣми признано.

Она. Люди пьютъ большими глотками ложь, которая льститъ ихъ самолюбію, а правду, которая имъ непріятна, они пьютъ по каплямъ. Къ тому же мы съ виду такъ глубоко убѣждены, такъ искренни!

Я. Не можетъ-же быть, чтобъ вамъ никогда не случилось нарушить правила вашего искусства и нечаянно высказать одну изъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя оскорбительны для самолюбія;—въдъ не смотря на то, что вы исполняете самую жалкую, самую низкую и самую отвратительную роль, я полагаю что въ сущности у васъ должно быть въ глубинѣ души нѣкоторое благородство.

Она. У меня! Во все нѣтъ. Чортъ меня поberi, если я знаю, какъ-ковъ я въ сущности! Вообще у меня умъ круглый какъ шаръ, а характеръ гибкій какъ ива. Я никогда не фальшу, если только мнѣ выгодно быть правдивымъ и никогда не бываю правдивъ, если мнѣ выгодно быть фальшивымъ. Я говорю что вздумается; если говорю толково, тѣмъ лучше; если говорю вздоръ, на него не обращаютъ вниманія. Я не стѣсняюсь въ выборѣ выраженій. Я никогда въ моей жизни не размышлялъ ни прежде того, чтобъ говорить, ни въ то время какъ говорилъ, ни послѣ того какъ говорилъ; за то моими словами никто и не обижается.

Я. Однако это случилось съ вами у тѣхъ почтенныхъ людей, у которыхъ вы жили и которые были такъ добры къ вамъ.

Она. Чтѣ дѣлать? Это было несчастье, это былъ одинъ изъ тѣхъ дурныхъ моментовъ, которые неизбѣжны въ жизни; непрерывнаго благополучія не существуетъ: мнѣ было слишкомъ хорошо и это не могло продолжаться вѣчно. У насъ, какъ вамъ извѣстно, собиралось очень многочисленное и самое избранное общество. Это была школа челоуѣколюбія, это напоминало старинное гостепріимство; тутъ сходились всѣ поэты, у которыхъ талантъ начиналъ спадать, всѣ неизмѣвшіе успѣха музыканты, всѣ авторы которыхъ никто не читаетъ, всѣ освястанныя актрисы и актеры, и пѣлая масса бѣдняковъ, пошляковъ и паразитовъ, во главѣ которыхъ я выступалъ какъ храбрый вождь толпы трусовъ. Я приглашалъ ихъ ѣсть не церемонясь, когда они въ первый разъ приходили въ домъ; я приказывалъ, чтобъ имъ дали пить;—въдъ они были такъ застѣнчивы. Тамъ было нѣсколько молодыхъ людей, которые были въ лохмотьяхъ и не знали куда дѣться, но у которыхъ была счастливая наружность; тамъ были также негодяи, которые ухаживали за патрономъ и старались усыпить его для того, чтобъ тѣмъ временемъ поживиться чѣмъ нибудь отъ патронши. Мы съ виду веселы, но въ дѣй-

ствительности мы въ печальномъ настроеніи духа и страшно голодны. Волки не болѣе жадны, тигры не болѣе жестокосерды. Мы наждаемся точно волки послѣ того какъ земля пробыла долгое время подъ снѣгомъ, и точно тигры рвемъ въ клочки все, что имѣеть успѣхъ. Никто еще никогда не видалъ собранія столькихъ ожесточенныхъ, злобныхъ и ядовитыхъ тварей. Вы не слышите другихъ именъ, кромѣ именъ Бюффона, Дюкло, Монтескьё, Руссо, Вольтера, д'Аламбера, Дидро. И Богъ вѣсть какими эпитетами сопровождаются эти имена! Мы не признаемъ таланта за тѣми, кто не такъ глупъ какъ мы. Тамъ-то и былъ задуманъ планъ комедіи *Философы*; въ этой комедіи и васъ не пощадили болѣе чѣмъ кого либо другаго.

Я. Тѣмъ лучше! Этимъ дѣлаютъ мнѣ больше чести, чѣмъ сколько я стою. Я считалъ бы себя оскорбленнымъ, если бы меня стали хвалить тѣ, которые бранятъ столькихъ талантливыхъ и честныхъ людей.

Онъ. Насъ много, и каждый долженъ уплатить свою дань; принеся въ жертву крупныхъ животныхъ, мы принимаемся и за остальныхъ.

Я. Поносить и науку и добродѣтель для того чтобъ жить—значить покупать насущный хлѣбъ слишкомъ дорогой цѣной.

Онъ. Я вамъ уже сказалъ, что мы люди безъ всякаго вѣса; мы поносимъ рѣшительно всѣхъ, но мы никому не причиняемъ огорченій. У насъ иногда бываетъ и глупый аббатъ д'Оливэ и толстый аббатъ ле-Бланъ и лицемѣръ Баттё; толстый аббатъ бываетъ золь только до обѣда. Выпивъ свой кофе, онъ усаживается въ кресло, упирается ногами въ каминъ и засыпаетъ какъ старый попугай на своей жердочкѣ. Если подымается слишкомъ шумный разговоръ, онъ начинаетъ зѣвать, вытягивать свои руки, протирать глаза и говорить: „Да въ чемъ же дѣло?—Рѣчь идетъ о томъ, правда-ли что у Пирона болѣе остроумія нежели у Вольтера.—Не слѣдуетъ забывать, что рѣчь идетъ объ остроуміи, а не о вкусѣ, потому что Пиронъ не подозрѣваетъ даже существованія этого послѣдняго.—Даже не подозрѣваетъ существованія?—Нѣтъ...“ И вотъ между нами завязывается споръ о вкусѣ. Тогда патронъ дѣлаетъ рукою знакъ, чтобъ его слушали, потому что именно по этой части онъ считаетъ себя самымъ свѣдущимъ. „Вкусъ, говоритъ онъ,—вкусъ такая вещь...“ Но клянусь вамъ я не понялъ, что онъ хотѣлъ сказать, да и онъ самъ не понималъ.

Иногда посѣщаетъ насъ и пріятель Роббэ; онъ угощаетъ насъ двусмысленными разсказами, описаніемъ чудесъ, которыя творятся какими-то фанатиками и которыя онъ видѣлъ собственными глазами, а также чтеніемъ нѣкоторыхъ пѣсней изъ его собственной поэмы, написанной на такой сюжетъ, который онъ изучилъ вполне. Я терпѣть не могу его стиховъ, но люблю слушать, какъ онъ ихъ декламируетъ; тогда онъ бываетъ похожъ на человѣка одержимаго бѣсомъ. Всѣ окружающіе восклицаютъ: „Вотъ это настоящій поэтъ!..“

Къ намъ также приходитъ иногда одинъ простофиля, который съ виду пошлъ и глупъ, а на самомъ дѣлѣ умнѣе какъ чертъ и хитрѣ старой обязыны. Это одна изъ такихъ личностей, которыя вызываютъ васъ на шутки и насмѣшки, и которыхъ Богъ создалъ для исправленія тѣхъ людей, которые судятъ по наружности и которые должны бы были убѣдиться глядя въ зеркало, что такъ же не трудно принимать видъ глупца, будучи умнымъ человѣкомъ, какъ не трудно скрывать свою глупость подъ маской остроумія. Это общая большинству людей слабость, — что они нападаютъ на добряка для того чтобъ позабавить другихъ на его счетъ; оттого-то всѣ и нападали на нашего простофилю. Это была западня, которую мы разставляли для новыхъ пришельцевъ, и я не видѣлъ почти ни одного изъ нихъ, который не попался-бы въ нее...

(Я иногда удивлялся вѣрности, съ которой этотъ безумецъ судилъ людей и характеры, и я ему это высказалъ). Это происходитъ отъ того, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — что изъ дурнаго общества выносятся польза, точно такъ же какъ изъ распутства; утрата невинности вознаграждается утратой предразсудковъ: въ обществѣ дурныхъ людей порокъ выказываетъ себя во всей наготѣ и потому представляется возможность хорошо изучить ихъ; къ тому-же я читалъ кое-что.

Я. Что же вы читали?

Онъ. Я читалъ, читаю и безпрестанно перечитываю Теофраста, Лабрюйера и Мольера.

Я. Это превосходныя произведенія.

Онъ. Они гораздо лучше чѣмъ думаютъ; но кто же умѣетъ ихъ читать?

Я. Всѣ, соразмѣрно съ своими умственными способностями.

Онъ. Почти никто. Можете-ли вы сказать мнѣ, чего въ нихъ ищутъ?

Я. Развлеченія и поученій.

Онъ. Но какихъ именно поученій? Вѣдь въ этомъ вся суть.

Я. Познанія своихъ обязанностей, любви къ добродѣтели, ненависти къ пороку.

Онъ. Я же извлекаю изъ нихъ все, что слѣдуетъ дѣлать и все, чего не слѣдуетъ говорить. Такъ напримѣръ, когда я читаю *Скупца*, я говорю самому себѣ: будь скупъ если хочешь, но берегись выражаться какъ скупецъ. Когда я читаю *Тартюфа*, я говорю самому себѣ: будь лицемеръ если хочешь, но не говори какъ лицемеръ. Береги пороки, которые полезны для тебя, но не имѣй ни ихъ тона, ни ихъ наружнаго вида, которые сдѣлали-бы тебя смѣшнымъ. Чтобъ предохранить себя отъ этого тона и отъ этого наружнаго вида, надо ихъ изучить, а именно названные авторы и описали ихъ какъ нельзя лучше. Я таковъ какъ есть, и остаюсь такимъ каковъ есть, но дѣйствую и говорю какъ слѣдуетъ дѣйствовать и говорить. Я не изъ числа тѣхъ, кто презираетъ моралистовъ; отъ нихъ можно многому научиться и въ особенности отъ тѣхъ

изъ нихъ, которые излагають мораль въ дѣйстви. Порокъ лишь язвѣдка оскорбляетъ людей, а отличительные признаки порока оскорбляютъ ихъ съ утра до вечера. Едва ли не лучше быть на самомъ дѣлѣ нахаломъ, чѣмъ имѣть нахальную физиономію; кто нахаленъ по характеру, тотъ оскорбляетъ васъ лишь отъ времени до времени, а у кого нахальная физиономія, тотъ оскорбляетъ васъ постоянно. Впрочемъ не думайте, что я одинъ читаю такимъ образомъ; въ этомъ случаѣ моя заслуга заключается только въ томъ, что я дѣлаю вслѣдствіе систематичности, смѣтливости и правильности взгляда то же самое, что многіе другіе дѣлають по инстинкту. Отсюда происходитъ то, что чтеніе не дѣлаеть ихъ болѣе хорошими чѣмъ я, и что они все таки остаются смѣшными даже этого не желая, тогда какъ я бываю смѣшонъ только тогда, когда этого хочу и въ этихъ случаяхъ оставляю ихъ далеко позади меня; вѣдь не слѣдуетъ позабывать, что то же самое искусство, которое даетъ мнѣ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ уклоняться отъ роли шута, научаетъ меня, когда нужно, какъ исполнять эту роль всего успѣшнѣе. Тогда я припоминаю все, что говорили другіе, все что я читалъ и присовокупляю къ этому все что есть плодъ моихъ собственныхъ дарованій, которыя въ этомъ жанрѣ поразительно плодovitы.

Я. Вы хорошо сдѣлали, что повѣдали мнѣ эти тайны, потому что иначе я могъ бы подумать, что вы въ противорѣчій съ самимъ собою.

Онъ. Я вовсе не противорѣчу самому себѣ, потому что на одинъ случай, когда нужно избѣгать роли шута, къ счастью приходится сто случаевъ, когда нужно ее разыгрывать. Въ средѣ высокопоставленныхъ людей нѣтъ лучшей роли, чѣмъ роль глупца. Въ теченіи долгаго времени существовало офіціальное званіе королевскаго шута, но никогда еще не существовало званіе королевскаго мудреца. Я—шутъ Бергена и многихъ другихъ и въ настоящую минуту можетъ быть вашъ, или можетъ быть вы—мой. Кто мудръ, тотъ не держалъ-бы при себѣ шута, стало быть тотъ, кто держитъ при себѣ шута, не мудръ; если же онъ не мудръ, онъ самъ шутъ или можетъ быть онъ шутъ своего шута. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ такомъ измѣнчивомъ предметѣ какъ нравы, нѣтъ ничего что было-бы безусловно, существенно и вообще вѣрно или ложно, кромѣ того правила, что слѣдуетъ быть такимъ, какимъ приказываетъ быть разсчетъ—хорошимъ или дурнымъ, мудрецомъ или шуткомъ, пристойнымъ или смѣшнымъ, честнымъ или порочнымъ. Если бы добродѣтель вела къ богатству, я или былъ бы добродѣтеленъ или подобно другимъ представлялся бы добродѣтельнымъ; но отъ меня хотѣли, чтобъ я былъ смѣшонъ и я сдѣлалъ себя смѣшнымъ; что же касается до того, что я пороченъ, то я этимъ обязанъ одной натурѣ. Впрочемъ, когда я говорю пороченъ, я примѣняюсь къ вашему способу выраженія; вѣдь если бы мы за-

хотѣли объясниться откровенно, вѣроятно оказалось-бы, что вы называете порокомъ то, что я называю добродѣтелью, а добродѣтелью то, что я называю порокомъ.

У насъ бываютъ также авторы изъ *Комической оперы*, ихъ актеры и актрисы, и еще чаще ихъ импрезарин; это все люди со средствами и съ самыми высокими достоинствами. Я позабылъ еще упомянуть о великихъ литературныхъ критикахъ, о всей этой сволочи, которая пишетъ въ *l'Avant-Coureur*, *les Petites Affiches*, *l'Année littéraire*, *l'Observateur littéraire*, *le Censeur hebdomadaire*.

А. L'Année littéraire! L'Observateur littéraire! Это не можетъ быть; вѣдь они ненавидятъ другъ друга.

Онъ. Это правда; но всѣ бѣдняки мирятся между собою за суповой чашкой. Этотъ проклятый *Observateur littéraire*, чтобъ чортъ побралъ и его самого и его печатные листы! Именно этотъ проклятый маленькій жадный попъ и былъ причиной моего несчастія. Вчера онъ появился въ первый разъ на нашемъ горизонтѣ; онъ вошелъ въ ту минуту, когда мы всѣ вылезаемъ изъ нашихъ берлогъ,—въ ту минуту, когда столъ накрытъ... Подаютъ кушанье, съ аббатомъ обращаются какъ съ почетнымъ гостемъ и сажаютъ его на первое мѣсто. Я вхожу и, увидѣвши его, говорю ему: „какъ, господинъ аббатъ, вы здѣсь сидите на первомъ мѣстѣ? Сегодня такъ и должно быть, но завтра вы спуститесь ниже на одинъ приборъ, послѣ завтра еще на одинъ приборъ и такимъ образомъ будете передвигаться отъ одного прибора въ другому направо или налѣво, пока съ того мѣста, которое я занималъ однажды до васъ, Фреронъ однажды послѣ меня, Дорá однажды послѣ Фрерона, Палиссо однажды послѣ Дорá, вы наконецъ не займете постоянного мѣста подлѣ меня, такого же жалкаго бездѣльника, какъ и вы, *che siedo sempre come un maestro cagno fra duoi coglioni*. (Итальянская поговорка по своему содержанию неудобная для перевода). Такъ какъ аббатъ добрый малый и на все смотритъ съ хорошей стороны, то онъ разсмѣялся; двица *N.*, пораженная вѣрностью сдѣланнаго мною сравненія, расхоталась; тѣ, которые сидѣли направо и налѣво отъ аббата или которыхъ онъ заставилъ передвинуться на одинъ приборъ, стали смѣяться; всѣ смѣялись кромѣ хозяина, который разсердился и сталъ говорить мнѣ такія слова, которыя не имѣли бы для меня никакого значенія, если бы я былъ съ нимъ вдвоемъ... „Вы дерзки.—Я это знаю, и вы приняли меня на этомъ условіи.—Вы бездѣльникъ.—Какъ и всякій другой.—Вы оборванецъ.—Не будь я такимъ, развѣ я былъ бы здѣсь?—Я велю выгнать васъ.—Послѣ обѣда я самъ уйду...—Я вамъ это совѣтую...“ Мы стали обѣдать и я продолжалъ шутить по прежнему. Хорошо наѣвшись и напившись вдоволь (вѣдь господинъ желудокъ такая особа, на которую я никогда не дуясь), я принялъ мое рѣшеніе и сталъ собираться уходить; я далъ слово въ присутствіи столькихъ свидѣтелей, что не могъ не сдержать его.

Я довольно долго бродилъ по комнатамъ, отыскивая палку и шляпу тамъ, гдѣ ихъ не было и рассчитывая на то, что патронъ разразится новыми ругательствами, что кто нибудь возьметъ на себя роль посредника и что, набранившись вдоволь, мы въ концѣ концовъ помиримся. Я вертѣлся все на одномъ мѣстѣ, потому что у меня ничего не было на сердцѣ; но патронъ, болѣе мрачный и нахмуренный чѣмъ Гомеровъ Аполлонъ, когда онъ металъ свои стрѣлы въ греческую армію, еще болѣе обыкновеннаго надвинулъ на лобъ свой колпакъ и ходилъ въ волненіи взадъ и впередъ по комнатамъ. Барышня подходитъ ко мнѣ: „Да что же случилось необычайнаго?“ говорю я ей. „Развѣ сегодня я не былъ такимъ же какъ всегда?“—„Я требую, чтобъ онъ шелъ вонъ“.—„Я уйду. Но я не сдѣлалъ ему никакой невѣжливости“.—„Извините; приглашаютъ г-на аббата, а вы...“—„Хозяинъ самъ сдѣлалъ ошибку приглашая аббата и въ то же время принимая въ домъ меня и вмѣстѣ со мною столько другихъ негодяевъ. Я...“—„Полноте, мой милый... надо чтобъ вы просили извиненія у г-на аббата“.—„Къ чему мнѣ его извиненіе“.—„Полноте, полноте, все это уладится мирно...“ Меня берутъ за руки и тащатъ къ креслу аббата; я протягиваю руки и смотрю на аббата съ нѣкоторымъ удивленіемъ, такъ какъ я думаю еще никогда никто не просилъ у него извиненія. „Г-нъ аббатъ“,—говорю я ему,—„все это очень нелѣпо, неправда-ли?“ Затѣмъ я начинаю хохотать, а вслѣдъ за мною и аббатъ. И такъ съ одной стороны мнѣ все извинили, но нужно было еще обратиться къ другой сторонѣ, а съ хозяиномъ нужно было выразаться иначе. Я не припомню въ какихъ именно выраженіяхъ я сталъ извиняться передъ нимъ: „Милостивый государь, вотъ тотъ безумецъ...—Онъ уже давно причиняетъ мнѣ непріятности; я не хочу и слышать о немъ.—Онъ сердится.—Да я сержусь.—Этого болѣе не случится...—Пока первый негодяй...“ Я не знаю былъ ли это одинъ изъ тѣхъ дней, когда онъ въ такомъ дурномъ расположеніи духа, что даже барышня не смѣетъ близко подходить къ нему, или можетъ быть онъ не слышалъ моихъ словъ, или можетъ быть я неясно выразился,—но дѣло приняло еще худшій оборотъ, чѣмъ прежде. Чортъ возьми! да развѣ онъ не знаетъ меня? Развѣ онъ не знаетъ, что я похожъ на ребенка и что бываютъ случаи, когда я болтаю безъ разбору всякій вздоръ? Къ тому же,—да проститъ мнѣ Богъ,—вѣдь и для меня должна быть когда нибудь минута отдыха. Вѣдь и сдѣланная изъ стали маріонетка не долго выдержитъ, если будутъ дергать шнурокъ отъ утра до вечера и отъ вечера до утра. Я долженъ разгонять ихъ скуку,—это условлено; но и я долженъ иногда развлекать самого себя. Среди этихъ затрудненій мнѣ пришла въ голову пагубная мысль, внушенная мнѣ увѣренностью въ самомъ себѣ, и заставившая меня держать себя гордо и дерзко,—мысль, что безъ меня не могутъ обойтись, что я человѣкъ необходимый.

Я. Да, я полагаю, что вы имъ очень полезны, но что они вамъ еще болѣе полезны. Вамъ не легко будетъ найти другой такой же

хорошій домъ, тогда какъ они, чтобъ замѣнить одного выбывшаго шута, найдутъ цѣлую сотню такихъ же.

Онъ. Сто шутовъ такихъ какъ я! господинъ философъ; ихъ не легко найти. Площадныхъ дураковъ—да. Къ шутовству предъявляютъ болѣе строгія требованія, чѣмъ къ таланту или къ добродѣтели. Я—большая рѣдкость въ моемъ жанрѣ, да, большая рѣдкость. Теперь, когда они утратили меня, что они дѣлаютъ? Они тоскуютъ какъ собаки. Я—неистошимый источникъ нелѣпостей. У меня ежеминутно была готова какая нибудь причудливая выходка, заставлявшая ихъ смѣяться до слезъ; для нихъ я былъ такъ же забавенъ какъ всѣ обитатели дома умалишенныхъ вмѣстѣ взятые.

Я. За то вы имѣли столь, одежду, кафтанъ, съ панталонами, башмаки и по одной золотой монетѣ въ мѣсяцъ.

Онъ. Это хорошая, выгодная сторона дѣла, но вы ничего не говорите о служебныхъ обязанностяхъ. Во первыхъ, если проходилъ слухъ о новой пьесѣ, то, какая бы ни была погода, я долженъ былъ обыскивать всѣ парижскіе чердаки, пока не отыщу ея автора; я долженъ былъ добиться того, чтобъ мнѣ дали прочесть новую пьесу и долженъ былъ ловко намекнуть автору, что въ его произведеніи есть одна роль, которая была бы превосходно исполнена одной знакомой мнѣ особой. „А кто она такая?—Кто! Вотъ прекрасный вопросъ! Это—сочетаніе граціи, миловидности и изящества.—Вы вѣроятно говорите о г-жѣ Данжевилль? Вы, должно быть, знакомы съ ней? — Да, немного; но я говорю не о ней. — О комъ же?“ Я шопотомъ называлъ по имени мою покровительницу.... Она!—Да, она,—повторялъ я, нѣсколько сконфузившись, потому что вѣдь и у меня иногда бываетъ стыдъ; надо было видѣть, какъ при этомъ имени вытягивалась фізіономія сочинителя, если только онъ не раздражался хохотомъ прямо мнѣ въ лице. Однако я непременно долженъ былъ привести его къ обѣду, а онъ, изъ опасенія связать себя какимъ нибудь общаніемъ, отговаривался, благодарилъ. Надо было видѣть, какъ обходились со мною, если я не имѣлъ успѣха въ переговорахъ! Я былъ дуралей, глупецъ, болванъ; я былъ ни на что не годенъ; я не стоилъ даже стакана воды, который мнѣ давали пить. Во время представленія было еще хуже; среди свистковъ публики, которая, что бы ни говорили, судить вѣрно, я долженъ былъ хлопать въ ладоши, не будучи поддержанъ никѣмъ, долженъ былъ обращать на себя общее вниманіе и тѣмъ иногда избавлять актрису отъ свистковъ, долженъ былъ слушать какъ рядомъ со мною говорили: „Это одинъ изъ пероидѣтыхъ лакеевъ того, кто.... Когда же этотъ негодяй замолчить!..“ Вѣдь никому неизвѣстно, что заставляетъ меня такъ поступать; думаютъ что это дѣлается по тупоумію, тогда какъ на это есть такая причина, которою все извиняется.

Я. Даже нарушеніе гражданскихъ законовъ.

Онъ. Впрочемъ въ концѣ концовъ, ознакомившись съ моею личностью, говорили: „А! Это Рамо“. Для меня служило ресурсомъ

то, что я бросалъ въ толпу какое нибудь ироническое замѣчаніе, которое спасало меня отъ срама, заставляя думать, что подь моими апплодисментами скрывалось неодобреніе. Согласитесь съ тѣмъ, что надо имѣть въ виду очень большія выгоды, чтобъ осмѣлиться выказывать такое неуваженіе къ публикѣ и что такая тяжелая работа стоила дороже одного маленькаго эюку?

Я. Отчего же вы не запасались помощниками?

Онъ. Я иногда это дѣлалъ и этимъ способомъ кое-что заработывалъ. А прежде чѣмъ отправиться на мѣсто пытки, надо было заучить на память самыя блестящія сцены, въ которыхъ я долженъ былъ давать знакъ апплодисментовъ. Если мнѣ случалось позабыть ихъ или ошибиться, я по возвращеніи дрожалъ отъ страха; это былъ такой содомъ, о которомъ вы не можете составить себѣ понятія. Сверхъ того я долженъ былъ смотрѣть за цѣлой стаей собакъ; впрочемъ я имѣлъ глупость самъ наложить на себя эту обузу; на мнѣ также лежалъ высшій надзоръ за кошками. Я считалъ себя счастливымъ, если *Мику* разрывала когтями мои манжетки или дѣлала парацину на моей рукѣ. У *Крикеттэ* часто случаются колики; моя обязанность растирать ей животъ. Сама барышня прежде страдала припадками ипохондріи, а теперь страдаетъ разстройствомъ нервъ. Я уже не говорю о легкихъ нездоровьяхъ, при которыхъ мною не стѣсняются. Она начинаетъ очень толстѣть; еслибъ вы могли слышать, какія басни рассказываются по этому поводу.

Я. Но вы, конечно, не изъ числа тѣхъ, кто ихъ выдумываетъ?

Онъ. Почему-же нѣтъ.

Я. Потому что по меньшей мѣрѣ неприлично насмѣхаться надъ своими благодѣтелями.

Онъ. А развѣ не хуже—ссылаться на свои благодѣянія для того, чтобъ унижать тѣхъ, кого благодѣтельствуютъ?

Я. Но еслибы эти послѣдніе не были низки душой, покровитель не присвоивалъ-бы себѣ такого права.

Онъ. Но еслибы эти люди не были сами по себѣ смѣшны, они не могли бы сдѣлаться сюжетомъ забавныхъ выдумокъ. И развѣ я виноватъ въ томъ, что они сводятъ знакомство съ негодяями? Развѣ я виноватъ въ томъ что, сведя такія знакомства, они видятъ вокругъ себя измѣну и насмѣшки? Кто рѣшается жить въ обществѣ такихъ людей, какъ мы, тому достаточно простаго здраваго смысла, чтобъ понимать, что его ожидаютъ безконечныя глупости. Когда берутъ насъ въ домъ, развѣ не знаютъ, что мы за-люди, развѣ не знаютъ, что мы корыстолюбивы, подлы и коварны? А если насъ хорошо знаютъ, то все идетъ хорошо. Между нами существуетъ молчаливый договоръ, въ силу котораго намъ должны дѣлать добро, а мы рано или поздно отплатимъ за сдѣланное добро зломъ. Развѣ такой же договоръ не существуетъ между человѣкомъ и его обезьяной или его попугаемъ? Ле-Брѣнъ громко жалуется на то, что его собесѣдникъ и пріятель Палиссо сочинилъ на него куплеты. Но Палиссо долженъ былъ сочинить куплеты и виноватъ не онъ,

а де-Брёнъ. Пуансинэ громко жалуется на то, что Палиссо приписалъ ему эти куплеты. Но Палиссо долженъ былъ приписать эти куплеты Пуансинэ и виноватъ не онъ, а Пуансинэ. Крошечный аббатикъ Рей громко жалуется на то, что его пріятель Палиссо, котораго онъ ввелъ къ своей любовницѣ, отбилъ у него эту любовницу: но не слѣдовало вводить къ своей любовницѣ такого чловѣка, какъ Палиссо, или слѣдовало быть готовымъ лишиться ея; Палиссо исполнилъ свой долгъ и виноватъ не онъ, а Рей. Книгопродавецъ Д. громко жалуется на то, что его компаньонъ Б. подалъ поводъ къ неосновательнымъ слухамъ: во всякомъ случаѣ Б. исполнилъ свою роль, а виноваты Д. и его жена. Гельвещій громко жалуется на то, что Палиссо выставилъ его въ одной пьесѣ безчестнымъ чловѣкомъ, тогда какъ Палиссо еще не возвратилъ ему денегъ взятыхъ у него взаймы, для того чтобъ поправить свое здоровье, одѣться и кормиться; но развѣ Гельвещій могъ ожидать инаго образа дѣйствій отъ такого чловѣка, который замаралъ себя разными низостями, который ради развлечения убѣдилъ своего пріятедя отказаться отъ своей религій, который завладѣлъ имуществомъ своихъ компаньоновъ, у котораго нѣтъ ни чести, ни совѣсти, ни благородства чувствъ, который старается разбогатѣть *per fas et nefas*, который считаетъ дни по числу совершенныхъ имъ безчестныхъ поступковъ и который самъ вывелъ себя на сцену самымъ опаснымъ мошенникомъ; это такое безстыдство, которому, я полагаю, еще не было и никогда не будетъ другаго примѣра. Нѣтъ тутъ виноватъ не Палиссо, а Гельвещій. Если бы какой нибудь провинціалъ, придя въ версальскій звѣринецъ, просунулъ по глупости свою руку въ клѣтку тигра или барса и еслибы его рука осталась въ зубахъ лютаго звѣря, кто былъ-бы этому виноватъ? Все это изложено въ молчаливомъ договорѣ и тѣмъ хуже тому, кто не признаетъ этого договора или забываетъ о немъ. Въ силу этого всеобщаго и священнаго договора сколькихъ людей слѣдуетъ признавать неосновательно обвиняемыми въ дурныхъ поступкахъ, и слѣдуетъ возлагать всю вину на собственную глупость. Да, милостивая государыня, вы сами виноваты, когда собираете вокругъ себя такихъ людей, которыхъ вы называете отродьями, и когда эти отродья дѣлаютъ вамъ разныя мерзости, заставляють васъ дѣлать мерзости и навлекають на васъ негодованіе честныхъ людей. Честные люди дѣлають то, что должны дѣлать, отродья дѣлають также то, что должны дѣлать; а виноваты вы, — зачѣмъ ихъ принимаете. Если бы Бертенъ жилъ съ своей любовницей тихо и спокойно; еслибы, благодаря честности своихъ характеровъ, они сошлись съ честными людьми; если бы они собирали у себя людей талантливыхъ, людей извѣстныхъ въ обществѣ своими достоинствами; если-бы они искали развлечения въ небольшомъ кружкѣ просвѣщенныхъ людей, на ихъ счетъ не стали бы сочинять ни хорошихъ ни дурныхъ выдумокъ. А что съ ними случилось? То, чего они стоили; они были наказаны за свое неблагоразуміе, а мы—тѣ,

кому предназначено Провидѣніемъ воздавать должное всѣмъ современнымъ Бертенамъ, точно такъ какъ нашимъ потомкамъ одного съ нами отродья предназначено воздавать должное будущимъ Бертенамъ. Но въ то время, какъ мы приводимъ въ исполненіе справедливые приговоры Провидѣнія надъ глупцами, вы приводите въ исполненіе его справедливые приговоры надъ нами, изображая насъ такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ. Что подумали-бы вы о насъ, еслибы несмотря на наши постыдные нравы мы стали заявлять претензіи на общее уваженіе? Вы сочли бы насъ за безумцевъ. А тотъ, кто ожидаетъ честныхъ поступковъ отъ людей, которые родились порочными и которые отличаются низостью и подлостью характера, развѣ можетъ считаться разсудительнымъ человѣкомъ? Въ этомъ мірѣ все оплачивается. Здѣсь два генеральныхъ прокурора, одинъ находится у вашихъ дверей и наказываетъ преступленія противъ общества, а другой—природа. Эта послѣдняя вѣдаетъ всѣ пороки, ускользающіе отъ установленной закономъ кары. Вы предаетесь разврату и у васъ будетъ водяная; вы пьянствуете и у васъ будетъ болѣзнь легкихъ; вы открываете двери вашего дома негодяямъ и живете въ ихъ обществѣ,—и васъ будутъ обманывать, подымать на смѣхъ и презирать; всего проще подчиниться этимъ справедливымъ приговорамъ и сказать самому себѣ: такъ должно быть; одно изъ двухъ—или надо встряхнуть своими ушами и исправиться, или же оставаться такимъ, каковъ есть, но при упомянутыхъ выше условіяхъ.

Я. Вы правы.

Онъ. Впрочемъ, изъ всѣхъ злыхъ выдумокъ нѣтъ ни одной, которая была бы моимъ произведеніемъ; я ограничиваюсь ролью переносчика новостей. Увѣряютъ, будто нѣсколько дней тому назадъ, часовъ въ пять утра.....

Я. Вы болтунъ. Будемъ говорить о другомъ. Съ тѣхъ поръ какъ я вступилъ съ вами въ разговоръ, у меня постоянно вертится на губахъ одинъ вопросъ.

Онъ. Отчего-же вы такъ долго не высказывали его?

Я. Оттого, что онъ казался мнѣ нескромнымъ.

Онъ. Послѣ всего того, что я вамъ откровенно высказалъ, едва ли найдется такая тайна, которую я захотѣлъ-бы скрыть отъ васъ.

Я. Вы, конечно, не имѣете никакихъ сомнѣній на счетъ моего мнѣнія о вашемъ характерѣ?

Онъ. Никакихъ; въ вашихъ глазахъ я очень отвратительное и достойное презрѣнія существо; иногда я бываю точно такого-же мнѣнія о самомъ себѣ, но рѣдко; я чаще хвалю себя, чѣмъ порицаю за мои пороки: вы болѣе постоянны въ вашемъ презрѣніи ко мнѣ.

Я. Это правда; но зачѣмъ-же вы обнаруживаете предо мной всю вашу низость?

Онъ. Во первыхъ потому, что она въ значительной мѣрѣ уже

вамъ извѣстна, а во вторыхъ потому, что раскрывая передъ вами все до конца, я нахожу въ этомъ болѣе выгодъ чѣмъ невыгодъ.

Я. Объясните, пожалуйста, почему же?

Онъ. Потому что высшая степень совершенства болѣе необходима въ злѣ, чѣмъ въ чемъ либо другомъ. На мелкаго ворюшку плюютъ, но важному преступнику нельзя отказать въ нѣкотораго рода уваженіи; его мужество удивляетъ васъ, его жестокосердіе заставляетъ васъ содрогаться. Во всемъ цѣнится дѣльность характера.

Я. Но вы, кажется, еще не достигли такой почтенной цѣльности характера; я замѣчаю, что вы иногда не тверды въ вашихъ принципахъ; трудно также рѣшить, получили-ли вы ваши дурныя свойства отъ природы или они плодъ пріобрѣтенныхъ вами познаній, и достигли-ли вы путемъ этихъ познаній всѣхъ результатовъ, какіе возможны.

Онъ. Я съ вами согласенъ, но я сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что только могъ. Развѣ я не былъ до того скромнѣе, что признавалъ нѣкоторыхъ людей превосходящими меня самого въ моей специальности? Развѣ я не говорилъ вамъ о Бурѣ съ самымъ глубокимъ уваженіемъ? Бурѣ—это первый человекъ въ мірѣ по этой части.

Я. Но непосредственно вслѣдъ за Бурѣ вы занимаете первое мѣсто?

Онъ. Нѣтъ.

Я. Такъ его занимаетъ Палиссо?

Онъ. Да Палиссо, но не онъ одинъ.

Я. Кто же достоинъ занимать рядомъ съ нимъ второе мѣсто?

Онъ. Авиньонскій ренегатъ.

Я. Я никогда ничего не слыхалъ объ этомъ авиньонскомъ ренегатѣ; но это, должно быть, очень необыкновенный человекъ.

Онъ. Да очень.

Я. Исторія великихъ людей всегда очень интересовала меня.

Онъ. Еще бы. Этотъ человекъ жилъ у одного добраго и честнаго старика, принадлежавшаго къ тѣмъ потомкамъ Авраама, о которыхъ было предсказано, что они достигнутъ такого же числа, какъ звѣзды небесныя.

Я. У еврея?

Онъ. Да, у еврея. Сначала онъ внушилъ состраданіе къ себѣ, потомъ пріобрѣлъ расположеніе, а наконецъ и самое полное довѣріе; вѣдъ такъ всегда случается: мы такъ полагаемся на оказанную вами помощь, что почти всегда повѣряемъ всѣ наши тайны тому, кого мы осыпали нашими благодѣяніями; можно-ли же удивляться тому, что люди бываютъ неблагодарны, когда мы сами вовлекаемъ ихъ въ соблазнъ быть неблагодарными безнаказанно. Это основательное размышленіе не пришло въ голову нашему еврею. И такъ онъ открылся ренегату, что совѣсть не позволяеть ему ѣсть свинину. Вы увидите далѣе, какую пользу умѣлъ извлечь изъ этого признанія плодовитый умъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ,

въ теченіе которыхъ нашъ ренегатъ былъ услужливъ еще болѣе обыкновеннаго; наконецъ, когда онъ убѣдился, что еврей былъ совершенно очарованъ его вниманіемъ и былъ увѣренъ, что во всѣхъ племенахъ Израиля у него нѣтъ лучшаго друга..... Подивитесь осторожности этого человѣка! Онъ не спѣшитъ и прежде чѣмъ трянуть яблочную вѣтвь онъ даетъ яблоку время созрѣть: излишняя горячность могла бы испортить все дѣло. Вѣдь это обыкновенное явленіе, что величіе характера является результатомъ естественнаго равновѣсія между нѣсколькими свойствами одно другому противоположными.

Я. Отложите въ сторону ваши размышленія и продолжайте вашъ рассказъ.

Онъ. Это невозможно; бываютъ дни, когда я не въ состояніи воздерживаться отъ размышленій; это своего рода болѣзнь, которой слѣдуетъ предоставить свободное теченіе. На чемъ-же я остановился?

Я. На упрочившейся дружбѣ между евреемъ и ренегатомъ.

Онъ. И такъ яблоко созрѣло.... Но вы не слушаете меня; вы о чемъ-то задумались?

Я. Я думаю о томъ, что вы то повышаете, то понижаете тонъ вашего голоса.

Онъ. Развѣ тонъ порочнаго человѣка можетъ быть всегда одинъ и тотъ-же?... И такъ однажды вечеромъ онъ входитъ къ своему пріятелю съ испуганнымъ видомъ; его голосъ прерывается отъ волненія, его лице блѣдно какъ смерть, онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ. „Что съ вами?“ — „Мы пропали.“ — „Пропали! Почему же?“ — „Пропали, говорю я вамъ, безвозвратно.“ — „Объяснитесь же.“ — „Я еще не могу придти въ себя отъ ужаса.“ — „Успокойтесь-же“.... „Одинъ измѣнникъ сдѣлалъ на насъ доносъ святой инквизиціи, на васъ какъ на еврея, на меня какъ на гнуснаго ренегата....“ Замѣьте, что этотъ негодяй не краснѣя употреблялъ самыя рѣзкія выраженія. Чтобы называть самаго себя этимъ именемъ, надо имѣть болѣе мужества, чѣмъ думаютъ; вы не знаете съ какимъ трудомъ это достигается.

Я. Конечно не знаю. Но этотъ гнусный ренегатъ....

Онъ. Притворялся, но это очень ловкое притворство. Еврей приходитъ въ ужасъ, рветъ свою бороду, катается по полу; ему кажется, что сыщики уже вошли къ нему въ домъ, что на него надѣли платье приговоренныхъ къ смертной казни и что уже готовить для него костеръ. „Мой другъ“, восклицаетъ онъ, „мой добрый другъ, мой единственный другъ, скажи, что мнѣ дѣлать?“ — „Что дѣлать? Надо не скрываться отъ постороннихъ, выказывать совершенное спокойствіе и вести себя какъ всегда. Процедура этого трибунала секретна, но медленна; надо воспользоваться ея медленностью, чтобы все распродать. Я найму или поручу нанять корабль,—это гораздо удобнѣе сдѣлать чрезъ посредство третьяго лица; мы сложимъ туда все ваше имущество, такъ какъ они ме-

тять главнымъ образомъ въ ваше состояніе, и мы отправимся вдвоемъ искать подъ другимъ небомъ возможности не стѣсняясь поклоняться нашему Богу и безопасно исполнять законъ Авраама и нашей совѣсти. Въ настоящемъ опасномъ положеніи мы главнымъ образомъ должны остерегаться какой либо оплошности.....“

Какъ сказано — такъ и сдѣлано. Корабль нанятъ и снабженъ съѣстными припасами и матросами: богатство еврея сложено на бортъ корабля; завтра съ разсвѣтомъ они должны отправиться въ путь и потому могутъ весело поужинать и спокойно уснуть; завтра они спасутся отъ своихъ гонителей. Ночью ренегатъ встаетъ, беретъ бумажникъ еврея, его кошелекъ и драгоценности, садится на корабль—и поминай какъ звали. И вы думаете что это все? Нѣтъ, вы ошибаетесь. Когда мнѣ рассказывали эту исторію я угадалъ то, о чемъ я умолчалъ теперь съ цѣлю испытать вашу провинительность. Вы хорошо сдѣлали, что пошли въ честные люди, иначе вы были-бы плохимъ мошенникомъ. До сихъ поръ ренегатъ не болѣе какъ такой мошенникъ, онъ не болѣе какъ жалкій негодай, на котораго никто не пожелалъ-бы быть похожимъ. Высокое достоинство его продѣлки заключается въ томъ, что онъ самъ донесъ на своего пріятеля еврея, который былъ схваченъ по приказанію святой инквизиціи на другой день утромъ лишь только проснулся, а по прошествіи нѣсколькихъ дней былъ сожженъ на кострѣ. Такимъ-то образомъ ренегатъ сдѣлался спокойнымъ обладателемъ состоянія, принадлежавшаго этому проклятому потомку тѣхъ, кто распялъ нашего Спасителя.

Я. Я затрудняюсь рѣшить, что возбуждаетъ во мнѣ болѣе сильное отвращеніе, злодѣйство-ли вашего ренегата, или тонъ, которымъ вы его рассказываете.

Онъ. Вотъ именно то, что я вамъ говорилъ: безчеловѣчность этого поступка заглушаетъ въ васъ чувство негодованія; потому-то я и былъ такъ чистосердеченъ. Я хотѣлъ, чтобъ вы знали до какого совершенства я дошелъ въ моемъ искусствѣ; я хотѣлъ вызвать отъ васъ признаніе, что я по меньшей мѣрѣ оригиналенъ въ моей низости; я хотѣлъ стать въ вашемъ мнѣніи наравнѣ съ великими мошенниками и потомъ воскликнуть: *Vivat Mascariillus, fourbum imperator!* Ну-же, господинъ философъ, будемъ восклицать вмѣстѣ: *Vivat Mascariillus, fourbum imperator!*

(Затѣмъ Рамо начинаетъ представлять пантомимой какую-то фугу и разговоръ переходитъ на различные предметы, касающіеся музыки 1).“

Я. Какимъ образомъ, при столь изящномъ вкусѣ, при столь сильной чувствительности къ красотамъ музыкальнаго искусства, вы такъ слѣпы ко всѣмъ нравственнымъ красотамъ, такъ нечувствительны къ прелестямъ добродѣтели?

1) Т. V. стр. 457—468.

Онъ. Это, какъ кажется, происходитъ оттого, что тутъ требуется такое чувство, котораго у меня нѣтъ, тутъ требуется такая фибра, которая мнѣ не дана, а если и дана, то такая слабая, что сколько ее ни расшевеливай, она не дастъ никакого звука; или можетъ быть это происходитъ оттого, что я всегда жилъ съ хорошими музыкантами и съ дурными людьми, отчего слухъ мой сдѣлался очень тонкимъ, а сердце глухимъ. Сверхъ того тутъ есть нѣчто и врожденнаго.... У меня та же кровь, какъ и у моего отца; отцовское сѣмячко было жестко и грубо, а это проклятое первое сѣмячко приравниало все къ себѣ.

Я. Любите-ли вы вашего ребенка?

Онъ. Еще бы не любить этого маленькаго дикаря! Я безъ ума отъ него.

Я. Неужели-же вы не приложите серьезнаго старанія, чтобъ отстранить отъ него вліяніе проклятаго отцовскаго сѣмячка?

Онъ. Я полагаю, что я сталъ-бы трудиться понапрасну. Если ему суждено быть честнымъ человѣкомъ, я ему въ этомъ не помѣшаю; но еслибы сѣмячко хотѣло, чтобъ онъ былъ такимъ-же негодяемъ, какъ его отецъ, всѣ мои старанія сдѣлать изъ него честнаго человѣка оказались бы напрасными. Такъ какъ направленіе воспитанія стало бы безпрестанно перекрещиваться съ направленіемъ сѣмячка, то его стали бы толкать впередъ двѣ силы, противоположными одна другой и онъ сталъ бы ходить по жизненной тропѣ зигзагами, точно такъ какъ это дѣлаетъ множество людей, одинаково неспособныхъ ни на добро, ни на зло.

Такихъ людей мы называемъ отродьями, а это самый отвратительный изъ всѣхъ эпитетовъ, потому что онъ обозначаетъ посредственность и самую крайнюю степень презрѣнія. Великій негодяй великъ и потому не можетъ считаться отродьемъ. А прежде чѣмъ отцовское сѣмячко возьметъ въ ребенкѣ верхъ и доведетъ его до той полнѣйшей низости, до которой я достигъ, потребовалось бы много времени и онъ потерялъ бы свои лучшіе годы. Теперь я еще въ это не мѣшаюсь и только наблюдаю за нимъ. Онъ уже жадець, лукавъ, лѣнивъ, лживъ; я полагаю, что онъ будетъ весь въ отца.

Я. А для того чтобъ сходство было полное, вы, конечно, сдѣлаете изъ него музыканта?

Онъ. Музыканта! Я иногда, смотря на него, говорю, скрежеща зубами: мнѣ кажется, что если ты когда нибудь будешь знать хоть одну ноту, я сверну тебѣ шею.

Я. Почему же?

Онъ. Музыка не ведетъ ни къ чему.

Я. Она ведетъ ко всему.

Онъ. Да, когда дошли въ ней до совершенства; но кто же можетъ рассчитывать на то, что его сынъ достигнетъ совершенства? Есть десять тысячъ шансовъ противъ одного, что изъ него выйдетъ лишь такой же жалкій скрипачъ, какъ я. Знаете-ли вы, что едва ли не легче найти ребенка, годнаго для управленія королев-

ствомъ и способнаго сдѣлаться великимъ королемъ, чѣмъ такого, который могъ бы сдѣлаться великимъ скрипачемъ?

Я. Мнѣ кажется, что у тѣхъ народовъ, у которыхъ нравы испорчены, а развратъ и роскошь вошли въ обычай, человекъ съ пріятнымъ хотя и посредственнымъ талантомъ можетъ быстро сдѣлать блестящую карьеру.

Онъ. Конечно, намъ нужно золото; золото—все, а остальное, если нѣтъ золота, ничего не стоить. За то я и не набиваю ему голову прекрасными принципами, которые онъ долженъ будетъ позабыть, если не захочетъ быть нищимъ,—а когда у меня есть лунддоръ,—что случается не часто,—я сажусь противъ него, вынимаю лунддоръ изъ моего кармана, показываю ему его съ восхищеніемъ, подымаю глаза къ небу и цѣлую лунддоръ; а для того, чтобъ онъ еще лучше понялъ важность этого священнаго предмета, я ему объясняю словами и жестами все что можно съ помощью его пріобрѣсть—прекрасное платье, красивую шапку, вкусное пирожное; потомъ я кладу лунддоръ въ мой карманъ, съ гордостью прохаживаю по комнатѣ, приподымаю полы моего камзола и рукою хлопаю себя по тому мѣсту, гдѣ находится карманъ; этимъ способомъ я даю ему понять, что отъ находящагося въ карманѣ лундора происходитъ то чувство удовольствія, которое онъ во мнѣ замѣчаетъ.

Я. Это очень хорошо придумано, но если случилось-бы, что глупоко проникнувшись сознаниемъ важности лундора, онъ когда нибудь.....

Онъ. Я понимаю, что вы хотите сказать. Нужно дѣлать какъ будто этого не видишь; вѣдь нѣтъ такого нравственнаго принципа, который не представлялъ бы какихъ нибудь неудобствъ. Въ самомъ худшемъ случаѣ пришлось бы провести неприятную четверть часа и все этимъ кончилось-бы.

Я. Даже выслушавъ такія смѣлыя и здравыя сужденія, я остаюсь при томъ мнѣніи, что было-бы хорошо сдѣлать изъ него музыканта. Я не знаю лучшаго средства втираться къ вліятельнымъ людямъ, чтобъ поддѣлываться подъ ихъ пороки и извлекать пользу изъ своихъ собственныхъ пороковъ.

Онъ. Это правда; но у меня есть другой проектъ, успѣхъ котораго болѣе скоръ и болѣе вѣренъ. Ахъ! Если бы это была дочь! Но такъ какъ мы не можемъ дѣлать все что хотѣли-бы, то мы должны брать что есть, извлекать изъ него самую большую пользу и не слѣдовать примѣру тѣхъ глупыхъ отцовъ, которые поступаютъ такъ, какъ можно-бы было поступать только желая гибели своихъ дѣтей, а именно даютъ спартанское воспитаніе дѣтямъ, которыя родились на свѣтъ для того чтобъ жить въ Парижѣ; если воспитаніе, которое я дамъ, окажется дурнымъ, въ этомъ будутъ виноваты нравы моей націи, а не я. Пусть отвѣтственность за это падаетъ на кого слѣдуетъ; я хочу чтобъ мой сынъ былъ счастливъ, или,—что тоже самое,—чтобъ онъ пользовался почетомъ, чтобъ онъ былъ богатъ и вліятель. Я немножко знакомъ съ самыми удобными пу-

тями, ведущими къ этой цѣли и я ихъ укажу ему заблаговременно. Если такіе мудрецы, какъ вы, будутъ осуждать меня, толпа и успѣхъ оправдаютъ меня. У него будетъ золото,—это я вамъ говорю, а когда у него будетъ много золота, у него не будетъ недостатка ни въ чемъ, ни даже въ вашемъ почтеніи и вашемъ уваженіи.

Я. Вы можете ошибиться.

Онъ. Въ такомъ случаѣ онъ и такъ обойдется, подобно столькимъ другимъ....

(Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ было много такихъ, которыя многимъ приходятъ въ голову, которыми многіе руководствуются въ жизни, но которыхъ никто не высказываетъ. Вотъ въ сущности въ чемъ заключается различіе между моимъ героемъ и большинствомъ тѣхъ, кто насъ окружаетъ. Онъ признавался въ порокахъ, которые были у него и которые есть у другихъ, но онъ не былъ лицемеренъ. Онъ не былъ ни болѣе ни менѣе отвратителенъ, чѣмъ они. Онъ только былъ болѣе откровененъ и болѣе послѣдователенъ, а иногда даже глубокомысленъ въ своей нравственной испорченности. Я съ ужасомъ помышлялъ о томъ, какимъ сдѣлается его сынъ у такого наставника. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что при понятіяхъ о воспитаніи, въ точности соответствующихъ нашимъ нравамъ, онъ зайдетъ далеко, если только его не остановятъ заблаговременно на этомъ пути.)

Онъ. О! не бойтесь ничего: главная и самая трудная задача, которую хорошій отецъ долженъ имѣть въ виду, заключается не въ томъ, чтобъ развить въ своемъ сынѣ такіе пороки, которые могли бы обогатить его или такія забавныя странности, которыя сдѣлали-бы его дорогимъ для вельможъ,—вѣдь это всякій умѣетъ дѣлать если не по системѣ какъ я, то изъ подражанія или по указанію другихъ; задача заключается въ томъ, чтобъ онъ зналъ надлежащую мѣру, чтобъ онъ умѣлъ увертываться отъ позора, отъ безчестія и отъ законовъ: это—диссонансы въ общественной гармоніи, которые нужно умѣть кстати помѣстить, нужно умѣть приготовить и выдержать. Нѣтъ ничего столь безцвѣтнаго, какъ рядъ совершенно правильныхъ аккордовъ; надо чтобъ что нибудь возбуждало васъ, надо чтобъ что нибудь разсѣвало лучъ свѣта и разбрасывало его по сторонамъ.

Я. Очень хорошо; дѣлая это сравненіе вы даете мнѣ поводъ перейти отъ нравовъ къ музыкѣ, отъ которой я неволью отклонился, и я благодарю васъ за это, потому что, говоря откровенно, я предпочитаю въ васъ музыканта моралисту.

Онъ. Однако я очень посредственъ въ музыкѣ и положительно превосходенъ въ морали.

Я. Я сомнѣваюсь въ этомъ; но еслибы даже вы не ошибались, я долженъ сказать вамъ, что я честный человекъ и что ваши принципы не мои.

Онъ. Тѣмъ хуже для васъ. Ахъ! еслибы у меня были ваши дарованія!.....

Я. Оставимъ въ сторонѣ мои дарованія и будемъ говорить о вашихъ.

Онъ. Еслибъ я умѣлъ выражаться какъ вы.... Но у меня, чортъ знаетъ, какіе нелѣпые обороты рѣчи,—частію похожіе на языкъ свѣтскихъ людей и литераторовъ, частію—на жаргонъ, которымъ говорятъ рыночные торговцы.

Я. Я говорю дурно; я только умѣю говорить правду, а это, какъ вамъ извѣстно, не всегда бываетъ кстати.

Онъ. Но я желалъ бы имѣть ваши дарованія не для того чтобъ говорить правду, а напротивъ того—чтобъ искусно высказывать ложь. Еслибъ я умѣлъ писать, стряпать книги, сочинять посвященія, приводить глуца въ восторгъ описаніемъ его достоинствъ, вкрадываться въ довѣріе къ женщинамъ!....

Я. Но вы умѣете все это дѣлать въ тысячу разъ лучше меня; я даже былъ бы недостойнъ быть вашимъ ученикомъ.

Онъ. Сколько пропадаетъ великихъ достоинствъ, которымъ вы не знаете цѣны!

Я. Я получаю отъ нихъ то, во что ихъ цѣню.

Онъ. Еслибы это было такъ, какъ вы говорите, то вы не носили бы этого толстаго платья, этого камзола изъ грубой матеріи, этихъ шерстяныхъ чулокъ, этихъ толстыхъ башмаковъ и этого старомоднаго парика.

Я. Я съ вами согласенъ; кто позволяетъ себѣ все ради достиженія богатства, тотъ долженъ быть очень неловокъ, если остается бѣднякомъ; но вѣдь есть и такіе люди какъ я, которые не считаютъ богатство за самую цѣнную вещь въ мірѣ: это—странные люди.

Онъ. Очень странные; человекъ не рождается съ такимъ складомъ ума, а приобретаетъ его, потому что онъ не въ природѣ.....

Я. Не въ природѣ человека.

Онъ. Да: все что живетъ, безъ всякаго исключенія, старается достигнуть благосостоянія на счетъ тѣхъ, отъ кого можетъ его получить,—и я увѣренъ, что еслибы я предоставилъ моему маленькому дикарю развиваться безъ всякаго съ моей стороны руководства, онъ захотѣлъ-бы быть хорошо одѣтымъ, отлично ѣсть, быть любиму мужчинами, нравиться женщинамъ и сосредоточить на себѣ всѣ блага жизни.

Я. Еслибы маленькій дикарь, предоставленный самому себѣ, сохранилъ все свое слабоуміе, и къ неразумности маленькаго мальчика присоединилъ буйныя страсти тридцатилѣтняго мужчины, онъ удавилъ-бы своего отца и обезчестилъ-бы свою мать.

Онъ. Это доказываетъ необходимость хорошаго воспитанія. Кто же съ этимъ не согласится? И развѣ не то воспитаніе хорошо, которое ведетъ ко всякаго рода утѣхамъ безъ опасностей и безъ затрудненій?

Я. Я не очень далека от того, чтобы разделять ваше мнение, но только не будем входить в дальнейшие объяснения.

Онъ. Почему-же?

Я. Потому что я опасаясь, что мы будем согласны друг с другом только с виду, но разойдемся в мнениях, лишь только станем обсуждать опасности и затруднения, которыхъ слѣдуетъ избѣгать.

Онъ. Какая же будетъ отъ того бѣда?

Я. Оставимъ это, прошу васъ; тому, что мнѣ извѣстно по этому предмету, вы никогда не научитесь, и вамъ гораздо легче научить меня тому, чего я не знаю, а вы знаете касательно музыки. Говорите же со мной, милый Рамо, о музыкѣ и скажите мнѣ, какъ могло случиться, что вы не произвели ничего замѣчательнаго по этой части, не смотря на то, что вы съ такой легкостью понимаете, запоминаете и передаете лучшія мѣста великихъ композиторовъ и не смотря на то, что они возбуждаютъ въ васъ восторгъ, который вы умѣете сообщать другимъ....

(Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на мой вопросъ, онъ сталъ качать головой, и указывая пальцемъ на небо, воскликнулъ:) А судьба! А судьба! Когда природа создала Лео, Винчи, Перголеза, Дюни, она улыбнулась; она приняла важный и серьезный видъ, когда она создала моего дорогаго дядюшку, котораго будутъ называть въ теченіе лѣтъ десяти великимъ композиторомъ и о которомъ скоро вовсе перестанутъ говорить. Когда же она состряпала его ученика, она сдѣлала гримасу, и еще гримасу и опять гримасу.... (говоря эти слова, онъ выдѣлывалъ лицомъ разныя гримасы, выражая то презрѣніе, то негодованіе, то насмѣшку; въ то же время онъ точно будто мѣсилъ руками кусокъ тѣста и самъ смѣялся надъ различными формами, которыя онъ давалъ ему; затѣмъ онъ бросилъ далеко отъ себя эту уродливую пагоду ¹⁾ и сказалъ:) Вотъ такъ она создала меня и бросила меня рядомъ съ другими пагодами, изъ которыхъ однѣ были съ большими морщинистыми животами, съ короткими шеями, съ большими глазами на выкатѣ и съ расположеніемъ къ апоплексическому удару, а другія были съ искривленными шеями; нѣкоторыя изъ нихъ были сухошавыя, съ быстрыми глазами и съ загнутыми крючкомъ носами. Увидѣвъ меня, всѣ онѣ стали надрываться со смѣху, а я увидѣвъ ихъ, сталъ держать себя за бока и также надрываться со смѣху; вѣдь глупцы и сумасшедшіе обыкновенно забавляются другъ надъ другомъ; они ищутъ другъ друга и чувствуютъ другъ къ другу взаимное влеченіе. Еслибы, очутившись въ этомъ обществѣ, я не нашелъ уже готовой пословицы, что *деньги глупцовъ—достояніе умныхъ людей*, то я непременно выдумалъ-бы ее. Я понялъ, что природа положила мою законную часть наслѣдства въ кошелѣкъ пагодъ, и сталъ придумывать тысячи способовъ, чтобы вступить въ обладаніе ею.

Я. Я уже знакомъ съ этими способами; вы мнѣ говорили о нихъ,

¹⁾ Такія маленькія китайскія изображенія боговъ съ качающимися головами были въ то время въ Парижѣ модной игрушкой.

и я восхищался ими; но почему-же пробуя столько способов, вы не попробовали написать чтонибудь хорошее?

Онъ. Когда я бываю наединѣ съ самимъ собою, я беру перо и хочу писать; я кусаю себѣ ногти, ломаю себѣ голову, но увы, вдохновенія нѣтъ; я увѣрилъ себя, будто у меня есть гений, но въ концѣ написанной мною строчки читаю, что я глупецъ, ничего болѣе какъ глупецъ. И развѣ можно чувствовать, возвышаться душой, мыслить, изображать яркими красками, когда ведешь знакомство съ такими людьми, которые нужны только для того, чтобъ было что поѣсть, и когда не ведешь и не слышишь иного разговора, кромѣ болтовни въ родѣ слѣдующей: „Сегодня на бульварѣ было прелестно!“—„Слышали-ли вы маленькую Мармоттъ? она играетъ восхитительно.“—„У г-на такого-то была великолѣпная пара сѣрыхъ въ яблокахъ.“—„Красота г-жи такой-то начинаетъ увядать: развѣ можно носить такую прическу въ сорокъ пять лѣтъ?“—„Молодая Н. покрыта брилльянтами, которые ей ничего не стоятъ.“—„Вы хотите сказать, что они стоятъ дорого?“—„Вовсе нѣтъ.“—„Гдѣ вы ее видѣли?“—„Въ театрѣ. Сцена отчаянія была такъ хорошо исполнена, какъ никогда. У ярморочнаго полишинеля есть голосъ, но нѣтъ деликатности, нѣтъ души.“—„Г-жа такая-то родила за-разъ двухъ дѣтей; каждый отецъ возьметъ своего....“ Неужели вы думаете, что ежедневно болтая и слушая такой вздоръ, можно вдохновиться и совершить какое-нибудь великое дѣло?

Я. Нѣтъ; по моему лучше запереться на своемъ чердакѣ, пить одну воду, питаться чорствымъ хлѣбомъ и углубляться въ самого себя.

Онъ. Можетъ быть это и было бы лучше, но я не имѣю достаточно мужества, чтобъ на это рѣшиться. Къ тому же пришлось-бы пожертвовать своимъ благополучіемъ ради такого успѣха, который невѣренъ! А имя, которое я ношу?—Рамо! Талантъ не то, что наслѣдственное дворянство; это послѣднее пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе блеска, переходя отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, но при этомъ правдѣ не требуетъ отъ своихъ потомковъ никакихъ личныхъ достоинствъ; старый родъ пускаетъ отъ себя многочисленное колыно глупцовъ, но кому до этого дѣло?— Не то бываетъ съ талантомъ. Только для того, чтобъ достигнуть извѣстности своего отца, надо быть болѣе искуснымъ, нежели онъ; надо унаслѣдовать его фибру.... Фибры у меня не хватило, но у меня развилась ловкость въ рукахъ; смычекъ ходитъ и горшокъ стоитъ на плитѣ: если тутъ нѣтъ славы, за то есть бульвъ.

Я. На вашемъ мѣстѣ я бы не остановился на этомъ, я попытался-бы.... Къ чему-бы мы ни приложили нашъ трудъ, окажется, что природа насъ предназначила къ тому.

Онъ. Она дѣлаетъ странные промахи. Что касается до меня, то я не смотрю внизъ съ такой высоты, откуда ничего не различишь— не различишь человѣка, обрѣзывающаго ножницами дерево отъ гусеницы, объѣдающей на деревѣ листья, а видны только два различ-

ных насѣкомыхъ, изъ которыхъ каждое занято своимъ дѣломъ. Взлѣзьте, если вамъ это нравится, на эпициклъ Меркурія и оттуда, подражая Реомюру, распредѣляйте по классамъ всѣ творенія,—онъ будетъ распредѣлять мухъ на поргннхъ, надзирательницъ, жницъ, а вы будете распредѣлять людей на столяровъ, плотниковъ, кровельщиковъ, танцовщиковъ, пѣвцовъ; это ваше дѣло и я въ него не мѣшаюсь. Я живу въ этомъ мѣрѣ и въ немъ остаюсь. Но такъ какъ въ природѣ вещей имѣть аппетитъ,—я постоянно обращаюсь къ аппетиту, потому что это ощущеніе всегда мнѣ присуще,—то я не могу назвать хорошими такіе порядки, при которыхъ не всегда имѣешь что ѣсть. Что за дьявольское устройство! одни сыты по горло, а другіе, у которыхъ такой же неугомонный желудокъ и такое же безпрестанно возобновляющееся чувство голода, не знаютъ что перекусить. Но самое худшее изъ всего то, что нужда заставляетъ насъ принимать натянутыя позы. Нуждающийся человѣкъ не ходитъ какъ другіе, а прыгаетъ, пресмыкается, кривляется, ползаетъ и проводитъ свою жизнь въ томъ, что принимаетъ различныя позы.

Я. Что такое позы?

Онъ. Спросите объ этомъ Новерра. ¹⁾ Ихъ найдется въ мѣрѣ гораздо болѣе, чѣмъ сколькоимъ можетъ подражать его искусство.

Я. Вотъ и вы,—по вашему выраженію и по выраженію Монтэня,—также взлѣзли на эпициклъ Меркурія и оттуда наблюдаете за различными пантомимами человѣческаго рода.

Онъ. Нѣтъ, увѣряю васъ, что нѣтъ; я слишкомъ тяжелъ для того, чтобъ взбираться такъ высоко. Пусть журавли живутъ среди тумановъ, а я буду ходить по землѣ. Я наблюдаю за тѣмъ, что дѣлается вокругъ меня и принимаю позы, или же забавляюсь глядя на позы другихъ; я отличный пантомимъ и вы можете наглядно въ этомъ убѣдиться.

(Затѣмъ онъ сталъ улыбаться и представлять человѣка восхищающагося, человѣка умоляющаго и человѣка услуживающаго; его правая нога выдвинута впередъ, лѣвая отодвинута назадъ, спина согнулась, голова поднята вверхъ, взоръ точно будто прикованъ къ другимъ взорамъ, ротъ полуоткрытъ, рука натянута къ какому то предмету; онъ ждетъ приказанія, получаетъ его, летитъ какъ стрѣла, возвращается; приказаніе исполнено, и онъ доноситъ объ этомъ; онъ внимателенъ ко всему; онъ подымаетъ съ полу что упало; онъ подаетъ подушку или скамейку подъ ноги; онъ держитъ блюдечко, подаетъ стулъ; онъ открываетъ дверь, закрываетъ окно, задергиваетъ занавѣсъ; онъ наблюдаетъ за хозяиномъ и за хозяйкой; онъ неподвиженъ, его руки висятъ, ноги стоятъ прямо; онъ прислушивается, онъ старается прочесть ихъ мысли на ихъ лицахъ). Вотъ моя пантомима, говоритъ онъ; она почти одна и та же у льстецовъ, у царедворцевъ, у лакеевъ и у бѣдняковъ.

(Буфонады этого безумца, точно также какъ рассказы аббата

¹⁾ Знаменитый въ то время танцовальный учитель.

Галіани и смѣшныя выходки Рабелъ, иногда заставляли меня глубоко призадумываться. Это три складочныхъ мѣста, откуда я беру смѣшныя маски, которыя надѣваю на лица самыхъ важныхъ особъ и тогда мнѣ кажется будто въ прелатѣ я вижу Панталона, въ какомънибудь президентѣ—сатира, въ пустынный—борова, въ министръ—страуса, въ его первомъ секретарѣ—гуся.) Однако, сказалъ я ему, изъ вашихъ словъ можно заключить что въ этомъ мѣрѣ много людей, которые живутъ милостыней, а между тѣмъ я не знаю никого, кто не былъ бы знакомъ хоть съ нѣкоторыми па. изъ вашего танца.

Онъ. Вы правы. Во всемъ королевствѣ есть только одинъ человѣкъ, который ходитъ,—это король; а всѣ остальные принимаютъ позы.

Я. Король? И противъ этого можно возразить кое-что. Неужели думаете вы, не случается, что при видѣ маленькой ножки, красивой шейки, хорошенькаго носика онъ не выдѣлываетъ передъ ними легкой пантомимы? Всякій, кому нужно чье либо расположение, есть человѣкъ нуждающійся и потому принимаетъ позы. Король принимаетъ позы передъ своей любовницей и выдѣлываетъ пантомиму, когда молится. Министръ выдѣлываетъ передъ королемъ пантомиму царедворца, льстеца, услужника и просителя милостыни. Толпа честолюбцевъ принимаетъ передъ министромъ наши позы, искажая ихъ на сто манеръ, изъ которыхъ одинъ хуже другаго; знатный аббатъ въ своихъ брыжахъ и длинномъ верхнемъ платьѣ выдѣлываетъ то-же самое по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю передъ тѣмъ, отъ кого зависятъ назначенія на церковныя должности. Увѣряю васъ, что то, что вы называете пантомимой бѣдняковъ, есть ничто иное какъ мѣрская суетня: у всякаго есть своя возлюбленная... и свой покровитель.

Онъ. Мнѣ утѣшительно это слышать.

(Въ то время какъ я говорилъ, онъ такъ хорошо передразнивалъ тѣ личности, о которыхъ я упоминалъ, что смотря на него можно бы было умереть со смѣху. Напримѣръ, чтобъ представить маленькаго аббата, онъ дѣлалъ видъ будто подъ мышкой у него шлипа, а въ лѣвой рукѣ тревникъ; правой рукой онъ приподымалъ нижнія полы своей мантии и подвигался впередъ, немного наклонивъ голову на бокъ, и такъ хорошо изображая лицемѣра, что мнѣ представилось, будто я вижу автора *Réfutations* передъ епископомъ Орлеанскимъ.)

Я. Это представлено въ совершенствѣ: однако есть такое существо, которое не нуждается въ пантомимѣ, — а именно философъ, ничего не имѣющій и ничего не выпрашивающій.

Онъ. А гдѣ найти такое существо? Если у него ничего нѣтъ, оно страдаетъ; если оно ничего не проситъ, оно ничего не получить... и будетъ вѣчно страдать.

Я. Нѣтъ; Диогенъ насмѣхался надъ человѣческими нуждами.

Онъ. Однако надо быть одѣтымъ.

Я. Нѣтъ; онъ ходилъ совершенно голый.

Онъ. Въ Аѣинахъ иногда бывало холодно.

Я. Не такъ холодно, какъ здѣсь.

Онъ. Тамъ людямъ надо было вѣть.

Я. Конечно.

Онъ. На чей-же счетъ?

Я. На счетъ природы. Къ кому обращается за пищей дикарь? Къ землѣ, къ животнымъ, къ рыбамъ, къ деревьямъ, къ травамъ, къ кореньямъ, къ ручьямъ.

Онъ. Это — плохой столъ.

Я. Онъ обширенъ.

Онъ. Но дурно изготовленъ.

Я. Однако это тотъ самый, отъ котораго переходятъ къ болѣе изысканному.

Онъ. Но вы согласитесь съ тѣмъ, что все это видоизмѣняется благодаря ловкости нашихъ поваровъ, пирожниковъ, трактирщиковъ, кондитеровъ. Чтобы держаться такой строгой диеты, вашъ Диогенъ долженъ былъ имѣть не очень прихотливые органы.

Я. Вы ошибаетесь. Образъ жизни циника былъ когда-то образомъ жизни нашихъ монаховъ и отличался такими же добродѣтелями; циники въ Аѣинахъ были то же, что у насъ кармелиты и францисканцы.

Онъ. Я ловлю васъ на этихъ словахъ. Стало быть Диогенъ такъ же выдѣлывалъ пантомиму, если не передъ Перикломъ, то по меньшей мѣрѣ передъ Лаисой и Фринеей.

Я. Вы еще разъ ошибаетесь: тѣ очень дорого платили распутной женщицѣ, которая отдавалась ему даромъ...

Онъ. Но вѣдь мнѣ нужны и хорошая постель, и хорошій столъ, и теплое платье зимой и легкое платье лѣтомъ; мнѣ нужны и спокойствіе, и деньги, и множество другихъ вещей, которыя я предпочитаю получать изъ рукъ благотворителей, чѣмъ добывать трудомъ.

Я. Это оттого, что вы лѣнивы, жадны, низки и грязны душой.

Онъ. Я вамъ уже сознавался въ этомъ.

Я. Конечно удобства жизни имѣютъ свою цѣну; но вы не знаете, какой цѣной вы ихъ приобрѣтаете. Вы выдѣлываете подлую пантомиму точно такъ же, какъ вы выдѣлывали ее до сихъ поръ, и какъ будете впредь ее выдѣлывать.

Онъ. Это правда; но мнѣ это ничего не будетъ стоить, а потому-то съ моей стороны и было-бы неблагоразумно прицѣмать другой аллюръ, который былъ бы для меня стѣснительнъ и отъ котораго я скоро бы отказался. Но изъ того, что вы сказали, я вижу, что моя бѣдная жевка была въ своемъ родѣ фидософомъ; она была отважна какъ левъ: случилось, что у насъ не было куска хлѣба, а въ карманѣ ни копѣйки и что почти все наше старое тряпье было уже продано. Тогда я бросался на кровать, ломая себѣ голову надъ тѣмъ, у кого-бы занять одинъ эку, котораго я, конечно, никогда-бы не отдалъ. А она, веселая какъ птичка, садилась за фортепiano и пѣла, сама себя акомпанируя; у нея было

соловьиное горло и я жалю, что вы не слышали ее. Когда я участвовала въ какомъ нибудь концертѣ, я брала ее со мною; дорогою я ей говорилъ: „Смотри-же, сдѣлай такъ, чтобъ всѣ тобой восхищались, разверни весь твой талантъ и всѣ твои прелести, увлеку и преклони передъ тобою всѣхъ“.... Она пѣла, и увлекала и преклоняла всѣхъ передъ собой. Увы! Я потерялъ это доброе существо! Помимо ея таланта, у нея былъ такой маленькій ротикъ, въ который едва бы могъ войти мизинецъ, и такіе зубки, которые походили на нитку жемчуга; у нея были такіе глазки, такія ножки, такая иѣжная кожа, такія щеки, такая походка, такія ручки, что могли бы служить моделью для скульптора. Рано или поздно у ея ногъ былъ бы поменьшей мѣрѣ главный откупщикъ. У нея была такая походка, такая манера вертѣть задомъ! Ахъ! Какъ она вертѣла задомъ!

(И вотъ онъ сталъ представлять походку своей жены. Онъ дѣлалъ маленькіе шаги, закидывалъ голову назадъ, игралъ вѣеромъ и вертѣлъ задомъ; это была самая забавная и самая оригинальная кри- тика на нашихъ кокетокъ).

(Затѣмъ, продолжая свой рассказъ, онъ прибавилъ): я водилъ ее повсюду, и по Тюильрійскому саду и въ Пале-Рояль и по бульварамъ. Можно было заранѣе быть увѣреннымъ, что она покинетъ меня. Когда она проходила утромъ по улицѣ въ коротенькомъ платьицѣ, вы остановились бы, чтобъ посмотреть на нее и вамъ навѣрно захотѣлось бы поцѣловать ее. Всякій, кто замѣчалъ, какъ она быстро перебирала своими маленькими ножками и какъ тоненькія юпочки обрисовывали формы ея тѣла, ускорялъ шаги, чтобъ догнать ее, а когда онъ былъ уже близко, она вдругъ поворачивала къ нему свою голову и устремляла на него свои черные блестящіе глаза, такъ что заставляла его внезапно остановиться,—потому что.... Но, увy! Я потерялъ ее, и вмѣстѣ съ ней исчезли всѣ мои мечты о богатствѣ. Я только для того и женился на ней; я сообщилъ ей мои планы, и она была достаточно благо- разумна, чтобъ ихъ одобрить....

(Затѣмъ онъ зарыдалъ и сказалъ): Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не забуду этого горя. Съ тѣхъ поръ я сталъ жить какъ монахъ.... Однако, посмотрите который часъ; вѣдь мнѣ надо отправляться въ оперу.

Я. А что сегодня даютъ?

Онъ. Пьесу Доверья. Въ этой музыкѣ есть недурныя вещи, только жалъ, что онѣ не выдуманы самимъ авторомъ. Между по- койниками есть такіе, которые приводятъ въ отчаяніе живыхъ людей. Что-же дѣлать? *Quisque suos patimur manes*. Однако уже половина шестаго; я слышу звонъ колокола, призывающаго къ моей ве- чернѣ. Прощайте г-нъ философъ: не правда-ли что я все тотъ-же, какимъ былъ прежде?

Я. Увы! къ несчастію это правда.

Онъ. Пусть только это несчастіе продолжается еще дѣтъ сорокъ: *rire bien qui rit le dernier*.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

- Афанасьева.** Народныя Русскія сказки. 4 части. Изд. 2. М. 1868 г. Ц. 6 р.
— Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 3 части. М. 1868 г. Ц. 8 р.
- Берга.** Записки объ осадахъ Севастополя. 2 части. М. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ). М. 1865 г. Цѣна 7 р.
- Буасье, Гастонъ.** Римская религія. Перев. *М. Корсакъ*. М. 1878 г. Ц. 5 р.
— — Цицеронъ и его друзья. — — М. 1880 г. Ц. 2 р.
- Бэра.** Исторія всемірной торговли. 3 ч. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1876 г. Цѣна 7 р. 50 к.
- Вегеле, Франца.** Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Перев. *А. П. Веселовскаго*. М. 1881 г. Ц. 3 р.
- Веселовскій А. Н.** Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ. М. 1881 г. Ц. 2 р.
- Вейса.** Вѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.— 6 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстъ) въ пер. *В. Чаева* и *И. Васильева*. М. 1879 г. Цѣна 24 рубля.
- Вольскаго.** Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки земли крестьянами-собственниками. М. 1865 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Гартмана.** Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, въ 2-хъ книгахъ. *А. Козлова*. М. 1876 г. Цѣна 4 р. 50 к.
- Геттнера.** Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка Т. III, кн. I и II. М. 1872 г. Цѣна 4 р. 75 к.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. I, II, III и IV, Пер. *П. Г. Виноградова*. М. 1877 г. Цѣна 8 руб.
- Ешевскаго.** Сочиненія, 3 части. М. 1875 г. Цѣна 6 р.
- Забѣлина, И. Е.** Кунцево и древній селунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.
- Игеринга.** Борьба за право. Пер. *П. Волкова*. М. 1872 г. Цѣна 75 к.
- Кавелина.** Сочиненія, 4 части. М. 1875 г. Цѣна 5 р.
- Каррера.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III, IV и V. Пер. *Е. Корша*. М. 1874 г. Цѣна 20 р.
- Ключевскаго.** Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1875 г. Цѣна 2 р.
- Корсакъ.** Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Цѣна 60 к.
- Куглера.** Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Корша*. 2 ч. М. 1870 г. Ц. 10 р.
— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г. Ц. 7 р.
- Курциусъ.** Исторія Греціи. 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ*. М. 1880 г. Цѣна 12 р.
- Кольцовъ, А. В.** Стихотворенія. Изданіе 7-е. М. 1880 г. Ц. 20 коп.
- Лотце.** Микрокосмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша*. М. 1870 г. Цѣна 6 р. 50 к.
- Любке.** Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстъ). Перев. *В. Чаева*. М. 1873 г. Цѣна 6 руб.
- Марта.** Философы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1879 г. Ц. 2 р.
- Моммсена.** Римская исторія. Т. I и II. Перев. *Н. Д. Ахшарумова*. Т. III. Перев. *А. Веселовскаго*. М. 1880 г. Ц. за три тома 13 р.
- Морлея Дж. Руссо.** Пер. съ англійскаго. *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1882. Ц. 2 р. 50 к.

- Маурера.** Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. М. 1880 г. Цѣна 2 руб. 75 к.
- Огарева.** Стихотворенія. Изд. 3. М. 1871 г. Цѣна 50 к.
- Полонскаго Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Попова.** Россія и Сербія. 2 части. М. 1872 г. Цѣна 4 р.
- Рихтера.** Вліяніе целлулярной патологии. М. 1872 г. Цѣна 1 р.
- Рибо.** Современная Англійская психологія. Перев. П. Д. Боборыкинъ. М. 1881. Цѣна 2 р.
- Рѣшетникова.** Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.
- Саади-Ширази.** Гюйдистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. И. Холмогоровъ. М. 1882 г. Ц. 1 р.
- Страбона.** Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Перев. съ греческаго Ѳ. Г. Мищенка. М. 1879 г. Цѣна 10 р.—
- Сурикова.** Стихотворенія. Изд. третье, полное. М. 1877 г. Цѣна 1 р.
- Тацита.** Лѣтопись. Перев. К. Кронеберга. М. 1865 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Грачевскаго.** Польское безкоролье. М. 1865 г. Цѣна 3 р.
- Гренделенбурга.** Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.
- Тѣна.** Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Цѣна 2 р.
- Фета.** Стихотворенія. 2 части. М. 1868 г. Цѣна 2 р.
- Финлей.** Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. С. Никитено. Москва. 1876 г. Ц. 4 р.
- Фрикена.** Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II и III. М. 1880 г. Ц. 4 р.
- Фюстель-Куланжъ.** Гражданская община античнаго міра. Перев. Е. Корша. М. 1867 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Чичерина.** Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2, 3 и 4. М. 1876 г. Ц. за каждую 3 р.
- Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1876 г. Цѣна 1 р.
 - Областные учрежденія. М. 1876 г. Цѣна 3 р.
 - Опыты по исторіи русскаго права. М. 1876 г. Цѣна 1 р.
 - Очерки Англии и Франціи. М. 1876 г. Цѣна 1 р.
- Шекспира.** Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. Н. Кетчера. 9 частей. Ц. 10 р.
- Шилова.** Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи С. Соловьева. Съ 6-ю родословными таблицами. М. 1870 г. Цѣна 3 р.
- Шмидта, Карла.** Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго В. Ламе, пер. Э. Цилмермана. Томъ I, II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за всѣ томы 20 р.

110